НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов

ТОМ 5

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС ТОМ 5

В пятый том
сборника
помещены материалы
о военных преступлениях,
не вошедшие
в предыдущий том,
а также тексты речей
обвинителей и документы,
свидетельствующие
о совершении нацистами
преступлений
против человечности,

Х.
Н97
ТОМ 3

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

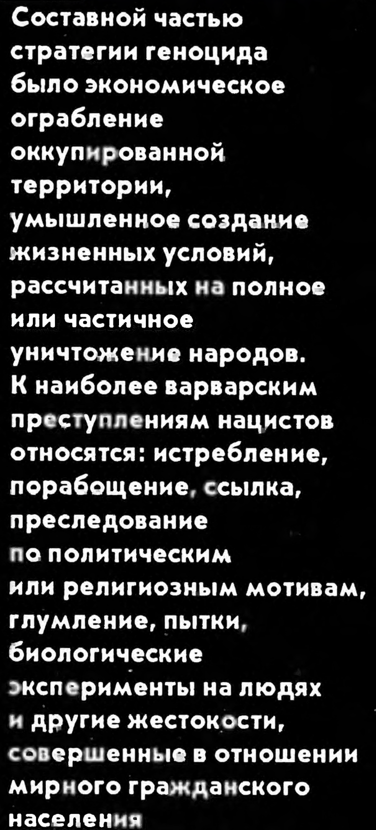
ТОМ 5

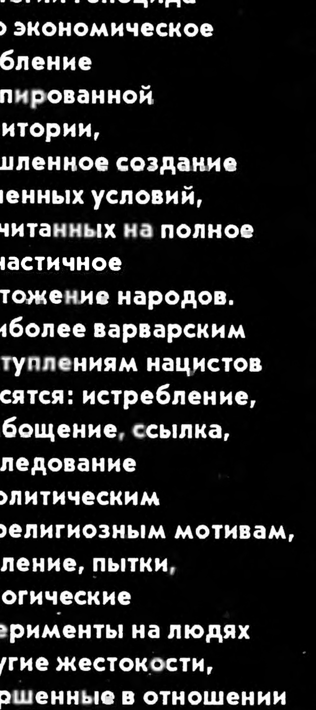

Составной частью
стратегии геноцида
было экономическое
ограбление
оккупированной
территории,
умышленное создание
жизненных условий,
рассчитанных на полное
или частичное
уничтожение народов.
К наиболее варварским
преступлениям нацистов
относятся: истребление,
порабощение, ссылка,
преследование
по политическим
или религиозным мотивам,
глумление, пытки,
биологические
эксперименты на людях
и другие жестокости,
совершенные в отношении
мирного гражданского
населения
до или во время войны.

1

Преступления
против человечности

Том 5

В 1944 году была осуществлена акция под кодовым названием «Сено» по насильственной отправке на работы в Германию десятков тысяч подростков и детей. На снимке: дети из оккупированных районов СССР перед насильственной отправкой в Германию.

Отправка советских рабочих и крестьян на принудительные работы в Германию [март 1943 г.].

Расстрелянные жители г. Праги.

Карта-приложение к отчету айнзатцгруппы «А» с информацией об уничтожении еврейского населения на территории Латвии, Литвы, Эстонии, Белоруссии и Ленинградской области за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. Всего было уничтожено более 218 тыс. человек

Фотография из Лиепайского отдела гестапо. Еврейские женщины перед расстрелом (декабрь 1941 г.).

Трупы советских граждан, расстрелянных на еврейском кладбище г. Львова.

Тела мирных жителей, расстрелянных фашистами при отступлении (Киевская область 1944 г.).

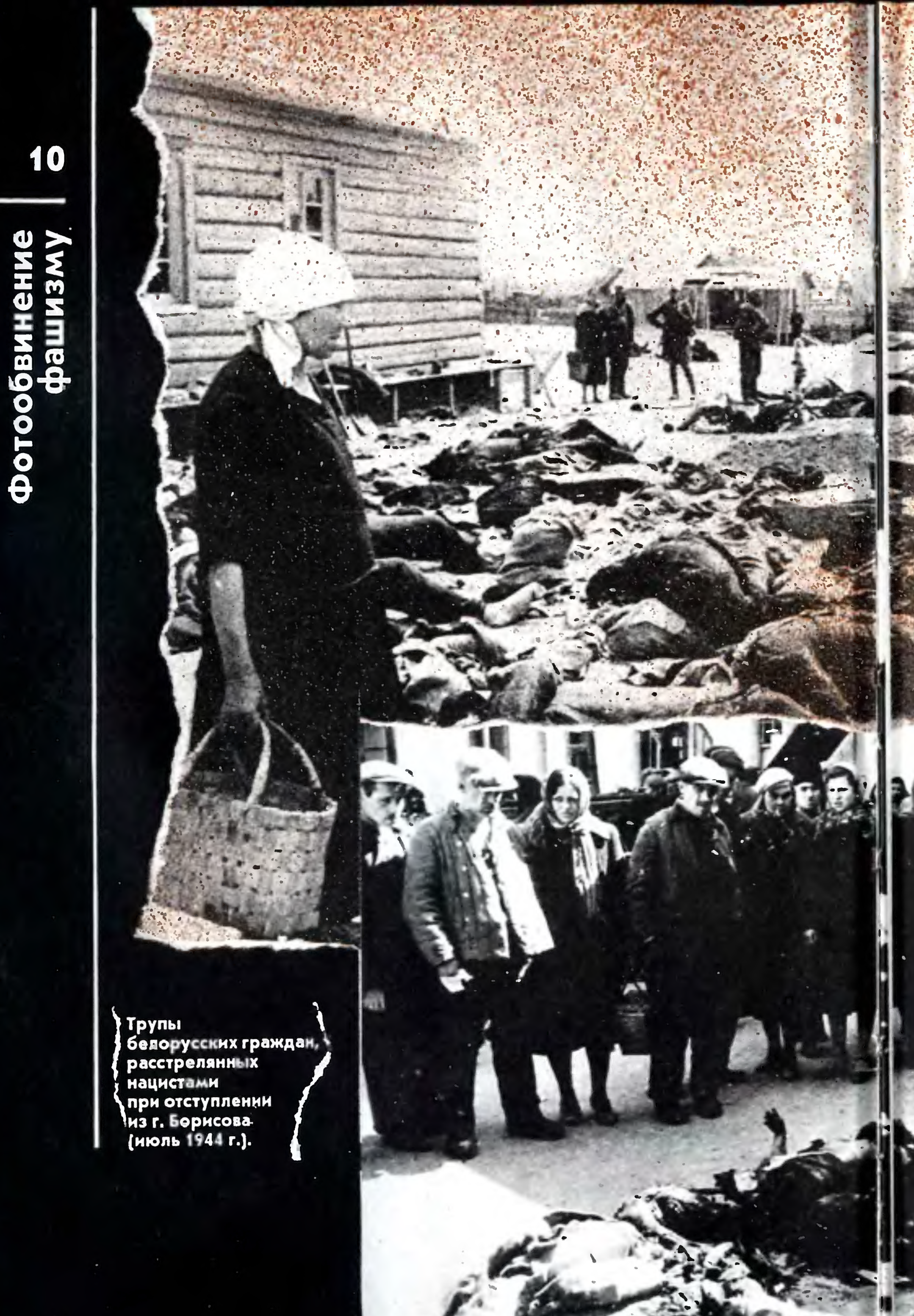
Тела замученных нацистами людей в Ивано-Франковской области.

Массовые убийства в Киеве (1943 г.)

Жители г. Керчи раскапывают ров, в который были сброшены тела 7000 мирных жителей, уничтоженных фашистами (январь 1942 г.).

Медицинские эксперты осматривают трупы замученных нацистами жителей местечка Ляды Дубровского района Витебской области, где от рук фашистов погибло свыше 1000 человек (декабрь 1943 г.).

Трупы белорусских граждан, расстрелянных нацистами при отступлении из г. Борисова (июль 1944 г.).

Трупы жителей Одессы, расстрелянных и сожженных во дворе фашистского застенка (апрель 1944 г.).

многие жители г. Пятигорска узнали среди выкопанных из рва своих погибших родственников.

Свыше 300 мирных жителей, замученных и расстрелянных в г. Пятигорске (февраль 1943 г.).

Трупы убитых жителей села Рвеницы Осташковского района Калининской области.

Расстрелянные жители деревни Леоново Смоленской области.

Во дворе тюрьмы г. Ростова-на-Дону после ухода немцев.

Трупы женщины и ребенка, убитых фашистами при отступлении из Белоруссии (апрель 1944 г.).

Женщины села Ивницы (Курская обл.) опознают своих детей, расстрелянных немцами при отступлении (апрель 1943 г.).

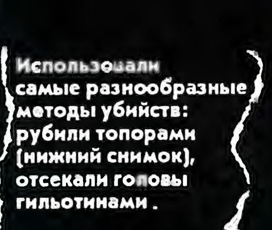
Дети, зверски убитые в г. Калуге (январь 1942 г.).

Труп сожженного вместе с 17 другими стариками и инвалидами жителя г. Полтавы (сентябрь 1943 г.).

Мальчик, расстрелянный за то, что он не хотел расставаться с голубем.

Труп изнасилованной фашистами учительницы деревни Крюково (Московской обл.) В. Поляковой (декабрь 1941 г.).

Использовали самые разнообразные методы убийств: рубили топорами (нижний снимок), отсекали головы гильотинами.

Вид станка, на котором фашисты отсекали головы своим жертвам в тюрьме г. Познань (март 1945 г.).

По всей территории Европы, оккупированной нацистами, были рассыпаны десятки концентрационных лагерей и сотни их филиалов, где денно и нощно шла страшная работа — убийство ни в чем не повинных людей. Карта-схема нацистских концлагерей.

Трупы детей, отравленных в газовых камерах.

Десятки тысяч жертв были уничтожены посредством инъекций.

Баллоны с «циклоном», которым в концентрационных лагерях травили людей.

Гранулы «циклона».

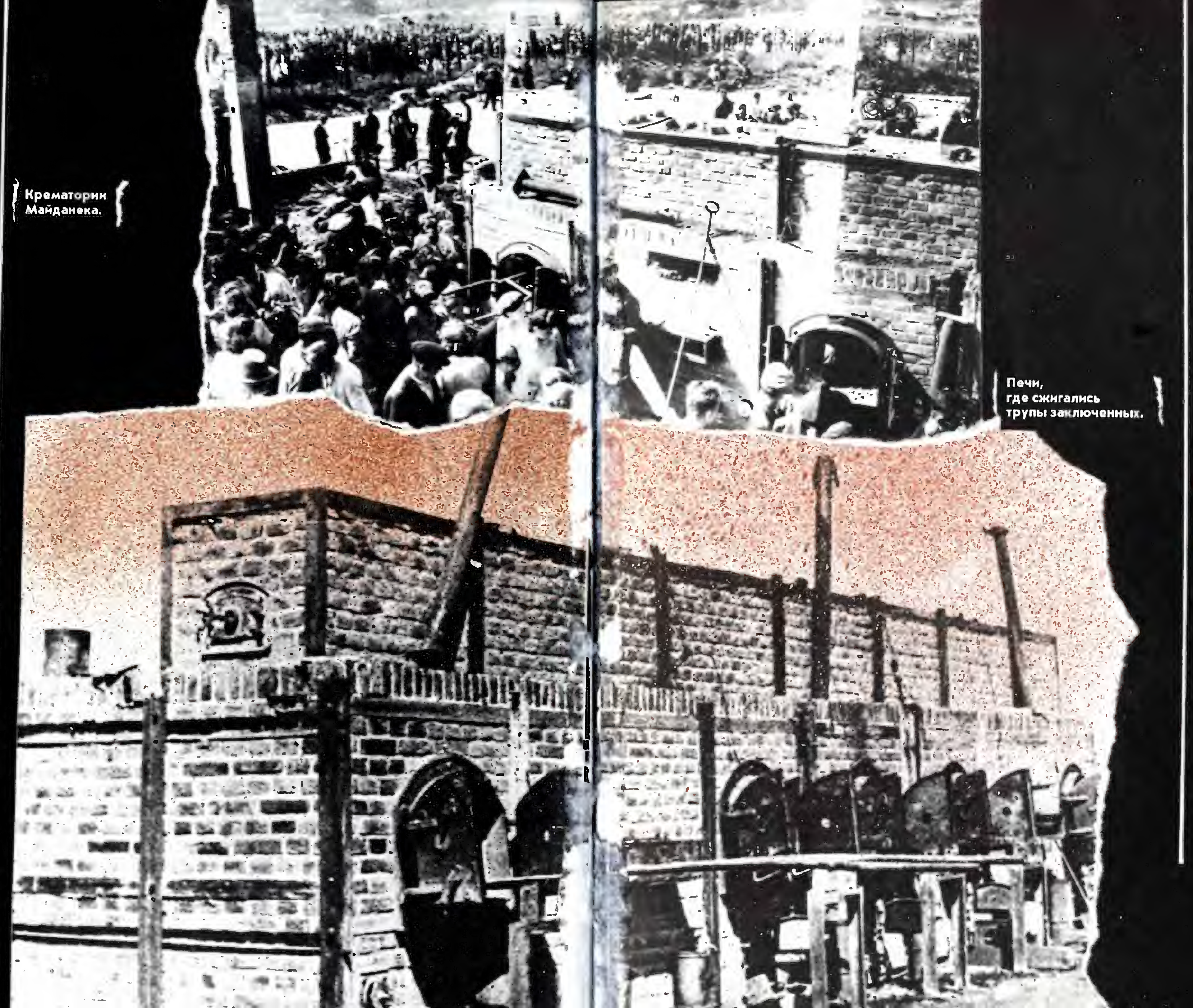
Волосы убитых женщин использовались для «нужд рейха». На снимке: 7 тонн волос, заготовленных в Освенциме для отправки в Германию.

Куски выдубленной человеческой кожи, которая использовалась для производства абажуров и перчаток.

Мыло, изготовленное из человеческих костей. «Производство» было налажено на базе Медицинской академии в Гданьске

Абажур из человеческой кожи.

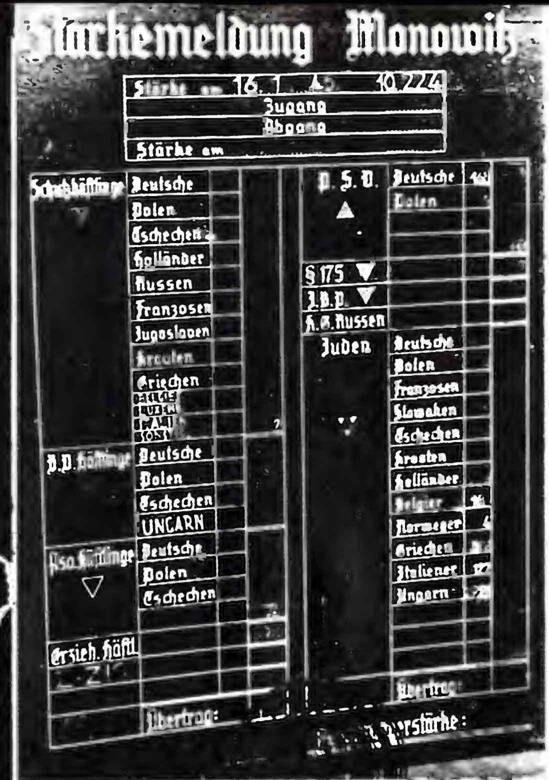

Крематории Майданека.

Печи, где сжигались трупы заключенных.

Освенцим, где было уничтожено около 4 000 000 людей. Надпись: «Осторожно. Высокое напряжение — опасно для жизни».

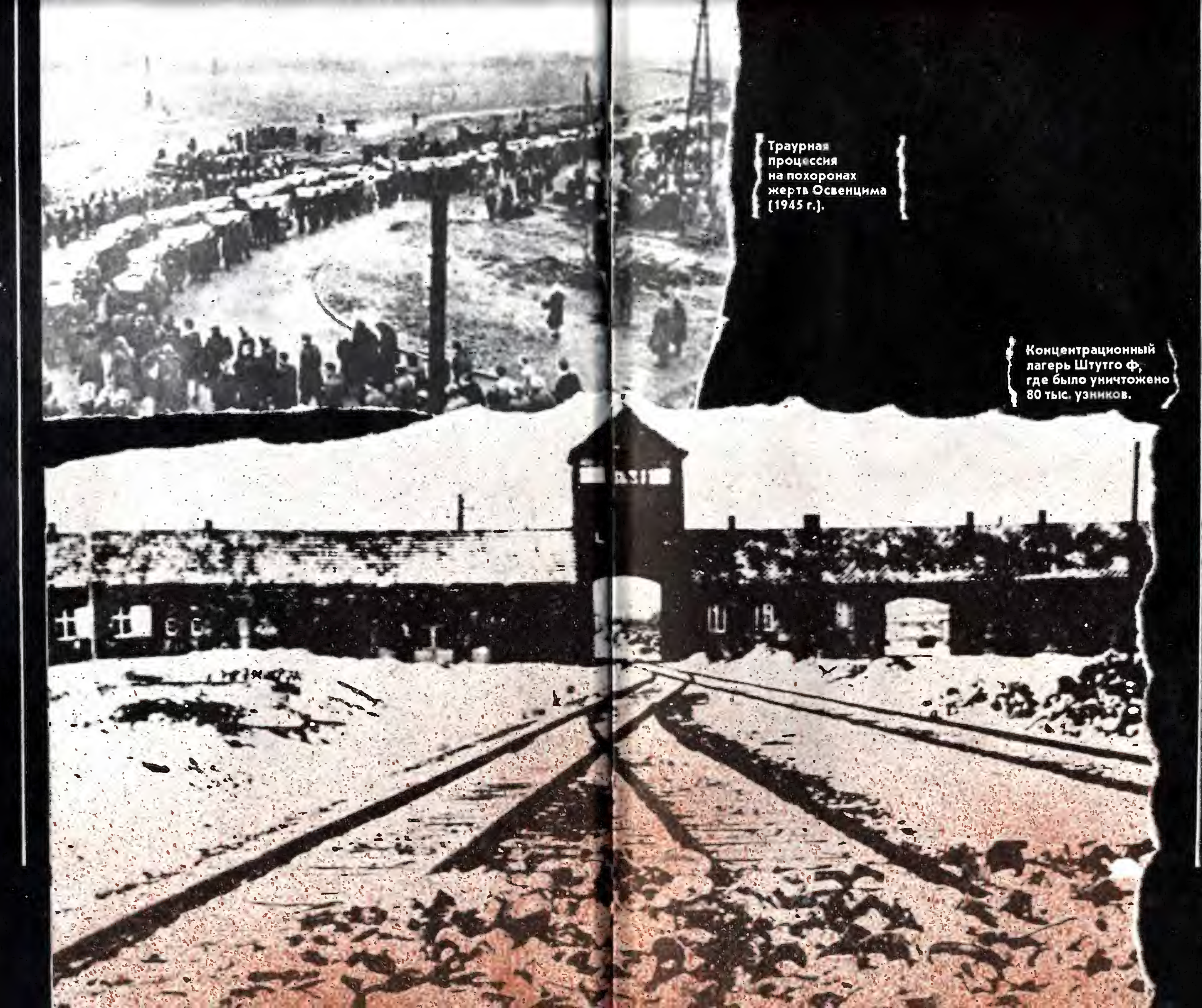
Доска учета одного из отделений Освенцима. Количество заключенных на 16 января 1945 г. — 10 224.

Изобретенная фашистами «костедробилка» для перемалывания костей сожженных трупов.

Пепел и измельченные кости сожженных трупов использовались для подкормки на прилагерных огородах. Удобренной таким образом капустой кормили тех, кого ждала такая же участь.

Траурная процессия на похоронах жертв Освенцима (1945 г.).

Концентрационный лагерь Штутго ф, где было уничтожено 80 тыс. узников.

Трупы замученных в Освенциме женщин и детей (февраль 1945 г.).

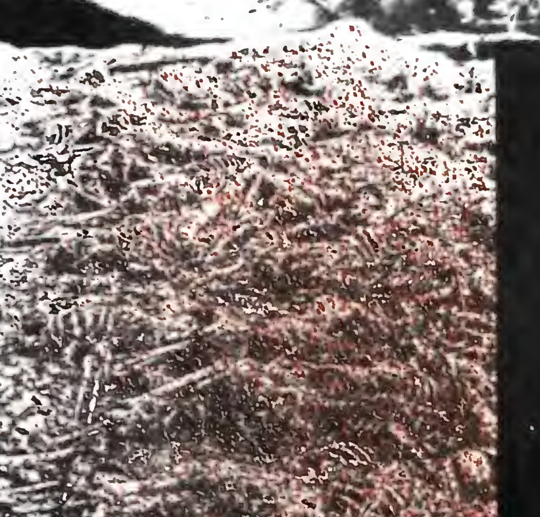

Второй по числу жертв концентрационный лагерь Майданек (Польша). На переднем плане человеческие скелеты (1944 г.).

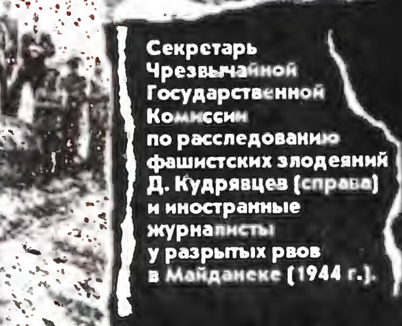
Печь концлагеря Майданек после бегства убийц.

Родственники погибших возлагают цветы на останки замученных в Майданеке (1944 г.).

Не всех успевали сжигать в концлагерях. Тела замученных сбрасывали во рвы.

Секретарь Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию фашистских злодеяний Д. Кудрявцев (справа) и иностранные журналисты у разрытых рвов в Майданеке (1944 г.).

Тысячи очков, отобранных у жертв концлагеря Майданек перед казнью.

На складе обуви жертв нацистского лагеря Майданек (снимок слева).

Фотографии замученных и погибших людей в Майданеке (1944 г.).

Концентрационный лагерь Маутхаузен — так называемый «санитарный лагерь», в котором было уничтожено 122 766 человек.

Узники Маутхаузена в каменоломне.

Прикованный узник. Такое наказание могло последовать за любую «провинность».

Невыносимые условия концлагеря приводили к частым самоубийствам. Заключенные концлагеря Маутхаузен на ограде из колючей проволоки, через которую пропущен ток высокого напряжения.

Узники лагеря смерти Заксенхаузен, где было уничтожено и замучено на каторжных работах свыше 100 тыс. военнопленных и других заключенных.

1943 г. Гитлер инспектирует концентрационный лагерь Заксенхаузен.

Печи, где сжигались трупы заключенных.

Лагерь Штутгоф. Труп узника, предназначенный для сжигания.

Трупы замученных советских военнопленных (нижний снимок).

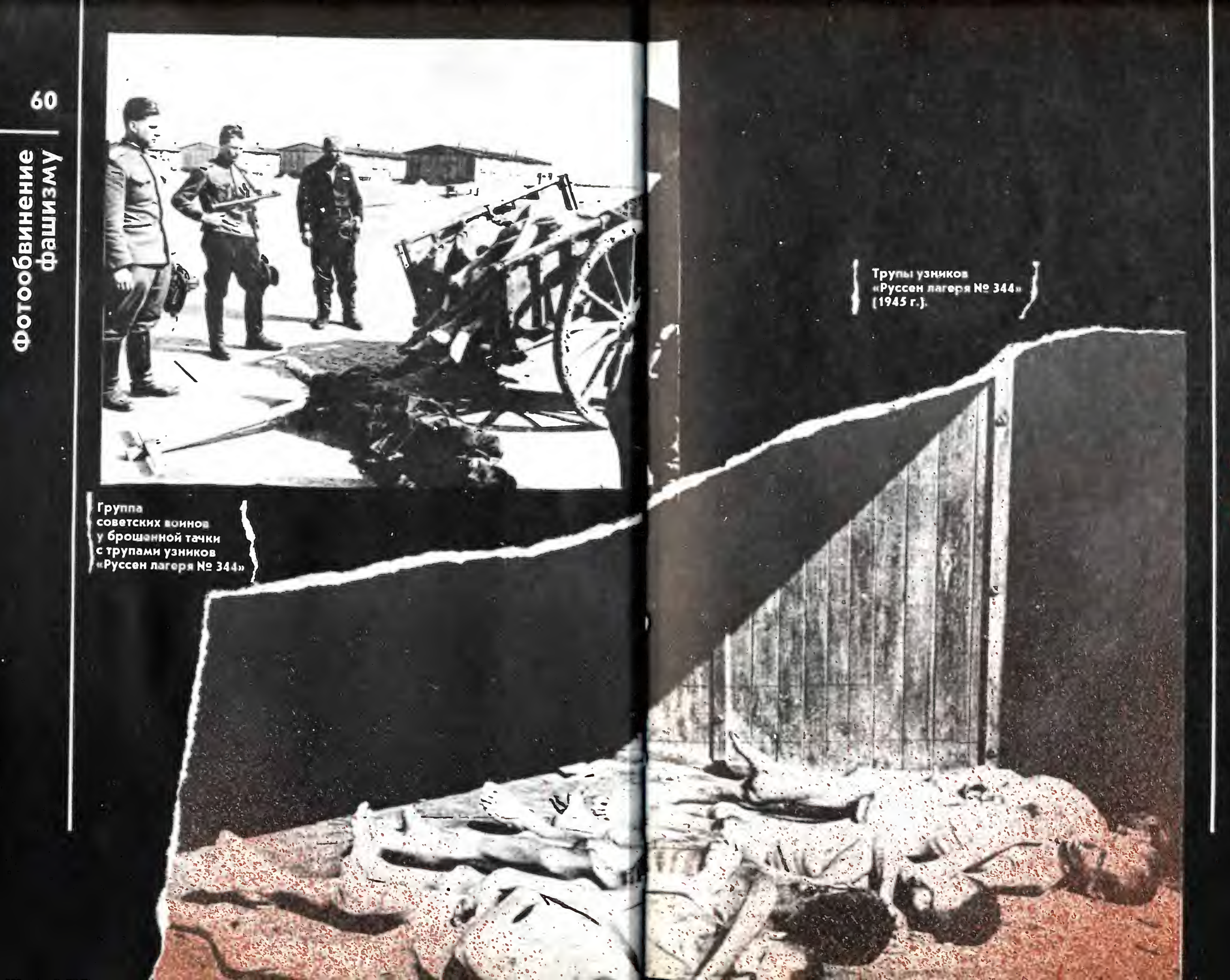

Трупы мужчин, женщин и детей — мучеников концлагеря Берген-Бельзен.

Трупы убитых фашистами людей, извлеченные из рва в 300 метрах от Треблинкского лагеря.

Ров смерти близ нацистского концентрационного лагеря Дахау.

Группа
советских воинов
у брошенной тачки
с трупами узников
«Руссен лагеря № 344»

Трупы узников
«Руссен лагеря № 344»
(1945 г.).

Эти подростки были выставлены на мороз без обуви. Обморожение стоп II-й и III-й степени.

Особый вид преступлений против человечности — медицинские опыты на заключенных.

На снимке: врачи-изуверы, проводившие в концлагере Дахау опыты по переохлаждению.

Одна из камер,
где производились
эксперименты
по заражению чумой.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

ТОМ 5

65

Нюрнбергский процесс

66

Нюрнбергский процесс

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 5

Лебедева Н. С.
научный редактор

Рагинский М.Ю.
спец. научный редактор

Павлищев К. С.
спец. научный редактор

Щемелева-Стенина Е. Е. — Перевод отдельных документов и сверка текстов на немецком языке

Валицкая В. И. — Перевод отдельных документов и сверка текстов на английском языке

Алексеев Н. С.
рецензент и автор предисловия

Зенюк Н. Н.
консультант

Зимонин В. П.
составитель фотоматериала

Москва
«Юридическая литература»
1991

67

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 5

Сборник материалов в 8-ми томах

Нюрнбергский процесс

Москва
«Юридическая литература»
1991

67.91
Н 97

Н $\frac{1207000000-138}{012(01)-91}$ подписное

ISBN 5-7260-0625-9(т. 5)
ISBN 5-7260-0015-3
(все издание)

В Уставе Международного Военного Трибунала, которым руководствовался суд в Нюрнберге, в статье 6, трактующей о юрисдикции и общих принципах, среди действий, подлежащих юрисдикции Трибунала и влекущих индивидуальную ответственность, в п. «в» предусмотрены преступления против человечности.

К этому виду преступлений отнесены: «убийства, истребления, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Одержимые идеями завоевания мирового господства, утверждения превосходства нордической германской расы и создания нового мирового порядка в мире, нацисты развернули и пытались осуществить программу покорения, порабощения и уничтожения «неполноценных» народов. Претворение этой программы в жизнь явилось тягчайшим преступлением против человечности. Уничтожение основ нравственности, разжигание ненависти между народами, ограбление и эксплуатация населения завоеванных стран, уничтожение культурных ценностей побежденных народов, разрушение городов и деревень, не оправданных военной необходимостью, германизация временно оккупированных территорий, массовое заключение и уничтожение людей в многочисленных концентрационных лагерях — все эти преступления были направлены на ликвидацию нормальных отношений между народами, отдельными людьми, на попрание моральных норм и человеческого достоинства. Недаром после окончания войны, и особенно в современных условиях, придается такое большое значение созданию нравственного климата в отношениях между народами, выработке новых правовых норм, направленных на защиту человечества от преступных посягательств, на охрану прав и интересов отдельного человека.

Если все преступления, охватываемые статьей 6 Устава Нюрнбергского Трибунала, именуются в силу своей направленности и опасности «преступлениями против человечества», то деликты, предусмотренные п. «в» этой статьи — «преступления против человечности», — имеют в виду деяния, конкретно представляющие опасность для людей, такие, как: преследование по расовым признакам, уничтожение определенных социальных групп на захваченных нацистами территориях, депортация местного населения, медицинские эксперименты на живых людях, конфискация и уничтожение имущества, взятие заложников, конфиска-

ция и уничтожение национальных культурных ценностей, направление населения на принудительные работы, насильственное «онемечивание». Нацисты, осуществляя преступления против человечности, систематически разрушали экономику завоеванных стран, лишая их население самых необходимых средств существования.

Первыми жертвами массовых нацистских преступлений против человечности оказались дети. Именно с них началось уничтожение людей в огромных масштабах «индустриальным способом».

23 мая 1939 года некто Кнауеры, в Лейпциге, обратились к Гитлеру с просьбой решить судьбу их ребенка: от рождения глухонемого, слепого и не владеющего конечностями. В то время в Германии не допускалось умерщвление неизлечимо больных людей под предлогом избавления их от излишних страданий (эвтаназия) и это каралось по уголовному законодательству. Однако Гитлер, получив информацию, послал в Лейпциг Брандта (группенфюрер СС, государственный комиссар санитарной службы и здравоохранения. После войны казнен в Польше) для проверки упомянутого факта о ребенке Кнауеров, после чего, 1 сентября 1939 года, издал приказ, в котором говорилось: «Рейхслейтеру Буллеру и доктору медицины Брандту поручается, под их ответственность, расширить полномочия назначаемых для этого поименованно врачей в том направлении, чтобы из гуманных соображений неизлечимо больным в случае критической оценки их состояния обеспечивалась легкая смерть»[1]. Именно с этого момента началась акция, известная под названием «эвтаназия», при которой было уничтожено около 80 000 людей, признанных психически неполноценными. В нацистском рейхе извращались и уничтожались понятия о гуманизме, совести, человеколюбии.

В концентрационных лагерях по распоряжению Гиммлера производились различные «эксперименты» над людьми. Заключенных помещали в камеры для испытания влияния различного давления на людей (для нужд военно-воздушных сил), производили опыты с переохлаждением, искусственным замораживанием. Для опробования новых медицинских средств искусственно вызывались различные заболевания: малярия, сыпной тиф, инфекционная желтуха и др.. Производились регенерация костей, мышц, стерилизация. На живых людях проверялось воздействие на организмы ядов и действие зажигательных бомб. Некоторые

---

[1] Kaul F. K. Nazimordaktion. Berlin, 1973. T. 4. S. 21.

медики использовались нацистскими учреждениями в качестве палачей и их помощников. Они содействовали нацистскому рейху в осуществлении гитлеровской индустриализированной программы уничтожения людей, что является тягчайшим преступлением против человечности.

Проводя политику геноцида, нацисты ставили перед собой задачу уничтожения одних народов, «биологического ослабления» других, онемечивания третьих.

Норвежцев, датчан, голландцев, фламандцев, как относящихся к «нордической расе», предполагалось не только фашизировать, но и германизировать. «Великое европейское хозяйственное пространство», унифицированное экономически, политически и расово,—такова была цель нацистов[1].

Выступая в обличье «братьев по крови», нацисты пытались убедить эти народы в единстве их интересов и целей с «коричневой империей». Широко пропагандировались идеи экономического, исторического, культурного родства, общности судеб «нордических племен», дабы обосновать необходимость их объединения в единое «германское сообщество»[2].

Нидерланды, Дания, Норвегия, фламандские провинции Бельгии стали усиленно приобщаться оккупантами к «германскому образу жизни». Гитлер при встречах с Зейсс-Инквартом в мае 1940 г. подчеркивал, что «осторожная политика» в отношении Голландии вовсе не означает отказа от ее германизации. Особенно интенсивно этот процесс проходил на аннексированных рейхом территориях—в Эльзасе, Лотарингии, Люксембурге, в Южном Тироле, округах Мальмеди, Нор, Па-де-Кале. Здесь единственным официальным языком становился немецкий, вводились все законы и порядки, действовавшие в рейхе, осуществлялись массовые принудительные депортации граждан негерманского происхождения с конфискацией их собственности. Значительная часть граждан немецкого происхождения переселялась в Силезию, Польшу, на Украину и другие районы в целях их колонизации. На аннексированные же территории переселялись коренные жители рейха. Разрушалась существующая здесь система образования, которая заменялась нацистской.

Оккупанты взяли курс на ликвидацию национальной самобытности, подрыв высокоразвитых и жизнеспособных наций Европы, имевших давние и богатые традиции, на

---

[1] См. подробнее: Семиряга М.И. Немецко-фашистская политика национального порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. М., 1980.

[2] См.: Блейер В. и др. Германия во второй мировой войне 1939—1945 гг. М., 1971. С. 65.

ликвидацию национальных языков. Принудительная германизация, по мнению нацистов, в конечном итоге должна была привести к смерти наций, хотя и медленной и не столь «болезненной», как это было запланировано на Востоке. Фактически германизация являлась разновидностью культурного геноцида, так как была направлена на уничтожение национальных и культурных особенностей народов Европы.

В Люксембурге был запрещен как французский, так и мозель-франкский диалекты, в Южном Тироле — итальянский. В Бельгии, где два официальных языка — фламандский и французский, все сообщения по радио передавались только на немецком. Оккупанты вывозили из страны произведения национальной культуры. Страну наводнили тысячи германских колонистов, которые пользовались многими привилегиями по сравнению с коренным населением и были призваны активно содействовать германизации Бельгии. Эту же задачу решали и местные фашисты из «Немецко-фламандского рабочего сообщества».

Активно сотрудничали с оккупантами в деле германизации и голландские фашисты. Гиммлер еще в январе 1941 г. поставил перед Мюссертом задачу вернуть 9 миллионов германцев Нижней Германии, которые-де на протяжении веков были отделены от германской нации.

Планировалось заселение Норвегии немецкими колонистами и превращение ее в базу по производству электроэнергии для европейского экономического пространства.

Стремясь укрепить свое господство, нацисты широко применяли метод разъединения и натравливания народов друг на друга, раздувания межнациональных противоречий. С этой целью использовались фламандский буржуазный автономизм, бретонский реакционный сепаратизм, валлонский национализм; в Нидерландах делали ставку на разжигание противоречий между голландцами и франками (на юге) и фризами и саксами (на севере).

В отношении негерманских народов — французов, итальянцев, греков и других — проводилась политика их «биологического ослабления». Этим целям должны были служить более жестокое обращение с населением, массовый террор, принудительные депортации, тотальное ограбление вплоть до обрекания местного населения на полуголодное существование.

Что же касается славянских народов, то предполагалось онемечить лишь их незначительную часть, остальных же выселить за Урал или уничтожить. Так называемый план «Ост» — обширная программа закрепления господства германского рейха в Восточной Европе — предусматривал принудительное выселение с территории Польши и оккупированных областей СССР до 75—85 процентов населения и

размещение его в Западной Сибири, на Северном Кавказе и в... Южной Америке[1]. Гиммлер на совещании эсэсовских главарей в начале 1941 г. заявил, что целью похода на Восток является уничтожение 30 миллионов человек.

«Биологическое ослабление» славянских народов должно было соседствовать с уничтожением их культуры, подрывом национального самосознания. В Польше оккупанты провели в мае—июне 1940 г. «чрезвычайную акцию по умиротворению», в ходе которой было уничтожено около 3500 польских деятелей науки, культуры, искусства. «Отныне,—заявил генерал-губернатор Франк,—политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие «Польша»[2]. В результате войны и бесчеловечных действий устроителей «нового порядка» Польша потеряла 6 миллионов человек. В Югославии жертвами геноцида стали 1400 тысяч человек, в Чехословакии—360 тысяч, а на временно оккупированных советских территориях—10 миллионов военнопленных и мирных граждан.

Нацисты заранее планировали злодеяния против человечества. Еще в октябре 1939 года Гитлер на совещании командования вермахта ставил задачу: «После предполагаемого поражения СССР должно последовать истребление славянского населения в таких масштабах, что физическое уничтожение евреев следует рассматривать лишь как эксперимент для подобных кампаний в будущем»[3].

Одним из злодеяний, совершенных нацистами и составляющих одну из форм преступлений против человечности, было преследование и уничтожение еврейского населения. Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Р. Джексон говорил: «Нацистское движение навсегда оставит о себе дурную память в истории из-за преследования евреев — самого яростного и самого широкого по масштабам расового преследования в истории народов. Хотя антисемитизм не является ни изобретением, ни монополией нацистской партии, ее руководители с самого начала приняли его, раздули и использовали в своих целях. Они использовали его как «психологическую искру», которая воспламенит толпу. После захвата власти антисемитизм стал официальной политикой»[4].

Антисемитизм в Германии прошел несколько стадий и в прошлом явился отражением взглядов наиболее реакцион-

---

[1] Ни давности, ни забвения. По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983. С. 389.

[2] Нюрнбергский процесс (в 3-х т.). М., 1966. Т. 3. С. 125.

[3] См.: Пилиховский Ч. Давности не подлежит. Варшава, Интерпресс, 1980. С. 45-54.

[4] Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.). М., 1961. Т. 7. С. 17.

ных кругов, однако ранее не приобретал такого распространения. С захватом власти нацистами антисемитизм стал официальной идеологией и приобрел организованный характер. Этого рода преступления против человечности осуществлялись в огромных масштабах и разделялись на несколько периодов: 1) 1933—1935 гг. На основании различных постановлений и законов происходило вытеснение евреев из различных сфер общественной жизни; 2) 1935—1938 гг. Издание так называемых «Нюрнбергских законов», касавшихся всех евреев. В соответствии с этими «законами» евреи отстранялись от государственной службы; 3) 1938—1941 гг. Систематическое ограничение прав в различных областях жизни на «законной» основе—запрещение посещать культурные мероприятия, водить автомашины, принуждение к эмиграции, погромы. Ноябрьский погром 1938 г. (так называемая «Хрустальная ночь»). Уничтожение имущества. Арест несколько десятков тысяч евреев. Исключение их из хозяйственной жизни. Направление на принудительные работы. Позднее — запрещение выезда из страны (21 октября 1944 года). После начала войны преступные акции против евреев проводились во всех временно оккупированных вермахтом странах. Началась их депортация в Польшу и Южную Францию; 4) 1942—1945 гг. Принудительные депортации в Польшу и на временно оккупированную территорию Советского Союза для уничтожения трудом и голодом. Массовое уничтожение еврейского населения в концентрационных лагерях. Если перечисленные выше преступные акции проводились открыто, то установка на «окончательное решение еврейского вопроса», принятая 20 января 1942 г. на совещании нацистских руководителей в Ванзее (Берлин), сперва держалась в строгой секретности[1].

Было издано 13 специальных постановлений, направленных на дискриминацию еврейского населения: о запрещении врачебной и адвокатской деятельности, о лишении немецкого гражданства, о запрещении браков и внебрачных отношений между евреями и не евреями, о ношении на одежде специальных отличительных знаков и другие. Антисемитская пропаганда сопровождалась «чисткой» в области культуры и искусства, были «отлучены» писатель Г. Гейне, композитор Мендельсон, выдающиеся художники Клее, Бекманн, Кокошка, Грундинг. Причем в «черные списки» попадали художники прогрессивного и критического направления, вне зависимости от национальности, такие, как К. Шмит-Роттлуфф, К. Кольвитц, О. Дикс, Е. Барлах, К. Хофер, Е. Нольде и другие.

---

[1] См.: Scheffer W. Judenverfolgung in Dritten Reich. Berlin, 1964. S. 17.

Ю. Штрейхер, возглавляя антисемитскую кампанию, организовал специальную выставку «вырождающееся искусство»; в Вестфалии гаулейтер Кубе (впоследствии убитый партизанами в Минске), заявив о коренной противоположности немцев и евреев, предлагал в своей газете утверждать превосходство нордической расы с «безоговорочной жестокостью».

Основным методом преследования еврейского населения как в самой Германии, так и на временно оккупированной территории было заключение в лагеря и гетто, а также полное уничтожение людей, в том числе женщин и детей различными способами.

Масштабы уничтожения еврейского населения Европы взяты из приведенной в сборнике «Фашизм»[1] таблицы:

Страна	Еврейское население на сентябрь 1939 г.	Количество уничтоженного еврейского населения	В процентах к населению
Польша	3 300 000	2 800 000	85,0
Оккупированные территории СССР	2 100 000	1 500 000	71,4
Румыния	850 000	425 000	50,0
Венгрия	404 000	200 000	49,5
Чехословакия	315 000	260 000	82,5
Франция	300 000	90 000	30,0
Германия	210 000	170 000	81,0
Литва	150 000	135 000	90,0
Голландия	150 000	90 000	60,0
Латвия	95 000	85 000	89,5
Бельгия	90 000	40 000	44,4
Греция	75 000	60 000	80,0
Югославия	75 000	55 000	73,3
Австрия	60 000	40 000	66,6
Италия	57 000	15 000	26,3
Болгария	50 000	7000	14,0
Дания, Эстония			
Люксембург, Норвегия, Данциг	20 000	6000	30,0

[1] Faschismus. Berlin (West), 1979. S. 127.

Главным средством выполнения нацистами программы уничтожения целых народов являлись концлагеря. Они густой сетью покрывали всю Европу, включая Германию, Австрию, Польшу, оккупированные районы СССР, Югославию, Западную и Северную Европу. Самые крупные из них находились на территории Польши.

В лагере Терезенштадт погибло около 35 тыс. человек, в Треблинке—750 тыс. человек, в Майданеке—1 250 тыс. человек, в Освенциме—4 млн. человек. С осени 1942 г. стало осуществляться широкомасштабное уничтожение людей посредством газовых камер. В Майданек, в частности, только за период с 1942 по 1944 год было поставлено 7711 кг газа «Циклон-Б». В лагере Треблинка действовало 10 камер, в каждой из которых за 40 минут умерщвляли 100 человек. Таким образом, «мощность» этого концлагеря составляла 25 тыс. человек в день, в Собибуре—20 тыс., в Белжеце—15 тыс., в Освенциме—30 тыс. человек. Методы уничтожения людей были разнообразны: массовые расстрелы, голод, впрыскивание ядов и т. п. Мучительными были условия содержания в этих лагерях. Чрезмерно тяжкий труд, антисанитарные условия содержания, голод, распространение болезней и травм, избиения эсэсовским персоналом, холод, высокая (до 90%) смертность узников — все это характеризовало обстановку в лагерях.

В Нижней Силезии находился лагерь Гросс Розен с филиалами. Через него прошло 180 тыс. заключенных, из которых около 100 тыс. человек погибло.

Мрачную известность получили и концлагеря, созданные нацистами на оккупированных ими советских землях—Яновский (близ Львова), где было уничтожено 200 тыс. мирных граждан, лагеря в Белоруссии в районе Озаричей, в Понарах (Литва), Саласпилсский лагерь (Латвия). Сооружение этого лагеря началось в октябре 1941 г., а в следующем году в нем уже находились заключенные из многих стран Европы. Люди жили по 350—800 человек в бараках, рассчитанных на 200—250 человек. Суточный рацион состоял из 150—300 граммов хлеба, смешанного наполовину с опилками, и чашки супа из овощных отходов. Рабочий день длился до 14 и более часов. Смертность среди заключенных была огромной.

Страшной славой пользовались и лагеря, расположенные в самой Германии, а также Австрии—Дахау, Бухенвальд, Ноенгамме, Маутхаузен, Штутгофф и др.

Через лагерь Штутгофф, основанный еще 2 сентября 1939 года и имевший 60 филиалов, прошло свыше

120 тыс. заключенных, из которых 85 тыс. человек погибло.

В лагере Ноенгамме в годы войны из 106 000 заключенных 20-ти национальностей погибли 50 тыс. человек. Там, как и в других концлагерях, проводили медицинские эксперименты над живыми людьми.

В Маутхаузене, крупнейшем концлагере на территории Австрии, было замучено 122 767 человек. Именно там был зверски убит генерал А.М. Карбышев.

В Дании первый концлагерь был создан в Хорсеред еше летом 1941 года, однако усиление террора привело к созданию дополнительных лагерей, как пересыльных, так и стационарных.

В Норвегии печальной известностью пользовался лагерь Грини. Кроме того, в конце 1941 года были построены 8 новых, притом один из них для детей.

В Голландии крупнейшими являлись концлагеря Амерсфурт, Герцогенбуш и «полицейский» лагерь в Вугте.

В Бельгии через концлагерь, расположенный в крепости Бриндок, прошло около 3600 заключенных.

В Люксембурге действовал концлагерь Гинцерт, в котором были уничтожены многие граждане этой страны.

Во Франции нацисты воспользовались теми лагерями, которые уже существовали там до войны для политзаключенных и интернированных иностранцев. Лагерь Мариньяк, где были заключены коммунисты, немедленно был передан оккупантам, которые расстреляли почти всех его узников в качестве заложников. Только в одном Компьенском лагере содержалось в заключении не менее 50 тыс. человек. Кроме того, многих участников французского движения Сопротивления оккупанты направляли в лагеря смерти, расположенные в Германии, а также Польше.

Общее количество концентрационных лагерей, их филиалов, тюрем, гетто в оккупированных странах Европы и в самой Германии, где в тяжелейших условиях содержались и уничтожались различными методами и средствами люди, составляло 14 033 пункта [1]. Всего в рейхе содержалось в лагерях и тюрьмах 18 млн. человек и 11 млн. было уничтожено[2].

Объем вступления не дает возможности полно охарактеризовать весь комплекс и все виды совершенных нацистами преступлений против человечности. Однако по этому

---

[1] См.: Пилиховский Ч. Давности не подлежит. Варшава, 1980. С. 193.

[2] Розанов Г. Л. Крушение фашистской Германии. М., 1963. С. 125; Michaelis H. Richt muss Recht bleiben. Dusseldorf—Wien, 1961. S. 162.

вопросу имеется обширная литература[1]. На Нюрнбергском процессе этому виду преступлений было уделено большое внимание, но до сих пор иногда вскрываются новые факты подобных преступлений, и в печати публикуются соответствующие материалы, свидетельствующие о них. В настоящее время характерным является то, что новое политическое мышление ведет к утверждению новых подходов к борьбе с общественно опасными явлениями. Борьба с преступностью становится общественным фактором, одной из частей гуманитарного сотрудничества, частью системы безопасности и обеспечения защищенности человека вне зависимости от его гражданства и национальной принадлежности. Развитие международных отношений, сотрудничества государств в различных областях в современных условиях способствует этому процессу.

Н.С. АЛЕКСЕЕВ,
доктор юридических наук.

[1] См.: Библиография работ о Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками. М., Ин-т гос. и права АН СССР, 1986.

Преступления против мирного населения

Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Л. Н. СМИРНОВА[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г.

Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы предъявить вам письменные документы и иные судебные доказательства, свидетельствующие о совершении гитлеровскими заговорщиками тягчайших преступлений в отношении мирного населения временно оккупированных районов Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии.

Количество подобных доказательств, находящихся в распоряжении советского обвинения, необычайно велико.

Достаточно указать, что лишь в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников находится 54 784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза.

Однако и эти документы далеко не охватывают всех злодеяний, совершенных военными преступниками в отношении мирного населения.

Советское обвинение утверждает, и я представлю Суду доказательства этому, что на всем протяжении громадного фронта, от Баренцова моря до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики.

Злодеяния немецко-фашистских преступников выявлялись по мере продвижения на запад частей Красной Армии. Акты о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения составлялись офицерами передовых частей Красной Армии, местными органами власти, общественными организациями.

Советские люди узнавали о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в первую очередь не по циркулярам немецкого командования, указаниям рейхслейтеров или инструктивным письмам обергруппенфюреров СС, снабженным входящими и исходящими номерами соответствующих канцелярий, хотя и подобные документы были в большом количестве захвачены наступающими частями

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 26.

Красной Армии и находятся в распоряжении советского обвинения.

Иными здесь являются источники доказательств. Возвращаясь в родные места, солдаты армии-освободительницы находили много сел, деревень, городов, превращенных гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни».

У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее Суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний, тянущихся, как справедливо сказано в речи Главного обвинителя от СССР, «от рук палачей до министерских кресел».

В этих чудовищных злодеяниях была своя определенная преступная система. Единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банок с отравляющим веществом «циклоном А» или «циклоном Б», построенные по одним и тем же типовым проектам печи крематориев, одинаковая планировка «лагерей уничтожения», стандартная конструкция зловонных «машин смерти», которые немцы называли «газенвагенами», а наши люди «душегубками», техническая разработка конструкций передвижных мельниц для размалывания человеческих костей — все это указывало на единую злую волю, объединяющую отдельных убийц и палачей.

Становилось ясным, что рационализацией массовых убийств по указаниям гитлеровского правительства и руководства военными немецкими силами занимались немецкие теплотехники и химики, архитекторы и токсикологи, механики и врачи.

Становилось ясным, что «фабрики смерти» вызывали к жизни целые отрасли вспомогательной индустрии.

Но единство злой воли проявлялось не только там, где целям злодейского умерщвления людей служила специальная техника.

Это единство злой воли проявлялось также в единстве приемов исполнителей злодеяний, однотипности техники умерщвления людей и там, где для убийств использовались не специальные технические устройства, а применялись обычные образцы оружия, принятого на вооружение германской армии.

Из тех доказательств, которые мною будут предъявлены дальше, Вы увидите, что места захоронения немецких жертв вскрывались советскими судебными медиками на севере и на юге страны, могилы были отделены одна от другой тысячами километров, и очевидно было, что эти

злодеяния совершались различными физическими лицами. Но одинаковыми были приемы совершения преступлений. Одинаково локализировались ранения. Одинаково подготовлялись маскируемые под противотанковые рвы или траншеи гигантские ямы-могилы. Приведенным к месту расстрела безоружным и беззащитным людям убийцы в почти одинаковых выражениях приказывали раздеться и лечь лицом вниз в заранее приготовленные ямы. Первый слой расстрелянных, было ли это в болотах Белоруссии или в предгорьях Кавказа, одинаково присыпался хлорной известью, и на прикрытый смешанной с кровью едкой массой первый ряд мертвецов убийцы вновь заставляли ложиться обреченных беззащитных людей.

Это свидетельствовало не только о единстве полученных свыше инструкций и приказов. Настолько одинаковы были приемы убийств, что становилось ясным, как готовились кадры убийц в специальных школах, как заранее предусматривалось все, начиная от приказа раздеться перед расстрелом до самого умерщвления. Эти, основанные на анализе фактов, предположения были впоследствии полностью подтверждены захваченными Красной Армией документами и показаниями пленных.

С первых месяцев войны советскому правительству было ясно, что бесчисленные преступления немецко-фашистских агрессоров против мирных жителей нашей Родины представляют не эксцессы недисциплинированных военных частей или изолированные преступные действия отдельных офицеров и солдат, а являются системой, заранее предусмотренной, не просто санкционированной преступным гитлеровским правительством, но преднамеренно насажденной им и всячески поощряемой.

Суду уже представлена как бесспорное доказательство в соответствии со статьей 21 Устава и зарегистрирована под номером СССР-51 одна из нот Народного комиссариата иностранных дел Союза ССР, датированная 6 января 1942 г. Я начинаю цитировать третий абзац после заголовка ноты. Там сказано:

«Освобождение частями Красной Армии, в процессе ее продолжающегося успешного контрнаступления, ряда городов и сельских местностей, находившихся временно в руках германских захватчиков, выявило и с каждым днем все более продолжает выявлять неслыханную картину повсеместного грабежа, всеобщего разорения, гнусных насилий, издевательств и массовых убийств, учинявшихся немецко-фашистскими оккупантами над мирным населением при их наступлении, во время оккупации и при отступлении. Имеющиеся в распоряжении советского правительства многочисленные документальные материалы свидетельствуют о том, что грабежи и разорение населения, сопровождавшиеся зверскими насилиями и массовыми убийствами, распространены во всех районах, попавших под пяту немецких захватчиков. Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по

отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты.

Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной советской территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, карело-финской территории, русских районов и областей несет разрушение и уничтожение бесчисленных материальных и культурных ценностей нашего народа, потерю мирным населением нажитого упорным трудом имущества, установление режима каторжного труда, голодовки и кровавых расправ, перед ужасами которых бледнеют самые страшные преступления, какие когда-либо знала человеческая история.

Советское правительство и его органы ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире свое заявление о фактах, характеризующих чудовищные преступления, совершаемые гитлеровской армией над мирным населением захваченной ею территории Советского Союза».

Я оглашаю затем 2, 4 и 5 абзацы заключительного раздела этой ноты:

«Гитлеровское правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз, не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Оно ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую разбойничью сущность. Это разбойничье правительство, признающее только силу и разбой, должно быть сломлено всесокрушающей силой свободолюбивых народов, в ряду которых советские народы выполнят свою великую освободительную задачу до конца.

Доводя обо всех этих зверствах, чинимых немецкими захватчиками, до сведения всех Правительств, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, Советское Правительство заявляет, что оно возлагает всю ответственность за эти бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск на преступное гитлеровское правительство Германии.

Правительство СССР вместе с тем с непоколебимой уверенностью заявляет, что освободительная борьба Советского Союза является борьбой за права и свободу не только народов Советского Союза, но и за права и свободу

всех свободолюбивых народов мира и что эта война может закончиться только полным разгромом гитлеровских войск и полной победой над гитлеровской тиранией».

Обилие материалов и фактов, которые я должен предъявить Суду, обусловливает необходимость строгой систематизации этих материалов.

Суду будут последовательно предъявлены доказательства.

Во-первых, сознательного развязывания со стороны главных преступников войны низменных инстинктов германских офицеров, солдат и направленных в оккупированные восточные области немецких должностных лиц, подстрекаемых к убийствам мирного населения и насилию над ним; создания атмосферы безнаказанности для преступников и узаконения режима террора.

Во-вторых, специального воспитания и подбора кадров, предназначенных для осуществления массовых убийств и проведения режима террора в отношении мирных граждан.

В-третьих, объемов преступлений, повсеместности и громадных размеров немецко-фашистских злодеяний.

В-четвертых, постепенного развития и усовершенствования методов осуществления чудовищных преступлений, от первых расстрелов до создания «лагерей уничтожения».

В-пятых, попыток сокрытия следов преступлений и специальных мероприятий, проведенных с этой целью по приказам из центра.

Я перехожу к предъявлению документов по первым двум разделам этого перечня.

Суду уже были предъявлены доказательства того, что конкретные приказы, циркуляры и так называемые «законы», изданные гитлеровскими преступниками для легализации террора в отношении мирного населения и для определения насилий и убийств, стоят в прямой связи с человеконенавистническими «теориями» фашизма. В речи Главного обвинителя были приведены две цитаты из книги бывшего президента данцигского сената и одного из весьма приближенных в свое время к Гитлеру лиц Германа Раушнинга, изданной в 1940 году в Нью-Йорке под названием «Голос разрушения». Эта книга переиздавалась также в разных странах и в разное время под другими названиями («Гитлер говорил мне», «Разговор с Гитлером» и т. д.).

Из книги Раушнинга, предъявленной мною сейчас Суду, в речи Главного обвинителя от СССР приведены две цитаты. Одна из них находится на странице 225 подлинника. Содержание этой цитаты вкратце сводится к тому, что Гитлер говорил Раушнингу о том, что он освобождает человечество от «унижающих ограничений», выдвигаемых «химерой совести и морали». Вторая цитата также очень важна. Я постараюсь на ряде совершенно конкретных фактов раскрыть кажущееся абстрактным содержание этой цитаты. Вы найдете ее на страницах 137—138. Здесь речь

шла относительно разговора Гитлера с Раушнингом о специальной «технике обезлюживания» — действиях, необходимых для физического уничтожения целых народов, и о «праве победителя на физическое уничтожение целых народов».

И в самом деле, для того чтобы умертвить миллионы невинных и беззащитных людей, необходимо было не только разработать химическую рецептуру «циклона А», сконструировать газовые камеры и печи крематориев или специально разработать процедуры осуществления массовых расстрелов. Для этого надо было также воспитать многие тысячи исполнителей «не по форме приказа, а по его духу» (как говорил в одном из своих выступлений Гиммлер). Нужно было воспитать людей, лишенных сердца и совести, извращенных существ, сознательно порвавших с основными положениями морали и права. Нужно было легализовать и «теоретически обосновать» закономерность замены понятия «вины» понятием «подозрения», понятия «наказание» — понятием «превентивного очищения от нежелательных элементов в политических целях», понятия «справедливости» — понятием «права господ», понятия «суда» — апологией административного произвола и полицейского террора.

В форме приказов, распоряжений, узаконений нужно было внушить сотням тысяч дрессируемых, как кровавые собаки, исполнителей замышленных главными преступниками злодеяний, что они не отвечают ни за что. Вот почему Гитлер освободил их от «химеры, именуемой совестью».

Но теоретические высказывания не были все же надлежаще оформленными инструкциями и не вводили определенных репрессий за проявление ненужной мягкости к тем, кто недостаточно познал «радость жестокости».

Вот почему еще до начала войны с Советским Союзом немецко-фашистские преступники издали ряд так называемых «памяток», «заповедей» и других подобных документов для немцев, отправляющихся на Восток. Я предъявляю уважаемому Суду один из таких документов. Из тех материалов, которые имелись в моем распоряжении, я сознательно выбрал этот небольшой документ и останавливаюсь на нем потому, что он предназначен не для эсэсовцев или полицейских, а всего лишь для так называемых «сельскохозяйственных фюреров». Называется этот документ «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими».

Я представляю Суду этот документ под номером СССР-89. Из «12 заповедей» я цитирую только одну, а именно шестую заповедь, которая, как кажется мне, имеет непосредственное отношение к моей теме.

Нельте: Господин председатель! Было бы желательно, если бы представителем обвинения было указано, кто является автором этих заповедей. Я прошу Вашего решения, можно ли этот документ принять как доказательство.

Председатель: *Полковник Смирнов, сможете ли Вы информировать нас, каков источник, из которого Вы получили этот документ?*

Смирнов: *Этот документ находится в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию и установлению немецко-фашистских злодеяний.*

Документ этот был захвачен полевыми частями нашей армии в районе Россоши, доставлен в Чрезвычайную Государственную Комиссию, и подлинник этого документа сейчас предъявляется уважаемому Суду.

Председатель: *Сейчас передо мной находится этот документ. Здесь сказано: Берлин, 1 июня 1941 г., и, кроме того, здесь есть подпись, которая выглядит примерно как Бакке. Возможно, защитник хотел бы ознакомиться с подлинником документа, посмотреть на него. Насколько я понял обвинителя, этот документ представляет собой часть советского правительственного отчета?*

Смирнов: *Так точно.*

Я имею справку о должностном положении Бакке. Бакке был статс-секретарем министерства питания и продовольствия[1]*.*

Итак, я цитирую шестую заповедь из представленных Суду «12 заповедей».

«6. Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Отсутствие характеров у отдельных лиц безусловно явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи».

К каким самым «жестоким и самым беспощадным» мероприятиям готовило преступное гитлеровское правительство тех, кого оно именовало «знаменосцами национал-социалистской революции», и какие преступления были содеяны ими, мы покажем ниже.

Так, отвлеченные теоретические рассуждения подтверждались официальными распоряжениями, вполне определенными и не допускающими двоякого толкования.

Кадры убийц готовились в специальных учебных заведениях. Сеть этих учебных заведений доходила почти до нижних чинов.

Я предъявляю уважаемому Суду обвинительное заключение, составленное следователем по важнейшим делам при Прокуроре СССР по делу о зверствах немецко-фашис-

---

[1] Следует читать: «министерства продовольствия и сельского хозяйства».

тских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области. Этот документ нашел полное свое подтверждение в приговоре военного трибунала, который также представляется Суду.

Обвинительное заключение и приговор представляются Трибуналу под номером СССР-32.

На первой странице обвинительного заключения приведена выдержка из показаний обвиняемого. Цитирую эту выдержку из показаний:

«Обвиняемый старший ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал:

...На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников германской тайной полевой полиции, которые прямо утверждали о том, что народы Советского Союза, и в особенности русской национальности, являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий, и надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мною, неуклонно выполнялись».

Таковы были курсы, посвященные обучению и воспитанию младших чиновников полиции.

Но фашистская система воспитания убийц знала и другие формы обучения, специально посвященные, в частности, технике уничтожения следов преступления. Суду уже предъявлен в качестве доказательства документ, зарегистрированный под номером СССР-6в/8. Документ этот является одним из приложений к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области.

Это показание свидетеля Манусевича, допрошенного по специальному поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии старшим помощником прокурора Львовской области. Протокол допроса надлежаще оформлен в соответствии с процессуальным законом Украинской Советской Республики.

Манусевич был заключен немцами в Яновский лагерь, где работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов умерщвленных советских людей. После сожжения 40 тысяч трупов, умерщвленных в Яновском лагере, команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу.

Я цитирую протокол допроса:

«В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других лагерей, из каких — не могу вспомнить. Фамилии курсантов не знаю, но это

были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей».

Суду будет далее представлена фотография этой машины и акт осмотра ее, вернее, акт технического освидетельствования.

«Дальше Шаллок объяснял, как разровнять яму, просеять и посадить деревья на этом месте, где рассыпать и прятать пепел человеческих трупов. Такие курсы были на протяжении длительного времени. За время моего пребывания, то есть за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов».

Для воспитания подростков немецкие фашисты создали особую организацию, так называемую «гитлерюгенд».

Длительное время эта организация возглавлялась подсудимым Бальдуром фон Ширахом.

О том, какие методы воспитания немецкой молодежи применялись фашистскими преступниками, свидетельствует французская подданная Ида Вассо, директриса существовавшего во Львове пансиона для престарелых французов. В период оккупации немцами Львова она имела возможность посетить львовское гетто. В заявлении на имя Чрезвычайной Государственной Комиссии Вассо описала существовавшую там систему истребления людей.

Из заявления Вассо видно, что немцы воспитывали гитлерюгенд, тренируя этих молодых фашистов в стрельбе по живым мишеням, по детям, которых специально отдавали организации гитлерюгенд в качестве мишеней для стрельбы.

Заявление Вассо было проверено Чрезвычайной Государственной Комиссией и полностью подтверждено. В подтверждение этого я представляю Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» (документ под номером СССР-6).

Цитирую заявление Вассо:

«Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодежи, которая из этих детей делала живую мишень, обучаясь стрелять. Никакой жалости к другим, все для себя — таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а главное, не забыть их, так как возмездие не вернет жизнь миллионов людей».

Чрезвычайная Государственная Комиссия констатировала, что во Львове немцы «...не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе...»

Так были созданы, воспитаны, обучены те моральные уроды, которые были призваны осуществить программу главных военных преступников по физическому уничтожению народов стран Восточной Европы.

Фашистскому правительству незачем было опасаться того, что эти «знаменосцы национал-социалистской революции» на Востоке обнаружат какие-нибудь остаточные признаки гуманности.

Я цитирую:

«Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочки воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочки. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволочное заграждение в два ряда, расстояние между рядами — 1 метр 20 сантиметров, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти, и там умирал от голода и холода. Но прежде чем забрасывать, человека избивали до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали человека. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайне, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу, если попадали в стакан, то человека оставляют живым, а если в руку, то тут же расстреливают и при этом заявляют, что «вы к труду не способны, подлежите расстрелу». Брали человека за ноги и разрывали. Детей от 1 месяца до 3 лет бросали в бочки с водой и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара. Кроме этого, в лагере перед посылкой на работу производили так называемую проверку физически здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 метров, и если человек хорошо пробежит, то есть быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег, если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Гайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах 28 ран (ножевых). Этот человек вылечился и работал в бригаде смерти, а впоследствии был расстрелян. Возле кухни во время получения кофе палач Гайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстреливал несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его, почему ты стоишь последний, и тут же расстреливал его. Все эти зверст-

ва я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере...»

Оглашенные мною показания свидетеля Манусевича находят полное подтверждение в официальном Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области». Более того, Манусевич говорит главным образом о действиях нижних и средних чинов лагерной администрации. Из Сообщения Чрезвычайной Комиссии видно, что система гнуснейших издевательств над беззащитными людьми насаждалась и организовывалась высшей лагерной администрацией, неизменно подававшей подчиненным личные примеры бесчеловечности.

Я не буду никак комментировать этот документ, но я прошу уважаемый Суд обратить внимание на некоего оберштурмфюрера Вильгауза, упоминаемого в этом документе.

«Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря — оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

Я лично видел, — сообщил Комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания.

По показаниям многочисленных свидетелей — советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и удовольствия жены и дочери систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух двух — четырехлетних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!», — и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор.

Свидетельница Киршнер Р. С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице десятилетнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более двух недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставили руководить профессора Штрикса и известного дирижера Мунда. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов».

Членам Суда далее будут представлены фотодокументы — снимки этого «оркестра смерти».

То, что происходило в Яновском лагере, отнюдь не являлось чем-то исключительным. Точно так же вела себя немецко-фашистская администрация всех концентрационных лагерей, размещенных на территории временно оккупированных областей Советского Союза, Польши, Югославии и других стран Восточной Европы.

Суду уже предъявлен под номером СССР-29 документ «Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине».

Я цитирую раздел третий этого документа, озаглавленный «Пытки и кровавые расправы в «лагере уничтожения».

«Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шуток», которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или какимнибудь тупым предметом, мнимое утопление в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали уда-

ром палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т. д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключенных за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключенный быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно за подозрение в попытке к бегству, вешали заключенных лагеря. В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

«Видел я из своего барака,— говорит свидетель, бывший заключенный лагеря советский военнопленный Домашев,— как на столбе, находившемся среди поля, вешали людей».

Возле прачечной, на межполье между первым и вторым полем, был специальный барак с перекладинами у потолка, на которых вешали людей целыми группами.

Не меньшим издевательствам и истязаниям подвергались женщины, заключенные в лагере: те же формы поверок, непосильный труд, избиения и издевательства. Особой жестокостью отличались эсэсовки: главная надзирательница Эрих и надзирательницы Браунштайн, Девид Ани, Вебер, Кноблик, Эллерт и Редли.

Комиссия установила много фактов совершенно неслыханных жестокостей со стороны немецких палачей в лагере.

Немец кампфполицай Штальбе Гейнц на пленарном заседании Комиссии заявил, что он был очевидцем, как шеф крематория обершарфюрер Мусфельд связал по рукам и ногам женщину-полячку и живую бросил в печь.

Свидетели Елинский и Олех, работавшие в лагере, также рассказывают о сожжении в печах крематория живых людей. «Ребенка отняли у матери от груди и на глазах ее убили о стенку барака»,—говорит свидетель Атрохов. «Я видел лично,— говорит свидетель Баран Эдвард,— как у матерей брали маленьких детей и на их глазах убивали: за одну ножку брали рукой, на другую — становились ногой, и таким образом разрывали ребенка».

Исключительным садизмом отличался заместитель начальника лагеря оберштурмфюрер СС Туманн. Он ставил в ряд на колени группы заключенных и ударами палки по голове убивал их, он травил заключенных овчарками, он принимал самое деятельное и активное участие во всех казнях и умерщвлениях заключенных.

Таким образом, голод, непосильный труд, пытки, истязания, издевательства и убийства, сопровождавшиеся неслыханным садизмом, были поставлены на службу массовому истреблению узников лагеря.

В подтверждение того, что эти ухищренные садистские преступления были характерны не только для частей СС или специальных полицейских частей, но что в состояние глубочайшего морального падения главными преступниками войны были преднамеренно ввергнуты самые широкие слои личного состава немецко-фашистских вооруженных сил, я обращаюсь к содержанию ноты Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., уже предъявленной Трибуналу под номером СССР-51.

«Нет предела народному гневу и возмущению, которые вызывают во всем советском населении и в Красной Армии бесчисленные факты подлых насилий, гнусного глумления над женской честью и массовых убийств советских граждан и гражданок, производимых немецко-фашистскими офицерами и солдатами. Всюду, где начинает господствовать германский штык, устанавливается невыносимый режим кровавого террора, мучительных пыток и зверских убийств. Грабежи, которыми повсюду занимаются германские офицеры и солдаты, сопровождаются избиениями и убийствами огромного количества ни в чем не повинных людей. За невыполнение требования о сдаче всего продовольствия до последней крошки или о сдаче всей одежды до последней рубашки оккупанты истязают и вешают старых и малых, женщин и детей. На принудительных работах бьют и расстреливают за неполное выполнение установленных норм работы.

30 июня гитлеровские бандиты вступили в город Львов и на другой же день устроили резню под лозунгом «бей евреев и поляков». Перебив сотни людей, гитлеровские бандиты устроили «выставку» убитых в здании пассажа. У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте этой ужасающей «выставки» был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок.

Таковы были чудовищные зверства гитлеровцев с самого начала войны. Утопая в невинной крови, гитлеровские мерзавцы продолжают свои подлые преступления.

В поселке Красная Поляна, под Москвой, немецко-фашистские мерзавцы собрали 2 декабря все местное население в возрасте от 15 до 60 лет и заперли в холодном, с выбитыми окнами, помещении районного исполкома, не давая им в течение 8 дней ни хлеба, ни воды. У попавших под эти пытки работниц Краснополянской фабрики А. Зайцевой, Т. Гудкиной, О. Налеткиной и М. Михайловой на руках умерли дети грудного возраста.

Немало случаев, когда гитлеровцы превращают советских детей в мишень для стрельбы.

В деревне Белый Раст Краснополянского района группа пьяных солдат поставила на крыльце одного дома в качес-

тве мишени двенадцатилетнего Володю Ткачева и открыла по нему стрельбу из автоматов. Мальчик был весь изрешечен пулями. После этого бандиты открыли беспорядочную стрельбу по окнам домов. Шедшую по улице колхозницу И. Мосолову с тремя своими детьми они остановили и тут же расстреляли.

В селе Воскресенское Дубининского района гитлеровцы использовали в качестве мишени трехлетнего мальчика и по нему производили пристрелку пулеметов.

В районном центре Волово Курской области, в котором немцы находились четыре часа, немецкий офицер ударил головой о стену и убил двухлетнего сына Бойковой за то, что ребенок плакал.

В Злобинском сельсовете Орловской области фашисты убили двухлетнего ребенка колхозников Кратовых за то, что он мешал своим плачем им спать.

В селе Семеновское Калининской области немцы изнасиловали двадцатипятилетнюю Ольгу Тихонову, жену красноармейца, мать троих детей, находившуюся в последней стадии беременности, причем шпагатом связали ей руки. После изнасилования немцы перерезали ей горло, прокололи обе груди и садистски высверлили их. В той же деревне оккупанты расстреляли мальчика лет тринадцати и на его лбу вырезали пятиконечную звезду.

В ноябре месяце телеграфистка города Калинина К. Иванова вместе со своим тринадцатилетним сыном Леонидом пошла к своим родственникам в село Бурашово, около Калинина. Когда они вышли из города и их заметили гитлеровцы, они с расстояния 60 метров начали в них стрелять, в результате чего мальчик был убит. Мать несколько раз пыталась поднять и унести труп ребенка, но каждый раз, как только она пыталась сделать это, немцы открывали по ней огонь, и она вынуждена была его оставить. В течение восьми дней немецкие солдаты не давали убрать труп. Он был подобран и похоронен Ивановой только тогда, когда эта местность была занята нашими войсками».

Далее в ноте упоминается о другом ребенке, оказавшемся жертвой фашистов. Члены Суда увидят этого убитого мальчика в наших кинодокументах. Я прошу членов Суда обратить внимание на оглашаемые мною далее слова ноты.

«В Ростове-на-Дону ученик ремесленного училища пятнадцатилетний Витя Черевичный играл во дворе со своими голубями. В это время проходили немецкие солдаты и стали отнимать голубей. Мальчик запротестовал. Немцы взяли его и на углу 28-й линии и 2-й Майской улицы расстреляли за то, что он не дал голубей. Гитлеровцы изуродовали до неузнаваемости лицо мальчика ударами каблуков.

Освобожденная в начале сентября нашими войсками деревня Басманово Глинковского района Смоленской области после хозяйничания немцев представляла собой

сплошное пепелище. В первый же день фашистские изверги выгнали в поле более 200 школьников и школьниц, приехавших в деревню на уборку урожая, окружили их и зверски перестреляли. Большую группу школьниц они вывезли в свой тыл «для господ офицеров».

Захват сел и городов обыкновенно начинается с постройки виселиц, на которых германские палачи убивают первых попавшихся под руку мирных жителей. При этом фашисты оставляют виселицы с повешенными на много дней и даже на несколько недель. Так же они поступают с теми, кого расстреливают на улицах городов и сел, оставляя трупы по многу дней неубранными.

После захвата города Харькова германские разбойники повесили несколько человек в окнах большого дома в центре города. Кроме того, в том же Харькове 16 ноября на балконах ряда домов фашистами было повешено 19 человек, в числе которых была одна женщина».

О глубоком моральном растлении преступников свидетельствуют совершенные ими повсеместно зверские насилия над женщинами.

В ноте от 6 января 1942 г. говорится:

«...Гнусные насилия над женщинами и девушками в оккупированных районах повсеместны.

В украинском селе Бородаевка Днепропетровской области фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек.

В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увезли с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет.

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой.

Повсеместно озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насилуют женщин, девушек на глазах у их родных и их детей, глумятся над изнасилованными и зверски тут же расправляются со своими жертвами.

В городе Львове 32 работницы львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика-священника В. Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилие над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

В Белоруссии, возле города Борисова, в руки гитлеровцев попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближении немецких войск. Немцы изнасиловали, затем зверски убили 36 женщин и девушек. Шестнадцатилетнюю девушку Л. И. Мельчукову по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес, где изнасиловали. Спустя некоторое время другие женщины, также отведенные в лес, увидели, что около деревьев стоят доски, а к доскам

штыками приколота умирающая Мельчукова, у которой немцы на глазах других женщин, в частности В. И. Альперенко и В. М. Березниковой, отрезали груди.

Из деревни Боровки Звенигородского района Московской области фашисты при отступлении насильно увели с собой несколько женщин, разлучив их, несмотря на их мольбы и протесты, с малолетними детьми.

В городе Тихвине Ленинградской области пятнадцатилетняя М. Колодецкая, будучи ранена осколком, была привезена в госпиталь (бывший монастырь), где находились раненые немецкие солдаты. Несмотря на ранение, Колодецкая была изнасилована группой немецких солдат, что явилось причиной ее смерти».

Я опускаю один абзац и продолжаю цитату:

«Но гитлеровцы не ограничиваются убийствами отдельных советских людей. В истории гитлеровского разбоя и террора на захваченной советской территории выделяются своим кошмарным изуверством массовые убийства советских граждан, которыми, как правило, сопровождается временный захват немцами городов, сел и других населенных местностей.

Вот некоторые примеры поголовной кровавой расправы немецких оккупантов с жителями целых деревень. В деревне Яскино Смоленской области гитлеровцы расстреляли всех стариков и подростков, а дома пожгли дотла. В деревне Починок той же области немцы загнали всех стариков, старух и детей в помещение правления колхоза, закрыли двери и всех сожгли. В украинском селе Емельчино Житомирской области немцы заперли в маленькой избе 68 человек, наглухо забили окна и двери, в результате чего все погибли от удушья. В ныне освобожденной нашими войсками деревне Ершово Звенигородского района Московской области немцы при оставлении деревни загнали в церковь около 100 мирных жителей и раненых красноармейцев, заперли их, после чего церковь взорвали. В селе Агрофеновке Ростовской области 16 ноября фашисты арестовали все мужское население от 16 до 70 лет и каждого третьего расстреляли».

Следующая часть ноты посвящена массовым преступлениям немцев, так называемым «акциям», в частности «акциям» в Киеве. Я вынужден обратить внимание Суда на то обстоятельство, что цифра умерщвленных в Бабьем Яру, которая приведена в ноте, является меньшей, чем в действительности. После освобождения Киева было установлено, что объем злодеяний немецко-фашистских захватчиков превышает преступления немцев, о которых было известно по первоначальной информации.

Из предъявляемого далее Суду Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву видно, что в Бабьем Яру во время этой чудовищной так называемой «массовой акции» немцами расстреляно было не 52 тысячи, а 100 тысяч человек.

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице— Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тысячи мужчин и женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность Советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище города Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избили; первую отобранную для расстрела группу заставили лечь на дно рва, вниз лицом, и расстреливали из автоматов; затем расстрелянных немцы слегка засыпали землей, на их место вторым ярусом укладывали следующую партию казнимых и вновь расстреливали из автоматов».

Пропускаю один абзац и продолжаю цитату. Вы увидите затем те преступления гитлеровцев, о которых говорится в ноте. Злодеяния немцев в Ростове показаны в кинодокументе очень подробно.

«Кровожадность нацистов в отношении жителей города Ростова приобрела особенно широкую известность. Забравшись на десять дней в Ростов, немцы расправлялись не только с отдельными лицами и семьями, но в кровавом азарте уничтожали десятки и сотни жителей, особенно в рабочих районах города. У дома управления железной дороги немецкие автоматчики среди бела дня расстреляли 48 человек. На тротуаре центральной улицы Ростова гитлеровские убийцы расстреляли 60 человек. На Армянском кладбище убили 200 человек. Даже изгнанные нашими войсками из Ростова немецкие генералы и офицеры публично похвалялись, что они будто бы еще вернутся в Ростов именно для того, чтобы учинить кровавую расправу с городским населением, активно помогавшим изгнанию заклятых врагов из родного города».

По непосредственной инициативе командиров соединений и частей немецко-фашистской армии они прикрывали боевые порядки своих войск как при наступлении, так и при отступлении мирными жителями, преимущественно женщинами, стариками, детьми.

Ничего не комментируя, я считаю, что, тем не менее, необходимо заметить, что так могли поступать только люди, хорошо помнящие известное уже уважаемому Суду указание Кейтеля о том, что человеческая жизнь в тех странах, «которых это касается, ровно ничего не стоит». Я цитирую далее ноту Народного комиссара иностранных дел.

«Кроме всего сказанного выше, советское правительство располагает документальными материалами о систематически повторяющихся чудовищных преступлениях немецко-фашистского командования: об использовании мирного советского населения в качестве прикрытия для немецких войск во время боев с войсками Красной Армии.

28 августа 1941 г. при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали впереди себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление.

Это же подлое преступление было повторено по отношению к гражданскому населению германским командованием в Ленинградской области, в районе совхоза «Выборы», а также в Ельнинском районе Смоленской области. Фашистские мерзавцы продолжают пользоваться этим зверским и трусливым приемом вплоть до последних дней. 8 декабря гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступавшими частями Красной Армии. При боях наших войск за освобождение города Калинина части германского 303-го полка 162-й девизии, пытаясь перейти в контратаку, собрали в пригородной деревне женщин и, поставив их впереди себя, пошли в бой. К счастью, советским войскам удалось, отбив эту атаку, вклиниться между гитлеровцами и их жертвами и спасти женщин».

Для нужд немецко-фашистской армии, в нарушение всех международных конвенций, преступники использовали мирное население на особо опасных работах, в частности на работах по разминированию участков.

Я привожу выдержку из второго раздела этой ноты, четвертый абзац:

«Везде, где только на советской территории появлялись германские войска и германские власти, немедленно устанавливался режим жесточайшей эксплуатации, бесправия и произвола в отношении беззащитного гражданского населения. Не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья советских граждан, гитлеровцы, заняв или разрушив их дома, загоняют многих из них в концентрационные лагеря, заставляя под угрозой пыток, расстрелов и голодной смерти бесплатно выполнять различные тяжелые работы, в том числе и военного характера. В ряде случаев после использования гражданского населения для выполнения тех или иных работ военного характера работавших для сохранения тайны подвергают поголовному расстрелу.

Так, в деревне Колпино Смоленской области оккупанты погнали всех крестьян строить мосты и блиндажи для германских частей. По окончании строительства этих укреплений все крестьяне были расстреляны».

Мирных жителей немецкие фашисты насильственно отправляют в концентрационные лагеря, искусственно и незаконно увеличивая этим число военнопленных и перенося нечеловеческий режим, который был установлен немецко-

фашистскими властями для военнопленных, на мирное население.

Я предъявляю Суду, далее, выписку из протокола судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. Этот документ предъявляется под номером СССР-172.

Я позволяю здесь себе своими словами изложить биографические сведения об обвиняемом Ле-Курте, который был предан военно-полевому суду. Это был не эсэсовец, а ординарный беспартийный обер-ефрейтор немецкой армии, 27 лет. Он родился и проживал до войны в городе Штрафгарте, являлся владельцем кинотеатра, затем был призван в армию. Военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии.

«По существу дела Ле-Курт показал:

До пленения меня войсками Красной Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обслуживания «Е 33/XI» лаборантом. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное время, то есть я вместе с солдатами занимался в свободное от работы время ради своего интереса расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан. Мной делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан...

Кроме расстрела военнопленных, я еще занимался расстрелом партизан, мирных граждан и сжигал дома вместе с населением.

В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 92 советских граждан.

С апреля я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял...

Кроме этого, я еще участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети...

Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что я расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно, 1 ноября 1941 г., присвоили звание обер-ефрейтора, которое мне должны были присвоить 1 ноября 1942 г., наградили «Восточной медалью».

Ле-Курт отнюдь не был исключением, и в подтверждение этого я позволю себе в весьма кратких извлечениях сослаться на приговор военного трибунала Смоленского

военного округа по делу группы бывших военнослужащих германской армии, преданных суду за совершенные ими зверства в отношении мирного населения и военнопленных в городе Смоленске. Этот документ был представлен Суду моим коллегой — полковником Покровским под номером СССР-87 и приобщен к материалам процесса. Я опускаю всю общую часть приговора и лишь прошу разрешения Суда привлечь его внимание к тому месту приговора, где сказано, что лишь в 80 ямах-могилах, разрытых и обследованных судебно-медицинскими экспертами, в городе Смоленске и Смоленской области обнаружено свыше 135 тысяч трупов советских женщин, детей и мужчин разного возраста. Далее я опускаю вторую страницу приговора и перехожу к той части документа, которая дает характеристику преступных деяний отдельных преданных суду по этому делу лиц. И здесь я приведу данные, характеризующие не всех 10 обвиняемых, а всего лишь нескольких — двух-трех.

«Кирмфельд, являясь переводчиком Смоленской областной немецкой комендатуры, лично избивал ни в чем не повинных, беспричинно схваченных на улицах города Смоленска советских граждан, независимо от пола и возраста, вынуждая их давать вымышленные показания. По получении ложных показаний, добытых путем избиения, комендатурой были истреблены десятки невинных советских граждан. Лично участвовал в истреблении советских людей в городе Смоленске в мае 1943 года посредством удушения их окисью углерода в «душегубке», участвовал в январе-феврале 1943 года в карательных экспедициях против партизан и мирных советских граждан в районе Невель-Усвяты. Являясь командиром немецкого карательного отряда, со своими солдатами чинил злодейскую расправу над мирными жителями, вместе с вверенными ему солдатами сжег 9 советских сел и деревень; производил грабежи колхозников и расстреливал ни в чем не повинных мирных советских граждан, выходивших из леса к пепелищам своих сгоревших домов в поисках продуктов для питания; участвовал в отправке советских граждан в немецкое рабство».

Я позволю себе привести еще один пример, касающийся Модиша — лекарского помощника в 551-м германском военном лазарете:

«...Модиш, являясь лекарским помощником в 551-м германском военном лазарете в городе Смоленске, с сентября 1941 года по апрель 1943 года был очевидцем и принимал личное участие в умерщвлении пленных раненых бойцов и офицеров Красной Армии, над которыми немецкие профессора и врачи Шом, Гетте, Мюллер, Отт, Штефан, Вагнер и другие под видом лечения производили разные эксперименты и испытания не опробованных ранее биологических и химических препаратов, подвергая после этого раненых военнопленных заражению крови — сепсису, а затем их умерщвляли».

Что сделал лично Модиш?

«Лично Модиш умертвил путем впрыскивания большой дозы яда (строфантина и мышьяка) не менее 24 военнопленных красноармейцев и офицеров Красной Армии. Кроме того, он использовал для лечения раненых немецких военнослужащих кровь советских детей в возрасте 6—8 лет, беря кровь в больших дозах, после чего дети умирали; производил изъятия спинномозговой жидкости у русских военнопленных, у которых ввиду истощения наступал паралич нижних конечностей; участвовал в грабежах советских медицинских учреждений в Смоленске».

Суд может убедиться в том, что каждый из этих десяти преданных суду лиц совершил такой длинный ряд преступлений, за которые они по закону любой цивилизованной страны подлежали бы смертной казни. Я привлекаю в качестве примера этого одно из обвинений, доказанных на Суде, в отношении Курта Гаудияна. Я обращаю внимание Суда на то, что Гаудиян изнасиловал 7 девушек, а затем их убил.

«При этом в августе 1943 года при его участии было расстреляно и сожжено заживо в сарае до 60 человек жителей деревни близ города Осиповичи, а также сожжена и деревня».

Я опускаю часть, относящуюся к Генчке, и цитирую из приговора место, относящееся к некому Мюллеру— ефрейтору 355-го охранного батальона.

«В разное время подсудимым Мюллером убито 96 человек советских граждан, в том числе стариков, женщин и грудных детей. Мюллером было изнасиловано 32 советских женщины, причем 6 из них после изнасилования были им же убиты. Из изнасилованных женщин было несколько девушек в возрасте 14—15 лет».

Мне думается, что облик этих преступников, жизнь семи из десяти человек которых уже закончилась на виселице, ясен Суду. Но для характеристики не тех, кто исполнял преступления, а тех, кто распоряжался жизнью населения оккупированных восточных областей, я прошу разрешения уважаемого Суда обратиться к дневнику подсудимого Ганса Франка, который уже был предъявлен Трибуналу нашими уважаемыми американскими коллегами под номером ПС-2233.

6 февраля 1940 г. он дал интервью корреспонденту «Фелькишер Беобахтер» Клайссу:

«Клайсс: Быть может, было бы интересно разработать положения, отличающие протекторат от генерал-губернаторства?

Генерал-губернатор: Образно я могу об этом сказать так. В Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно 7 чехов. Тогда я сказал себе: «Если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывешивали плакаты о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов. Да, мы должны поступать жестоко...»

Начавшееся 10 мая 1940 г. наступление на западном фронте отвлекло внимание мирового общественного мнения от преступлений, совершавшихся под непосредственным руководством Франка, и позволило Франку осуществить осуждение военно-полевыми судами к смертной казни и физическое уничтожение нескольких тысяч представителей польской интеллигенции.

Я цитирую выступление Франка на заседании полиции от 30 мая 1940 г.[1], *где окончательно был решен вопрос об этом злодеянии:*

«10 мая началось наступление на западе, и в этот день во всем мире пропал интерес к событиям, которые происходят здесь, у нас.

То, что натворили во всем мире ужасной пропагандой и клеветой на поведение национал-социалистских властителей в этой области, было бы для меня совершенно безразлично — тревожит ли это американцев, французов, евреев или папу римского, однако ужасно для меня и для каждого из вас непрерывно в продолжение этих месяцев слышать из министерства пропаганды, из министерства иностранных дел, из министерства внутренних дел и даже из армии голоса о том, что мы проводим режим убийц, что нам надо прекратить эти злодеяния и т. д.

При этом, конечно, было ясно, что мы должны сделать заявление о том, будто бы мы этого больше делать не будем.

Было также ясно, что до тех пор, пока эта область находилась под перекрестным огнем всего мира, мы были лишены возможности предпринимать нечто подобное в большом масштабе. Но с 10 мая мы не придаем этой ужасной всемирной пропаганде никакого значения. Теперь нам нужно использовать удобный момент...

Я признаюсь откровенно, что тысячи поляков поплатятся за это жизнью, и прежде всего это будут руководящие представители польской интеллигенции.

Нас всех, как национал-социалистов, это время обязывает позаботиться о том, чтобы польский народ не был в состоянии оказывать сопротивление». Я особенно привлекаю внимание Суда к следующей фразе: «Я знаю, какую ответственность мы этим берем на себя».

«...Более того, обергруппенфюрер СС Крюгер и я решили, что мероприятие по умиротворению будет проведено ускоренными темпами.

Я прошу вас, господа, помочь нам со всей энергией при выполнении этой задачи. Что касается меня, то я сделаю все, что могу, для того, чтобы облегчить ее выполнение.

Я обращаюсь к вам как борец национал-социализма, и больше мне нечего вам сказать. Это мероприятие мы проведем. И, говоря откровенно, во исполнение приказа,

[1] Уточненный перевод текста выступления Франка см. документ ПС-2223 в разделе «Документы».

данного мне фюрером. Фюрер сказал мне: «Вопрос о немецкой политике и обеспечении ее проведения в генерал-губернаторстве является сугубо личным делом ответственных лиц генерал-губернаторства».

Он выразился следующим образом: «Необходимо ликвидировать имеющееся в настоящее время в Польше руководящее ядро, что еще подрастет потом,—нам нужно выявить и через определенный промежуток времени также устранить. Затем нам нужен германский рейх. Чтобы не обременять этим имперскую организацию немецкой полиции, нам не нужно сажать эти элементы в германские концентрационные лагеря, потому что тогда у нас начались бы хлопоты и ненужная переписка с их семьями,— мы ликвидируем их в самой стране. Сделаем мы это в самой простой форме...»

Что касается концентрационных лагерей, то ясно, что мы не хотим устраивать в генерал-губернаторстве концентрационные лагеря в полном смысле этого слова. Кто нам подозрителен, должен быть тотчас же ликвидирован. Если в концентрационных лагерях рейха находятся заключенные из генерал-губернаторства, то они должны быть предоставлены операции «АБ»[1] или уничтожены на месте».

Цитирую далее продолжение этого же выступления в разделе «Дополнительные выдержки из дневника Ганса Франка, относящиеся к 1940 году».

«Мы не можем сваливать на имперские концлагеря наши собственные дела. Ужас, сколько мы имели хлопот с краковскими профессорами. Если бы мы за дело взялись отсюда, вышло бы по-другому. Поэтому мне хочется настойчиво просить вас никого больше не спихивать в концлагеря империи, а на месте проводить ликвидацию или налагать надлежащие наказания. Все прочее обременяет империю и приводит к постоянным затруднениям. Здесь у нас совсем другая форма обращения, и этой формы мы должны придерживаться. Я настоятельно обращаю внимание на то, что даже в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет только означать, что мы как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу обычную политическую линию».

В связи с этим я считал бы возможным привлечь внимание Суда к тому обстоятельству, что все крупнейшие лагеря уничтожения были действительно размещены на территории «генерал-губернаторства».

В злодеяниях фашистских преступников, в увеличении объема этих злодеяний была своя периодичность, и если в 1940 году Франк произнес перед полицейскими длинную речь, обосновывая так называемую «акцию» в отношении

---

[1] Шифрованное наименование акции по уничтожению польской интеллигенции.

нескольких тысяч польских интеллигентов, то 18 марта 1944 г. в своей речи в Рейхсгофе он заявил:

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 тысяч поляков», то он бы сказал: «Прекрасно, если это было необходимо».

Этот фашистский специалист по правовым вопросам уничтожил в подчиненной ему, временно подпавшей под власть фашистских захватчиков, стране три миллиона евреев.

При этом Франк говорил (цитирую его речь на рабочем совещании ораторов НСДАП в Кракове 4 марта 1944 г.):

«Если сегодня мы имеем какого-либо сострадателя, который плачет по евреям и говорит: разве не ужасно, что сделали с евреями,—тогда его нужно спросить: держится ли он сегодня такого же мнения. Если бы мы сегодня имели на одной стороне эти два миллиона евреев при всей их активности, а с другой—имели бы немного немцев в стране, то мы не были бы господами положения. Евреи—это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено...»

Заседание политических руководителей НСДАП в Кракове 15 января 1944 г. начинается так:

«Д-р Франк: Я не постеснялся заявить, что если будет убит один немец, то будет расстреляно до ста поляков...»

В эти черные времена польский народ относился к жертвам Франка и подчиненных ему злодеев как к мученикам. Вот почему, как мне кажется, именно 16 декабря 1943 г. на правительственном заседании в Кракове Франк заявил:

«Нужно обсудить, является ли целесообразным проводить казнь по возможности там, где было совершено покушение на какого-либо немца.

Нужно также обсудить, не следует ли организовать особые места для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет в церкви...»

Я задержал Ваше внимание, уважаемые судьи, на дневнике Франка потому, что он как один из наиболее приближенных Гитлера и наиболее известный «ученый юрист» германского фашизма был на самом деле подлинным «альтер эго» тех, кто рассекал надвое детей в Яновском лагере. Именно Франк был, вместе с тем, одним из создателей отвергающего основы правосудия немецко-фашистского права. По существу, вся убогая (я внимательно проглядывал эту книгу и не нашел иного смысла в тексте) юридическая мудрость «Майн кампф» свелась к зловещей формуле: «Только в силе лежит право» (цитирую по 64-му изданию, страница 740).

Франк был для Гитлера тем необходимым ему злым гномом юриспруденции, который облек в форму «законов» человеконенавистнические теории фашизма. В подтверждение того, как далеко зашло профанирование ос-

новных правовых положений, характерных для уголовно-процессуального и материального права всех цивилизованных народов, я представляю Суду в подлиннике, напечатанном в «Вестнике постановлений генерал-губернаторства» за 1943 год, одно из постановлений Франка. Оно датировано 2 октября 1943 г. и предъявляется Суду под номером СССР-335. Я цитирую документ полностью:

«Постановление о подавлении сопротивления германскому строительству в генерал-губернаторстве, 2 октября 1943 г.

На основании § 5 раздела 1 указа фюрера от 12 октября 1939 г. (Вестник имперских законов, 1, страница 2077) постановляю:

§ 1

1. Те немцы, которые в целях воспрепятствования германскому строительству в генерал-губернаторстве или в целях его расстройства совершат нарушение законов, постановлений или, я подчеркиваю это, ведомственных распоряжений, должны караться смертью.

2. Пункт 1 не распространяется на граждан союзных с великой Германией государств, а также государств, не находящихся с нею в состоянии войны.

§ 2

Подстрекатели и сообщники наказываются как исполнители. Покушение наказывается как законченное деяние.

§ 3

1. Для вынесения приговоров уполномочиваются военно-полевые суды полиции безопасности.

2. По особым соображениям военно-полевые суды полиции безопасности вправе передавать дело немецкой прокуратуре.

§ 4

Военно-полевые суды полиции безопасности составляются из одного фюрера СС, принадлежащего к составу управления начальника полиции безопасности и СД, и из двух сотрудников этого же учреждения.

§ 5

1. В письменном виде следует обозначать:

1) фамилии судей;

2) фамилии осужденных;

3) доказательства, которые обосновывают обвинительный приговор;

4) состав преступления;

5) дату осуждения;

6) дату исполнения приговора».

Весьма характерен следующий пункт, оговаривающий процессуальный порядок действий этого суда. Продолжаю цитату:

«2. В остальном военно-полевой суд полиции безопасности ведет производство по делу в соответствии с сознанием своего долга.

§ 6

Приговоры военно-полевых судов полиции безопасности подлежат немедленному исполнению.

§ 7

Если деяние, являющееся преступлением в соответствии с § 1 и 2 настоящего постановления, одновременно представляет собой другое преступление, подсудное военно-полевому суду, должны быть применены только процессуальные правила настоящего постановления».

Опускаю параграф восьмой. Подписано: «Генерал-губернатор Франк. Краков. 2 октября 1943 г.».

Таким образом, пункт первый параграфа первого этого постановления вводил единую меру наказания— смертную казнь за любое действие «не немца», независимо от того, квалифицировалось ли оно немецкими «господами» как нарушение закона или даже как нарушение ведомственного распоряжения.

Этим же наказанием каралась любая форма покушения на подобные действия, к числу которых чины полиции практически могли отнести вообще любые действия или высказывания заподозренного лица (параграф второй постановления).

Обвиняемый лишался всяких процессуальных гарантий. Тот документ, который в соответствии с параграфом пятым должен был заменить приговор суда, как видно из перечня вопросов, подлежащих обозначению в письменном виде, преследовал фактически цель регистрации отдельных случаев расправ, а не цели обоснования применения наказания.

Исключались всякие возможности кассационного обжалования или апелляции в вышестоящие инстанции. Приговоры подлежали немедленному исполнению.

И, наконец, самый «суд», конструируемый на основании «постановления» Франка, по существу представлял издевательство над правосудием. В составе суда (причем слово «суд», как кажется мне, следует взять в кавычки) находились три чиновника той самой полиции безопасности, которая на улицах польских городов арестовывала невинных людей и производила массовые расстрелы заложников.

Предъявляю Трибуналу документ СССР-332.

Я позволю своими словами изложить первую, вводную, часть документа. В Варшаве 31 октября 1945 г. был допрошен под присягой Стефан Корбонский, адвокат, который о себе заявил, что он являлся одним из руководителей движения Сопротивления польского населения немецким оккупантам.

Стефан Корбонский говорит как раз о том постановлении Франка, которое я только что зачитал Суду. В пункте первом протокола допроса он говорит, что в начале октяб-

ря 1943 года немцы расклеивали на стенах домов в Варшаве и других городах «генерал-губернаторства» текст того самого постановления, которое было оглашено мною Суду:

«Вскоре по обнародовании этого приказа, независимо от увеличившегося числа казней, совершенных немцами тайно на месте бывшего варшавского гетто и в варшавской тюрьме, называвшейся «Павиак», немцы начали публичные казни, то есть расстрелы целых групп поляков числом от 20 до 200 человек каждая.

Эти казни совершались в разных районах города, на улицах, открытых для нормального движения, которые оцеплялись небольшими участками чинами гестапо непосредственно перед самым совершением казни для того, чтобы польское население наблюдало казни из окон или улиц, расположенных за цепью чинов гестапо.

Во время совершения этих казней немцы расстреливали или лиц из «Павиака», где они были заключены после облав, сделанных на улицах, или лиц, арестованных иными способами, а также и людей, захваченных непосредственно перед совершением казни. Число этих публичных казней, а также и число людей, расстрелянных при каждой казни, увеличивалось до тех пор, пока оно достигало 200 человек, расстреливаемых одновременно. Они продолжались до самого начала варшавского восстания.

Сначала немцы привозили поляков на место казни в закрытых грузовиках. Они были одеты в штатские костюмы, и иногда их руки были связаны за спиной. Но так как жертвы, привозимые для казни, кричали: «Долой Гитлера!», «Да здравствует Польша!», «Долой немцев!» и т. д., немцы стали лишать их возможности кричать, наполняя им рот гипсом или заклеивая им губы пластырем. Заключенных из тюрьмы «Павиак» привозили на расстрел одетыми в рубашки или другую одежду, сделанные из бумаги.

Я часто получал сведения от нашей подпольной организации через наших агентов, работавших в тюрьме «Павиак», о том, что немцы перед казнями совершали операции над осужденными: они выпускали им кровь и впрыскивали различные химические вещества, что вызывало физическую слабость и делало невозможным попытки к побегу или сопротивлению.

По этим причинам обреченные на казнь приводились на место ее совершения бледными, слабыми, апатичными, так что они еле могли стоять на ногах, хотя и вели себя героями и не просили о пощаде.

Тела расстрелянных загружались другими заключенными на грузовики и отвозились в бывшее гетто, где они обыкновенно сжигались на костре. Заключенные, которые должны были увозить и сжигать эти тела, являлись, главным образом, заключенными из «Павиака» и постоянно назначались на эту работу.

Польское население сейчас же покрывало цветами пятна, оставленные кровью на земле, ставило зажженные

свечи на то место, где раньше лежали тела расстрелянных, и вешало на стенах кресты и иконы. Ночью члены подпольного движения делали на стенах лаком надписи такого характера, как «Слава героям», «Слава погибшим за Родину» и т. д.

Когда немцы замечали эти надписи, они арестовывали людей в этих местах и отводили их в тюрьму «Павиак». Иногда немцы стреляли в толпу людей, стоящих на коленях и молящихся на месте, где совершались казни, как, например, на Сенаторской улице, где было убито несколько человек и, кроме того, несколько человек было ранено.

После каждой публичной казни немцы развешивали в городе на стенах домов плакаты со списками имен убитых, под которыми были даны списки заложников, подлежащих расстрелу в случае неисполнения немецких приказов.

В Варшаве немцы расстреляли несколько тысяч поляков путем таких публичных казней, не считая жертв, расстрелянных в других городах. В Краковской области они также расстреляли несколько тысяч людей».

Так было претворено в жизнь предъявленное мною ранее Суду «постановление» Ганса Франка.

В свете показаний Корбонского становится совершенно ясно, почему 16 декабря 1943 г. Франк решил обсудить вопрос о целесообразности осуществления массовых казней публично.

На территории Польши впервые были введены в действие уголовные законы, прямо утверждающие особое право «господ» и драконовское право для народов, которые эти фашистские «господа» считали уже покоренными.

В докладе польского правительства, представленном уже Международному военному трибуналу под номером СССР-93, дан краткий обзор того режима произвола и бесправия, который был установлен под видом особого законодательства в оккупированной Польше.

Я позволю себе сослаться на две коротких выдержки из доклада правительства Польской Республики, это раздел «Германизация польского права».

«В генерал-губернаторстве механизм правосудия был особенно изменен декретом от 26 октября 1939 г. за подписью Франка.

Польские суды были подчинены надзору немецких судов, созданных в генерал-губернаторстве. Юрисдикция польских судов была ограничена только теми делами, которые были вне подсудности немецких судов. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено «по интуиции», обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции. Немецкое право было введено, а польское право онемечено...а) 4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали... декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на «присоединенных территориях» вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второстепенную группу граждан. По этому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послуша-

нию по отношению к рейху, но, с другой стороны, будучи второстепенными гражданами, они не имеют права на охрану, которую закон обеспечивает другим...

Смертные приговоры допустимы также в следующих случаях:

1) за устранение или публичное повреждение плакатов, вывешенных немецкими властями;

2) за акты насилия в отношении представителей немецких вооруженных сил;

3) за оскорбления чести рейха или нанесение вреда его интересам;

4) за повреждение имущества, принадлежащего немецким властям;

5) за повреждение предметов, предназначенных для работ общественного характера;

6) за вызывающее отношение и неподчинение постановлениям и распоряжениям, изданным немецкими властями, и в некоторых других случаях, которые могли оправдать не более как тюремное заключение на короткий срок...

б) Полякам было запрещено, согласно официальному распоряжению нацистов, поддерживать отношения с немками, чтобы не опорочить благородную кровь «герренфолька»[1]. Кто бы осмелился или пытался сделать это, неизбежно рисковал жизнью.

Но не только немецкий суд был призван выносить приговоры в таких случаях. Признано было лишним устраивать процессы— простое распоряжение полиции считалось достаточным, чтобы лишать людей жизни...»

Перехожу к тому, что, мне кажется, совершенно правильно в докладе правительства Чехословакии названо «Судебный террор немецких фашистов в Чехословакии». В этой стране мы можем последовательно проследить, как с течением времени во все более возрастающей прогрессии происходило разрушение гитлеровцами общепризнанных правовых норм.

В докладе чехословацкого правительства, также уже представленном Суду моими коллегами под номером СССР-60, весьма подробно показан этот процесс, начиная от так называемых «народных судов» до организации так называемых «штандгерихте»[2], являющих нам знакомую уже по Польше картину органов прямого нацистского произвола.

Этот процесс полного распада, вернее развала, правовых норм фашистами показан очень подробно, я привожу только краткие цитаты:

«Право объявления чрезвычайного положения было осуществлено не позже чем 28 сентября 1941 г. Декретом того же дня (прил. 12), подписанным Гейдрихом, чрезвычайное положение было объявлено для района «Оберлан-

---
[1] Т. е. народа-господина.
[2] Военно-полевой суд.

драта» в Праге, а через несколько дней для оставшейся части протектората. «Штандгерихт», которые были немедленно введены, действовали в течение всего периода и вынесли 778 смертных приговоров.

Все были казнены. Тысяча человек была передана гестапо, то есть концлагерям...

Единственное руководство к учреждению, составу и процессуальной стороне «штандгерихте» находится в постановлении от 27 сентября 1941 г. ...

Постановление не указывает на то, кто должен исполнять должность судьи в этих «штандгерихте», и должны ли быть судьи профессиональными или непрофессиональными, и должны ли быть приговоры вынесены присяжными заседателями или одним судьей. Постановление только гласит: «штандгерихте» могут быть введены имперским протектором. Он компетентен выбрать лиц, которые должны исполнять функции судей...

Ссылаясь на информацию, которой мы в настоящее время располагаем, судьи в этих «штандгерихте» были только как редкое исключение судьями профессиональными.

Самое большое значение имела партийная благонадежность. Это является причиной, почему судьи были, можно сказать, без исключения членами и администраторами НСДАП или других национал-социалистских организаций, то есть людьми, которые, за редкими исключениями, не имели ни малейшего понятия о праве и не обладали никакой практикой в уголовных процессах...

«Штандгерихте» никогда не разбирал дел публично. Так как публика не допускалась на судебные заседания «штандгерихте», само существование этого трибунала увеличивало неуверенность в безопасности под существующим законом.

Не допускалось никакой апелляции на приговоры, вынесенные «штандгерихте».

Протоколы судебного следствия «штандгерихте» содержат только перечень имен судей, обвиняемого и свидетелей, а также описание преступления и дату приговора (раздел 4, п. 2 постановления). Распоряжения, допускающие и даже рекомендующие столь неполные данные, могут иметь только одну цель — воспрепятствовать какому-либо контролю, скрывая все то, что происходило во время следствия, таким образом, чтобы уничтожить все следы того, что было сделано.

В соответствии с разделом 4, § 1 постановления «штандгерихте» могут вынести только смертный приговор или передать обвиняемого тайной государственной полиции.

Приговоры, вынесенные «штандгерихте», должны быть исполнены немедленно (раздел 4, § 3 постановления). Многочисленные примеры указывают на то, что жестокое нацистское законодательство никогда не смягчалось. В конце так называемого судебного следствия предоставлялось

судьям решать, должен ли осужденный быть расстрелян или повешен (раздел 4, § 3 постановления).

Не давался даже и самый короткий срок к предсмертным приготовлениям. О помиловании вообще не было речи в постановлении. Во всяком случае, жестокая поспешность, с которой выполнялся приговор, делала помилование невозможным...

Совершенно очевидно, что «штандгерихте» не носили того характера, который, согласно общему мнению, должен иметь трибунал, а также что судебное разбирательство в «штандгерихте» нарушало фактически все принципы, которые должны быть соблюдаемы правом всех цивилизованных наций. «Штандгерихте» не могут быть названы трибуналами, а их разбирательство не может быть названо судебным следствием и решением». Очевидно, было бы более правильно сказать— приговором.

«Казни, являющиеся следствием «приговоров» «штандгерихте», не отличаются ни в какой степени от казней без суда. Они должны быть квалифицированы как убийство.

Невозможно найти в установлениях, регулирующих процедуру «штандгерихте», малейший признак гуманности. Например, правило, которое требует немедленной казни и фактически не дает осужденному ни малейшего срока к приготовлению к смерти, является формой жестокости, которая, как и весь институт «штандгерихте», имеет целью терроризирование населения».

Учреждение «штандгерихте» не отменяло и не исключало полицейского осуждения, как это было установлено Франком в Польше. Мне кажется, что все законы, приведенные мной выше, свидетельствуют о том, что из права, призванного карать за преступления, гитлеровцы пытались создать право, творящее преступления.

Именно для этого и создавали они свои так называемые «законы»...

Я перехожу к тем террористическим законам и распоряжениям гитлеровских преступников, которые были изданы в отношении мирных граждан Советского Союза.

Дело в том, что, начав преступную войну против СССР, немецко-фашистская разбойничья клика сочла недостаточными и эти специально созданные для оправдания преступления «законы» и установленные ими нормы «права» разбойников.

В документе Л-221 зафиксирована реплика, брошенная Гитлером Герингу на совещании 16 июля 1941 г.

Гитлер говорил: «...Гигантское пространство... должно быть как можно скорее замирено». Я цитирую из следующей фразы, где Гитлер говорит: «... Лучше всего это можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд...»

Я привожу эти строки потому, что они являются лейтмотивом, который проходит через все распоряжения и законы Гитлера.

Я цитирую директиву Кейтеля. Она была предъявлена Суду американским обвинением за номером Р-98:

«...следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и... устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Я представляю, далее, Суду фотостат документа, который уже был предъявлен под номером ПС-459:

«Всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а тем, что оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен,—как говорилось в этой директиве,— отнять у населения всякую охоту к сопротивлению».

Позволю себе для подтверждения этого процитировать две строки из директивы командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау, которая была уже предъявлена Суду под номером СССР-12.

Там говорится:

«Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков».

Далее я хотел бы огласить Суду один документ, который носит печать той же квазиюридической аргументации, которая отмечает «законы» и постановления Ганса Франка. Говорю о циркулярном распоряжении главного управления имперской безопасности за номером 567/42-176, датированном 5 ноября 1942 г. Я позволю лишь напомнить Суду, что в этом документе говорилось о том, что даже принципы для оценки действий «не немцев» должны были быть иными, что всякий поступок чужестранца «должен рассматриваться с точки зрения общей превенции».

Таким образом, на тех территориях оккупированных стран, куда следом за войсками агрессора приходили эсэсовцы, мирное население подвергалось произволу со стороны этих специально вышколенных и свирепых представителей полицейских частей германского фашизма.

Разрешите сослаться на одну строку документа под номером ПС-447, которую Суд найдет на странице 197 книги документов, пятый абзац, после заголовка «Район операции». В документе под номером ПС-447 говорилось об особых полномочиях рейхсфюрера СС и указывалось, что «в рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность».

Хорошо известно, что представлял собой рейхсфюрер СС. Из многих высказываний Гиммлера я ограничусь здесь лишь одной цитатой, характерной, однако, как руководящее указание подчиненным Гиммлеру чиновникам СС, к которым он обращался.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер говорил (этот документ был предъявлен Трибуналу американским обвинением под номером ПС-1919 и оглашен 19 декабря 1945 г.):

«...Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует. Погибнут ли от изнурения при создании противотанкового рва 10 тысяч русских баб или нет — интересует меня лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковые рвы...»

Суду был предъявлен документ, которым установлено, что легализация массовых убийств и истребления мирного населения Советского Союза, производимых непосредственно армией с целью терроризирования, были установлены Гитлером и его кликой еще 13 мая 1941 г.— более чем за месяц до начала войны. Я говорю в данном случае об уже широко оглашенном на Суде известном распоряжении Кейтеля «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск».

Этот документ был предъявлен Трибуналу под номером С-50. Полагаю, что он хорошо памятен Суду. Я лишь напоминаю, что в этом документе в прямой форме отрицалась необходимость установления вины. Подозрение становилось достаточным основанием для применения смертной казни. Официально устанавливалась преступная система круговой поруки и массовых репрессий. Кроме того, указывалось, что «заподозренные» во всех случаях подлежали уничтожению; об этом прямо говорит пункт 5 раздела первого «Распоряжения».

Предъявляю документ СССР-3. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, озаглавленное «Директивы и приказы гитлеровского правительства и германского военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан».

Документ, касающийся осуществления массовых казней, так называемых «экзекуций», в лагерях, где содержалось мирное население и военнопленные. Он свидетельствует об организации немецко-фашистскими преступниками с первых же дней войны с Советским Союзом так называемых «зондеркоманд» — особых команд. Документ касается организации «зондеркоманд» в лагерях, где содержались военнопленные и мирное население. Термин «зондеркоманды» наполнился зловещим смыслом для населения временно оккупированных областей Советского Союза с первых же дней войны. Это был один из самых грубых и самых жестоких механизмов, созданных немецкими фашистами для умерщвления людей.

«Из обнаруженных документов видно,— говорится в Сообщении,— что гитлеровские палачи еще до своего нападения на СССР составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководящих советских работниках, которые, по их кровавым планам, подлежали уничтожению. Так были подготовлены «Особая розыскная книга СССР», «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода «розыскные книги и списки», которые гитлеровским убий-

цам должны были облегчить истребление передовой части населения СССР».

В документе, именуемом «Приложение 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД», датированном «Берлин, 17 июля 1941 г.» и подписанном Гейдрихом, исполнявшим в то время обязанности заместителя Гиммлера, указывается, однако, на недостаточность списков и розыскных книг и на необходимость не стеснять инициативу исполнителей убийств.

В документе говорится:

«Для осуществления ваших задач нет возможности предоставить в распоряжение команд пособия. «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания», «Особая розыскная книга СССР» окажутся полезными лишь в небольшом количестве случаев. «Особая розыскная книга СССР» поэтому недостаточна, так как в нее занесена лишь незначительная часть советских русских, которых следует считать опасными...

Для выполнения своих преступных планов немецкие оккупанты в стационарных и пересыльных лагерях для военнопленных, устроенных в то время на германской территории, в так называемом польском «генерал-губернаторстве» и на оккупированной советской территории, создали «зондеркоманды» (особые команды)».

В приложении 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД, датированном 29 октября 1941 г., указывается порядок формирования «зондеркоманд»:

«Формирование зондеркоманд полиции безопасности и СД производится по договоренности между начальником полиции безопасности и СД и верховным командованием вооруженных сил от 7/X 1941 года.

Командиры работают на основе особых полномочий и, согласно данным им общим директивам, в рамках лагерного распорядка самостоятельно. Само собой разумеется, что команды поддерживают тесный контакт с комендантами лагерей и офицерами контрразведки».

Широкий размах был придан имперским руководством насаждению этих опаснейших полицейских организаций. «Зондеркоманды» организовывались от города Красногвардейска (это пригородное место под Ленинградом) до города Николаева на Черном море.

Приказ начальника полиции безопасности и СД от 29 октября 1941 г. об организации «зондеркоманд» был разослан оперативным группам в Красногвардейск, Смоленск, Киев, Николаев и «информационно» в Ригу, Могилев, Кривой Рог.

Нужно также отметить, что гитлеровцы во время своего наступления на Москву создали в Смоленске специальную «зондеркоманду» — «Москва», задачей которой должны были явиться массовые убийства москвичей.

Выше отмечался широкий круг полномочий «зондеркоманд». В документе, цитируемом мной, по этому поводу сказано:

«О задачах, возложенных на «зондеркоманды», говорят оперативные директивы, приложенные к приказу начальника полиции безопасности и СД, датированному 17 июля 1941 г., который под видом «фильтрации гражданских лиц и подозрительных военнопленных, захваченных в восточном походе», указывает, что «особая обстановка восточного похода требует особых мер, которые должны проводиться под собственную ответственность, вне каких-либо бюрократических и административных влияний».

Развязав преступную войну, гитлеровцы вели ее на массовое уничтожение граждан Советского Союза и стран Восточной Европы. Я огласил уже некоторые документы, воссоздающие облик гитлеровских убийц и их преступления. Это были специально воспитанные главарями гитлеровской шайки массовые кадры преступников. Однако каждому криминалисту ясно, что мало было создать эти гнусные кадры преступников, но нужно было добиться и того, чтобы, осуществляя преступление, преступники чувствовали себя совершенно безнаказанными. Для того чтобы во всем колоссальном объеме осуществлять замышленные главными преступниками злодеяния, нужно было создать атмосферу безнаказанности для преступников. Я не буду цитировать уже ранее оглашенный под номером С-50 американским обвинением документ, который озаглавлен «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Но мне кажется, что содержание его следует твердо держать в памяти, ибо без уяснения полностью смысла этого документа в ряде случаев просто нельзя понять массовых преступлений, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Советского Союза.

Это распоряжение, подписанное Кейтелем, но изданное от имени Гитлера и по его прямым указаниям, было воспринято всеми солдатами и офицерами фашистской армии как личное распоряжение Гитлера. В подтверждение того, какие выводы сделали немецкие военнослужащие из этого распоряжения Кейтеля, я позволю себе сослаться на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске.

Я предъявляю Суду документ под номером СССР-38. В этом документе содержится выдержка из показаний председателя военного трибунала 267-й немецкой пехотной дивизии капитана Райхофа Юлиуса.

Цитирую по Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии показания Райхофа Юлиуса:

«За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось, по приказу Гитлера, предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к

мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера немецкие солдаты, руководимые офицерами, учиняли различного рода зверства...»

Но и это казалось недостаточным гитлеровскому руководству. И в 1942 году оно сочло необходимым в форме резкой директивы, абсолютно не допускающей исключений, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления немецко-фашистских военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей Советского Союза.

Имперское военное руководство особо подчеркивало, что безнаказанность злодеяний должна быть безоговорочно создана и в том случае, если жертвами любых, по методам совершения зверств, преступлений окажутся женщины и дети.

Председатель: Каковы материалы, которые вы называете «Строжайшими инструкциями»?

Смирнов: Я представляю сейчас Суду эту директиву под номером СССР-16 в виде фотостата, заверенного Чрезвычайной Государственной Комиссией. Эта директива подписана Кейтелем и озаглавлена «Борьба с бандами». Документ датирован 16 декабря 1942 г.

Председатель: Вы сказали, СССР-16?

Смирнов: СССР-16, господин председатель.

Председатель: Очень хорошо, продолжайте.

Смирнов: Благодарю Вас. Я почти полностью оглашу текст документа. Начинаю цитировать с заголовка:

«Содержание: Борьба с бандами. Строго секретно.

Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд (а «бандой», как известно, гитлеровские преступники называли всякое движение сопротивления мирного населения преступной деятельности немецких захватчиков), за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности.

В связи с этим фюрер приказал:

...Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Я подчеркиваю, что директива говорила о любых средствах расправ с женщинами и детьми.

«Любое проявление мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте,

которому приходится испытывать на себе последствия покушения бандитов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников.

Эти принципы должны лечь в основу «Инструкции по борьбе с бандами на Востоке...

2) Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке.

Командиры войск, действующих против банд, несут ответственность:

за обстоятельное и неуклонное ознакомление с этим приказом всех офицеров подчиненных им частей;

за немедленное ознакомление с этим приказом своих юрисконсультов;

за то, чтобы не утверждались приговоры, противоречащие этому приказу.

Кейтель».

Я заканчиваю на этом предъявление документов по первым двум разделам оглашенного в начале доклада перечня.

До сих пор предъявляемые мной Суду материалы призваны были удостоверить три положения.

1. Прямое подстрекательство главными военными преступниками самых широких слоев личного состава немецко-фашистских вооруженных сил к совершению тягчайших военных преступлений в отношении мирного населения.

2. Специальное воспитание гитлеровским руководством массовых кадров преступников для практического осуществления планов истребления народов.

3. Всемерное развязывание низменных инстинктов у исполнителей преступлений и создание обстановки полной безнаказанности для преступников.

Эти цели были вполне достигнуты главными немецкими военными преступниками. На оккупированных территориях Советского Союза и стран Восточной Европы гитлеровцами были совершены преступления в отношении мирного населения, которые ни по их масштабам, ни по методам совершения злодеяний, ни по цинизму и жестокости замыслов и действий организаторов и исполнителей не имеют прецедентов в мировой истории.

Я приступаю к предъявлению доказательств, характеризующих объем и методы этих преступлений немецких фашистов.

Установление режима немецко-фашистского террора

Я хочу показать, что означала в жизни народов установка Кейтеля о «замирении» оккупированных территорий.

Установление режима террора — это первое, что отмечало появление немецко-фашистских властей, безотносительно, были ли это военные или гражданские власти, на территории СССР или других стран Восточной Европы.

При этом режим террора осуществлялся не только в самых жестоких формах. Он осуществлялся также в форме бесстыдного глумления над достоинством и честью сделавшихся жертвами немецких фашистов людей.

При этом в первую очередь террористические действия фашистов обрушивались на головы тех, кого преступники считали наиболее активной в политическом отношении и способной к сопротивлению частью населения.

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное мною ранее под номером СССР-6 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области»:

«Отряды гестаповцев еще до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных произведений профессора Тадеуша Бой-Желенского, профессора мединститута Романа Реницкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю де Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича...»

Далее следует длинный список, в котором содержится еще тридцать одна фамилия выдающихся представителей интеллигенции города Львова.

«Профессор львовского мединститута Ф. В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил Комиссии:

«Когда 3 июля 1941 г. в 12 часов ночи меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней находились профессора: Грек, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом «Бурса Абрагамовичей». Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дергали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития «Бурса Абрагамовичей» немцы вывели под конвоем пять профессоров, четверо из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руффа. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению к Кадетской горе. Спустя 15—20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров».

Чтобы унизить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых и затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б. О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома № 8 на улице Артишевского в июле 1941 года эсэсовцы «привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии—

доктор юстиции Кренс. Среди приведенных было 5—6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в семи подъездах четырехэтажного дома. После того как все лестницы были вымыты, этих людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора...»

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла ученых, немцы отделывались молчанием.

По приказу рейхсминистра Германии Гиммлера осенью 1943 года гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключенные Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили Комиссии следующее:

«5 октября 1943 г. ночью между улицами Кадетской и Вулецкой по приказу одного из гестаповцев при свете прожекторов нами была открыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены.

Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили во Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства».

Сказанное мною ни в коей мере не означает того, что жертвами фашистского террора становились только руководители местных организаций или представители интеллигенции.

Выше я говорил лишь о том, что в первую очередь фашистский террор обращался против этих лиц.

Но одной из характернейших черт гитлеровского террора было то, что он декретировался немецким фашистским руководством и осуществлялся исполнителями как всеобщий террор.

В подтверждение этого я обращаюсь к документу СССР-63— Акту Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи.

Керчь— сравнительно небольшой город. От Львова он отделен многими сотнями километров. Если во Львове немецкие захватчики были уже в начале июля 1941 года, то до Керчи они добрались лишь в ноябре. В январе 1942 года немцы были уже выбиты из Керчи частями Красной Армии.

Таким образом, весь период оккупации (первой оккупации, потому что Керчь была дважды оккупирована немцами) был непродолжительным, он исчислялся сроком около двух месяцев. Но вот какие преступления были совершены немецкими фашистами в этом городе:

«Захватив город в ноябре 1941 года, гитлеровцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнару-

женное продовольствие владелец подлежит расстрелу». Следующим приказом номер 2 немецкая городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят и рабочий скот. Владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

Гестаповцы бесчинствовали. За каждый обнаруженный лишний килограмм фасоли или муки они расстреливали главу семьи.

Свои чудовищные зверства в городе немцы начали отравлением 245 детей школьного возраста».

Вы увидите впоследствии трупики этих детей при просмотре наших кинодокументов. Трупы детей были выброшены в керченский ров.

«Согласно приказу немецкого коменданта все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками 245 детей отправили за город, в заводскую школу якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленными ядом. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в «амбулаторию» и смазал их губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей. Там находился очень большой, очень длинный противотанковый ров.

Вечером 28 ноября 1941 г. по городу был вывешен приказ гестапо, согласно которому жители, ранее зарегистрированные в гестапо, должны были 29 ноября от 8 часов утра до 12 часов дня явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. Явиться было приказано всем мужчинам и женщинам, независимо от возраста и состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали публичным расстрелом. Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали для направления на работу. К 12 часам дня на площади собралось свыше 7 тысяч человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Это злодейское истребление обманом заключенного в тюрьму мирного населения производилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у всех посаженных в тюрьму были сняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы и пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных,

заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особым, утонченным пыткам—их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза.

После изгнания немцев из Керчи 30 декабря 1941 г. красноармейцами во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерово, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей.

По приходу Красной Армии в Керчь, в январе 1942 года, при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями. На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежали простреленные разрывными пулями восьмилетняя девочка и мальчик лет пяти. Их ручки вцепились в платье своей матери».

Обстоятельства расстрела подтверждаются показаниями многочисленных свидетелей, которым посчастливилось выбраться невредимыми из рва смерти. Приведу два из этих показаний:

«Двадцатилетний Анатолий Игнатьевич Бондаренко, ныне боец Красной Армии, показал: «Когда нас подвезли к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы, мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы заставить засыпать ров землей или копать новые окопы. Мы не верили, что нас привезли на расстрел. Но когда раздались первые выстрелы из наведенных на нас автоматов, я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так невредимым я в полуобморочном состоянии пролежал почти до вечера. Лежа в яме, я слышал, как некоторые раненые кричали жандармам, расстреливающим их: «Добей меня, мерзавец», «Ох, не попал, негодяй, еще бей!» Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: «Поднимайтесь, кто живой». Я встал, и мы вдвоем стали раскидывать трупы, вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман и пар от остывающей груды тел, крови и последнего дыхания умирающих. Мы вытащили Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней

ночью я добрался к своим знакомым в деревню Багерово и там дождался прихода Красной Армии».

Свидетель Каменев А. показал:

«За аэродромом шофер остановил машину, и мы увидели, что у рва немцы расстреливали людей. Нас из машины вывели и по десять человек стали подгонять ко рву. Я с сыном встал в первом десятке. Дошли мы до рва. Нас поставили лицом к яме, а немцы стали готовиться расстреливать нас в затылок. Сын мой обернулся и крикнул им: «За что вы расстреливаете мирное население?» Но раздались выстрелы, и сын сразу упал в яму. Я бросился за ним. В яму на меня стали падать трупы людей. Часа в три дня из груды трупов поднялся мальчик 11 лет и стал кричать: «Дяденьки, кто живой, вставайте, немцы ушли». Я боялся подняться, так как думал, что мальчик кричит по приказанию полицейского. Мальчик второй раз стал кричать, и на этот крик отозвался мой сын. Он поднялся и спросил: «Папа, ты живой?» Я не мог ничего сказать и только качал головой. Сын и мальчик вытащили меня из-под трупов. Мы увидели еще живых людей, которые кричали: «Спасите!» Некоторые из них были ранены. Все время, пока я лежал в яме, под трупами, слышны были крики и плач детей и женщин. Это после нас немцы расстреливали стариков, женщин и детей».

Немецкие варвары в своих бесчисленных издевательствах над советскими людьми не щадили и детей. Учительница Колесникова М. Н. показала, что немцы убили тринадцатилетнего мальчика за то, что он взял старую камеру автомашины и хотел плавать на ней во время купания на море.

Из показаний Сапельниковой Ефросиньи Николаевны установлен следующий факт: жительница Аджимушкая Бондаренко Мария, желая спасти трех своих детей от голодной смерти, попросила у немцев, работавших на кухне, что-нибудь покушать. Ей насыпали в котелок жиденькой каши. Семья Бондаренко с жадностью поела ее. Через несколько часов мать и трое детей были мертвыми. Фашистские палачи отравили их.

Из показаний Шумиловой Н. Х. установлено, что в июле немецкий офицер расстрелял шестилетнего мальчика за то, что он, идя по городу, пел советскую песню.

В саду имени Сакко и Ванцетти почти все лето висело тело мальчика лет девяти, который был повешен за то, что сорвал с дерева абрикос.

Я остановился на примере города Керчи не потому, что злодеяния гитлеровцев в этом городе были необычайны по размерам или особенно разительно выделяются по своей жестокости из других преступлений немцев, материалы о которых имеются в распоряжении советского обвинения. Отнюдь нет. Наоборот, Акт Чрезвычайной Комиссии я привел исключительно потому, что он дает подробную объективную запись военных преступлений в одном из многих городов, обреченных на то, чтобы в результате

ужасной войны, начатой немецко-фашистскими преступниками, сделаться жертвами террористического режима.

Такие же злодеяния творились гитлеровцами на всех временно оккупированных ими территориях Советского Союза.

В подтверждение этого я обращаюсь к обобщающему документу под номером СССР-51, который частично оглашался, говорю о ноте Народного комиссара иностранных дел от 27 апреля 1942 г. Во введении к ноте советское правительство вновь констатировало следующее:

«В распоряжение Советского правительства продолжают поступать все новые материалы и сообщения о том, что гитлеровские захватчики производят повсеместное ограбление и прямое истребление советского населения, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, ни перед какой жестокостью и насилием на территориях, которые они временно занимали или еще продолжают занимать. Советское правительство уже заявляло, что эти злодеяния не являются случайными эксцессами отдельных недисциплинированных воинских частей, отдельных германских офицеров и солдат. В настоящее время Советское правительство располагает недавно захваченными в штабах разгромленных германских частей документами, из которых явствует, что чинимые немецко-фашистской армией кровавые преступления и зверства совершаются ею в соответствии с тщательно составленными и разработанными до деталей планами германского правительства и приказами германского командования...»

Из текста этой ноты видно, что приказы имперского руководства об установлении террористического режима интерпретировались на оккупированных территориях всякого рода «комиссарами оккупированных областей», «гаулейтерами», командирами военных соединений.

Нечеловеческая жестокость, которую гитлеровская клика, рожденная в насилиях над собственным народом, проявила к населению европейских стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, во много крат превзойдена германской армией при ее вторжении на советскую территорию. Расправы гитлеровцев над мирным советским населением затмили самые кровавые страницы истории человечества и происходящей мировой войны и полностью разоблачают фашистские кроваво-преступные планы, направленные на истребление русского, украинского, белорусского и других народов Советского Союза.

Этими чудовищными фашистскими планами продиктованы приказы и инструкции германского командования об истреблении мирных советских жителей.

Так, например, инструкция германского верховного командования, озаглавленная «Обращение с гражданским населением и пленными противника», объявляет, что «офицеры ответственны за то, чтобы обращение с гражданским населением было беспощадным», и предписывает: «Производить воздействие силой по отношению ко всей массе

населения». В инструкции, разосланной германским командованием в качестве руководства для оккупационных властей на территории Белоруссии, сказано: «Любое враждебное поведение населения по отношению к немецким вооруженным силам и их организациям наказывается смертью. Кто укрывает красноармейцев или партизан, наказывается смертью. Если партизана не нашли, следует взять заложников из населения. Этих заложников следует повесить, если виновники или их помощники в течение 24-х часов не будут доставлены. В последующие сутки на этом же месте следует повесить удвоенное число заложников».

Пункт седьмой приказа номер 431/41 германского коменданта города Феодосии капитана Эбергарда гласит:

«Во время тревоги каждый гражданин, появившийся на улице, должен быть расстрелян. Появляющиеся группы граждан должны быть окружены и безжалостно расстреляны. Вожаки и подстрекатели должны быть публично повешены».

В инструкции по 260-й германской пехотной дивизии по вопросу об обращении с гражданским населением отдельным офицерам ставится на вид, что «необходимая жестокость применяется не везде».

Приказы, вывешиваемые оккупантами в советских городах и селах, предусматривают смертную казнь по самым разнообразным поводам: за выход на улицу после пяти часов вечера, за ночлег посторонних, за невыдачу красноармейцев, за несдачу имущества, за попытки тушить пожар в населенном пункте, назначенном к сожжению, передвижение из одного населенного пункта в другой, за отказ от принудительного труда и т. п. ...

Немецко-фашистское командование не только допускает, но прямо предписывает убийство женщин и детей. Организованное детоубийство в некоторых приказах представлено в виде мер борьбы с партизанским движением. Так, например, в приказе командира 254-й германской дивизии генерал-лейтенанта фон Бешнитта от 2 декабря 1941 г. характеризуется как «беспечное благодушие» тот факт, что «старики, женщины и дети всех возрастов» передвигаются позади германских линий, и приказывается «стрелять без оклика в каждое гражданское лицо любого возраста и пола, которое приближается к передней линии», а также «возложить на бургомистров ответственность за то, чтобы о появляющихся чужих лицах, в особенности о детях, немедленно сообщалось местному коменданту», и «немедленно расстреливать всякое лицо, подозреваемое в шпионаже».

В ноте содержатся также данные об установках, получавшихся фашистскими властями на временно оккупированных территориях от имперских властей:

«Некоторые из преступлений германских оккупантов, совершенных ими еще в первые недели их разбойничьего нападения на СССР, в частности, зверское истребление ими гражданского населения Белоруссии, Украины и Прибал-

тийских советских республик, документально устанавливаются лишь сейчас. Так, например, при разгроме частями Красной Армии в районе города Торопца в январе 1942 года кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет первого кавалерийского полка названной бригады об «умиротворении» им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за номером 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем «сообщении о проведении усмирительной припятской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.»: «Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно, песка)». В том же штабе обнаружена телеграмма командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», указывает, что «необходимо действовать радикально», что «командиры соединений слишком мягки в проведении операций», и приказывает ежедневно докладывать о числе расстрелянных...»

В этой связи нельзя не упомянуть о преступной деятельности подсудимого Розенберга. Развивая общие установки имперского руководства о насаждении режима террора в оккупированных восточных областях, правильнее говоря, будучи одним из основных авторов этих установок, Розенберг в «Остланде» (так гитлеровцами назывались оккупированные районы в Прибалтике) издал ряд законов, причем в том же «Остланде» подобные же распоряжения и приказы, преследующие цели террора, издавали и другие высшие чиновники насажденной Розенбергом фашистской администрации.

Я предъявляю Суду под номером СССР-39 Сообщение Государственной Чрезвычайной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской ССР:

«17 июля 1941 г. Гитлер своим декретом передал законодательную власть на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний, в свою очередь, передоверил законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введен произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 г. рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 г. закон специально для лиц, не принадле-

жащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих — эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 г. чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к местной национальности, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должны караться со всей строгостью:

а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу,

б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

12 января 1942 г. рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председательствующего полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме «судов», созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввел местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман».

Я представляю Суду, далее, под номером СССР-18 фотостат откровенного террористического приказа немецких военных властей. Этот приказ военной комендатуры города Пскова. Из этого документа видно, что мирному гражданскому населению запрещалось даже выходить на проездные дороги в своей местности. Все замеченные там немецкими солдатами мирные граждане должны были быть расстреляны.

«...Исходя из вышеизложенного, приказываю:

1. Все гражданские лица, независимо от возраста и пола, которые будут обнаружены на полотне дорог или вблизи от него, должны рассматриваться как бандиты и подлежат расстрелу. Само собой разумеется, исключение составляют рабочие колонны, находящиеся под надзором.

Все лица, упомянутые в пункте 1, которые пересекают дороги, подлежат расстрелу. Все лица, упомянутые в пункте 1, которые ночью или в сумерках находятся на дорогах, подлежат расстрелу...

4. Лица, упомянутые в пункте 1, если они обнаружены на дорогах днем, подлежат задержанию и самой тщательной проверке».

Таковы были террористические «постановления», «приказы» и даже издаваемые единолично, на так называемых «принципах фюрерства», «законы» крупных чиновников и представителей военных властей немецко-фашистского государства.

Но право беспощадной расправы с мирным населением приобретали не только они. Любая ортскомендатура, любой командир мелкой части, наконец, любой солдат гитлеровской армии приобретали право расправы с мирным населением оккупированных районов.

Я предъявляю Суду под номером СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве:

«Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в «душегубках». Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах...»

Прошу Суд принять в качестве доказательства фотостат объявления под номером СССР-290. Текст этого объявления гласит следующее:

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением.

Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа.

Киев, 22 октября 1941 г.
Комендант города».

Под номером СССР-291 представляется фотостат следующего объявления коменданта города Киева:

«В Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было дольше терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно послужить предостережением для населения.

Требую еще раз о всяких подозрительных случаях немедленно сообщать немецким войскам или немецкой полиции для того, чтобы в надлежащей мере были наказаны преступники.

Эбергард,
генерал-майор, комендант города.
Киев, 29 ноября 1941 г.».

Под номером СССР-333 я представляю фотостат третьего и последнего по Киеву объявления:

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Эбергард,
генерал-майор, комендант города.
Киев, 2 ноября 1941 г.».

Я ссылаюсь на документ под номером СССР-63. Здесь содержится акт комиссии Дзержинского районного Совета города Сталинграда. Достоверность сообщаемых в нем сведений была подтверждена. Свидетельство этому вы найдете в Акте Чрезвычайной Государственной Комиссии за подписью члена Комиссии академика Трайнина и других лиц.

Я цитирую акт комиссии, обследовавшей территорию Дзержинского района города Сталинграда после разгрома немцев под Сталинградом, где содержатся сведения об объявлениях, вывешенных на улицах Сталинграда немецкой комендатурой, и о последствиях этих объявлений.

«...Военная комендатура сеяла смерть повсюду. На улицах ею были развешены объявления, угрожающие расстрелом за каждый шаг. Например, на Аральской улице висело такое объявление: «Кто здесь пройдет, тому смерть», на углу улиц Невской и Медведицкой: «Проход русским запрещен, за нарушение— расстрел».

И в действительности немцы расстреливали на каждом шагу, о чем свидетельствуют сотни могил, обнаруженных вдоль улиц Дзержинского района города Сталинграда. Замученных, расстрелянных и повешенных в самой комендатуре вначале выбрасывали в яму, что находилась рядом с комендатурой. После изгнания оккупантов в этой яме был обнаружен 31 труп. Когда эта яма была заполнена, то трупы вывозились на кладбище, что в двух километрах от здания комендатуры. На кладбище была вырыта яма глубиной около 6 метров, длиной 40 метров и шириной 12 метров.

После изгнания оккупантов в названной яме было обнаружено 516 трупов советских граждан, в том числе 50 детей, замученных, расстрелянных, повешенных в комендатуре и других местах. При осмотре трупов 25 марта 1943 г. было установлено, что гитлеровцы зверски истязали советских людей перед их умерщвлением. Кроме трупов детей, было обнаружено 323 трупа женщин, 69 трупов стариков и 74 трупа мужчин.

141 труп имел следы огнестрельных ран в голову и грудь, 92 трупа имели странгуляционные борозды на шеях, что свидетельствовало об их повешении. Все остальные трупы были обезображены и носили следы пыток. У 130 жертв—женщин,девушек — руки были заломлены назад и

связаны проволокой, причем у 18 из них были вырезаны груди, у некоторых обрезаны уши и обрублены пальцы рук и ног, у большинства на теле имелись следы ожогов.

Осмотр этих трупов показал, что 21 женщина умерла от истязаний и ран, а остальные после пыток были расстреляны.

Даже трупы детей были изуродованы: у некоторых были обрезаны пальцы, порезаны ягодицы, выколоты глаза».

Я перехожу к следующему разделу представления доказательств, к пыткам, которые применялись гитлеровцами во время допросов.

Пытки вообще были официально предусмотрены и санкционированы гитлеровцами. Я представляю Трибуналу под номером СССР-11 один из таких документов, свидетельствующих о том, что пытки были совершенно официально предусмотрены. Это служебная инструкция для концлагерей, «Лагерный устав», изданный в Берлине в 1941 году. Например, в разделе третьем инструкции, озаглавленной «Телесные наказания», сказано:

«Можно наносить от 5 до 25 ударов по пояснице и ягодицам. Количество ударов назначается комендантом лагеря и вносится им в соответствующую рубрику распоряжения о наказании».

Для оформления «особо строгого допроса», правильнее допроса с применением пыток, соответствующими немецкими полицейскими управлениями были изданы специальные бланки. Я предъявляю Суду и прошу приобщить к делу в качестве доказательства подлинный формуляр такого «особо строгого допроса». Я предъявляю его под номером СССР-254. Он является приложением к докладу правительства Югославии. Этот формуляр, как видно из приложенного к нему удостоверения, был захвачен в немецком архиве частями югославской армии.

«Чтобы яснее охарактеризовать зверскую жестокость, осуществляемую при проведении этого плана уничтожения, мы вручаем Трибуналу еще один оригинальный документ, захваченный в немецких архивах Югославии. Это бланк-формуляр так называемого «особо строгого допроса» жертв нацистских преступников. Такие допросы проводились в Словакии органами полиции безопасности и СД.

На первой странице формуляра полицейский орган предлагает применить по отношению к какому-то лицу «особо строгий допрос». На второй странице соответствующий офицер СС одобряет такой допрос. Ответ на вопрос, каким должен быть «особо строгий допрос», мы находим в следующем положении этого формуляра:

«Особо строгий допрос должен заключаться в... Следует вести протокол допроса. Можно привлечь врача (или можно не привлекать)».

Упоминание о враче и его присутствии при допросе не оставляет сомнения в том, что допрос заключался в физических пытках допрашиваемого. Тот факт, что для

такого допроса существовали печатные инструкции, ясно доказывает массовое применение этих преступных способов».

Рейхсфюрером СС специально предусматривались случаи того, что при допросах заподозренные могут пытаться покончить жизнь самоубийством.

Поэтому руководитель эсэсовцев не просто разрешал, а приказывал связывать арестованным руки и ноги или заковывать их в цепи.

Я представляю Суду под номером СССР-298 фотостат директивы шефа германской полиции под номером 202/43 от 1 июня 1943 г. Документ заверен Чрезвычайной Государственной Комиссией. Дата этого документа— 1 июня 1943 г.

«О предотвращении случаев бегства при допросах.

Для предотвращения попыток к бегству при допросах во всех случаях, где существует сильная угроза того, что при сложившихся обстоятельствах или важности личности арестованного последний может совершить бегство или самоубийство, я приказываю так связывать арестованным руки и ноги, чтобы любые попытки к бегству были пресечены.

Можно использовать кольца и цепи, если таковые имеются».

Все эти официальные распоряжения немецких центральных полицейских властей я привел Суду не просто для того, чтобы показать, как официальные немецкие инстанции предусматривали применение пыток и истязаний во время допросов. Это положение общеизвестно и не нуждается в особых доказательствах. Но я представляю далее один из документов, находящихся в руках советского обвинения, который покажет, насколько те истязания, которым подвергались в полицейских камерах арестованные, неизмеримо превышали даже установленные преступниками санкции и официально санкционированные виды пыток.

Я предъявляю Суду под номером СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Расследование этих злодеяний производилось под руководством крупного академика, ныне покойного, русского писателя Алексея Николаевича Толстого. Академик А. Н. Толстой, как помнит, очевидно, Суд, являлся членом Чрезвычайной Государственной Комиссии:

«...Исключительные по своей жестокости пытки и истязания советских граждан производились в помещении гестапо. Так, например, гражданина Ковальчука Филиппа Акимовича, 1891 года рождения, проживающего в городе Пятигорске, арестовали 27 октября 1942 г. у себя на квартире, избили до потери сознания, затем отвели в гестапо и бросили в одну из камер. Через сутки гестаповцы приступили к его истязаниям и пыткам. Допрашивали и избивали его только ночью. Для допросов вызывали в отдельную камеру, где были специальные приспособления для пыток:

цепи с поручнями для закрепления рук и ног. Эти цепи были прикреплены к цементному полу камеры. Арестованных предварительно раздевали наголо, клали на пол, затем руки и ноги заковывали в цепи. Таким пыткам и подвергали гражданина Ковальчука. Находясь закованным в цепях, он совершенно не мог двигаться и лежал вверх спиной, в таком положении избивали его резиновыми палками в течение 16 дней.

Кроме нечеловеческих пыток, гестаповцы применяли и следующие. Закованным в цепи на спину клали широкую доску и сверху по этой доске тяжелыми гирями наносили резкие удары, вследствие чего у заключенного лилась кровь изо рта, носа и ушей и он терял сознание.

Камера пыток в гестапо была устроена таким образом, что когда одного арестованного пытали, то остальные арестованные, сидящие в соседней камере и ожидающие предстоящей расправы, наблюдали за пытками и истязаниями.

После пыток заключенного, потерявшего сознание, бросали в сторону, и следующую свою жертву гестаповцы силой волокли из соседней камеры, вновь заковывали в цепи и таким же путем продолжали пытать. Камеры пыток всегда были в крови. Доска, которую накладывали на спину, также была вся в крови, резиновые палки, которыми избивали арестованных, от крови были красные.

Арестованных советских людей, обреченных на расстрел, после невероятных пыток и истязаний загоняли в машину, увозили за город и расстреливали...

Чайка Варвара Ивановна, 1912 года рождения, проживающая по улице Дзержинского, дом 31, кв. 3, во время пребывания в заключении гестапо подвергалась со стороны начальника гестапо капитана Винца невероятно жестоким пыткам. Вот что сообщает об этом Чайка В. И.:

«Я была подвергнута издевательствам и пыткам со стороны начальника гестапо немца капитана Винца. Однажды он меня вызвал на допрос в камеру пыток. В этой камере было четыре стола, на полу деревянные решетки и два таза с водой, в которых лежали кожаные плетки. На потолке— два кольца с продетыми в них веревками, на которые подвешивали арестованных во время пыток. По команде капитана Винца гестаповцы положили меня на стол, сняли с меня всю одежду и сильно избивали плетьми. Избиениям я подвергалась дважды. Всего мне нанесли 75 ударов плетьми, отбили почки и выбили 8 зубов».

То, что происходило в застенках гестапо в Ставрополе, отнюдь не являлось исключением. То же самое происходило повсеместно. В подтверждение этого я ссылаюсь на предъявленное мною уже ранее Суду под номером СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве»:

«Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на

морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской Лавре...»

Я позволю себе специально обратить внимание Суда на то, что Киево-Печерская Лавра — это один из древнейших архитектурных памятников Советского Союза, это особо охраняемая культурная ценность, близкая сердцу советских людей, ибо это вещественная память древности. Полицейский застенок был устроен именно в Киево-Печерской Лавре. О дальнейшей судьбе ее уважаемый Суд узнает из следующих докладов моих коллег.

В крайне жестоких формах производились пытки во время допросов в период господства немецко-фашистских захватчиков в Одессе.

Я ссылаюсь на одно показание, содержащееся в Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области».

Этот документ я предъявляю Суду под номером СССР-47. Оглашаю показания режиссера кинохроники Павла Крапивного:

«Следователь включал стоящий на столе реостат, и когда подследственный не так отвечал на вопрос, как того хотел следователь, рукоятка реостата безжалостно шла на напряжение, тело подследственного начинало дрожать, а глаза вылезали из орбит».

Или: «Подследственного со связанными назад руками подвешивали к потолку... и начинали его крутить вокруг собственной оси. Покрутившись таким образом до 200 раз, висящий на веревке подследственный с бешеной скоростью раскручивался в обратном направлении. В этот момент палачи с двух сторон били его резиновыми палками. Человек терял сознание не только от бешеного вращения, но и от побоев».

Я ссылаюсь на документ, предъявленный моим коллегой под номером СССР-41, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики:

«В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирало 30—35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязаемым не оказывали...

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР».

Перехожу к следующему разделу моего доклада.

Несколько вводных замечаний.

Одним из наиболее позорных преступлений гитлеровцев в Польше, Чехословакии и в Югославии является повсеместное насаждение немецкими фашистами звериной системы заложничества.

Система заложничества насаждалась гитлеровцами во всех странах, сделавшихся жертвами их агрессии. На востоке Европы формы, в которых немецкие преступники осуществляли убийства заложников, были особенно жестоки. Насаждая эту систему, гитлеровцы попирали все законы и обычаи войны.

Однако применительно к Советскому Союзу вообще трудно говорить об убийстве заложников; ибо преступления, повсеместно осуществляемые гитлеровцами на временно оккупированных территориях СССР, не могут быть вмещены даже в рамки этой преступной системы заложничества. В значительной степени эти же замечания относятся к Польше, и в особенности к Югославии.

В этих странах гитлеровцы под видом заложничества совершали неизмеримо большие военные преступления, ставящие конечной целью истребление народов.

В виде кратких извлечений из соответствующих докладов я привожу извлечение из доклада правительства Польской Республики:

«а) одной из наиболее отвратительных черт гитлеровской оккупации в Польше было применение системы заложников. Коллективная ответственность, уплата коллективной пени и торговля человеческой жизнью считались лучшим методом порабощения польского народа;

б) вот несколько типичных случаев массовых репрессий. Они являются иллюстрацией методов, употребляемых немецкими оккупантами;

в) в ноябре 1939 года неизвестный человек подложил огонь под овин, наполненный зерном, находящийся на окраине Ново Място Любавске. Овин был собственностью немца. Вследствие этого некий Шперлинг, штандартенфюрер СС, получил приказ от высших властей предпринять репрессию. Известное количество поляков из среды наиболее выдающихся граждан было арестовано. Среди них 15 были выбраны и публично расстреляны эсэсовцами. Среди жертв были:

два брата Янковских, один юрист, второй священник, портной Малковский, кузнец Зимны, майор резерва армии Вона, сын одного трактирщика, издатель газеты, священник Бронислав Дембеновский;

г) в октябре 1939 года немецкие власти поймали несколько поляков в городе Иновроцлав и заключили их в тюрьму в качестве заложников. Затем вывели во двор тюрьмы, где их били беспощадно, и расстреляли одного за другим. В общем было убито 70 человек, в числе их — городской голова и его заместитель. Среди жертв были самые выдающиеся жители города...

д) 7 марта 1941 г. кинематографический актер Иго Сым, который причислял себя к немецкой национальности (фольксдейче) и которому вверены были немецкие театры в Варшаве, был убит на своей квартире. Хотя виновных не нашли, губернатор Варшавы Фишер заявил, что Сым убит поляками, и приказал арестовать большое число заложников, закрыть театры и запретил польскому населению выходить вечером на улицу. Заложники были взяты, чтобы обеспечить обнаружение виновных. Арестовано было около 200 человек, среди которых учителя, духовенство, врачи, юристы и артисты. Дано было три дня населению Варшавы, чтобы найти убийц Сыма. По истечении трех дней, когда виновники остались неизвестными, 17 заложников были казнены. Среди них профессор Копец, его сын и профессор Закржевский».

Прошу Суд обратиться к докладу правительства Чехословакии.

«Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности католических и протестантских священников, юристов, докторов, учителей и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности». Вначале это были только угрозы. В 1940 году Карл Франк заявил в речи к «вождям движения национального единства», что 2 тысячи чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности.

Некоторое время спустя после покушения на Гейдриха многие из этих заложников были казнены. Типичным методом нацистского полицейского террора были угрозы репрессии против директоров заводов в том случае, если произойдет перебой в работе. Таким образом, в 1939 году гестапо созвало директоров и заведующих складами различных промышленных фирм и заявило им, что они будут расстреляны в случае забастовки. Когда они уходили, они должны были подписать следующее заявление: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

Подобным же образом школьные преподаватели ручались за лояльное поведение своих учеников. Многие учителя были арестованы только потому, что ученики их школы обвинялись в составлении антинемецких лозунгов или чтении запрещенных книг».

Перехожу к разделу, посвященному убийству заложников в Югославии.

Эти преступные убийства мирных людей в Югославии приобрели особое развитие. По существу, здесь уже нельзя говорить об убийстве заложников, хотя все офицальные документы гитлеровцев, которые будут предъявлены далее Суду, употребляют этот термин.

По существу же, под видом убийств заложников гитлеровские преступники в громадных масштабах осуществляли режим террористического истребления мирных граждан не только за то, что кем-то сделано, но даже за то, что, по мнению гитлеровцев, могло быть сделано.

«Убийство заложников было одним из тех средств, которые применялись военными органами и имперским правительством в невероятных масштабах для массового уничтожения югославского населения.

Югославская государственная комиссия по установлению военных преступлений располагает по этому вопросу бесчисленным количеством конкретных подробностей и подлинными доказательствами из германских архивов. Здесь мы предлагаем только ограниченное количество таких подробностей и доказательств, которых, однако, достаточно, чтобы представить убийство заложников как часть общего плана и систематичности нацистского преступления». Далее, в докладе правительства Югославии цитируется приказ коменданта так называемой группы «Запад» генерала Браунера. Приводится следующая цитата:

«В захваченных партизанами районах взятие заложников из всех слоев населения остается в силе как единственное средство запугивания, имеющее успех».

В подтверждение объема преступлений гитлеровцев, связанных с убийствами заложников, предъявляю Трибуналу следующие документы:

Во-первых, под номером СССР-261 — заверенную фотокопию «Объявления» командующего генерала и главнокомандующего в Сербии от 25 декабря 1942 г., в котором он объявляет о расстреле 50 заложников; во-вторых, под номером СССР-319 — заверенную фотокопию «Объявления» того же командующего от 19 февраля 1943 г., в котором он объявляет о расстреле 400 заложников, произведенном в тот же день в Белграде; в-третьих, под номером СССР-320 — заверенную фотокопию «Объявления» районной комендатуры в Позареваце от 3 апреля 1943 г., в котором объявляется о расстреле 75 заложников; в-четвертых, под номером СССР-321 — заверенную фотокопию «Объявления» того же самого районного коменданта в Позареваце от 16 апреля 1943 г., в котором он сообщает о расстреле 30 заложников, и, наконец, — заверенную фотокопию «Объявления» военного коменданта Белграда от 14 октября 1943 г., где он сообщает о расстреле 100 заложников.

Планомерное и систематическое убийство заложников видно из следующих данных, которые были собраны Югославской государственной комиссией по установлению военных преступлений на основании конфискованных германских архивов и найденных в них материалов. Эти данные относятся только к Сербии:

«3 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 450 заложников; 17 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 200 заложников; 27 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 50 за-

ложников; 3 ноября 1941 г. в Белграде расстреляно 100 заложников».

Другие данные показывают нам страшное нагромождение этих преступлений по времени:

12 декабря 1942 г. в Крагуеваце расстреляно 10 заложников,
12 декабря 1942 г. в Крусеваце расстреляно 10 заложников,
15 декабря 1942 г. в Бруше расстреляно 30 заложников,
17 декабря 1942 г. в Петроваце расстреляно 50 заложников,
20 декабря 1942 г. в Бруше расстреляно 10 заложников,
25 декабря 1942 г. в Петроваце расстреляно 50 заложников,
26 декабря 1942 г. в Бруше расстреляно 10 заложников,
26 декабря 1942 г. в Петроваце расстреляно 250 заложников,
27 декабря 1942 г. в Крусеваце расстреляно 25 заложников.

Можно согласиться, как кажется мне, с утверждением правительства Югославии, которое говорит далее, что такого рода цифры можно было бы представлять до бесконечности:

«Расстрел заложников, как правило, проводился варварским способом. Чаще всего жертв заставляли становиться группами друг за другом, ждать своей очереди и наблюдать за казнью предыдущих групп. Так они последовательно уничтожались».

Предъявляю Суду под номером СССР-25 отчет полицейского управления квислинговской администрации [1] Милана Недича. Там говорится о расстреле 11 декабря 1941 г. в Лесковаце 310 заложников, из которых цыган — 293. Продолжаю цитирование доклада правительства Югославии:

«Путем осмотра места и допроса цыган районным управлением по расследованию военных преступлений в Лесковаце был установлен способ этого расстрела».

Я представляю Суду документ, на который ссылается правительство Югославской Республики, под номером СССР-226:

«11 декабря 1941 г. с 6 часов утра до 4 часов пополудни немцы перевозили на своих грузовых машинах арестованных заложников по группам, численностью до 20 человек каждая, со связанными руками, к подножью горы Хисар. Отсюда они пешком перегонялись через гору.., там их рядами устанавливали у свежевырытых могил, расстреливали и сбрасывали в могилы».

В подтверждение того, что преступный способ заложничества получил в Югославии самое широкое распространение, правительство Югославии предъявило ряд подлинников и заверенных фотокопий различных документов.

Я предъявляю под номером СССР-256а подлинник «Объявления» от 12 августа 1941 г., в котором сообщается о расстреле 10 заложников. Отпечатанный плакат подписан

---

[1] Имеется в виду местная администрация, сотрудничавшая с оккупантами..

германским полицейским комиссаром в Лашко (Лаак) Храдецким.

Далее я представляю под номером СССР-148 заверенную фотокопию «Объявления» о расстреле 57 лиц. Этот плакат датирован 13 ноября 1941 г. и подписан Кучерой. Следом за ним я представляю под номером СССР-144 заверенную фотокопию «Объявления» от 21 января 1942 г. о расстреле 15 заложников. Плакат подписан Розенером.

Далее я представляю под номером СССР-145 заверенную фотокопию «Объявления» 1942 года (месяц не известен) о расстреле 51 заложника. Плакат подписан тоже Розенером. Далее я представляю под номером СССР-146 подлинник «Объявления» от 31 марта 1942 г. о расстреле 29 заложников. Отпечатанный плакат подписан также Розенером. Далее я представляю под номером СССР-147 заверенную фотокопию «Объявления», согласно которому 1 июля 1942 г. расстреляно 29 заложников.

Я считаю, что комплекс этих документов может убедить в том, что заложничество применялось немецко-фашистскими преступниками в Югославии чрезвычайно широко.

Я предъявляю Трибуналу под номером СССР-364 выдержку из сообщения номер 6 Югославской государственной комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целье на крючьях, на которых мясники вывешивают мясо. В Мариборе каждые 5 из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти 5 человек расстреливались и следующие 5 были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось беспрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текущей с грузовиков. Число в 50 тысяч убитых кажется слишком малым, так как каждый раз расстреливались многие сотни, в Грацце даже по 500 человек».

Я представляю Международному военному трибуналу доклад правительства Греческой Республики, доклад этот заверен должным образом и подписан послом Греции в Великобритании, а также британским Министерством иностранных дел.

Война Греции была объявлена Германией 6 апреля 1941 г.

Уже 31 мая германский командующий в Афинах издал откровенно террористический приказ, направленный против мирного населения Греции.

Непосредственным поводом к изданию этого приказа послужило то, что 30 мая 1941 г. греческие патриоты сорвали свастику с Акрополя.

Я привожу извлечение из этого приказа командующего немецкими вооруженными силами в Греции, цитируя доклад правительства Греции:

«...За то, что в ночь с 30 на 31 мая немецкий военный флаг, развевавшийся над Акрополем, был сорван неизвес-

тными лицами, виновные в совершении этого акта, а также их сообщники подлежат смертной казни».

С этого времени в Греции устанавливается тот же режим немецко-фашистского террора, который характеризует действия гитлеровских преступников на всех оккупированных ими территориях.

В нарушение статьи 50 Гаагских правил они систематически наказывали невиновных, строго придерживаясь при этом принципа, что за действия, совершенные отдельными лицами, ответственность должно нести все население в целом.

Обрекая население на голодную смерть, они использовали это как средство оказания давления для ослабления сопротивления со стороны греческого народа... Очень немногие судились военным трибуналом, но и в тех случаях, когда такие суды назначались, они были какой-то пародией на суд. Они проводили политику репрессий, включая захват и убийство заложников, массовые убийства, разорение и опустошение деревень в качестве контрмер за действия, совершенные неизвестными лицами в окрестностях этих деревень.

Таким образом, подавляющее большинство тех, кто был казнен в качестве репрессий, были без разбора взяты из тюрем и лагерей, без какого-либо отношения к действиям, за которые они были казнены. Жизнь каждого гражданина зависела от произвольного решения местного командира. Мне кажется, что будет правильным считать одним из звеньев этого террористического режима немецких фашистов, установленного в Греции, умерщвление многих тысяч людей голодом. В докладе правительства Греции сказано следующее:

«Без сомнения, огромное большинство населения Греции в течение трех лет жило на грани голодной смерти. Тысячам людей Греции пришлось терпеть настоящий голод, пока они, наконец, получили помощь, доставленную по морю. Результатом явилось повышение смертности на 500—600 процентов в столице и на 800—1000 процентов на островах за период с октября 1941 года по апрель 1942 года, 25 процентов новорожденных детей погибло, причем здоровье выживших было значительно подорвано».

В докладе правительства Греции приводятся извлечения из отчета нейтральных миссий. Я приведу одно из этих извлечений:

«В течение зимы 1941/42 г., когда в столице царил голод, условия в провинции были еще терпимыми. Но во время следующего года, когда свободный рынок поглотил все запасы Канады в помощь наиболее крупным городам, положение значительно изменилось. Во время наших первых поездок по расследованию общего положения в марте 1943 года мы знакомились с людьми, которые, буквально плача, просили хлеба. Население многих деревень питалось только заменителем, приготовленным из муки, диких груш и желудей,— пищей, пригодной для свиней. Во мно-

гих районах люди с декабря не видели хлеба. Нас приглашали в дома и показывали пустые полки и кладовые. Мы видели, как люди варили траву без масла и ели только для того, чтобы чем-нибудь наполнить себе желудок. Население наиболее бедных деревень было исключительно истощено. В особенности в жалком состоянии находились дети, с тощими конечностями и опухшими животами. Они были лишены присущей детям подвижности и жизнерадостности. То, что половина детей была не в состоянии ходить в школу, представляло собой весьма обычное явление». (Отчет шведской делегации в январе 1944 года.)

Расстрелы заложников приобрели в Греции с первых недель оккупации ее немецко-фашистскими вооруженными силами самое широкое распространение. Я цитирую по этому поводу доклад правительства Греции:

«Заложников брали без всякого разбора и из всех слоев населения. Политические деятели, профессора, ученые, адвокаты, офицеры, гражданские служащие, духовенство, рабочие, женщины — все были помещены под рубрику «подозрительные» или «коммунисты» и заключались в местные тюрьмы или концлагеря. На допросах заключенных подвергали различного рода утонченным пыткам. Заложников концентрировали в местах заключения, где арестованным создавался совершенно невыносимый режим...

Заключенных морили голодом, избивали и пытали, заставляли жить в совершенно нечеловеческих условиях, не оказывали им никакой медицинской или санитарной помощи, отдавали в распоряжение утонченных садистов охраны СС. Многие были расстреляны или повешены, многие умерли от жестокого обращения, голода и лишь очень немногие были освобождены и дожили до того дня, когда пришло освобождение их родины. Заложников увозили в концлагеря в Германию. Так, определенное количество греков содержалось в лагерях в Бухенвальде, Дахау и т. д.».

В докладе приводятся итоговые цифры убитых заложников: «Около 91 тысячи заложников было расстреляно».

Сейчас я прошу Суд обратить внимание на документ, трактующий о колоссальных масштабах уничтожения советских людей на временно оккупированных районах Союза ССР. В подтверждение этого я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области. Я предъявляю этот документ под номером СССР-45 и оглашаю заключение судебно-медицинской экспертизы трупов, извлеченных из мест захоронения немцами мирных советских граждан.

«1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвленных немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них:

а) в городе Ровно по Белой улице у дровяного склада — 49 000

б) в городе Ровно по Белой улице на огороде—32 500
в) в селе Сосенки—17 500
г) в карьерах у села Выдумка—3 000
д) на территории тюрьмы города Ровно—500».

Я прошу Суд обратить внимание на то, что в последующем тексте содержатся указания на распределение определенных способов умерщвления людей, применяемых преступниками, по отдельным периодам времени. Так, массовые расстрелы, как видно из следующих далее пунктов «а», «б» и «в», относились к 1941, 1942 годам. Умерщвление мирных граждан путем отравления угарным газом в душегубках, как видно из пункта «г», относилось к 1943 году. Расстрелы с последующим сожжением трупов относились к 1943 году, и расстрелы в тюрьме относились к 1944 году.

«...18 марта 1943 г. ровенская газета немецких оккупантов «Волынь» опубликовала следующее извещение:

«8 марта 1943 г. пытались убежать заключенные Ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полиции безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

В ноябре 1943 года неизвестным лицом был убит немецкий областной судья. В ответ на это гитлеровцы опять расстреляли свыше 350 заключенных, содержавшихся в Ровенской тюрьме».

Я не буду приводить более примеров расстрела заключенных в тюрьмах, ибо в тех кинодокументах, которые будут предъявлены Суду, уважаемые судьи найдут ряд подобного рода преступлений гитлеровских захватчиков, совершенных на территории СССР.

Перехожу к следующему разделу своего доклада.

Уничтожение в виде репрессий населения деревень

В бесконечном ряду злодеяний германского фашизма есть такие, которые надолго, может быть навсегда, останутся в памяти негодующего человечества, хотя оно и узнало затем о неизмеримо больших преступлениях нацизма.

К числу таких преступлений нацистов относятся уничтожение ими маленькой чехословацкой деревни Лидице и зверская расправа с населением этой деревни.

Много раз еще в более жестоких формах судьба Лидице была повторена на территориях Советского Союза, Югославии, Польши. Но мир помнит Лидице и не забудет о ней. Эта маленькая деревня стала символом преступлений нацизма.

Уничтожение Лидице было произведено нацистами в виде репрессии за справедливое убийство патриотами протектора Чехии Гейдриха.

Главный обвинитель от СССР, говоря о Лидице, привел официальное сообщение немцев об этом акте террора из газеты «Дер нойе Таг» от 11 июня 1942 г.

Приведу очень краткие извлечения из доклада правительства Чехословацкой Республики:

«9 июня 1942 г. деревня Лидице была окружена по приказанию гестапо солдатами, прибывшими из местечка Слани в 10 больших грузовиках. Они разрешали всем входить в деревню, но никому не позволяли из нее выходить. Двенадцатилетний мальчик пытался бежать. Солдат застрелил его на месте. Одна женщина хотела скрыться — пуля в спину сразила ее, и ее труп был найден в поле после снятия урожая. Гестапо потащило женщин и детей в школу.

10 июня было последним днем Лидице и ее обитателей. Мужчины были заперты в погребе, гумне и конюшне фермы семьи Горак. Они предвидели свою участь и спокойно ожидали ее. Семидесятитрехлетний священник Штерибек поддерживал их молитвами...

Мужчины были выведены из фермы Горака в сад за гумном и расстреляны по десять человек. Убийства продолжались с утра до четырех часов дня. Затем палачи сфотографировались на месте казни у трупов...

Судьба мужского населения была ужасна: 172 взрослых мужчин и юношей от 16 лет были расстреляны 10 июня 1942 г., 19 человек, работавших в шахтах Кладно, были спустя некоторое время схвачены в шахтах или в ближайших лесах и расстреляны в Праге.

7 женщин из Лидице были расстреляны в Праге. Остальные 195 женщин были сосланы в концлагерь Равенсбрюк, 42 умерли от плохого обращения, 7 погибли в душегубках, а 3 пропали без вести.

4 женщины из Лидице были отвезены в родильные дома в Праге, новорожденные дети были убиты, а женщины посланы в Равенсбрюк.

Дети из Лидице были отняты у матерей несколько дней спустя после разрушения деревни. 90 детей было послано в Лодзь, в Польшу, а оттуда в концлагерь Гнейзенау (так называемый «Бортоланд»). До сих пор не найдены следы этих людей. Семь самых младших (до года) были отвезены в немецкую детскую больницу в Праге и после осмотра «расовыми экспертами» отосланы в Германию. Они должны были быть воспитаны как немцы и получили немецкие имена. Все следы их потеряны.

Два или три ребенка родились в концлагере Равенсбрюк. Они были убиты немедленно после рождения».

Много советских деревень повторило затем судьбу Лидице. Много мирных жителей этих деревень погибло в страданиях, еще более тяжких, сжигаемые заживо или сделавшиеся жертвами иных мучительных казней.

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской Советской Социалисти-

ческой Республике. Из этого Сообщения я цитирую всего один абзац:

«3 июня 1944 г. в деревню Перчюпе Тракайского уезда ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено все население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и (я особенно подчеркиваю последнюю фразу) 69 детей».

Я представляю под номером СССР-279 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и городе Ржеве Калининской области.

Я хотел бы шире цитировать это Сообщение, но ограничусь очень немногими местами, опять-таки в целях сокращения времени и избежания частностей:

«В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Зайкова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других — всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 года помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей (там указаны далее названия деревень), закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек...

В деревнях Куликово и Колесники Гжатского района фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика».

Я прошу принять документ, который привожу как доказательство за номером СССР-119, это заверенный фотостат отчетов 15-го немецкого полицейского полка. Среди этих документов мы находим «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 сентября по 26 сентября 1942 г.».

Из этого документа с бесспорностью устанавливается, что под видом борьбы с партизанами гитлеровские преступники безжалостно уничтожали мирное население советских деревень:

«1. Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка.

2. Силы: 2 взвода полицейских, 1 жандармский взвод (мотор 16) и 1 танковый взвод (я подчеркиваю, господа судьи, что в составе этой экспедиции находился танковый взвод) из Березы-Картуской».

Против кого же применялись эти танковые силы и полиция?

Ответ на это находим в следующем разделе этого отчета:

«3. Исполнение: Рота собралась вечером 22 сентября в Дывине. В ночь с 22 на 23 сентября 1942 г. последовал марш из Дывина по направлению к Борисовке. К четырем часам утра деревня была окружена с севера и с юга двумя взводами. С рассветом староста в Борисовке собрал все население. После проверки населения, при содействии полиции безопасности и СД из Дывина, 5 семейств были переселены в Дывин. Остальные были расстреляны особо выделенной командой, похоронены в 500 метрах северо-восточнее Борисовки. Всего было расстреляно 169 человек, из них 49 мужчин, 97 женщин и 23 ребенка».

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в Сталинской области. Документ под номером СССР-2.

До сих пор я приводил доказательства того, что в селах немцы производили преступное уничтожение советского населения путем сожжения заживо. В этом Сообщении мы находим подтверждение того, что заживо сжигались люди и в городах:

«В городе Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 г. специальная комиссия... произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп».

С первых же дней войны против СССР немецко-фашистский террор в отношении мирного населения принял чудовищные формы. Это отмечали в своих сообщениях даже некоторые немецкие офицеры, участники первой мировой войны, подчеркивавшие, что даже при жестокости той войны они тем не менее не встречали ничего подобного.

Я вновь обращаюсь к немецкому документу и предъявляю Суду за номером СССР-293 заверенные фотостаты «донесения» бывшего командира 528-го полка майора Рэслера и отношения командующего 9-м военным округом Ширвиндта. Так как документ достаточно интересен, я позволю себе его огласить почти целиком:

«Кассель, 3 января 1942 г.

Донесение

Порученное мне 52-м запасным полком дело «Поведение по отношению к гражданскому населению на Востоке» дает мне повод доложить следующее:

В конце июля 1941 года 528-й пехотный полк, которым я в то время командовал, находился в пути с Запада на Житомир, где должен был расквартироваться на отдых. Когда я вместе со своим штабом в день расквартирования пришел в расположение своего штаба, то мы услышали

недалеко от нас винтовочные залпы, следовавшие один за другим через определенные интервалы, а через некоторое время вслед за этим раздались выстрелы из пистолетов. Я решил узнать, в чем дело, и отправился на поиски вместе с адъютантом и офицером-ординарцем (обер-лейтенантом Бассевицем и лейтенантом Мюллер-Бродманом) в направлении выстрелов. Вскоре мы почувствовали, что здесь должно было происходить что-то ужасное, так как через некоторое время мы увидели множество солдат и лиц из гражданского населения, устремившихся по железнодорожной насыпи, за которой, как нам сказали, происходили массовые расстрелы. Сначала мы долгое время не могли попасть по ту сторону насыпи, однако мы слышали через какой-то определенный промежуток времени свисток, а вслед за этим около 10 винтовочных залпов, чередовавшихся с пистолетными выстрелами. Когда мы, наконец, вскарабкались на насыпь, нашим глазам представилась страшная, душераздирающая картина. В углу была вырыта яма, около 7—8 метров длиной и 4 метров шириной, а на одном краю ямы лежала пластами земля. Эта земля и вся стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Вся яма была заполнена человеческими трупами мужчин и женщин всех возрастов. Трупов было так много, что нельзя было определить глубину ямы. За насыпанным валом стояла команда полиции под руководством полицейского офицера. На форме полицейских были следы крови. Кругом стояло множество солдат только что расквартированных частей; некоторые из них были в трусах, как зрители, там же было много гражданского населения— женщин и детей. Картина была настолько страшной, что я не могу ее до сих пор забыть. Особенно врезалась в память сцена, как в этой могиле лежал какой-то старый человек с длинной седой бородой, в его левой руке была зажата трость. Так как этот человек, судя по прерывистому дыханию, еще был жив, я приказал одному из полицейских убить его, на что тот ответил с улыбкой: «Я ему уже семь раз выстрелил в живот, он уже теперь сам должен подохнуть». Убитые в могиле лежали не рядами, а вповалку, так, как они падали сверху в яму. Все эти люди были убиты выстрелом в затылок из винтовки, а потом в яме добивались выстрелами из пистолетов.

Я не видел ничего подобного ни в мировую войну, ни в русскую, ни во французскую кампанию этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1919 году, но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного...

Я хочу добавить, что по рассказам солдат, которые часто видели подобные сцены, видимо, таким способом ежедневно убивалось несколько сот человек.

Рэслер».

Характерно также отношение заместителя командира 9-го армейского корпуса и командующего 9-м военным

округом, который отправил донесение Рэслера начальнику вооружения и комплектования армии в Берлин:

«Содержание: Зверства над гражданским населением на Востоке.

В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены.

При сем препровождаю донесение майора Рэслера, которое полностью подтверждает эти слухи».

И очень характерна последняя фраза:

«Если подобные действия будут происходить открыто, то они станут известны на родине и будут подвергнуты обсуждению.

Ширвиндт».

Я представлю Суду документ под номером СССР-297. Это заверенный фотостат одного из отношений начальника полиции безопасности и СД, запрещающих фотографирование массовых казней, которые назывались экзекуциями.

«Рейхсфюрер СС приказом от 12 ноября 1941 г. за номером 1481 запретил фотографирование экзекуций и распорядился, поскольку такие снимки нужны для служебных надобностей, собирать все фотодокументы в архив...

Руководитель оперативной группы и зондеркоманды или командир роты войск СС и командир взвода военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, фильмы и копии не оставались в руках отдельных лиц оперативной службы».

Считаю, что предъявлены достаточные доказательства того, что самое высшее полицейское начальство было обеспокоено тем, что частые съемки немецко-фашистскими преступниками экзекуций или массовых казней создают доказательства этих преступлений.

Разрешите мне перейти ко второму разделу, озаглавленному «Массовое уничтожение немецкими фашистами советских граждан и граждан Польши, Югославии, Чехословакии».

Массовые уничтожения мирных жителей Советского Союза и стран Восточной Европы осуществлялись немецко-фашистскими преступниками повсеместно и, как видно из их официальных распоряжений и донесений об исполнении казней, проводились в целях:

1. Физического устранения тех слоев населения, которых они считали способными к сопротивлению.

2. По расовым мотивам для осуществления положений человеконенавистнической расовой теории.

3. В виде репрессий.

4. Якобы «для борьбы с партизанами», которых немецкие фашисты изловить и уничтожить не могли, а поэтому обрушивали тяжесть репрессий на мирное население.

Особо жестокими в системе гитлеровского террора были казни детей. Применение особо мучительных способов умерщвления детей является одной из основных и

наиболее отвратительных особенностей гитлеровского террористического режима на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Начиная от Гиммлера до Кейтеля, гитлеровцы неизменно предписывали подчиненным бесчеловечные, бессмысленные по жестокости убийства детей.

Гиммлер говорил:

«Если кто-либо придет ко мне и скажет: «Я не могу строить противотанковые рвы с детьми или женщинами. Это бесчеловечно, ибо они умрут»,— то я скажу: «Ты убийца своей крови».

Многочисленными расследованиями немецко-фашистских зверств в Советском Союзе с бесспорностью установлено, что при массовых расстрелах многих детей бросали в ямы живыми.

В подтверждение этого я обращаюсь к официальным документам.

Я прошу Суд обратить внимание на документ под номером СССР-46. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области.

«Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьмах совершались так: мужчины ставились лицом к стенке, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры, и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю, и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, обернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми».

Далее ссылаюсь на документ под номером СССР-1. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае.

«При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги, была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп четырехмесячной девочки насильственных признаков смерти не носил, ребенок был брошен в овраг живым и погиб от удушения... При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний...»

Позволю сослаться далее на приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта, предъявленный ранее мною Суду за номером СССР-32.

Я ссылаюсь на показания свидетеля Беспалова.

Беспалов показывает: «С конца июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10—12 грузовых автомашинах до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе метались из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками и ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, среди которых были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам.

В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали».

Документ под номером СССР-9 представляет собой Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву:

«Гитлеровские бандиты согнали 29 сентября 1941 г. на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказывали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. «Было заметно, как слой земли шевелился от движения еще живых людей».

Таким образом, это были не отдельные случаи, а система. Насаждая бесчеловечный террор по отношению к детям, главари германского фашизма понимали, что эта форма устрашения будет особенно ужасна для оставшихся в живых. Сострадание к слабым и беззащитным является неотъемлемым свойством человечности. Умерщвляя особенно жестокими способами детей, немецко-фашистские злодеи показывали мирному населению, что нет преступлений, перед которыми остановились бы они при «замирении» оккупированных районов.

Дети не просто разделяли участь своих родителей. Зачастую массовые так называемые «акции» немцев обрушивались непосредственно на них. При этом детей насильственно отделяли от родных, сосредоточивали в одном месте, а затем умерщвляли.

Я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецких заговорщиков в Латвии:

«В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2 тысяч детей, отобранных от родителей, и в Саласпилсском лагере—более 3 тысяч детей».

Какими жестокими способами немцы отбирали детей у заключенных в тюрьмы, лагеря или гетто родителей (обычно это предшествовало умерщвлению детей), Суду будет видно из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литве (документ под номером СССР-7):

«В начале 1944 года немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунас Владислав Блюм показал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: «Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!» «Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет, и я ко всему безразлична».

Я ссылаюсь, далее, на предъявленный Суду документ под номером СССР-63-4. Это акт об издевательствах и о расстреле детей Домачевского детского дома в Брестской области БССР:

По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района Прокопчук приказал бывшей заведующей детским домом Павлюк А. П. отравить больного ребенка Ренклах Лену, 12 лет. После того как Павлюк отказалась отравить ребенка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома, якобы при попытке к бегству.

В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 году 11 детей было роздано на воспитание местным жителям и 16 детей взяты родственниками».

Вот дальнейшая судьба этих детей.

«23 сентября 1942 г. к 7 часам вечера во двор детского дома прибыла пятитонная автомашина с шестью вооруженными немцами в военной форме. Старший из группы немцев, Макс, объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать детей в кузов автомашины. В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская. Шахматова Тося, 9 лет, слезла с машины и убежала, а все остальные 54 ребенка и воспитательница Грохольская были вывезены в направлении ст. Дубица, в 1,5 километрах от деревни Леплевка. На пограничной дерево-земляной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 метров от

реки Западный Буг, автомашина с детьми остановилась. Дети были раздеты, о чем свидетельствует наличие детского белья на возвратившейся автомашине в Домачево, и расстреляны».

Материалами расследований установлено, что при массовых казнях детей разрывали надвое и бросали в огонь.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на показания свидетеля Хамайдаса— уроженца села Лисиичи Львовской области, заключенного немцами в Яновский лагерь во Львове.

Хамайдас занимался в этом лагере тем, что по приказу немецких преступников сжигал трупы расстрелянных. Одновременно он был очевидцем массовых расстрелов мирного населения— мужчин, женщин и детей. Показания Хамайдаса, наряду с другими документами по Львовским лагерям, уже предъявлены Суду под номером СССР-6:

«Я был очевидцем таких фактов, когда палач брал детей за ноги, разрывал живьем и бросал в огонь».

Расстреливая родителей, немецко-фашистские убийцы не считали нужным тратить патроны на детей. Если они не бросали детей живыми в ямы-могилы, то умерщвляли их ударами тяжелых предметов или ударами о землю.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на предъявленный уже Суду под номером СССР-6 в числе других документов акт судебно-медицинской экспертизы, которая была проведена по эксгумации трупов в Яновском лагере. Из выводов я цитирую всего две строки.

«На детей палачи не считали нужным тратить боеприпасы, они просто уничтожали их ударами по голове тупым предметом».

Я прошу разрешения Суда огласить второй абзац из ноты Народного комиссара иностранных дел Союза ССР от 27 апреля 1942 г.:

«Оккупанты подвергают детей и подростков самым зверским пыткам. Среди раненых и изувеченных пытками 160 детей—жертв гитлеровского террора в освобожденных ныне районах Московской области, находящихся на излечении в Русаковской больнице города Москвы, имеется, например, четырнадцатилетний мальчик Ваня Громов из деревни Новинки, которому гитлеровцы отпилили ржавой пилой правую руку, предварительно привязав его ремнями к стулу. У двенадцатилетнего Вани Крюкова из деревни Крюково Курской области немцы отрубили кисти обеих рук и, истекающего кровью, погнали в сторону расположения советских войск».

Детей травили окисью углерода в немецких машинах— «душегубках».

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное Суду под номером СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ставропольском крае:

«Установлено, что в декабре 1942 года по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта

Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния сотрудники детских санаториев, медицинская сестра Иванова С. Е. и санитарка Полупанова М. И. сообщили:

«22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжелобольных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине,— это были дети, которые не могли двигаться, и поэтому их не загоняли в машину, а укладывали ярусами— затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира».

Детей топили в открытом море.

В подтверждение этого я ссылаюсь на документ под номером СССР-63— «Акт о злодеяниях немцев в Севастополе».

«Гитлеровцы, наряду с массовыми расстрелами, практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный обер-ефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2-19 МКА (Морская транспортная рота) показал:

«Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стоял плач и вопли.

Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт».

Огонь тяжелых артиллерийских батарей немецко-фашистские преступники сознательно обрушивали на школы, детские ясли, больницы и другие детские учреждения блокированного ими Ленинграда. Я представляю Трибуналу итоговый доклад Ленинградской комиссии по расследованию немецких злодеяний под номером СССР-85. Я лишь обращаю внимание Суда на перечень объектов, подвергавшихся немецкому обстрелу, о чем свидетельствуют журналы боевых действий самих немцев. Вот некоторые из этих объектов: номер 736— школа в Бабуринском переулке, номер 708— Институт охраны материнства и младенчества, номер 192— Дворец пионеров.

Я приведу далее небольшой отрывок из показаний директора школы номер 218 по улице Рубинштейна, 13. Он сообщает:

«18 мая 1942 г. школа номер 218 пострадала от артиллерийского обстрела... Двенадцатилетний мальчик Леня Изаров убит. Маленькая девочка Дора Бинамова побледнела,

стонет от боли: «Мамочка, как же я буду без ножки», говорит она. Генделев Лева истекает кровью. Ему оказывают помощь, но она уже не нужна. Со словами «проклятый Гитлер» он умирает на руках у своей матери. Тяжело раненный Кутарев Женя просит не расстраивать отца, у которого больное сердце. Преподаватели школы и старшие оказывают помощь пострадавшим».

Предъявляю Трибуналу под номером СССР-8 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Я цитирую несколько кратких извлечений из раздела, озаглавленного «Убийцы детей»:

«Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: «В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорфа (Германия), показала: «В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий номер 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Прошу обратить внимание на фотодокументы по Освенциму. Там засняты двенадцатилетний мальчик Цимлих и тринадцатилетний мальчик Мангель. Суд может увидеть, каковы были телесные повреждения, полученные этими детьми от обмораживания. Продолжаю:

«Девятилетний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клеза (Венгрия), показал: «Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52 человека, от 8 до 15 — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т. д.».

Я предъявляю, далее, Суду документ под номером СССР-92. Это директива управления питанием и сельским хозяйством, озаглавленная «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности». Документ я привожу в подтверждение того, что в злобной ненависти к славянским народам немецко-фашистские преступники стремились умертвить детей еще в утробе матери:

«За последнее время наблюдается значительный рост деторождаемости среди женщин не немецкой национальности. Вследствие этого возникают трудности не только при использовании на работах, но и еще в большей степени появляется опасность социально-политического характера, которую нельзя недооценивать...

Простейшей борьбой с этими трудностями явится то, чтобы возможно скорее оповестить о беременных женщинах не немецкой национальности те учреждения, которые их используют на работе».

Обращаю особое внимание на последнюю фразу: «Эти учреждения должны попытаться заставить женщин избавиться от детей оперативным путем».

Анализ материалов, связанных с гитлеровским террором в странах Восточной Европы, свидетельствует о том, что преступления, совершенные гитлеровцами в отношении детей, навсегда останутся позорнейшей страницей истории немецкого фашизма.

В первой части раздела моего доклада, посвященной массовым акциям немцев, я говорил специально об уничтожении детей, о тех зверских приемах, которые были применены немцами для этого, ибо террор в отношении детей, наиболее зверские и жестокие формы этого террора являются одной из характернейших черт немецко-фашистского террора.

Я перехожу к предъявлению Суду доказательств массового уничтожения людей в различных странах Восточной Европы. Предъявляю Суду краткие извлечения из доклада польского правительства. Там описывается так называемое Аннинское избиение:

«В конце декабря 1939 года польский полицейский был застрелен в окрестностях Варшавы бандитом. Следствие показало, что виновник находится в ресторане в Вавере, вблизи Варшавы. Когда они входили в ресторан, он открыл огонь, убив, по-видимому, одного из них и ранив другого.

В ответ на это немецкие власти приказали 26 декабря 1939 г. предпринять репрессии, и карательная экспедиция явилась в деревню.

Отряд ландесшютцен под командой офицера направился в Вавер и в дачную местность Аннин. Обе местности были окружены цепью солдат. Владелец ресторана, в котором случилось описанное выше, был немедленно повешен, и его тело оставалось висеть перед его домом в течение трех дней. В то же время мужское население вытаскивалось поочередно из всех домов. Собрав таким образом около 170 человек, немцы приказали им стоять на станции

железной дороги лицом к стене с руками, заложенными за голову, в течение нескольких часов. После проверки документов некоторые из них были отпущены, но огромному большинству объявили, что они будут казнены. После чего их увели в поле, разделили на группы по 10—14 человек и расстреляли пулеметными залпами. Число отдельных могил, найденных на месте казни, доходило до 107. Среди казненных были 2 доктора, 30 юношей моложе 16 лет, 12 стариков свыше 60 лет. Один из них был американским гражданином польского происхождения; его застрелили вместе с сыном...

В Тухольском дистрикте хозяйство фольксдейче Фритца, находящееся близ города Прецина, кем-то было сожжено ночью с 21 на 22 октября; у фольксдейче Фритца случился сердечный припадок. По приказу начальника гражданской администрации в эту местность была направлена карательная экспедиция для расправы с населением. В качестве репрессии 10 поляков, известных своим враждебным отношением к Германии, были расстреляны. Сверх того, польскому населению в окрестности было приказано вновь построить сожженные здания и возместить причиненный ущерб...

В середине января 1940 года семья немецких колонистов в деревне Юзефув была ограблена и убита, как об этом сообщалось в немецких газетах, бандитами. Но карательная экспедиция отправилась в Юзефув против населения...

Экспедиция приступила к проведению дальнейших избиений. Все мужчины, которых удалось поймать в Юзефуве и в окрестности, даже одиннадцатилетние мальчики, были арестованы и застрелены на месте. Всего убитых было 300 человек».

В крайне жестоких формах совершалось массовое уничтожение мирных жителей в Югославии.

Я прошу приобщить в качестве доказательства под номером СССР-188 фотокопию приказа генерал-лейтенанта Нейтхольда. Я привожу то место из этого приказа, которое цитируется в докладе правительства Югославии:

«Населенные пункты Загнездье и Удор должны быть уничтожены. Мужское население этих населенных пунктов повесить, женщин и детей увезти в Столяц».

В подтверждение сообщения правительства Югославии мы передаем Трибуналу заверенную фотокопию сообщения немецкой гарнизонной комендатуры в Крагуеваце, где сама гарнизонная комендатура немцев признает расстрел 2300 лиц. Документ представляется Трибуналу под номером СССР-74:

«Это было массовое убийство, совершенное 21 октября 1941 г. в Крагуеваце германской карательной экспедицией под командованием майора Кенига. Кроме Кенига, в организации и осуществлении этого преступления принимали участие районный комендант Бишофсгаузен, комендант населенного пункта доктор Циммерманн и другие.

Еще за 10—15 дней до совершения преступления в Крагуевац прибыл в качестве подкрепления германского гарнизона один батальон.

Прежде всего были уничтожены деревни Мешковац, Марсич и Грошница в окрестностях Крагуеваца. В Мешковаце карательная экспедиция уничтожила 66 человек, в Марсиче—101 человека, в Грошнице— 100 человек. Все убитые были мирными жителями упомянутых деревень.

Когда после этих преступлений карательная экспедиция прибыла в Крагуевац, немцы приступили к осуществлению плана уничтожения граждан Крагуеваца, в особенности сербской интеллигенции. Уже в начале октября районный комендант доктор Циммерманн потребовал от директоров школ в Крагуеваце, чтобы школьники регулярно посещали занятия, в противном случае их будут считать саботажниками и расстреливать. После такой угрозы все школьники регулярно ходили на школьные занятия. 18 октября 1941 г. согласно составленному списку были арестованы все мужчины-евреи, а также все те, кого считали коммунистами, и заключены в бараки бывшей югославской автотранспортной комендатуры в Становленске Поле. Здесь их продержали без всякой пищи до 20 октября и всех расстреляли около 18 часов. Их было около 60 человек. В тот же день, 20 октября, начинается сбор всего мужского населения Крагуеваца. После того как все выходы из города были закрыты, немцы ворвались во все общественные здания и вывели всех чиновников. Затем были выведены из гимназии и учительской семинарии все профессора и ученики с пятого класса и выше вместе с директорами школ...

Наряду с остальными в казармы были переведены все заключенные Крагуевацкой тюрьмы.

Затем им был отдан приказ выйти во двор казармы. Здесь у них были отняты все вещи. Первыми были расстреляны тюремные заключенные, приблизительно 50 человек. Остальные были заперты в бараке. На следующий день, 21 октября, начиная с 7 часов утра, их группами выводили в так называемое Становленске Поле и расстреливали из пулеметов. Тех, кто сразу не умирал, немцы расстреливали из автоматов и винтовок...

Родственникам жертв этого массового побоища было запрещено посещение места расстрела до тех пор, пока не было закончено погребение жертв и не были уничтожены все следы. Родственникам также было запрещено служить панихиды по расстрелянным. В объявлениях о смерти запрещалось сообщать о расстреле как о причине смерти».

Прошу судей обратить внимание лишь на короткую выдержку из доклада правительства Югославии, которая посвящена получившему зловещую славу так называемому «кровавому маршу» в местечке Ерак.

«В начале сентября 1941 года крупная германская карательная экспедиция собрала все мужское население Шабаца от 14 до 70 лет и погнала его из Шабаца через реку Саву в местечко Ерак. Это был так называемый «кровавый

марш». Около 5 тысяч человек должны были бегом преодолеть расстояние в 23 километра туда и обратно. Те, кто не мог выдержать и по дороге отставал, были беспощадно расстреляны на месте. Ввиду того, что было много старых и слабых, число жертв было очень велико, в особенности при переходе моста через Саву...

На обратном пути они встретили другую группу, состоявшую из 800 крестьян, которые должны были проделать тот же путь, обращение с которыми, однако, было еще более жестоким. Они были вынуждены идти с поднятыми руками и бежать, причем в дороге их систематически умерщвляли. Из них только 300 человек добрались живыми до Ерака».

Прошу Трибунал принять в качестве доказательства публичное объявление командующего немецкими войсками в Сербии. Этот документ представляется под номером СССР-200. В нем главнокомандующий доводит до сведения о следующем:

«В деревне Скела коммунистический отряд обстрелял немецкий военный грузовик. Было установлено, что несколько жителей наблюдали и видели подготовку к этому нападению. Установлено, что эти жители имели возможность поднять тревогу в ближайшем месте расположения сербской жандармерии. Установлено, что жители деревни незаметно могли поставить в известность германские военные машины о подготовляемом покушении на них. Они не воспользовались этой возможностью и, таким образом, оказались на стороне преступников. Деревня Скела сожжена дотла. В отдельных домах во время пожара взрывались боеприпасы. Этим доказано соучастие жителей деревни. Все живущие в этой деревне лица мужского пола расстреляны, 50 коммунистов повешены на месте...»

Прошу Суд обратить внимание на краткие извлечения из доклада правительства Греции, из которых видно, что к таким же бесчеловечным преступным приемам массовых расстрелов гитлеровские преступники прибегали и на территории временно оккупированной ими Греции.

«Как только Крит был оккупирован... был совершен первый репрессивный акт и несколько человек, в большинстве случаев совершенно невиновных, были расстреляны в деревнях Скики, Брасси и Канадес. Деревни были сожжены дотла в качестве возмездия, произведенного сотрудниками местной полиции во время нападения на остров Крит. На местах, где были эти селения, были установлены столбы с надписями на греческом и немецком языках: «Уничтожено в качестве возмездия за зверское убийство взвода парашютистов и полувзвода саперов вооруженными мужчинами и женщинами из тыловых районов».

Репрессивные меры, носившие вначале временный характер, постепенно все более и более усиливались, в особенности после того сопротивления, которое было оказано организованными партизанскими отрядами по всей стране в начале 1943 года. Техника была всюду одна и та

же. На следующий день после саботажа или какого-либо действия, совершенного партизанами вблизи деревни, там появлялись немецкие войска. Население сгоняли к центральной площади или в другое подходящее к случаю место якобы для прослушивания объявления и там расстреливали из пулеметов. Вслед за этим немцы или сжигали, или в некоторых случаях обстреливали деревню, предварительно разграбив ее. Они убивали людей прямо на улицах, в домах, на полях, независимо от пола и возраста. Были случаи, когда расстрелу подвергались только лица мужского пола в возрасте от 16 лет и старше. В других случаях, когда мужчины успевали скрыться в горах, немцы казнили стариков, женщин и детей, которые оставались в деревнях в надежде на то, что их возраст и пол послужат им защитой. Примером могут послужить деревни Арохово, Коловрита, Гестаном, Клессура, Коммена, Лисовоуне. Некоторые деревни подвергались разрушению по той лишь причине, что они находились в районе действий партизан.

Число убитых жителей достигает почти 30 тысяч человек».

Перехожу к представлению доказательств о массовом уничтожении немцами мирных граждан Советского Союза.

Об обстоятельствах массовых казней мы можем судить не только по показаниям очевидцев или исполнителей злодеяний.

Частично мы можем судить о них также по материалам судебно-медицинских экспертиз. Я говорю «частично», так как, начиная с 1943 года, боясь возмездия за совершенные злодеяния, гитлеровцы стали уничтожать следы преступлений, выкапывая и сжигая трупы, размалывая кости, разбрасывая по полям пепел сожженных и употребляя шлак, образовавшийся от сожжения тел, и костяную муку на засыпку дорог и удобрение полей.

Но, несмотря на усилия преступников скрыть следы преступлений, было невозможно уничтожить все трупы умерщвленных ими людей.

Первые массовые «акции» немцев в Советском Союзе, когда были казнены одновременно десятки тысяч мирных невинных людей,— это «акции» в Киеве. Для того чтобы уяснить объем этих злодеяний, я прошу уважаемых судей обратиться к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии, уже предъявленному Суду под номером СССР-9:

«В Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру — свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

2. В Дарнице— свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.

3. В противотанковом рву у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря— свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.

4. На территории Кирилловской больницы— 800 душевнобольных.

5. На территории Киево-Печерской Лавры— около 500 мирных граждан.

6. На Лукьяновском кладбище— 400 мирных граждан».

В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС Топайде, сотрудник жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС Рэвер.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, В. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 г., показали: «В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500—3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12—15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега— 29 сентября— было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов».

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской ССР. В том месте, на которое я обращаю внимание Суда, указано, что гитлеровцы систематически производили расстрелы в Бикернекском лесу:

«В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Риги, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. Свидетельница Стабульнек М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: «В пятницу и в субботу перед пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные женщины и дети,

голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств — у многих на лицах кровяные подтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы...»

На месте расстрелов Комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 57 километрах восточнее города Риги, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В. З. показал: «Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами. В 20-х числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые «беженцы», их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я, спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй!» Пули убийц прерывали крики».

Обращаю внимание Суда, что в этом лесу было расстреляно 38 тысяч жителей. Я прошу, далее, членов Суда обратиться к предъявленному уже ранее Суду под номером СССР-47 Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области. Я привожу две выдержки из этого Сообщения:

«21 декабря 1941 г. румынские жандармы приступили к расстрелу заключенных в лагере. Заключенные выводились под охраной к полуразрушенному строению, находящемуся на опушке леса, ставились на колени на краю обрыва и расстреливались. С края обрыва убитые, а часто только раненые, падали на дно оврага, где был сложен гигантский костер из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сбрасывали живыми в пламя этого костра. Сжигание трупов производилось круглые сутки...

По предварительным данным, установленным Комиссией, немецкие оккупанты расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и в Одесской области до 200 тысяч человек...»

В подтверждение того, что при массовых казнях, так называемых «акциях», немецкие преступники зарывали в землю живых людей, я предъявляю Суду под номером СССР-37 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии от 24 июня 1943 г.:

«При раскопке ямы на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района, среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка.

Все расстрелянные были без обуви, а некоторые без одежды...

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными, и очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается граждана-

ми, проходившими вблизи ямы вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля и был слышен глухой стон из могилы...»

В подтверждение этого же обстоятельства я прошу Суд приобщить к материалам процесса извлеченный из дел Чрезвычайной Государственной Комиссии подлинный протокол допроса свидетеля Василевича Иосифа Афанасьевича, допрошенного по поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии прокурором города Станислова. Этот документ предъявляется под номером СССР-346. Я привожу всего два абзаца из протокола этого допроса.

«В начале 1943 года немцы жгли людей там, на кладбище, для чего туда были завезены дрова.

Были случаи, что в ямы бросали детей, женщин живыми и так их зарывали землей. Одна женщина, фамилии не знаю, просила офицера не расстреливать ее, и он ей дал слово, что расстреливать ее не будет, он даже сказал: «Даю офицерское слово, что расстреливать не буду», а по окончании расстрела той партии, в которой была эта женщина, ее... взял сам этот офицер за руки и живой бросил в яму, и живую закопали».

Таким образом, в ряде случаев погребение людей заживо производилось преступниками умышленно, для придания особой жестокости своим действиям. В других случаях оно объяснялось тем, что убийцы даже не считали нужным проверить, умерщвлены ли уничтожаемые лица.

Исследование материалов эксгумации трупов из тех мест захоронений жертв, в которых немецкие фашисты не успели уничтожить следов преступлений путем сожжения мертвых тел, показывает, что в конце 1941 года и в 1942 году преступники не старались особо маскировать места расстрелов, несмотря даже на известные уже Суду инструкции фашистского центра о маскировке и сохранении в глубокой тайне так называемых «экзекуций».

Мне думается, что это объясняется тем, что немцы, потерпевшие отдельные поражения, все же были уверены в победе, а следовательно, и безнаказанности. Я ссылаюсь на уже представленный в числе других документ под номером СССР-2а — акт о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Сталинской области. Там имеется заключение судебно-медицинской экспертизы о зверствах, совершенных немецко-фашистскими преступниками на алебастровых карьерах в окрестностях города Артемовска Сталинской области:

«В двух километрах к востоку от города Артемовска, в туннеле карьера Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой овальной пещерой. Вся пещера заполнена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре ее свободны от трупов. Все они тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры».

Это характерно, потому что и здесь расстрелы производились тем же типичным немецким приемом— в затылочную область головы.

«Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел...

По показаниям жителей города Артемовска, 9 февраля 1942 г. в заброшенную выработку алебастровых карьеров было загнано несколько тысяч людей, имевших с собой мелкие домашние вещи и продукты питания.

По мере того как пещера заполнялась людьми, они расстреливались в стоячем либо в коленопреклоненном положении; пригонялась другая группа, которую убивали на груде трупов умирающих, и тела убитых нагромождались в несколько рядов.

Некоторые люди пытались убежать от убийств и, давя друг друга, погибали в ужасных мучениях...»

В период массовых «экзекуций» немецко-фашистские преступники выработали определенные приемы этих злодеяний. Мне хотелось бы привести некоторые, наиболее типичные из них Суду потому, что по мере предъявления отдельных доказательств мне думается, что Трибуналу станет очевидно, как преступно усовершенствовалась техника этих злодеяний и как все более и более цинично жестокими, я бы сказал жестоко продуманными, становились эти чудовищные преступления.

Суду уже был предъявлен под номером СССР-48 акт судебно-медицинской экспертизы, произведенной в городе Смоленске при участии члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, видного советского врача, академика Бурденко, президента Академии медицинских наук. В составе экспертной комиссии участвовали также Главный медицинский эксперт Наркомздрава, доктор медицинских наук Прозоровский и другие эксперты. Прошу Суд приобщить к материалам первичные акты судебно-медицинской экспертизы, из которых Суду будут видны не только итоговые выводы, но и метод исследования. Эксперты описывают здесь типичный вид места захоронения жертв немецкого террора 1941 года и начала 1942 года:

«Ямы, из которых эксгумировались трупы, не представляли собой братских могил. Трупы в них не располагались в один ряд и не лежали один возле другого, а представляли собой многослойную, компактную массу беспорядочно сцепившихся между собой мужских и женских тел. В этой массе то распластанных, то согнутых или полусогнутых трупов, лежащих ничком, на боку, навзничь, стоящих на коленях, стоящих то вверх, то вниз головой, с переплетавшимися руками и ногами, было невозможно определить контуры каждого отдельного трупа до его извлечения из ямы».

Однако такое хаотическое нагромождение мертвых тел констатируется в большинстве случаев лишь при эксгумации из мест захоронения жертв первых массовых расстрелов, относящихся к 1941 году и началу 1942 года. В после-

дующем при эксгумации судебные медики находили правильные многослойные ряды трупов. Типичный вид такого захоронения жертв уважаемые судьи могут найти в альбоме, посвященном Львовскому лагерю.

Цитирую Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области:

«Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал: «Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан: украинцев, русских, поляков, евреев. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обреченных, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок. Потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем третий, до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались раствором хлорной извести и засыпались землей».

Насколько широко был распространен этот подлый и жестокий прием массовых убийств, покажет короткое извлечение, касающееся расстрелов, произведенных в Майданеке. Я цитирую Советско-Польское Коммюнике, предъявленное ранее Суду под номером СССР-29:

«3 ноября 1943 г. в лагере было расстреляно 18 400 человек. Из самого лагеря было взято 8400 человек, а 10 тысяч человек было пригнано из города и из других лагерей... Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых догола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автоматов. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И до тех пор, пока рвы не заполнялись...»

Я специально занимался вопросом о том, к какому времени относится первое практическое применение преступниками этого жестокого приема. Советские материалы свидетельствуют о том, что это относится ко второй половине 1942 года. Но вообще можно сказать, что такие же методы расстрелов применялись полицейскими частями немцев в Польше и в 1939 году.

Я предъявляю Суду документ, который получен нашей делегацией от британского обвинения. Это — фотостат, подлинник хранится в архивах британской делегации. Это — немецкое дознание, изъятое из архива адъютанта Гитлера. Немецкие штабные врачи считали нужным донести об этих расстрелах Гитлеру, так как «благодаря расстрелам, которые происходили публично, неприятельская пропаганда может получить материалы...»

Из этой переписки я привожу короткое извлечение из протокола допроса некоего ефрейтора Пауля Клюге. Пауль Клюге, в числе санитаров части, находился в городе Швец. Он услышал, что в воскресенье на еврейском кладбище происходят расстрелы поляков, и из любопытства решил посетить место расстрела.

«Мы решили уже, что сделались жертвами глупых слухов, и направились обратно в казармы, когда большой автобус, полный женщинами и детьми, въехал на кладбище. Мы вернулись обратно на кладбище. Затем мы увидели, как из омнибуса одна партия, состоящая из одной женщины и трех детей в возрасте от 3 до 8 лет, была приведена к выкопанной ранее могиле размером 2 метра в ширину и 8 метров в длину. Женщина должна была опуститься в могилу и нести на руках с собой младшего ребенка. Двое мужчин из карательной экспедиции передали ей двух других детей. Женщина должна была лечь лицом к земле в могиле и ее трое детей поместились таким же образом по ее левую сторону. После этого четверо из отряда сошли также в могилу и направили свои винтовки так, что отверстие дула находилось приблизительно в 30 сантиметрах от затылка, и таким способом расстреляли женщину и ее трех детей.

Затем старший отряда потребовал, чтобы я помог засыпать трупы. Я исполнил это приказание и затем, уже находясь совсем близко, мог видеть, как следующие партии женщин и детей были расстреляны таким же образом, как была расстреляна первая партия. Всего было 9—10 партий детей и женщин, которых расстреливали каждый раз по четверо в той же могиле».

Таким образом, вот к каким далеким временам относятся эти жестокие приемы массовых расстрелов.

Гитлеровские преступники, начиная с 1943 года, стали применять различные меры для сокрытия следов преступлений, и в частности сжигать трупы. Документально установлено, что гитлеровцы заставляли свои жертвы сначала заготовлять дрова и бревна, затем ложиться на эти бревна и таким образом расстреливали первый ряд обреченных. Следующая партия обреченных на смерть людей вновь приносила бревна, клала их на первый ряд мертвецов, ложилась затем на эти бревна сама и только после этого подвергалась казни.

Я прошу уважаемых судей обратиться к альбому документов по лагерю Освенцим, где приведены также снимки по лагерю Клога. Вы найдете там типичный вид подобного рода жестоких приемов расстрела. Для подтверждения этого я обращаюсь к документу под номером СССР-39:

«19 сентября 1944 г. немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник концлагеря гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и устроители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы из полицейских команд СД силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистоле-

тов. Расстрелянных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 г. было уничтожено около двух тысяч человек».

Прошу обратиться к документу, уже предъявленному под номером СССР-38, «Сообщение о злодеяниях немецких захватчиков в городе Минске».

В первой части цитаты описывается, что, скрывая следы преступления, немецко-фашистские захватчики устроили рядом с лагерем в Малом Тростенце примитивные кремационные устройства. Я начинаю цитировать акт в той части, где говорится о расстрелах, произведенных непосредственно у этих кремационных устройств. Начинаю цитату из показаний Савинской; она показала следующее:

«Отъехав примерно 10 километров от города Минска, возле деревни Малый Тростенец автомашина остановилась у одного из сараев. Здесь мы все поняли, что нас привезли на расстрел... По команде немецких палачей заключенные женщины по четыре выходили из машины. Вскоре очередь дошла и до меня. Я совместно с Голубович Анной, Семашко Юлей и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, влезла на верх уложенных трупов. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала...

Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях бревен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысяч человек».

Я перехожу к предъявлению Суду доказательств существования специальных пунктов массовых расстрелов, где количество уничтоженных исчисляется сотнями тысяч человек и куда предназначенные для уничтожения люди свозились не только из районов данной местности, но и из ряда стран Европы.

В кратких извлечениях предъявляю Суду доказательства существования других таких пунктов и одного из наиболее зловещих, а именно: пункта массовых расстрелов местечка Панеряй (Понары), в 8 километрах от Вильнюса, получившего зловещую славу форта № 9, или «Форта смерти», в Каунасе.

Я цитирую предъявленное уже ранее Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литве.

Пункт массовых расстрелов в местечке Понары был организован в июле 1941 года и действовал до июля 1944 года:

«В декабре 1943 года,— сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович,—нас заставили выкапывать и сжигать трупы... Таким образом, на каждый костер мы укладывали около 3 тысяч трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком.

«Исследованные трупы,— говорится в заключении судебно-медицинской экспертной комиссии,—относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были врачи, инженеры, студенты, шоферы, слесари, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие...

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек...»

А вот другие факты:

«Форт № 9 жители Каунаса назвали «Фортом смерти». Форт расположен в шести километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри него имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров, у западной стены форта. В течение июля-августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание...

В форте № 9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Щербаков со своей женой и новорожденным ребенком и многие другие.

Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте № 9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта номер 9 Науджюнас Ю. Ю. показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4 тысяч человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 г. началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все 4 тысячи человек иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 г. прибыла еще одна группа численностью около 3 тысяч человек, которая также была уничтожена».

Комиссия по расследованию установила, что гитлеровцы уничтожили в форте более 70 тысяч мирных жителей.

В ряде случаев для массового умерщвления мирных жителей Советского Союза немецкие фашисты прибегали к приемам, полным жестокого коварства. Для подтверждения этих приемов ссылаюсь на уже предъявленное мною Суду за номером СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю:

«Установлено, что перед отступлением из города Георгиевска 9 и 10 января с. г. по приказу начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гаймана с целью отравления советских людей немецкие солдаты продали на городском рынке спирт и питьевую соду, причем спирт оказался метиловым, а «сода» щавелевой кислотой. Произошло массовое отравление жителей города...»

В ряду злодеяний немецких фашистов, совершенных на территории СССР, особое место занимает террор, который они проводили в отношении мирного населения Ленинграда.

Я приведу только общие данные, касающиеся немецких разрушений и злодеяний в Ленинграде:

«За 900 дней беспримерной осады Ленинграда, за время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики чинили бесчисленные злодеяния и зверства над мирным населением.

Немцы сбросили на Ленинград 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, 150 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Каждый ленинградец ежеминутно в течение всех 900 дней осады был как бы на поле боя, ежеминутно ему угрожала гибель или опасность быть искалеченным на всю жизнь. От бомбежек и артиллерийского обстрела убито 16 747 и ранено 33 782 человека...»

Прошу судей обратить внимание на выписку из дневников немецких артиллеристов, обстреливавших Ленинград. Это крайне циничные и жестокие записи.

Ограничиваю дальнейшую цитату лишь оглашением цифр о людях, погибших в Ленинграде от голода зимой 1941—1942 г.: «В результате голодной блокады в городе Ленинграде погибли 632 253 человека».

Перехожу к предъявлению доказательств, связанных с применением немецко-фашистскими преступниками специальных машин для умерщвления людей выхлопными парами бензина—«зондермашин», «газвагенов», или «душегубок», как их правильно называли советские люди.

Самый факт применения этих машин для массового умерщвления людей является тягчайшим обвинением руководителей германского фашизма. Специальные устройства для массового уничтожения людей в закрытых герметических автомашинах, выхлопные трубы двигателей которых соединялись с кузовами при помощи особых подвижных шлангов, были применены гитлеровцами впервые в СССР в 1942 году.

Я напоминаю уважаемому Суду, что впервые упоминание о «душегубках» мы находим в предъявленном уже мной Трибуналу акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Керчи (документ под номером СССР-63); это относится к весне 1942 года.

Я напоминаю Трибуналу включенную в акт выдержку из показаний свидетельницы Дарьи Демченко, которая видела, как из двух «душегубок» немецкие военнослужащие в Керчи выбрасывали трупы умерщвленных в противотанковый ров.

Однако с бесспорной очевидностью явствует, что массовое умерщвление людей «душегубками» впервые было установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией в Ставропольском крае. Это видно из документа под номером СССР-1.

Расследование злодеяний немецких фашистов в Ставропольском крае проходило под руководством ныне покойного выдающегося русского писателя, члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, академика Алексея Николаевича Толстого. Организовано было весьма тщательное расследование с привлечением к нему крупных специалистов, судебных медиков, ибо мышление человеческое, ставящее определенные логические границы преступлениям, с трудом воспринимало тогда существование этих машин.

Однако в результате следствия и показаний очевидцев о «душегубках» совершенные с их помощью немецкими фашистами массовые мучительные убийства мирных людей были полностью подтверждены.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю содержится первое подробное описание устройства «душегубок»:

«Установлено массовое истребление немцами мирного советского населения путем отравления окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках». Военнопленный Фенихель Е. М. сообщил:

«Работая автомехаником, я имел возможность детально ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения— уничтожения людей выхлопными газами. Таких машин в городе Ставрополе при гестапо было несколько.

Устройство ее было таково: кузов длиной примерно 5 метров, шириной 2,5 метра, высота кузова также, примерно 2,5 метра. Кузов имел форму вагона, без окон, внутри обит оцинкованным железом, на полу, тоже обитом железом, лежали деревянные решетки; дверь кузова обита резиной, с помощью автоматического замка плотно закрывалась. На полу автомашины под решеткой находились две металлические трубы... Трубы эти между собой были соединены поперечной, такого же диаметра, трубой... Эти трубы имели частые полусантиметровые отверстия; от поперечной трубы вниз через отверстие оцинкованного пола выходит резиновый шланг, на конце которого шестигранная гайка с резьбой, соответствующей резьбе на конечнос-

ти выхлопной трубы мотора. Этот шланг навинчивается на выхлопную трубу, и при работающем моторе все выхлопные газы идут во внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов машины может вместить 70—80 человек. Мотор на этой автомашине установлен марки «Зауэр»...»

В Ставропольском крае «душегубка» была применена для умерщвления 660 человек больных в местной больнице. Далее я обращаю внимание уважаемого Суда на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских преступников в Краснодаре. Этот документ я представляю Суду под номером СССР-42. Здесь также констатируются факты массовых убийств людей с помощью «душегубок». Я предъявляю Суду под номером СССР-65 приговор военного трибунала Северо-Кавказского фронта. Из этого приговора я в целях сокращения времени приведу короткую цитату:

«Судебным следствием также установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путем отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках» около 7 тысяч невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях города Краснодара и Краснодарского края, из них детей в возрасте от 5 до 16 лет 42 человека».

Я предъявляю затем Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области. Документ под номером СССР-43. Я обращаюсь к приговору военного трибунала 4-го Украинского фронта, который представлен под номером СССР-32.

«Для массовых убийств советских граждан немецко-фашистские захватчики применяли так называемые «газвагены» — большие закрытые автомашины, которые известны у русских как «душегубки». В эти «газвагены» немецко-фашистские захватчики загоняли советских граждан и умерщвляли их путем пуска специального смертельного газа — окиси углерода. С целью сокрытия следов совершенных чудовищных злодеяний и массового истребления советских людей путем удушения окисью углерода в «газвагенах» немецко-фашистские преступники сжигали трупы своих жертв».

В доказательство того, что «душегубки» применялись не только в тех пунктах, о которых я говорил, я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, предъявленное Суду под номером СССР-9, о злодеяниях немцев в Киеве. Суд найдет там доказательства применения «душегубок» в Киеве.

Я остановлюсь на данных о широком применении «душегубок» на территории временно оккупированных рай-

онов Союза ССР, то есть на Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Ровно и Ровенской области.

«...3. Уничтожение мирных граждан и военнопленных в городе Ровно производилось путем массовых расстрелов из автоматов и пулеметов, умерщвлением угарным газом в машинах-«душегубках», и в отдельных случаях люди сбрасывались в могилы и засыпались живыми. Часть расстрелянных людей, в частности в карьерах у села Выдумка, подвергалась сожжению на заранее подготовленных и приспособленных площадках».

Ссылаюсь в подтверждение этого на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Минску:

«От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях».

Перехожу к показаниям свидетеля Мойсиевича. Он говорит:

«Я был очевидцем того, как немцы уничтожали людей в «душегубках». В каждую «душегубку» они насильно вталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении».

В Минске убийцами принцип «душегубки» был применен для устройства стационарных газовых камер, которые устраивались преступниками в обычных банях. Об этом также сказано в этом Сообщении Чрезвычайной Комиссии.

Ссылаюсь на приговор военного трибунала Смоленского военного округа от 15—19 декабря 1945 г. Там сказано о том, что в Смоленске немцы практиковали также удушение советских людей окисью углерода в специальных газовых автомашинах, так называемых «душегубках». Мне кажется, что не случайно «душегубки» появились на территории СССР именно в 1942 году. В то время главные преступники еще были уверены в победе и приступили к практическому осуществлению созданных ранее планов истребления народов Европы. Они не боялись тогда ответственности за преступления. Вот почему в 1942 году появляются новые звенья в длинной цепи преступлений руководителей германского фашизма. Фашистская техника обезлюживания вновь пришла в действие. Она создавала «душегубки», газовые камеры концентрационных лагерей, специальные электрические устройства для единовременного массового умерщвления обреченных, печи крематориев и банки с «циклоном».

Я перехожу к представлению доказательств последующего раздела моего доклада «Концентрационные лагеря для мирного населения».

Я прошу разрешения Трибунала привлечь внимание к тому, что конец 1941 года и весь 1942 год были временем громадного увеличения объема злодеяний немецко-фашистских захватчиков, содеянных ими в концентрационных лагерях. Я ссылаюсь, в частности, для подтверждения этого на доклад польского правительства, в котором содержится свидетельство тому, что в 1942 году было ускоренное

строительство одного из самых страшных лагерей уничтожения — Треблинского лагеря номер 2. Немцы назвали его «Треблинка-Б». Я ссылаюсь, далее, на сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму.

«В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года».

Привлекаю внимание уважаемого Суда к следующей фразе: «Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать».

Из доклада польского правительства видно, что лагерь Собибур был основан еще в первый и второй периоды ликвидации еврейских гетто. Но главная волна зверств прошла по этому лагерю в начале 1943 года. В этом же докладе мы можем найти упоминание о том, что лагерь в Бельчице был устроен в 1940 году, но именно в 1942 году здесь были устроены особые электрические устройства для массового умерщвления людей. Под предлогом того, что их ведут купаться, обреченных заставляли раздеться, затем их вели в здание, где пол был особым образом наэлектризован, и там их убивали.

Обычно концентрационные лагеря германского фашизма принято делить на две группы: на «рабочие» концентрационные лагеря и «лагеря уничтожения». Мне кажется, что деление это является неверным, ибо «рабочие» лагеря также служили целям умерщвления людей.

В подтверждение сказанного сейчас я обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по Яновскому лагерю во Львове. Но одновременно с этим я прошу обратить внимание на альбом документов по Львовскому лагерю. Там есть снимок «траншея в долине смерти». Земля в траншее пропитана человеческой кровью на глубину в полтора метра. На последующих страницах показаны вещи, изъятые у убитых в лагере. Этот снимок сделан экспертами — судебными медиками примерно через два месяца после массовых расстрелов. Из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Яновскому лагерю видно, что в этом лагере, который формально носил название «обычного рабочего лагеря», по определению экспертов — судебных медиков, было истреблено более 200 тысяч советских граждан.

«Учитывая общую площадь закапывания и рассеивания пепла и костей, достигающую 2 квадратных километров, экспертная комиссия считает, что в Яновском лагере истреблено более 200 тысяч советских граждан».

Я прошу разрешения Суда обратиться к представлению доказательств по лагерю, который возник в последнюю стадию войны.

Дело в том, что в Майданеке и Освенциме умерщвляли только тех людей, которые туда попадали. Фактом своего существования они не представляли прямой угрозы для тех людей, которые находились за стенами лагеря. Но в ходе войны, уже понеся тяжкие поражения, германский фашизм начал практиковать новые зверские формы уничтожения мирного населения. Так были созданы в Белоруссии лагеря смерти не только для умерщвления людей, находившихся в самом лагере, но прежде всего для распространения среди мирного населения и в рядах Красной Армии тягчайших инфекций. В этих лагерях не было крематориев и газовых камер. Но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществление его плана истребления народов.

Я представляю Суду документ под номером СССР-4 — Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения их сыпным тифом:

«19 марта 1944 г. наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков...

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было».

Я обращаю внимание уважаемых судей на то, что это было в марте в Белоруссии, в полосу очень больших морозов.

«Заключенные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из этих лагерей детей до тринадцатилетнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4448...»

Освобожденная из лагеря Л. Пекорская сообщила комиссии:

«12 марта 1944 г. под вечер нас, жителей города Жлобина, заставили собраться в течение получаса на станции

Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везли, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочередно стреляют в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Немцы умышленно концентрировали в этих лагерях больных сыпным тифом.

«Освобожденная из лагеря Митрахович П. С., жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З. П. сообщила: «В течение трех суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболевали...»

Командование германской армии специально посылало в лагеря у переднего края обороны своих агентов, которым вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии».

Завершая представление доказательств по этому разделу, я привожу лишь некоторые выдержки из заключения экспертов-эпидемиологов:

«...а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан;

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие;

в) в тех случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагери, немецкие власти применяли насилие;

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях...»

И последний пункт:

«...д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период второй половины февраля и первой половины марта». Это приводило к массовому заражению людей, находившихся в лагерях, свидетельство чему члены Суда могут найти в следующих абзацах, где сказано, что командование частей Красной Армии госпита-

лизировало 4052 советских гражданина, освобожденных только в одном местечке Озаричи Полесской области, из них детей в возрасте до 13 лет—2370 человек.

Перехожу к концлагерям «обычного типа».

Привожу очень короткие извлечения из доклада правительства Югославии, касающиеся лагеря Баньица у Белграда, из которых видно, что югославский лагерь по условиям зверского режима для заключенных был совершенно сходен с лагерями в других странах Восточной Европы:

«Итак, лагерь Баньица у Белграда. Этот лагерь германские оккупационные власти основали еще в июне 1941 года. Из захваченных документов этого лагеря видно, что в нем было зарегистрировано 23 637 заключенных. Однако из показаний выживших свидетелей, в особенности служащих квислинговских властей, работавших в этом лагере, можно было установить, что через лагерь прошло значительно большее число жертв».

Свидетель Мончило Демьянович в конце 1943 года принимал участие в сожжении трупов жертв лагеря Баньица.

На допросе 7 февраля 1945 г. он заявил югославской государственной Комиссии, что за время своей работы он насчитал 68 тысяч трупов.

Я предъявляю Суду под номером СССР-193 выдержку из регистра лазарета лагеря Саймиште у Белграда.

В докладе югославского правительства справедливо указывается на то, что подобного рода «лазарет» больше напоминал лагерную часовню, куда доставлялись умерщвленные люди для совершения погребальной мессы.

В некоторые дни,— я прошу Суд обратиться к записи под порядковым номером 1070,— в лазарет доставлялись десятки и даже сотни трупов людей, умерших от голода. Так, например, под порядковой записью 1070 значится, что в лазарет доставлено было 87 трупов, под порядковым номер1272 значится: в лазарет доставлено 122 трупа, под порядковым номером 2041 — в лазарет доставлено 112 трупов.

Я считаю, что эти цифры не нуждаются в комментариях для определения режима содержания заключенных в этом лагере.

Бесчеловечны были условия содержания для заключенных во всех лагерях, размещенных на территории временно оккупированных районов Советского Союза. Я привожу краткие извлечения из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Литовской ССР:

«На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (вы увидите этот лагерь в тех кинодокументах, которые сегодня будут предъявлены Суду) с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек...

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей...»

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литовской ССР немцами создавались специальные концлагеря, причем в этих лагерях был вывешен следующий приказ:

«За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию».

Начальник четырех таких лагерей— немка Елизавета Зеелинг неоднократно заявляла заключенным: «Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу».

Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Киеве.

Из этого Сообщения я привожу лишь одну цитату, которая говорит о методах истребления людей в Сырецком лагере.

«Радомский и Ридер всячески ухищрялись в истреблении советских людей. Они, например, «изобрели» следующий способ убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались».

Привожу, далее, цитату из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях в Эстонской ССР. Эта часть свидетельствует о крайне жестоком режиме в концлагерях Эстонии:

«Ежедневно в лагере производились публичные порки заключенных на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2—3 часа к столбу. Издевательствами над заключенными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключенных: врача Залкиндсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключенных, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И. М. показал: «В феврале 1944 года в лагере в Клога родилось двое детей, оба эти ребенка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены».

Перехожу к представлению доказательств по лагерям уничтожения, так называемым «ферништунгслагер». Туда свозились люди из Западной и Восточной Европы.

Для уничтожения людей в концлагерях служила специальная техника, и здесь я задержу внимание судей на одном новом моменте, специально мною исследованном при анализе материалов о концлагерях. Я задался целью выяснить, сколько специальных фирм в немецко-фашистс-

ком государстве занималось строительством крематориев для концлагерей.

В фашистской Германии было минимум три специальных фирмы, занятых только конструированием крематориев и строительством кремационных установок. Это свидетельствует о масштабе преступлений в концлагерях.

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Освенциме:

«Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау четыре мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

«I. 1. И. А. Топф и сыновья.
Эрфурт, 12 февраля 1943 г.
Центральному строительному управлению войск СС и полиции

Аушвиц (Освенцим). Касается: крематория 2-го и 3-го лагеря военнопленных. Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособления для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория №3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья».

Представляю Суду за номером СССР-64 документ, приложенный к докладу правительства Югославии. Это заверенный фотостат документа фирмы. Это фирма Дидье. Переписка касается строительства крематория, «рассчитанного на крупный лагерь» в Белграде. В предъявляемом мною документе фирма Дидье рекомендовала себя как имеющую специальный опыт по строительству кремационных установок для концлагерей и понимающую требования клиентуры. Для доставки трупов в печи фирма разработала особую конструкцию конвейера из двухколесных валов. Они считали, что могут выполнить этот заказ лучше, чем какая-либо другая фирма, и запрашивали небольшой аванс на составление сметы по строительству лагерного крематория.

Перехожу к оглашению кратких извлечений из этого документа:

«Мы ссылаемся на визит вашего сына и на переговоры с ним нашего сотрудника господина Шторля.

Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами спроектировать и построить эту установку...

Для доставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла, так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота — 450 мм.

Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах и мы предоставим вам чертежи этих тележек».

Предъявляю Суду документ под номером СССР-225.

Документ, посвященный строительству тех же кремационных печей для концлагеря в Белграде. Это переписка фирмы Кори — Общества с ограниченной ответственностью. Это была вполне определенная фирма, которая даже деловое письмо считала необходимым закончить возгласом «хайль Гитлер!» При этом, хорошо зная свою клиентуру, фирма Кори рекомендовала еще раз запросить, «достаточно ли будет двух печей». Фирма, между прочим, упоминала, что уже построила четыре печи для Дахау и пять печей для Люблина, и подчеркивала, что ее усовершенствованные печи оправдали себя на практике с наилучшей стороны. Я привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи по сжиганию, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей...

О том, какая площадь необходима для печей с местом для обслуживания их и для раздувания огня, видно из прилагаемых чертежей. Чертеж (указан номер) наглядно иллюстрирует устройство двух печей; по чертежу номер 9122 изготовлено для строительства в Дахау четыре печи.

Следующий чертеж под номером 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам.

Хайль Гитлер!

Кори — Общество с ограниченной ответственностью».

Итак, мы установили, что только конструированием и постройкой кремационных печей для концлагерей в Германии...

Председатель: *Так как Трибунал не имеет перед собою этих писем, то Суд хотел бы знать, кому были адресованы эти письма.*

Смирнов: *Это письмо было адресовано частям СС в Белграде. Эти документы были изъяты югославским правительством. Дело в том, что эсэсовские части в Белграде сочли методы умерщвления, практиковавшиеся в Баньице и Саймиште, о которых я докладывал Суду, недостаточными и продолжали их технически совершенствовать. С этой целью они начали строить, вернее, задумали строительство кремационных устройств в концлагерях. И тогда между частями СС в Белграде и немецкими фирмами началась та оживленная деловая переписка, часть из которой я представил Вашему вниманию.*

Председатель: *Остальные письма, на которые Вы ссылались, также были адресованы частям СС?*

Смирнов: *Да, также частям СС. Первое письмо, адресованное администрации лагеря в Аушвиц, исходило от фирмы «Топф и сыновья». Разрешите продолжать?*

Я представляю сейчас доказательства того, что кроме стационарных крематориев существовали крематории передвижные. Суд уже знаком с передвижными газовыми камерами. Это были «душегубки». Кроме того, были созданы передвижные крематории. Об их существовании свидетельствует эсэсовец Пауль Вальдман, принявший участие в одном из злодеяний немецких фашистов — в единовременном уничтожении многих тысяч русских военнопленных в Заксенхаузене. Суду уже представлены под номером СССР-52 документы по этому лагерю. Я цитирую то место из показаний эсэсовца Вальдмана, которое говорит о массовой экзекуции в Заксенхаузене: «Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашин...»

Прошу Суд обратить внимание на отвратительный процесс, введенный немецко-фашистскими преступниками, который связан с промышленным использованием тел умерщвленных людей. Я представлю Суду вещественные доказательства, которые будут свидетельствовать о еще более отвратительной утилизации мертвых тел жертв. Прошу судей обратиться к альбому по Освенциму, где видны снимки упакованных для отправки в Германию семи тонн волос, которые были срезаны с умерщвленных женщин.

«С 1943 года немцы с целью промышленного использования несгоревших костей стали дробить кости и продавать фирме «Штрем» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрем» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения».

Прошу Суд обратить внимание на заключение технической экспертизы.

Так, в газовых камерах были произведены специальные исследования, и на основании точных химических реакций было установлено, что отравление в газовых камерах производилось синильной кислотой (это «циклон А» и «циклон Б»), а также окисью углерода. Я цитирую абзац из заключения технической экспертизы:

«Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использовались для массового и систематического уничтожения людей путем отравления общеядовитыми газами, как-то: синильной кислотой и окисью углерода».

Я привожу некоторые данные, касающиеся отвратительного и циничного ограбления заключенных, умерщвленных в Майданеке и Освенциме:

«На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, 29 из которых немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды — 348 820 комплектов;
2. Женской верхней и нижней одежды — 836 255 комплектов;
3. Женской обуви — 5525 пар;
4. Мужской — 38 000;
5. Ковров — 13 694 штук...»

Та же картина организованного ограбления умерщвленных людей была установлена Комиссией и при проведении следствия на Майданеке. Я не буду цитировать полностью этого раздела Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии и процитирую лишь одно отношение главного хозяйственного управления СС, содержащееся в Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии:

«Всем комендантам концентрационных лагерей.

Согласно заявлению главного управления имперской безопасности, из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом, в управление гестапо города Брюнн, причем оказалось, что в некоторых случаях вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и, таким образом, посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакета.

Ввиду того, что главное управление имперской безопасности в ближайшее время издаст инструкцию, регулирующую вопрос об оставшихся после смерти заключенных вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казненных заключенных.

Глюкс — генерал-майор войск СС».

Я перехожу к представлению доказательств, свидетельствующих об объеме злодеяний.

Только в двух лагерях смерти преступниками было уничтожено пять с половиной миллионов человек. В подтверждение привожу выводы Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму:

«Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее четырех миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран...»

Цитирую соответственные места из Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку:

«Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что за четырехлетнее существование «лагеря уничтожения» Майданек гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек — советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев».

Я заканчиваю этим документом раздел о концентрационных лагерях и перехожу к последнему разделу своего доклада — «Сокрытие следов преступлений».

В период своих временных военных успехов немецко-фашистские преступники сравнительно мало заботились о сокрытии следов преступлений.

Часто они не считали нужным даже маскировать дерном могилы, в которые сбрасывались после расстрелов тела умерщвленных.

Но после разгрома, который гитлеровская военная машина потерпела под Сталинградом, положение изменилось. Подгоняемые страхом возмездия, преступники стали применять срочные меры для сокрытия следов преступлений. Всюду, где это было возможно, они сжигали трупы. Там, где этого сделать было нельзя, могилы тщательно маскировались дерном или зелеными насаждениями. Земля, которой были засыпаны могилы расстрелянных, выравнивалась специальными машинами и гусеничными тракторами.

Однако основным методом, к которому прибегали немецко-фашистские преступники, следует признать все же сжигание трупов. Пепел от сожженных тел разбрасывался по полям, несгоревшие в пламени кости дробились специальными машинами и смешивались с навозом для изготовления удобрений. В крупных лагерях раздробленные кости умерщвленных продавались немецким промышленным фирмам для переработки на суперфосфат.

Я представляю Суду в качестве доказательства громадного масштаба преступной деятельности гитлеровцев по сокрытию следов преступлений ряд документов.

Ссылаюсь, прежде всего, на Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку. Документ представлен под номером СССР-29:

«Уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того, что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на пять сжигательных печей. Эти печи горели беспрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1500°С. Для того чтобы в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленялись, в частности, обрубались конечности трупов».

Печей в крематориях было недостаточно, и немцы для уничтожения трупов вынуждены были прибегать к специальным примитивным кремационным устройствам, которые делали следующим образом:

«На рельсы или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костер от 500 до 1000 трупов. Все это обливалось горючей жидкостью и поджигалось».

Привожу краткую цитату, устанавливающую объем этой преступной работы по сокрытию следов преступлений:

«Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600 тысяч трупов; на гигантских кострах в Кремпецком лесу было сожжено более 300 тысяч трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 тысяч трупов; на кострах в старом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 тысяч трупов».

Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Минску:

«В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил в них на глубине трех метров найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям Комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов».

Обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Львовской области. Документ был уже представлен Суду под номером СССР-6. Привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«По указанию рейхсминистра Гиммлера и генерал-майора полиции Кацмана в июне месяце 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

Во Львове немцами была создана особая зондеркоманда номер 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбанфюрер Шерляк, его заместителем — гауптштурмбанфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их».

Зондеркоманда 1005 была прототипом аналогичных зондеркоманд, созданных немцами. Последующие зондеркоманды, созданные для этих целей, получали номера — 1005-а, 1005-б и т. д.

«Гитлеровские убийцы на территории Львовской области придерживались той же методики сокрытия своих преступлений, которую они начали раньше, убив польских офицеров в лесу под Катынью. Экспертная комиссия установила полную идентичность маскировки расположенных в Лисеницах могил с такой же маскировкой могил убитых немцами польских офицеров в Катыни.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали во Львове при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров».

В эту школу приезжали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Руководитель зондеркоманды номер 1005 Шерляк у «рабочего места» учил комендантов, как производить извлечение трупов из земли, как складывать их в штабели, сжигать, высеивать пепел, перемалывать кости, засыпать ямы, производить на них маскировочную посадку деревьев и кустарника».

Я ссылаюсь на документ под номером СССР-61 — акт осмотра в городе Львове костедробилки, специально предназначенной для перемалывания человеческих костей.

Машина для перемола жженой кости смонтирована по специальному заданию на площадке автотракторного прицепа. Машина легко передвигается на любое расстояние, без демонтажа ее, посредством автомобиля или какого-либо другого транспорта.

Машина может работать в любом выбранном месте и не требует специально подготовленного места. Перевозится установка автомобилем или каким-либо другим транспортом.

Машина при данных размерах имеет производительность приблизительно 3 кубических метра жженой мелкой кости в час.

Предъявляю Трибуналу в качестве доказательства протокол допроса Герхарда Адамеца, произведенного лейтенантом американской армии Патриком Мак-Магоном.

Показания Герхарда Адамеца подтверждают наши материалы. Они очень обширны, и я ограничусь лишь сравнительно короткими извлечениями из них.

Герхард Адамец был в составе зондеркоманды 1005-б.

Перед этим Герхард Адамец говорит о том, что он в составе сорока других служащих охранной полиции покинул Днепропетровск и был отправлен в Киев. Я напоминаю Суду уже знакомое ему название «Бабий Яр». Начинаю цитировать показания Герхарда Адамеца:

«Наш лейтенант Винтер доложил о нашей колонне обер-лейтенанту Ханишу, цугфюреру[1].

На этом месте пахло трупным запахом, который одурманивал нас, мы закрывали носы и придерживали дыхание.

Обер-лейтенант Ханиш обратился к нам с речью, из которой я помню следующие отрывки:

«Вы прибыли на то место, где вы должны нести службу и поддерживать своих товарищей. Вы уже чувствуете запах, который исходит из кухни, находящейся позади нас. Мы все должны привыкнуть к этому, и вы все должны исполнять свои обязанности. Нужно будет охранять заключенных и очень тщательно. Все, что здесь происходит, — это тайные дела империи. Каждый из вас отвечает своей головой, если у него убежит заключенный. И помимо этого данный человек будет подвергнут особому режиму. То же самое ожидает того, кто что-либо выболтает или не будет достаточно осторожен в переписке...»

После этой речи обер-лейтенанта Ханиша нас вывели для того, чтобы познакомить с местом, где мы должны были нести службу. Нас вывели с кладбища и привели к прилегающему полю. Дорога, которая шла через это поле, была с обеих сторон оцеплена полицейскими, которые отгоняли всех приближающихся лиц. На поле мы увидели около 100 человек заключенных, отдыхающих от работы. Ноги каждого заключенного были закованы в цепи, приблизительно 35 сантиметров длины. Заключенные были одеты в гражданское платье...

Работа заключенных состояла в том, как мы узнали впоследствии, чтобы выкапывать трупы, которые были зарыты здесь в двух массовых могилах, переносить их, складывать в две огромные груды и сжигать. Трудно установить, однако я предполагаю, что на этом месте было погребено от 40 до 45 тысяч трупов. В одном противотанковом рву была устроена могила, которая частично была заполнена трупами. Этот ров был длиной в 100 метров, 10 метров шириной и глубиной в 4 — 5 метров...

В тот день, когда мы прибыли на это место (около 10 сентября 1943 г.), на поле было 3—4 небольших груды трупов».

Интересно, что этот фашистский специалист по сжиганию трупов называет небольшими грудами? Продолжаю

---

[1] Т.е. командиру взвода охранной полиции отряда 1005-а.

цитату: «Каждая такая груда состояла, приблизительно, из 700 трупов, была около 7 метров длиной, 4 метров шириной и 2 метров высотой...

Как здесь, так и в других местах, я наблюдал следующий метод работы: ...посредством железных крючков трупы стаскивались в определенное место, а затем складывались на деревянный настил. Затем вся груда трупов обкладывалась дровами, обливалась нефтью и поджигалась.

Нас, полицейских из отряда 1005-б, потом повели обратно на кладбище в кухню. Однако никто из нас не мог есть из-за жуткого запаха и из-за воспоминаний о виденном».

Показания Адамеца подтверждаются другими материалами. Продолжаю цитировать:

«Примерно 29 октября 1943 г. в 4 ч. 45 м. утра во время сильного тумана убежало человек 30 заключенных. Они сорвали свои ножные цепи, с ревом вырвались из своих бараков и разбежались в разных направлениях. Человек 6 было убито. Остальным удалось уйти из-за сильного тумана... В других местах, где я нес охранную службу, заключенные по окончании работы (выкапывание и сожжение трупов) были умерщвлены после того, как их группами или поодиночке под охраной полицейских, выделенных для этой цели, выводили к указанному СД месту. Затем эти полицейские посылались назад для того, чтобы доставить сюда новых заключенных. После этого сотрудники СД заставляли заключенных ложиться лицом вниз на деревянный настил, и они сейчас же получали выстрел в затылок. Заключенные в большинстве случаев без сопротивления подчинялись приказу, ложась рядом со своими уже расстрелянными товарищами...»

Я обращаю внимание членов Суда на тот путь, который далее совершила зондеркоманда. Эта зондеркоманда была в Кривом Роге, в Николаеве, в Вознесенске и в Риге, то есть она совершила путь почти с самого юга и до Балтийских областей моей Родины, путь, исчисляемый тысячами километров. Везде команда занималась тем же самым делом:

«Мы из отряда 1005-б получили затем приказ направиться к нескольким вновь построенным баракам, которые были расположены, примерно, в 250 метрах от 6—7 массовых могил».

Я цитирую именно это место потому, что Бикернекский лес будет показан в кинодокументах.

«Последние находились, примерно, в 4 километрах от окраины Риги в Бикернекском лесу. Там находились, примерно, 10—12 тысяч трупов. Новый отряд из 50—60 заключенных был вывезен туда, и в середине июня 1944 года началась работа (выкапывание и сожжение трупов) таким же образом, как описывалось ранее, и закончена в конце июля 1944 года.

Я думаю, что в то время фронт находился в 300 километрах оттуда. Эти 10—12 тысяч трупов принадлежали мужчинам, женщинам и детям всех возрастов и были похоронены, примерно, два года тому назад. Мы, полицейские, вообще думали, что эти люди убиты СС. Однако это было только предположение.

Этот новый отряд из 50 — 60 заключенных был умерщвлен в конце июля 1944 года...

Мы думали впоследствии, что в действительности нацисты боялись обнаружения массовых могил продвигающимися русскими и что эти ужасные массовые убийства станут известны цивилизованному миру.

Я думаю, что приблизительно 100 тысяч трупов из массовых могил были выкопаны сотрудниками СД из отрядов 1005-а и 1005-б.

Я думаю, что еще другие подобные команды выполняли такую же работу, но я не знаю — сколько. Если бы я думал или знал, что я когда-нибудь буду вынужден выполнять эту грязную и унизительную работу, я бы куда-нибудь эмигрировал...»

Убийства многих миллионов людей были совершены немецкими фашистами из мотивов, продиктованных их человеконенавистническими каннибальскими «теориями» расизма и «права господ» на уничтожение народов.

Все эти убийства были хладнокровно обдуманы. Беспрецедентные по масштабу злодеяния были выполнены в точно определенные для этого сроки, причем, как я показывал это неоднократно раньше, для массовых убийств и для уничтожения следов преступлений была создана специальная техника.

Но, кроме того, во многих преступлениях немецких фашистов есть одна черта, которая делает их еще более отвратительными.

В ряде случаев немцы, уже лишив жизни жертву, не прекращали на этом преступления, но продолжали его, делая затем объектом преступного глумления самое тело умерщвленного.

Глумление над трупами жертв было характерно для всех лагерей уничтожения. Я напоминаю уважаемому Суду, что несгоревшие кости покойников продавались немецкими фашистами фирме Штрем. Волосы умерщвленных женщин срезались, упаковывались в тюки, прессовались и отправлялись в Германию. В ряду этих же преступлений находятся и те, о которых я предъявляю доказательства сейчас. Я указывал уже неоднократно ранее, что основным методом уничтожения следов являлось сожжение трупов, но та же подлая рационализаторская эсэсовская техническая мысль, которая создала газовые камеры и «душегубки», стала работать над тем, чтобы создать такие способы полного уничтожения человеческих трупов, при которых уничтожение следов преступлений сочеталось бы с получением определенного фабриката. В Данцигском анатомическом институте уже были произведены в полупромышлен-

ном масштабе опыты по получению мыла из человеческих тел и дублению с промышленными целями человеческой кожи. Я предъявляю Суду под номером СССР-197 показания одного из непосредственных участников изготовления мыла из человеческого жира, препаратора анатомического института в Данциге Зигмунда Мазура:

«Вопрос: Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов и вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943/44 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2 — 3 часа в 10 литрах воды с 500 граммами или одним килограммом каустической соды, затем дать остыть. Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах. К смеси прибавлялась еще и поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2 — 3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы».

Я представляю сейчас Суду эти «формы»-кюветы, в которые выливалось сваренное мыло. Дальше я представляю доказательство того, что полуфабрикат этого человеческого мыла действительно был изъят в Данциге.

«Мыло получалось неприятного запаха. Для того чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавляли бензальдегид...

Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70 — 80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось и гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей — для туалета и стирки — употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла 4 килограмма...

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер...

Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимались старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких, не знаю».

Я предъявляю сейчас под номером СССР-196 копию рецепта мыла, изготовленного из тел умерщвленных. Он в основном идентичен с тем, который изложен в протоколе допроса Мазура. Для подтверждения того, что все изложенное в протоколе допроса Мазура соответствует действительности, я приведу принятые Судом протоколы допроса британских военнопленных, в частности рядового королевского суссекского полка Джона Г. Виттона. Документ предъявляется Суду под номером СССР-264. Я цитирую одно небольшое место из этого протокола:

«Трупы прибывали в количестве от 7 до 8 в день. Все они были обезглавлены и раздеты догола. Иногда их доставляли в автомашинах Красного Креста в деревянных ящиках, вмещающих 5 — 6 трупов, иногда по 3 — 4 трупа доставляли в небольших грузовиках... Трупы обычно выгружали с предельной быстротой и сносили в погреб, в который вела боковая дверь из фойе при главном входе в институт... Вследствие того, что трупы предварительно пропитывались какой-то жидкостью, ткань очень легко отделялась от костей. Затем всю ткань складывали в бак для кипячения размером с небольшой кухонный стол. После кипячения полученную жидкость разливали по белым сосудам размером примерно в двойной лист обычной писчей бумаги и глубиной в 3 сантиметра. Обычно в день машина давала 3 — 4 таких сосуда».

Я представляю, далее, Суду под номером СССР-272 письменные показания британского подданного — капрала королевских войск связи Вильяма Андерсена Нили.

«Трупы доставлялись в количестве 2—3 в день. Все они были совершенно нагие, причем большинство было обезглавлено...

Конструирование машины для изготовления мыла было завершено в марте-апреле 1944 года. Постройка здания, в котором ее предполагалось поместить, была закончена в июне 1942 года. Машина эта была смонтирована на данцигской фирме Айрд, не связанной с военным производством. Насколько я помню, эта машина состояла из бака, обогреваемого электричеством, в котором при помощи добавления каких-то кислот растворялись кости трупов.

Процесс растворения занимал около 24 часов. Жировые части трупов, в особенности женских, складывались в боль-

шие эмалированные чаны, подогреваемые огнем двух бензиновых горелок. Для этой процедуры также применялись какие-то кислоты. Я предполагаю, что в качестве кислоты брали едкий натр. Когда кипячение заканчивалось, полученной смеси давали остыть, а затем выкладывали в специальные формы...

Я не могу точно определить количество получаемого вещества, но я видел, как его употребляли в Данциге для чистки столов, на которых производили вскрытие трупов. Люди, пользовавшиеся им, уверяли меня, что это — лучшее мыло для этой цели».

Я предъявляю, далее, образцы полуфабриката мыла и изготовленного мыла. Здесь вы увидите небольшой кусочек вполне готового мыла, которое по внешнему виду, уже пролежав несколько месяцев, напоминает, однако, обычное хозяйственное мыло. Я передаю его Трибуналу. Кроме того, я предъявляю образцы полувыделанной человеческой кожи. Предъявленные образцы убеждают в том, что процесс изготовления мыла был уже вполне разработан Данцигским институтом. Что касается кожи, то она по внешнему виду напоминает еще полуфабрикат. Наиболее приближается к типу промышленной кожи тот кусок, который Вы видите наверху слева. Таким образом, можно считать доказанным, что опыты по промышленному производству мыла из человеческого жира были вполне завершены в Данцигском институте. Опыты по дублению человеческой кожи еще производились, и только победоносное наступление Красной Армии положило предел этому новому преступлению нацистов.

Длинный ряд преступлений против мирного населения временно захваченных немецко-фашистскими преступниками районов Советского Союза, Чехословакии, Польши, Югославии и Греции не может быть исчерпан даже в самом подробном докладе. Можно выделить только наиболее типичные в тех жестокостях, подлых и расчетливых приемах, к которым прибегали главные преступники, замышлявшие преступления, и те, кто эти преступления выполнял. Те, кто находится ныне на скамье подсудимых, освободили от «химеры, именуемой совестью», сотни тысяч и миллионы преступников. Они воспитали этих преступников, создали им атмосферу безнаказанности и натравили своих кровавых собак на мирных людей. Они глумились над совестью и достоинством человека. Но к совести мира взывали те, кого травили в «душегубках» и газовых камерах, кого разрывали на куски, те, чьи тела сжигали в печах крематориев и пепел развевали по ветру. Мы не можем теперь назвать даже многие из мест захоронений миллионов злодейски умерщвленных невинных людей. Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрелов, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до

сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, взывающие к возмездию краткие записи обреченных на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатленные на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, взывавших перед смертью к совести мира, о справедливости и о возмездии.

Из выступления заместителя Главного обвинителя от Франции Ш. ДЮБОСТА[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 24, 25, 29, 30 и 31 января 1946 г.

Мои британские и американские коллеги предъявили доказательства того, что подсудимые замыслили и осуществили план заговора с целью господства над Европой. Они показали вам, какие преступления против мира они совершили, развязывая несправедливые войны. Они показали вам, что все подсудимые, будучи руководителями нацистской Германии, заранее выработали план ведения несправедливых войн и участвовали в заговоре против мира... Теперь нам остается рассказать о зверствах, жертвами которых стали мужчины, женщины и дети в оккупированных странах.

Мы намереваемся предъявить доказательства того, что подсудимые, будучи руководителями гитлеровской Германии, систематически проводили политику уничтожения, жестокость которой усиливалась день ото дня, вплоть до поражения немцев; что эти жестокости подсудимые задумали и осуществляли, что это входило в систему, которая должна была способствовать выполнению политического замысла. Именно этот политический замысел связывает воедино все те факты, которые мы намерены вам представить.

Преступления против отдельных лиц и собственности, изложенные здесь французскими коллегами, тесно связываются с войной. Таким образом, они обладали четкими признаками военных преступлений в строгом понимании. Те преступления, о которых я буду говорить далее, превосходят все известные по значению и масштабам. Они являются частью политики экспансии и стремления к господству. Наилучшее определение этой политики было дано самим Гитлером в его речи 16 мая 1927 г. в Мюнхене. Он говорил своим слушателям об опасности, которой якобы подвергалась уже высокоиндустриальная и богатая Герма-

[1] IMT, vol. 6, p. 118—*418*.

ния, с населением в 70 миллионов человек, со стороны Франции, страны сельскохозяйственной, с 40 миллионами жителей. В этот день Гитлер сказал: «Есть только одна возможность у Германии избежать окружения, эта возможность—уничтожение государства, которое по своей природе всегда будет смертельным врагом Германии. Этот враг—Франция.

Когда народ видит, что его существованию угрожает враг, тогда он должен иметь одну цель, а именно: уничтожение своего врага».

В течение первых месяцев после победы немцы, казалось, оставили свое намерение уничтожать население, но это была лишь тактика. Они надеялись вовлечь в войну против Англии, Советского Союза порабощенные ими западные нации и попеременно прибегая то к хитрости, то к насилию, они пытались заставить население этих стран сотрудничать с ними. Народ сопротивлялся. Тогда подсудимые отказались от этой тактики и снова стали замышлять осуществление своего большого плана истребления побежденных народов, стремясь захватить в Европе необходимые пространства для 250 миллионов немцев будущих поколений. «Истребление», «уничтожение», «ликвидация»—это термины, взятые мной из речи Гитлера,—осуществлялись под различными предлогами: истребление низшей расы, или негроидов, уничтожение большевизма, ликвидация еврейского и масонского влияния, враждебных формированию «нового европейского порядка».

В действительности уничтожение, истребление и ликвидация являлись просто убийствами всех тех, кто противился нацизму. Все эти действия были направлены на то, чтобы понизить жизненный потенциал порабощенных народов.

Я сейчас предъявляю доказательства того, что все это проводилось в осуществление продуманного плана, существование которого доказано наличием аналогичных фактов, повторяющихся во всех оккупированных странах.

При наличии такого повторения и постоянства невозможно более говорить о том, что только тот, кто совершал эти зверства, повинен в них. Это повторение и это постоянство доказывают, что одна преступная воля объединяла всех членов немецкого правительства, все руководство Германии.

Эта общая воля породила официальную политику террора и истребления, которая направляла удары палачей. Именно участием в формировании этой общей воли каждый подсудимый поставил себя в ряд главных военных преступников...

Все совершенные зверства полностью объясняются германской террористической политикой. С этой точки зрения у нее имеется прецедент в немецкой практике ведения войны. Мы все сохранили в своей памяти казни заложников в Динане во время войны 1914 года, казни заложников в цитадели Лаон или в Сен-Ло. Но нацизм усовершенствовал эту политику террора. Для него террор есть способ пора-

бощения. Для нацизма террор есть средство подчинить все порабощенные народы целям своей политики.

Все французы еще хорошо помнят первые признаки политики террора во время оккупации. Они увидели на стенах Парижа, так же как и всюду, вплоть до самых малых селений Франции, всего несколько месяцев спустя после подписания перемирия, красные плакаты, окаймленные черным, возвещавшие о первых казнях заложников. Мы знаем матерей, которые таким образом узнали о казни своих сыновей. Эти казни проводились оккупантами в связи с антигерманскими инцидентами, которые были ответом французского народа на официальную политику коллаборационизма. Было оказано организованное сопротивление этой политике, и вместе с ним возрастали репрессивные меры вплоть до 1944 года—кульминационного пункта германского террора во Франции и в оккупированных странах Запада. К этому времени армия, полиция, СС перестали говорить об истреблении заложников, они организовали настоящие карательные экспедиции, во время которых сжигали целые деревни, тысячи людей из гражданского населения были убиты, арестованы или угнаны. Правители Германии пытались оправдать такие преступные действия в глазах мировой общественности. Они разработали и издали настоящий кодекс о заложниках и делали вид, что хотят лишь заставить уважать право всякий раз, когда проводили казни и репрессии.

Гаагская Конвенция в статье 50 запрещает взятие заложников:

«Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния отдельных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». Однако германский генеральный штаб, германское правительство старались заставить забыть об этом законе. Систематическое нарушение Гаагской Конвенции стало законом.

Я опишу Вам, как генеральный штаб присвоил себе мнимое право брать заложников, что нашло окончательное выражение во Франции в «кодексе Штюльпнагеля о заложниках».

Я покажу Вам в краткой выдержке из документа, кто из подсудимых является главным виновником этого преступления.

15 февраля 1940 г. в секретном указании, адресованном подсудимому Герингу, ОКВ мотивирует взятие заложников. Этот документ датирован 15 февраля 1940 г. и озаглавлен: «Верховное командование вооруженных сил. Секретно. Имперскому министерству авиации. Главное командование военно-воздушных сил. Тема: Взятие заложников».

В документе говорится: «По мнению ОКВ, взятие заложников оправдывается во всех случаях, когда это требует безопасность войск, действующих во исполнение приказов. К этому нужно будет прибегать в случаях

сопротивления или враждебных действий населения в оккупированных районах при условии, однако, что войска находятся в бою или в таком положении, когда нет никакого другого способа обеспечить безопасность.

При отборе заложников они будут арестовываться лишь в том случае, если враждебные группы населения заинтересованы в том, чтобы они не были казнены. Заложники будут отбираться из тех кругов населения, от которых можно ожидать враждебных выпадов. Арест заложников должен производиться из числа лиц, участь которых может повлиять на руководителей сопротивления». Документ ПС-1585, РФ-267.

Против этого, насколько мне известно, Геринг никогда не возражал.

Вот еще документ—Ф-508, РФ-268. Это инструкция командующего сухопутными силами во Франции; она подписана 12 сентября 1940 г., спустя три месяца после оккупации. О заложниках в ней говорится следующее:

«Заложниками являются граждане страны, которые гарантируют своей жизнью безупречное поведение населения. Ответственность за их судьбу несут их соотечественники. Поэтому население должно знать, что заложники отвечают за враждебный поступок каждого в отдельности. Только французские граждане могут быть взяты в качестве заложников. Заложники могут отвечать за действия, совершенные только после их ареста и после публикации соответствующих условий».

Это аннулирует пять предшествующих распоряжений, изданных до 12 сентября 1940 г. По этому вопросу было издано несколько приказов. У нас имеется два распоряжения генерального штаба. Даты их указаны в начале документа РФ-269: 2 ноября 1940 г. и 13 февраля 1941 г.

«Если акты насилия совершены населением в отношении лиц, принадлежащих к оккупационным силам, или военным помещениям и оборудованию причинены повреждения, или они подверглись разрушению, или если другие действия угрожают безопасности немецких управлений и отдельных частей, и если, в зависимости от обстоятельств, население, проживающее в месте совершения преступления, считается ответственным за эти акты диверсий или соучастие в них, могут быть приняты превентивные меры репрессий с тем, чтобы гражданское население впредь побоялось бы совершать, провоцировать или терпеть подобные поступки.

Все население считается ответственным за конкретные акты диверсий со стороны отдельных личностей, если своим общим поведением в отношении немецких вооруженных сил оно способствовало недружелюбным поступкам, или если своим пассивным отношением в раскрытии предшествующих актов саботажа оно воодушевляло злонамеренных лиц на подобные действия или если оно создавало благоприятную почву для оппозиции немецкой оккупации.

Должны предписываться такие меры, которые могут быть приведены в исполнение. Угрозы же, не приведенные в исполнение, есть признак слабости». Это документы РФ-268 и РФ-269.

До сих пор мы не находим в этих немецких текстах утверждения, что взятие и казни заложников составляют право оккупационных властей. Но вот немецкий документ, который очень ясно формулирует эту мысль.

По нашим описям он числится под номером РФ-270, Ф-507, датирован 18 апреля 1944 г., Брюссель. Он исходит от главного судьи при командующем в Бельгии и в северной Франции и адресован германской комиссии по перемирию в Висбадене. На полях документа—заголовок: «Секретное дело командования. Тема: Убийство 8 террористов в Лилле 22 декабря 1943 г.».

В середине второго абзаца вы прочтете: «...К тому же я подтверждаю свою точку зрения, а именно, что меры, принятые главной полевой комендатурой в городе Лилле в ответ на письмо моей полицейской группы от 2 марта 1944 г., вопреки мнению комиссии по перемирию достаточно обновлены и дальнейшие объяснения излишни. Как раз комиссия по перемирию должна объявить французам, если есть необходимость входить в такого рода детали, что казни были произведены в соответствии с основными принципами правил, действующих для заложников».

Таким образом, здесь речь идет о государственной доктрине. Невиновные становятся заложниками. Они своей жизнью отвечают за поведение своих сограждан по отношению к немецкой армии. Если совершено нарушение, к которому они даже непричастны, все равно они подвергаются коллективному наказанию вплоть до смертной казни. Это положение официально установлено германским верховным командованием. Кейтель 16 сентября 1941 г. подписал общий приказ, который здесь уже зачитывался, документ ПС-389, РФ-271.

Действие этого приказа распространялось на все оккупированные области, как на Востоке, так и на Западе. В приказе имеется перечень тех, кому он должен быть направлен; в числе других упоминаются имена всех главнокомандующих в странах, оккупированных Германией: во Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании, на Украине, в Сербии, Салониках, южной Греции, Крите. Этот приказ действовал в течение всей войны; он носил яркий характер антикоммунистических репрессий и, кроме того, имел целью проведение репрессий в отношении гражданского населения.

Приказ должен был касаться также командования воинских частей, находившихся на Востоке. Согласно этому приказу во всех случаях, когда совершено нападение на германскую армию, необходимо считать, «...что речь идет о массовом движении, руководимом Москвой в соответствии с общим планом, к которому можно отнести и отдельные действия, не имеющие большой важности, от-»

меченные в районах, которые до сих пор оставались спокойными».

В связи с этим Кейтель приказал, наряду с прочим, казнить от 50 до 100 коммунистов за одного убитого германского солдата. Таков политический смысл, который мы непрестанно обнаруживали во всех террористических действиях немцев. Для гитлеровской пропаганды всякое сопротивление, оказываемое Германии, являлось инспирированным коммунистами, если не коммунистическим по своей сути. Таким путем немцы рассчитывали отделить от движения Сопротивления националистов, которые, по их предположениям, были враждебны коммунистам. Нацисты преследовали еще и другую цель: они надеялись также —и это основное—разделить Францию и другие побежденные страны Запада на два враждебных лагеря и использовать один из них для борьбы против другого под предлогом борьбы с коммунистами.

Мы остановились на подписанном подсудимым Кейтелем приказе от 16 сентября, который является, как я уже изложил, основной директивой по вопросу о заложниках. Этот приказ, подтвержденный подсудимым Кейтелем 24 сентября 1941 г., мы представляем под номером РФ-272. Вы найдете его в книге документов под номером Ф-554. Я оглашаю первый абзац:

«Следуя директивам, изданным фюрером, верховное командование вооруженных сил опубликовало приказ от 16 сентября 1941 г. о борьбе с революционным коммунистическим движением в оккупированных странах. Этот приказ был направлен министерству иностранных дел для передачи его послу Риттеру. В этом приказе, между прочим, говорится о праве военных трибуналов выносить смертные приговоры. Отсюда следует, что отныне на оккупированных территориях должны проводиться самые суровые меры».

Об отборе заложников говорится также в ранее оглашавшемся, изданном до начала немецкой агрессии против России, документе ПС-877, о котором следует напомнить потому, что он показывает решимость военного командования Германии и нацистского правительства разделить оккупированные территории, подменить патриотический характер движения Сопротивления политическим, которого оно не имело. На странице 2, в абзаце 4 документа ПС-877, который был представлен под номером РФ-273, Вы найдете следующие фразы: «Можно считать установленным, что, помимо противников, с которыми обычно сражались наши войска, на этот раз мы столкнулись с чрезвычайно опасными элементами из гражданского населения, разрушающими всякий установленный порядок и проводящими еврейско-большевистскую пропаганду. Нет никакого сомнения в том, что повсюду, где возможно, они коварно и тайно используют свое разрушительное оружие против германской армии, которая борется за освобождение данной страны».

Этот документ является официальным документом, исходящим из ставки главного командования сухопутных сил. Он выражает основной принцип всего германского генерального штаба. Кейтель руководил разработкой этого принципа. Это является прямым и тяжким обвинением против Кейтеля, но Кейтель—это германский генеральный штаб. Таким образом, обвинение направлено против этой организации. Вы видите из приводимого документа, что такое обвинение обоснованно потому, что генеральный штаб Германии замешан в преступной политике немецкого правительства.

В отношении Франции общие приказы Кейтеля были применены генералом Штюльпнагелем в его приказе от 30 сентября 1941 г., который известен во Франции под названием «кодекс о заложниках».

Приказ от 30 сентября 1941 г. является существенным потому, что освещает обстоятельства, при которых расстреливались французские заложники. Я оглашаю этот документ, представляемый под номером ПС-1588, РФ-274.

«1. 22 августа 1941 г. я опубликовал следующее сообщение:

Утром 21 августа 1941 г. в Париже немецкий военнослужащий пал жертвой покушения. Поэтому я приказываю:

1) Чтобы французы, задержанные в настоящее время по любой причине немецкими властями или по их распоряжению, с 23 августа считались заложниками.

2) Некоторое число из этих заложников будет расстреляно в зависимости от серьезности совершенных действий.

2. 19 сентября 1941 г. я приказал послать ноту уполномоченному французского правительства при немецком командующем во Франции, чтобы с 19 сентября 1941 г. все французы мужского пола, которые арестованы французской администрацией по любому поводу либо находятся под арестом за коммунистическую или анархистскую деятельность, должны содержаться под арестом французской администрацией также и от имени военного командования во Франции.

3. На основании моей ноты от 22 августа 1941 г. и моего приказа от 19 сентября 1941 г. следующие группы лиц или лица будут считаться заложниками:

а) французы, которые в настоящее время задержаны немецкими властями по любым причинам, например лица, арестованные полицией; лица, находящиеся в превентивном заключении; лица, отбывающие наказание;

б) французы, которые задерживаются во Франции французскими властями по требованию немецких властей; сюда относятся:

аа) французы, которые арестованы французскими властями за анархистскую или коммунистическую деятельность;

бб) французы, которые будут отбывать наказание—лишение свободы—под контролем французских властей по требованию немецких военных трибуналов;

в) французы, которые по требованию немецких властей были арестованы французскими властями, или будут находиться под арестом, или будут передаваться французским властям немецкими властями для содержания их под арестом;

вв) лица, не имеющие гражданства, которые достаточно долго живут во Франции, будут считаться французами в смысле моего объявления от 22 августа 1941 г...

III. Освобождение из-под стражи.

Лица, которые не находились под арестом к 22 августа и к 19 сентября 1941 г., но которые были арестованы позднее и все еще находятся под арестом, являются заложниками, начиная с даты ареста, если к ним применимы остальные изложенные условия.

Освобождение лиц, отбывающих наказание, по истечении срока или по всяким другим причинам не будет приостанавливаться моим объявлением от 22 августа 1941 г. Освобожденные лица более не являются заложниками. Те, кто находится под арестом у французских властей за коммунистическую или анархистскую деятельность, могут освобождаться, как я уже сообщал французскому правительству, только с моего согласия...

VI. Списки заложников.

Если произойдет такое событие, которое в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. вызовет необходимость расстрела заложников, то казнь должна быть произведена немедленно вслед за изданием соответствующего приказа.

Таким образом, начальники округов должны будут из общего количества заключенных заложников выбрать тех, которые по соображениям целесообразности могут быть казнены в первую очередь, и внести их в список заложников.

Эти списки заложников являются основой для предложений, которые должны быть сделаны мне в каждом случае казни.

1. На основании наблюдений, сделанных до сих пор, надо сказать, что те, кто совершает покушения, большей частью принадлежат к террористическим или анархистским кругам. Таким образом, начальники округов должны отобрать из задержанных лиц тех, которые в прошлом являлись коммунистами или анархистами или участвовали в подобных организациях: они подлежат казни в первую очередь.

При отборе необходимо учитывать, что воздействие казней заложников на тех, кто совершает террористические акты, и на тех лиц, которые во Франции или за границей несут моральную ответственность как издающие приказы или как пропагандирующие акты диверсий и террора, тем больше, чем большей известностью пользуются расстрелянные. Опыт показывает, что лица, издающие приказы, и политические круги, заинтересованные в совершении покушений, пренебрегают жизнью своих мелких сооб-

щников и, напротив, стремятся максимально охранять жизнь своих старых и известных сотрудников.

Поэтому в списки надо вносить в первую очередь:

а) бывших депутатов и деятелей коммунистических или анархистских организаций;

б) лиц умственного труда, которые содействовали распространению коммунистических идей устно или письменно;

в) лиц, которые своим поведением доказали свою опасную деятельность;

г) лиц, которые участвовали в распространении листовок».

При отборе руководствовались лишь одним стремлением парализовать деятельность или уничтожить наиболее выдающихся личностей. Мы увидим, что в соответствии с параграфом «b» немцы расстреляли в 1941 и 1942 гг. в Париже и в провинциальных городах большое число лиц из интеллигенции, среди которых были такие, как Соломон и Политцер.

Я еще возвращусь к этим казням, когда буду приводить Вам примеры немецких зверств, совершенных по отношению к заложникам во Франции.

«2. Список заложников, взятых из числа французских заключенных—сторонников де Голля, должен быть составлен в соответствии с этими же директивами.

3. Этнические чистокровные немцы, состоящие во французском подданстве, которые арестованы за коммунистичекую или анархистскую деятельность, также могут включаться в эти списки. Их немецкое происхождение должно указываться в прилагаемой к списку анкете. Лица, которые были осуждены к смерти и позднее помилованы, тоже могут заноситься в эти списки...

5. В списки по округам должно заноситься по 150 человек, а в районе большого Парижа—от 300 до 400 человек. По возможности надо казнить лиц, проживающих в районе, где совершено преступление. Поэтому начальники округов должны каждый раз заносить в списки тех лиц, последнее местожительство которых находилось в этом округе.

Списки должны быть всегда наготове. В них должны вноситься изменения в соответствии с новыми арестами и освобождениями...

VII. Предложения, касающиеся казней.

Если происходит какое-либо событие, вызывающее необходимость казни заложников, в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. начальник округа, в котором это событие имело место, должен выбрать из списка заложников лиц, которых он хочет предложить для казни. По мере возможности он должен выбирать заложников, принадлежащих к той среде, из которой предположительно вышло лицо, совершившее данное преступление...

Для казни следует отбирать только тех лиц, которые в момент покушения уже находились под арестом. В этом предложении должны указываться фамилии и число лю-

дей, которых предполагают казнить, и порядок очередности их отбора.

Следует избегать захоронения большого числа трупов в общей могиле в одном месте, чтобы не создавать места паломничества для значительного числа лиц, так как позднее эти места погребения могут быть использованы в интересах антинемецкой пропаганды. Вот почему, насколько возможно, погребение должно всегда производиться в различных местах».

Параллельно с этим документом, касающимся Франции, существует приказ Фалькенхаузена от 19 сентября 1941 г. относительно Бельгии; Вы найдете его на странице 6 официального доклада о Бельгии, документ Ф-683, РФ-275.

Относительно Норвегии и Дании существует телеграфное распоряжение Кейтеля на имя главнокомандующего военно-морским флотом, датированное 30 ноября 1944 г., которое Вы найдете в книге документов под номером С-48, РФ-280.

«Каждый рабочий верфи должен знать, что всякий акт диверсии, происходящий в районе его деятельности, повлечет самые серьезные последствия для него лично или для его близких, если он скроется».

Страница 2 документа ПС-870, РФ-281: «4. Я только что получил по телеграфу распоряжение фельдмаршала Кейтеля, требующее издания приказа, согласно которому все причастные лица, а в случае необходимости также их ближайшие родственники будут подвергаться коллективной ответственности за акты саботажа, происходящие на предприятиях, где эти лица работают».

Автор этого документа, Тербовен, прибавляет следующую фразу, уличающую фельдмаршала Кейтеля:

«Это требование может быть выполнено успешно лишь в том случае, если я смогу действительно приступить к расстрелам».

Все эти документы будут представлены Суду.

Председатель: *Господин Дюбост, правильно ли я понимаю, что в Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании были изданы аналогичные распоряжения и приказы в отношении заложников?*

Дюбост: *Я именно собирался, господин председатель, зачитать те из них, которые касаются Бельгии, Голландии и Норвегии.*

Относительно Бельгии, например, на странице 6 документа Ф-683, который является официальным документом бельгийского министерства юстиции, в абзаце 5 вы найдете следующее: «В будущем население должно знать, что нападение на немецких военнослужащих или сотрудников немецкой полиции в тех случаях, когда виновные не могут быть арестованы, вызовет расстрел заложников, число которых будет определяться в соответствии с тяжестью совершенного и во всяком случае не менее пяти заложников, если нападение привело к смертельному исходу.

Все политические заключенные в Бельгии будут отныне рассматриваться как заложники»...

Председатель: *Можете ли Вы указать нам, какие документы относятся к Голландии, Норвегии, Бельгии и Дании?*

Дюбост: *Могу. Что касается Бельгии, то это документ Ф-683, страница 6, декрет Фалькенхаузена от 19 сентября 1941 г., представленный под номером РФ-275. Документ является официальным докладом о злодеяниях главных немецких военных преступников в Бельгии.*

Второй документ — С-46 от 24 ноября 1942 г., представленный под номером РФ-276.

Относительно Голландии. Приказ Зейсс-Инкварта, документ Ф-224, РФ-279:

«За разрушения и нанесение ущерба железнодорожным постройкам, телефонной связи и отделениям почты вся ответственность возлагается на жителей территории данного объекта. Проживающие в этих местах возмещают ущерб личным имуществом. В иных случаях отдельные дома либо кварталы будут разрушены».

Относительно Норвегии и Дании мы имеем несколько документов, которые устанавливают, что такая же политика казней заложников проводилась и там. Эти документы представлены под номером С-48, РФ-280.

Все эти специальные приказы, касающиеся каждой из оккупированных стран Запада, явились следствием основного приказа Кейтеля.

Кейтель несет полную ответственность за развитие этой политики казней заложников. К нему поступали предупреждения, да и сами немецкие генералы признавали, что эта политика вышла за пределы той цели, которую она должна была преследовать, и могла стать опасной. 16 сентября 1942 г. генерал Фалькенхаузен написал письмо, из которого я процитирую один абзац. Это документ ПС-1594, который я представляю под номером РФ-281:

«При сем прилагаются данные о казнях заложников, проведенных до сего дня в моем секторе, и о событиях, послуживших причинами этих казней. Во многих случаях, в особенности в наиболее важных, лица, производившие покушения, в последующем арестовывались и осуждались. Эти результаты отнюдь не способствуют умиротворению. Такие меры являются не столь запугивающими, сколь разрушающими право и безопасность в глазах населения. Исчезает та пропасть, которая существовала между частью населения, находящейся под влиянием коммунистов, и остальным населением; все слои населения будут полны ненависти к оккупационным силам, что поможет вражеской пропаганде. Это опасно в военном отношении и неблагоприятно отразится на проведении общей политики. Подписано: Фалькенхаузен».

В документе ПС-1587, страница 4, абзац 3 (тот же немецкий генерал), высказывается такая мысль:

«Во многих случаях лица, виновные в актах агрессии и диверсий, обнаруживались уже после того, как заложники

в соответствии с полученными инструкциями были расстреляны непосредственно после того, как происходили эти акты саботажа. Настоящие же виновники зачастую принадлежали совершенно к другой среде, чем заложники. Без сомнения, в таких случаях казни заложников вызывают не страх, а, скорее, безразличное отношение населения к этим репрессиям и даже отрицательное отношение со стороны многих, кто раньше был пассивен. В этом случае казнь оказывает отрицательное действие с точки зрения интересов оккупационной власти и содействует стремлениям английских агентов, которые часто являются подстрекателями таких действий. Таким образом, необходимо осуществлять отсрочку казни в тех случаях, когда можно надеяться на арест настоящих виновников.

Я прошу также дать мне право откладывать исполнение казни для того, чтобы достигнуть наибольшего успеха в борьбе против террористов».

На второй странице документа ПС-1587 вы найдете выдержку из ежемесячного отчета командующего немецкими вооруженными силами в Нидерландах за август 1942 года. Это новое предостережение Кейтелю: «...б) Особые происшествия и политическая ситуация. При покушении на поезд с отпускниками, следовавший в Роттердам, был серьезно ранен голландский путевой сторож, который прикоснулся к металлическому проводу, присоединенному к взрывчатому веществу, и вызвал этим взрыв. Во всей голландской прессе было опубликовано о следующих мерах репрессии.

Крайний срок ареста лиц, совершивших эту акцию, был назначен на полночь 14 августа, причем населению было предложено содействовать аресту. Было назначено вознаграждение в сумме 100 тысяч флоринов за выдачу этих лиц, которая останется в тайне. В случае если лица, совершившие покушение, не будут за это время арестованы, будут казнены заложники. Железные дороги должны охраняться голландцами.

Несмотря на это предупреждение, виновник не появился и его никак не могли найти, а нижеследующие лица, которые в течение нескольких недель находились под стражей в качестве заложников, были расстреляны по приказу начальника СС».

Председатель: *Не можете ли Вы назвать их фамилии и занимаемые ими должности?*

Дюбост: *Виллем-Рюи — генеральный директор из Роттердама, граф ван Лимбург-Штирум из Архейма, Роберт Бельде — доктор юридических наук из Роттердама, Кристофель Бенненкерс — бывший генеральный инспектор полиции, Роттердам; барон Александр Шиммельпеннинк ван дер Ойе...*

Продолжаю оглашать выдержку из отчета:

«Общественное мнение было исключительно взволновано казнями заложников. Прилагаемые отчеты выражают то мнение, что с начала оккупации ни одно действие

немцев не произвело большего впечатления. Многочисленные анонимные письма, так же как и письма, подписанные, адресованные командующему вооруженными силами, которого все считали ответственным за эти неслыханные события, отражают различные чувства, овладевшие населением. В этих письмах, содержавших просьбы и убеждения не прибегать к чрезвычайным мерам, а также угрозы и осуждение, отражалось полное непонимание этих мер.

Среди этой корреспонденции были письма, где содержались упреки в грубом нарушении международного права, упреки, несмотря ни на что, все же серьезно обоснованные и наводящие на размышления. В других же высказывались горькие жалобы идеалистов, которые, несмотря на все происшедшее, все еще считали, что существует какая-то возможность соглашения между Германией и Голландией, а сейчас потерпели разочарование.

Кроме всего этого, напрашивается вывод, что такие методы на руку коммунистам, которые, будучи истинными заговорщиками, радуются тому, что таким образом для них сочетается приятное с полезным — казнят таких заложников.

В заключение надо сказать, что такое возмущение, проникшее даже в ряды немногих голландцев-германофилов, раньше никогда не наблюдалось, такой ненависти раньше никогда не было. Подписано: Шнейдер, капитан».

Несмотря на эти предостережения подчиненных, ни Кейтель, ни генеральный штаб никогда не давали других приказов. Приказ от 16 сентября 1941 г. продолжал действовать.

Когда я приведу примеры казней заложников во Франции, Вы увидите, что многие из этих фактов относятся к 1942, 1943 и 1944 гг.

Я предъявил Вам доказательства, последовательно огласив ряд германских официальных документов, которые издавались высшими властями армии, партии и нацистского правительства, преднамеренно использовавшими эти документы в целях проведения преднамеренной террористической политики, заключающейся во взятии заложников.

Руководствуясь обстановкой, лиц, принадлежавших по крови к побежденной нации или бывших ее сторонниками, хватали и содержали под стражей для обеспечения порядка в определенных районах или же после инцидентов, жертвами которых явились представители оккупационной армии. Этих лиц хватали и содержали под стражей для того, чтобы заставить население оккупированных территорий совершить ряд актов, предусмотренных оккупационными властями, как-то: доносы, выплату коллективных штрафов, выдачу виновников покушений, совершенных против представителей германской армии, выдачу политических противников. Эти лица, арестованные на подобных основаниях, часто являлись в дальнейшем жертвами массовых убийств, совершавшихся в качестве репрессии.

Такие методы приводят к заключению, что заложник — человеческое существо, являлся особым залогом, служившим гарантией безопасности врага. Это противоречит нормам свободы личности и человеческого достоинства.

Все члены германского правительства несут общую ответственность за дачу подобного рода указаний и за то, что эти указания были проведены в жизнь в оккупированных странах. Ни один из членов германского правительства не может переложить эту ответственность на плечи своих подчиненных, сославшись на то, что последние проявили чрезмерное рвение, выполняя совершенно определенные приказы.

Мною было показано, что, напротив, неоднократно сами исполнители сообщали своим руководителям о последствиях морального порядка, которые возникали в результате проведения в жизнь террористической политики в отношении заложников, и мы знаем, что ни в одном из этих случаев не было дано приказов, противоположных первоначальным. Нам известно, что при любых обстоятельствах первоначальный приказ всегда оставался в силе.

Я не буду перечислять всех казней заложников, за исключением нашей страны — Франции. В одной лишь Франции было казнено 29 660 человек. Это явствует из документа Ф-240, составленного в Париже 21 декабря 1945 г. Подлинник этого документа передается вам под номером РФ-266.

Этот документ находится в начале книги документов. Вы увидите точные данные в отношении каждого района, указывающие на число заложников, которые были там казнены:

Лилля .	1143	чел.
Лаона	222	
Руана	658	
Анжера	863	
Орлеана	501	
Реймса	353	
Дижона	1691	
Пуатье	82	
Страсбурга	211	
Ренна	974	
Лиможа	2863	
Клермон-Феррана	441	
Лиона	3674	
Марселя	1513	
Монпелье	785	
Тулузы	765	
Бордо	806	
Нанси	571	
Меца	220	
Парижа	11000	
Ниццы	324	
Всего	29724	чел.

Я ограничусь в своей обвинительной речи несколькими типичными примерами казней, которые разоблачают политический план генерального штаба, предписывавшего их совершение, террористический план, заключавшийся в создании розни между французами и в усилении этой розни, если рассматривать вопрос в общих чертах. Это же относится к населению всех оккупированных стран.

Я предъявляю документ, который называется «Объявление для жителей Парижа».

В этом документе воспроизведены некоторые из многочисленных объявлений, которые помещались в газетах с 1940 года по 1945 год и в которых сообщалось об арестах заложников в Париже, в районе Парижа и во Франции. Я оглашу лишь один из этих документов. На этом документе имеется заголовок «...от 19 сентября 1941 г.» В этом документе вы обнаружите призыв к доносу, призыв к предательству. Вы увидите, как в нем используются средства коррупции, средства, систематически применявшиеся во всех странах Запада в течение оккупации, средства, с помощью которых стремились деморализовать население этих стран.

А вот еще объявление:

«21 августа. Обращение к населению оккупированных территорий.

21 августа трусливые убийцы напали сзади на немецкого солдата и убили его. В связи с этим я приказал взять заложников. Я пригрозил расстрелять часть этих заложников в том случае, если подобные покушения повторятся.

Новые преступления заставили меня привести эту угрозу в исполнение. Несмотря на это, многочисленные покушения имели место и в дальнейшем.

Я признаю, что население в своем большинстве сознает свой долг, который заключается в оказании помощи оккупационным властям, в их усилиях, направленных на поддержание спокойствия и порядка в стране, что делается также и в интересах местного населения.

Но среди вас имеются агенты, оплачиваемые державами-противниками Германии, преступные коммунистические элементы, которые имеют перед собой единственную цель — посеять раздор между оккупирующей державой и французским населением. Эти лица проявляют безразличие к тем последствиям, которые могут быть вызваны их деятельностью в отношении всего населения.

Я не хочу далее подвергать угрозе жизнь германских солдат. Для того чтобы выполнить свой долг, я не отступлю ни перед какими мерами, какими бы суровыми они ни были, но моим долгом также является признание ответственности всего населения, поскольку до настоящего времени не удалось схватить этих трусливых убийц и подвергнуть их наказанию, которого они достойны.

Я считаю себя вынужденным принять меры, и прежде всего в Париже, которые, к сожалению, создадут затруднения в обычной жизни населения.

Французы! От вас самих зависит, усугублю ли я эти меры или же вновь откажусь от того, чтобы их использовать. Я призываю вас всех, вашу администрацию и вашу полицию содействовать путем проявления вами предельной бдительности и вашей личной активной помощи в аресте виновных. Необходимо предупреждать о преступных действиях и доносить на их участников в целях избежания критической ситуации, которая повергла бы всю страну в несчастье. Подпись: Штюльпнагель».

Далее следуют многочисленные уведомления, в каждом из которых сообщается о казнях. Под номером 8 на следующей странице Вы обнаружите список, содержащий 12 имен, в числе которых фамилии трех наиболее видных парижских адвокатов, которые были расстреляны как якобы активные коммунисты: господин Питар, господин Аж, господин Рольникас.

В досье 21, предъявленном моим коллегой господином Жертоффером во время произнесения им обвинительной речи, касающейся экономики, вы обнаружите ряд аналогичных уведомлений, которые были опубликованы в официальном германском органе Вобиф.

Из этого уведомления от 16 сентября, в котором говорится о казни или, скорее, умерщвлении господина Питаре и его товарищей, вы установите, что у убийц не было ни смелости, ни законных прав для того, чтобы признать, что они были парижскими адвокатами. Произошло ли это по ошибке? Я думаю, что это продуманная ложь, так как в то время требовался осторожный подход к наиболее видным деятелям: немцы еще надеялись отделить их от французского народа.

Я подробно опишу вам два случая, которые наполнили печалью сердца французов. Они имели место в октябре 1941 года; оба эти случая остались навсегда в памяти моих соотечественников.

Они известны под названием «Казнь в Шатобриане и Бордо».

После нападений на двух германских офицеров, нападений, имевших место в Нанте 20 октября 1941 г. и в Бордо спустя несколько дней, командование германской армии приняло решение использовать эти случаи для дачи поучительного урока.

21 октября 1941 г. было опубликовано в газете «Ле Фар» следующее уведомление (страница 22 документа Ф-415):

«Трусливые преступники, оплачиваемые Англией и Москвой, утром 20 октября 1941 г. убили выстрелом в спину военного коменданта города Нанта. До настоящего времени убийцы еще не арестованы.

В качестве возмездия за это преступление я предварительно приказал расстрелять 50 заложников. В связи с тяжестью преступления еще 50 заложников будут расстреляны в том случае, если преступники не будут арестованы к 24 часам 23 октября 1941 г.».

Штюльпнагель, который командовал германскими войсками во Франции, приказал министру внутренних дел сообщить имена заключенных. Их следовало отобрать из числа наиболее опасных коммунистов. Министр внутренних дел подготовил список, в который были включены имена 60 французов.

Германский приказ:

«В связи с убийством 20 октября 1941 г. военного коменданта города Нанта подполковника Хотца и в соответствии с моим объявлением, опубликованным 22 августа 1941 г., а также в соответствии с приказом от 19 сентября 1941 г., отданным мной генеральному уполномоченному французского правительства, французы, имена которых далее следуют и которые находятся в настоящее время под стражей в качестве заложников, должны быть расстреляны».

На последующих страницах вы обнаружите перечень расстрелянных в тот же день лиц. Я не буду его оглашать, чтобы не перегружать предъявлением дополнительных материалов судебное разбирательство.

На 16 странице вы обнаружите список, который включает 48 имен. На 13-й странице вы обнаружите список лиц, расстрелянных в Нанте, а на 12-й странице список тех, кто был расстрелян в Шатобриане. И вы установите на основании этих списков, что тела расстрелянных были развезены для погребения по различным местам.

Опираясь на показания очевидцев, я сообщу вам сейчас, как происходило их погребение после того, как они были умерщвлены. На 3-й странице того же документа вы найдете письменное заявление господина Дюмениля относительно казни 21 октября 1941 года. Это заявление было составлено на следующий день после казни. Второй абзац:

«В 11 часов 30 минут в тюрьму Лафайет был вызван тюремный священник. Какой-то офицер передал, что ему поручено сообщить нескольким заключенным о том, что они будут расстреляны. После этого аббат остался наедине с 13-ю находившимися в тюрьме заложниками. Троих других заложников исповедовал в тюрьме Рошетт профессор колледжа Стенисла аббат Тэон.

Аббат Фонтэн сказал осужденным: «Господа, к сожалению, вы должны понять, что означает мое присутствие здесь». Затем он беседовал со всеми заключенными вместе и с каждым из них порознь в продолжение двух часов, которые, как сообщил офицер, им предоставили для приведения в порядок личных дел и сообщения последней воли семьям.

Казнь была назначена на 14 часов. Полчаса предназначалось на путь к месту, где она должна была происходить. Но прошло два часа, еще час, потом еще один, пока, наконец, приехали за заключенными. Некоторые, оптимисты по натуре, как, например, господин Фурни, уже начали надеяться на новый приказ, отменяющий первоначальный, но аббат в это ни на минуту не верил.

Все осужденные держали себя с исключительным мужеством, но более всех других его проявили молодые студенты Гру и Гролло, сказавшие, что лучше принять такую смерть, чем погибнуть при несчастном случае, не принеся пользы. В момент отправки заключенных к месту казни тюремному священнику, не объясняя причины, запретили их сопровождать. Он спустился с ними по тюремной лестнице к автомашине. Заключенные были скованы по двое. На третьем были наручники. Садясь в машину, Гру и Гролло сделали последний прощальный жест, засмеявшись и помахав скованными вместе руками.

Подпись: Дюмениль, советник при кабинете».

16 человек было расстреляно в Нанте, 27 — в Шатобриане. Пятерых расстреляли в другом департаменте. Нам известны последние минуты жизни тех, кто был расстрелян в Шатобриане. Аббат Муайон, присутствовавший при этой казни, составил 22 октября отчет, в котором описал, как она происходила. Это 3-й абзац на 17-й странице предъявленного вам документа.

«Население знало из газет и по пришедшим из Нанта сведениям, что на одной из улиц Нанта был убит немецкий офицер. Но оно не могло думать о том, что будет применена столь жестокая и столь массовая репрессивная мера. За несколько дней до этого в лагере Шуазель германские власти поместили в специальный барак группу заключенных, которых они намеревались использовать в качестве заложников в случае возникновения особых затруднений. Из их числа были взяты те, кого должны были расстрелять в этот вечер, 22 октября 1941 г.

К господину кюре де Бере пришел господин Моро, начальник лагеря в Шуазеле. Последний в нескольких словах объяснил ему причину своего прихода. Он явился по поручению супрефекта Шатобриана, чтобы сообщить, что 27 человек, взятые из числа политических заключенных лагеря в Шуазеле, будут казнены во второй половине дня и господина кюре просят поэтому немедленно прийти в лагерь, чтобы исповедать осужденных. Господин кюре заявил, что готов выполнить эту свою тяжелую миссию, и отправился к заключенным, не задерживаясь ни минуты.

Когда господин кюре явился туда, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей, господин супрефект находился среди заключенных. Он пришел сообщить им о том, какая ужасная участь их ожидает, и предложить незамедлительно написать прощальные письма семьям. В этот момент господин кюре появился у входа в барак».

На странице 19-й вы обнаружите описание отправки к месту казни.

«Неожиданно раздался шум автомобилей. Дверь, которая была мною закрыта, чтобы я мог остаться наедине с заключенными, неожиданно отворилась. Появился германский офицер. Это был военный тюремный священник. Он произнес: «Господин кюре, ваша миссия окончена, вы должны немедленно удалиться».

Последние строки 4-го абзаца:

«Всем французам было строжайшим образом запрещено подходить к каменоломне—месту, где происходила казнь. Мне известно лишь то, что заключенных для совершения казни разбили на три группы по 9 человек, что все заключенные отказались завязать глаза, что юный Мокэ был расстрелян уже после того, как упал, потеряв сознание, а также то, что последний пламенный возглас, который срывался с уст каждого, был: «Да здравствует Франция!»

На странице 21 того же документа—показание жандарма Русселя:

«22 октября 1941 г. около 15 ч. 30 м. я находился на улице 11 ноября в Шатобриане и увидел четыре или пять германских грузовиков (точное число я не могу указать), двигавшихся из лагеря Шуазель. Впереди ехала легковая автомашина, в которой находился германский офицер. Многочисленные гражданские лица в наручниках находились в грузовиках, они пели патриотические песни (Марсельезу, Прощальную и т. д.). В одном из грузовиков ехали германские вооруженные солдаты.

Позже я узнал, что везли заложников, только что взятых в лагерь Шуазель, и их везли к каменоломне ла Саблиер, находившуюся на пути в Суден, чтобы расстрелять в качестве заложников за убийство в Нанте германского полковника Хотца.

Примерно двумя часами позже те же грузовики возвратились из указанной каменоломни и въехали во двор замка в Шатобриане, где тела расстрелянных были перенесены в подземелье, и там они находились до тех пор, пока не были изготовлены гробы.

Во время возвращения из каменоломни грузовики были покрыты брезентом, с них не раздавалось никаких звуков, но из-под брезента струилась кровь, и на дороге от каменоломни до замка остался заметный узкий след крови.

На следующий день 23 октября тела расстрелянных были положены в гробы, которые увезли и погребли в 9-ти братских могилах, то есть по 3 тела в каждой. При этом не присутствовало ни одного француза, так как все входы в замок охранялись часовыми. Немцы позаботились о том, чтобы избрать места погребения в таких местах, с которыми полностью отсутствовало постоянное транспортное сообщение и, вполне вероятно, это было сделано для того, чтобы значительное число их жителей не посещало могилы мучеников.

Я не присутствовал ни при отправке заложников из лагеря, ни при расстреле их в каменоломне ла Саблиер, так как подходы к этим местам охранялись германскими солдатами, вооруженными ручными пулеметами».

Почти в то же самое время, когда расстреляли 48 заложников, были расстреляны заложники в Бордо. Документ Ф-400 включает ряд документов, поступивших из префектуры Жиронды. Мы представляем его под номером

РФ-286. Один из этих документов имеет номер Ф-400(в). Он датирован 22 октября 1941 года.

«...В ходе происходившего вчера вечером в военной комендатуре Бордо совещания германские власти потребовали, чтобы я немедленно арестовал 100 человек, известных своими симпатиями к коммунистической партии или сторонников де Голля, которые будут рассматриваться в качестве заложников, а также чтобы я произвел весьма значительное число обысков.

Эти мероприятия осуществляются, начиная с сегодняшнего утра; до настоящего времени мне не было сообщено никаких представляющих интерес сведений об их результатах.

Кроме того, сегодня в 11 часов утра германские власти поставили меня в известность о репрессивных мерах, которые они решили предпринять в отношении местного населения».

Вот письмо, написанное генералом фон Фабером дю Фор, начальником районной администрации Бордо, префекту департамента Жиронды:

«Бордо, 23 октября 1941 г.

Господину префекту департамента Жиронды

В наказание за трусливое убийство военного советника Реймерса высшее военное командование во Франции отдало приказ о расстреле 50 заложников. Казнь состоится завтра утром. В том случае, если убийцы не будут арестованы в наикратчайший срок, будут приняты дополнительно, как и во время событий в Нанте, самые суровые меры.

Имею честь сообщить вам об этом решении.

Начальник местной военной администрации района Бордо

фон Фабер дю Фор».

И все упомянутые в письме лица были казнены.

В предместье Парижа имеется пользующееся известностью место, ставшее для французов после освобождения местом паломничества. Это место—форт Роменвилль. В период оккупации немцы превратили этот форт в место заключения заложников, откуда они брали свои жертвы в тех случаях, когда хотели осуществить репрессивные меры в связи с каким-либо патриотическим выступлением. Это оттуда были увезены профессора Жак Соломон, Декуртманш, Жорж Политцер, доктор Боэр и шестеро других французов, которые были арестованы в марте 1942 года, подвергнуты пыткам в гестапо, а затем казнены без суда в мае 1942 года.

19 августа из этого форта было взято 27 заложников, среди них господин ле Галль, муниципальный советник в Париже. Все они были перевезены из форта Роменвилль на Мон-Валерьен и казнены...

В сентябре 1942 года было совершено покушение на германских солдат в кинотеатре «Рекс» в Париже. 20 сентября по указанию генерала Штюльпнагеля в газетах было опубликовано сообщение, в котором говорилось о том, что в наказание за это покушение он приказал расстрелять 116 заложников. В сообщении также указывалось о том, что будут приняты суровые меры по угону населения. Выдержка из газеты находится в документе Ф-402(в), РФ-287.

В этом сообщении говорится: «В результате покушений, совершенных коммунистическими агентами и террористами, оплачиваемыми Англией, было убито и ранено несколько германских солдат и французских граждан. В качестве репрессивной меры за эти покушения я приказал расстрелять 116 коммунистов, чье участие в террористических актах в качестве исполнителей или сообщников было установлено в результате признания.

Помимо этого был принят ряд других репрессивных мер в целях предупреждения инцидентов в связи с подготовляемыми коммунистами выступлениями днем 20 сентября 1942 г.

Я приказываю следующее:

1. С субботы 19 сентября 1942 г. с 15 часов и до воскресенья 20 сентября 1942 г. до 24 часов все театры, кинематографы, кабаре и другие увеселительные заведения, предназначенные для французского населения департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, закрыть. Все публичные выступления, в том числе и спортивные, воспрещаются.

2. В воскресенье 20 сентября 1942 г. с 15 до 24 часов гражданам негерманского происхождения департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, исключая лиц, которые представляют официальные органы, а также исключая врачей, запрещается появляться на улицах и в публичных местах».

В действительности 46 заложников из числа упомянутых 116 отобрали лишь днем 20 сентября. Немцы приказали передать заключенным форта Роменвилль газеты от 20 сентября, в которых сообщалось о решении верховного военного командования.

Таким образом, заключенные форта Роменвилль узнали из газет, что во второй половине этого же дня часть из них будет отобрана и расстреляна. Каждый из них находился весь день в ожидании того, что вечером он будет вызван, и те, кто были вызваны, знали заранее, какая участь их ожидает; все они умерли, будучи неповинными в тех преступлениях, за совершение которых они были казнены, так как ответственные за покушение в кинематографе «Рекс» были задержаны спустя несколько дней.

В Бордо было казнено 70 других из общего числа 116 заложников, о которых сообщил генерал Штюльпнагель. В качестве репрессии за убийство германского чиновника «Трудового фронта» Риттера в Париже было расстреляно в конце сентября 1943 года еще 50 заложников. В воспроиз-

веденной в том же документе газетной статье вы обнаружите уведомление, сделанное французскому населению об этой казни, документ Ф-402(с):

«Репрессии за совершение террористических актов. За последнее время во Франции возросло число покушений и актов диверсий. В связи с этим по приказу германских властей 2 октября 1943 г. было расстреляно 50 террористов, так как было неопровержимо установлено их участие в террористических действиях и актах диверсий».

Все эти факты в отношении заложников, находившихся в форту Роменвилль, были сообщены нам одним из сотен французов, заключенных в этом форте, которому удалось спастись, господином Рабатэ, механиком, проживающим в Париже на улице Томб-Исуар, 69; он был допрошен в качестве свидетеля и дал следующие показания, документ Ф-402(а), РФ-287:

«Нас было 70 человек, среди которых находились профессора Жак Соломон, Декуртманш, Жорж Политцер, доктор Боэр, господа Энгро, Дюдаш, Кадра, Далидэ, Голю и Пикан. Все они, а также примерно такое же число женщин были расстреляны в мае 1942 года.

Некоторые из них были переведены немцами из парижской тюрьмы Сантэ, а большинство—из парижской тюрьмы Шерш-Миди в немецкий квартал, в дом в районе улицы де Соссэ, где нас поочередно допрашивал офицер гестапо. Некоторых из нас, в частности Политцера и Соломона, пытали вплоть до переломов рук и ног. Офицер сделал мне следующее предупреждение во время допроса. Я повторяю его слова: «Рабатэ, вам придется заговорить. Зять профессора Ланжевена Жак Соломон пришел сюда с вызывающим видом, а вышел ползком».

После пятимесячного пребывания в тюрьме Шерш-Миди, во время которого мы узнали о казни в качестве заложников десяти заключенных, чьи имена уже были мною указаны, нас перевели 24 августа 1942 г. в форт Роменвилль.

Следует отметить, что, начиная с момента ареста, нам было запрещено вести переписку и получать письма, а также давать знать нашим семьям, где мы находимся. На дверях наших камер была надпись: «Все запрещается». Мы получали лишь тюремную пищу, состоявшую из 3/4 литра овощного супа и 200 граммов черного хлеба в день. Сухари, которые Красный Крест и квакерская организация посылали в тюрьмы для политических заключенных, нам не передавали в связи с имевшимся запрещением.

В форте Роменвилль мы были отнесены к категории заключенных, «подвергнутых изоляции». Это слово соответствует сокращению «НН», о котором мы узнали в Германии».

На севере Франции, в районах, которые в административном отношении были присоединены к Бельгии и находились под властью генерала Фалькенхорста, осуществлялась та же политика истребления. Вы обнаружите в

документе РФ-133 репродукции многочисленных афиш, в которых сообщается об арестах, казнях и депортации. В ряде объявлений имеется, помимо того, призыв к доносу, и они сходны с теми, которые я уже огласил, говоря о Франции. Тем не менее, вероятно следует обратить внимание на объявления, которые вы обнаружите на 3-й странице. В них говорится о казни 20 французов, которая, в соответствии с приказом, явилась наказанием за кражу. В объявлении, на 4-й странице, говорится о 15 французах, которые были казнены за то, что совершили нападение на железнодорожные сооружения. Наконец, в последнем объявлении, которое я упомяну и которое вы обнаружите на 8 и 9 страницах, сообщается о казнях, которые будут произведены; в нем же предлагается гражданскому населению, в том случае, если ему известны виновные, выдавать их германской армии.

В других странах Запада, помимо Франции, число подобных казней исключительно велико.

Документ Ф-680(а)—секретный отчет начальника германской полиции в Бельгии, датированный 13 декабря 1944 г. Он был составлен после полного освобождения Бельгии, и его автор, германский чиновник, хотел сообщить своему начальству общие итоги деятельности подведомственного ему учреждения в Бельгии.

«Возрастающая подстрекательская деятельность радио и прессы противника, толкающая население на совершение террористических актов и диверсий, пассивная позиция, занимаемая местным населением, в частности бельгийской администрацией, и полный провал попыток прокуратуры, следственных органов и уголовной полиции воспрепятствовать совершению террористических актов и обнаружить виновников привели в итоге к принятию превентивных и наиболее суровых репрессивных мер, то есть к казням лиц, наиболее близко соприкасающихся с кругами, представители которых совершили преступные акты».

Уже 19 октября 1941 г. после убийства в Турне двух полицейских командующий сделал заявление, опубликованное в печати, относительно того, что все политические заключенные в Бельгии будут рассматриваться в качестве заложников с вытекающими отсюда последствиями.

В северных департаментах Франции, которые подпадали под юрисдикцию того же военного губернатора, предусмотренные этим приказом меры стали применяться еще раньше—с 26 августа 1941 г.

После убийства мэра Шарлеруа, члена партии рекситов господина Теугеля, и после покушений на высших государственных чиновников командующий 27 ноября 1942 г. приказал казнить 8 террористов в Бельгии.

На следующей странице того же документа, номер 680-б, вы обнаружите секретный приказ, датированный 22 апреля 1944 года, который исходит от военного губернатора в Бельгии и северной Франции. В нем говорится о

репрессивных мерах за убийство двух эсэсовцев из военного соединения Тшеркаси. В тот день было расстреляно пять заложников.

На следующей странице к именам этих заложников прибавлены имена еще 9-ти казненных; наконец, на другой странице—фамилия десятого. На следующей странице — еще 5 фамилий. На предпоследней странице этого документа вы обнаружите предварительно составленный список лиц, которых должны были расстрелять за убийство эсэсовца. Сравните даты указанных списков и вы сможете судить о той жестокости, с которой было отомщено убийство двух эсэсовцев-валлонцев, предателей, добровольно вступивших в ряды СС.

Наконец, в документе под номером 7 вы обнаружите перечень имен 20-ти бельгийских патриотов, которые были убиты по тем же мотивам.

«Нуво Журналь» за 25 апреля 1944 года.

«Уведомление:

Репрессивные меры за убийство солдат части Тшеркаси.

Германские власти сообщают:

Губерт Штассен и Франсуа Муш, совершившие 6 апреля покушение на бойцов штурмовой бригады СС Валлония и бойцов части Тшеркаси, не схвачены до сегодняшнего дня.

В связи с этим в соответствии с заявлением, сделанным 10 апреля 1944 года, были расстреляны двадцать террористов...»

Что касается других стран, например Голландии, Норвегии, мы получили документы, которые мы представляем под номером РФ-224, страница 2-я документа. Во французском тексте вы найдете длинный список казненных гражданских лиц.

На странице 4-й и 5-й вы также найдете отчет об этих казнях начальника уголовной полиции Мильха. Заметьте, что он пытается снять с себя ответственность, но ему это, по-моему, не удается.

На странице 6-й вы найдете отчет о следствии, которое производилось в Голландии в результате обнаружения многочисленных трупов...

В отчете о расследовании, проведенном в связи с массовыми казнями, которые производили немцы в Голландии, указывается, что 7 марта 1945 г. был отдан приказ расстрелять 80 заключенных. Власти, которые отдали этот приказ, заявили: «Все равно, откуда вы возьмете этих заключенных. Казнить без различия возраста, профессии, происхождения». Всего 3 тысячи голландцев было расстреляно при тех же обстоятельствах, как это явствует из документа, составленного комиссией по расследованию военных преступлений и подписанного полковником бароном Туилл ван Сероосксркеном. Хочу привлечь внимание Трибунала к документу Ф-224, в котором приведен длинный список заложников, заключенных и погибших, которые были арестованы в Голландии.

Трибунал уже, вероятно, отметил, что большинство этих заложников являются интеллигентами или очень крупными деятелями Голландии. В списке встречаются имена депутатов, сенаторов, адвокатов, священников, крупных чиновников; в список также включен бывший министр юстиции. Арестам систематически подвергалась избранная часть интеллигенции этой страны.

Что касается Норвегии, то в кратком отчете о казнях, которые совершали немцы в этой стране, говорится, документ Ф-240, РФ-292:

«26 апреля 1942 г. два германских полицейских, которые пытались арестовать двух норвежских патриотов, были убиты на одном острове у западного побережья Норвегии. В отместку за это четыре дня спустя 18 молодых людей были расстреляны без всякого суда. Эти 18 норвежцев находились в тюрьме с 22 февраля того же года и потому не принимали никакого участия в убийстве полицейских...»

Тысячи и десятки тысяч граждан во всех западных странах были казнены без суда в виде репрессий за действия, в совершении которых они не участвовали.

Из имеющихся документов мы узнаем, что в этих зверствах повинны подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, подсудимый Кейтель, так как именно их управления вносили предложения, и мы знаем, что эти предложения были приняты.

То, что эти аресты были произведены, является фактом.

Таким образом, приказы подсудимых были выполнены, в частности, приказы Кейтеля.

Я полагаю, что я представил в этой связи уже много доказательств. Неоспоримо, что, во всяком случае, германская армия принимала участие в этих казнях, которые явились не только делом рук полиции или войск СС.

Кстати, они не дали ожидаемых результатов. Они не уменьшили число покушений, а, наоборот, увеличили их. Каждое покушение вызывало казнь заложников; каждый расстрел заложников вызывал в отместку новые покушения. Как общее правило, объявление о новых казнях заложников погружало страны в оцепенение и заставляло каждого гражданина осознавать судьбу своей родины, несмотря на усилия германской пропаганды. Можно было бы думать, что, ввиду провала этой политики террора, подсудимые изменили свое поведение. Однако они, наоборот, усугубляют свое поведение. Я постараюсь доказать Вам это путем изложения материалов о деятельности полиции и правосудия, начиная с того момента, когда после провала политики казни заложников оставалось прибегнуть к германской полиции, чтобы продолжать держать оккупированные страны в порабощении.

С самого начала оккупации германские власти все время осуществляли произвольные аресты, но со времени провала политики казни заложников (провал, который, как вы помните, в Бельгии констатировал генерал Фалькенхау-

зен) число произвольных арестов до того увеличилось, что этот вид арестов заменил аресты заложников.

Мы представляем Трибуналу документ РФ-294. Это документ об аресте высших офицеров, которые должны были быть перевезены в Германию для заключения в тюрьму на почетных условиях.

«Тема: Меры, которые следует принять в отношении французских офицеров. По согласованию с германским посольством в Париже и с начальником полиции безопасности и СД командование на западе вносит следующие предложения:

1. Нижеперечисленные лица высшего командного состава будут арестованы и переведены в Германию для заключения в тюрьму на почетных условиях: генералы армии Фрер, Жеродьяс, Картье, Ревер, Делатр де Тассиньи, Фернель де ля Лоуренси, Ребер де Сэн Венсан, Лор, Дуаен, Пикендар, Миттелозер, Пакен.

Генералы воздушных сил: Карэйон, Де Грефье д'Аркур, Мушар, Меньдигаль, Разуа.

Полковники: Лорьо и Фонк».

Я продолжаю на странице 2-й.

«Речь идет в данном случае о генералах, имена которых имеют пропагандистское значение во Франции и за границей, или же взгляды и возможности которых представляют собой угрозу».

Я перехожу к абзацу 2-му:

«Кроме того, служба информации во Франции выбрала из списка офицеров, приблизительно 120 офицеров, которые за последние годы проявили свои антигерманские взгляды. Со своей стороны служба безопасности (СД) представила список в 130 офицеров, которым были предварительно предъявлены различные обвинения. После составления обоих списков арест этих офицеров был подготовлен для более позднего периода, согласно обстановке».

Я перехожу к 6-му абзацу. В конце страницы:

«В отношении всех офицеров французской армии времени заключения перемирия, начальник полиции безопасности в сотрудничестве с военным командованием западных территорий, назначил на один и тот же день проведение полицейской проверки квартир и профессий одновременно на всей территории».

На страницах 3, 7 и 8 я зачитаю самые значительные выдержки:

«В качестве репрессивных мер, семьи лиц, подозреваемых в том, что они уже присоединились к раскольникам или которые присоединятся к ним в будущем, будут перевезены для заключения в Германии или на восточной территории Франции. Но, прежде всего, следует разрешить самый трудный вопрос—вопрос о жилье и охране. В дальнейшем следует принять в качестве последующей меры лишение французского гражданства этих лиц и конфискацию их собственности, что уже практиковалось Лавалем в других случаях... Полиция и армия будут принимать участие во всех этих арестах».

Одна шифрованная телеграмма показывает, что само министерство иностранных дел принимало в них участие. Это явствует из документа ПС-723, его порядковый номер зачисления на сегодняшнем заседании — 295. Это — третий документ в вашей книге документов. Он адресован министерству иностранных дел и датирован 5 июня 1943 года, г. Париж.

«На совещании, которое состоялось вчера между представителями военного командования на Западе и службы безопасности, СД, было достигнуто следующее соглашение в отношении мер, которые следует принять.

1. Эти меры должны иметь своей целью, путем предварительных мер предосторожности, сделать невозможным побег из Франции других известных военных, а также помешать этим лицам, в случае высадки англо-саксонских войск во Франции, организовать движение Сопротивления.

Все эти лица, в отношении которых были приняты эти меры, принадлежат к офицерским кругам, которые в силу их ранга, опыта или имени могут оказать большое влияние на авторитет военного командования или политический авторитет раскольников, в том случае, если они решат присоединиться к раскольникам. В случае военных операций во Франции их следует рассматривать с этой же точки зрения их значения».

2-я страница, 4-й абзац.

«Список был составлен по согласованию с военным командованием на Западе начальником полиции безопасности и генералом ВВС в Париже».

Я не буду зачитывать фамилии остальных лиц французского командного состава, которые подлежали аресту. Но мы перейдем к странице 4-й, на которой Трибунал прочтет во 2-м абзаце, что германские власти предполагали предать той же судьбе французских офицеров, уже арестованных французским правительством, и поместить их под наблюдение французских властей, как, например, генерала Делатр де Тассиньи, генерала Лоур и генерала Форнель де ла Лоуренси.

Этих генералов должны были буквально отнять у французских властей для того, чтобы их сослать.

Третий абзац:

«Принимая во внимание общее положение в настоящее время и предполагаемые меры безопасности, все управления считают, что нецелесообразно продолжать содержать этих генералов во французских тюрьмах, так как они могут, благодаря небрежности или при помощи персонала охраны тюрьмы, попытаться бежать из тюрьмы».

Наконец, страница 7-я, выдержка о репрессиях против членов семей:

«Генерал Варлимонт потребовал от командующего войсками на Западе поднять вопрос о репрессивных мерах против семей лиц, присоединившихся к раскольникам, и внести по этому вопросу свои предложения».

«Премьер Лаваль недавно объявил о своей готовности принять такие меры с французской стороны, но сказал, что ограничится этими мерами по отношению к семьям нескольких выдающихся лиц».

Перехожу к предпоследнему абзацу телеграфного отчета от 29 мая 1943 года: «Следует подождать для того, чтобы проверить, действительно ли Лаваль готов принять на практике такие меры.

Между присутствовавшими на заседании была достигнута договоренность: во всяком случае, такие меры следовало принять, и в самом срочном порядке, в отношении семей известных лиц, перешедших к раскольникам, например: членов семей генерала Жиро, Жюэн, Жорж, бывшего министра внутренних дел Пюше, инспектора финансов Кув де Мюрвиль, Ле Руа Болье и других лиц.

Эти меры также могут быть приняты немцами, так как лица, которые перешли в раскольнический лагерь, должны рассматриваться как иностранцы, принадлежавшие к вражеской державе так же, как и члены их семей.

По нашему мнению, члены этих семей должны быть помещены в заключение. Надо тщательно проверить, как осуществить эти меры на практике».

Я пропускаю один абзац и читаю:

«Можно также рассмотреть вопрос о том, следует ли заключать эти семьи в тюрьмы, находящиеся в районах, особенно часто подвергающихся воздушным налетам, например, вблизи расположения частей противовоздушной обороны или в промышленных районах, особенно подвергающихся бомбежке.

Список семей, которые могут подвергнуться заключению, в настоящее время составляется при содействии посольства».

Мы узнаем, что в этих умышленных преступных арестах участвуют подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, подсудимый Кейтель, так как именно их управления вносили предложения, и мы знаем, что эти предложения были приняты.

Документ ПС-720, который представлен в качестве доказательства как документ РФ-296, второй в вашей книге документов.

Председатель: Простите, это второй документ в моей книге документов.

Дюбост: Да, это второй документ ПС-720, который представляется Трибуналу под номером РФ-296.

Наконец, следует указать на участие министерства иностранных дел через ОКВ. То, что эти аресты были произведены, является фактом. Члены семьи генерала Жиро были сосланы. Генерал Фрер был сослан и умер в концлагере. Таким образом, приказы были явно выполнены; они получили одобрение до их выполнения, а одобрение было дано подсудимыми, имена которых я упомянул. Но аресты коснулись не только высших офицерских чинов. Они расп-

ространились гораздо шире. Было арестовано большое число французов. У нас не имеется точных статистических данных об арестах.

Председатель: Господин Дюбост, скажите пожалуйста, Вы представили какие-нибудь доказательства для подтверждения Вашего последнего заявления.

Дюбост: Об аресте и смерти генерала Фрер в концлагере я приведу доказательства, когда я буду излагать вопрос о концлагерях. Об аресте и смерти нескольких французских генералов в Дахау Трибунал еще помнит показания свидетеля Блаха. Что касается семьи генерала Жиро, я постараюсь привести доказательства, но я не думал, что они необходимы. Общеизвестно, что дочь генерала Жиро была выслана.

Председатель: Мы не уверены, что мы можем принять без доказательства все факты, которые, может быть, общеизвестны во Франции.

Дюбост: Я представлю Трибуналу дополнительные доказательства в отношении генералов, которые умерли в ссылке, когда я буду говорить о концлагерях.

Председатель: Очень хорошо.

Дюбост: Генерал Фрер умер в лагере Штрутгоф. Мы расскажем, в каких условиях он был умерщвлен. С другой стороны, имеется документ в книге документов под номером Ф-417, РФ-297, который был захвачен в архивах германской комиссии по перемирию. В нем устанавливается, что германские власти отказались освободить французских генералов-военнопленных, несмотря на то, что они были больны или в престарелом возрасте.

Абзац 2-й:

«В этом вопросе фюрер всегда относился отрицательно как к их освобождению, так и их переводу в госпиталь в других или в нейтральных странах. Теперь, как никогда, не может быть и речи об освобождении или помещении в госпиталь, после того как фюрер недавно приказал перевести в Германию всех французских генералов, проживающих во Франции. Подпись: Варлимонт». От руки приписано: «Отвечать на французское письмо не следует».

Примите в качестве доказательства лишь этот последний абзац: «После того, как фюрер недавно приказал перевезти в Германию всех французских генералов, проживающих во Франции».

Но, как я вам указал, эти аресты значительно превзошли довольно ограниченное число генералов или семей лиц, о которых идет речь в документах, зачитанных Трибуналу.

«Будет арестовано очень большое число французов»

У нас нет статистических данных, но мы представляем себе значительные масштабы этих арестов по числу французов, умерших лишь в одних французских тюрьмах, которые были переданы во время оккупации в ведение и под наблюдение немецкого персонала.

Мы знаем, что только в одних французских тюрьмах во Франции умерло 40 тысяч французов. Это официальная

цифра, представленная министерством по делам военнопленных и депортированных...

Превентивное заключение является чисто произвольным заключением в тюрьму. Лица, которые подверглись превентивному заключению, не имели никаких прав и не могли оправдаться. Для них не существовало судов, перед которыми они могли бы объясниться. Однако мы знаем по официальным документам, которые нам были переданы, в частности Люксембургом, что случаи превентивного заключения были очень многочисленны...

О практике применения превентивного заключения во Франции свидетельствует документ, представленный в качестве доказательства под номером РФ-300, Ф-278.

«Секретно. Министерство иностранных дел. Берлин. 18 сентября 1941 г.

Об отчете от 30 августа 1941 г.

Объяснения военного командования во Франции от 1 августа в общем рассматриваются как удовлетворительные и как ответ на французскую ноту.

Мы считаем также, что следует избегать какого-либо нового обсуждения с французами вопроса о превентивном заключении, так как это обсуждение может привести лишь к ограничению применения этой меры оккупирующей державой. А это нежелательно с точки зрения интересов свободы действия военных властей».

Из представляемого нами документа видно, что министерство иностранных дел принимало участие в применении превентивного заключения. Это заключение, по признанию сотрудников министерства иностранных дел, как это явствует из этого документа, было очень плохо обосновано. Однако министерство иностранных дел аресты не запретило.

Аресты производились под многочисленными предлогами, но все эти предлоги в общем шли по двум линиям: арестовывали по причинам или политического или расового порядка. Аресты были в том и другом случае как индивидуальными, так и групповыми...

Аресты производились представителями всех видов репрессивной системы Германии: гестаповцами в форме и без формы, СД и жандармерией (особенно на демаркационной линии), вермахтом, СС и т. д.

Я не смог бы даже перечислить города и деревни, где под предлогом заговоров или покушений целые семьи подвергались каре. Немцы стали устраивать облавы, когда система трудовой повинности не представляла больше достаточной рабочей силы.

Большинство французов, которые таким образом были захвачены, не были в действительности использованы на работе в Германии, а сосланы для того, чтобы быть заключенными в концлагеря.

Эти облавы никогда не имели юридических оснований. Они даже не были представлены в качестве действий,

основывавшихся на мнимом праве прибегать к системе захвата заложников, о которой мы говорили. Они всегда были произвольными, всегда производились без видимой причины и во всяком случае никогда не обусловливались какой-либо репрессией за действия французов. Другие массовые аресты производились по причинам расового порядка. Они носили тот же подлый характер, как и аресты политического порядка.

«Некоторым германским полицейским было специально поручено обнаруживать евреев по внешнему облику. Эта группа полицейских называлась «бригадой физиономистов».

Проверка мужчин иногда происходила публично: например, на вокзале города Ниццы их заставляли раздеваться под угрозой револьвера.

Парижане помнят об облавах, производимых по кварталам города, о громадных полицейских автобусах, которые возили вперемешку стариков, женщин и детей. Арестованных собирали на зимнем велодроме в ужасных условиях с точки зрения гигиены, а затем везли в Дранси, откуда их пересылали дальше.

Облава, произведенная в августе 1941 года, приобрела плачевную славу: все выходы из станции метро 11-го округа города были закрыты, и все евреи этого округа были арестованы и заключены в тюрьму. Облавы в декабре 1941 года коснулись особенно интеллигенции. Затем были произведены облавы в июле 1942 года.

После того как вся Франция была оккупирована, все города южной зоны, особенно Лион, Гренобль, Канны и Ницца, куда переехало большое количество евреев, подверглись облавам.

Немцы искали всех еврейских детей, нашедших приют у частных лиц или в различных организациях.

В мае 1944 года были арестованы дети колонии в Эйзье, а в июне-июле 1944 года также дети, нашедшие себе приют в других колониях.

Я не думаю, чтобы эти дети были врагами германского народа и чтобы они могли представлять какую-либо угрозу германской армии во Франции...

Я должен представить доказательства того, что преступления отдельных начальников немецкой полиции в каждом городе и каждом районе оккупированных западных стран были совершены во исполнение указаний из центра, указаний, исходивших от германского правительства. Это дает нам возможность коснуться одного за другим каждого из подсудимых...

Представляю письменные свидетельские показания. Эти показания были собраны американской армией, французской армией и французской службой по выявлению военных преступников.

Интернированные и задержанные во Франции лица содержались в гражданских тюрьмах, которыми завладели немцы, или в некоторых отделениях французских тюрем,

занятых немцами, доступ в которые был запрещен всем французским официальным чиновникам.

Во всех этих местах лишения свободы заключенные подвергались одинаковому режиму. Этот режим был совершенно бесчеловечным и едва давал возможность заключенным выжить в этих тягчайших условиях.

В Лионе и крепости Монлюк женщины в качестве пищи получали только чашку настоя из трав в семь часов утра и маленькую миску супа с крошечным куском хлеба в пять часов вечера. Это установлено по документу Ф-555, РФ-302.

В этом документе дан анализ собранных свидетельских показаний. Свидетельница показывает, что по прибытии в крепость Монлюк заключенные, захваченные гестапо во время облавы 20 сентября, были лишены всего своего имущества. Они подвергались свирепому обращению. Питание было минимальным. Совершенно не принималась во внимание женская стыдливость.

Это свидетельское показание было дано в Сен-Женгольфе 9 октября 1943 г. Оно относится к арестам в Сен-Женгольфе, произведенным немцами в сентябре 1943 года.

«У возвращавшихся с допроса молодых людей пальцы ног были обожжены кислотой, у других на икрах ног были ожоги от паяльника. Наконец, некоторые были искусаны полицейскими собаками».

Я говорил о том, что намереваюсь показать, как в единообразии жестокого обращения, которому подвергались допрашиваемые заключенные во всех немецких полицейских органах, обнаруживается проявление единой воли, о которой мы не можем представить Вам прямых доказательств. Но мы докажем это убедительным образом потому, что идентичность методов предполагает единство той воли, которая, как мы утверждаем, могла исходить только от верхушки немецкой полиции, то есть от германского правительства, членами которого были подсудимые.

Документ Ф-555, который я оглашал, касается жестокого обращения с заключенными в крепости Монлюк в Лионе.

Я перехожу к документу Ф-556, который касается тюремного режима в Марселе. Это протокол, составленный органами военной безопасности в Воклюзе и касающийся зверств, совершенных немцами в отношении политических заключенных. Протокол включает письменное показание господина Муссона, являвшегося начальником службы информации, арестованного 16 августа 1943 г. и 30 августа 1943 г. заключенного в тюрьму Сен-Пьер в Марселе.

«30 августа, будучи переведены в Марсель, в тюрьму Сен-Пьер, и заключены в камеру, имеющую 25 метров длины и 5 метров ширины, мы содержались там по 75, а зачастую и по 80 человек. У нас было по два матраца на троих; невероятная грязь; вши, блохи, клопы; отвратительная пища; товарищей били за малейший проступок и на 2 или 3 дня сажали в одиночные камеры без пищи.

15 мая я был вновь схвачен самым грубым образом и переброшен в тюрьму Сент-Анн... Жизнь в тюрьме Сент-Анн: тяжелые гигиенические условия, недостаточная пища, доставляемая организацией национальной помощи.

Условия жизни в Петит-Бомет: пищи давали ровно столько, чтобы не умереть с голоду; посылки не передавались; Красный Крест посылал много, но до нас доходило очень мало. Повторю, что это относится к тюрьмам, которые полностью находились под контролем немцев».

По поводу условий в тюрьме Пуатье представляю документ Ф-558, РФ-304:

«Жертву сгибали, руки привязывались к правой ноге, потом бросали на землю и в течение 30 минут били палкой. Если жертва теряла сознание, ей на лицо выливали ведро воды. Это все делалось для того, чтобы заставить говорить.

Господин Франшета подвергался таким избиениям в течение четырех дней из шести. Иногда заключенного не привязывали; если он падал, его поднимали за волосы и продолжали бить.

В других случаях жертву помещали в специальную исправительную камеру. Руки привязывали к железной решетке над головой. В таком положении пытали до тех пор, пока пытаемый не начинал говорить.

Пытки электричеством: один конец электрического провода прикрепляли к ногам жертвы, а другой—к другим частям тела. Пытки были тем более ужасны, что немцы зачастую сами точно не знали, какие сведения они хотели получить, и пытали людей наугад.

Один из способов пытки заключался в том, что жертву вешали за руки, связанные за спиной, и держали в таком положении до тех пор, пока плечи совершенно не выворачивались. После этого бритвами резали кожу на ступнях ног и заставляли ходить по разбросанной соли».

Перехожу к вопросу о тюрьмах на севере и представляю документ Ф-560, РФ-305. Это материалы, поступившие от американской комиссии по военным преступлениям. Страница 1, это отчет профессора Поко о зверствах, совершенных немцами на севере Франции и в Бельгии. Этот отчет касается деятельности немецкой полиции во Франции — в Аррасе, Бетюне, Лилле, Валансьенне и других пунктах; в Бельгии — в Фор де Юи, Кам де Бельверко.

К этому отчету приложено 73 письменных показания жертв. Из этих показаний явствует, что жестокости и варварские методы, которые применялись во время допросов, были одинаково бесчеловечны в различных местах.

«На заключенного, который пытался совершить побег и был снова пойман, были в его камере напущены полицейские собаки, разорвавшие его на части».

Документ Ф-561, РФ-306. Господин Эррера присутствовал при пытках, которым подвергались многие лица, и видел поляка по фамилии Рипц, которому жгли подошвы ног. Затем этому поляку разбили голову, а после выздоровления он был расстрелян...

Мы стремимся показать, что истязатели повсюду применяли при пытках одинаковые методы и что они могли это делать только во исполнение тех приказов, которые давались им начальством...

Из показаний господина Альфреда Дьедоне видно, насколько жестоким было обращение, которому он подвергался:

«18 августа наносились удары молотком по чувствительным частям тела.

19 августа я был погружен в воду.

20 августа моя голова была зажата в тиски.

21 и 24 августа я был закован в цепи на сутки.

26 августа я все еще оставался закованным в цепи день и ночь и подвешивался за руки».

Женщины подвергались такому же обращению, как и мужчины.

К физическим мучениям пытавшие их садисты добавляли моральные страдания, особенно мучительные для женщин или для молодых девушек, которых палачи раздевали догола. Беременность не избавляла от побоев и когда в результате истязаний происходили преждевременные роды, женщины оставались без всякого ухода и подвергались тем опасностям и осложнениям, к которым могли привести эти преступления.

Представляю документы Ф-563 и 564, РФ-308:

«Я, нижеподписавшаяся госпожа Бонду, надзирательница тюрьмы в городе Бурж, удостоверяю, что 9 мужчин, большей частью молодых людей, подвергались ужасающему обращению и от 15 до 20 дней оставались со связанными за спиной руками и с кандалами на ногах. Находясь в совершенно ненормальных условиях, они не в состоянии были принимать пищу, кричали от голода. Многие из уголовных заключенных хотели им помочь и делали маленькие свертки из своего пайка, которые я по вечерам передавала. Один из немецких надсмотрщиков, по имени Михель, бросал им хлеб в угол камеры, а по ночам приходил их бить.

Все эти молодые люди были расстреляны 20 ноября 1943 г.»

Вот заявление господина Лабюсьера, капитана в отставке и преподавателя в городе Марсель-лез-Обиньи. В заявлении сказано:

«Одиннадцатого я дважды был избит плетью из воловьих жил. Перед тем, как бить, меня заставили согнуться над скамьей, так что мускулы бедер и икр были натянуты. Сначала мне нанесли 30 ударов довольно толстой плетью, потом избиение продолжалось, но уже при помощи другого предмета, имевшего на конце какую-то пряжку. Меня били по ягодицам, по бедрам, по икрам».

И ниже: «Палач... нанес мне еще двадцать ударов очень тонким хлыстом. Когда я выпрямился, голова у меня закружилась и я упал на землю. Меня заставили подни-

маться ударами сапога. Наручники все время оставались на моих руках».

Я не решаюсь прочитать оставшуюся часть этого показания, но это необходимо, хотя подробности пыток ужасны.

«12-го числа в 10 часов, после того как он избил какую-то женщину, Паоли пришел ко мне и сказал: «Собака, у тебя нет сердца: это она, твоя жена, которую я только что избивал, и я это буду делать, пока ты не сознаешься». Он хотел, чтобы я назвал места встреч и имена товарищей.

От 14 до 18 часов меня вновь истязали в камере пыток. Я больше не мог двигаться. Перед тем, как меня ввести, Паоли сказал мне: «Я тебе даю пять минут для того, чтобы ты сказал мне все, что ты знаешь. Если через пять минут ты ничего не скажешь, то в три часа тебя расстреляют. Твою жену расстреляют в шесть часов, а твой сын будет угнан в Германию».

После подписания протокола допроса немец сказал ему: «Посмотри на свое лицо, видишь, до чего можно довести человека за пять дней. С тобой мы еще не покончили». И добавил: «Теперь уходи отсюда. Ты вызываешь отвращение». Свидетель заканчивает показание словами: «Я, действительно, был покрыт грязью с головы до ног. Меня посадили в повозку и отвезли обратно в камеру. В течение этих 5 дней я, несомненно, получил больше чем 700 ударов хлыстом». На ягодицах у него образовалась обширная гематома. Врач должен был его оперировать, а товарищи по заключению сторонились его, так как от него неприятно пахло. В результате дурного обращения все его тело было покрыто нарывами. 20 ноября, когда его допрашивали, он еще не оправился от полученных ран.

Свидетельские показания заканчиваются общим изложением методов, которые применялись при пытках:

«1. Избиение хлыстом из воловьих жил.

2. Ванна. Жертву опускали вниз головой в ванну, наполненную холодной водой, и держали там до тех пор, пока не начиналось удушье. Потом несчастному делали искусственное дыхание. Если истязаемый не говорил, то это повторялось по нескольку раз подряд. В намокшей одежде он проводил ночь в холодной камере.

3. Пытки электрическим током. Провода прикреплялись сначала к рукам, потом к ногам, к ушам, а затем один провод прикреплялся к заднему проходу, а другой к концу мужского члена.

4. Половые органы зажимались в специальные тиски или скручивались.

5. Подвешивание. Руки сковывались за спиной. Крюком зацепляли за наручники и при помощи блока жертву поднимали. Сначала человека поднимали и опускали рывками. Потом его держали подвешенным довольно долгое время. Очень часто руки бывали вывихнуты. Я видел в лагере лейтенанта Лефевра, который не мог пользоваться обеими руками, потому что был подвешен таким образом в течение четырех часов.

6. Ожоги при помощи паяльной лампы или просто спичками.

2 июля в лагерь прибыл мой товарищ Лалу, учитель из департамента Шер, который перенес большую часть этих пыток в городе Бурж. У него была вывихнута рука, и в результате подвешивания он не мог двигать ни одним пальцем правой руки. Он перенес избиение хлыстом и пытки электричеством. Его жгли спичками. Ему загоняли обрезанные спички под все ногти на руках и ногах. Ему надевали кольца из ваты на руки и на ноги. Вата и спички поджигались. В то время как все горело, один немец неоднократно вонзал ему острие ножа в подошвы ног, а другой в это же самое время бил его плетью. Фосфором у него был сожжены некоторые пальцы вплоть до второго сустава. Образовавшиеся нарывы прорвались. Это спасло его от заражения крови».

За подписью господина Маньона, начальника штаба одной из частей французских сил внутреннего Сопротивления, освободивших департамент Шер, имеется следующий протокол допроса. Его подпись удостоверена официальными французскими властями.

«После освобождения города Бурж 6 сентября 1944 г. было произведено обследование застенков гестапо. При этом было найдено орудие пыток: браслет, составленный из многочисленных твердых деревянных шариков со стальными наконечниками. К нему было приделано приспособление, позволяющее завинчивать его на кистях рук. Этот браслет видели многие солдаты и командиры партизанских отрядов района Мапету-Салон».

Мы представляем теперь под номером РФ-309 документ Ф-565, полученный из управления военной безопасности департамента Воклюз. В этом документе говорится об описанных уже методах пыток. Поэтому мы считаем, что на нем нет надобности останавливаться. Переходим к документу Ф-567, который мы представляем под номером РФ-310. Он касается тех жестокостей, которые совершались органами немецкой полиции в Безансоне. Это показание господина Доммерга, профессора в Безансоне. Протокол составлен американской службой по расследованию военных преступлений. Я оглашаю резюме из показаний господина Доммерга:

«Арестован 11 февраля 1944 г. и во время допроса жестоко избит плетью из воловьих жил. Женщина, которую пытали, испускала вопли. Заключенному сказали, что это его жена. Он видел, как его товарищ был подвешен с грузом в 50 килограммов на каждой ноге. Другому выкалывали иголками глаза. Один ребенок совершенно потерял голос».

Этот документ имеет вторую часть под тем же номером Ф-567. Это письмо, которое доктор Гоме, секретарь совета Национального ордена врачей, направил главному врачу полевой комендатуры в Безансоне, датировано 11 сентября 1943 года. Я оглашаю несколько выдержек из него:

«Господин главный врач и уважаемый коллега!

Имею честь при сем препроводить Вам письмо, которое я составил по Вашему требованию и 1 сентября в виде циркуляра направил нашим коллегам в департаменте. Совесть побуждает меня обратиться к Вам по другому вопросу. Недавно я должен был оказать помощь французу, лицо и тело которого были покрыты многочисленными ранениями и кровоподтеками в результате пыток орудиями, которыми пользуется германская служба безопасности. Речь идет об исключительно честном человеке, высокопоставленном французском государственном служащем, арестованном из расчета на то, что он может дать некоторую информацию, при этом ему лично ничто не было поставлено в вину. Это доказывается тем фактом, что он был освобожден через несколько дней, когда закончился допрос, которому он был подвергнут.

Он был подвергнут пыткам не в качестве законной санкции или законной защиты, а только для того, чтобы заставить его под влиянием насилия и страданий заговорить.

Для меня, представляющего здесь французскую медицину, является долгом совести и прямой обязанностью сообщить Вам о том, что я установил при выполнении своих обязанностей. Я обращаюсь к Вашей совести, как врача, и спрашиваю Вас, не обязаны ли мы вмешиваться, будучи призванными охранять здоровье наших ближних...»

Сегодня утром мы остановились на перечислении пыток, которые применялись обычно в гестапо в различных городах Франции, где производилось расследование. Зачитывая многочисленные документальные доказательства, мы показали Вам, что везде на допросах обвиняемые и даже свидетели подвергались грубому и жестокому обращению, и почти всегда такое обращение было одинаковым. Систематическое повторение одних и тех же способов доказывает, как мы полагаем, существование общего плана, исходившего от самого германского правительства.

У нас имеется еще большое количество показаний; все они взяты из отчета американского управления и касаются тюрем в Дрё, Морле, Меце. Эти показания содержатся в документах Ф-689, 690, 691, которые мы представляем в качестве доказательств под номерами РФ-311, 312, 313.

Одинаковые факты применения пыток повторялись систематически в Меце, Каоре, Марселе, Кемперле. О них идет речь в документах Ф-692, 693, 565, 694, которые мы представляем в качестве доказательств под номерами РФ-314, 309, 315.

Мы подходим сейчас к описанию одного из самых мерзких преступлений гестапо, о котором невозможно умолчать, несмотря на наше желание сократить слушание этого дела. Речь идет об убийстве одного французского офицера в управлении гестапо в городе Клермон-Ферране, в южной зоне, рассматривавшейся согласно условиям перемирия в качестве свободной. Убийство было соверше-

но самым подлым образом и в нарушение всех положений международного права, так как оно произошло в районе, где по условиям перемирия гестапо не только не могло проявлять никакой деятельности, но даже находиться.

Этого французского офицера, майора, звали Анри Мадлин. Его дело описывается в документе Ф-575, который мы представляем под номером РФ-316. Он был арестован 1 октября 1943 г. в городе Виши; его допрос начался в январе 1944 года, его избили так жестоко на этом первом допросе, что, когда он возвратился в свою камеру, у него была сломана рука.

27 января он снова дважды был подвергнут допросам, во время которых его били так сильно, что по возвращении в камеру его руки так распухли, что даже не было видно наручников.

На следующий день германские полицейские снова пришли за ним в камеру, где он провел всю ночь в агонии, и схватили его, когда он был еще жив. Его бросили на дороге в одном километре от небольшой деревни Периган-ле-Сарлив для того, чтобы создать впечатление несчастного случая. Позже его тело было подобрано. Вскрытие обнаружило, что грудная клетка была совершенно раздавлена, во многих местах сломаны ребра, было обнаружено прободение легких и перелом позвоночного столба; нижняя челюсть была разбита, ткани головы отделились.

Мы все знаем, что некоторые французы-предатели участвовали в арестах и помогали гестапо вымогать показания, действуя по приказанию германских офицеров. Один из этих предателей, арестованный по освобождении нашей страны, описал, как жестоко обращались с майором Мадлином. Этого предателя зовут Верньер. Мы зачитаем Вам выдержку из его показаний:

«Его били резиновыми палками, плетьми из бычьих жил, били по ногтям, давили пальцы, заставляли ходить голыми ногами по кнопкам, обжигали папиросами. В конце концов, избитого его отвели в камеру. Он был при смерти».

Майор Мадлин не был единственной жертвой этого жестокого обращения, в котором участвовали многочисленные офицеры гестапо. Следствие обнаружило, что 12 известных лиц умерли от пыток в гестапо Клермон-Феррана, что женщин раздевали, били, а затем насиловали.

Это систематическое обращение к одним и тем же преступным приемам для того, чтобы добиться единственной цели — терроризировать население, не является поступком какого-нибудь одного второстепенного начальника, распоряжавшегося только в нашей стране, о чем не знает его правительство или генеральный штаб армии. Обнаруживается, что те же самые ужасные пытки и зверства систематически повторялись во всех западных странах. Если ознакомиться со способами действия германской полиции в этих странах — идет ли речь о Дании, Бельгии, Голландии или Норвегии, — везде и всегда допросы в гестапо

проводились такими же зверскими приемами, с тем же нарушением прав самозащиты, с тем же презрением к человеческой личности.

О Дании мы приведем документ, уже представлявшийся под номером РФ-317, который является официальным докладом датского правительства, составленным в октябре 1945 года. Мы зачитаем из него несколько строчек. Нам кажется, что эти строчки полностью освещают интересующий нас вопрос. Это документ Ф-666—выдержка из датского меморандума от октября 1945 года в отношении главных военных немецких преступников, дело которых разбирается Международным военным трибуналом.

На странице 5 под заголовком «Пытки» имеется краткое резюме, в котором изложено все, что относится к этому вопросу по Дании:

«В многочисленных случаях германская полиция и ее подручные прибегали к пыткам для того, чтобы заставить захваченных ими людей признаваться или давать сведения. В большинстве случаев пытки состояли в ударах кнутом, дубинками или резиновыми палками. Использовались также гораздо более жестокие формы пыток. Некоторые из них калечили людей на всю жизнь.

Бовензипен заявил, что приказ о применении пыток исходил в некоторых случаях от высших властей, даже, может быть, от Геринга, но во всяком случае от Гейдриха. В инструкциях указывалось, что к пыткам можно прибегать в тех случаях, когда нужно заставить подвергаемых пыткам лиц дать сведения, которые помогут обнаружить диверсионные организации, действующие против Германской империи, но не для того, чтобы заставить правонарушителя признаться в своих личных проступках».

Немного дальше:

«Предписываемые средства включали определенное количество ударов хлыстом. Бовензипен не помнит, какое было максимальное число ударов: десять или двадцать. При этих избиениях присутствовал офицер уголовной полиции, а также, когда этого требовали обстоятельства, офицер-врач. Упомянутые выше инструкции несколько раз изменялись, и на них обращалось внимание всего состава уголовной полиции».

Датское правительство сообщает о двух особо отвратительных случаях пыток, примененных по отношению к датским патриотам—профессору Могенсу Фогу и полковнику Эжнару Тимроту.

Трибунал прочтет в тексте петитом заявление доктора Беста, что его официальные полномочия не разрешали ему мешать применению пыток.

В отношении Бельгии надо прежде всего напомнить о пытках, к которым прибегали в приобретшем дурную славу лагере в Бриндонке, куда были заключены сотни и тысячи бельгийских патриотов. Мы вернемся к вопросу о

лагере в Бриндонке, когда будем представлять материал о концлагерях. Сегодня я зачитаю только выдержки из доклада бельгийской Комиссии по расследованию военных преступлений. Это будут точные факты, подтверждающие наши утверждения о том, что все факты жестокого обращения, в которых обвиняется гестапо во Франции, имели место также во всех оккупированных западных странах.

Документ, который мы предъявляем под номерами Ф-942(а), Ф-942(в), РФ-318, 319, состоит из протоколов допросов и заявлений. Я воздержусь от их оглашения, так как все они содержат показания, аналогичные тем, которые я уже огласил и которые были собраны в отношении Франции. На первой и второй страницах вы прочтете заявление господина Огюста Рамаля и заявление господина Поля Девомара, из которых явствует, что они подверглись исключительно ужасному обращению и что, когда они вышли из гестапо, были изуродованы и не могли держаться на ногах.

В отношении Бельгии я предъявляю документы Ф-641(а) и Ф-641(в), которые будут иметь в качестве доказательства номера РФ-320 и 321. Их я также не буду оглашать. Они содержат протоколы, описывающие пытки, аналогичные тем, о которых я уже говорил.

Если Трибунал примет без доказательств документы о жестокости пыток, к которым прибегало гестапо, я не займу вашего времени чтением всех представленных доказательств.

В отношении Норвегии источником сведений, которыми мы располагаем, являются выдержки из заявления норвежского правительства по вопросу о наказании главных военных преступников. Документ ВБ-79. Французский перевод этого документа мы представляем под номером РФ-323. В нем вы найдете сведения о большом числе погибших норвежских граждан.

На второй странице документа Трибунал прочтет заявление норвежского правительства о том, что большое число норвежских граждан умерло в результате жестокого обращения с ними на допросах. Только в Осло число известных случаев достигает 52, а в различных частях Норвегии их, без сомнения, гораздо больше.

Общее число норвежцев, умерших во время оккупации в результате пыток, жестокого обращения, казней или самоубийств в политических тюрьмах и концлагерях, достигает приблизительно 2100.

В разделе «В», на странице 2 этого же документа, имеется описание способов, к которым прибегало гестапо в Норвегии. Это способы, подобные тем, которые я уже описал.

В отношении Голландии мы представляем документ Ф-224, который получает номер РФ-324 и является выдержкой из заявления голландского правительства по вопросу

о суде над главными немецкими военными преступниками. Документ датирован 11 января 1946 г.

Трибунал найдет в этом документе большое количество показаний, собранных департаментом уголовного следствия. Во всех этих заявлениях речь идет о жестоком обращении, аналогичном тому, с которым вы уже ознакомились и которое вменяется в вину управлению гестапо в Голландии.

В Голландии, как и в других странах, заключенных били хлыстами и палками до тех пор, пока у них не сходила кожа со спины, затем их возвращали в камеру. Иногда их обливали ледяной водой, иногда подвергали действию электрического тока. Один свидетель видел собственными глазами в Амерсфурте[1], как заключенного священника забили до смерти резиновой палкой.

Я полагаю, что систематический характер этих пыток, без сомнения, установлен.

Заявление датского правительства является первым из доказательств моего утверждения о том, что систематический характер пыток и истязаний был преднамеренным со стороны высших германских властей и что члены германского правительства за него ответственны. Во всяком случае эти систематические пытки были, конечно, им известны, так как из всех европейских стран поступали протесты против этих способов допросов, возвращавших нас к мраку средневековья. И ни одного приказа, который бы запрещал эти пытки, не было издано. Ни разу исполнители пыток не были призваны к ответу.

Эти способы ведения следствия сами по себе являлись элементом усиления террористического характера политики, проводимой Германией в западных оккупированных странах. Об этом террористическом характере я уже говорил при изложении материала по вопросу о заложниках.

Я укажу вам, кто из подсудимых рассматривается Францией и другими западными странами как главные виновники создания этого преступного порядка деятельности гестапо. Это—Борман и Кальтенбруннер, так как согласно своим функциям они более других должны были знать о преступных действиях исполнителей.

Хотя у нас нет документов, подписанных ими в отношении западных стран, однако сходство фактов, которые мы описали, более того, их идентичность, несмотря на то, что имели они место в разных странах, позволяют нам утверждать, что все приказы были преднамеренными. Все они явились результатом единой воли, и среди подсудимых Борман и Кальтенбруннер как раз и являлись выразителями этой единой воли.

То, что я изложил, относится к предварительной процедуре подготовки нацистами расправы со своими жертвами. Мы знаем, с какой жестокостью она проводилась... После

[1] Концлагерь в Голландии.

этого иногда следовал суд. По нашему мнению, он был пародией на суд. Судебное преследование основывалось на праве, которое мы отвергаем как совершенно бесчеловечное. Об этом будет говорить мой коллега господин Эдгар Фор во второй части изложения о германских зверствах в западных странах.

Нам достаточно знать, что германские суды, которые действовали в отношении граждан западных оккупированных стран, не смирившихся с разгромом своих стран, признавали только одну кару—смертную казнь. Все это делалось по безжалостным приказам одного из этих людей— Кейтеля. Один из приказов содержится в оглашенном уже документе Л-90, который представлялся под номером США-503. Строчка 5: «За поступки такого рода кара, лишающая свободы, и даже пожизненное заключение считаются признаком слабости. Добиться эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обусловливают незнание населения о судьбе виновных. Угон в Германию как раз достигает этой цели».

Нужно ли это комментировать? Следует ли удивляться тому, что этот военачальник отдает приказы юстиции? То, что мы знаем о нем со вчерашнего дня, позволяет нам сомневаться в том, что он представляет собой только военачальника. Мы процитировали вам его собственные слова.

«Если суд не может приговаривать к смертной казни,— продолжает Кейтель,— тогда пусть депортируют!».

Я думаю, господа судьи, вы разделяете мое мнение, что когда такие приказания отдаются суду, то о правосудии не может быть речи. Во исполнение этого приказа те из наших соотечественников, которые не были приговорены к смертной казни и немедленно казнены, были угнаны в Германию...

С вашего разрешения, мы будем продолжать представление доказательств о немецких зверствах в западных странах Европы с 1939 года по 1945 год, выделив из показаний те конкретные факты, которые в равной степени составляют преступления против общего права. Общая идея, вокруг которой мы строили всю свою работу, заключается в том, что нацистский террор был сознательно разработан как орудие управления всеми порабощенными народами.

Люди, арестованные в странах Запада, отправлялись в Германию, где их заключали в лагеря или в тюрьмы.

На странице 35 документа Ф-274, РФ-301, Трибунал прочтет, что тюрьма в Кельне, где было заключено очень много французов, расположена между товарной станцией и главным вокзалом... Во время бомбардировок заключенные тюрьмы не имели права выходить в бомбоубежище. Они оставались запертыми в своих камерах даже в случаях пожара.

Жертвы от бомбардировок в тюрьмах были весьма многочисленны в Ахене. Помещения были грязные, сырые, арестованных было в 3—4 раза больше, чем позволяло помещение.

В тюрьме в Мюнстере женщины в ноябре 1943 года находились в полуподвале без воздуха. Во Франкфурте арестованные вместо камер имели нечто вроде железных клеток размером два на полтора метра. Все было лишено какой-либо гигиены. В Ахене, как и во многих тюрьмах, арестованные имели только одно ведро посреди комнаты, и было запрещено освобождать его в течение дня.

Питание было очень скудное. Заключенные привлекались к неимоверно трудным работам в военной промышленности, в промышленности по производству продуктов питания, на текстильных фабриках. Каковы бы ни были исполняемые работы, они длились по крайней мере 12 часов. В Кельне, например, работали с 7 часов утра до 21 или 22 часов вечера, то есть 14-15 часов подряд...

Политические заключенные должны были нередко собирать неразорвавшиеся бомбы. Это—официальный немецкий текст главного прокурора Кельна.

Санитарного контроля не существовало. Никаких профилактических мер в тюрьмах против эпидемий не принималось. Врач-эсэсовец применял противопоказанное лечение.

В тюрьме Диц-ан-дер-Лан начальник тюрьмы Гаммрад, бывший офицер медицинской службы германской армии, одобрительно смотрел на то, как охрана из отрядов СС била заключенных.

Дизентерия, дифтерит, легочные заболевания, плевриты не освобождали больных от работы, и больные работали до изнеможения. Только в исключительных случаях они направлялись в госпиталь.

Бесконечные издевательства... В Магдебурге тех, кто не подчинялся, заставляли сто раз становиться на колени перед охраной. Допросы проводились так же, как и во Франции, грубо, и допрашиваемых почти всегда морили голодом.

В Асперге врач заставлял делать уколы в сердце арестованным, эти уколы были смертельны. В Кельне осужденные на смерть всегда заковывались в цепи. В Зонненбурге умирающим давали выпить какую-то зеленоватую жидкость для того, чтобы они быстрее скончались. В Гамбурге больные евреи должны были сами себе рыть могилы, пока не падали туда изнуренными. Так было и с бельгийцами, и с французами, и с голландцами, гражданами Люксембурга, датчанами, норвежцами, заключенными в немецких тюрьмах...

В Берлине, в тюрьме Бере, еврейских детей убивали на глазах их матерей.

Стерилизация мужчин подтверждается немецкими документами, в частности, досье прокурора Кельна. Это досье содержит документы, которые указывают также, какую

роль играли заключенные дети. Они должны были работать внутри тюрьмы.

Немецкий официальный текст уточняет вопрос о казнях. Осужденных гильотинировали. Почти все обвиняемые, как гласят немецкие документы, протестовали против гильотинирования, а не расстрела за свои патриотические действия, вменяемые им в вину как преступные.

Среди убитых в Кельне находились дети и женщины.

Кейтель всегда отклонял ходатайства о помиловании, которые ему представляли.

Как бы тяжелы, а иногда ужасны ни были условия для людей, находившихся в тюрьмах, они все-таки были намного менее жестокими, чем условия для тех французов, которые имели несчастье находиться в концентрационных лагерях, о которых Трибунал уже знает. Мои коллеги из союзных наций дали подробное изложение по этому поводу, и Трибунал помнит карту, указывающую места расположения этих лагерей, существовавших в Германии и оккупированных странах.

Мы не будем возвращаться к географическому положению этих лагерей. С разрешения Трибунала на сегодняшнем вечернем заседании я изложу условия, в которых французы и люди других национальностей оккупированных стран доставлялись в эти лагеря.

При отправлении заключенные, жертвы произвольных арестов, были собраны во Франции в тюрьмах или других сборных пунктах.

Главный сборный лагерь во Франции — Компьен, откуда увозили почти всех высылаемых в Германию. Были еще два других сборных лагеря — Бон-ля-Роланд и Питивьер, предназначавшиеся для евреев, и Дранси.

Условия для людей, заключенных в эти лагеря, приближаются к тем, которые были в германских тюрьмах.

Чтобы избежать возможности загромождения судебного заседания цитатами, которые походят друг на друга, мы ограничимся чтением Трибуналу отрывка из показания госпожи Жакоб относительно немецкого Красного Креста.

Нас посетили несколько немецких видных лиц, таких, как Штюльпнагель, дю Пати де Клам, комиссар по еврейским делам, полковник барон фон Берг, вице-президент немецкого Красного Креста. Этот фон Берг любил держаться очень официально. Он всегда носил значок Красного Креста, что не мешало ему быть бесчеловечным и вором.

Несмотря на свой титул вице-президента Красного Креста Берг наугад выбирал моих товарищей, чтобы угнать их в Германию.

В документе Ф-274, РФ-301, Трибунал найдет данные о судьбе заключенных, содержавшихся в Компьенском лагере. Я думаю, что мне не нужно это зачитывать.

В Норвегии, Голландии, Бельгии так же, как и во Франции, были свои сборные лагеря. Самый характерный и более всего известный это, конечно, бельгийский лагерь

Бриндонк, о котором необходимо дать более точные сведения Трибуналу, так как очень многие бельгийцы, которые были там заключены, умерли от лишений, всякого рода пыток, многие были там казнены: расстреляны или повешены.

Этот лагерь был расположен в крепости Бриндонк с 1940 года. Мы видим это из документа, который уже был представлен под номером Ф-231, РФ-329.

Уточним некоторые подробности о режиме этого лагеря. Это документ 4, который имеется в вашем досье. Он озаглавлен «Доклад о концентрационном лагере в Бриндонке».

Председатель: Как называется этот лагерь?

Дюбост: Бриндонк. Я прошу Трибунал предоставить мне несколько минут. Наш долг доложить Трибуналу возможно больше подробностей об этом лагере по той причине, что в заключении там было очень много бельгийцев, содержавшихся в условиях особого режима.

«Немцы заняли эту крепость в августе 1940 года. Начали собирать заключенных в сентябре. Это были евреи. Бельгийскому правительству не удалось установить, сколько их было заключено с сентября 1940 года по август 1944 года (время эвакуации лагеря и освобождения Бельгии). Тем не менее можно думать, что через лагерь Бриндонк прошло от 3000 до 3600 заключенных, из них приблизительно 250 умерли от лишений, 450 были расстреляны, 12 были повешены. Большая часть заключенных Бриндонка была отослана в лагеря Германии в различное время, откуда большинство из них не вернулось. Поэтому к тем, кто умер в Бриндонке, следует добавить тех, которые умерли или которые не могли выжить во время своего заключения в Германии.

В лагере находились различные категории арестованных. Находились евреи, для которых режим был строже, чем для других заключенных. О числе коммунистов, которые были заключены в довольно большом количестве, невозможно дать точные сведения».

В лагере содержались лица, сопротивляющиеся немецкому режиму, а также заложники. Среди последних были господин Бушери, бывший министр, и господин ван Кесбек, депутат-либерал, содержавшиеся в течение десяти недель; оба умерли после своего освобождения вследствие того обращения, которому они подвергались в лагере. Были еще в этом лагере дельцы «черного рынка», но об этих последних бельгийское правительство сообщает: «Обращение с ними было другое. Они пользовались благосклонностью».

В докладе далее сообщается, «что заключенные должны были работать. Они подвергались самым разнообразным коллективным наказаниям по любому поводу. Одно из этих наказаний состояло в том, что надо было подползать под кровать и выпрямляться перед начальством, что сопровождалось ударом хлыста. Другим надевали на голо-

ву капюшон каждый раз, когда они должны были выходить из камеры или если они должны были общаться с другими заключенными».

Я резюмирую этот документ, господин председатель.

Мы знаем, что работа заключенных состояла в том, чтобы очистить форт от земли и вынести эту землю наружу. Эта работа делалась вручную, была тяжелой, опасной, и много людей умерло на этой работе.

Иногда использовались вагонетки, пускавшиеся эсэсовцами с такой быстротой, что нередко ломали ноги заключенным, которые не были предупреждены об их приближении. Эсэсовцы из этого делали забаву и за малейшую задержку в работе избивали заключенных.

Из доклада бельгийского правительства мы знаем, что десятки заключенных утонули. Некоторые заключенные были убиты после того, как их закопали живыми по горло: эсэсовцы приканчивали их ударом каблука или ударами палок.

Трибуналу должно быть известно, что из одной Франции, без районов Верхнего и Нижнего Рейна и Мозеля, с 1 января 1944 г. по 25 августа того же года было отправлено 326 эшелонов, что составляет в среднем 10 эшелонов в неделю. Каждый эшелон увозил от тысячи до двух тысяч человек. Нам известно теперь, что в каждый вагон сажали от 60 до 120 человек, в зависимости от обстоятельств.

Эти эшелоны почти всегда отбывали из лагеря Компьен, где находилось больше 50 тысяч заключенных. Целью этих отправок было терроризовать население. Трибунал помнит о зачитанном уже документе, который представлялся. Семьи, оставаясь в неведении о судьбе заключенных, испытывали ужас; немцы пользовались этим, чтобы набрать побольше рабочей силы для Германии, которая испытывала в ней нехватку из-за войны с Россией.

Условия, в которых собирались эти эшелоны, указывают на отбор рабочей силы. Мы видим первую стадию новой немецкой политики: истребление расовое и истребление интеллектуальных сил, политическая деятельность которых казалась опасной нацистским руководителям.

Высылаемых помещали по 80—120 человек в вагоне во всякое время года. В течение всего времени пути они не получали никакого питания и питья. В вагонах нельзя было ни сесть, ни прилечь. Мы можем предъявить в качестве доказательства показания доктора Штейнберга, записанные полковником Баденом из комиссии по расследованию военных преступлений в Париже. Зачитаем только несколько абзацев.

«Мы были погружены в вагоны для скота, по 70 человек в каждый, в ужасных антисанитарных условиях. Наше путешествие длилось два дня. Мы прибыли в Освенцим 24 июня 1942 г. Нужно заметить, что при отъезде мы не получили никакого продовольствия и жили в течение двух дней теми продуктами, которые мы увезли из Дранси».

Члены немецкого Красного Креста им не давали пить. Об этом мы имеем свидетельства ведомства заключенных и высланных, которые содержатся на странице 18 документа РФ-301. Здесь идет речь об эшелоне еврейских женщин, который был отправлен с вокзала Бобиньи 19 июня 1942 г. Они были в дороге три дня и три ночи, умирая от жажды. В Бреслау они просили членов Красного Креста дать им немного воды, но напрасно.

Кроме того, лейтенант Женест и доктор Блаха дали нам показания о том же и о других случаях, о которых сказано в документе Ф-321, РФ-331.

«На вокзале в Бреме нам было отказано немецким Красным Крестом в воде, нам заявили, что нет воды». Это показание лейтенанта Женеста.

Чтобы дать представление, чем занимался немецкий Красный Крест, а также чтобы закончить этот вопрос, нужно добавить, что на странице 162 документа Ф-321 имеется доказательство того, что в Освенциме для газовых камер в железных банках со знаком немецкого Красного Креста перевозился отравляющий газ.

Мы остановились на рассмотрении того, как производилась переброска угоняемых в Германию. Для установления, кто именно из подсудимых несет личную ответственность за этот угон, я предъявляю документ, подписанный Иодлем, в котором он приказывает депортировать евреев из Дании. Среди наших документов этот документ фигурирует под номером РФ-335. Это телеграмма, переданная обычным путем с грифом «секретно». Второй абзац этого документа гласит:

«Угон евреев должен быть произведен по распоряжению рейхсфюрера СС, который для этого отправит в Данию два батальона. Подпись: Иодль».

В этом случае незаконный акт был совершен лицом, представлявшим военное командование и германский генеральный штаб. Следовательно, ответственность за эти преступления ложится на генеральный штаб и Иодля.

Мы предъявляли на заседании в субботу выдержку из доклада голландского правительства под номером РФ-324, в которой говорится о голландских евреях, помещенных в лагерь в Вестерборхе. В докладе говорится:

«Все голландские евреи, которых захватили немцы, были собраны в лагере в Вестерборхе...

Постепенно все заключенные лагеря в Вестерборхе были вывезены в Польшу».

Следует ли напоминать, каковы были последствия транспортировки, производившейся в условиях, которые были Вам описаны свидетелями, если уже трое свидетелей показали, что каждый раз, когда открывали вагоны, из них прежде всего вытаскивали многочисленные трупы, для того чтобы обнаружить за ними нескольких человек, оставшихся еще в живых.

Французский документ Ф-115, РФ-336, является отчетом профессора Шарля Рише, который пишет, что заклю-

ченные находились от 75 до 120 человек в вагоне и что в каждой перегоняемой партии умирали находившиеся в ней люди. В Бухенвальде, как правило, обнаруживали, что по меньшей мере 25 процентов людей погибали в пути между Компьеном и лагерем, то есть во время переезда, длившегося около 60 часов. Это свидетельское показание находится в соответствии с показаниями о положении заключенных в других лагерях (показания Блаха, госпожи Вайян-Кутюрье и профессора Дюпона).

Показания Блаха также фигурируют в предъявленной Вам книге документов под номером ПС-3249.

Получила печальную известность переброска заключенных в Дахау и другие лагеря, производившаяся в августе-сентябре 1944 года, главным образом из лагерей в Бретани, когда из каждой партии в 2 тысячи человек умирали в пути от 400 до 500 человек. Эти сведения почерпнуты нами из документа Ф-140. На первой странице этого документа говорится об Освенциме следующее: «Около 4 миллионов человек умерли в этом лагере».

В документе Ф-174 на странице 15 указывается, что в эшелоне, который отбыл из Компьена 2 июня 1944 г., некоторые заключенные сошли с ума и между ними началась драка; здесь указано также, что более 600 человек умерли во время переезда из Компьена в Дахау. Об этой партии заключенных говорится и в следующем документе, Ф-83, который мы предъявляем под номером РФ-337. Это отчет доктора Бувье из Реймса от 20 февраля 1945 года. В документе говорится, что к моменту, когда они доехали до Реймса, заключенные были уже полумертвыми от жажды: «Восемь человек находившихся при смерти, один из которых был церковнослужителем, уже в Реймсе были вынесены из вагона».

Этот состав направлялся в Дахау. К моменту, когда состав находился в нескольких километрах от Компьена, в каждом вагоне уже умерло много людей...

«На вокзале в Бремене представители германского Красного Креста отказались выдать нам воду...

Мы умирали от жажды. В Бреслау заключенные вновь умоляли сестер из германского Красного Креста выдать немного воды. Они не вняли нашим мольбам».

Для того чтобы воспрепятствовать попыткам к бегству, принимали самые постыдные меры: заключенных очень многих партий заставляли снимать с себя всю одежду, они совершенно раздетыми совершали длительный переезд из Франции в Германию. Свидетельством этого является уже предъявленный Трибуналу документ под номером РФ-301. Это—брошюра, на странице 17 которой говорится:

«Одно из средств, которое использовали для того, чтобы воспрепятствовать бегству, или к которому прибегали в качестве карательной меры по отношению к заключенным, состояло в том, что заключенных заставляли полностью раздеваться».

И далее автор брошюры добавляет:

«Эта карательная мера вызвана также стремлением нацистов добиться моральной деградации личности заключенных».

В наиболее сдержанных свидетельских показаниях говорится о том, что зрелище, которое представляли собой голые мужчины, находившиеся в обстановке такой скученности, что они едва могли дышать, было ужасным.

Когда же, несмотря на предпринятые меры предосторожности, совершались побеги, из вагонов брали заложников, которых расстреливали. Это явствует из документа:

«Таким образом, пять депортируемых из поезда, который следовал 15 августа 1944 г., было захоронено близ Монморанси. В Домпреми немецкие полицейские и офицеры из вермахта застрелили пятерых других депортируемых из той же партии».

В дополнение к оглашенной цитате следует привести уже предъявленный Вам другой официальный документ под номером Ф-321, РФ-331.

«Было спешно отобрано несколько молодых людей. Когда они подходили ко рву, каждый германский жандарм хватал одного заключенного, ставил его лицом к стенке рва и стрелял в затылок из пистолета».

То же происходило в отношении лиц, которых угоняли из Дании. Датских евреев подвергали особенно жестоким избиениям. Часть из них была вовремя предупреждена и смогла бежать в Швецию, причем им была оказана помощь датскими патриотами, но, к несчастью, от 8 до 9 тысяч человек было захвачено немцами и вывезено. 475 человек из их числа было вывезено в бесчеловечных условиях на судах и грузовиках в Богемию, Моравию и в Терезиенштадт. Это явствует из датского документа, предъявленного под номером Ф-666, РФ-388...

В связи с угоном населения все жители порабощенных стран Западной Европы оказались вместе со своими товарищами по несчастью с Востока в концентрационных лагерях Германии. Эти лагеря были средством реализации политики уничтожения, которую проводила Германия после того, как власть в ней захватили национал-социалисты. Употребляя слова Гитлера, эта политика истребления проводилась в целях предоставления для немцев места в Европе на соседних с Германией территориях, которые составляют «жизненное пространство» Германии.

В последующее время полиция и германская армия не расстреливали более заложников, как в первый период оккупации, но тем не менее ни армия, ни полиция не щадили их. С 1943 года их угоняли все в большем и большем количестве в концлагеря Германии, где предпринималось все возможное, чтобы истребить их, используя на непосильных работах и уничтожая в газовых камерах.

Перепись, которая была нами произведена, позволяет утверждать, что из Франции было вывезено более 250 тысяч человек и только 35 тысяч человек возвратилось. В

документе Ф-497, предъявленном под номером РФ-339, указывается, что на 600 тысяч арестов, которые были произведены немцами во Франции, 350 тысяч имели целью заключение под стражу во Франции и в Германии.

На первой странице документа Ф-497 указывается:

«Общее число угнанных — 250 тысяч.

Число депортированных, которые возвратились, — 35 тысяч».

На следующей странице указаны имена ряда видных французских деятелей, которые были угнаны...

Невозможно перечислить имена всех деятелей французской науки, которые явились жертвами нацистской ярости. Тем не менее мы должны указать среди деятелей медицины на пропавших без вести директора госпиталя Ротшильда и профессора Флоренса, один из которых был убит в Освенциме, а другой — в Нойенгамме.

В Голландии было арестовано 110 тысяч граждан из числа евреев, из них только 5 тысяч человек возвратились. Из 16 тысяч арестованных патриотов голландцев возвратились лишь 6 тысяч человек. Из общего числа угнанных, 126 тысяч человек, возвратились на родину после освобождения страны 11 тысяч человек.

Из Бельгии было угнано 197 150 человек, а включая военнопленных — 250 тысяч.

Из Люксембурга было угнано 7 тысяч человек, в том числе более 700 евреев и 4 тысячи люксембуржцев, из них 500 человек умерли.

В Дании было арестовано 6104 человека, из которых умерли 583 человека.

Лагеря находились как в Германии, так и за ее пределами. Большинство лагерей вне Германии служило, как уже это было мною указано, для отбора заключенных. Тем не менее ряд таких лагерей действовал подобно лагерям в Германии. Среди них следует указать на лагерь в Вестерборке, в Голландии, о котором говорится в документе Ф-224, РФ-324. Этот документ является докладом голландского правительства. О находившемся также в Голландии лагере в Амерсфурте говорится в документе Ф-677, который будет предъявлен под номером РФ-344. Это документ 11 в книге документов.

Нам уже известно на основании свидетельских показаний очевидцев, каков был режим в нацистских концентрационных лагерях, и это освобождает нас от необходимости оглашать полностью этот доклад, который к тому же довольно объемист и не дает каких-либо новых примечательных данных по вопросу о режиме, установленном в лагерях.

В Голландии имелся также лагерь в Вугте, в Норвегии — лагеря в Грини, Фальстаде, Влъвене, Эспеланде и Сидсписсене, описание которых дается норвежским правительством в представленной вам первой книге документов Ф-240, РФ-292.

Лагеря как внутри, так и вне Германии, если они не являлись пересыльными, были разделены на три категории, в соответствии с германскими инструкциями, которые попали в наше распоряжение. Вы обнаружите эти инструкции на 11-й странице предъявленной вам второй книги документов, страницы которой размечены в последовательном порядке, для того, чтобы облегчить вам ваши поиски. Это документ ПС-1063, РФ-345. Он находится на 11-й странице предъявленной второй книги документов. Читаю:

«Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции дал согласие подразделить концлагеря на категории в зависимости от того, кем являются лица, находящиеся в заключении, и опасности, которую они представляют для государства». Организация и деятельность этих лагерей были определены в соответствии с двумя задачами, которые преследовались. Первая заключалась в восполнении недостающей рабочей силы для получения максимальной производительности труда с минимальными затратами.

Это видно из документа, который будет предъявлен под номером Ф-285, РФ-346. Этот документ датирован 17 декабря 1942 г. и хронологически совпадает с трудностями, возникшими в ходе кампании в России. В нем говорится, что в силу военных соображений, которые не могут быть приведены, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции 14 декабря 1942 г. приказал, чтобы не позднее конца января 1943 года не менее 35 тысяч трудоспособных заключенных было отправлено в концлагеря. Второй абзац:

«Для получения требуемого числа заключенных предписываются следующие меры:

Начиная со дня издания настоящего приказа и до 1 февраля 1943 г., все рабочие, выходцы из стран Востока, и все рабочие иностранного происхождения, которые бежали или нарушали трудовые договоры, а также все другие рабочие, не являющиеся подданными союзных дружественных или нейтральных государств, должны быть как можно скорее заключены в концлагеря».

Это произвольное заключение в концлагеря производилось в целях получения с минимальными затратами максимальной рабочей силы, которая хотя и была угнана ранее в Германию, но должна была оплачиваться в соответствии с положениями трудовых договоров.

Организация концлагерей также имела целью уничтожение всех тех, кто был нетрудоспособным, тех, кого нельзя было использовать в интересах германской промышленности, а также вообще всех лиц, которые могли препятствовать нацистской экспансии. Бесспорным доказательством этого является документ Р-91, РФ-347. Это телеграмма начальника штаба рейхсфюрера СС, которая получена в 2 ч. 10 м. 16 декабря 1942 г. из Берлина.

Оглашаю предпоследний абзац. Этот текст начинается со слов:

«Увеличение числа рабочих, помещаемых в концлагеря, должно быть закончено к 30 января 1943 г.

В отношении евреев это мероприятие можно осуществить следующим образом:

1. Общее число — 45 тысяч евреев.

2. Начало транспортировки — 11 января 1943 года, окончание транспортировки — 31 января 1943 г.

3. (Это наиболее важная часть документа) Из 45 тысяч евреев 30 тысяч из района Белостока, 10 тысяч из гетто в Терезиенштадте, из них 5 тысяч трудоспособных, которых вплоть до настоящего времени использовали на легких работах в гетто, а остальные 5 тысяч нетрудоспособных, и в это число должны быть включены евреи старше 60 лет.

В целях использования возможности уменьшить число заключенных, достигающее в настоящее время 48 тысяч человек, что исключительно велико для гетто, я требую предоставления специальных полномочий с тем, чтобы я мог заняться этим вопросом».

В самом конце этого абзаца:

«В 45 тысяч включены и нетрудоспособные (в том числе пожилые евреи и дети). Использование рациональной системы отбора прибывающих в Освенцим должно предоставить по меньшей мере 1015 тысяч трудоспособных лиц».

Этот официальный документ подкрепляется показаниями госпожи Вайян-Кутюрье, а также многочисленными другими показаниями по тому же вопросу, в соответствии с которыми из каждой партии, прибывавшей в Освенцим, производился тщательный отбор, и это не только было связано с желанием начальника лагеря в Освенциме, но и предписывалось приказаниями сверху, исходившими от самого имперского правительства».

С разрешения Трибунала мы продолжим представление материалов обвинения относительно организации и деятельности лагерей, о чем нами было сообщено на вечернем заседании, когда был представлен Трибуналу документ Р-91, частично оглашавшийся. Документ подтверждает, что нацисты преследовали двойную цель: 1) восполнить нехватку рабочей силы и 2) уничтожить тех, кто не был пригоден для использования на работах.

Представляю документ Ф-285, РФ-346, датированный 17 декабря 1942 г. и имеющий связь с тем документом, который был оглашен вчера. Далее, документ РФ-301:

«Равенсбрюк поставлял рабочую силу заводам Симменса, заводам в Чехословакии и мастерским в Ганновере».

Этот специально предпринятый маневр, как указал свидетель, позволял немцам сохранять в тайне производство некоторых видов вооружения, например, Фау-1 и Фау-2, о которых господин Балаховский показал нам следующее: «Заключенные не имели никакой связи с внешним миром. Использование насильственно угнанных в качестве рабочей силы позволило достигать такой производительности труда, которой не могли бы достигнуть, даже используя иностранных рабочих».

Французское обвинение представит теперь документ Р-129, РФ-348:

«Управление в концентрационном лагере всеми производственными работами осуществляется комендантом лагеря».

Пятый абзац:

«Комендант лагеря является единственным ответственным лицом за работы, выполняемые рабочими». Эта «работа» должна быть в буквальном смысле слова изнурительной, для того чтобы можно было достигнуть максимальной производительности труда.

Двумя абзацами ниже: «Рабочее время не должно ограничиваться. Продолжительность рабочего дня зависит от технической оснащенности лагеря, от количества подлежащей выполнению работы и устанавливается исключительно комендантом лагеря».

Наконец, последний абзац на странице 23:

«Комендант должен сочетать специальные познания в военной и хозяйственной областях с умением руководить человеческой массой, которую он должен держать в руках, чтобы добиться высокой производительности труда».

Этот документ подписан Полем и датирован 30 апреля 1942 г.

Переходим к оглашению документа ПС-1584, РФ-349. Этот документ подписан Герингом и адресован Гиммлеру. Из второго абзаца этого документа неоспоримо вытекает ответственность Геринга за преступное использование в качестве рабочей силы насильственно угнанных. Оглашаю второй абзац на второй странице:

«Дорогой Гиммлер, прошу Вас также предоставить в мое распоряжение для производства авиационного вооружения максимально возможное количество заключенных, поскольку вплоть до настоящего времени опыт показывает, что эта рабочая сила может быть использована весьма успешно. Обстановка, вызванная воздушной войной, делает необходимым создание подземных промышленных предприятий. Учитывая условия труда и проживания на таких предприятиях, следует считать, что они особенно хорошо приспособлены для заключенных».

Итак, мы знаем теперь, кто несет ответственность за те ужасающие условия, в которых находились заключенные в лагере Дора. Виновник этого сидит на скамье подсудимых.

Председатель: Дата этого документа?

Дюбост: 14 февраля 1944 года.

Что касается стремления уничтожить заключенных, о чем мы говорили в начале сегодняшнего заседания, то это устанавливается прежде всего документом за номером Р-91, РФ-347. Мы считаем, что это доказывается также и показаниями свидетелей, подтвердивших, что во всех лагерях, где они находились в заключении, проводилась одна и та же политика уничтожения заключенных посредством непосильного труда.

Что касается зверского уничтожения при помощи газа, то это доказывается, кроме всего прочего, также счетами

за поставки удушливых газов в лагеря Ораниенбург и Освенцим. Эти документы мы представляем Трибуналу за номером РФ-350, ПС-1553.

Свидетель госпожа Вайян-Кутюрье сообщила нам, что газы, которые должны были использоваться для уничтожения вшей и других паразитов, использовались также для уничтожения людей...

В Освенцим и Ораниенбург направлялось значительное количество ядовитых веществ в кристаллах. По одному из счетов от 30 апреля 1944 г. Трибунал установит, что было отправлено 832 кг кристаллического ядовитого вещества...

В документе Ф-321, РФ-331, говорится: «Единственное объяснение, которое эсэсовцы давали заключенным, это то, что ни один узник никогда не должен выйти из этого места живым».

Страница 179: «Эсэсовцы нам говорили: «Единственным выходом из лагеря является труба крематория».

Страница 174: «Умерщвление газом и кремация. Главной задачей этого лагеря являлось уничтожение возможно большего числа людей; он назывался... «лагерем уничтожения».

Уничтожение, истребление заключенных производилось двумя различными способами. Один способ—постепенное умерщвление, другой—быстрое и более зверское. Во второй книге докуметов мы находим отчет британской парламентской делегации от апреля 1945 года, из которого огласим следующую выдержку на странице 30 документа РФ-351:

«Мы, тем не менее, в заключение намереваемся заявить, что, по нашему единодушному и глубокому убеждению, основанному на веских доказательствах, в лагере Бухенвальд в течение длительного времени проводилась политика, направленная на создание обстановки систематического голода и бесчеловечной жестокости, а также что подобные лагеря свидетельствуют о том, что в данном случае был достигнут наивысший предел человеческой деградации».

В докладе комитета, созданного генералом Эйзенхауэром под руководством шефа комитета начальников штабов Джорджа Маршалла, Конгрессу Соединенных Штатов по вопросу о зверствах и условиях существования в концентрационных лагерях в Германии на странице 31 документа РФ-352 говорится:

«Целью, которая преследовалась в этом лагере, было уничтожение. Средства уничтожения: голод, побои, пытки, скученность, болезни. Все это усугублялось тем, что заключенных принуждали работать на военном заводе, который был расположен поблизости от лагеря и на котором производили легкое оружие, винтовки».

Для достижения систематического уничтожения применялись разнообразные средства. Мы представляем документы, которые являются печатными инструкциями, издан-

ными в Освенциме. Они устанавливают, какое количество ударов можно было наносить заключенным.

Вся лагерная система вела к тому, чтобы осуществлять непрерывное уничтожение находившихся там в заключении людей. Все лагеря были расположены в местностях с суровым климатом. Во многих из них люди работали под землей. В свидетельских показаниях, которые были заслушаны вами, освещены условия жизни в этих лагерях, начиная с момента прибытия заключенных, когда их целыми часами оставляли совершенно раздетыми в ожидании составления списков или вытатуирования номеров. Все это содействовало быстрой смерти людей, попадавших в лагеря. Значительное число заключенных подвергалось еще более тяжелому режиму, описание которого уже было дано Трибуналу американским обвинением при представлении документов США-243 и последующих, относящихся к бесчеловечному «Нахт унд Небель».

Мы не считаем необходимым снова возвращаться к описанию этого режима. Мы лишь представляем новый документ, который показывает, насколько суров был так называемый режим «НН», применяемый по отношению к нашим соотечественникам. Это второй документ первой книги документов под номером Ф-278 (в), РФ-326. Он исходит от немецкой комиссии по перемирию в Висбадене и показывает, что, несмотря на повторные протесты со стороны французского населения и даже со стороны вишистских властей против той тайны, которая окружала заключенных «НН», никаких мер принято не было.

В этом документе объясняется, почему не следует давать ответа на запросы со стороны встревоженных семей заключенных. Оказывается, этого хотел фюрер. По его мнению, усмирение населения и прекращение «преступных» действий против оккупационных властей могло быть достигнуто казнями или такими мерами, при которых родственники заключенного и все население будут оставаться в полном неведении относительно участи заключенных.

Мы не будем дальше задерживаться на описании лагерных бараков и санитарных условий в бараках. Четыре свидетеля, которые содержались в различных лагерях, сообщили вам, что в различных лагерях были одинаковые антисанитарные условия и что повсюду в бараках была чрезвычайная скученность. Мы знаем, что повсюду не хватало воды, что повсюду заключенные спали по два-три человека на нарах шириной в 75—80 см. Нам известно, что никогда не сменялось белье и что оно находилось в очень плохом состоянии. Нам известно также, какова была медицинская помощь в лагерях. Несколько свидетелей-врачей давали показания Трибуналу. Подтверждение их показаниям Трибунал найдет в документе Ф-121, РФ-354, на странице 98 второй книги документов.

Огласим последнюю строку страницы 100 вашей книги документов:

«Из-за отсутствия воды заключенным, чтобы утолить жажду, приходилось пить гнилую воду из уборных».

О медицинской помощи свидетельствует документ Ф-321, РФ-331:

«Хирургическая помощь оказывалась немцем, который выдавал себя за берлинского врача. Он отбывал наказание за уголовное преступление. При каждой операции он убивал пациентов».

И далее, через два абзаца: «Бараком заведовали два немца, которые выполняли функции санитаров; эти лишенные совести люди тут же производили хирургические операции с помощью некоего Хаша, по профессии каменщика».

После показаний, данных нашими свидетелями, которые, будучи медицинскими работниками, могли оказывать медицинскую помощь в лазаретах лагеря, представляется излишним продолжать цитирование этих документов.

Когда люди доходили до полного изнеможения от работы и не могли уже восстановить свои силы, производился отбор, и тех, кого нельзя было дальше использовать, уничтожали в газовых камерах, о чем говорила здесь первая свидетельница госпожа Вайян-Кутюрье, или же путем уколов в сердце, как показывали два французских свидетеля — врачи Дюпон и Балаховский.

Эта система отбора практиковалась во всех лагерях и проводилась на основании общих инструкций, что доказано нами с помощью документа Р-91, РФ-347.

В первой книге документов Трибунал обнаружит письменное свидетельское показание доктора Блаха, который, как вероятно помнит Трибунал, был допрошен здесь 9 января. Его показание является шестым документом за номером ПС-3249.

Ко всем этим жалким условиям существования прибавлялась еще изнурительная работа заключенных, используемых на самых тяжелых работах. Мы знаем, что они работали в рабочих партиях и на заводах. Мы знаем также из показаний свидетелей, что продолжительность рабочего дня достигала 12 часов и более.

Свидетели говорили нам о том, что люди работали в воде, в грязи, на подземных заводах, например, в Дора или в каменоломнях в Маутхаузене.

Помимо этой изнурительной работы, заключенные подвергались зверскому обращению со стороны эсэсовцев и «капо», которые их избивали, травили собаками.

Документ Ф-274, РФ-301, дает нам официальное подтверждение этим фактам.

На страницах 77 и 87 этого документа говорится о том, что все заключенные, будучи в самых антисанитарных условиях и независимо от состояния здоровья, принуждались к выполнению работ. Для заключенных не существовало карантина даже во время больших эпидемий.

Французский документ Ф-392, РФ-330, является свидетельским показанием доктора Штейнберга, которое подтверждает показание Вайян-Кутюрье.

«Утром мы получали пол-литра жидкой похлебки. Во время умывания надзиратель, стоявший у дверей, подгонял нас дубинкой. Отсутствие элементарных санитарных условий вызвало эпидемию тифа».

Пятый абзац: «Нас снабдили деревянными башмаками, и через несколько дней ноги покрылись ранами, которые вызывали флегмону. Во многих случаях это кончалось смертью».

Председатель: *Господин Дюбост!*

Трибунал рассмотрел вопрос о доказательствах, которые Вы представили о концлагерях, и придерживается такого мнения, что на данной стадии Вы представили достаточно доказательств вины подсудимых. Если подсудимые будут пытаться опровергать эти доказательства, то Вы, согласно пункту «е» статьи 24 Устава, имеете право представить дополнительные подтверждающие обвинение доказательства, если Трибунал найдет возможным принять их. Поэтому Трибунал считает, что не в интересах процесса, который по Уставу должен вестись так быстро, как это возможно, представлять дальнейшие доказательства по вопросу о концентрационных лагерях на данной стадии процесса, если подобные доказательства не являются какими-либо особо новыми материалами, на которые Вы еще не обращали нашего внимания. Если такие материалы имеются, то мы хотели бы, чтобы Вы их подробно охарактеризовали, прежде чем представить их Суду.

Дюбост: *Я благодарю Трибунал за вынесенное им решение. Я не скрою, что прежде чем я уточню, на каких именно вопросах следует особо остановиться, мне потребуется несколько минут...*

Председатель: *Господин Дюбост, возможно Вы могли бы в течение перерыва решить, имеются ли какие-либо особые новые пункты по вопросу о концентрационных лагерях, а пока перейти к другому вопросу?*

Дюбост: *Я считаю предварительно доказанным, что Германия в лагерях для интернированных и в концлагерях проводила политику, преследующую цель уничтожения своих противников и в то же самое время создания режима террора, который она использовала для того, чтобы содействовать достижению своих политических целей...*

Сражавшиеся патриоты не были единственными жертвами этой террористической политики, даже их семьи подвергались преследованиям. Репрессиями угрожали их родственникам, и эти угрозы приводились в исполнение.

Мы предъявляем документ ПС-719, РФ-406. Этот документ Трибунал обнаружит на странице 147 представленной нами книги документов.

Это копия телеграммы из германского посольства в МИД Германии, в которой посол сообщает о разговоре представителей Виши с Лавалем.

Автор этой записки (вероятно, Абец) объясняет, что Буске, с которым был Лаваль во время этого разговора, заявил, что ему совершенно ничего не известно о недавнем побеге брата Жиро.

«Госпожа Жиро, трое его дочерей, другой брат генерала и его невестка, кажется, находятся в лагере Валь-ле-Бен.

Я ответил, что эта мера является недостаточной и что ему не следовало бы удивляться, если в один прекрасный день полиция примет более строгие меры, учитывая, что французская полиция проявила несостоятельность в ряде случаев».

Угроза была приведена в исполнение. Мне сообщали уже, что семья генерала Жиро была угнана...

Все они были невиновны и не принимали участия в организации побега Жиро, но были наказаны за побег.

Я уже неоднократно показывал, что в стремлении создать царство террора немцы использовали средства, которые возмущают сознание честных людей. Одним из этих отталкивающих средств был призыв к доносу.

В документе Ф-278(в) на странице 152, предъявляемом под номером РФ-408, воспроизводится приказ от 20 сентября 1941 г., который являлся столь откровенным нарушением международного права, что это даже привело в беспокойство имперское министерство иностранных дел.

Этот приказ предписывает:

«Если кому-либо станет известно, что оружие находится во владении или хранится лицами, не имеющими на то разрешения, следует в обязательном порядке делать заявления об этом в ближайшее бюро по приему оружия».

Министерство иностранных дел, 29 июня 1942 г., выступило против проекта ответа на французскую ноту, которой в настоящее время в нашем распоряжении нет, но которая является протестом в ответ на упомянутый приказ от 27 декабря 1941 г.

Во втором абзаце проекта немецкой ноты вкратце изложены аргументы французского протеста. Французы, видимо, писали, что если бы французы оккупировали какую-либо германскую территорию, они, безусловно, сочли бы бесчестным любого немца, который выдал бы оккупационным властям нарушителя изданных ими приказов, причем эта позиция была принята германским министерством иностранных дел.

Далее в проекте ноты говорится:

«Основываясь на упомянутых соображениях, министерство иностранных дел считает спорным указание наказывать лиц, не заявивших о владельцах оружия. Предписание о наложении наказания, сделанное в столь общей форме, тем более нецелесообразно, что дало бы возможность французам заявить, что германская армия требует от них

действий, которые сама расценивала бы как преступные в том случае, если бы они были совершены немцами».

Я повторяю, что этот проект ноты подготовлен в германском министерстве иностранных дел и подписан Штраком.

Не существует более сурового осуждения германской армии, чем то, которое исходило от самого министерства иностранных дел Германии.

Представители гитлеровской армии выразили свое отношение к ноте так:

«Берлин. 8 декабря 1942 г. Верховное командование германских вооруженных сил.

Верховное командование германских вооруженных сил считает:

Не представляется необходимым открывать дискуссии с французским правительством по вопросу о праве, на которое оно ссылается. Вследствие этого мы также считаем, что не следует отвечать на французскую ноту».

Этот ответ к тому же начинается с утверждения, что любое смягчение отданных приказов будет рассматриваться во Франции и Бельгии как признак слабости.

То, что германская армия причинила оккупированным странам Западной Европы, не явилось признаком ее слабости. Она показала себя как армия, осуществлявшая террор, она создала царство террора во всех наших странах, и это она делала для того, чтобы представить возможность развиваться политике уничтожения побежденных народов, что по представлению всех нацистских руководителей, оставалось главной, вернее, единственной целью настоящей войны.

Эта террористическая политика, с примерами которой Трибунал только что ознакомился, в частности, в вопросе о репрессиях в связи с нападением наших внутренних сил на силы противника, эта политика проводилась без всякой военной необходимости во всех странах Запада. Совершенные врагом опустошения весьма многочисленны. Мы ограничиваем изложение наших материалов описанием разрушения Роттердама, которое было произведено уже после того, как город капитулировал и оставалось лишь определить условия капитуляции. Во-вторых, мы хотим дать описание затопления, произведенного германской армией без какой бы то ни было военной необходимости, в 1945 году, накануне краха, когда уже стало ясно, что игра окончательно проиграна.

Мы избрали в качестве примера разрушение Роттердама потому, что это был первый террористический акт, совершенный Германией на Западе.

Мы останавливаемся на искусственно созданном наводнении потому, что без своих дамб, без пресной воды Голландия перестанет быть Голландией и прекращает существование в тот день, когда ее дамбы уничтожены.

Вот какова была реализация планов уничтожения противника, планов, которые были подготовлены Германией

задолго до их проведения в жизнь, о чем свидетельствуют слова Гитлера, которые я процитировал в начале изложения материалов по этому вопросу, планов, которые Германия осуществляла до самого последнего момента, свидетельством чего являются бессмысленные наводнения.

Мы предъявляем документ Ф-719, который Трибунал обнаружит на странице 38 находящейся перед нами второй книги документов, являющийся голландским отчетом относительно бомбардировки Роттердама и капитуляции голландской армии.

На страницах 38 — 39 находятся копии перевода документов, которыми обменялись командующий германскими войсками, осаждавшими Роттердам, и полковник, командовавший голландскими войсками, защищавшими город.

На странице 40 имеется представленный капитаном инженерных войск Беккером доклад о событиях, происшедших в тот вечер, и последовавшем за ними пожаре в городе.

«В 10.30 германский парламентер явился с ультиматумом, который не был подписан и в котором не было никаких указаний на отправителя ультиматума, предлагавшего голландцам капитулировать до 24-х часов 30-го числа. Этот документ был отослан обратно полковником голландской армии, который потребовал, чтобы ему сообщили фамилию и воинское звание офицера, обратившегося с этим ультиматумом.

В 12.15 на линию германских войск явился капитан Беккер, который был принят германским офицером.

В 12.35 он вел с ним переговоры в закусочной.

Германский генерал написал условия капитуляции в ответном письме...

В 13.20 капитан Беккер отбыл из пункта, где происходили переговоры, с условиями капитуляции, на которые следовало дать ответ. Его сопровождали два германских офицера. Когда они находились в пути, над ним пролетали эскадрильи германских самолетов, сбрасывавшие светящиеся красные ракеты. Это происходило в 13.22 и в 13.25.

В 13.30 первые бомбы начали падать на Роттердам, и город был полностью сожжен».

Страница 41:

«Вступление германских войск должно было состояться в 18 ч. 50 м., оно произошло раньше назначенного срока, а именно в 18 ч. 20 м.».

Четвертый абзац:

«Позднее немцы заявили капитану Беккеру, что красные ракеты предназначались для того, чтобы избежать бомбардировки. Между тем управление самолетами по радио было бесперебойным. Капитан Беккер выразил свое удивление, что сигнал для предотвращения бомбардировки был передан с помощью ракет».

Затопление польдера в Верингермеер началось 9 и 10 апреля 1945 г. Трибунал обнаружит на странице 4 книги документов доказательство этого:

«В тот день германские военнослужащие появились на территории польдера, они отдавали приказания и выставили охрану у плотины».

«17 апреля 1945 г. в четверть первого они взорвали плотину так, что две части ее были разрушены таким образом, что они лишь едва возвышались над поверхностью Нисельмеер».

«О населении. Оно было поднято по тревоге ночью с 16 на 17 апреля» — то есть в тот момент, когда вода начала заливать польдер...

Сообщение, полученное мэром, о том, что в полдень, возможно, будет разрушена плотина, передавали в Верингермеере из дома в дом. Для эвакуации большого польдера, занимавшего около 20 тысяч гектаров, было предоставлено времени всего с 8 ч. 30 м. до 9 часов.

Телефонная связь полностью прервана, использовать автомобили было невозможно. Поэтому уведомлено было всего несколько человек и то лишь в 8 часов утра...

Срок, предоставленный населению для эвакуации, следовательно, был слишком коротким...

Утром 17 апреля, в день, когда произошла эта катастрофа, группы германских солдат начали грабежи. Эти солдаты прибыли из Вирингена. Все, что они не хотели грабить, они уничтожали...»

Этот польдер занимает площадь, равную половине всей затопленной территории Северной Голландии. Он был затоплен 17 апреля, то есть тогда, когда германская армия уже потерпела поражение.

Голландия прилагает усилия к тому, чтобы отвоевать этот польдер у воды. Ее мужество, усердие и энергия являются предметом нашего восхищения, но, тем не менее, ущерб, причиненный ей германской армией 17 апреля, колоссален.

Во всех странах Запада политика террора и политика уничтожения переплетались теснейшим образом.

Мы предъявляем документ С-45, РФ-410. Это приказ от 10 февраля 1944 года, который показывает нам, что, по мнению руководителей германской армии, карательные меры должны были осуществляться без учета каких бы то ни было соображений:

«Ответный огонь открывать немедленно, если при этом и погибнут невиновные, хотя это и вызывает сожаление, но виновниками в данном случае являются только террористы».

Эти строки подписаны офицером штаба германского военного командования в Бельгии и Северной Франции, и начальство ни разу не выразило ему своего неодобрения.

Предъявляемый под номером РФ-411 документ Ф-665 свидетельствует о том же:

«Производство розыска в находящихся под подозрением деревнях требует опыта. Следует обращаться к помощи частей СД и гестапо. Сообщников партизан следует разоблачать и хватать без всякой жалости...»

Этот документ датирован 6 мая 1944 г. и исходит от верховного командования германских вооруженных сил. Он изобличает не только генеральный штаб армии, но и управление по набору и использованию рабочей силы, то есть Заукеля, а также организацию Тодта, то есть Шпеера.

Действительно, в предпоследнем абзаце мы читаем:

«Настоящее указание имеет силу не только в отношении всего состава германских вооруженных сил, но и в отношении всех органов, действующих на оккупированных территориях, местных управлений по набору и использованию рабочей силы организации Тодта».

Эти приказы по замыслу были направлены на истребление невинного гражданского населения и проводились в жизнь со всей жестокостью путем постоянного сотрудничества германской армии, СС, СД и ЗИПО, действия которых вызывали у населения всех стран Запада одинаковое отвращение и осуждение.

В дневнике боевых действий генерала Бродовского, уже предъявленном Трибуналу сегодня утром под номером РФ-405, Вы найдете слова о том, что были проведены карательные операции. «Одна из них была предпринята в юго-западном районе департамента Дордонь у Лалинда».

И далее в записи от 14 июня 1944 г. говорится о разрушении Орадур-сюр-Глан. В дальнейшем я возвращусь к вопросу о разрушении этого французского города, а сейчас цитирую:

«Было расстреляно 600 человек. — Пишет генерал Бродовский. — Все мужское население Орадура было расстреляно. Женщины и дети укрылись в церкви. Церковь была подожжена. В церкви были сложены снаряды. Все женщины и дети погибли».

Мы сообщим вам вскоре о результатах произведенного французами расследования, и Трибунал увидит, сколь лживо было описание разрушения Орадур-сюр-Глан, данное генералом Бродовским.

Читаю далее:

«Тюль, 9 июня 1944 г.

Террористы совершили нападения на казармы, занимаемые 13-й ротой 95-го охранного полка.

Сражение закончилось благодаря прибытию подкрепления — бронетанковой части из дивизии «Дас Рейх».

120 жителей Тюлля были расстреляны, 1000 — переданы в руки СД в Лиможе для производства расследования».

Мы приведем примеры террористической политики истребления в Голландии, Бельгии и других оккупированных странах Запада.

Вот еще один из тысячи примеров: массовая казнь в Пюттене (Голландия) 30 сентября 1944 г. О ней говорится в документе Ф-224, РФ-324.

30 сентября 1944 г. участниками голландского движения Сопротивления в Пюттене было совершено нападение на немецкий легковой автомобиль. Немцы решили, что деревня является пристанищем партизан, и отправили туда карательный отряд. Они обыскали дома и собрали население деревни в церкви.

Один немецкий офицер был ранен и взят в плен участниками Сопротивления. Немцы потребовали, чтобы офицера выдали в ближайшие 24 часа, и обещали, что в этом случае не будет предпринято никаких мер. Офицер был освобожден после того, как ему была оказана медицинская помощь солдатами голландского движения Сопротивления, которыми он был захвачен. Тем не менее, несмотря на данное обещание, в отношении населения деревни Пюттен были предприняты карательные меры.

Голландское правительство так описывает это событие:

«Собранному в церкви населению было сообщено, что все мужчины будут угнаны, а все женщины должны будут покинуть деревню, деревня же будет разрушена. Было сожжено 105 домов. Восемь человек, которые пытались спастись, в том числе и одна женщина, были убиты выстрелами из винтовок...

Мужчины были увезены в концентрационный лагерь в Амерсфорте. Среди них находилось много людей, которые случайно оказались в блокированной деревне, но уйти им не позволили. Из лагеря в Амерсфорте было отобрано около 50 человек, 12 — выпрыгнули в пути из поезда, и, наконец, 622 человека перегнали в лагерь Освенцим. Большинство из них умерло за первые два месяца пребывания там. Из 662 человек, которые были угнаны, после освобождения лагеря возвратилось лишь 32 человека из деревни Пюттен и 10 человек из других мест».

Относительно Бельгии мы сообщим лишь несколько фактов, о которых говорится в документе Ф-685, РФ-394.

В двух последних абзацах на странице 48 описывается убийство немцами, разыскивавшими солдат бельгийской подпольной армии, молодого человека, который спрятался в укрытии.

В Гервэ немцы стреляли в автомобиль, переполненный молодыми людьми, и убили двоих из них. В этот же день немцы, ехавшие в танке, убили нескольких лиц гражданского населения.

Далее описываются массовые казни представителей подпольной армии. Цитирую:

«По немцам стреляли. Тогда они форсировали Маас, сожгли 58 домов и убили 13 человек...»

В пяти следующих абзацах говорится о разрушениях, бессмысленных с военной точки зрения.

Перейдем к последнему абзацу: 3-го числа в Арендонке было убито 80 человек, 5 домов было сожжено. В Сент-Юбере 6-го числа было убито 3 человека и 4 дома сожжено. В Оди была планомерно разрушена деревня: 40 домов было разрушено и 16 человек было убито, в Марку-

ре 10 человек было расстреляно и 36 домов сожжено, в Неротерене было расстреляно 9-го числа 9 человек, в Ост-Хаме 10-го числа было расстреляно 5 человек, в Белен-Нете 11-го числа было расстреляно 10 человек.

На странице 50 дается описание незаконных изъятий, произведенных немцами в то время, когда фронт временно стабилизировался. В предпоследнем абзаце говорится о том, что когда немцы отступали перед английским авангардом из Эштеля, население вывесило флаги. Свежие германские части вынудили отойти английский авангард и провели карательные действия: расстреляли 31 жителя, сожгли 80 домов и произвели массовый грабеж.

В Эльштерне при таких же обстоятельствах было сожжено 34 дома и 10 человек было расстреляно. В Эренту имели место подобные же действия.

«Обстоятельства, при которых эти люди были казнены, — сообщается в докладе голландского правительства, — идентичны: немцы обыскивали подвалы, заставляли выходить оттуда людей, выстраивали их в ряд на дороге и, приказав бежать, стреляли по ним. В то же время они бросали в подвалы гранаты, раня женщин и детей, которые в них находились».

Последний абзац: «Неожиданно возвратившись в деревню Ломель, немцы установили, что она разукрашена флагами. Один из немцев обнаружил 17 человек, спрятавшихся в укрытии. Он дал сигнал об этом экипажу танка, танк двинулся на укрытие и производил на укрытии развороты до тех пор, пока оно не обрушилось и не погребло под собой 12 человек».

О Норвегии мы предъявляем выдержки из представленного документа РФ-326:

«13 апреля 1940 г. две женщины в возрасте шестидесяти лет были расстреляны в Рейнгейке. 15 апреля четыре гражданских лица, из которых двое — подростки по 15—16 лет, были расстреляны в Адале. Один из них был убит выстрелом в голову и ударами штыка в живот. 19 апреля четыре гражданских лица, среди которых две женщины и маленький мальчик трех лет, были расстреляны в Рингерике...

В качестве мести за смерть двух германских полицейских, которые были убиты 26 апреля 1942 г. в Телеваге, этот населенный пункт, то есть более девяносто хозяйств с 334 постройками, был полностью разрушен. Был причинен ущерб в 4200 тысяч крон».

На странице 52 Трибунал обнаружит продолжение описания германских злодеяний, совершенных в Норвегии без всякой военной необходимости и вызванных одним лишь стремлением поддерживать атмосферу террора.

Массовые расправы и разрушения во Франции были весьма многочисленны и не вызывались никакой военной необходимостью. Все они тесно переплетались между собой. Мы предъявляем под номером РФ-412 документ Ф-243. Трибунал обнаружит его на странице 178 предъяв-

ленной ему книги документов. Это длинный перечень, составленный французским управлением по расследованию военных преступлений во Франции, в котором указаны разрушенные и ограбленные без всякой военной необходимости населенные пункты. Этот перечень занимает четырнадцать страниц книги документов, предъявленной Трибуналу. Чтение этого документа является достаточным для того, чтобы Трибунал составил себе ясное представление о происходившем.

Мы дадим лишь несколько примеров.

Предъявив документ Ф-909, РФ-413, мы рассчитываем с его помощью изложить обстоятельства, при которых был разрушен в Марселе целый жилой квартал. Это сообщается на страницах 56, 57, 58 книги документов, которая лежит перед Трибуналом.

Считают, что около 20 тысяч человек было угнано. Этот угон проводился на основании приказа от 23 января и имел место ночью с 23-го по 24-е число без предварительного уведомления. Я цитирую:

«Считают, что было угнано около 20 тысяч человек. Некоторые лица, проживающие в Фрежюсе, были высланы в концентрационный лагерь в Компьене...

Операции по разрушению начались около 9 часов утра 1 февраля. Они осуществлялись германскими инженерными войсками.

Площадь разрушенной территории равняется 14 гектарам, и на ней было около 1200 строений».

Было произведено расследование для установления виновников этих разрушений. После освобождения Марселя был допрошен фон Шпигель, германский консул в Марселе. Его показания включены в документ Ф-908, РФ-414.

Шпигель показал:

«Мне известно, что спустя некоторое время после выселения жителей Вье Порта пронесся слух, что это мероприятие было вызвано интересами финансового порядка. Я могу утверждать перед вами, что, по моему мнению, это предложение ошибочно. Приказ пришел из высших органов имперского правительства, в нем указывались следующие мотивы: обеспечение безопасности войск и ликвидация угрозы эпидемии».

Мы не намереваемся давать полное описание деяний, совершенных немцами. Мы дадим лишь несколько показательных примеров.

Документ Ф-600, который мы предъявляем под номером РФ-415. «В городе Ои департамента Эн один гражданин хотел дать выпить сидра американскому солдату. Возвратились немцы. Американский солдат и господин Эннебер были замечены немцами в месте, которое называлось «Черная гора», находящееся в деревне Ориеньи-Эн-Тиераш, где и был впоследствии обнаружен труп господина Эннебера, который был спрятан в куче хвороста. На трупе были следы от двух ударов штыком в спину...»

В Ланье, находящемся в департаменте Эн, документ Ф-604, РФ-416, «один гражданин был убит в своем винограднике. Молодые люди и девушки были убиты на дороге».

Основанием для убийств послужило якобы «...наличие «маки» в этом районе». Все жертвы ни в чем не были повинны.

В Кюло, документ Ф-904, который мы предъявляем под номером РФ-417, «...двое молодых людей были арестованы потому, что побежали, завидев немцев... Ни один из них не принадлежал к движению Сопротивления».

В Сен-Жан-де-Морьенн, это документ Ф-906, «23 августа одетые в гражданское платье жандармы Шаван и Эмперер были арестованы германскими солдатами без каких-либо законных оснований. Начальник комендатуры — лейтенант — обещал офицеру из жандармерии освободить этих людей. Этот германский комендант приказал своим людям позднее тайно расстрелять арестованных...

1 сентября мадемуазель Люси Перо, 21 года, служанка в кафе Дентру, была изнасилована германским солдатом, угрожавшим ей револьвером».

Я больше не стану перечислять зверства, которые излагаются вплоть до страницы 68 предъявленной вам книги документов.

Я подошел к событиям в Веркоре. Бесспорно, в этом районе были собраны значительные силы армии Сопротивления. Но в документе Ф-611, который мы предъявляем под номером РФ-419, перечисляются зверства в отношении невиновного населения этого района, совершенные в качестве репрессии за то, что в этом районе находились «маки».

«Операции полиции в районе Сен-Дона 15 июля: насилия, грабежи; 8 июля казнь в Порт-ле-Валенс 30 заложников, взятых из числа политических заключенных из фор-Монтлюка в Лионе; с 25 июля по 5 августа 1944 г. операции полиции против «маки», находившихся в Веркоре; насилия и грабежи в районе Креста, Сажана и Ди. Бомбардировка с воздуха многочисленных деревень в Веркоре, особенно деревень Ля-Шапель и Васье-Эн-Веркор. Массовые казни жителей этих населенных пунктов. Грабежи.

После короткого суда в Сен-Назер-Эн-Ройан было казнено 100 молодых людей, 300 других было угнано из этого района в Германию, умерщвлено 50 тяжело раненных в гроте Ля Люир...

15 июня 1944 г. при налете германских войск на деревню Сен-Дона 54 женщины и девушки в возрасте от 13 до 50 лет были изнасилованы разнузданными солдатами...»

Теперь я перехожу к страшным подробностям совершенных зверств во время бомбардировок и занятия немцами деревень.

«В большинстве случаев количество жертв из числа гражданского населения в результате этих бомбардировок было довольно велико, так как население, захваченное врасплох, не имело времени для того, чтобы укрыться...

В Кресте две женщины были изнасилованы... В Сайане три женщины были изнасилованы.

Девочка двенадцати лет была ранена. Ей привязали обе ноги к балке и в течение шести дней она ожидала смерти, не имея возможности ни сесть, ни встать и не получая никакой пищи. Все это происходило на глазах немцев, которые заняли деревню...

Для того чтобы терроризировать население Требордена в Бретани, были повешены невинные люди, а для того чтобы трупы кровоточили, они были искромсаны ножом».

В документе Ф-912, РФ-421, описано умерщвление 35 евреев в Сент-Аман-Монроне:

«Эти люди были арестованы и убиты гестаповцами и военнослужащими германских вооруженных сил выстрелами из револьверов в спину. Они не были виновны ни в одном преступлении».

А вот еще документ Ф-913, РФ-422: «8 апреля 1944 г. германские военные из гестапо арестовали юношу Андрэ Бессидона, 18 лет, проживавшего в Байне. Его брат был «маки». Зверски изуродованный труп этого молодого человека был обнаружен в Сьеже (Юра) 11 апреля 1944 г.: нос и язык были отрезаны, на всем теле были следы ударов ножом и порезы на ногах. Одновременно с Бессидоном в Сьеже было обнаружено еще четверо других молодых людей, которые были так изуродованы, что их невозможно было опознать. На них не было следов пуль, что ясно указывает на то, что они умерли в результате зверского обращения».

Я перехожу к документу Ф-615, РФ-423, — описанию разрушения деревни Серизей (Де-Севр).

«Пожар не вызвал несчастных случаев, но в это время сгорели трупы двоих людей, убитых германским отрядом, а также трупы двух жертв бомбардировки. Деревня была разрушена огнем из орудий: 172 строения и 559 повреждено...»

В документе Ф-616, РФ-425, описываются операции германской армии в районе Ниццы, начиная примерно с 20 июля 1944 г.:

«После того, как отряд, находившийся под постоянным командованием эсэсовцев, подвергся нападению нескольких местных отрядов «маки», этот отряд направился к ферме, на которой укрывались двое французов — участников движения Сопротивления, и предпринял там карательные действия: были схвачены муж и жена — владельцы указанной фермы, и после многочисленных зверских пыток, ударов, насилия и т. д. они были застрелены выстрелами из автомата, затем был схвачен их сын, которому было только три года. После жесточайших пыток он был распят на двери фермы...»

Я перехожу к документу Ф-914, РФ-426. Это пространное описание убийств, совершенных немцами без всяких на то оснований на улице Троншэ в Лионе:

«Без предварительного уведомления, не попытавшись проверить действительное положение вещей и при удобной возможности захватить действительных виновников совершенного акта, солдаты открыли огонь; ряд лиц из гражданского населения — мужчин, женщин и детей — остались на земле, а легко раненные поспешно рассеялись...»

В документе Ф-607, РФ-428, говорится о грабежах, насилиях и поджогах, которые были совершены в Сайане в июле и августе 1944 года...

Перехожу, далее, к документу Ф-608, РФ-429: один человек был сожжен заживо во время карательной экспедиции. Он был невиновен.

Я предъявляю документ Ф-610, РФ-430, в котором говорилось, что «весь район Басье в Веркоре опустошен». Этот документ является отчетом Красного Креста, составленным перед освобождением.

«Мы обнаружили на одной ферме раненого восемью пулями при следующих обстоятельствах: немцы заставили его поджечь собственный дом и хотели помешать ему выйти из огня, стреляя в него из револьвера. Но, несмотря на ранения, ему чудом удалось спастись».

Далее, документ Ф-618, РФ-431.

«Прежде чем эти лица были расстреляны, их подвергли пыткам. Одному из них — господину Франциску Дюперье — сломали руку и разбили в кровь лицо, другому — господину Фьеру Плате — воткнули в живот кол, кроме того, ему раздробили челюсть».

Мы предъявляем документ Ф-605, РФ-432. В этом документе говорится о поджоге поселка Плэн близ Мутье (Савойя): «Две женщины: госпожа Ив Романэ, 72 лет, и ее дочь Марта, 41 года, сгорели в небольшом помещении, где они укрылись. Один мужчина, господин Шарва, после того как был ранен в ногу пулей, укрылся в том же помещении, он также сгорел».

Мы предъявляем теперь документ Ф-298, РФ-433. В этом документе говорится о разрушении Майя (департамент Эндр-и-Луара). Эта местность была полностью разрушена 25 августа 1944 г., и значительное число жителей было убито или тяжело ранено. Эти разрушения и эти преступления не были мотивированы никакими террористическими действиями, никакими действиями французских вооруженных сил...

Я обращусь к документу Ф-907, РФ-434. В этом документе описываются события, которые происходили при совершении немцами преступлений в Монпеза-де-Кэрси. Первая часть документа — письмо, адресованное французской комиссией по перемирию и взятое из архивов германской комиссии по перемирию в Висбадене: «В ночь с 6 на 7 июня, в связи с операцией в районе Монпеза

де-Кэрси, германские войска сожгли четыре фермы, составлявшие поселок Пэрш. Трое мужчин, две женщины и двое детей в возрасте 4 и 14 лет заживо сгорели, а две женщины и ребенок 10 лет бесследно исчезли; вероятно, их постигла та же участь...

В субботу 10 июня двое дезертиров открыли стрельбу по германским солдатам, последние застрелили этих людей и, кроме того, без всяких причин истребили всех жителей деревни, которых смогли обнаружить. Всего было убито таким образом 7 мужчин, 6 женщин и 14 детей. Большая часть из них была убита в постели, поскольку все это происходило ранним утром».

10 июня около 19 часов пять германских военных самолетов в течение 30 минут подвергали атакам деревню Тарб, сбрасывая бомбы и ведя огонь из пулеметов. Были разрушены многие постройки, в том числе здание управления мостов и дорог и здание инспекции. Было убито 7 и ранено 12 жителей этой деревни...

Мы предъявляем теперь документ Ф-190, РФ-435, в котором говорится о преступлениях, совершенных в Аске германской войсковой частью, которая в качестве репрессий за разрушение железной дороги убила 77 человек, самых различных по положению и возрасту, среди которых находились коммерсанты, железнодорожные служащие, промышленники и рабочие.

Это массовое убийство явилось основанием для возбуждения французским правительством протеста, на который бывший в то время главнокомандующим Рунштедт ответил 3 мая 1944 г.

Документ Ф-673, который уже был нами предъявлен под номером РФ-392, является ответом этого высокопоставленного офицера германской армии:

«Население Аска несет ответственность в результате своего предательского поведения, за которое я могу лишь сурово карать».

Генерал Берар, глава французской делегации при германской комиссии по перемирию, не счел себя удовлетворенным ответом Рунштедта и 21 июня 1944 г. повторно возбудил французский протест, направив его на этот раз главе германской комиссии по перемирию генералу Фогелю.

«В общей сложности с 1 октября 1943 г. по 1 мая 1944 г. более 1200 человек явились жертвами репрессивных мер... Эти меры, направленные против невинных, внушают ужас французскому населению...

Значительное число указанных действий было совершено в ходе карательных экспедиций, направленных против населения, которое обвиняли в связи с «маки». В этих операциях никогда не проявлялось стремления установить, были ли лица, подозреваемые в оказании помощи нарушителям, действительно виновны и, тем более, не проявлялось стремления установить, участвовали эти лица по принуждению или по собственной воле, и, в связи с этим,

сделать разграничение. Поэтому неизбежно, что общее число ни в чем не повинных лиц, которых казнили, было исключительно велико...

Карательные действия в Дордони с 26 марта по 3 апреля 1944 г. и особенно скорбное происшествие в Аске, которые вызвали вмешательство французского правительства, являются наиболее мрачными примерами. В частности, в Аске 86 ни в чем не повинных людей заплатили жизнью за покушение, которое, судя по полученным мною сведениям, не привело к смерти ни одного германского солдата.

Подобные акты могут лишь способствовать развитию бунтарских настроений, в которых заинтересованы только враги Германии».

Ответ комиссии по перемирию находится в документе Ф-707, РФ-436. В нем отклоняется протест генерала Берара. Этот документ лежит перед Трибуналом, и я не считаю необходимым его оглашать.

В конце своего протеста генерал Берар писал:

«Противник, который сдается, не может быть убит, даже если он является «вольным стрелком» или шпионом. Последние должны понести заслуженное наказание на основании решения трибунала, который действует в соответствии с положениями германского внутреннего законодательства».

Мы предъявляем документ Ф-706, РФ-437, который является французской нотой германскому генералу. В ней выражен протест против разрушений, произведенных немецкими войсками в Шодебоне и Шавроше. Я не оглашаю этого документа. Трибунал может принять его без доказывания. Остановлюсь лишь на отдельных фактах уничтожения людей. Это событие в Тюле, где было повешено 120 французов. Документ Ф-673, РФ-392.

«Жертвы были избраны без проведения расследования, даже без допроса, как попало: рабочие, студенты, профессора, промышленники, среди них были даже лица, симпатизировавшие фашистской милиции, и даже кандидаты в войска СС. 120 трупов, висевших на протяжении 500 метров на балконах и фонарях авеню Де-ля-Гар, представляли страшное зрелище, которое надолго останется в памяти несчастного населения города Тюля».

Мы подошли к вершине, которой достигли немцы в своих зверствах — к разрушению Орадур-сюр-Глан в июне 1944 года.

Мы надеемся, что Трибунал примет предъявляемый документ Ф-236, РФ-438. Имеется в виду официальный текст, изданный французским правительством, в котором полностью излагаются события. Я дам общий анализ доклада, который существовавшее в то время правительство де-факто адресовало германскому генералу — главнокомандующему районов Запада:

«В субботу, 10 июня, в начале второй половины дня, соединение СС, принадлежавшее, по всей вероятности, к дивизии «Дас Рейх», появилось в указанном районе, и, предварительно полностью окружив деревню, ворвалось в нее. Населению было приказано собраться на центральной площади. Затем было сообщено, что в доносе было указано, что в деревне спрятаны взрывчатые вещества, и в связи с этим будут произведены обыски и проверка удостоверений личности. Мужчинам было предложено собраться по 4—5 человек, после чего каждую группу заперли в сарае. Женщин и детей отвели в церковь и заперли. Было около 14 часов. Немного спустя стали раздаваться выстрелы из автоматов, и вся деревня, а также прилежащие к ней фермы были подожжены. Дома поджигали один за другим. Эта операция длилась несколько часов.

В это время женщины и дети, находившиеся в церкви, были охвачены страхом, слыша шум пламени и стрельбу. В 17 часов германские солдаты проникли в церковь и оставили на алтаре прибор, вырабатывающий удушающее вещество. Этот прибор имел форму коробки, из которой выходили наружу подожженные фитили. Немного спустя воздух стал таким, что невозможно было дышать. Тогда кому-то удалось выломать дверь в молельню, что позволило прийти в себя женщинам и детям, которые находились на грани отравления. После этого германские солдаты начали стрелять через окна церкви. Затем они вошли внутрь, чтобы прикончить из автоматов последних, остававшихся в живых людей... Лишь одной женщине удалось ускользнуть. Она взобралась на окно, чтобы бежать через него. Крики одной из матерей, которая хотела передать ей своего ребенка, привлекли внимание часового, он выстрелил в беглянку и тяжело ранил ее. Ей удалось спастись лишь благодаря тому, что она притворилась мертвой. Впоследствии ее вылечили в госпитале в Лиможе.

Около 18 часов германские солдаты остановили проходивший поблизости поезд и, высадив из него всех пассажиров, ехавших в Орадур-сюр-Глан, расстреляли их, после чего бросили их трупы в огонь. Поздно вечером и на следующий день, в воскресенье утром, жители соседних поселков, встревоженные пожаром или испуганные отсутствием своих детей, ушедших в школу в Орадур-сюр-Глан, пытались приблизиться к нему, но они были либо расстреляны, либо отогнаны германскими часовыми, охраняющими выходы из деревни. Тем не менее, во второй половине дня в воскресенье нескольким людям удалось проникнуть в руины и установить, что церковь была наполнена скорчившимися и обугленными телами женщин и детей.

Одному свидетелю, которому можно полностью доверять, удалось увидеть у входа в церковь труп матери, державшей на руках ребенка, коленопреклоненный труп

маленького ребенка у алтаря и два соединившихся вместе трупа детей около исповедальни.

В ночь с воскресенья на понедельник немцы возвратились и попытались уничтожить следы акции, приступив к массовому захоронению женщин и детей около церкви. Известие об этой трагедии начало распространяться в Лиможе днем 11 июня. Вечером начальник штаба связи отказался удовлетворить ходатайство местного префекта выдать ему пропуск, чтобы он смог совершить поездку по вверенному ему району. Только префекту Рошешаура удалось отправиться в Орадур и на следующий день представить отчет своему начальнику, в котором было указано, что от деревни в 85 домов остались руины, а большая часть населения, в том числе женщины и дети, погибли.

Во вторник, 13 июня, местный префект получил, наконец, разрешение передвигаться по своему району и отправиться на место происшествия в сопровождении супрефекта и епископа Лиможа. Большая часть церкви была разрушена, и в ней находились еще обугленные останки детских трупов. Остатки костей были смешаны с древесным пеплом. По полу были рассыпаны гильзы с фабричным знаком «СТК-АМ», и на стенах остались на высоте человеческого роста многочисленные следы от пуль.

Снаружи была свежевырытая земля и лежали собранные, наполовину сгоревшие остатки детской одежды. В том месте, где находились сараи, валялась груда совершенно обуглившихся человеческих тел. Она была частично прикрыта различными предметами и создавала зрелище чудовищной бойни».

Три последних абзаца: «Хотя и нельзя точно определить число жертв, по приблизительным подсчетам его можно считать равным 800—1000 погибших, в том числе и большого количества детей, многие из которых были эвакуированы сюда из районов, подвергавшихся бомбардировкам. Полагают, что из всех жителей деревни, находившихся в ней в начале второй половины дня 10 июня, в живых осталось не более десяти человек».

Таковы факты.

Позже было произведено расследование. Результаты его вкратце изложены в только что предъявленной нами книге. Им было установлено, что ни один из представителей французских внутренних вооруженных сил не находился в деревне, как не находился и в районе ее на расстоянии многих километров. Было установлено также, что действия, явившиеся причиной массовой казни в Орадур-сюр-Глан, были совершены далеко от него. Было установлено, что часть, совершившая это преступление, мстила за покушение, совершенное более чем в 50 километрах от Орадура.

Командованием германской армии был отдан приказ произвести судебное следствие. Это подтверждается документом Ф-678. Из этого документа, датированного 4 января 1945 г., явствует, что к тому времени в этой местности или, по крайней мере, в районе Орадур-сюр-Глан не оставалось ни одного немца. Согласно версии, выдвинутой германскими властями, «репрессии представляются полностью оправданными соображениями военного порядка, к тому же военные командиры, ответственные за эти действия, пали во время боев в Нормандии».

«Репрессии представляются полностью оправданными соображениями военного порядка» — так, с точки зрения германской армии, было полностью оправдано преступление, изложение которого было мною дано в самых сдержанных тонах. Ответственность Кейтеля за все эти действия безусловна. В документе Ф-673 имеется указание за подписью Кейтеля, датированное 5 марта 1945 г., о казнях французских граждан без суда и следствия. Из этого указания Трибуналу станет ясно, как германская армия производила следствие после столь серьезных событий, которые имели место в Орадур-сюр-Глан, событий, которые необходимо было оправдать любой ценой...»

Документ Ф-673, РФ-392, — сборник документов, находившихся у германской комиссии в Висбадене.

«Верховное командование германских вооруженных сил. Ставка Гитлера, 5 марта 1945 г. Лицо, излагающее вопрос: капитан Стерлиери. Секретно. Относительно так называемых смертных казней французских граждан без суда и следствия.

1. Германской комиссии по перемирию.

2. Командованию на Западе.

В августе 1944 года французская комиссия при германской комиссии по перемирию адресовала последней ноту, в которой дана полная картина событий, связанных с так называемыми произвольными казнями французов, имевшими место с 9 по 23 июня 1944 г.

Сведения, которые даются во французской ноте, в большинстве случаев столь точны, что проверка их с германской стороны, безусловно, возможна. 26 сентября 1944 г. верховное командование германских вооруженных сил поручило германской комиссии по перемирию ознакомиться с указанным происшествием. В связи с этим упомянутая комиссия потребовала у командования на Западе расследования событий и занятия определенной позиции в отношении фактов, изложенных во французской ноте.

12 февраля 1945 г. германская комиссия по перемирию получила от группы армий «Б» (от председателя военного трибунала этой группы) сообщение о том, что документы по этому делу находятся с ноября 1944 года у судьи при командовании 6-й танковой армии и что 2-я танковая

дивизия СС «Дас Рейх» и командование 6-й танковой армии вышли за это время из состава группы армий «Б».

В связи с тем, как было произведено расследование по настоящему делу, необходимо сделать следующие замечания:

Французы, а именно делегация правительства Виши предъявила германскому командованию серьезное обвинение в том, что осуществление ими многочисленных казней не было оправдано законом, а потому являлось убийством. В германских интересах ответить как можно скорее на это обвинение. После того, как прошло значительное время с момента вручения французской ноты, было бы возможно даже в ходе военных событий и при передвижениях войск, которые имеют отношение к указанным событиям, вычленить хотя бы часть этих обвинений и опровергнуть их с помощью рассмотренных фактов. Если хотя бы часть их была бы опровергнута, можно было бы показать французам, что вся совокупность их протестов основывается на данных, достоверность которых сомнительна. В связи с фактом, что с германской стороны не было ничего предпринято в отношении этого дела, у противной стороны сложится впечатление, что мы не в состоянии возразить на эти обвинения.

Изучение этого вопроса доказывает, что часто серьезно недооценивается важность противопоставления вражеской пропаганде и обвинениям в адрес германской армии незамедлительных опровержений совершавшихся якобы немцами зверств.

Настоящим германской комиссии по выполнению условий перемирия поручается продолжать расследование дел со всей необходимой для этого энергией.

Мы просим всех тех, кто имеет к нему отношение, оказать всю необходимую помощь. Особенно в том, что касается ускорения расследования. Тот факт, что командование 6-й танковой армии не входит более в ведение командования на Западе, не может явиться препятствием для получения необходимых сведений в целях освещения дела и опровержения французских упреков.

Кейтель».

Французская комиссия и правительство Виши, являвшееся в то время правительством де-факто, неоднократно указывали германскому правительству не только на злодеяния в Орадур-сюр-Глан, но и на многочисленные другие зверства.

В настоящем письме делается ссылка на предшествовавшие этой ноте французские протесты, которые были

частично оглашены перед Трибуналом в ходе рассмотрения излагаемого вопроса.

Из допроса свидетеля Е. БАХ-ЗЕЛЕВСКОГО[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 января 1946 г.

Председатель: *Повторите за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Тэйлор (представитель обвинения от США): *Вы были членом СС?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Какой последний чин у Вас был в СС?*

Бах-Зелевский: *Обергруппенфюрер СС и генерал полиции.*

Тэйлор: *Вы служили в армии во время войны 1914 — 1918 годов?*

Бах-Зелевский: *Да, я был с 1914 по 1918 год на фронте, был дважды ранен и получил железный крест 1-й и 2-й степени.*

Тэйлор: *Вы оставались в армии после конца прошлой войны?*

Бах-Зелевский: *Да, я оставался в армии.*

Тэйлор: *В течение какого времени Вы оставались в армии?*

Бах-Зелевский: *До 1924 года, когда я ушел в отставку.*

Тэйлор: *Скажите, Ваша военная карьера затем закончилась?*

Бах-Зелевский: *Нет, затем я был командиром батальона в пограничных войсках, после чего до начала похода в Польшу оставался в составе вооруженных сил Германии.*

Тэйлор: *Вы были членом нацистской партии?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *В каком году Вы вступили в нее?*

Бах-Зелевский: *В 1930 году.*

Тэйлор: *В какую организацию партии Вы вступили?*

Бах-Зелевский: *В общие части СС.*

Тэйлор: *Какова была Ваша деятельность в СС до начала войны?*

Бах-Зелевский: *Я создавал общие и пограничные части СС в районах Шнейдемюля и Франкфурта-на-Одере, после*

---

[1] IMT, vol. 4, p. 475—496.

чего с 1934 года был оберабшнитсфюрером в Восточной Пруссии и затем в Силезии.

Тейлор: *Вы были членом рейхстага в течение этого периода?*

Бах-Зелевский: *Да, я был депутатом рейхстага с 1932 года до конца.*

Тейлор: *Принимали ли Вы какое-либо активное участие в этой войне до начала кампании против Советского Союза?*

Бах-Зелевский: *Нет. До начала войны с Россией я не принимал участия в войне.*

Тейлор: *Какой пост Вы занимали, каковы были Ваши обязанности с начала войны?*

Бах-Зелевский: *В начале войны я был группенфюрером СС и генерал-лейтенантом.*

Тейлор: *Когда Вы были повышены в звании?*

Бах-Зелевский: *9 ноября 1941 г. я получил звание обергруппенфюрера и генерала полиции.*

Тэйлор: *Какой пост Вы занимали после начала войны с Советским Союзом?*

Бах-Зелевский: *После того как начался поход против России, я участвовал в нем как высший руководитель СС и полиции безопасности в тыловом районе группы армий «Центр».*

Тейлор: *Имелось ли такое должностное лицо СС в тыловом районе каждой группы армий?*

Бах-Зелевский: *Да, в каждой группе армий — «Север» и «Юг» — был такой высший руководитель СС и полиции безопасности.*

Тэйлор: *Кто был командующим группы армий «Центр»?*

Бах-Зелевский: *Командующим группы армий «Центр» был вначале генерал-фельдмаршал фон Бок, позднее — генерал-фельдмаршал Клюге.*

Тэйлор: *Кто был командующим вооруженными силами в тыловом районе группы армий «Центр»?*

Бах-Зелевский: *Генерал пехоты фон Шенкендорф.*

Тэйлор: *Он был непосредственно подчинен командующему группой армий?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Кто был Вашим непосредственным начальником по линии СС?*

Бах-Зелевский: *Генрих Гиммлер.*

Тейлор: *Кто был Вашим непосредственным начальником в тыловом районе группы армий?*

Бах-Зелевский: *Генерал фон Шенкендорф.*

Тэйлор: *Какова была Ваша основная задача в качестве высшего руководителя СС и полиции в России?*

Бах-Зелевский: *Моя основная деятельность заключалась в борьбе против партизан.*

Тэйлор: *Вам известна деятельность так называемых эйнзатцгрупп ?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Скажите, эти группы играли значительную роль в проведении крупных операций против партизан.*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Тэйлор: *Какова была основная задача эйнзатцгрупп ?*

Бах-Зелевский: *Основная задача эйнзатцгрупп полиции безопасности заключалась в уничтожении евреев, цыган и политических комиссаров.*

Тэйлор: *Тогда, какие же силы применялись в проведении крупных операций против партизан?*

Бах-Зелевский: *Для борьбы против партизан были предназначены специальные подразделения войск СС, полиции порядка и, в первую очередь, воинские части.*

Тэйлор: *Опишите, пожалуйста, характер тех подразделений регулярной армии, которые применялись для операций против партизан?*

Бах-Зелевский: *Эти соединения вооруженных сил, в первую очередь, были охранными дивизиями, которые использовались в тылах войск за линией фронта. Затем, так называемые батальоны территориальных стрелков. Далее, воинские соединения по охране военных объектов. Они действовали у железнодорожных путей, шоссе и охраняли другие военные объекты. Кроме того, с 1942 — 1943года были созданы так называемые дежурные части, которые формировались из тыловых частей и маршевых рот.*

Тэйлор: *До какого времени Вы оставались на посту высшего руководителя СС и полиции безопасности?*

Бах-Зелевский: *Я был начальником СС и полиции в районе группы армий «Центр» с некоторыми перерывами в связи с поездками на фронт и затем вследствие болезни. В общем, я был им до конца 1942 года, затем я получил пост начальника соединений по борьбе с партизанами.*

Тэйлор: *Скажите, этот пост начальника соединений по борьбе с партизанами был создан специально для Вас?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Кому непосредственно Вы подчинялись в этой новой должности?*

Бах-Зелевский: *Генриху Гиммлеру.*

Тэйлор: *Скажите, Ваши функции в новой должности ограничивались какой-либо определенной частью Восточного фронта?*

Бах-Зелевский: *Нет. Мои задачи охватывали восточную территорию в целом.*

Тэйлор: *Каков был общий характер Ваших обязанностей в качестве начальника соединений по борьбе с партизанами?*

Бах-Зелевский: *В первую очередь я должен был создать в ставке Гиммлера центральный аппарат, куда поступали бы все донесения, касавшиеся партизанского движе-*

ния. Все эти донесения должны были быть обработаны там и распределены по организациям, занимавшимся этим вопросом.

Тэйлор: *При исполнении своих обязанностей Вы совещались с командующими группами армий и армий на Восточном фронте?*

Бах-Зелевский: *Только с командующими группами армий, а не армий, и с представителями верховного командования вооруженных сил.*

Тэйлор: *Вы давали им советы по поводу методов, которые должны применяться для борьбы с партизанами?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Назовите, пожалуйста, некоторых из командующих, с которыми Вы лично совещались.*

Бах-Зелевский: *Называю по памяти из числа командующих на Востоке — с генералом кавалерии Бремером, генерал-фельдмаршалом Кюхлером, командующим группой «Север» Кребсом, командующим группой «Центр» Клюге и Бушем, командующим на Украине, генералом военно-воздушных сил Китцингером, генерал-фельдмаршалом бароном фон Вайхау, командующими в Сербии и Белграде, и генералом Кюблером — командующим группировкой в районе Триеста.*

Тэйлор: *В какой пропорции применялись для борьбы с партизанами войска вермахта по сравнению с применением полицейских частей и частей СС?*

Бах-Зелевский: *Так как число полицейских соединений и соединений войск СС было очень незначительно, то основные действия против партизан осуществлялись главным образом подразделениями вооруженных сил.*

Тэйлор: *Подразделения для борьбы с партизанами обычно действовали под командой офицеров вермахта или офицеров СС?*

Бах-Зелевский: *Это делалось различным образом. Во-первых, это зависело от района. В районах военных действий, как правило, командование осуществляли представители вооруженных сил, однако действовало распоряжение о том, что операциями руководили те, кто поставлял большее количество войск для выполнения этого задания, будь то воинские части, части СС или полиция.*

Тэйлор: *Скажите, высшие военные руководители издавали инструкции о том, что операции против партизан должны проводиться жестоко и безжалостно?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Скажите, высшие военные руководители издавали какие-либо инструкции о методах, которые должны были применяться в борьбе против партизан?*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Тэйлор: *Каков был результат того, что поступившие сверху на оккупированные территории инструкции были недостаточно подробны и детальны?*

Бах-Зелевский: *В результате такого упущения в борьбе против партизан господствовала полная анархия.*

Тэйлор: *Каково Ваше мнение, были ли меры, принимавшиеся в борьбе с партизанскими действиями, более жестокими, чем того требовали обстоятельства?*

Бах-Зелевский: *Так как не существовало никаких приказов по этому вопросу и младшие командиры должны были действовать самостоятельно, исход этих мероприятий был различным и зависел от характера самого командира, а также от качества войсковой части, выполнявшей эти мероприятия. Я считаю, что эти мероприятия часто не только противоречили здравому смыслу, но и в большинстве своем не отвечали цели.*

Тэйлор: *Скажите, приводили ли эти меры к ненужным убийствам большого количества гражданского населения?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тэйлор: *Вы сообщали об этих излишних мерах жестокости командующим группами армий и другим офицерам вермахта, с которыми Вы сотрудничали?*

Бах-Зелевский: *Это было общеизвестно, и по этому вопросу не нужно было доносить особо, так как о каждом мероприятии доносилось в определенный срок и во всех подробностях, и, таким образом, мероприятие становилось известным тем руководителям, которые были ответственны за него.*

Тэйлор: *Были ли этими высшими военными начальниками или командующими группами армий предприняты какие-нибудь эффективные меры для того, чтобы прекратить эти эксцессы?*

Бах-Зелевский: *Я помню, что генерал фон Шенкендорф отправил со мной множество таких донесений, передававшихся потом дальше по служебной линии.*

Тэйлор: *Имели ли эти донесения генерала Шенкендорфа какой-нибудь результат?*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Тэйлор: *Почему же?*

Бах-Зелевский: *Генерал-квартирмейстер Вагнер пытался, правда, внести некоторые изменения введением более строгого руководства. Однако он не смог провести это решение в жизнь.*

Тэйлор: *Скажите, пожалуйста, был ли издан верховным командованием приказ о том, что германские солдаты, совершившие преступления в отношении гражданского населения, не должны наказываться военными судами?*

Бах-Зелевский: *Да, такой приказ был издан.*

Тэйлор: *Препятствовал ли этот приказ тому, чтобы устранить эксцессы со стороны воинских частей?*

Бах-Зелевский: *Да, по моему мнению, этот приказ мешал введению какого-либо порядка в действия войск, так как войска можно воспитывать только в том случае, если вы имеете полномочия в вопросах поддержания дисциплины.*

Тэйлор: *Какие награды Вы получили в течение этой войны?*

Бах-Зелевский: *В этой войне я получил золотую пряжку к железным крестам 1 и 2 класса, германский золотой крест и рыцарский крест.*

Тэйлор *(обращаясь к председательствующему): Теперь свидетель может быть допрошен другими представителями обвинения и защиты.*

Председатель: *Имеются ли вопросы у советского обвинения?*

Покровский: *С Вашего разрешения я хотел бы задать ряд вопросов.*

Какие силы полиции и СС были в Вашем распоряжении в 1941—1942 годах, когда Вы состояли высшим руководителем полиции и СС в тыловом районе группы армий «Центр»?

Бах-Зелевский: *Мне непосредственно подчинялся в 1941 году один полк полиции охраны порядка, кроме того, временно, 2 —3 месяца, мне была подчинена кавалерийская бригада СС.*

Покровский: *Подчинялась ли Вам эйнзатцгруппа «Б», во главе которой стоял Небе?*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Покровский: *Получали ли Вы отчеты Небе?*

Бах-Зелевский: *От него нет, но я делал так, что они ко мне поступали.*

Покровский: *Что Вы знаете о деятельности эйнзатцгруппы «Б»?*

Бах-Зелевский: *Эйнзатцгруппа «Б» находилась в Смоленске. Она действовала так же, как и другие эйнзатцгруппы. Можно было всюду услышать разговоры о том, что евреев собирают и направляют в гетто.*

Покровский: *Докладывалось ли военному командованию об оперативной деятельности эйнзатцгруппы «Б»?*

Бах-Зелевский: *Я получал сведения о деятельности эйнзатцгруппы «Б» через Шенкендорфа.*

Покровский: *Известно ли Вам о приказе командующего 6-й армией генерала Рейхенау о борьбе с партизанским движением?*

Бах-Зелевский: *Так точно. Насколько мне известно, это было в 1941 или, может быть, в 1942 году. Приказ генерала фон Рейхенау был доведен до сведения всех командующих. В нем говорилось о действиях против евреев и партизан.*

Покровский: *Имелись ли в Вашем подчинении в 1943 году и позже этого времени какие-либо части, специально занимавшиеся борьбой с партизанским движением?*

Бах-Зелевский: *В 1943 году я, будучи начальником соединений по борьбе с партизанами, не имел права непосредственно издавать приказы, так как руководил тогда*

центральным учреждением. Но в тех местах, где полномочия двух командующих соприкасались, я проводил действия самостоятельно.

Покровский: *Известно ли Вам что-нибудь относительно существования особой бригады, которая была сформирована из бывших контрабандистов и освобожденных из тюрем браконьеров?*

Бах-Зелевский: *После ухода всех действительно способных вести борьбу с партизанами частей — в конце 1941 — начале 1942 года — в группе армий «Центр» использовался батальон под командованием Дирлевангера из числа тех частей, которые считались пригодными для борьбы с партизанами. Он был впоследствии усилен до полка (это до 1944 года), затем это была уже бригада. Эта бригада Дирлевангера состояла в основном из преступников, имевших судимости, а официально это были так называемые «воришки», но среди этих людей были и настоящие уголовники, которые были арестованы за кражу со взломом, убийства и т. д.*

Покровский: *Чем Вы объясните, что командование германской армии так охотно усиливало и увеличивало размеры частей, сформированных из уголовных преступников, и направляло их именно на борьбу с партизанами?*

Бах-Зелевский: *Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Везельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил тогда, что целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек и что в этой области следовало использовать именно такие неполноценные войска.*

Покровский: *Правильно ли я понял Вас, что сам характер людских контингентов, которые командование бросало против партизан, уже заранее и обдуманно определял характер действий этих войск против населения и против партизан? Я имею в виду прямое истребление населения.*

Бах-Зелевский: *Да. Я считаю, что при выборе командиров и определенного состава команд имелась в виду именно эта цель.*

Покровский: *Каким способом части вермахта истребовались для участия в борьбе с партизанским движением — путем ли специальной заявки, по какому-нибудь определенному плану или от случая к случаю?*

Бах-Зелевский: *Какого-либо определенного плана, в общем, не существовало. Так называемые операции крупного масштаба исходили из центра, где они планировались, но в большинстве случаев это были мелкие операции, которые заранее не планировались, так как каждый младший командир был обязан очищать свой район от партизан, то есть действовать самостоятельно.*

Покровский: *Вы показали, что в ряде случаев генералы и офицеры вермахта лично возглавляли операции по борь-*

бе с партизанами. Не сможете ли Вы назвать несколько конкретных фактов и конкретные фамилии генералов и офицеров?

Бах-Зелевский: *Да, некоторых генералов я уже упомянул ранее. Я еще припоминаю, что в России в районе группы армий «Центр» был генерал-майор Гартман (он проводил большую операцию против партизан, и руководил этим мероприятием сверху). Затем полковник Рейнхард, в подчиненных которому тыловых районах были основные партизанские группы. Я хотел бы сказать, что вообще не было таких генералов в тылу, которые так или иначе не участвовали бы в операциях против партизан. Я сейчас не могу вспомнить эти имена. Если они будут упомянуты здесь, то я вспомню.*

Покровский: *Не сможете ли Вы сказать, каким большим мероприятием руководил генерал Гартман?*

Бах-Зелевский: *Нет, я сейчас не помню этого.*

Покровский: *Существовали ли какие-нибудь общие приказы о линии поведения по отношению к пленным, мирному населению и борьбе с партизанским движением?*

Бах-Зелевский: *К сожалению, таких приказов не было, приказов, в которых было бы ясно сказано, как надо обращаться с партизанами и как надо обращаться с населением. Это как раз то, в чем я упрекал руководство, так как не было приказов, которые бы определяли, что надо делать с партизанами, и даже не было сказано, кого следует считать партизаном. И если что-нибудь случалось, что наносило ущерб немецкой армии, то у нас не было приказов, точно определяющих, что должно быть предпринято в качестве возмездия.*

Покровский: *Должен ли я понять Вас таким образом, что отсутствие прямых указаний открывало широкое поле для произвола со стороны любого командира части, что он имел право отнести к категории партизан любого человека и поступать с ним как с партизаном?*

Бах-Зелевский: *Несомненно, он должен был действовать совершенно самостоятельно и мог самостоятельно принимать решение. Точный контроль осуществить было невозможно. Деятельность всех войск, участвовавших в этом, была всегда ясна для высших инстанций, так как в донесениях эти контрмеры точно описывались. Это значит, что нужно было точно доложить, сколько было убито партизан в этом бою, сколько расстреляно, сколько человек было расстреляно по подозрению в принадлежности к партизанам и какие потери понесла наша часть. Таким же образом необходимо было точно перечислить трофеи, которые были захвачены войсками во время операций. Так что каждый руководитель точно знал, как на практике проходят эти операции.*

Покровский: *Значит, каждый командир сам решал вопрос, есть ли основания подозревать любого человека в принадлежности к партизанскому движению и убивать его?*

Бах-Зелевский: *Так точно.*

Покровский: *Известны ли Вам какие-либо приказы, которые предписывали брать заложников, сжигать деревни в качестве репрессий за помощь, которую оказывало население партизанам?*

Бах-Зелевский: *Нет, я не думаю, чтобы такие приказы имелись когда-либо в письменном виде. Я как раз и полагал, что ошибка заключалась в том, что таких приказов не существовало. Следовало бы давать точные указания, сколько, например, человек можно было казнить в ходе репрессий за уничтожение, предположим, одного немецкого солдата или же за каждых 10 солдат.*

Покровский: *Должен ли я понять Вас таким образом, что если командиры сжигали деревни в порядке наказания местного населения за помощь, оказываемую партизанам, то их действия были результатом самостоятельно принятых решений?*

Бах-Зелевский: *Да. Эти решения принимались командирами самостоятельно, и не было никакой возможности что-нибудь предпринять против этого, так как высший приказ относительно этого гласил, что даже самые крайние меры против гражданского населения, проводимые в рамках борьбы против партизан, не могут повлечь за собой дисциплинарных взысканий и судебного преследования.*

Покровский: *То же самое следует понимать и в отношении взятия заложников?*

Бах-Зелевский: *Да, я думаю, что в связи с борьбой против партизан заложников вообще не брали. Такая «система заложников», я думаю, применялась на Западе. Во всяком случае, даже такое выражение — «заложник» — в борьбе против партизан не употреблялось.*

Покровский: *Известно ли Вам что-нибудь относительно угона в Германию несовершеннолетних в возрасте 14—18 лет?*

Бах-Зелевский: *Я не могу детально вспомнить возраста угоняемых. Однако я сам приветствовал решение, которое было принято на основании моих докладов. Войсковым частям было запрещено без разбора проводить репрессии. Было издано распоряжение о том, что партизан и людей, подозреваемых в участии в партизанской борьбе, не следует больше расстреливать, а следует их использовать в качестве рабочей силы в империи, в системе Заукеля.*

Покровский: *Если я правильно понял Ваш ответ на один из вопросов, заданных Вам раньше моим коллегой, представителем американского обвинения, то Вы сказали, что борьба с партизанским движением имела своей целью фактически истребить славянское и еврейское население?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Покровский: *Знало ли командование вермахта о методах борьбы с партизанским движением, направленных на истребление еврейского и славянского населения?*

Бах-Зелевский: *Методы были общеизвестны, так что военное командование тоже должно было знать об этом. Я, конечно, не знаю, было ли оно осведомлено о плане, который упоминался Гиммлером.*

Покровский: *Лично Вам не приходилось ли участвовать на каких-либо совещаниях с генералами вермахта, на которых было бы ясно и прямо сказано о методах борьбы с партизанами?*

Бах-Зелевский: *Методы боевых действий как таковые обсуждались в деталях, и предполагалось, что они известны. Однако во время этих обсуждений не говорилось, например, сколько человек должно быть расстреляно. Это не следует понимать так.*

Покровский: *Вы показывали, что немцы имели в виду истребить славянское население с тем, чтобы сократить число славян до 30 миллионов человек. Откуда Вам была известна эта цифра и эта установка?*

Бах-Зелевский: *Я позволю себе исправить ошибку. Здесь речь шла о сокращении не до 30 миллионов, а на 30 миллионов. Эта цифра была названа Гиммлером в его речи в Везельсбурге.*

Покровский: *Подтверждаете ли Вы, что вся практическая деятельность немецких властей, немецких воинских соединений в борьбе с партизанами была направлена на выполнение этой директивы — сократить число славян на 30 миллионов человек?*

Бах-Зелевский: *Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 миллионов, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий.*

Покровский: *У меня больше нет вопросов свидетелю.*

Председатель: *Имеются ли вопросы у защиты?*

Экснер *(защитник генерального штаба, ОКВ и подсудимого Иодля)*: *Господин свидетель, Вы сказали, что Вы были начальником тех боевых соединений, которые боролись с партизанами. Скажите, если действительно имели место такие хаотические явления, почему же Вы не изменили системы?*

Бах-Зелевский: *Потому, что у меня не было права издавать приказы.*

Экснер: *Докладывали ли Вы о существующем положении своему непосредственному начальнику?*

Бах-Зелевский: *Да, каждый день. У меня был постоянный штаб при Гиммлере.*

Экснер: *Вносили ли Вы предложения относительно изменений?*

Бах-Зелевский: *Да, все время вносил.*

Экснер: *Почему же эти предложения не были осуществлены?*

Бах-Зелевский: *Мне кажется, что я достаточно ясно выразился по этому поводу. Очевидно, потому, что эти изменения были нежелательны.*

Экснер: *Вы также сказали, что докладывали вышестоящему начальству об убитых, раненых и пленных, захваченных у противника после каждой операции. Скажите, примерно, каково соотношение между убитыми и захваченными в плен?*

Бах-Зелевский: *Нужно сказать, что это выглядело в каждом отдельном случае по- разному. Все эти операции нельзя причесать под одну гребенку. Во всяком случае, количество пленных намного превышало количество убитых.*

Экснер: *Пленных было больше, чем убитых?*

Бах-Зелевский: *Только не в те годы, когда существовал приказ не брать в плен никого.*

Экснер: *То есть сначала система была строже, а позднее она была смягчена?*

Бах-Зелевский: *Да, некоторое изменение имело место, так как позже имелись ясные приказы о том, куда надо отправлять пленных, чего вначале не было.*

Экснер: *Можете ли Вы назвать приказы, получаемые Вами от военных инстанций, которые были бы направлены на уничтожение миллионов славян?*

Бах-Зелевский: *Я уже ответил на этот вопрос обвинителю: такого письменного приказа не было.*

Экснер: *Знаете ли Вы, что донесения, которые Вы посылали Гиммлеру относительно операций, проводимых Вами, Гиммлер передавал непосредственно фюреру?*

Бах-Зелевский: *Разрешите мне ответить на этот вопрос более подробно.*

Сначала я имел постоянный штаб у Гиммлера. Мой начальник штаба постоянно находился в штабе, в то время когда я находился на фронте. Между военными инстанциями, то есть ОКВ, ОКХ и моим штабом существовал постоянный контакт. Ведь дело обстояло не так, что донесения о действиях партизан сначала поступали ко мне, поскольку существовали такие ведомственные каналы, которые проходили через ОКХ. Это значит, что от этих военных инстанций я получал столько же донесений, сколько и сам посылал им. То, что эти донесения затем обобщались в моем

штабе, является фактом. Затем каждый день эти донесения передавались Гиммлеру, а тот передавал их дальше.

Экснер: *Кому передавал?*

Бах-Зелевский: *Господа из ОКВ, будучи уже в плену, подтверждали мне, что об этих донесениях докладывали во время обсуждения военной обстановки.*

Экснер: *Скажите, участвовали ли в этих партизанских группах евреи?*

Бах-Зелевский: *Не подлежит сомнению, что в отдельных партизанских группах также участвовали евреи.*

Экснер: *Может быть, это, скорее, было исключением?*

Бах-Зелевский: *Совершенно точно, это было исключением.*

Экснер: *Тогда я не понимаю, как же борьба с партизанами приводила к истреблению евреев?*

Бах-Зелевский: *До этого я говорил об эйнзатцгруппах полиции безопасности.*

Экснер: *Это другое дело. Скажите, знаете ли Вы полк Дирлевангера? Вам это имя о чем-то говорит?*

Бах-Зелевский: *Это — бригада Дирлевангера, о которой я говорил подробно представителю обвинения.*

Экснер: *Скажите, эта бригада находилась когда-либо под Вашим руководством?*

Бах-Зелевский: *Да, в 1941 году.*

Экснер: *Скажите, это было соединение регулярной армии или СС?*

Бах-Зелевский: *Бригада Дирлевангера не была соединением войск СС, она находилась на обеспечении вермахта.*

Экснер: *Можете ли Вы сказать, кто присутствовал, когда Гиммлер произносил речь в Везельсбурге?*

Бах-Зелевский: *Там присутствовало примерно 12 группенфюреров СС. Я готов назвать их фамилии, если это нужно.*

Экснер: *Там были офицеры вермахта?*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Экснер: *Благодарю Вас.*

Штамер *(защитник подсудимого Геринга): Свидетель, Вы сказали, что с 1942 года являлись начальником соединений по борьбе с партизанами. В качестве такового Вы и были назначены руководителем борьбы против партизан на Востоке?*

Бах-Зелевский: *Да, это правильно.*

Штамер: *По борьбе с ними? Вы сказали, что существовала неясность по поводу того, что следует понимать под «партизанами»; что понятие «партизан» все это время было недостаточно ясным, верно?*

Бах-Зелевский: *По смыслу, да. По моему мнению, необходимо делать различие между партизанами и людьми, подозреваемыми в том, что они партизаны. Войска не всегда различали это. Я всегда обращал внимание на то, что это понятие должно быть точно определено. Нельзя считать, что в каждом случае, когда в лесу или в доме открывают огонь, то это значит, что все, кто там находится, — партизаны. Это неверно, так как тактика партизан заключалась в том, чтобы после успешной операции сразу исчезнуть. В результате, поскольку не существовало определенного понятия относительно того, кто является партизаном, и если подразделение плохо обучено, это приводило к тому, что в войсках говорили: из этой деревни вели огонь — значит, все они являются партизанами. По моему мнению, партизаном был только тот, кто действительно был застигнут, то есть пойман на месте с оружием в руках. Тех, у кого не было оружия в руках, не следовало считать партизанами.*

Штамер: *Что же Вы предприняли положительного для того, чтобы определить это понятие — «партизан»?*

Бах-Зелевский: *Я уже упоминал, что непрерывно с 1941 года, еще до того, как я стал начальником боевых соединений, ведущих борьбу с партизанами, не только от меня, но и от генерала Шенкендорфа непрерывно поступали меморандумы, в которых были изложены соответствующие предписания. Там также шла речь о том, как мы ведем борьбу с бандами. Их мы передавали в группу армий «Центр». Например, в России мы даже организовали школы по борьбе с партизанами, где всему этому должны были обучать. Мы, то есть Шенкендорф и я, совместно разработали инструкцию по борьбе с партизанами. Однако эта инструкция никогда не была издана. Сразу после того, как я встал во главе руководства по борьбе с партизанами в 1943 году, мой штаб приступил к разработке новой инструкции по борьбе с партизанами. Это длилось месяцы, пока, наконец, такая инструкция была издана в 1944 году, когда смысл подобной инструкции, собственно говоря, был уже утрачен.*

Штамер: *Кто издал эту инструкцию?*

Бах-Зелевский: *Эта инструкция была издана по всем правилам, существующим в армии, и являлась обычной инструкцией вооруженных сил Германии.*

Штамер: *Каково было ее содержание?*

Бах-Зелевский: *Она так и называлась: «Инструкция по борьбе с партизанами».*

Штамер: *Каково было ее содержание?*

Бах-Зелевский: *Содержание ее как раз касалось борьбы против партизан вообще. Здесь освещались вопросы, свя-*

занные с проведением операций крупного и менее крупного масштаба.

Штамер: *Как Вы говорите, это было издано в 1944 году, а до того разве не Вашей именно непосредственной обязанностью постольку, поскольку Вы возглавляли борьбу против партизан на Востоке, являлось давать соответствующие указания подразделениям относительно того, как они в отдельных случаях должны были себя вести?*

Бах-Зелевский: *Во-первых, я не имел права издавать приказы. Я это уже говорил. Итак, я только мог выдвигать предложения по этому вопросу. Во-вторых, не существовало постоянных воинских частей, которые осуществляли бы борьбу против партизан. Это было одно название. И только от случая к случаю создавались такие воинские части.*

Кроме того, я хочу указать, что дело обстояло вовсе не так, будто в моем распоряжении находились воинские части для борьбы с партизанами. В документе о моем назначении начальником соединений по борьбе с партизанами ясно сказано, что борьба с бандами — компетенция высшего начальника СС или полиции либо соответствующего командующего в районе военных действий. У меня были инспекционные функции, несмотря на мои неоднократные требования предоставить мне право издавать приказы.

Штамер: *Это мне не совсем понятно. Будучи генералом войск СС, Вы должны были иметь полномочия отдавать приказы?*

Бах-Зелевский: *Я имел это право в том случае, когда лично проводил какую-либо операцию.*

Штамер: *Но ведь Вас назначали для того, чтобы Вы осуществляли борьбу против партизан, следовательно, у Вас должны были быть части?*

Бах-Зелевский: *Я не имел никаких частей.*

Штамер: *А какими же средствами Вы проводили борьбу против партизан?*

Бах-Зелевский: *От случая к случаю я обсуждал с соответствующим командующим вопрос об использовании тех или иных частей для проведения операций, если ОКВ или ОКХ не предоставляли их в мое распоряжение, что часто случалось.*

Штамер: *Другими словами, Вы запрашивали воинские части? Эти части, если они предоставлялись Вам, подчинялись Вашим приказам?*

Бах-Зелевский: *Нет. Только в том случае, если мне самому приходилось проводить операцию. В других случаях действиями этих отрядов руководил соответствующий генерал вермахта либо СС. В инструкции полномочий начальника соединений по борьбе с партизанами говорилось,*

что я могу только тогда приказывать, когда полномочия двух руководителей СС и полиции или двух командующих скрещиваются так, что необходим новый командир для того, чтобы разрешить возникшие трудности.

Штамер: *Вы никогда самостоятельно не проводили операции?*

Бах-Зелевский: *Самостоятельно я провел одну операцию в 1943 году.*

Штамер: *Каким образом Вы это сделали?*

Бах-Зелевский: *Эта операция имела место осенью 1943 года в районе Идрица — Полоцк. Сначала я полетел в район группы армий «Центр», обсудил все с генералом Кребсом, тогдашним начальником, затем командующим Северным фронтом, а также с генерал-фельдмаршалом Кюхлером. Генерал-фельдмаршал Кюхлер объединил все войска и тыловые части в один корпус. Я сам входил в состав контрольного штаба этого корпуса. Офицером связи был Мелентин. Затем я лично провел операцию. В это время был прорван фронт у Небе, и я принял самостоятельное решение создать фронт против этого клина Красной Армии, который, таким образом, стал передним краем со всеми теми подразделениями, которые находились в моем распоряжении.*

Штамер: *Известно ли Вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили Вас именно за беспощадность, с которой Вы проводили операции в отношении партизан?*

Бах-Зелевский: *Нет, я не получал никаких наград за борьбу с партизанами. Все мои награды я получил за действия на фронте от военного командования.*

Штамер: *Бригада Дирлевангера принадлежала к войскам СС, не правда ли?*

Бах-Зелевский: *Нет. Эту бригаду следует, скорее, отнести к общим частям СС, так как она не подчинялась войскам СС.*

Штамер: *Скажите, командир ее, Дирлевангер, был членом СС?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Штамер: *Скажите, не предложили ли Вы лично собрать преступников и использовать их в борьбе против партизан?*

Бах-Зелевский. *Нет.*

Тома *(защитник подсудимого Розенберга): Господин свидетель, знали ли Вы, что гражданская администрация в Белоруссии часто протестовала против методов борьбы, которые применялись против партизан?*

Бах-Зелевский: *Да, я знал об этом.*

Тома: *Гражданская администрация подчинялась имперскому комиссару, который, в свою очередь, подчинялся*

министру по вопросам оккупированных восточных областей, то есть Розенбергу. Это верно?

Бах-Зелевский: *Да.*

Тома: *Господин свидетель, если я Вас правильно понял, Вы осуждали такой метод борьбы с партизанами, при котором погибло много неповинных людей, а потому не следовали указаниям рейхсфюрера СС Гиммлера?*

Бах-Зелевский: *Да.*

Тома: *Как же Вы могли совместить со своей совестью свой пост в качестве начальника и инспектора по вопросам борьбы против партизан на Востоке? Как Вы могли осуществлять эти функции, осуждая методы борьбы против партизан?*

Бах-Зелевский: *Я не только совмещал это со своим представлением о совести, но я даже сам стремился получить этот пост, так как именно в 1941—1942 годах вместе с Шенкендорфом я видел, что так дело не может продолжаться, и генерал фон Шенкендорф, мой непосредственный начальник, как раз и выдвинул меня на эту должность.*

Тома: *Но Вы же знали, что все эти предложения, которые делал Шенкендорф, ни к чему не приведут?*

Бах-Зелевский: *Видите ли, то, что я говорил сейчас, этого я не мог знать тогда. Этого я не предвидел.*

Тома: *Но, во всяком случае, Вы ничего не достигли?*

Бах-Зелевский: *Я считаю, что, если бы вместо меня кто-нибудь другой занимал этот пост, было бы еще больше горя.*

Тома: *Считаете ли Вы, что речь Гиммлера, в которой он потребовал уничтожения 30 миллионов славян, отражала его личное мировоззрение, или это мировоззрение, по Вашему мнению, являлось вообще национал-социалистским?*

Бах-Зелевский: *Сегодня я считаю, что это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения.*

Тома: *Сегодня?*

Бах-Зелевский: *Сегодня.*

Тома: *А какое мнение у Вас было в то время?*

Бах-Зелевский: *Тяжело прийти немцу к такому заключению. Мне многое потребовалось для этого.*

Тома: *Господин свидетель, как могло случиться, что несколько дней тому назад выступал здесь свидетель Олендорф, который, давая показания, признал, что он с эйнзатцгруппой уничтожил 90 тысяч человек и что это не согласуется с национал-социалистской идеологией?*

Бах-Зелевский: *Ну, у меня другое мнение по этому поводу. Если десятилетиями проповедуют, что славяне являются низшей расой, что евреи вообще не являются людьми, — неминуем именно такой результат...*

Председатель: *Доктор Экснер. Вы хотите еще задать вопросы от имени другого подсудимого или что-либо другое?*

Экснер: *Я хочу задать еще два-три вопроса, которые передал мне во время перерыва мой подзащитный.*

Председатель: *Но Вы уже задавали вопросы?*

Экснер: *Да, но это — три новых вопроса. Мы не были подготовлены к этому перекрестному допросу.*

Председатель: *Ну, хорошо. Продолжайте.*

Экснер: *Господин свидетель, Вы сказали, что в 1944 году был получен приказ о борьбе против партизан. Сейчас, во время перерыва, я нашел в книге документов, представленных обвинением, документ ПС-1986, в котором говорится об инструкции от 27 ноября 1942 г. по борьбе против партизан. Известна ли Вам эта инструкция? Она должна была существовать, потому что она упоминается в этом документе. Известно Вам что-либо об этой инструкции?*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Экснер: *Скажите, пожалуйста, знаете ли Вы о существовании инструкции по борьбе с русскими партизанами?*

Бах-Зелевский: *Да. Была такая.*

Экснер: *Можете ли Вы что-нибудь вспомнить о содержании этой инструкции и методах борьбы?*

Бах-Зелевский: *Нет, я этого сейчас не помню.*

Экснер: *Не знаете ли Вы, можно ли получить эту инструкцию?*

Бах-Зелевский: *Нет.*

Экснер: *Благодарю Вас.*

Биддл *(член Трибунала): Вы знаете, сколько служащих вермахта использовалось в какой-либо одной операции против партизан? Какое было максимальное количество войск, используемых когда-либо против партизан?*

Бах-Зелевский: *Крупными были операции, в которых участвовали силы дивизии и больше. Я думаю, что самые крупные силы, участвовавшие в подобной операции, включали в себя три дивизии.*

Биддл: *Вы знаете, сколько эйнзатцгрупп использовалось?*

Бах-Зелевский: *Насколько мне известно, три. На каждую группу армий по одной.*

Председатель *(представителю обвинения): Вы хотите задать дополнительные вопросы?*

Тэйлор: *Нет, сэр.*

Из допроса свидетеля Г. КАППЕЛЕНА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 29 января 1946 г.

Дюбост: *С разрешения Трибунала, мы хотели бы сейчас допросить в качестве свидетеля господина Каппелена, который ограничится показаниями об условиях обращения с норвежскими гражданами в лагерях и тюрьмах Норвегии.*

Председатель: *Хорошо, пожалуйста.*

(Вводят свидетеля)

Председатель: *Как Ваше имя?*

Каппелен: *Меня зовут Ганс Каппелен.*

Председатель: *Повторите за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Дюбост: *Господин Каппелен, Вы родились 18 декабря 1903 г.?*

Каппелен: *Да.*

Дюбост: *В каком городе?*

Каппелен: *Я родился в городе Квитсейд, провинция Телемарк, Норвегия.*

Дюбост: *Ваша профессия?*

Каппелен: *Я был юристом, а теперь я коммерсант.*

Дюбост: *Расскажите, пожалуйста, что Вы знаете о зверствах гестаповцев в Норвегии?*

Каппелен: *Я был арестован 29 ноября 1941 г. и заключен в тюрьму гестапо в Осло. Через десять дней я был допрошен двумя агентами норвежской СС, или нацистской полиции. Они почти сразу начали избивать меня дубинками. Я не помню точно, сколько времени продолжался этот допрос, но он ни к чему не привел.*

Через несколько дней меня перевели на Виктория-Террас, 32. Это был главный штаб гестапо в Норвегии. Это было примерно в 8 часов вечера. Меня привели в большую комнату и потребовали, чтобы я разделся. Я должен был раздеться догола. Я несколько распух после первой «обработки» норвежскими полицейскими, но это было еще не самое худшее. Там были шесть или восемь гестаповцев и их руководитель, Фемер. Он был очень зол. Они начали засыпать меня вопросами, на которые я не мог ответить. Тогда ко мне подбежал Фемер и стал вырывать волосы на

[1] IMT, vol. 6, p. 279—288.

моей голове. Он вырвал их все, и они валялись в крови на полу около меня.

После этого они начали бросаться на меня, избивать резиновыми дубинками и железными прутьями. Мне было очень больно, и я потерял сознание. Но меня привели в себя: они вылили на меня вёдро холодной воды. Меня начало рвать, потому что я чувствовал себя очень плохо, но это только разозлило их. И они сказали мне: «Убери за собой, грязная собака». И я должен был попытаться убрать за собой все голыми руками. Таким образом они продолжали допрашивать меня очень долго. Но этот допрос ни к чему не привел, потому что они засыпали меня вопросами о людях, которых я не знал или с которыми был едва знаком.

Утром меня снова перевели в тюрьму и поместили в камеру. Я чувствовал себя очень плохо, был слаб. В течение всего дня я просил охрану позвать ко мне врача, если это возможно. Мне отказали в этом. Это было 19-го числа. Через несколько дней, я полагаю, что это было за день до рождества 1941 года, меня снова ночью привезли на Виктория-Террас. Случилось то же, что и в прошлый раз, только теперь мне было очень просто раздеться, потому что на мне было только пальто. Я весь распух после первого избиения. Опять, как и в первый раз, было шесть, семь или восемь гестаповцев.

Председатель: *Это были немецкие гестаповцы?*

Каппелен: *Да. Фемер тоже присутствовал, как и в тот раз. Он был эсэсовцем. Они вновь начали избивать меня. Но было совершенно бесполезно избивать человека, который находился в таком состоянии, как я. Я уже весь распух от прежних побоев. Они начали выкручивать и ломать мне руки и ноги. Правая рука была вывернута из суставов. От страшной боли я потерял сознание. Тогда случилось то же самое, что и в прошлый раз: они вылили на меня ледяную воду, и я пришел в себя. Немцы просто озверели, они рычали как звери, и снова задавали мне множество вопросов, но я был так слаб, что не мог отвечать на них.*

Тогда они надели на мою левую ногу самодельный, как мне показалось, деревянное приспособление с винтом и начали заворачивать этот винт таким образом, чтобы мясо отделить от костей. Я почувствовал невероятную боль и опять потерял сознание. Но я снова пришел в себя; у меня до сих пор на ноге остались большие следы от этого аппарата, хотя с того времени прошло уже четыре года.

Но это тоже ни к чему не привело. Тогда они что-то надели мне на шею. От этого тоже остались следы (показывает). И снова начали сдирать кожу и мясо. Со мной случился удар, и я внезапно почувствовал, что правая сторона моего тела парализована. Потом было установлено, что у меня произошло кровоизлияние в мозг. У меня

стало двоиться в глазах, мне казалось, что каждый гестаповец — это два человека. Все кружилось передо мной. Это раздвоение зрения продолжалось у меня в течение четырех лет. И теперь, когда я устаю, у меня снова начинает двоиться в глазах.

Теперь я чувствую себя все-таки лучше, паралич прошел, но до сих пор некоторые анормальные явления с правой стороны тела у меня продолжаются. Больше я ничего не помню о событиях этой ночи. Но другие заключенные, которые должны были убирать коридоры тюрьмы, видели, как меня утром принесли в мою камеру. Это было примерно в 6 часов утра. Они думали, что я мертв, потому что на мне не было наручников.

Сколько времени я пробыл в таком состоянии — день или два, не могу сказать. Но однажды я пришел в себя и начал чуточку двигаться. Немедленно ко мне в камеру, где я лежал в собственной рвотной массе и крови, вошел охранник и врач. По-моему, это был очень высокопоставленный врач. Он был в высоком звании, но я не могу сказать точно, в каком именно. Он сказал мне, что, по всей вероятности, я умру. Я спросил его: «Можете ли вы перевести меня в больницу?» Он сказал: «Нет, дураков не переводят ни в какие больницы до тех пор, пока, — сказал он, — вы не сделаете то, что мы требуем от вас. Как и все норвежцы, вы — дурак».

Они вправили мне руку. Это было очень больно, но меня держали два солдата, и это было сделано. Я снова потерял сознание.

Так проходило время, и я немного оправился. Я не мог ходить, потому что все кружилось передо мной. И я лежал на нарах. Однажды — я думаю, что это было в конце февраля, а может быть, в середине февраля 1942 года — ночью они снова пришли ко мне. По-моему, это было часов в 10 вечера, потому что свет в моей камере уже давно был потушен. Они потребовали, чтобы я встал. Я попытался встать, но, конечно, упал опять, потому что был парализован. Тогда они стали пинать меня, и я сказал: «Не лучше ли убить меня, потому что я не могу двигаться». Тогда они меня вытащили из камеры и снова привезли на Виктория-Террас, в штаб-квартиру, где проводили свои допросы. На этот раз допрос проводил эсэсовец Штеер. Я не мог стоять и поэтому лежал на полу, нагой. У Штеера было несколько, четыре или пять, помощников из гестапо. Они начали топтать и бить меня, внезапно они снова поставили меня на ноги и подтащили к столу, за которым сидел Штеер. Он взял мою левую руку и вот так (показывает) вогнал несколько булавок мне под ногти. Мне было очень больно, и все завертелось передо мною, и опять началось двойное зрение. Но боль была так сильна, что я выдернул у него свою руку. Я не должен был делать этого,

потому что это привело их в ярость. Я снова потерял сознание. Не знаю, в течение какого времени я был без сознания, но пришел в себя от запаха горящего мяса. И тогда я увидел, что один из гестаповцев держит какую-то лампу и поджигает мне ноги. Мне было не особенно больно, потому что я был так слаб, что не чувствовал боли. Я был парализован, язык мой не двигался и я не мог говорить, а просто стонал.

Я не помню больше подробностей этого вечера. Но это был один из самых ужасных допросов, которые мне пришлось пережить. Меня снова привезли обратно в тюрьму. Время шло. Я пытался немного есть, но у меня сразу же начиналась рвота. Постепенно я поправился, но был все еще парализован и поэтому не мог стоять. Меня все же часто брали на допросы, и устраивали очную ставку с другими норвежцами, с людьми, которых я знал и которых не знал. Большинство из них подвергалось ужасному обращению. Они распухли. Особенно хорошо я помню двух моих друзей, очень хороших людей. Мне устроили с ними очную ставку. Они после пыток выглядели ужасно. Когда я вышел из тюрьмы, то узнал, что оба они умерли от истязаний и пыток.

Другой пример, который я собираюсь привести, если милорд мне разрешит, касается человека, которого звали Сверре Эмиль Хальворсеен. Его взяли осенью, в августе или в октябре 1943 года. Он распух и был очень подавлен. Он рассказал, что с ним обращались ужасно, что он и некоторые из его друзей были приведены на своего рода суд, где им сказали, что на следующий день их расстреляют. Им огласили какой-то приговор и сказали, что этот приговор будет приведен в исполнение для того, чтобы их дело послужило примером для других.

Хальворсен, конечно, чувствовал себя очень плохо, у него сильно болела голова, и я попросил охранника вызвать главного охранника, некоего Гетца. Тот пришел и спросил меня, что, черт возьми, мне нужно. Я сказал: «Моему товарищу очень плохо, не можете ли Вы дать ему аспирин или другое лекарство?» «Нет, конечно, — сказал он, — зачем тратить на него аспирин. Его утром расстреляют».

На следующее утро его забрали из камеры и после окончания войны его нашли вместе с другими норвежцами в Тронхейме, в могиле, с пулей в затылке.

Тюрьма в Осло, где я находился в течение 25 месяцев, была домом ужасов. Почти каждую ночь я слышал крики и стоны. Однажды, это было, наверное, в декабре 1943 года, думаю, примерно 8 декабря, они вошли в мою камеру и приказали одеться. Это было ночью. Я надел на себя изорванную в клочья одежду. Я хромал, не мог хорошо ходить, но все-таки уже поправился и мог двигаться. Я пошел по коридору. Они меня прислонили к стене, и я

ожидал, что меня выведут и расстреляют. Но они не расстреляли меня. Они увезли меня в Германию вместе с массой других норвежцев. После я узнал, что некоторые из моих друзей и я — я имею в виду норвежцев, когда говорю о моих друзьях, — были заключенными, арестованными при проведении операции под названием «Мрак и туман». Нас привезли в лагерь в Эльзасе, который назывался «Нацвейлер».

Осмелюсь сказать, что это был очень плохой лагерь. Мы должны были работать в каменоломне. Одним словом, мы должны были выбирать камни с гор. Я не буду приводить деталей, не буду задерживать этим Суд. Я хочу только сказать, что здесь были люди и из других стран: французы, русские, голландцы, бельгийцы. Норвежцев было, примерно, 500. Из этих 500 норвежцев 60 или 70 процентов умерли там или в других лагерях, куда их потом перевезли. Было также там два датчанина. Мы испытали там много ужасов. О них не стоит говорить, они хорошо известны. Этот лагерь должны были эвакуировать в сентябре 1944 года. Нас перевели в Дахау, около Мюнхена. Но мы недолго оставались там, по крайней мере, я недолго оставался там. Меня отправили в распоряжение команды, которая называлась «Аурих». Это была какая-то вспомогательная команда в Нойенгамме, около Гамбурга. Нас было там, примерно, 1500 заключенных. Мы должны были рыть там противотанковые рвы.

Каждый день нам приходилось ходить пешком по 3—4 часа, а потом час ехать поездом до того места, где мы работали. Работа была так тяжела, и они обращались с нами так ужасно, что большинство из нас умерло там. Я думаю, что половина заключенных умерла от дизентерии или от дурного обращения в течение тех пяти-шести недель, которые мы там пробыли. Даже сами эсэсовцы, которым был вверен лагерь, понимали, что это уже слишком, и поэтому они оставили этот лагерь. Меня отправили из Нойенгамме и послали через Гамбург в лагерь Гросс-Розен, в Силезии, около Бреслау. Это тоже очень плохой лагерь. В нем было, примерно, 40 норвежцев, кроме меня. Из этих 40 норвежцев через 4—5 месяцев в живых осталось всего 10...

Дюбост: *Господин Каппелен, прошу рассказать нам о том, что Вы знаете о лагере Нацвейлер и о деятельности в лагере доктора Хирта с немецкого медицинского факультета в Страсбурге.*

Каппелен: *В Нацвейлере производились эксперименты. Недалеко от лагеря была ферма, которая называлась Штрутгоф. Она была фактически частью лагеря, и некоторые из заключенных должны были там работать — убирать помещения. Иногда их уводили туда во время поверки. Например, я помню, что однажды все цыгане были сняты с поверки и увезены в Штрутгоф. Они очень боялись этого.*

Один мой знакомый-норвежец по фамилии Видинг работал в так называемой лагерной больнице. Он потом

сказал мне, через день после того, как цыгане были увезены в Штрутгоф: «Я тебе кое-что расскажу. Насколько я понимаю, они испытывали на них какой-то газ». «Откуда ты знаешь?» — спросил я его. «Пойдем со мной», — ответил он.

Через окно больницы я увидел четырех цыган, которые лежали на кроватях. Они плохо выглядели. Через окно было плохо видно, но у них была какая-то слизь вокруг рта. И он, Виданг, сказал мне, что цыгане мало что могли рассказать, так как они были очень больны. Но, насколько он понял, этот газ был испытан на двенадцати из них, и восемь из двенадцати цыган умерли в Штрутгофе.

Кроме того, Видинг спросил меня: «Ты видел того высокого человека, который иногда гуляет по лагерю с другими?»

Я ответил: «Да, я его видел».

— «Это профессор Хирт из немецкого университета в Страсбурге».

Я вполне уверен, что Видинг назвал этого человека Хирт или Хирц. Он чуть ли не каждый день приезжал к нам с так называемой комиссией для того, чтобы осмотреть тех, которые возвращались из Штрутгофа, и наблюдать за результатами. Это все, что я помню об этом.

Дюбост: Сколько норвежцев умерло в Гросс-Розене?

Каппелен: В Гросс-Розене? Я не могу назвать точной цифры, но я знаю, что из 40 норвежцев, которые там были, вернулось, приблизительно, 10. Гросс-Розен был ужасным лагерем. Но самой ужасной была эвакуация Гросс-Розена. По-видимому, это произошло в середине февраля этого года. Русские приближались все ближе и ближе к Бреслау.

Председатель: Вы хотите сказать 1945 года?

Каппелен: Да, простите, 1945 года. Однажды нас выстроили на так называемом «аппельплац». Все мы были очень слабы. Мы выполняли тяжелую работу, получали мало пищи, и с нами очень плохо обращались. Мы пошли маршем, группами в две-три тысячи. В той группе, где я находился, было от двух с половиной до 2800 человек. Мы слышали, как охрана называла цифры.

Мы начали двигаться, эсэсовцы находились с обеих сторон. Они очень нервничали и вели себя, как сумасшедшие. Мы видели, что некоторые из них пьяны. Мы были истощены и не могли идти достаточно быстро. Тогда они взяли первых пять человек, разбили им головы прикладами и сказали: «Так будет со всяким, кто не может идти». Мы шли как можно быстрее. Некоторые пытались помочь тем, кто был более слаб. Но все мы были настолько истощены, что мало чем могли помочь друг другу.

Наконец, через шесть или восемь часов мы дошли до железнодорожной станции. Было очень холодно, а мы были одеты только в полосатую тюремную одежду и плохую обувь. Но мы радовались, что дошли до железнодорожной станции. Лучше быть в вагонах для перевозки

скота, чем идти по морозу. Было очень холодно, наверное, 10 — 12 градусов мороза.

Там, на железнодорожной станции, стоял длинный состав открытых платформ. В Норвегии их называли вагонами для перевозки песка. Нас ударами заставили забраться на эти платформы по 80 человек на каждую. Мы должны были сидеть рядом. Мы пробыли на этой платформе пять дней, не получая пищи, воды, замерзая. Когда шел снег, мы открывали рот, чтобы утолить жажду. Через много времени, мне казалось, что прошел год, мы достигли места, которое, как я после узнал, называлось Дора. Это недалеко от Бухенвальда.

Когда мы доехали до этого места, нас пинками и ударами заставили сойти с платформ. Многие были мертвы. Человек, который сидел рядом со мной, умер, но я не мог отодвинуться. Я должен был в течение последнего дня оставаться рядом с ним. Сам я, конечно, не слышал цифр, но около половины из наших были мертвы. Позже, в Дора, я узнал, что умерших в нашем поезде было 1447 человек.

О Дора я мало что помню, потому что был в полумертвом состоянии. Я всегда был жизнерадостным человеком и пытался помочь себе и своим друзьям, но теперь я потерял почти всякую надежду. Я мало что помню. Потом мне повезло: началась акция Бернадота[1], нас спасли и доставили в Нейенгам. Там я встретил некоторых своих старых друзей: норвежского студента, который был угнан в Германию, заключенных из Заксенхаузена и других лагерей. Небольшое, сравнительно небольшое, количество оставшихся в живых норвежских заключенных («Нахт унд Небель») было в очень тяжелом состоянии. Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии. Некоторые умерли уже после освобождения.

Вот что произошло со мной и моими товарищами в те три и три четверти года, которые я провел в заключении.

Я вполне понимаю, что невозможно рассказать о всех деталях, но я надеюсь, что то, что я рассказал, дает представление о том, как немецкая служба СС действовала в отношении норвежцев и в Норвегии.

Дюбост: *По какой причине Вы были арестованы? Какое Вам предъявлялось обвинение?*

Каппелен: *Я, как и большинство норвежцев, считал, что тем или иным путем воюем с Германией и, естественно, большинство из нас было настроено против немцев. Я помню, когда в гестапо спросили меня: «Что вы думаете о господине Квислинге», я ответил: «Что бы вы сделали, если бы немецкий офицер, когда ваша страна воевала и правительство дало приказ о мобилизации, пришел бы и сказал: «Забудьте о мобилизации». Такого человека нельзя было бы уважать...»*

Дюбост: *У меня нет больше вопросов.*

---

[1] Граф Бернадот, двоюродный брат короля Швеции, выступавший как посредник между Германией и союзниками.

Документ ПС-2223

ИЗ ДНЕВНИКА ФРАНКА О ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯХ НА СОВЕЩАНИЯХ 30 МАЯ 1940 Г., 14 АПРЕЛЯ 1942 Г. И 14 ЯНВАРЯ 1944 Г.

Заседание с чиновниками полиции в четверг 30 мая 1940 г.
Начало заседания: 10 час. 20 мин.
Генерал-губернатор, имперский министр д-р Франк:

...Господа!

На это я должен сказать только одно: я могу проводить эту польскую политику только вместе с вами. Извините за откровенность. Если бы здесь в стране у меня не было бойцов старой национал-социалистской гвардии полиции и СС, с кем было бы нам тогда проводить эту политику? Я не мог бы делать этого с вермахтом и вообще ни с кем. Это такие серьезные дела, и мы, как национал-социалисты, стоим здесь перед такой чудовищно трудной и ответственной задачей, что даже говорить об этих вещах мы можем только в самом тесном кругу.

Поэтому, если мы перед лицом всех этих трудностей хотим достичь цели полного господства над польским народом на этой территории, то мы должны не терять времени. 10 мая началось наступление на Западе, это значит, что в этот день угас преобладающий интерес мира к происходящему здесь у нас. Чего только ни натворили в мире пропаганда зверств и лживые сообщения о действиях национал-социалистских властей в этой области. Мне было бы совершенно безразлично, если бы по этому поводу приходили в возбуждение американцы, или французы, или евреи, или, может быть, папа римский. Однако для меня и для каждого из вас ужасно в течение этих месяцев вновь и вновь слышать голоса, раздававшиеся из министерства пропаганды, из министерства иностранных дел, из министерства внутренних дел и даже из вермахта о том, что мы установили убийственный режим, что мы должны прекратить этот ужас и т. д. Было также ясно, что с тех пор, пока эта область находилась под перекрестным огнем всего мира, мы были лишены возможности предпринимать нечто подобное в большем масштабе. Но с 10 мая мы не придаем этой ведущейся в мире пропаганде зверств никакого значения. Теперь мы должны использовать предоставившийся нам момент. Если теперь там, на Западе, каждую минуту и секунду должны приноситься в жертву тысячи жизней людей лучшей немецкой крови, то, как национал-социалисты, мы обязаны думать о том, как бы за счет этих немецких жертв ни поднялась польская нация. Поэтому именно в это время я в присутствии обергруппенфюрера СС Крюгера[1] обсудил с камрадом Штрекенбахом[2] эту чрезвычайную программу умиротворения, содержание которой сводилось к тому, чтобы

---

[1] Высший руководитель СС и полиции в так называемом генерал-губернаторстве, статс-секретарь при Гансе Франке.

[2] Бригадефюрер СС, один из приближенных к Франку лиц, впоследствие работал в центральном аппарате РСХА.

в ускоренном порядке покончить теперь с массой находящихся в наших руках мятежных политических деятелей сопротивления и прочими политически неблагонадежными индивидуумами и в то же время разделаться с наследием прежней польской преступности. Я признаюсь откровенно, что тысячи поляков поплатятся за это жизнью, и прежде всего это будут ведущие представители польской интеллигенции. Нас всех, национал-социалистов, это время обязывает позаботиться о том, чтобы польский народ не был в состоянии оказывать сопротивление. Я знаю, какую ответственность мы тем самым берем на себя. Ясно, однако, что мы можем это сделать, исходя как раз именно из необходимости взять на себя защиту рейха с фланга на Востоке. Но более того: обергруппенфюрер Крюгер и я решили, что акция умиротворения будет проведена в ускоренной форме. Позвольте вас просить, господа, помочь нам при выполнении этой задачи со всей вашей энергией. Все, что от меня зависит, будет сделано для того, чтобы облегчить выполнение этой задачи. Я обращаюсь к вам, как к борцам национал-социализма, и, пожалуй, мне нет необходимости что-либо к этому добавлять. Мы проведем это мероприятие, как я могу сообщить вам доверительно, именно во исполнение приказа, который дал мне фюрер. Фюрер сказал мне: вопрос проведения и обеспечения германской политики в генерал-губернаторстве является первым делом ответственных лиц генерал-губернаторства. Он выразился так: то, что мы сейчас определили как руководящий слой в Польше, нужно ликвидировать, то, что вновь вырастет на смену ему, нам нужно обезопасить и в пределах соответствующего времени снова устранить. Поэтому нам нужен германский рейх, чтобы не утруждать этим имперскую организацию германской полиции. Нам не нужно тащить эти элементы сначала в концентрационные лагеря рейха, так как в результате мы имели бы излишние хлопоты и переписку с членами семей, напротив, мы ликвидируем это дело в этой стране. Мы также сделаем это в той форме, которая является простейшей...

Бригадефюрер Штрекенбах сообщает далее о нынешнем состоянии акции «АБ» и указывает во введении, что полиция безопасности в период с осени прошлого года по март решила задачи, которые были ей указаны, и провела акции, возникшие в ходе общей работы полиции. Параллельно проходила подготовка к планомерному, а тем самым и окончательному подавлению польского политического сопротивления и одновременно к обезвреживанию преступного мира в генерал-губернаторстве. С первой большой акцией против польского движения Сопротивления теперь, собственно, началась планомерная работа. Это широкое вмешательство в польское движение Сопротивления означает начало, которое никогда не будет иметь конца. Ибо однократный арест функционеров не означает конца движения, но дело идет всегда от одного ареста к другому. Так и полиция безопасности со времени акции 31 марта вновь не избавилась от движения Сопротивления, наоборот, оно будет всегда оставаться нашим противником, пока в генерал-губернаторстве вообще имеются круги, которые хотят противопоставить германской администрации сопротивление....

В руках полиции безопасности к началу чрезвычайной акции по умиротворению находилось около 2000 мужчин и несколько сот женщин, которые были взяты под стражу в качестве каким-либо образом уличенных функционеров польского движения Сопротивления. Они действительно представляют собой интеллектуальный руководящий слой польского движения Сопротивления. Конечно, этот руководящий слой не ограничивается 2000 лиц. В делах и картотеках службы безопасности находятся еще около 2000 имен лиц, которых следует отнести к этому кругу. Это лица, которые, учитывая их деятельность и их поведение, и так без исключения подпадают под действующее в генерал-губернаторстве распоряжение об осадном положении. Суммарное осуждение этих людей началось в тот момент, когда был издан приказ о чрезвычайной акции по умиротворению.

Обсуждение военно-полевыми судами 2000 арестованных приближается к концу, и осталось вынести приговоры лишь еще немногим лицам.

После вынесения остальных приговоров военно-полевыми судами начнется акция по задержанию, которая должна привести в руки полиции безопасности, а тем самым к суммарному осуждению, и круг известных службе безопасности, но еще не арестованных людей. Результат этой акции по задержанию еще не установлен. Он рассчитывает на 75%-ный результат. Всего, таким образом, акция охватит круг приблизительно в 3500 человек. Нет никакого сомнения, что с этими 3500 лицами будет взята политически наиболее опасная часть движения Сопротивления в генерал-губернаторстве...

Господин генерал-губернатор подводит итог совещания и говорит:

Что касается концентрационных лагерей, то мы уяснили себе, что здесь, в генерал-губернаторстве, мы не намерены сооружать концентрационные лагеря в собственном смысле слова. Тот, кто у нас на подозрении, должен быть сразу ликвидирован. Те заключенные из генерал-губернаторства, которые находятся в концентрационных лагерях рейха, должны быть предоставлены в наше распоряжение для акции «АВ» или прикончены там. Мы не можем загружать концентрационные лагеря рейха нашими делами... Сохраняется острейшая антипольская тенденция, причем, однако, должно быть обращено внимание на поддержание работоспособности польского рабочего и польского крестьянина. Мы должны уяснить себе, что мы не сможем удержать территорию генерал-губернаторства, если мы начнем против польских крестьян и рабочих истребительный поход в той форме, как он представляется отдельным фантазерам. Речь может идти только об устранении руководящего слоя, а работящий народ должен выполнять полезную работу под нашей властью. Поэтому целесообразно, чтобы эти крестьяне и рабочие рассматривали полицию как свою защиту. Пожалуйста, помогите мне поддержать эту политику раскола! Не повредит, если полиция по собственной инициативе почаще демонстративно будет брать на себя защиту интересов польского рабочего против польского крупного капиталиста. Среди польских крестьян и рабочих должно бы широко распространиться мнение: мы находимся под защитой рейха и его исполнительных органов, и нам нечего бояться, если мы делаем свою работу. Эта всеобщая акция тем важнее, чем острее мы будем выступать против настоящих властителей и руководящих личностей в Польше...

Обергруппенфюрер СС Крюгер благодарит господина генерал-губернатора за то, что он дал представителям СС и полиции новые директивы для их будущей работы, и просит его быть уверенным в том, что полиция и СС непоколебимо и с сознанием ответственности будут и впредь выполнять свой долг под руководством генерал-губернатора...

14.4.1942

16 час. 40 мин.

Обсуждение проблем печати в королевском зале краковского замка.

Господин генерал-губернатор подводит итог обсуждения в следующих словах:

Всем нам ясно, что мы должны дать этому многомиллионному населению Польши прессу, как-то выходящую за чисто информационные рамки. Причина этого не в поляках, а в наших собственных интересах. Ибо мы должны по крайней мере делать вид, будто бы генерал-губернаторство является своего рода охраняемой территорией в рамках великогерманского пространства. Мы не можем окончить борьбу, например, таким образом, что 16 миллионам поляков мы произведем 16 миллионов выстрелов в затылок и тем самым решим польскую проблему. Пока поляки живут, они должны работать на нас и включаться нами в этот трудовой процесс...

14.1.1944
15 час. 00 мин.

Если мы выиграем войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно пустить хоть на фарш.

Но в данный момент речь идет только о том, удастся ли удержать в спокойствии, порядке, труде и дисциплине почти 15 миллионов организующегося против нас враждебного народонаселения. Если это не удастся, тогда я, вероятно, смогу, торжествуя, сказать: я погубил 2 миллиона поляков. Но будут ли тогда идти поезда на Восточный фронт, будут ли работать монопольные предприятия, которые ежемесячно поставляют 500 000 литров водки и столько-то миллионов сигарет, будет ли обеспечено продовольственное снабжение и сельское хозяйство, из которого мы поставили рейху 450 000 тонн одних зерновых, — это уже иной вопрос...

СС в действии, М., 1968, с. 508 — 512.

Документ С-50

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГИТЛЕРА «О ВОЕННОЙ ПОДСУДНОСТИ В РАЙОНЕ «БАРБАРОССА» И ОБ ОСОБЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ВОЙСК» ОТ 13 МАЯ 1941 Г.

Ставка верховного главнокомандующего

13 мая 1941 г.
Совершенно секретно

Подсудность военным судам служит в первую очередь сохранению воинской дисциплины.

Расширение района военных действий на Востоке, формы, которые вследствие этого примут боевые действия, а также особенности противника делают необходимым, чтобы военные суды ставили перед собой только те задачи, которые при их незначительном штате для них посильны во время хода боевых действий и до замирения покоренных областей, то есть ограничили бы свою подсудность рамками, необходимыми для выполнения своей основной задачи.

Это, однако, будет возможно лишь в том случае, если войска сами беспощадно будут себя ограждать от всякого рода угроз со стороны гражданского населения.

Соответственно этому для района «Барбаросса» (район военных действий, тыл армии и район политического управления) устанавливаются следующие правила:

I.

1. Преступления враждебных гражданских лиц впредь до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов.
2. Партизаны должны беспощадно уничтожаться войсками в бою или при преследовании.

3. Всякие иные нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающего.

4. Там, где будет пропущено время для подобных мероприятий или где они сразу были невозможны, заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны.

В отношении населенных пунктов, в которых вооруженные силы подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников.

5. Категорически воспрещается сохранять заподозренных для предания их суду после введения этих судов для местного населения.

6. В местностях, достаточно усмиренных, командующие группами армий вправе по согласованию с соответствующими командующими военно-морскими и военно-воздушными силами устанавливать подсудность гражданских лиц военным судам.

Для районов политического управления распоряжение об этом отдается начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил.

II.
Отношение к преступлениям, совершенным военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению

1. Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок.

2. При обсуждении подобных действий необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918 г., последовавший за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлись результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл.

3. Поэтому судебный начальник должен тщательно разобраться, необходимо ли в подобных случаях возбуждение дисциплинарного или судебного преследования. Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям поддержания воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск. Это относится к тяжелым проступкам, связанным с половой распущенностью, с проявлением преступных наклонностей, или к проступкам, могущим привести к разложению войск. Не подлежат, как правило, смягчению приговоры за бессмысленное уничтожение помещений и запасов или других трофеев во вред собственным войскам.

Предложение о привлечении к уголовной ответственности в каждом случае должно исходить за подписью судебного начальника.

4. При осуждении предлагается чрезвычайно критически относиться к показаниям враждебных гражданских лиц.

III.
Ответственность войсковых начальников

Войсковые начальники в пределах своей компетенции ответственны за то:

1) чтобы все офицеры подчиненных им частей своевременно и тщательно были проинструктированы об основах настоящего распоряжения;

2) чтобы их советники по правовым вопросам своевременно были поставлены в известность как о настоящем распоряжении, так и об устных указаниях, с помощью которых войсковым начальникам были разъяснены политические намерения руководства;

3) чтобы утверждать только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства.

СТЕПЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ

С окончанием периода маскировки настоящее распоряжение сохраняет гриф «совершенно секретно».

По поручению

Начальник штаба
верховного командования
вооруженных сил
Кейтель

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, ед. хран. 166.

Документ ПС-1058

ИЗ РЕЧИ РЕЙХСЛЕЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ ГЕРМАНИИ В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПЛАНАХ ЕГО РАСЧЛЕНЕНИЯ 20 июня 1941 г.

...Имеются две противостоящие друг другу концепции германской политики на Востоке: традиционная и другая, выразителями которой мы, по моему мнению, должны быть, и в зависимости от решения, утвердительного или отрицательного, в отношении этой концепции будет определяться ход событий на ближайшие столетия.

Одна точка зрения— *Германия вступила в последний бой с большевизмом и этот последний бой в области военной и политической нужно довести до конца; после этого наступит эпоха строительства заново всего русского хозяйства и союз с возрождающейся национальной Россией.*

Этот союз будет означать образование на все будущие времена континентального блока и будет неуязвим.

Это было бы особенно удачным сочетанием потому, что Россия аграрная, а Германия — индустриальная страна, и поэтому они успешно могут противостоять капиталистическому миру. Это было обычным взглядом многих кругов до сих пор. Мне думается, я уже на протяжении 20 лет не скрываю, что являюсь противником этой идеологии...

Сегодня же мы ищем не «крестового похода» против большевизма только для того, чтобы освободить «бедных русских» на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления, как первоначальная сущность европейских исторических сил. Сообразно с этим, мы должны сегодня систематически сознавать наше будущее положение. Война с целью образования неделимой России поэтому исключена. Замена Сталина новым царем или выдвижение на этой территории какого-либо другого национального вождя — все это еще более мобилизовало бы все силы против нас. Вместо этой, имеющей, правда, до сих пор распространение

идеи единой России, выступает совершенно иная концепция восточного вопроса...

Задачи нашей политики, как мне кажется, должны поэтому идти в том направлении, чтобы подхватить в умной и целеустремленной форме стремление к свободе всех этих народов и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы.

Четыре больших блока должны будут оградить нас и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы:

1. Великая Финляндия.
2. Прибалтика.
3. Украина.
4. Кавказ...

Нет, однако, оснований к тому, чтобы это порабощение могло быть вечным божественным законом. Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом снова на восток. Сибирские пространства огромны и в центральной части плодородны. Многие революционеры, которые были сосланы русским царским правительством в Сибирь, были превосходными людьми. Сибирские полки считались в русском государстве особенно хорошими. Даже если русских оттеснить от тех пространств, которые не принадлежат им, у них останется большее пространство, чем когда-либо было у любого европейского народа.

Обеспечение продовольствием германского народа в течение этих лет несомненно будет главнейшим германским требованием на Востоке, южные области и Северный Кавказ должны будут послужить компенсацией в деле обеспечения продовольствием германского народа. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы. Насколько нами еще должна быть оставлена промышленность (вагоностроительные заводы и т. д.), это будет решено позднее. Для германского государства и его будущего трактовка и проведение этой политики на собственной русской территории представляют собой огромные политические и отнюдь не негативные задачи, какими они, возможно, могут казаться, когда в них будут видеть только жестокую необходимость эвакуации. Поворот русской динамики на восток является задачей, которая требует сильных характеров. Возможно, будущая Россия одобрит когда-нибудь это решение, конечно, не в ближайшие 30 лет, а лет 100 спустя, так как ведущаяся до настоящего времени борьба в течение последних 200 лет разрывала русскую душу... Если русские теперь будут изолированы от Запада, тогда они, возможно, вспомнят о своих первоначальных силах и о том пространстве, к которому они принадлежат. Возможно, по истечении столетий какой-либо историк будет трактовать это решение иначе, чем сегодня это кажется возможным для русского.

Я покажу вам совсем коротко границы, которые будут занимать эти четыре рейхскомиссариата при условии, если с этим согласится фюрер. При этом приняты во внимание политическая цель, принадлежность к нации и настоящие административные границы Советского Союза, которые нельзя изменить немедленно.

Рейхскомиссариат Прибалтики будет иметь четыре генеральных комиссариата (из них три будут называться пандесхауптманшафтен), которые в свою очередь будут соответственно подразделены. Граница проходит западнее Петербурга, южнее Гатчины к озеру Ильмень, затем на юг, 250 километров западнее Москвы, вплоть до границы украинского населения. Граница подвинется далеко на восток, с одной стороны, потому что в этих областях живут остатки древних народностей эстонцев и латышей, и, с другой стороны, это будет разумно, так как мы планируем в Западной Прибалтике провести серьезную германизацию и освежение крови. Здесь будет создана между собственно Эстонией и Россией полоса населения эстонцев и латвийцев, которые трудолюбиво выполняют свои обязанности

и жизненные интересы которых связаны с Германией, так как любое нападение со стороны России было бы для них гибелью. Окончательное проведение границ, само собою разумеется, будет предпринято ОКВ в соответствии со стратегическими требованиями. Непосредственно к этой границе примыкает белорусская как центр сосредоточения всех социально опасных элементов, который будет содержаться подобно заповеднику. Эта область получит со временем право некоторой автономии. В отличие от обозначения Эстонии, Латвии и Литвы как ландесхауптманшафтен Белоруссия будет называться генеральным комиссариатом.

Этот рейхскомиссариат будет занимать площадь в 550 тыс. кв. км с населением в 19,3 млн. человек.

Украинские границы охватывают собственно Украину, включая области Курска, Воронежа, Тамбова, Саратова. В течение нескольких лет я поручил изготовлять своему учреждению этнографические карты для всего Востока. Мы приблизительно установили, как проходят этнографические границы. Черноземная область, являющаяся самой плодородной областью России, может совершенно спокойно быть отнесенной к украинскому правительству, однако это не является окончательным решением вопроса.

Украина будет разделена на 8 генеральных комиссариатов с 24 главными комиссариатами. Она занимает площадь в 1,1 млн. кв. км с населением в 59,5 млн. человек.

На Кавказе границы тянутся восточнее Волги, затем южнее Ростова. Остальные существовавшие государственные границы по-прежнему проходят вдоль Турции и Ирана.

Эта область имеет площадь больше 500 тыс. кв. км и 18 млн. жителей. Она будет разделена на 6 генеральных комиссариатов.

Остальная территория является собственно Россией. Она занимает 2,9 млн. кв. км с населением в 50—60 млн. человек. Области, обозначенные здесь вверху белой краской, являются почти ненаселенными. То, что мы должны сделать, чтобы руководить и сохранить эти области, является задачей, которую наше поколение, должно быть, не сможет решить окончательно, это будет задачей столетий...

Фюрер назначил меня 20 апреля этого года своим непосредственным уполномоченным для централизованного решения вопросов восточноевропейского пространства. Вместо должности уполномоченного, возможно, будет создано учреждение с определенными правовыми и государственными задачами. Сегодня нельзя определить и перечислить служебные должности, но можно считать разрешенными следующие моменты:

1) Полномочие осуществлять на Востоке правопорядок предоставлено мне.

2) Вопрос подчиненности четырех рейхскомиссаров, которые получают указания только от меня.

3) Все руководство областью осуществляется рейхскомиссаром.

Само собой разумеется, это не затрагивает директивных прав рейхсмаршала как уполномоченного по четырехлетнему плану. Имперские комиссары будут, таким образом, носителями суверенитета Германской империи и наряду с ними четыре военных главнокомандующих, назначенных фюрером. Остальные общие и частные вопросы будут решаться фюрером.

От меня назначаются представители в ОКВ и ОКХ, а также в группы армий для участия в обсуждении предстоящей политической организации. Я прошу вас пожелания других учреждений в отношении затронутых вопросов направлять ко мне...

Итак, перед нами стоят две гигантские задачи:

1) Обеспечить продовольственное снабжение и военное хозяйство Германии, это великая задача рейхсмаршала.

2) Навсегда освободить Германию от политического давления с Востока. Это политическая цель борьбы. Эта цель должна быть достигнута умной политикой, правильно оценивающей прошлое и настоящее. Проведение такой политики требует ясности и твердости мысли и действий. Каждое действие должно стремиться служить обеим этим целям. Добровольное сотрудничество всех тех, кто хочет идти вместе с Германией, явится порукой легкого достижения хозяйственных успехов для блага обеих частей.

Но мы не предаемся иллюзиям. Это примитивная страна, и наши солдаты встретят там совсем другие условия, чем те, к которым они привыкли в Европе. Они не найдут ни банков, ни хороших отелей, ни кроватей, но частью взорванные жилые дома и запущенное жилищное хозяйство. Они должны будут добывать себе буквально все, что необходимо культурным людям. Все люди, которые идут в эту страну, должны учесть, что они служат гигантской задаче и что они приняли на себя годы тяжелейшей колонизаторской работы.

Само собой разумеется, что законодательством предусмотрено приравнять год работы на Востоке к четырем или пяти годам в империи. Эту тяжелую работу следует поддерживать всеми средствами. Но мы думаем, что раз проведенная эта работа сохранится не на короткое время и что действительно Европа навсегда окажется продвинутой дальше на Восток.

Я хотел бы еще раз выразить всем вам благодарность за поддержку, которая мне была оказана в эти недели.

Все, которые идут туда, взваливают на себя тяжкую ношу, которую, однако, они могут взять на себя только тогда, если они знают, что верно служат политической идее национал-социализма, окончательному переустройству нашего старого континента. Если все мы будем добросовестно служить этой общей задаче, мы сможем помочь фюреру осуществить великий труд его жизни.

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, ед. хран. 144.

ИЗ ДОПОЛНЕНИЯ К ДИРЕКТИВЕ ОКВ № 33[1]

Ставка верховного главнокомандующего — 23 июля 1941 г.

После доклада главнокомандующего сухопутными войсками фюрер приказал 22 июля сделать следующее дополнение и разъяснение к директиве номер 33.

«...П. 6. Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска ввиду обширности этого пространства будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению.

Соответствующие командующие вместе с подчиненными им войсковыми частями должны нести ответственность за спокойствие в их районах. Не в употреблении дополнительных охранных частей, а в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства для поддержания порядка в своих районах безопасности».

Кейтель

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, ед. хран. 141.

---

[1] Директива верховного командования вооруженных сил от 19 июля 1941 г. «О продолжении военных операций на Востоке».

294

ИЗ ПРИКАЗА ОКВ О БЕСПОЩАДНОМ ПОДАВЛЕНИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ И РАССТРЕЛАХ ЗАЛОЖНИКОВ ОТ 16 СЕНТЯБРЯ 1941 Г.

Начальник штаба верховного командования вооруженных сил
Отдел обороны страны
IV квартирмейстер
№ 002060/41
Совершенно секретно

Ставка фюрера,
16.9.41.
Совершенно секретно
Только для командования
40 экземпляров
25-й экземпляр

Относительно: коммунистического повстанческого движения на оккупированных территориях.

1. С самого начала кампании против Советской России на оккупированных Германией территориях повсюду началось коммунистическое повстанческое движение. Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и широкой войной...

Учитывая многочисленные политические и экономические трудности в оккупированных областях следует, кроме этого, считаться с тем, что националистические и другие круги используют эту возможность для того, чтобы совместно с коммунистическими мятежниками создать трудности для немецких оккупационных властей.

Таким образом, во все возрастающей степени создается опасность для немецкого военного руководства, которая проявляется прежде всего в обстановке всеобщего беспокойства для оккупационных войск, а также привела уже к отвлечению сил, необходимых для подавления главных очагов мятежа.

2. Использовавшиеся до сих пор средства для подавления коммунистического повстанческого движения оказались недостаточными. Фюрер приказал применять повсеместно самые решительные меры для того, чтобы в кратчайшие сроки подавить это движение.

Порядок и спокойствие могут быть восстановлены лишь таким путем, который всегда оказывался успешным в истории расширения господства великих народов.

3. Исходя из вышесказанного, необходимо действовать в соответствии с нижеизложенными основными принципами:

а) Во всех случаях выступления против немецких оккупационных властей, независимо от обстоятельств в том или ином случае, необходимо исходить из того, что речь идет о возмущениях коммунистического происхождения.

б) Для того чтобы в зародыше задушить недовольство, необходимо при первых же случаях незамедлительно принимать самые решительные меры для того, чтобы укрепить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение движения. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, как правило, смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия.

Всякая другая линия поведения, и прежде всего связанная с относительно мягкими карами, а также ограничивающаяся лишь угрозами применения более суровых мер, не соответствовала бы этим основным принципам и поэтому не подлежит осуществлению.

в) Политические отношения между Германией и соответствующей страной не могут оказывать влияния на поведение и позицию немецких оккупационных властей...

г) Как правило, местные силы страны не должны привлекаться для проведения подобных насильственных мер. Следует предотвратить укрепление этих сил, поскольку это влечет за собой рост опасности для наших войск.

Вместе с тем следует широко использовать выдачу премий и вознаграждений населению для того, чтобы добиться его содействия в подходящей форме.

д) В тех случаях, когда в порядке исключения могут применяться военно-полевые суды в связи с коммунистическими мятежами или другими аналогичными выступлениями против немецких оккупационных властей, они должны выносить наиболее суровые приговоры.

Подлинным средством устрашения при этом может служить только смертная казнь. В частности, следует карать смертью все действия шпионов, диверсантов, акты саботажа, а также лиц, стремящихся установить связь с какой-либо иностранной армией. В случаях недозволенного хранения оружия также следует, как правило, выносить смертный приговор.

4. Командующие войсками в оккупированных областях должны проследить за тем, чтобы эти принципы были незамедлительно доведены до сведения всех военных учреждений и инстанций, связанных с подавлением коммунистических мятежей и восстаний...

Кейтель

СС в действии, с. 517—518.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСК СС РЕЙХСФЮРЕРУ СС ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЙСК СС В ПРОТЕКТОРАТЕ БОГЕМИЯ И МОРАВИЯ ОТ 14 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Главное управление СС
Управление командования войск СС
Оперативный отдел № 4116/4,

Берлин
Бильмерсдорф
Кайзераллее, 138,
14.X.1941 г.

Секретно!

Донесение о чрезвычайном положении
для гражданского населения
Рейхсфюреру СС

По вопросу использования войск СС в протекторате Богемия и Моравия в связи с введением чрезвычайного положения для гражданского населения направляю следующее донесение.

К проведению расстрелов и осуществлению надзора при казнях через повешение привлекались поочередно все батальоны войск СС, находящиеся в протекторате Богемия и Моравия.

До настоящего времени имели место:

в Праге—*99 расстрелов, 21 повешение; в Брно—54 расстрела, 17 повешений. Всего 191 казненный (из них 16 евреев).*

Подробный отчет о других мероприятиях и о поведении руководителей, командиров подразделений и рядовых будет сделан после отмены чрезвычайного положения для гражданского населения.

Группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС
(подпись)

Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 2, с. 376.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОМИССАРА БЕЛОРУССИИ КУБЕ О РАССТРЕЛЕ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ ОТ 20 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

гор. Минск *20 октября 1941 г.*

С согласия имперского комиссара Остланда постановляю:

ограничить время хождения в городах генерального округа Белоруссии от вечерних сумерек до рассвета.

Гражданские лица, которые в указанное время без уважительной причины будут встречены на улице, будут сейчас же расстреляны военным судом.

Для посещающих театр и другие культурные учреждения выйдет особый приказ.

Это распоряжение входит в силу с 1 ноября 1941 г.

Генеральный комиссар Белоруссии
Вильгельм Кубе

Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 2, с. 395.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ О КАЗНЯХ ЮГОСЛАВСКИХ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Местная комендатура Крагуеваца — Крагуевац, 21 октября 1941 г.

Объявление

Трусливые и коварные нападения на германских солдат на прошлой неделе, во время которых 10 человек было убито и 26 ранено, должны быть искуплены.

Поэтому за каждого убитого германского солдата было расстреляно 100, а за каждого раненого — 50 местных жителей, в первую очередь коммунисты, бандиты и их пособники, всего 2300 человек.

Впредь в каждом подобном случае будут поступать с такой же строгостью, хотя бы это был лишь акт саботажа.

Старший по гарнизону

СС в действии, с. 519—520.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ЭЙНЗАТЦГРУППЫ «А» О МАССОВЫХ КАЗНЯХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Приложение 8*

Данные о числе проведенных до настоящего времени казней.
Отчет о числе казненных лиц:

Литва	евреи	коммунисты	всего
Каунасская область, город и окрестности	31 914	80	31 994
Шауляйская область	41 382	763	42 145
Виленская область	7015	17	7 032
итого:	80 311	860	81 171
Латвия			
Рижская область, город и окрестности			6 378
Митава			3 576
Либава			11 860
Вольмар			209
Динабург			9 845
итого:			31 868
Эстония	474	684	1 158
Белоруссия			7 620
Итоговые данные:	118 430	3 387	121 817

К этому добавляются:

Ликвидированные во время погромов в Литве и Латвии евреи — 5 500
Казненные на территории России евреи,
коммунисты и партизаны — 2 000

Душевнобольные — 748

Ликвидированные в пограничной полосе государственной полицией и службой безопасности Тильзита

коммунисты и евреи — 5 502

Всего уничтожено: 135 567

С подлинным верно
(подпись)

Из донесения начальника эйнзатцгруппы «А» бригаденфюрера СС Шталекера от 31 октября 1941 г.

СС в действии, с. 521—522.

Документ Р-102

ИЗ ОТЧЕТА № 6 О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭЙНЗАТЦГРУПП ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД В СССР ЗА ПЕРИОД С 1 ПО 31 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Секретный документ имперского значения!

100 копий
Копия 42-я

СОДЕРЖАНИЕ

I. МЕСТА ДИСЛОКАЦИИ
II. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. ОСТЛАНД
а) Партизанское движение и борьба с ним
б) Положение в Ленинграде
в) Евреи

Б. БЕЛОРУССИЯ
а) Партизанская деятельность и борьба с нею
б) Аресты и расстрелы коммунистов, функционеров и уголовников
в) Евреи
г) Вражеская пропагандистская деятельность
д) Захваченный материал

В. УКРАИНА
а) Партизанская деятельность и борьба с нею
б) Аресты и расстрелы коммунистов и функционеров
в) Евреи
г) Вражеская пропагандистская деятельность
д) Захваченный материал

III. ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И КУЛЬТУРА

А. БЕЛОРУССИЯ
а) Хозяйство и торговля
б) Положение со снабжением
в) Сельское хозяйство
г) Культура
д) Церковь

Б. УКРАИНА
а) Хозяйство и торговля
б) Положение со снабжением
в) Сельское хозяйство
г) Культура
1. Школа
2. Церковь

IV. ПОВЕДЕНИЕ ЧУЖЕРОДНЫХ НАРОДНЫХ ГРУПП

А. БЕЛОРУССИЯ

а) Поведение в отношении германской нации

Б. УКРАИНА

а) Поведение в отношении германской нации
б) Стремление к самостоятельности
в) Поведение в отношении большевизма

I. МЕСТА ДИСЛОКАЦИИ

Места дислокации эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД за отчетный период на Северном участке фронта изменялись.

Нынешние места дислокации таковы:

Эйнзатцгруппа «А»: *с 7.10. 1941 г. — Красногвардейск*
Эйнзатцгруппа «Б»: по-прежнему — Смоленск
Эйнзатцгруппа «С»: *с 27.9.1941 г. — Киев*
Эйнзатцгруппа «Д»: *с 27.9. 1941 г. — Николаев.*

Подчиненные эйнзатцгруппам эйнзатцкоманды и зондеркоманды находятся и далее вместе с продвигающимися вперед частями сухопутных войск на марше в указанные им территориальные участки.

II. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. ОСТЛАНД

а) Партизанская деятельность и борьба с нею.

Деятельность большевистских партизан в районе действий эйнзатцгруппы «А» приведена к некоторому усмирению. Несмотря на это разведывательная деятельность расширялась путем засылки разведчиков из числа гражданских лиц, привлечения к ней старост деревень и населения. Результаты предварительной разведывательной работы служили основой для различных акций по активной борьбе с партизанами.

Из захваченного донесения одной партизанской группы о ее деятельности можно установить, что в рядах партизан ввиду начинающегося холодного времени года принимают в расчет, что смогут продержаться не долее середины ноября.

б) Положение в Ленинграде.

Эйнзатцгруппе «А» полиции безопасности и СД благодаря тщательной повседневной работе удалось получить всестороннее представление об общем политическом и военном положении в Ленинграде. Разведывательные данные военного характера немедленно передавались далее заинтересованным в них военным органам. Они вызывали к себе исключительно сильный интерес и частично служили основой для приказов командования армии об артиллерийских обстрелах.

Разведданные добывались в общем и целом следующими путями:

а) от русских перебежчиков (непосредственно схваченных нашими зондеркомандами или же переданных войсками);

б) из показаний военнопленных (систематическое прочесывание военных лагерей для военнопленных. Особенно успешно);

в) от гражданских лиц, привлеченных к разведдеятельности и агентов. (Вследствие стабилизации фронтов, а также наличия окопов, заграждений и минных полей заброска агентов через линию фронта противника и их возвращение назад чрезвычайно трудны. Засылались лишь те агенты, которые имели подлинные документы, удостоверявшие их большевистскую благонадежность, а с другой стороны, благодаря определенным

заявлениям и личным подпискам они полностью находятся в руках полиции безопасности и СД.)

1. Настроение населения

Еще несколько недель назад уверенное настроение населения в результате продолжающегося обстрела Ленинграда сменилось исключительной нервозностью. Объявленное сокращение продовольственных рационов усиливает этот процесс. Характерным признаком нынешнего настроения является склонность к распространению слухов. Газетная пропаганда потеряет свое воздействие, поскольку во многих случаях население может убедиться в лживости информации. Пресса в общем перешла к тому, чтобы давать победные сообщения без указания участка фронта и воинских частей. Этот факт служит предметом иронических реплик, которые по смыслу звучат примерно в таких выражениях: «Наши побеждают, а немцы захватывают!»

В конечном счете вырисовывается общая усталость от войны и вместе с тем тупая тревога перед тем, что произойдет после считающейся неизбежной капитуляции. В бесчинства и злодеяния германских солдат больше не верят. Однако считаются с возможностью резких действий против евреев и коммунистов[1].

Немецкие листовки, призывающие к сопротивлению коммунистическим партийным органам и нынешнему режиму, хотя и не привели ни к какой активизации населения, рассматриваются и приветствуются, однако, как извещение о будущих германских мерах. Листовки жадно читаются поодиночке, но из страха перед доносами дальше не передаются. Зачастую они тайно сохраняются как законное подтверждение в дальнейшем своих антибольшевистских взглядов на случай вступления германских войск.

Хотя и весьма разрозненно, а именно среди молодых членов отрядов противовоздушной обороны и охраны предприятий, дело доходило и до образования оппозиционных групп, а на одном общем собрании на фабрике «Скороход» при открытом голосовании 50% всех рабочих высказались за сдачу города. Однако на всеобщее повстанческое движение рассчитывать не приходится. Речь при этом идет только об исключительных случаях.

2. Положение со снабжением

Положение со снабжением Ленинграда в результате его блокады и связанной с этим невозможностью подвозить продовольствие из областей, где оно имеется в избытке, является крайне напряженным. Хлебные рационы составляют 150—200 граммов в день для рабочих и 100—150 граммов для прочего населения в день. Ежемесячный мясной рацион для рабочих равен 600 граммам, однако получить можно только говядину и конину. Масло, овощи и сахар уже давно исчезли на рынках.

С тех пор как город находится под обстрелом, продовольственные запасы складированы во временно устроенных хранилищах вне городской территории.

Для населения были, по германскому образцу, выданы карточки на одежду, предусматривающие для рабочих 120 талонов, а для всего остального населения 60 талонов. Однако практически текстильные изделия и обувь получить нельзя.

Ввиду нехватки угля и разрушения электростанции потребление электроэнергии пришлось ограничить и нормировать. Не имеющим военного значения предприятиям подача тока не производится. Нехватка топлива делает невозможным и отопление квартир. Выбитые в результате обстре-

---

[1] Здесь и далее составители отчета искажают настроение большинства советских граждан, патриотизм которых доказала их беззаветная стойкость в борьбе с врагом и трудностями блокады.

ла оконные стекла заменены быть не могут, поскольку оконное стекло отсутствует.

Водопровод в целом еще действует, хотя происходят различные, вызванные бомбежкой и артобстрелом местные повреждения и сбои в сети водоснабжения.

3. Деятельность партии и ее органов

С конца сентября «особые отделы» НКВД на крупных предприятиях перешли к вербовке агентов для разведывательной деятельности в тылу немецкой линии фронта и предоставления их в распоряжение Красной Армии. Предпочтительна молодежь, которая должна вызывать на немецких полевых кухнях сострадание к себе, чтобы при этой оказии выполнять свои задания по наблюдению.

Дабы поднять у широких слоев населения волю к сопротивлению, вступление в партию чрезвычайно облегчено и одновременно проводится большая вербовочная кампания. Полагают, что вновь завербованные члены партии из страха перед германскими акциями возмездия будут сопротивляться до последнего.

НКВД своими собственными патрулями и милицейскими постами еще более усилил контроль за гражданским населением. Почти на каждом важном уличном перекрестке, на мостах и вокзалах производится проверка документов. Для рабочих военных предприятий введен особенно строгий режим пропусков.

4. Красная Армия

В настроении внутри Красной Армии уже продолжительное время можно наблюдать спад[1]. Так, например, почти все перебежавшие рядовые разгромленного 1 октября 1-го полка НКВД (отборная политическая воинская часть) высказывали между собою намерение перебежать. Большое озлобление вызвано плохим медицинским обеспечением раненых. В целом сообщается о недостаточном вооружении зачастую подготовленных всего за несколько дней и немедленно брошенных на фронт запасных частей. В 3-м полку 86-й дивизии на 300 человек приходилось 50 винтовок.

в) Евреи

В 1940 г. в Эстонии, почти исключительно в Ревеле, Дерпте, Нарве и Пярну, проживало около 4500 евреев. В сельских местностях евреи встречались мало. После захвата Остланда германскими войсками в наличии имелось еще около 2000 евреев. Преобладающая часть их покинула страну в восточном направлении вместе с советскими гражданами и Красной Армией.

Стихийные выступления против еврейства с последующими погромами со стороны населения против оставшихся евреев отмечены не были, поскольку соответствующая деятельность не велась. Созданные при вступлении вермахта отряды эстонской самообороны немедленно начали акцию по аресту *всех евреев. Этой акцией руководила эйнзатцгруппа полиции безопасности и СД.*

В качестве проведенных мер следует назвать:

1. Арест всех евреев мужского пола старше 16 лет.
2. Арест всех проживавших в Ревеле и его окрестностях трудоспособных евреек в возрасте от 16 до 60 лет, которые должны использоваться на добыче торфа.
3. Компактное размещение всех проживающих в Дерпте и его окрестностях евреек в синагоге в Дерпте.
4. Арест трудоспособных евреев и евреек в Пярну и его окрестностях.
5. Учет всех евреев по возрасту, полу и трудоспособности с целью препровождения в лагерь, который находится в стадии строительства.

Евреи мужского пола старше 16 лет, за исключением врачей и еврейских старост, были подвергнуты экзекуции[2]. В настоящее время эти

[1] Стойкость, с которой сражались части Красной Армии, не допустившие захват Ленинграда, опровергает это утверждение.

[2] Т. е. казнены.

мероприятия еще продолжаются. По завершению акции в Остланде в наличии будет иметься лишь 500 евреек и детей.

В качестве немедленной меры эйнзатцгруппой полиции и СД было предписано:

1. Ношение всеми евреями опознавательного знака.
2. Запрет заниматься общественным ремеслом.
3. Запрет пользования тротуарами и общественным транспортом, а также посещения театров, кино, закусочных и столовых.
4. Запрет посещения школ.
5. Конфискация всего принадлежащего евреям имущества.

Б. БЕЛОРУССИЯ

а) Партизанская деятельность и борьба с нею

В противоположность Северному участку в сфере действий эйнзатцгруппы Б партизанская деятельность несколько возросла. Только в одних Великих Луках поступило 19 донесений о нападениях партизан. Однако центр тяжести партизанской деятельности переместился за последнее время на совершение актов саботажа. При этом установлено, что крупные группы делятся на более мелкие. Тем самым достигается лучшая маскировка и большая подвижность. Насколько далеко заходит эта маскировка, показывают три случая, когда партизаны женились в деревнях, чтобы не вызывать подозрения.

Далее, подвергались разоблачению красноармейцы, обманным путем получившие у частей вермахта свидетельства, согласно которым они ранее являлись политическими заключенными в СССР, поэтому находятся вне подозрения и отпускаются на свободу. При допросах их эйнзатцкомандами полиции безопасности и СД они после длительного отрицания признавали, что получили приказ выдавать себя за политических заключенных или занятых принудительным трудом рабочих и вновь вступать в борьбу за линией фронта в качестве партизан.

Постоянно можно констатировать, что население отказывается поддерживать партизан и в различных случаях даже активно действует против партизан, если этим можно не допустить уничтожения собственного имущества[1].

В ходе ряда акций против небольших партизанских групп удалось убить некоторое количество партизан.

Около Хозлавичей были схвачены и ликвидированы 4 партизана, которые обстреляли одного немецкого солдата.

Юго-восточнее Демидова при прочесывании лесов были взяты в плен 5 партизан, которые сознались, что убили 14 немецких солдат. Они были ликвидированы.

Во время нескольких акций северо-западнее Велижа были схвачены и расстреляны 27 партизан.

В деревне Михайлово той же командой полиции безопасности и СД после тщательной разведки с помощью осведомителей из гражданского населения были внезапно застигнуты, схвачены и на следующий день повешены в особо зараженном партизанской деятельностью населенном пункте 8 партизан.

Председатель районного и местного Совета в Тереничах и его секретарь были расстреляны за то, что поддерживали связь с партизанами.

При одной акции примерно в 70 км южнее Могилева были атакованы 25 армян, *киргизов и монголов с подложными документами, при помощи которых они хотели скрыть свою принадлежность к одной партизанской группе. Они были ликвидированы.*

---

[1] К борьбе с партизанами оккупантам удалось привлечь лишь незначительное количество крестьян, бывших уголовников и прочих предателей, пошедших в услужение к нацистам.

В той же местности удалось схватить и ликвидировать 5 партизанских командиров.

Одна команда полиции безопасности и СД расстреляла у Ивников трех партизан, которые незадолго до их захвата бросили свое оружие в ручей.

В Вульчине были схвачены и расстреляны как партизаны 8 подростков. Это были воспитанники одного детского дома. Они собирали и прятали в лесу оружие. Дальнейшие поиски обнаружили: 3 станковых пулемета, 16 винтовок, несколько тысяч патронов, несколько ручных гранат и противоипритных пакетов.

б) Аресты и расстрелы коммунистов, функционеров и уголовников

Другим широким полем деятельности полиции безопасности и СД являлась борьба с коммунистами и уголовниками.

Зондеркоманда расстреляла за отчетный период 63 функционера, агента НКГБ и агитатора.

Вблизи вокзала Тычинино были расстреляны 4 девушки за то, что они отвинчиванием болтов креплений рельсов пытались осуществить крушение железнодорожного состава.

3 коммунистических функционера и один политрук были ликвидированы у Городни.

В Могилеве были расстреляны 18 лиц, осуществлявших свою деятельность в качестве политических функционеров и политруков. При них найдено оружие.

Одна эйнзатцкоманда изобличила одного из депутатов Верховного Совета Белорусской Советской республики в поджоге, осуществленном в Витебске. Он был расстрелян.

Кровавый подвал в Чернигове.

В здании НКВД в Чернигове был обнаружен кровавый подвал. Он был полностью звуко- и светоизолирован. Помещение служило местом казни; стена была обита пулеулавливающими досками, перед ней насыпаны опилки, совершенно пропитанные кровью.

Душевнобольные.

При своем отступлении войска красных открыли двери дома для умалишенных и вооружили часть находившихся в нем на излечении. Был схвачен и ликвидирован 21 душевнобольной[1].

В Минске были расстреляны 632 и в Могилеве — 836 душевнобольных.

В Могилеве, кроме того, были подвергнуты экзекуции 33 грабителя.

Произведенные за отчетный период ликвидации достигли уровня 37 180 лиц.

в) Евреи

Как и прежде, следует констатировать, что население воздерживается от какой-либо самостоятельной акции самопомощи в отношении евреев. Правда, население единодушно заявляет о терроре со стороны евреев, которому оно подвергалось во время советского режима, или же оно жалуется на злоупотребления евреев. Однако несмотря на это ни на какие погромы оно не идет.

Тем круче были действия эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, требовавшие вмешательства в самых различных областях.

В Городне были ликвидированы 165 еврейских террористов, а в Чернигове — 19 евреев — коммунистов. Еще 8 коммунистов-евреев были расстреляны в Березне.

Неоднократно делался вывод, что еврейским женщинам особенно присуща привязанность к своему месту жительства. По этой причине пришлось расстрелять в Круглом 28 и в Могилеве — 337 евреек.

В Борисове подвергнуты экзекуции 321 еврейский саботажник и 118 еврейских грабителей.

---

[1] Измышления о «вооружении» душевнобольных потребовались авторам доклада для мотивировки преступных действий в отношении них.

В Бобруйске были расстреляны 380 евреев, которые до последнего времени вели подстрекательскую пропаганду против германских войск и распространяли вымыслы о творимых ими зверствах.

В Татарске евреи самовольно покинули гетто и вернулись в свои прежние жилища, пытаясь при этом выгнать оттуда вселенных тем временем русских. Все евреи мужского пола, а также 3 еврейки были расстреляны.

При создании гетто в Задрубзе часть евреев оказывала сопротивление, в результате чего пришлось расстрелять 272 еврея и евреек. Среди них находился и один политический комиссар.

В Могилеве евреи тоже пытались саботировать их переселение в гетто. 113 евреев были ликвидированы. Кроме того, были расстреляны 4 еврея за отказ от работы и 2 — за то, что они издевались над ранеными немецкими солдатами и не носили предписанного опознавательного знака. 222 еврея были расстреляны в Талке за антигерманскую пропаганду и 996 — в Марьина-Горка — за то, что саботировали отданные германскими оккупационными властями распоряжения. Еще 627 евреев были расстреляны у Шклова за участие в актах саботажа.

Ввиду огромнейшей опасности эпидемии была начата ликвидация евреев, помещенных в гетто Витебска. Речь идет примерно о 3000 евреев.

г) Вражеская пропагандистская деятельность

Пропагандистская деятельность советских русских в отношении гражданского населения, как и прежде, является весьма активной и многосторонней. Если даже и нельзя установить степени ее воздействия на настроение населения, поскольку она распознана как несоответствующая правде[1], то все же планомерность советской пропаганды и ее техническое превосходство в сравнении с германской производят на гражданское население большое впечатление. Повсюду возникает чувство, что советско-русская сторона прилагает для ее проведения большие усилия, нежели это делается с германской стороны.

Особенно действенной является напоминающая собой газету листовка «Известия с советской Родины». Она содержит сообщения об успехах большевиков и англичан, цифры немецких потерь и описания якобы успешной деятельности партизан.

Другие листовки обращаются к женщинам и девушкам в оккупированных областях и призывают их к участию в партизанских боях.

Большевистская устная пропаганда до сих пор все еще ничем не ограничивается и ведется главным образом евреями[2]. Особенное значение при этом имеет слух, что Сталин распорядился насчет ослабления в Советском Союзе большевистской экономической системы в пользу свободного хозяйства. Посредством этой пропаганды германские меры в области сельского хозяйства значительно ограничиваются.

д) Захваченный материал

Лишь в редких случаях удается заполучить важный и интересный материал, ибо большевики перед своим уходом почти полностью уничтожили или забрали с собой все важные документы и дела.

В Клинцах в квартире одного коммунистического функционера удалось обнаружить инструктивную книгу о танковых войсках Советского Союза и других государств с особым упором на Германию.

В здании НКВД были захвачены протоколы и резолюции заседаний районного и городского Совета, а также внутрипартийные материалы и решения, протоколы приема в партию и вынесения наказаний.

---

[1] Эта оговорка была призвана смягчить признание факта действенности пропагандистских усилий подпольщиков.

[2] Пропагандистская деятельность, естественно, осуществлялась подпольщиками и партизанами независимо от их национальности.

В. УКРАИНА

а) Партизанская деятельность и борьба с нею

Хотя и на Южном участке партизанская деятельность весьма сильна, все же создается впечатление, что на расширение и эффективность этой партизанской деятельности сильное влияние оказали бегство высших партийных руководителей и недостаток инициативы у оставшихся руководителей более низкого уровня[1]. Только в одном случае команде полиции безопасности и СД удалось в борьбе с партизанами убить секретаря херсонского областного комитета ВКП(б) Николаева и комиссара одного партизанского отряда Николаева, Херсона и Крыма[2].

Под Одессой после перестрелки был взят в плен командир партизанской группы, состоявшей из пяти человек. Он имел задание разведать артиллерийские позиции и передать сведения одному из советских штабов.

Акция против партизан в районе Костромки привела к захвату 16 лиц, среди которых находились политрук, командир батальона истребительной бригады, а также 3 коммунистических революционера.

В городском госпитале Николаева обнаружен еврей Гершко Заломон, который принадлежал к партизанскому ударному батальону. Проверка военнопленных привела к обнаружению 3 евреев, принадлежавших к одной партизанской роте.

В Балабановке был схвачен бывший председатель сельского Совета, пытавшийся создать партизанскую группу. Далее, был схвачен один член партбюро и председатель одного рабочего союза, который, в частности, являлся организатором партизанских групп.

В Киеве были расстреляны 14 партизан.

В ходе одной акции в Херсоне были схвачены 2 лица, пытавшиеся передать разведданные на позиции большевиков. Одновременно в процессе продолжительного боя был убит один из главарей бандитской группы.

б) Аресты и расстрелы коммунистов и функционеров

Розыск руководящих коммунистов имел своим следствием арест бывшего начальника ГПУ Херсона Каминского. В 1919—1921 гг. он производил ликвидацию царских офицеров. Одновременно был схвачен начальник мастерских тюрем НКВД. В Киеве удалось обезвредить ряд сотрудников НКВД и политических комиссаров.

в) Евреи

Озлобление украинского народа против евреев чрезвычайно велико, поскольку им приписывают взрывы в Киеве. В них также видят доносчиков и агентов НКВД, навлекших террор на украинский народ[3]. В качестве меры возмездия за поджоги в Киеве все евреи были арестованы 29-го и 30.9 были подвергнуты экзекуции — общей численностью 33 111 евреев. Деньги, ценные предметы и одежда были собраны в полной сохранности и предоставлены национал-социалистскому объединению фольксдойче для их экипировки, а частично также городским управам для нуждающегося населения.

Житомир

В Житомире пришлось расстрелять 3145 евреев, поскольку, как свидетельствует опыт, их следовало рассматривать в качестве носителей коммунистической пропаганды и саботажа.

В виде меры возмездия за акты саботажа в Херсоне были подвергнуты экзекуции 410 евреев.

---

[1] Это утверждение противоречит фактам.

[2] Так в тексте оригинала.

[3] «Антиеврейские настроения» если и имелись, то лишь у незначительной части населения — националистически настроенных элементов, поддавшихся нацистской пропаганде, или у их платных агентов вроде Бандеры и его сторонников.

Решение еврейского вопроса было особенно энергично предпринято эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД в районе восточнее Днепра. Вновь захваченные территории были очищены командами от евреев. При этом ликвидирован 4891 еврей. В других населенных пунктах евреи были идентифицированы и зарегистрированы. Тем самым стало возможным предоставить командным инстанциям вермахта еврейские рабочие группы численностью до 1000 человек для выполнения неотложных работ.

г) Вражеская пропагандистская деятельность

В сфере действия эйнзатцгрупп «С» и «Д» полиции безопасности и СД вражеская пропаганда далеко не так активна, как на других территориальных участках.

Однако почти в каждом населенном пункте можно констатировать распространение слухов. По имеющемуся в Черновицах опыту, оно сразу же прекращается с появлением газеты, поскольку тем самым удовлетворяется голод населения на информацию. К сожалению, германская пропаганда все еще не стоит на достаточной организационной высоте, чтобы повсюду и полностью удовлетворить этот информационный голод.

В этой области тоже констатируется, что Советы перед своим уходом объявили о восстановлении частной собственности. Пропагандистское действие этого заявления весьма значительно.

д) Захваченные материалы

В эйнзатцкоманду полиции безопасности и СД неоднократно поступали сообщения о якобы подаваемых световых сигналах, наводящих большевистскую артиллерию на цели. В ходе немедленно проведенных акций по прочесыванию удалось изъять коротковолновый радиопередатчик, который, по мнению дивизии, руководил русским артогнем по городу.

В Николаеве были обнаружены списки членов Коммунистической партии и сотрудников НКВД. Кроме того, были захвачены инструкции по организации и деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп.

III. ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И КУЛЬТУРА

А. БЕЛОРУССИЯ

а) Хозяйство и торговля

В некоторых городах покрупнее в ходе хозяйственного восстановления были вызваны к жизни банки, чтобы постепенно направить деловую жизнь в нормальное русло. Первоначальный капитал банков колеблется от 300 000 до 2 000 000 рублей. От учреждения этих банков, к которым гражданское население проявляет исключительно большой интерес, ожидается значительное развитие частной инициативы, особенно открытие мелких ремесленных и торговых предприятий.

б) Положение со снабжением

Обеспечение городов продовольствием и далее остается весьма различным. Хотя работа рынков вновь налажена, сельское население поставляет свою продукцию только тогда, когда может за это купить требующиеся ему предметы первой необходимости. Однако, поскольку товарных запасов почти не имеется, сельское население не в состоянии покрыть свои потребности прямой покупкой предметов первой необходимости и потому и далее склоняется к торговле путем обмена.

в) Сельское хозяйство

Сельское население после официального сообщения по вопросу «Общественное хозяйство» ожидает осуществления в скором времени раздела колхозов. Это сообщение имеет своим следствием то, что, к примеру, в районе Велижа крестьяне лишь неохотно и в небольшом объеме приступили к осеннему севу, поскольку они якобы не знали, какой кусок земли достанется им при окончательном разделе. Крестьяне настолько освоились с мыслью о частном владении, что изъяли из колхозов и припрятали различный сельскохозяйственный инвентарь и инструменты, чтобы после

раздела имелась возможность в соответствующем объеме приступить к хозяйственному использованию своей земли.

Для них характерен следующий ход мыслей: хотя они и должны поставлять немцам большее количество сельскохозяйственной продукции, чем прежде, этот факт их никоим образом не беспокоит, поскольку при собственном владении можно будет без помех достигнуть такого избытка, который пойдет на пользу собственной семье.

г) Культура

Церковь

По совпадающим донесениям, поступающим со всей Украины, отмечается усиление посещения православных церквей. Если первоначально в богослужениях принимали участие преимущественно женщины и пожилые мужчины, то в последнее время в них участвует и молодежь, даже бывшие члены комсомола и родственники руководящих коммунистов.

Молодые православные священники, покинувшие перед приходом большевиков духовные семинарии, предполагают вернуться к своей профессии священнослужителей.

Письма по цепочке

В Смоленске захвачены распространяемые по цепочке письма религиозного содержания, так что полиции безопасности и СД пришлось прибегнуть к действиям против священнослужителей и принуждению их к даче обязательств сотрудничать. Все священники могут возобновить свою деятельность только после проверки пригодности компетентными эйнзатцкомандами. Таким образом, за ходом церковных дел осуществляется строгий контроль.

Б. УКРАИНА

а) Хозяйство и торговля

В захваченных уже давно областях никаких существенных изменений в промышленном и хозяйственном секторе отмечать не приходится. Становится заметным лишь прогрессирующее ухудшение настроения промышленных квалифицированных рабочих. Это следует отнести на счет того, что многие промышленные предприятия, даже те, которые находятся в процессе восстановления, не могут быть пущены в ход достаточно быстро. Поэтому рабочий слой склонен считать свое будущее неутешительным. Это дурное настроение еще больше усиливается потому, что именно квалифицированные рабочие при Советах зарабатывали относительно хорошо.

Полную неудачу потерпела попытка назначения украинцев управляющими с комиссарскими правами и руководителями предприятий. При советском режиме была проведена столь далеко идущая специализация, что отдельные лица почти не обладают всесторонним знанием производства и ведения дел.

Восстановление хозяйства и торговли наталкивается на большие трудности, вызванные многочисленными разрушениями и разграблением государственных палаток и магазинов. Следствием этого является все более сильное стремление населения к частному хозяйству. Особенно оживляется ремесленник, сотрудничество с которым ввиду бегства или уничтожения евреев безусловно необходимо.

Торговле путем купли-продажи товаров и на Украине тоже предпочитается обменная торговля. Но поскольку наличие товаров для обмена весьма скудно, во многих местах становится заметной спекуляция на ценах. Так, например, за поношенную пару обуви требуют 16 кг. муки — 800 рублей, в то время как прежде пара новой обуви стоила всего 200 рублей. Цена на молоко возросла в 40 раз. Эти цены отнюдь не являются устойчивыми, а время от времени повышаются.

б) Положение со снабжением

Поскольку хозяйственные органы до сих пор не в состоянии иметь представление о запасах и потреблении, они полагают, что, по изъятии запасов для удовлетворения потребностей войск, урожая, снятого с полей, хватит и на покрытие необходимого потребления городского населения.

Тем не менее неконтролируемое свободное обеспечение на селе до сих пор не уменьшается.

Продовольственное же положение сельского населения, напротив, со времени захвата этой территории значительно улучшилось. В результате еще не полностью проведенных акций по учету у крестьян остается в свободном распоряжении больше продовольствия, чем прежде, так что могут создаваться резервы.

Снабжение водой и электричеством в большинстве мест, несмотря на значительные разрушения, удалось снова обеспечить.

Нехватка жилья, особенно в Киеве, в результате обширных пожаров и взрывов была ощутимой, но после ликвидации евреев ее удалось устранить благодаря вселению в освободившиеся еврейские квартиры.

в) Сельское хозяйство

Готовность крестьян к уборке урожая была весьма удовлетворительной. Несмотря на недостаточные указания и нехватку машин и инвентаря, урожай был по большей части собран на 3—5 дней раньше, чем в предыдущие годы.

Осенний сев, напротив, наталкивается на большие трудности, так как здесь сильнее заметна нехватка сельскохозяйственных машин.

г) Культура

1) Школа

При небольшом наличии учителей осуществляется обучение временного характера, частично без учебников. Повсюду вместо русского языка изучается немецкий. Русский язык должен быть полностью вытеснен, и в будущем станут говорить только по-украински и по-немецки.

В районе Ананьева наряду с этим преподается и румынский язык.

Вопрос о том, по какому учебному плану и по каким учебникам должно вестись преподавание в школах, до сих пор остается невыясненным.

Лишь в областях проживания фольксдойче в прежний учебный план включены в качестве учебных дисциплин обучение немецкой разговорной речи, чтению и письму на немецком языке, а также арифметика, физические упражнения и пение. Оклады учителям на ближайшие месяцы депонированы у бургомистров за счет предоставления фонда из еврейских денег.

2) Церковь

Исходя из того факта, что большевистское господство с его осуществлявшейся в государственном порядке пропагандой безбожия не сумело серьезно поставить под угрозу религиозные чувства населения и что приверженность к православной церкви еще глубоко коренится в сознании населения, с румынской стороны выражается желание предоставить церкви ведение антибольшевистской пропаганды и мировоззренческого воспитания.

Церковь желает предоставить для новой области требующееся число священников. Тем временем создано новое архиепископство *Тирасполя. Архиепископом назначен бывший румынский военно-полевой епископ Антал.*

В занятых германскими войсками областях отношение населения к церкви также следует оценить как вполне положительное. Реставрация церквей начата почти повсюду и в зависимости от наличия священников проводятся хорошо посещаемые богослужения. Зачастую устраиваются молитвенные часы под руководством одного местного жителя. Неоднократно выражалось желание заменить принятую до сих пор в качестве церковного языка кириллицу украинским языком и создать украинскую национальную церковь с ее главой в Киеве.

IV. ПОВЕДЕНИЕ ЧУЖЕРОДНЫХ НАРОДНЫХ ГРУПП

А. БЕЛОРУССИЯ

Отношение к германской нации

Антигерманские высказывания можно констатировать лишь разрозненно в тех кругах, с которыми при большевистском режиме обращались предпочтительным образом[1].

Б. УКРАИНА

а) Отношение к германской нации

Хотя украинское население может рассматриваться как весьма дружественное к немцам, отсутствие активной германской пропаганды приводит к тому, что население частично имеет ложное представление о германских намерениях. Например, критикуется нынешняя германская установка в отношении коллективных хозяйств и проблемы заработной платы.

После того как стало известно, что в Восточной Галиции и на Волыни полякам при исполнении определенных административных задач отдается предпочтение перед украинцами, замечалось легкое недовольство.

Отношения с Румынией

В занятых Румынией областях настроение по отношению к немцам в общем дружественное. В немцах видели уходящего друга, а в румынах — вступающего в страну противника. Причина этого может лежать в различном поведении германских и румынских войск. В кругах украинцев чувствуют, что румыны ведут эту войну как войну национального реванша против России за аннексию ею Бессарабии и Северной Буковины, между тем как войну со стороны немцев считают исключительно борьбой за освобождение от еврейского большевизма. Следовательно, румын считается одержавшим победу противником, а немец — освободителем.

б) Стремления к самостоятельности

Украинское население по-прежнему относится к плану самостоятельной Украины весьма отрицательно.

Группа Бандеры.

Сильнейшей группой, выступающей за самостоятельную Украину, как и прежде, является группа Бандеры, приверженцы которой чрезвычайно активны и фанатизм которых питается отчасти личными причинами, а отчасти глубоким национальным чувством.

Сторонники Бандеры до начала восточной кампании объединялись во Львове и Саноке в небольшие группы и получали краткосрочную подготовку. Они впоследствии снабжались деньгами и пропагандистскими материалами. Под прикрытием выполнения задач по поддержанию порядка, как то: назначение бургомистров, создание милиции, борьба с евреями и коммунистами, велась политическая работа.

в) Поведение в отношении большевизма

Во вновь занятых украинских областях за отчетный период наблюдалось полное отклонение большевизма со стороны украинцев. *Почти в каждой семье хотя бы один из ее членов был подвергнут большевиками высылке или же казнен. Кроме того, в старой России украинцы являлись свободными и самостоятельными крестьянами, и они не забыли, что в результате насильственного вступления в колхозы у них было отнято все.*

Однако коммунисты все же оставили некоторое впечатление у молодежи. Этот факт следует отнести за счет той чрезвычайно активной пропаганды, которая восхваляла «успехи и достижения коммунизма».

---

[1] Поскольку за антигерманские высказывания немедленно следовало суровое наказание, вплоть до казни, они допускались лишь в кругу единомышленников. Кроме того, руководство СД, по-видимому, стремилось несколько приукрасить положение в подведомственных областях.

Однако фанатичных приверженцев и убежденных борцов среди молодежи нет...

IMT, vol.38 , p.279—303

ОБЪЯВЛЕНИЕ
КОМЕНДАНТА Г. ДНЕПРОПЕТРОВСКА ОТ 6 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

гор. Днепропетровск
6 декабря 1941 г.

2 декабря 1941 г. в Днепропетровске было совершено покушение на немецкого офицера.

В наказание за это были расстреляны 100 заложников из числа днепропетровского населения.

В случае если подобные факты повторятся, будут приняты более суровые меры.

Население призывается содействовать предупреждению подобных случаев.

Городской комендант

Нюрнбергский процесс (в 3-х т.), т. 2, с. 395.

Документ ПС-459, СССР-12

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО 6-Й АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА РЕЙХЕНАУ «О ПОВЕДЕНИИ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ» ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Уполномоченный полиции
безопасности и СД при
начальнике тылового военного
округа 102 номер1694/41
Начальнику СК 7а
По вопросу: поведение войск
на Востоке
Указание начальнику
штурмового отряда Вильбранду
заготовить копии
прилагаемого приказа
генерал-фельдмаршала
фон Рейхенау и разослать
по одному экз. в 1.СС 192 и
161 див. УА. 5.12.

Секретно

В приложении посылаю копию с копии одобренного фюрером приказа командующего 6-й германской армии о поведении войск на Востоке с просьбой довести до сведения всего состава вашего штаба.

Штурмбаннфюрер
(Подпись неразборчива)

О ПОВЕДЕНИИ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ

По вопросу отношения войск к большевистской системе имеются еще во многих случаях неясные представления.

Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром государственной власти и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина.

К борьбе с врагом за линией фронта еще недостаточно серьезно относятся. Все еще продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков-женщин; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных. Пленные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь. Подобное отношение войск объясняется только полным легкомыслием. Руководству следует своевременно разъяснить смысл происходящей борьбы.

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если это является трофеями. Они являются необходимой частью нашего снабжения. Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.

Для сохранения важного в военно-хозяйственном отношении сырья и промышленных объектов руководство даст специальные указания.

Необходимо полное разоружение населения в тылу сражающейся части, принимая во внимание протяженность и уязвимость путей подвоза. Где возможно, прятать и охранять трофейное оружие и боеприпасы. Если же условия боя не позволяют этого, то оружие и боеприпасы выводить из строя. В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан применять в отношении их решительные и жестокие меры. Эти мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с их стороны покушений. Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуются на то, что с ними обращаются, как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженных сил.

2. Беспощадное искоренение вражеской хитрости и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности.

Командующий
фон Рейхенау,
генерал-фельдмаршал.

Нюрнбергский процесс (в 7-ми т.), т. 3, с. 345—346.

ПРИКАЗ ПО 101 НЕМЕЦКОМУ МОТОПОЛКУ 18 ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ОТ 12 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Населенные пункты на прежней позиции и перед новой позицией полностью разрушать. Срочно для этого провести подготовительные работы. Поэтому в своих действиях быть беспощадным. С гражданским населением обращаться по тем же принципам, как и до сих пор. Всех мужчин, способных носить оружие, задерживать и отправлять на сборные пункты военнопленных. Женщин и детей с опорных пунктов передовой линии оттеснять на запад, а с опорных пунктов второй линии по усмотрению частей сгонять в одно место. Противник пытается заслать в наш тыл разведчиков, переодетых в гражданское платье, пеших или на санях. По всем мужчинам и женщинам, появляющимся на участке дивизии пешком, на санях или на лыжах, открывать огонь без предупреждения. Скот и продукты питания забирать с собой. Где нет возможности для транспортировки живого скота или большое расстояние не позволяет увезти его с собой, скот убивать, а мясо везти с собой.

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, ед. хран.

ИНСТРУКЦИЯ ГЛАВНОГО СУДЕБНОГО УПРАВЛЕНИЯ СС ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИКАЗА ГИТЛЕРА И ОКВ «МРАК И ТУМАН» ОТ 4 ФЕВРАЛЯ 1942 Г. [1]

Копия

Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции
Главное судебное управление СС
1 Б 154/1 исх. номер70/72 секр.

Секретно!
Мюнхен,
4 февраля 1942 г.

Относительно преследования за преступления против империи или оккупационных властей.

Расчет рассылки: А.В.

I. Доводятся до сведения следующие распоряжения, изданные 12 декабря 1941 г. начальником штаба верховного командования вооруженными силами.

1. Начальник штаба верховного командования вооруженных сил.

Фюрер уже давно выразил желание, чтобы на оккупированных территориях в случаях выступлений против империи или оккупационных властей

[1] Условное наименование приказа, в соответствии с которым все лица, в какой-либо мере выступавшие против фашистских захватчиков, если они не подвергались казни на месте, вывозились тайно в Германию и там бесследно исчезали. Об их судьбе ничего не сообщалось родственникам, чтобы держать их все время в состоянии беспокойства и тревоги. Издан 7 декабря 1941 г.

виновные лица подвергались бы иным наказаниям, нежели это было до сих пор. Фюрер считает: в случаях таких преступлений наказание лишением свободы, в том числе и пожизненное тюремное заключение, расценивалось бы как признак слабости. Действенного и последовательного устрашения можно достичь только смертными казнями или мерами, которые оставляют родственников и население в неведении о судьбе преступника. Этой цели служит отправка в Германию.

Кейтель

Прилагаемые директивы о преследовании преступлений соответствуют взглядам фюрера. Они им проверены и одобрены.

2. Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженных сил.

Директивы о преследовании за преступления против империи или оккупационных властей на оккупированных территориях от 7 декабря 1941 г.

На оккупированных территориях с начала русской кампании коммунистические элементы и другие враждебные Германии круги усилили свои выступления против империи и оккупационных властей. Размеры и опасность этих происков принуждают в качестве устрашения принимать строжайшие меры против виновных лиц. В ближайшее время надлежит руководствоваться следующим.

I. На оккупированных территориях в случае преступлений, совершенных гражданскими лицами не немецкого происхождения и направленных против империи или оккупационных властей, и подрывающих их безопасность или боеспособность, смертная казнь принципиально целесообразна.

II. Преступления, о которых упоминается в пункте I, следует подвергать судебному разбирательству на оккупированных территориях в принципе только тогда, если существует уверенность, что в отношении виновных лиц или по крайней мере главных преступников будет вынесен приговор к смертной казни и если судебный процесс и приведение в исполнение смертного приговора могут быть осуществлены в самое короткое время. В противном случае лиц, совершивших преступления, или по крайней мере главных преступников следует отправлять в Германию.

III. Виновные лица, доставленные в Германию, подвергаются там военному суду только в том случае, если этого требуют особые военные интересы. Немецким и иностранным официальным органам на запросы о таких виновных лицах следует заявлять, что они арестованы и состояние расследования не позволяет сообщать какие-либо сведения.

IV. Командующие на оккупированных территориях и судьи лично ответственны в пределах их компетенции за проведение этого предписания.

V. Начальник штаба верховного командования вооруженных сил определяет, на каких оккупированных территориях должно применяться это предписание. Он имеет право давать разъяснения по его применению и дополнения к нему. Рейхсминистр юстиции издает положения о применении директив в пределах его компетенции.

По поручению
начальник штаба верховного
командования вооруженных сил
Кейтель

3. Первое распоряжение о выполнении директив фюрера и верховного главнокомандующего вооруженных сил о преследовании за преступления против империи или оккупационных властей на оккупированных территориях.

На основании раздела V директив фюрера и верховного главнокомандующего вооруженных сил о преследовании за преступления против империи или против оккупационных властей на оккупированных территориях от 7 декабря 1941 г. я приказываю:

I

Для применения раздела I директив основанием может служить обычно следующее:

1. *покушение на жизнь или здоровье,*
2. шпионаж,
3. саботаж,
4. коммунистические происки,
5. действия, могущие вызывать беспорядки,
6. содействие врагу, совершенное посредством:
а) контрабандной переправки людей,
б) попытки вступить во вражеские вооруженные силы,
в) поддержки вражеских военнослужащих (парашютистов и т. д.),
7. незаконное владение оружием.

II

(1) Предусмотренные разделом I директив преступления должны рассматриваться в судебном порядке на оккупированных территориях только при следующих предпосылках:

1. Должно быть вероятным, что в отношении виновных лиц, по крайней мере в отношении главных виновников, будут вынесены смертные приговоры.

2. Судебный процесс должен быть по возможности более кратким, и смертный приговор должен быть приведен в исполнение в самые краткие сроки (в принципе в течение недели после ареста виновного лица).

3. Особые политические соображения не должны служить препятствием к немедленному исполнению смертных приговоров.

4. Не должно предполагаться смертного приговора в отношении женщины, исключая приговоры за убийство и участие в партизанской войне.

(2) В случае отмены приговора, вынесенного на основании абз. 1, дело может быть рассмотрено вторично на оккупированной территории, если в действиях имеются признаки статей 1, 3 и 4 раздела I директив.

III

(1) В случаях преступлений, предусмотренных разделом I директив, председатель суда в контакте с органами военной разведки и контрразведки устанавливает, имеются ли предпосылки для осуждения на оккупированных территориях. Если он отвечает на этот вопрос положительно, то он распоряжается о созыве военно-полевого суда. Если он отвечает отрицательно, то он представляет дела своему вышестоящему командующему (§ 89 абз. 1 военного закона об уголовной ответственности). Последний может оставить решение за собой.

(2) Вышестоящий командующий окончательно решает, имеются ли в наличии предпосылки для проведения суда на оккупированных территориях. Если он это подтверждает, то он поручает провести процесс одному из подчиненных его командованию председателей суда. Если он это отвергает, то поручает тайной полевой полиции доставить преступника в Германию.

IV

(1) Преступники, доставленные в Германию, должны там подвергаться военному процессу только в том случае, если верховное командование вооруженных сил или вышестоящий командующий при своем решении в соответствии с разделом III заявляет, что особые военные надобности требуют осуждения судом вооруженных сил. Если такое заявление сделано не будет, то действует предписание доставить преступника в Германию

для передачи, как предусмотрено § 3, абз. 2 фраза 2 военного закона об уголовной ответственности.

(2) Если вышестоящий командующий пользуется своим правом в соответствии с абз. 1, то он представляет дела в служебном порядке верховному командованию вооруженных сил. Для тайной полевой полиции преступников следует именовать «пленными вооруженных сил».

(3) Верховное командование вооруженных сил определяет судебный статус преступников, которые подвергаются военному судебному процессу в соответствии с абз. 1. Оно может отказаться от компетенции судов вооруженных сил. Оно далее может отсрочить процесс на любое время.

V

Ради обеспечения государственной безопасности судебное разбирательство в Германии следует проводить при строжайшем исключении гласности. Иностранные свидетели могут быть допрошены во время суда лишь с согласия верховного командования вооруженных сил.

VI

Распоряжения о военно-судебной процедуре, содержащиеся в приказах начальника штаба верховного командования вооруженных сил от 13 сентября 1941 г. относительно положения в Норвегии (штаб оперативного руководства ОКВ) отд.«L» (IV/QU номер002034/41 совершенно секретно — только для командования) и от 16 сентября 1941 г. относительно коммунистических повстанческих движений на оккупированных территориях (штаб оперативного руководства ОКВ) отд.«L» (IV/QU номер002060/41 совершенно секретно — только для командования), заменяются директивами и данным распоряжением об их выполнении.

VII

(1) Директивы вступают в силу через три недели после их подписания. Они должны применяться впредь на всех оккупированных территориях, за исключением Дании.

(2) Распоряжения, изданные для недавно оккупированных восточных территорий, директивами не затрагиваются.

(3) Для поступающих в суд дел действителен раздел I директив. Председатель суда и вышестоящий командующий могут в таких процессах соответственно применить раздел III данного распоряжения о выполнении. Если вышестоящий командующий распорядится, чтобы преступник был доставлен в Германию, то действует раздел IV. В отношении преступников, которые доставлены в Германию до вступления директив в силу, верховное командование вооруженных сил может действовать в соответствии с разделом IV, абз. 3.

Начальник штаба верховного
командования вооруженных сил
Кейтель

II. Поскольку судебной деятельности СС и полиции подлежат преступления, указанные в разделе I, следует действовать в соответствии с этим.

Рейхсфюрер СС
за рейхсфюрера СС подписал группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС *Шарфе*
С подлинным верно:
Хазенберг, служащий.

СС *в действии, с. 543—548.*

ПРИКАЗ РЕЙХСПРОТЕКТОРА О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВСЮ ТЕРРИТОРИЮ ПРОТЕКТОРАТА БОГЕМИЯ И МОРАВИЯ ОТ 27 МАЯ 1942 Г.

В связи с покушением на исполняющего обязанности рейхспротектора обергруппенфюрера СС Гейдриха устанавливается следующее:

Статья I.

На основании § 1 распоряжения рейхспротектора Богемии и Моравии об установлении чрезвычайного положения для гражданского населения от 27 сентября 1941 г. на всей территории протектората Богемия и Моравия немедленно вводится чрезвычайное положение для гражданского населения.

Статья II.

На основании § 2 вышеупомянутого распоряжения приказываю:

кто укрывает или оказывает помощь лицам, участвовавшим в совершении покушения, или зная о них, не сообщит властям об этих лицах или их пребывании, тот будет расстрелян вместе со своей семьей.

Статья III.

Этот приказ вступает в силу с момента объявления его по радио.

Прага, 27 мая 1942 г.

Исполняющий обязанности
рейхспротектора Богемии
и Моравии
К. Г. Франк

Нюрнбергский процесс (в 3-х т.), т. 2, с. 377.

Документ ПС-654

ОТЧЕТ РЕЙХСМИНИСТРА ТИРАКА[1] О СОВЕЩАНИИ С ГИММЛЕРОМ И ДРУГИМИ ЧЛЕНАМИ СС ОТНОСИТЕЛЬНО ОБРАЩЕНИЯ С ЕВРЕЯМИ, ЦЫГАНАМИ, РУССКИМИ И УКРАИНЦАМИ ОТ 18 СЕНТЯБРЯ 1942 Г.

Совещание в ставке у Гиммлера 18.9.1942 г. в присутствии статс-секретаря доктора Ротенбергера, группенфюрера СС Штрекенбаха и оберштурмбанфюрера СС Бендера.

1. Корректирование недостаточно строгих судебных приговоров путем специальной полицейской обработки. По предложению рейхслейтера Бормана между рейхсфюрером СС и мною достигнуто следующее соглашение:

а) Принципиально на эти дела больше не будет вообще затрачиваться время фюрера.

б) Вопрос, должна ли проводиться специальная полицейская обработка или нет, решает министр юстиции рейха.

в) Рейхсфюрер СС посылает свои доклады, которые он ранее направлял рейхслейтеру Борману, министру юстиции рейха.

г) Если мнения рейхсфюрера СС и министра юстиции рейха совпадают, то дело решается ими.

[1] Рейхсминистр юстиции.

д) Если их мнения расходятся, то запрашивается мнение рейхслейтера Бормана, который по необходимости информирует фюрера.

е) Если по другой линии (например, в письме гаулейтера) выражается стремление к смягчению приговора, рейхслейтер Борман препровождает доклад министру юстиции рейха. Дело решается тогда в изложенной выше форме рейхсфюрером СС и министром юстиции рейха.

2. Передача асоциальных элементов, осужденных в уголовном порядке, рейхсфюреру СС для уничтожения трудом. Передаются все до последнего человека, находящиеся под надзором: евреи, цыгане, русские и украинцы со сроком заключения более трех лет, чехи и немцы — со сроком заключения более восьми лет по решению министра юстиции рейха. В первую очередь из числа названных подлежат выдаче наиболее злостные асоциальные элементы. Об этом я проинформирую фюрера через рейхслейтера Бормана.

3. Вынесение приговора народом.

Это надлежит вводить шаг за шагом по возможности быстро сначала в деревнях и небольших городах с населением до 20 000 жителей. В больших городах это сложно. По этому поводу я буду побуждать к содействию особенно партию статьей о носителях высшей власти. Ясно, что вопросы подсудности не должны находиться в компетенции партии.

4. Положения, касающиеся полиции и судов, должны издаваться в будущем согласованно, например, о непреследовании незамужних матерей за попытку аборта.

5. Рейхсфюрер СС согласен, что исполнение приговоров служащими полиции в соответствии с § 8 закона об исполнении приговоров остается в компетенции министерства юстиции рейха.

6. Рейхсфюрер СС в полном объеме одобряет планируемый мною порядок применения телесного наказания, введенного фюрером.

7. Я ссылаюсь на закон об элементах, чуждых обществу, и сообщаю претензии министерства юстиции, например, относительно определения несовершеннолетних как асоциальных элементов и их направления [на работы]. Мне кажется также, что обстоятельства дела, которые ведут к причислению человека к асоциальным элементам, недостаточно точно изложены в законе. Рейхсфюрер ожидает нашего решения и до этого не внесет закон на утверждение.

8. Рейхсфюрер согласен с положением закона о рассмотрении в суде дел о наказании молодежи, согласно которому к уголовной ответственности могут привлекаться достигшие 12 лет и вынесение смягченных приговоров распространяется на лиц старше 18 лет.

9. Оберштурмбанфюрер СС Бендер в штабе рейхсфюрера СС назначен рейхсфюрером СС посредником в делах, в которых оказывается необходимость установления непосредственной связи с рейхсфюрером СС. С ним можно в любое время связаться по телеграфу в ставке рейхсфюрера. Он ежемесячно бывает в Берлине и будет сообщать о своем прибытии. По другим делам посредником назначен гауптштурмфюрер Ваннигер, который находится в службе безопасности.

10. Рейхсфюрер СС указывает на то, что для приведения в исполнение приговоров следует создавать больше специальных тюрем по тому принципу, что неспособные к исправлению должны содержаться отдельно от способных к исправлению в зависимости от вида их преступления (например, мошенники, воры, насильники).

11. Рейхсфюрер СС требует от полиции ведения регистра наказанных в уголовном порядке. Следует изучить, что говорит против этого (исполнение, усложнение и получение выписок из регистра). Дело должно быть еще обсуждено с группенфюрером Штрекенбахом.

12. Рейхсфюрер СС высказался положительно относительно находящегося в войсках оберштурмфюрера СС рейхсгерихтсрата Альтштеттера и председателя земельного суда Штеппа и отрицательно — относительно генерального прокурора Юнга в Дрездене.

13. В заключение рейхсфюрер СС затрагивает вопрос о прокурорском надзоре и о переходе его в ведение полиции. Далее эта тема не обсуждалась.

14. Имеется договоренность о том, что, принимая во внимание цель государственного руководства по освобождению его от решения вопросов по восточным областям, в будущем евреи, поляки, цыгане, русские и украинцы больше не должны осуждаться по приговору обычных судов, если речь идет об уголовных преступлениях, но должны подвергаться наказанию по усмотрению рейхсфюрера СС. Это не касается гражданских споров, а также поляков, которые заявили о внесении или внесены в списки лиц немецкого происхождения.

Т[1].

IMT, vol. 26, p. 200—203.

ПИСЬМО РЕЙХСМИНИСТРА ТИРАКА БОРМАНУ ОБ УСКОРЕННОЙ ЛИКВИДАЦИИ ПОЛЯКОВ, РУССКИХ, ЕВРЕЕВ И ЦЫГАН ОТ 13 ОКТЯБРЯ 1942 Г.

Имперский министр юстиции
Господину рейхслейтеру Борману
Главная ставка фюрера
Относительно: применения уголовных законов против поляков, русских, евреев и цыган.

Берлин,
13 октября 1942 г.

Глубокоуважаемый господин рейхслейтер!

Памятуя об освобождении немецкого народа от поляков, русских, евреев и цыган и очищении присоединенных к рейху восточных территорий в качестве пространства для немецких переселенцев, я намерен, передать рейхсфюреру СС дела об уголовном преследовании против поляков, русских, евреев и цыган. При этом я исхожу из того, что органы юстиции могут лишь в незначительной степени содействовать искоренению представителей этих народностей. Без сомнения, судебные органы выносят сейчас таким лицам очень суровые приговоры, но этого недостаточно, чтобы эффективно способствовать осуществлению приведенной выше идеи. Нет также никакого смысла годами сохранять таких лиц в германских тюрьмах и исправительных домах, даже в том случае, если их рабочая сила, как это в широких масштабах происходит ныне, будет использоваться для военных целей.

Напротив, я считаю, что посредством передачи таких лиц в руки полиции, которая сможет тогда принимать свои меры, невзирая на юридическую сторону уголовного дела, будут достигнуты существенно лучшие результаты. При этом я исхожу из того, что такие меры в ходе войны являются вполне обоснованными и что будут учтены некоторые рассматриваемые мной как необходимые предпосылки. Эти предпосылки состоят в том, что поляки и русские могут преследоваться только полицией, если их местопребывание или местожительство находилось до 1 сентября 1939 г. на бывшей государственной территории Польши или Советского Союза и, во-вторых, что поляки, которые объявили себя или внесены в списки фольксдойче, в дальнейшем остаются в отношении уголовного преследования в ведении органов юстиции.

Напротив, уголовное преследование против евреев и цыган следовало бы проводить полиции без учета этих предпосылок.

В уголовном преследовании других иностранцев судебными органами, напротив, ничего не должно меняться.

[1] Тирак.

Рейхсфюрер СС, с которым я обсудил эти мысли, согласен с ними. Господину д-ру Ламмерсу я также сообщил об этом. Я докладываю об этом Вам, глубокоуважаемый господин рейхслейтер, с просьбой поставить меня в известность о том, одобряет ли фюрер это мнение. В случае согласия я незамедлительно выдвинул бы свои формальные предложения через имперского министра д-ра Ламмерса.

Хайль Гитлер!
Ваш Т.

IMT, vol. 38, p. 98 — 100.
СС в действии, с. 538—539.

РАСПОРЯЖЕНИЕ РСХА «О ПОРЯДКЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПОЛЯКОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРУГИХ НАРОДОВ ВОСТОКА» ОТ 5 НОЯБРЯ 1942 Г.

Главное управление имперской безопасности
II А 2 № 567/42—176

Берлин, 5 ноября 1942 г.
Спешное письмо!

Секретно

а) высшим руководителям СС и полиции,
б) командующим и инспекторам полиции безопасности и СД,
в) руководителям отделений (управлений) государственной полиции,
г) командирам полиции безопасности и СД,
д) руководителям отделений (управлений) уголовной полиции,
е) руководителям участков (округов) СД.

Сообщено:

Отделам I, III, IV и V по пяти экземпляров каждому.

По вопросу: уголовного преследования поляков и представителей других народов Востока.

I. Рейхсфюрер СС и имперский министр юстиции Тирак пришли к соглашению о том, что органы юстиции отказываются от осуществления обычного уголовного судопроизводства по делам против поляков и представителей других народов Востока. В будущем лица негерманского происхождения должны передаваться полиции. Соответственно следует обращаться с евреями и цыганами. Это соглашение одобрено фюрером. Во исполнение соглашения главное управление имперской безопасности совместно с имперским министерством юстиции разработали правила, которые должны вступить в силу к 1.1.1943 г.

II. В основе этого соглашения лежат следующие соображения: поляки и представители народов Востока являются инородными и расово неполноценными людьми, живущими на территории немецких имперских областей. Отсюда для немецкого порядка возникает значительная опасность, приводящая к мысли о том, что для негерманцев необходимо установить иной порядок судопроизводства, чем для немцев. С этой необходимостью до сих пор еще не считались в полной мере. Лишь на присоединенных к рейху восточных территориях[1] специальным распоряжением от

[1] Речь идет о части территории Польши, присоединенной нацистами.

4.12.1941 г. («Рейхсгезетцблатт» I, стр. 759) в области судопроизводства по делам поляков и евреев принято особое положение. Но и эти специальные правила не содержат окончательного решения всех тех вопросов, которые вытекают из совместного проживания немцев с инородными элементами. Они лишь устанавливают более строгие меры наказания и вводят в Польше упрощенное судопроизводство.

Однако главный вопрос о том, что с инородными элементами по государственно-политическим соображениям следует обращаться совершенно иначе, чем с людьми немецкой национальности, эти правила обходят, так как они в принципе, несмотря на всю их строгость, ведут к применению в отношении поляков основных черт немецкого судопроизводства.

Следовательно, при рассмотрении дел о поляках применяются в основном те же критерии, что и при рассмотрении дел о немцах, то есть судья принимает во внимание личность преступника и стремится путем всесторонней оценки личных мотивов преступника найти решение, соответствующее интересам всего народа.

Эти соображения могут быть правильными для осуждения уголовного преступления немца, однако для осуждения уголовного преступления представителя инородных элементов они неправильны. В уголовных преступлениях представителями инородных элементов личные мотивы преступника должны полностью исключаться. Мерилом при этом может служить то, насколько его деяние угрожает германскому правопорядку, и отсюда, какие меры должны быть предприняты, чтобы устранить эту угрозу.

Иными словами, преступление негерманца следует рассматривать не под углом зрения соответствующего юридическим нормам искупления вины, а под углом зрения полицейского подавления угрозы.

Из этого вытекает, что уголовное судопроизводство по делам негерманцев следует передать из рук юстиции в руки полиции.

III. Приведенные выше соображения предназначены для личной информации. Однако нет никаких возражений против того, чтобы в случае необходимости сообщить об этом в соответствующей форме гаулейтерам.

Исполняющий обязанности:
Штрекенбах.

С подлинным верно:
Кауш, служащий канцелярии

IMT, vol. 38, p. 98 — 100.
СС в действии, с. 539—540.

Документ Р-135

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛЬНЫХ КОМИССАРОВ ОСТЛАНДА И БЕЛОРУССИИ РОЗЕНБЕРГУ О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Копия

Рига, 18.6.1943 г.
Секретно!

Рейхскомиссар Остланда
Дневниковый № 3628/43 д.

Господину имперскому министру по делам оккупированных территорий. Берлин.

От генерального комиссара Кубе поступили прилагаемые секретные донесения, заслуживающие совершенно особого внимания.

Вопрос о том, что евреи должны подвергаться особому обращению, дальнейшему обсуждению не подлежит. Но то, что при этом происходят такие вещи, которые доложены в донесениях генерального комиссара, кажется почти неправдоподобным. Что по сравнению с этим Катынь! Стоит лишь представить себе, что такие вещи станут известны противной стороне и будут использованы ею! Вероятно, такая пропаганда будет оставаться неэффективной только потому, что слушатели и читатели просто окажутся не в состоянии поверить этому.

Борьба с бандами тоже принимает в высшей степени вызывающие опасения формы, если только целью нашей политики являются умиротворение и эксплуатация отдельных областей. Так, подозреваемые в принадлежности к бандам убитые, число которых, по донесению от 5.6.43 г. об операции «Коттбус», составляет 5000, по моему разумению, за небольшим исключением были бы пригодны для использования на трудовых работах в рейхе.

При этом не следует упускать из вида, что при трудностях языкового взаимопонимания, как и вообще при таких операциях по чистке, отличить друга от врага очень трудно. Однако все же возможно избегать жестокостей, хоронить ликвидированных. Запирать мужчин, женщин и детей в амбарах и затем поджигать их не кажется мне пригодной мерой для борьбы с бандами даже при желании истребить население. Этот метод недостоен для германского дела и наносит большой ущерб нашему авторитету.

(подпись)

Генеральный комиссар Белоруссии
Дневниковый № 414/43 д.
Господину имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий
Берлин через господина рейхскомиссара Остланда

Минск, 1 июня 1943 г.
Секретно

Рига

По вопросу: акции против евреев в Минской тюрьме

Препровождаю для сведения господина имперского министра и господина рейхскомиссара Остланда прилагаемое служебное донесение управляющего тюрьмой в Минске.

Генеральный комиссар Минска
(подпись)

Судебная тюрьма Господину Генеральному комиссару Белоруссии Минск
По вопросу: акции против евреев
Основание: устное донесение от 31.5.1943 г.

Минск, 31.5.1943 г.

13 апреля 1943 г. через СД (гауптшарфюрер Рюбе) были доставлены в судебную тюрьму бывший зубной врач Эрнст Израель Тихауэр и его жена Элиза Сара Тихауэр, урожденная Розенталь. С данного времени у всех доставленных немецких и русских евреев вытаскивались или выламывались золотые мосты, коронки и пломбы. Это производится каждый раз в течение 1—2 часов перед соответствующей акцией.

С 13 апреля 1943 г. покончено с 515 немецкими и русскими евреями. Но, как точно установлено, только при 2 акциях были изъяты золотые

вещи, причем 14.4.43 г. — у 172 и 27.4.43 г. — у 164 евреев. Примерно 50% евреев имели золотые зубы, мосты или пломбы. Гауптшарфюрер Рюбе каждый раз присутствовал при этом лично, а также забирал золотые вещи.

До 13 апреля 1943 г. этого не делалось.

Подпись: Гютнер
Управляющий тюрьмой

Генеральный комиссар
Белоруссии
Дневниковый № 428/43 д.
Господину имперскому
министру по делам
оккупированных восточных
территорий Берлин
через господина
рейхскомиссара Остланда
Рига

Минск, 5 июня 1943 г.
Секретно!

По вопросу: *Результаты полицейской операции «Коттбус», достигнутые за время с 22.6. до 3.7. 1943 г.*

Бригадефюрер СС, генерал-майор полиции фон Готтберг докладывает, что за указанный период операция «Коттбус» дала следующие результаты:

убитых врагов	*4500*
убитых по подозрению в принадлежности к бандам	*500*
убитых немцев	*59*
раненых немцев	*267*
убитых инородцев	*22*
раненых инородцев	*120*
взятых в плен членов банд	*250*
уничтоженных складов противника	*57*
уничтоженных бункеров противника	*261*
охваченная рабочая сила (мужч.)	*2062*
охваченная рабочая сила (женщ.)	*450*
потоплено крупных лодок	*4*
потоплено плотов	*22*

Захвачены трофеи: 1 самолет, 12 барж, 10 150 мм. орудий, 2 противотанковых пушки, 9 минометов, 23 станковых пулемета, 28 ручных пулеметов, 28 автоматов, 492 винтовки, 1028 мин и бомб, 1100 саперных мин, 31 300 винтовочных патронов, 7300 пистолетных патронов, 120 кг. взрывчатки, 2 укомплектованных рации с передатчиками, 1 лаборатория, 30 парашютов, 67 телег, 530 лошадей, 1 полевая кухня, 430 саней, большое количество медикаментов и пропагандистского материала.

Операция захватывает генеральный комиссариат Белоруссии в районе Борисова. При этом речь идет в особенности о районах Бегомля и Плещениц. В настоящее время полицейские части пробились вместе с частями вермахта до озера Палик и вышли по всему фронту к Березине. Бои продолжаются в войсковом тылу. Названные цифры показывают, что и здесь приходится рассчитывать на весьма сильное уничтожение населения. Если при 4500 убитых на стороне противника захвачено всего только 492 винтовки, то эта количественная разница говорит о том, что и среди этих вражеских убитых находятся многие местные крестьяне. Особенно известен тем, что он уничтожает множество человеческих жизней, баталь-

он Дирлевангера. Среди 5000 подозреваемых в принадлежности к бандам, которые расстреляны, имеется много женщин и детей.

По приказанию начальника соединений по борьбе с бандами обергруппенфюрера СС фон дем Баха в операции участвовали также верманншафтен, которыми командовал штандартенфюрер СА Кунц. В них входили и 90 служащих моего учреждения, а также областного комиссариата города Минска. Наши люди вернулись вчера с операции без потерь. Использование в войсковом тылу чиновников и имперских служащих генерального комиссариата я отвергаю. Действующие при мне люди имеют бронь от военной службы не для того, чтобы вести активную борьбу с бандами вместо вермахта и полиции.

Из числа верманншафтен ранен 1 железнодорожник (ранение в легкое). Политическое воздействие этой крупной акции на мирное население в результате расстрела множества женщин и детей ужасающее. В декабре город Бегомля был очищен от войск вермахта и полиции. Тогда население в подавляющем большинстве своем стояло на нашей стороне. В ходе боевых действий этот город, который партизаны превратили в свой опорный пункт, разрушен налетами германской авиации.

Генеральный комиссар Минска
(подпись)

IMT, vol. 38, p. 371 — 375.

Документ СССР-254

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ОКРУГА РАДОМ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1944 Г.

...Так как до настоящего времени допрос 3-й степени проводился по-разному, то для предотвращения нарушения и во избежание возможного привлечения чиновников к уголовной ответственности, командующий полицией безопасности и СД в Кракове распространил применение положений о полиции безопасности, действующих в Германии, также и на генерал-губернаторство:

а) В случае, когда необходимо производить допрос 3-й степени немцев, проживающих в Германии, немцев по национальности или граждан дружественных или нейтральных стран, следует применять распоряжение шефа полиции безопасности и СД, совершенно секретное, за номер IV-226/42 от 12 июня 1942 г. Во всех других случаях, а особенно в тех, когда требуется разрешение начальника полиции безопасности и СД, немедленно докладывать мне[1]. Следственные чиновники другой национальности не должны принимать участия в допросе 3-й степени как по делам немцев, проживающих в Германии, или лиц немецкой национальности, так и по делам подданных дружественных или нейтральных государств.

б) В отношении прочего населения, не немецкого происхождения, живущего на территории генерал-губернаторства, а также и в отношении граждан Советского Союза поступать следующим образом: допрос 3-й степени следует применять только в тех случаях, когда заключенный не хочет признаться в том, что ему известно о важных антигосударственных или антиимперских фактах, о связях, об уже совершенных или задуманных

[1] Указание на необходимость получения разрешения на истязания являлось фикцией.

крупных преступлениях (например об убийствах, грабежах, а также о местах сокрытия награбленного и т. п.), установление и раскрытие которых нормальным путем невозможно, хотя осведомленность заключенного об этом весьма вероятна.

Предварительным условием применения этого метода допроса является положение, когда обычные методы допроса остались безрезультатными. Недопустим допрос 3-й степени в отношении лиц, дела которых временно переданы на доследование органам юстиции. Исключения из этого допустимы только с моего особого и предварительного согласия.

Более строгое ведение допроса в зависимости от положения дела может заключаться в следующем:

ухудшенное питание (хлеб и вода);
лишение постельных принадлежностей;
содержание в темной камере;
лишение сна;
изнурительные движения, а также удары палками по ягодицам.

Все средства допроса 3-й степени применяются с разрешения. При наказании палочными ударами присутствуют не менее двух чиновников.

По делам, расследуемым уголовной полицией, нанесение ударов заключенным не немецкой национальности производится чиновниками уголовного следствия, не принадлежащими к немецкой национальности. Сказанное о применении допроса 3-й степени запрещается толковать расширительно.

Если заключенного, подлежащего допросу 3-й степени, представляют судье, то немедленно следует письменно и совершенно секретно с краткой мотивировкой довести до сведения соответствующего главного прокурора о том, что заключенный допрошен указанным способом. В самом деле, как вообще во всех делах, не следует упоминать о допросе 3-й степени.

Поскольку я не сам присвоил себе право допроса 3-й степени, выбор формы и объема данного допроса я предоставляю руководителям отделений 4 и 5, а также руководителям соответствующих учреждений.

Разрешение на допрос 3-й степени, в основном даваемое до допроса, должно последовать в письменной форме.

в) В исключительных случаях, особенно по служебным делам, проходящим не по месту службы, старшему по чину чиновнику, ведущему дело, может быть предоставлено до начала дела право вести допрос 3-й степени не по месту службы.

По возвращении на место службы об этом следует доложить. Данные разрешения хранятся, собранные в одном месте, в отделении IV в Радоме в продолжение трех лет.

Ходатайство о разрешении на допрос 3-й степени и полученное разрешение следует рассматривать как совершенно секретное дело государственной важности.

О результате допроса 3-й степени, по каждому случаю которого я дал разрешение, докладывать мне лично.

За строжайшее выполнение этого предписания несут личную ответственность руководители отделений, а также руководители других учреждений; им надлежит позаботиться об обучении чиновников, в компетенцию которых входит допрос 3-й степени, и строго учитывать секретное значение этих предписаний и отдельных случаев.

Нарушение этого распоряжения карается в уголовном и дисциплинарном порядке.

Ильмер

Нюрнбергский процесс
(в 7-ми т.), т. 3, с. 348—350.

ЗАЯВЛЕНИЕ ШЕЛЛЕНБЕРГА ОТ 26 НОЯБРЯ 1945 Г.

Если память мне не изменяет, в середине мая 1941 года начальник IV управления главного управления имперской безопасности (РСХА) бригадефюрер СС Мюллер (от имени начальника главного управления имперской безопасности группенфюрера СС Гейдриха) вел переговоры с генерал-квартирмейстером главного командования сухопутных войск (генералом Вагнером[1]) по вопросам применения полиции безопасности (ЗИПО) и службы безопасности (СД) в действующей армии во время предстоящей кампании против России.

Вагнер не сумел договориться с Мюллером, и поэтому Гейдрих просил о назначении другого представителя.

В то время я был начальником отдела «Е» IV управления главного управления имперской безопасности и был подчинен начальнику управления Мюллеру. Так как я имел опыт в составлении документов, Гейдрих направил меня к Вагнеру, чтобы сформулировать окончательное соглашение.

Согласно данному мне приказанию я должен был обратить внимание на то, чтобы это соглашение ясно предусматривало обязательство ответственных учреждений сухопутных войск безоговорочно поддерживать действия эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и службы безопасности (СД). Я подробно обсудил с Вагнером проблемы этих взаимоотношений.

На основе имевших место переговоров я разработал и представил ему проект соглашения, который был им всецело одобрен. Этот проект был положен в основу окончательных переговоров между Вагнером и Гейдрихом, имевших место в конце мая 1941 года.

Насколько припоминаю, содержание соглашения было приблизительно следующим.

В основу его был положен приказ фюрера, упомянутый в начале соглашения, о том, что полиция безопасности и СД должны быть включены в состав соединений действующей армии для того, чтобы всеми средствами быстро и окончательно сломить всякое сопротивление в завоеванных фронтовых и тыловых районах. Затем были установлены отдельные районы, в пределах которых должны быть организованы и действовать полиция безопасности и СД.

Одновременно отдельные эйнзатцгруппы были распределены между группами армий, предназначенными к участию в военных операциях (отдельные эйнзатцкоманды между соответствующими армиями).

Эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды, в частности, должны были действовать:

(1) в зоне боевых действий: в полном тактически-оперативном и административном подчинении командующих воинскими соединениями;

(2) в районе армейского тыла: в административном подчинении командующих воинскими соединениями, а в оперативном отношении — главному управлению имперской безопасности;

(3) в районе фронтового тыла: так же, как указано в п. (2);

(4) в районе гражданского управления восточными территориями — как в рейхе.

---

[1] Герман Вагнер в указанный период — генерал-квартирмейстер генерального штаба главного командования сухопутных войск.

Тактически-оперативная власть и ответственность штабов воинских соединений в отношении эйнзатцкоманд этим соглашением ни в какой мере не ограничивались и поэтому не нуждались в дальнейших разъяснениях.

Соглашение устанавливало, что административная подчиненность не ограничивалась только дисциплинарным подчинением, но включала и обязанность тыловых штабов действующей армии обеспечивать эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды довольствием (бензин, продовольствие и т. д.) и предоставлять им пользование сетью связи.

Это соглашение было подписано Гейдрихом и Вагнером в моем присутствии. Вагнер подписал его «по уполномочию» главного командования сухопутных войск.

После того, как Вагнер и Гейдрих подписали соглашение, меня просили удалиться из комнаты на полчаса. Уходя, я еще успел услышать, что они договорились обсудить наедине, очевидно, лично им обоим известный приказ фюрера и условиться в деталях о дальнейшей его передаче. По истечении получаса меня позвали, чтобы проститься.

Сегодня я прочел «Отчет номер6 о деятельности эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР (за время с 1 по 31 октября 1941 года)», а также «Сводный отчет эйнзатцгруппы «А» за время с июня до 15 октября 1941 года». Из содержания этих отчетов следует, что деятельность эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД состояла главным образом в массовых убийствах евреев, коммунистов и других элементов сопротивления. Из «Сводного отчета», охватывающего только первые четыре месяца этой деятельности, следует, что сотрудничество соответствующих командующих армиями с эйнзатцгруппой «А» было в общем хорошим, в отдельных случаях, например с 4-й танковой группой под командованием генерал-полковника Гепнера, «очень тесным, и можно даже сказать носило сердечный характер» (с. 1).

Из приложения к тому же отчету, которое озаглавлено «Сводка о числе казненных», и в особенности из цифр, приведенных по отдельным последовательно завоеванным районам, с очевидностью следует, что полное введение в действие полиции безопасности и СД, сопровождавшееся массовыми убийствами (истреблением) всех элементов сопротивления во фронтовой полосе, началось немедленно после начала наступления против России.

Я признаю правдивость и достоверность обоих вышеупомянутых отчетов. Поэтому сегодня я должен выразить мое твердое убеждение, что во время своего секретного разговора наедине Вагнер и Гейдрих обсудили и наметили будущую широкую деятельность эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд в составе действующей армии, включая сюда планомерные массовые убийства.

Упомянутое выше тесное сотрудничество между действующей армией и эйнзатцгруппами с первых же дней русской кампании приводит меня к непоколебимому заключению, что верховное командование вооруженными силами еще до ее начала в обычном служебном порядке уведомило командующих группами армий и отдельных армий, предназначенными для участия в кампании, о предстоящей задаче эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, включая планомерное массовое истребление евреев, коммунистов и всех других элементов сопротивления.

В начале июня 1941 года Вагнер совместно с Гейдрихом и начальником управления разведки и контрразведки ОКВ (Абвер) адмиралом Канарисом созвали в помещении верховного командования вооруженными силами в Берлине общее совещание всех офицеров разведывательной службы и, насколько мне помнится, всех офицеров разведывательной службы всех групп армий, армий, армейских корпусов и некоторых диви-

зий, которые были предназначены для участия в предстоящей русской кампании. Присутствовало также большинство ответственных руководителей эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и службы безопасности. Я также присутствовал. Смыслом и целью этого совещания было ознакомление участвующих с военными планами против России и объявление им вышеупомянутых подробностей заключенного между Вагнером и Гейдрихом письменного соглашения.

Эта группа офицеров разведывательной службы армий и соединений пробыла в Берлине еще несколько дней и в ряде дальнейших совещаний, в которых я не участвовал, была подробно информирована о дальнейших деталях предстоящей русской кампании.

Я допускаю, что предметом этих совещаний было уточнение смысла приказа фюрера «всеми средствами быстро и окончательно сломить всякое сопротивление на завоеванных территориях», включая организованные массовые убийства всех сопротивляющихся элементов. В противном случае, вероятно, нельзя было бы ожидать установления в течение нескольких недель того сотрудничества между действующей армией и эйнзатцгруппами, о котором ясно свидетельствуют вышеупомянутые документы. Во всяком случае, вряд ли можно сомневаться в том, что эти офицеры разведывательной службы немедленно по возвращении из Берлина самым точным образом и в полном объеме информировали о соглашении своих начальников, включая командующих группами армий и армиями, которые должны были начать наступление на Россию.

Вальтер Шелленберг
26 ноября 1945 г.

Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 1, с. 214 — 218.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ К.Р. БЕСТА [1]

Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 31 июля 1946 г.

Меркель (защитник СД): Для какой цели были созданы эйнзатцкоманды?

Бест: *Так называемые эйнзатцкоманды были созданы с согласия ОКВ. Эти эйнзатцкоманды должны были прикрывать тылы сражающихся воинских частей и проводить все должные мероприятия по безопасности.*

Меркель: *Кому они подчинялись?*

---

[1] Карл Рудольф Вернер Бест — группенфюрер СС, «теоретик» полиции, с 1935 года на ответственных постах в гестапо, один из руководителей СД; в 1943—1945 г.г. — наместник Гитлера в оккупированной Дании. После краха рейха был судим за совершенные злодеяния и приговорен к смертной казни, но вскоре помилован и в 1951 году выпущен из тюрьмы. Через непродолжительное время стал консультантом по правовым вопросам концерна «Гуго Стиннес».

Бест: *Во время боевых операций они подчинялись военному командующему — командующему тем воинским соединением, которому они были приданы. После прекращения операции подчинение шло обычным порядком. Если в той или иной оккупированной области имелся рейхскомиссар или командующий, то эйнзатцкоманды подчинялись высшему руководителю СС и полиции, который был придан данному рейхскомиссару, так как рейхскомиссар возглавлял всю администрацию оккупированных областей.*

Меркель: *Из кого состояли эйнзатцкоманды?*

Бест: *Из служащих полиции безопасности, СД и гестапо. В ходе войны в эти команды пришли также служащие из других инстанций, а именно: охранной полиции, уголовной полиции...*

Меркель: *Являлись ли эйнзатцкоманды составной частью гестапо?*

Бест: *Нет, они не принадлежали ни к центральным инстанциям гестапо, ни к другим, а были формированиями с задачами полиции безопасности своеобразного характера.*

Нюрнбергский процесс
(в 3-х т.), т. 1, с. 219 — 220.

Германизация оккупированных стран

Германизация оккупированных стран

Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Л. Н.СМИРНОВА[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 25, 26 и 27 февраля 1946 г.

Преступления немецких захватчиков вытекали из человеконенавистнической сущности фашизма, его стремления к мировому господству путем разбойничьего захвата целых государств на Западе и на Востоке, порабощения и массового истребления людей. Эти преступления были претворением в жизнь каннибальских теорий германского фашизма.

Элементы, образующие понятие «преступления против человечности», содержатся почти во всех преступных действиях гитлеровцев. О значительной части фактов, подтверждающих совершение немецкими фашистами этих тягчайших преступлений, было уже доложено Суду при представлении доказательств по разделу о военных преступлениях и преступлениях против мирного населения...

С появлением немецких воинских частей и водружением свастики на зданиях официальных учреждений жители временно оккупированных районов стран Восточной Европы как бы становились по ту сторону жизни. Безжалостная машина фашизма хотела заставить их отрешиться от всего того, что в результате тысячелетий развития стало неотъемлемой частью понятия человечности.

Смерть постоянно витала над ними, но по пути к смерти их заставляли пройти через многие унизительные для человеческого достоинства мучительные стадии, которые в совокупности и образуют то, что обвинительное заключение называет преступлениями против человечности.

Их хотели заставить забыть свое имя, надевая на шею бирку с номером или нашивая на рукав одежды условный знак. Их лишали права говорить и читать на родном языке. У них отнимали дом и семью, их пытались лишить родины, насильственно перемещая за многие сотни и тысячи километров. Их лишали права иметь детей. Их повседневно третировали и унижали. Над их чувствами и верованиями глумились и издевались. И, наконец, у них отнимали последнее — жизнь.

Многочисленные акты расследований отмечали не только состояние крайнего физического истощения жертв немецко-фашистских зверств. Они отмечали также состояние тяжкой душевной депрессии у тех людей, которые в силу тех или иных случайностей вырывались из фашистского ада.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 28

Длительное время требовалось для того, чтобы люди, сделавшиеся жертвами германского фашизма, вновь вернулись к привычному кругу понятий и действий, к гуманным правилам человеческого общежития. Этот момент трудно выразить юридическими формулами, но он, с моей точки зрения, имеет весьма существенное значение для обвинения главных военных преступников.

Я прошу Суд обратиться к докладу польского правительства, уже представленного Трибуналу под номером СССР-93.

На странице 70 русского текста доклада приведена цитата из показаний Якова Верника — плотника из Варшавы, пробывшего год в лагере уничтожения Треблинка-2. Официальные немецкие документы называют Треблинку-2 Треблинкой-В. Это — одно и то же. Это было одно из самых страшных мест массового уничтожения людей, созданных германским фашизмом. В моем докладе я представляю уважаемому Суду доказательства, связанные с существованием этого лагеря.

Вот что говорил Верник, давая польскому правительству свои показания о Треблинке, которые, как он подчеркнул во введении к ним, были единственной целью, ради которой «он продолжает свою жалкую жизнь»:

«Просыпаясь или во сне я вижу ужасные призраки тысяч людей, призывающих к помощи, умоляющих оставить им жизнь и помиловать.

...Я лишился семьи, я сам вел их на смерть, я сам строил смертные камеры, в которых их убили.

...Меня пугает все. Я опасаюсь, что виденное мною написано на моем лице. Старая, сломанная жизнь — большая, тяжелая, но я должен нести это бремя и жить, чтобы рассказать миру, какие немецкие преступления и варварства я видел».

Люди, попадающие в Треблинку, становились по ту сторону жизни. Но эта участь постигала не только их. Анализ доказательств, связанных с преступлениями немецких фашистов, неопровержимо свидетельствует о том, что эту же судьбу разделяли не только посланные в специальные лагеря уничтожения, но и все те, которые во временно оккупированных немцами странах Восточной Европы становились жертвами преступников...

Смерть могла прийти совершенно неожиданно вместе с появлением в данной местности очередной зондеркоманды. Смертной казнью грозили за любые действия в специальных актах, получивших у немецко-фашистских захватчиков издевательское название «законов».

Мною и другими представителями советского обвинения уже приведены многочисленные примеры этих террористических законов, распоряжений, приказов немецко-фашистских властей. Я не хочу повторяться. Но все же я прошу у Суда разрешение огласить один из таких доку-

ментов, ибо он касается всех временно захваченных немцами восточных областей.

Единственным основанием для издания подсудимым Альфредом Розенбергом этого документа явилось то, что временно захваченные области населяли не немцы. Этот документ характерен для доказательства преследования людей по расовым, национальным и политическим мотивам. Я прошу Суд приобщить к материалам дела представляемый мною под номером СССР-395 фотостат приказа, изданного Альфредом Розенбергом 17 февраля 1942 г. в дополнение к уголовным предписаниям, действовавшим в занятых восточных областях:

«§1. Смертной казнью, а в менее тяжких случаях — каторгой наказывается тот, кто применит насилие против германской империи или против установленной в занятых восточных областях верховной власти; кто применит насилие против германского подданного или лица немецкой национальности за его принадлежность к немецкой национальности; кто применит насилие против служащего германской армии или вневойсковой организации, германской полиции, включая ее вспомогательные силы, учреждений трудовой повинности германских властей или учреждений и организаций НСДАП; кто призывает или побуждает к неподчинению изданному немецкими властями приказу или распоряжению; кто преднамеренно наносит вред мероприятиям германских властей и учреждений или вещам, используемым в работе последних, и общественному благу; кто содействует антинемецким стремлениям или организационно поддерживает объединения, запрещенные германскими властями; кто участием во враждебной или подстрекательской деятельности обнаруживает антинемецкие взгляды или своим прочим поведением умаляет или наносит ущерб авторитету или благу германского государства или немецкого народа; кто преднамеренно совершает поджог и тем самым наносит ущерб общегерманским интересам или состоянию германского подданного или лица немецкой национальности...»

Этот приказ Розенберга был лишь одним из звеньев в цепи преступлений руководителей немецкого фашизма, преступлений, направленных на уничтожение славянского народа.

Я перехожу к первому разделу моего доклада, озаглавленному «Уничтожение славянских народов». В этом разделе я покажу, как претворялась в жизнь эта преступная установка гитлеровцев об уничтожении славянских народов. Привожу данные из доклада правительства Югославии:

«Наряду с тысячами югославов, павших в боях, оккупанты уничтожили еще по меньшей мере 1,5—2 миллиона человек, главным образом детей, женщин и стариков. Из 15 миллионов югославского населения до войны за сравнительно короткий период в 4 года уничтожено почти 14 процентов населения».

В докладе правительства Чехословакии приведены доказательства составленного гитлеровскими преступниками плана насильственного переселения всех чехов и заселения Чехословакии немецкими колонистами. В докладе приведено извлечение из показаний Карла Германа Франка, признавшего наличие этого плана и заявившего, что он, Франк, якобы составил меморандум, в котором возражал против подобного плана. Я цитирую извлечения из показаний Карла Германа Франка:

«Я считал этот план бессмысленным, так как, по моему мнению, пустое пространство, созданное благодаря ему, будет серьезно нарушать жизненные функции Чехии и Моравии по различным причинам: геополитическим, транспортным, промышленным и другим, а немедленное заполнение этого пустого пространства нашими немецкими колонистами невозможно».

В Польше режим уничтожения славянского населения осуществлялся различными преступными способами, в числе которых видное место занимали доведение людей до предельного изнурения непосильным трудом и последующее умерщвление их голодом.

Преступники совершенно сознательно шли на умерщвление миллионов людей голодом, о чем свидетельствуют, в частности, выдержки из дневника Ганса Франка.

Вот отрывок из записи о совещании у «губернатора» 7 декабря 1942 г. в Кракове:

«Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек...»

Вот извлечение из записи о правительственном заседании от 24 августа 1942 г.:

«Доктор Франк: При всех тех затруднениях, которые возникают в связи с заболеванием их рабочих или развалом их организаций, вы всегда должны помнить о том, что лучше видеть поверженным поляка, а не немца. То, что мы приговариваем к голодной смерти 1—2 миллиона евреев, само собой понятно. Если евреи не умрут с голоду, то это, вероятно, вызовет ускорение и активизацию мероприятий, направленных против них...»

Привожу третью короткую выдержку из записи от 14 декабря 1942 г. о рабочем совещании политических руководителей трудового фронта генерал-губернаторства:

«Это ставит перед нами следующую проблему: сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающих в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

Во вступительной речи Главный обвинитель от СССР, говоря о преступлениях против человечности, сослался на заметки Мартина Бормана.

Заметки Мартина Бормана были уже предъявлены Суду под номером СССР-172.

В частности, Главный обвинитель от СССР процитировал следующее место:

«Резюмируя, фюрер установил еще раз:

1. Последний немецкий рабочий и последний немецкий крестьянин должен всегда стоять в экономическом отношении выше любого поляка».

Как осуществлялись эти установки Гитлера, которые полностью разделял подсудимый Франк, на территории Польши?

В числе других фашистских институтов, производивших всякого рода лженаучные эксперименты, немецкие преступники создали специальный институт, занимавшийся исследованием хозяйственной жизни. Этот институт издал документ, озаглавленный «Значение польского вопроса для военной промышленности Верхней Силезии».

Подобным «исследованием» фашистский «научный» институт решил заняться для уяснения причин падения производительности труда польских рабочих.

О целях этого «исследования» лучше всего будут свидетельствовать приводимые ниже два очень коротких извлечения из документа под номером СССР-282:

«Исследованию чужда какая бы то ни было гуманная тенденция...

Мы поднимаем наш голос не для защиты поляков, а для того, чтобы воспрепятствовать падению военной продукции, которая должна снабжать вермахт».

Приведя две краткие цитаты, характеризующие цель и характер этого «исследования», я цитирую далее отдельные извлечения, показывающие положение поляков-рабочих и практическое осуществление подсудимым Франком приведенных выше указаний Гитлера:

«Сообщения, касающиеся положения польского населения, и мнения о том, какие меры в связи с этим надо считать наиболее целесообразными, расходятся во многом. Однако все мнения согласны в одном пункте, который сводится к краткой формуле: «Поляки голодают». Уже немногие, иногда беглые наблюдения подтверждают эти выводы. Один из информаторов посетил военный завод во время обеденного перерыва. Рабочие апатично стоят или сидят, греясь на солнышке, некоторые курят папиросы. Наблюдатель насчитал 80 человек. Только один из них имеет кусок хлеба на завтрак; у остальных нет с собой никакой еды, хотя рабочий день продолжается 10—12 часов.

Наблюдения, сделанные на заводах, доказывают, что нормы продовольствия, получаемые польскими рабочими, так ничтожны, что им недостает еды, чтобы захватить с собой завтрак на работу. У рабочих нет с собой даже куска хлеба, чтобы позавтракать во время полуденного перерыва на заводе. Если некоторые приносят с собой завтрак, то он состоит из тощего кофе и одного или двух кусков сухого хлеба или сырого картофеля, а в более трудные времена у них не хватает даже этой скудной пищи, и они довольствуются сырой морковью, которую во время работы подогревают на печке...

В связи с этим надо сказать, что при посещении рудников оказалось, что почти у 10 процентов польских рабочих, отправляющихся на смены в копи, не было с собой никакой пищи, а около 50 процентов из них отправлялись на работу под землей, захватив с собой только сухой хлеб или разрезанный на куски сырой картофель, который они подогревают потом на плите».

Институт занялся «научным» подсчетом числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, и сопоставлением их с числом калорий, получаемых немецким населением.

Я не буду приводить обширных извлечений из цитируемого документа и ограничусь лишь короткими итоговыми данными:

«Сравнение числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, с числом калорий, отводимых немецкому населению, доказывает, что поляки получают на 24 процента меньше немецких потребителей.

Эта разница возрастает до 26 процентов по продовольственным карточкам, выдаваемым неработающим полякам. Для молодежи в возрасте от 14 до 20 лет эта разница между долями, отводимыми немцам и полякам, достигает почти 33 процентов.

Недоедание польских детей в возрасте от 10 до 14 лет, в сравнении с тем, что получают немецкие дети, проявляется в еще большей степени. Здесь разница составляет не менее 65 процентов. Об этом свидетельствует уже внешний вид этой молодежи, получающей недостаточное питание. Польские дети моложе 10 лет получают питание на 60 процентов меньше немецких детей. Если врачи сообщают, что продовольственные условия младенцев не так уж неблагоприятны, то это только мнимое противоречие. Пока мать кормит младенца грудью, он получает все нужное из этого источника. Последствия недостаточного питания отражаются в этом периоде не на ребенке, а исключительно на матери, у которой здоровье и работоспособность падают, как это имело бы место при недостаточном питании...

Из всех категорий потребителей польское юношество по сравнению с немецким находится в самом худшем положении. Разница в получаемых продуктах достигает 60 процентов и даже больше».

Представляют также интерес приведенные в «исследовании» отрывки из доклада представителя немецкого трудового фронта от 10 октября 1941 г. после посещения им одной из угольных шахт в Польше.

«Было установлено, что ежедневно в различных селениях польские шахтеры падают от изнеможения... Ввиду того, что рабочие постоянно жалуются на желудочные боли, были запрошены врачи, которые ответили, что причиной этих заболеваний является недостаточное питание».

Я завершаю это сделанное самими немецкими преступниками, и притом «учеными» преступниками, описание фи-

зического состояния польских рабочих короткой цитатой из этого же «исследования»:

«Управления заводов постоянно подчеркивают, что нетрудоспособных, недоедающих людей невозможно больше понуждать к работе только угрозой ссылки в концентрационный лагерь. Все равно должен наступить день, когда ослабевшее тело станет больше неспособным к труду».

В этом же документе содержится не оставляющая возможности для двоякого истолкования характеристика правового положения польских рабочих в период немецкой оккупации Польши. Эта характеристика тем более ценна, что, как уже говорилось выше, авторы «исследования» подчеркивали, что ему «чужда какая бы то ни была гуманная тенденция»...

«Закон не дает лицам, принадлежащим к польской национальности, права требовать чего-нибудь в какой бы то ни было области. Все, что предоставлено полякам, — это добровольный дар немецких господ. Самое яркое выражение находит это юридическое положение в обездоленности поляков перед законом.

В юридическом отношении поляки не имеют собственных представителей перед судом. Уголовное судопроизводство ведется в отношении их по принципу произвола. Проведение в жизнь законных распоряжений является делом полиции, которая решает дела по собственному усмотрению, а в некоторых случаях может передавать их на рассмотрение суда».

Согласно указу от 26 августа 1942 г. польские рабочие обязаны были наравне с немцами платить взносы на страхование от болезни, несчастных случаев, инвалидности. Эти отчисления из зарплаты польских рабочих были большими, чем отчисления из зарплаты немцев. Однако если рабочий немец пользовался страховой помощью, то поляк фактически был лишен ее.

В подтверждение этого я приведу два коротких извлечения из того же «исследования»:

«Страхование от несчастных случаев, которым ведают профессиональные союзы, очень ограничено по отношению к полякам. Признание инвалидности имеет место в гораздо более узких границах, чем для немцев. При потере глаза немец считается инвалидом на 30 процентов, поляк — только на 25 процентов. Для выплаты помощи требуется, чтобы поляк потерял 33 процента трудоспособности...

Самым суровым образом ограничены права семей польских рабочих, погибших от несчастных случаев. Вдова только тогда получает пенсию и то в размере 50 процентов пенсии, предусмотренной для немцев, если она имеет на иждивении по крайней мере четырех детей или сама является инвалидом. Ограничение в правах поляков наглядно показывает пример: немецкая вдова, оставшаяся с тремя детьми, получает 80 процентов годичного заработка своего погибшего мужа или при заработке в 2000 марок пенсию в

1600 марок в год. Полячка в таком случае не получила бы ни гроша».

Немецко-фашистские главные военные преступники направляли на территории временно оккупированных ими восточных областей не только солдат и эсэсовцев; следом за ними приезжали специально командированные фашистские «ученые», «консультанты по экономическим вопросам» и всевозможные другие «исследователи». Некоторые из них командировались по линии ведомства Риббентропа, другие посылались Розенбергом.

Я предъявляю под номером СССР-218 донесения представителя министерства иностранных дел при 17-й армии Пфлайдерера, адресованные сотруднику отдела информации министерства иностранных дел фон Рантцау.

Документы были обнаружены частями Красной Армии в имении фон Дирксена[1], в Верхней Силезии. На основании знакомства с документами можно заключить, что Пфлайдерер в 1941—1942 гг. совершил поездку по оккупированным областям по маршруту: Ярослав на Украине, Львов, Тернополь, Проскуров, Винница, Умань, Кировоград, Александрия, Кременчуг на Днепре.

Целью поездки, по-видимому, было изучение экономической и политической обстановки в оккупированных областях Украины. О том, что автор этого документа был совершенно «свободен от каких бы то ни было гуманистических тенденций», свидетельствует следующее небольшое извлечение из его донесения, датированного 28 октября 1941 г., где Пфлайдерер пишет:

«Существует крайняя необходимость выжать из страны все соки для обеспечения снабжения Германии». Но даже при такого рода жестоких и хищнических установках Пфлайдерер был, очевидно, смущен поведением соотечественников и считал необходимым специально привлечь к этому внимание руководства имперского министерства иностранных дел.

Я цитирую донесение Пфлайдерера, озаглавленное: «Предпосылки, обеспечивающие снабжение и конфискацию наибольшего количества продовольствия на Украине. Настроение и положение населения в конце октября 1941 года».

«...Настроение населения в большинстве случаев сразу же после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшилось. В чем причина этого? Мы выражаем внутреннюю неприязнь, даже ненависть по отношению к этой стране и высокомерие по отношению к ее народу. Третий год войны и необходимость перезимовать в неприветливой стране вызывают ряд затруднений. Но их необходимо преодолевать со стойкостью и самодисциплиной. Мы не должны срывать на населении свое недовольство этой страной... Часто бывали случаи, когда мы поступали не

[1] Бывший посол Германии в Англии.

логично и, вследствие ошибок, которых легко можно было избежать, теряли у населения всякую симпатию. Мы расстреливаем в деревнях и населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставляем их трупы на дороге, а эти факты не может понять население... Так как войскам даны широкие полномочия по самоснабжению, то вблизи больших магистралей и городов колхозы в большинстве случаев уже не имеют племенного скота, семян и посевного картофеля (Полтава). Снабжение собственных войск, безусловно, стоит на первом месте. Однако самый характер снабжения нам небезразличен. Реквизиция последней курицы с психологической стороны столь же неразумна, как и неразумно с хозяйственной точки зрения убийство опоросшей свиньи и последних телят...

Население оказалось без руководства. Оно стоит в стороне. Оно чувствует, что мы смотрим на него сверху вниз, что мы видим саботаж в его темпе работы и методах, что мы совершенно не делаем никаких попыток, чтобы найти путь к нему».

Документ, предъявляемый мною Суду под номером СССР-439, представляет собой политический отчет немецкого профессора доктора Пауля Томсона, написанный им на бланках государственного университета в Познани и снабженный самим автором грифом «не подлежит оглашению».

Этот документ также вводит нас в обстановку полного бесправия и произвола по отношению к местному населению временно оккупированных районов Советского Союза, которую наблюдал профессор на протяжении всей своей поездки по временно оккупированным областям Советского Союза от Минска до Крыма.

Об отсутствии у автора гуманистических тенденций свидетельствует само содержание оглашаемых мною цитат, и если, тем не менее, Пауль Томсон вынес из поездки, как он говорит, «самое тяжелое впечатление», это является лишним доказательством того, насколько бесчеловечен и жесток был режим, насажденный немецкими фашистами...

Я продолжаю цитирование политического отчета профессора Пауля Томсона:

«Хотя здесь, на Востоке, на меня возложены чисто научные задачи, я чувствую себя обязанным присоединить к моему деловому докладу общий политический отчет. Я должен откровенно и честно заявить, что возвращаюсь на родину с самыми тяжелыми впечатлениями.

В этот час, когда решается судьба нашего народа, каждая ошибка может иметь роковые последствия.

С польскими или чешскими вопросами мы можем разделаться, на это хватит биологических сил нашего народа. Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши и литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть.

Совершенно иначе обстоят дела на колоссальном русском пространстве, которое крайне важно для нас как сырьевая база...

Об экономических мероприятиях, например о закрытии свободного рынка в Киеве, воспринятом населением как тяжелый удар, я не берусь судить, так как не знаю общей ситуации. Но «унтерофицерский» тон, избиения и окрики на улице, бессмысленное уничтожение научных учреждений, что все еще имеет место в Днепропетровске, следует прекратить и виновных наказать.

Киев, 19 октября 1942 г.

Профессор, доктор Пауль Томсон».

Уже хорошо известная Суду теория немецких фашистов о «германизации» гласила, что германизируются не народы, а территории.

Я приведу Суду доказательство подобного рода преступлений гитлеровцев, которые они намеревались совершить в Югославии. Эти преступления не могли быть осуществлены в связи с вспыхнувшим по всей Югославии освободительным движением. Я привожу коротко извлечение из доклада правительства Югославии:

«Немедленно по вступлении германских войск в Словению немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного плана германизации «аннексированных» районов Словении. Руководящим нацистским кругам было совершенно ясно, что нельзя успешно провести германизацию в Словении, если предварительно не убрать из нее большую часть национально и социально сознательных элементов; а для того чтобы ослабить сопротивление народных масс, которое они оказывают нацистским властям при проведении германизации, необходимо их численно уменьшить и экономически уничтожить. Германский план предусматривал полное «очищение» отдельных районов Словении от словенцев и заселение их немцами...

Несколько дней спустя после захвата Словении были созданы центральные органы по переселению. Штаб находился в Мариборе (Марбург на Драве) и в Бледе (Вельдес). Одновременно 22 апреля 1941 г. был опубликован закон об укреплении германского народного духа. Первой целью этого закона была конфискация имущества всех лиц и учреждений, «враждебно настроенных по отношению к Германии». К таковым, естественно, причислялись все те, кого по плану должны были изгнать из Словении.

Гитлеровцы приступили к практическому осуществлению этого плана. Они арестовали большое количество лиц, которых намечалось выслать в Сербию и Хорватию. Обращение с арестованными было исключительно жестоким. Все имущество арестованных конфисковывалось в пользу рейха. Было организовано много сборных пунктов, превращенных фактически в концлагеря, в Мариборе, Целье и других местностях».

По поводу обращения с арестованными в этих пунктах в докладе правительства Югославии сказано следующее:

«Интернированных оставляли без пищи, в антисанитарных условиях; обслуживающий персонал лагерей подвергал их телесным и духовным пыткам. Весь персонал лагерей и коменданты были членами СС. Среди них было много немцев из Каринтии и Штирии, которые ненавидели все словенское и вообще югославское».

Характерна следующая фраза: «Особенной жестокостью отличались члены «Союза культуры».

В качестве доказательства преступлений гитлеровцев я представляю Трибуналу под номером СССР-139, ВБ-87, письмо германской военной комендатуры в Смередово югославскому квислинговцу, некоему комиссару Стефановичу. В письме содержится приказ сообщить о возможности переселения в Сербию большого количества словенцев.

В докладе правительства Югославии сказано, что первоначально германские власти намеревались ввезти в Сербию 260 тысяч словенцев. Однако осуществление этого плана встретило ряд трудностей.

«Но ввиду того, что переселение в Сербию такого большого количества словенцев натолкнулось на большие трудности, вскоре после этого между германскими властями и квислинговцами-усташами из управления в Загребе завязались переговоры по поводу транзита выселяемых словенцев через хорватскую территорию, а также по поводу поселения части словенцев в Хорватии и выселения из нее сербов».

Представляю документ под номером СССР-195, ЮК-88: Это — протокол совещания, проведенного 4 июня 1941 г. в германской миссии в Загребе. На этом совещании председательствовал германский посланник в Загребе обергруппенфюрер СС Зигфрид Таше. Протокол совещания был захвачен в сербском переводе в архиве комиссариата по делам беженцев так называемого «правительства» Милана Недича. В протоколе так обозначена обсуждавшаяся тема: «Выселение словенцев из Германии в Хорватию и Сербию, а также сербов из Хорватии в Сербию». В протоколе дословно говорится следующее: «Совещание было одобрено имперским министерством иностранных дел в телеграмме за номером 389 от 31 мая. Согласие фюрера на переселение получено в телеграмме номер 344 от 24 мая».

Таким образом, констатируется непосредственная ответственность подсудимого Риббентропа за это преступление против человечности.

Одновременно с этим, как видно из доклада правительства Югославии, был произведен угон значительного количества словенцев в Германию.

«Вскоре после этого началось само переселение. По утрам в деревню приходили грузовики. Солдаты и гестаповцы, вооруженные пулеметами и винтовками, врывались в дома и приказывали жильцам немедленно выходить из жилищ, причем разрешалось брать с собой только то, что каждый мог нести сам. Все эти несчастные люди должны были в несколько минут уйти из дома и оставить там все

свое имущество. На грузовиках они были доставлены в монастырь католического ордена траппистов в Рейхенберге. Оттуда отходили эшелоны. Каждый эшелон забирал в Германию от 600 до 1200 человек. Округ Брежице был очищен от населения почти полностью, округ Кршко — на 90 процентов. Из обоих округов было угнано 56 тысяч жителей. Из общины Цирковцы и Птуя, сверх того, уведено 4 тысячи человек...

Их заставляли выполнять самые тяжелые работы и жить в ужаснейших условиях. Вследствие этого среди них была массовая смертность. За малейший проступок к ним применялись самые суровые меры наказания».

Прошу Суд принять в качестве доказательства дополнительный официальный доклад правительства Югославии, представляемый под номером СССР-357.

Подобные же преступления были совершены немецкими захватчиками на территории оккупированной Польши. Я привожу краткие извлечения из доклада правительства Польской Республики. Этот раздел имеется в пункте «А» и называется «Германизация Польши».

Ясные указания относительно программы в этом отношении найдены в публикации, распространявшейся среди членов национал-социалистской партии Германии в 1940 году. Она содержала изложение принципов немецкой политики на Востоке. Вот несколько цитат из нее: «...В военном смысле польский вопрос решен, но с точки зрения национальной политики он теперь только начинается для Германии. Национальный политический конфликт между немцами и поляками должен быть доведен до степени, невиданной до сих пор в истории.

Цель, перед которой стоит немецкая политика на территории бывшего Польского государства, двоякая: 1) стремиться, чтобы известная часть этого пространства была очищена от чуждого населения и занята немцами, и 2) навязать немецкое руководство с целью предотвращения возможности вспышки на этой территории нового пожара против Германии. Ясно, что такой цели нельзя никогда достичь вместе с поляками, а только против них».

Следующий раздел называется «Колонизация Польши немецкими поселенцами».

Политика в этом отношении ясно выражена официальными немецкими властями. В «Остдейчер Беобахтер» от 7 мая 1941 г. напечатано следующее воззвание: «Впервые в истории Германии мы используем наши военные победы в политическом отношении. Никогда больше даже сантиметр земли, которую мы покорили, не будет принадлежать поляку».

Таков был план, а факты, имевшие место на практике, были следующими: местность за местностью, деревня за деревней, местечки и города на присоединенных территориях были «очищены» от польских жителей.

Это началось в октябре 1939 года, когда из местности Орлово были выселены все жившие и работавшие там

поляки. Потом наступила очередь польского порта Гдыни. В феврале 1940 года около 40 тысяч человек было изгнано из города Познани. Их места были заняты 36 тысячами балтийских немцев, семействами военных и немецких чиновников.

Польское население было изгнано из следующих городов: Гнезно, Хелм, Постян, Нешив, Иновроцлав и многих других.

Немецкая газета «Гренццейтунг» уведомляла, что в феврале 1940 года весь центр города Лодзи был «очищен» от поляков и предназначен для будущих немецких поселенцев. В сентябре 1940 года общее число поляков, вывезенных из Лодзи, достигло 150 тысяч.

Приказ о вывозе людей, живущих в этих местностях, сопровождался запрещением брать с собой свою собственность; все предлагалось оставлять. Место этих поляков, депортированных из своих жилищ, предприятий и хозяйств, было занято немецкими пришельцами. В январе 1941 года более 450 тысяч немцев было поселено таким образом.

Я опускаю следующую часть доклада, которую я хотел цитировать, и прошу Суд лишь обратить внимание на раздел «Германизация польских детей». Это короткая цитата, всего два небольших абзаца:

«Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были безжалостно уведены от родителей и семейств и вывезены в Германию». Сами немцы объяснили цель этой самой жестокой меры в «Кельнише цейтунг»:

«Их будут учить немецкому языку, им будут затем прививать немецкий дух, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек».

Я перехожу к следующему разделу моего доклада — «Дискриминация советских людей», что было обычным методом гитлеровских преступников.

Предъявляю Суду под номером СССР-415 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф». К этому Сообщению приложен ряд подлинных документов немецко-фашистских преступников, документов, изъятых из дел лагеря...

На основании произведенного расследования Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в Ламсдорфе, в районе города Оппельн, с 1941 года по март 1945 года существовал немецкий стационарный лагерь номер 344. В 1940—1941 гг. в этом лагере содержались польские, а с конца 1941 года в него стали поступать советские, английские и французские военнопленные...

«У военнопленных, — говорится в Сообщении Чрезвычайной Комиссии, — отбирали верхнюю одежду и обувь, и они должны были даже зимой ходить босиком. За время существования лагеря через него прошло не менее 300 тысяч военнопленных, из них около 200 тысяч советских и

100 тысяч польских, английских, французских, бельгийских и греческих военнопленных.

Наиболее распространенным методом истребления советских военнопленных в Ламсдорфском лагере была продажа заключенных для работы на предприятиях различных германских фирм, где их беспощадно эксплуатировали до полной потери сил и смерти.

В отличие от многочисленных германских «бирж труда», где «уполномоченные» Заукеля продавали угнанных в немецкое рабство советских граждан немецким хозяйчикам «в розницу», в Ламсдорфском лагере была организована «оптовая» продажа предпринимателям военнопленных, сформированных в «рабочие команды». Таких «рабочих команд» в лагере было 1011».

Я совсем не хочу сказать, что режим, созданный немцами в отношении британских, французских или других военнопленных, отличался мягкостью или гуманностью и только советских военнопленных администрация лагеря уничтожала, применяя для этого различные преступные методы. Отнюдь нет. Лагерь в Ламсдорфе по существу преследовал цель уничтожения военнопленных без различия их национальности или гражданства. Однако и в этом «лагере смерти», в этих тягчайших условиях, созданных для военнопленных всех национальностей, немецкие фашисты, совершая преступления против человечности, верные принципам своих «теорий», создавали особо мучительные условия для советских людей.

Я предъявляю Суду в кратких извлечениях серию документов, изъятых из архива этого лагеря и предъявляемых Трибуналу в подлинниках. Все эти документы указывают на явную дискриминацию советских военнопленных, осуществлявшуюся администрацией лагеря по указаниям имперского правительства и верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

Предъявляю под номером СССР-421 «Памятку об использовании труда советских военнопленных», адресованную начальником отдела по делам военнопленных VIII военного округа администрации промышленных предприятий, куда направлялись военнопленные. Относительно обращения с советскими военнопленными в ней имеются следующие указания:

«Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на ра-

боте, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и прочее, должны, безусловно, задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции».

Штаб ОКВ издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым это использование допускалось лишь при условиях, значительно более строгих по сравнению с условиями работы военнопленных других национальностей.

Таким образом, указания об особо жестоком режиме в отношении советских военнопленных, применяемом лишь за то, что они были советскими людьми, не являлись произвольным делом администрации лагеря Ламсдорф. Они были продиктованы главным образом штабом вооруженных сил. Составляя «памятку», администрация лагеря Ламсдорф лишь выполняла прямое приказание верховного командования германских вооруженных сил.

«В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными...

Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно...»

Такова была «памятка» для промышленников, на предприятия которых в качестве рабов были направлены советские военнопленные.

Я представляю Суду под номером СССР-431 другую «памятку», адресованную уже охране советских военнопленных. Этот документ является приложением к распоряжению штаба ОКВ.

«В первый раз в этой войне немецкий солдат встречается с противником, обученным не только в военном, но и в политическом отношении, идеалом которого является коммунизм и который видит в национал-социализме своего злейшего врага...

Даже попавший в плен солдат, каким бы безобидным внешне он ни выглядел, будет использовать всякую возможность для того, чтобы проявить свою ненависть ко всему немецкому. Надо считаться с тем, что военнопленные получили соответствующие указания о поведении в плену...

Поэтому по отношению к ним совершенно необходимы максимальная бдительность, величайшая осторожность и недоверчивость.

Для охранных команд существуют следующие указания:

1. Применение строжайших мер при проявлении малейших признаков сопротивления и непослушания! Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. По военнопленным, пытающимся бежать, немедленно стрелять (без окрика), стараясь в них попасть...

По отношению к трудолюбивым и послушным военнопленным также неуместно проявление мягкости, так как они рассматривают это как проявление слабости и делают из этого соответствующие выводы...

5. Мнимая безобидность большевистских военнопленных никогда не должна приводить к отклонению от вышеприведенных указаний».

Я предъявляю документ под номером СССР-422. Это — отношение начальника снабжения и снаряжения армии от 17 октября 1941 г., разосланное заместителям командиров корпусами и управлениям военных округов:

«Расквартирование советских военнопленных.

На совещании, которое состоялось 19 сентября 1941 г. у начальника снабжения и снаряжения армии, было установлено, что путем постройки многоэтажных нар вместо кроватей в бараках, рассчитанных на 150 военнопленных, можно разместить на постоянное жительство 840 человек согласно чертежу барака для советских военнопленных».

Из документа под номером СССР-433 — приказа по лагерю номер 86 от 5 ноября 1943 г. — я цитирую § 12:

«Расстрелы советских военнопленных (судебный офицер).

О расстрелах советских военнопленных и о происходящих с ними несчастных случаях со смертельным исходом впредь не требуется доносить по телефону начальнику по делам военнопленных, как о чрезвычайных происшествиях...»

Верховным командованием вооруженных сил Германии советские военнопленные ставились в условия значительно худшие, чем военнопленные других национальностей.

Представляю директиву верховного командования вооруженных сил Германии, датированную 1 марта 1944 г., документ СССР-427:

«...Военнопленные, работающие весь день, получают за один полный рабочий день основную плату:

несоветские военнопленные — 0,70 рейхсмарок

советские военнопленные — 0,35 »

...Минимальная заработная плата составляет в день:

0,20 рейхсмарок для несоветских военнопленных,

0,10 рейхсмарок для советских военнопленных».

Если другие военнопленные получали от немецко-фашистских убийц право на несколько глотков свежего воздуха в день, то советские люди были лишены и этого.

Цитирую § 7 приказа по лагерю номер 44, озаглавленный «Прогулки военнопленных», документ СССР-424:

«В тех особых случаях, когда военнопленные в результате того, что их жилые помещения находятся внутри места работы, не имеют возможности пользоваться свежим воздухом, их можно для сохранения трудоспособности выводить на свежий воздух...»

В приказе по лагерю номер 46, документ СССР-425, пункт 10 тоже озаглавлен «Прогулки военнопленных», при-

чем в качестве основания для этого пункта указан приказ начальника отдела по делам военнопленных номер 1259 от 2 июня 1943 г. В приказе номер 46 говорится:

«В дополнение к пункту 7 приказа по лагерю номер 44 от 8 июня 1943 г. разъясняется, что он не относится к советским военнопленным...»

Далее в документах указывается:

«...Необходимость замены 104 английских военнопленных, работающих в составе рабочей команды военнопленных номер Е-351 на бумажной фабрике «Генрихсталь», 160 советскими военнопленными вызвана увеличившейся потребностью этой фабрики в рабочей силе. Пополнение команды английскими военнопленными до необходимой численности — 160 человек — является невозможным, так как после проверки лагеря соответствующими военными властями в течение последних месяцев было установлено, что имеющегося помещения хватает только на 104 английских военнопленных; однако в том же помещении можно без труда разместить 160 русских военнопленных...»

Инструкция номер 8 по этому лагерю, датированная 7 мая 1942 г., озаглавлена «Использование на работе советских военнопленных». Из этого документа, СССР-146, цитирую раздел, озаглавленный «Мероприятия по восстановлению полной работоспособности»:

«Почти все без исключения советские военнопленные находятся в состоянии истощения, что не позволяет использовать их в настоящее время для нормальной работы».

Штаб ОКВ специально занимался двумя вопросами: во-первых, вопросом об одеялах для советских военнопленных и, во-вторых, вопросом о том, в каких формах должны проходить похороны умерщвленных безжалостным режимом концентрационных лагерей советских людей. Оба эти вопроса получили разрешение в одном документе. Я представляю его Суду под номером СССР-428. Это — отношение управления VIII военного округа, датированное 28 октября 1941 г.:

«В соответствии с решениями, принятыми на совещании в Штабе ОКВ, сделаны следующие распоряжения:

1. Одеяла:

Советские военнопленные получают бумажные одеяла, которые они должны изготовить сами по типу стеганых одеял, но из бумажной дерюги, заполненной скомканной бумагой или чем-либо подобным. Материал будет предоставлен штабом ОКВ.

2. Погребение советских военнопленных:

Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов. Гробами разрешается пользоваться только для

перевозки. В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной». Но не только управление военного округа занималось вопросом о способах погребения советских военнопленных; этим же занималось и министерство внутренних дел, направившее в лагеря срочное письмо, снабженное специальным грифом «Не подлежит опубликованию в прессе, даже в выдержках». Об этом свидетельствует документ под номером СССР-430: «Следует в целях экономии обращаться в армейские учреждения, например, по поводу перевозки трупов (предоставление автомашин). Для перевозки и погребения не требуется гробов. Тела умерших следует завертывать в бумагу (по возможности пропитанную маслом, смолой или асфальтом) или какой-либо другой подходящий материал. Перевозку и погребение следует производить незаметно. При одновременном поступлении многих трупов следует производить погребение в общей могиле. При этом трупы необходимо укладывать на обычной глубине друг возле друга (но не друг на друга).

В качестве места погребения следует выбирать отдаленную часть кладбища, нельзя допускать украшения могил и совершения похоронных обрядов...

Необходимо расходовать как можно меньше средств».

Таким образом, даже в специальных учреждениях германского фашизма, созданных для уничтожения людей, преступники проводили политику дискриминации по расовым и политическим мотивам.

Практически эта дискриминация могла означать лишь то, что одна часть заключенных в лагере приводилась к неизбежному концу — смерти — быстрее, чем другая часть, но преступники и здесь старались сделать наиболее мучительным конец тех своих жертв, которых с позиции своих человеконенавистнических «теорий» расценивали как «недочеловеков» или считали способными к активному сопротивлению.

Документ под номером СССР-415 — Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях в лагере «Ламсдорф» свидетельствует об объеме преступной деятельности гитлеровцев:

«По заключению Специальной комиссии за время существования Ламсдорфского лагеря немцами было замучено более 100 тысяч советских военнопленных. Из них большая часть погибла в шахтах и на предприятиях или при обратной перевозке в лагерь, часть была задавлена в землянках, многие были убиты в пути при эвакуации лагеря, 40 тысяч военнопленных были замучены в самом лагере «Ламсдорф».

Перехожу к разделу «Преследование евреев».

Возведенный в зоологические формы крайний антисемитизм гитлеровских преступников общеизвестен. Я не буду приводить цитат из так называемых «теоретических произведений» главных военных преступников от Гиммлера и Геринга до Папена и Штрейхера, доказывающих это. В странах Восточной Европы антисемитизм гитлеровцев осуществлялся преимущественно в форме физического уничтожения невинных людей.

В свое время американским обвинением уже был предъявлен Суду один из отчетов специальной преступной организации германских фашистов, так называемой эйнзатцгруппы «А». Он был предъявлен под номером Л-180. Наши американские коллеги представили отчет по 15 октября 1941 г. включительно. Советское обвинение располагает другим отчетом этой злодейской организации германских фашистов, охватывающим другой период и являющимся как бы продолжением первого документа, а именно отчетом эйнзатцгруппы «А» с 10 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Представляя фотостат этого отчета под номером СССР-357, прошу разрешения огласить цитаты из главы 3 отчета, озаглавленной «Евреи». Это данные по одной лишь организации, то есть эйнзатцгруппе «А».

«...Систематическая работа по очищению Востока согласно основным приказам имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея. Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...»

Из подраздела «Эстония»:

«...Экзекуции над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, стали постепенно производиться силами полиции безопасности и СД. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет...»

Привожу далее короткие извлечения из подраздела «Латвия»:

«...При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 тысяч евреев... До октября 1941 года этими особыми командами было подвергнуто экзекуции ровно 30 тысяч евреев...

В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, 9 ноября 1941 г. в Двинске было подвергнуто экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 года в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции безопасности операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 человек, в середине декабря 1941 года в Либаве — над 2350 евреями. В настоящее время в гетто находятся (кроме евреев из Германии) округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек и Либаве — 300 человек».

Председатель: *Скажите, пожалуйста, откуда взяты эти данные? Они содержатся в каком-либо официальном докладе или взяты из немецких источников?*

Смирнов: *Это данные самих немцев. Этот документ в копии был изъят из архивов гестапо, захваченных в Латвии войсками Красной Армии.*

Разрешите мне продолжать, господин председатель?

Председатель: *Пожалуйста.*

Я цитирую из подраздела «Литва»:

«В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек».

Привожу более подробную цитату из раздела отчета эйнзатцгруппы «А» в Белоруссии:

«Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в этой области вследствие отсутствия других резервов являются необходимыми. Кроме того, эйнзатцгруппа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затруднили проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории. Учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами...

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто в лагерях Белоруссии подходит к концу».

Документ под номером СССР-119 — заверенный Чрезвычайной Государственной Комиссией фотостат подлинного немецкого документа. Это — итоговый отчет командира одной из рот 12-го полицейского полка, производившего массовую акцию по уничтожению евреев города Пинска, загнанных в гетто 29 и 30 октября 1942г. Злодеи уничтожили в Пинске 26 200 евреев. Вот как описывает командир роты Зауэр это совершенное немцами преступление:

«Оцепление было назначено на 4 ч. 30 м., и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок и уклонение евреев оказалось невозможным.

Прочесывание гетто следовало по приказу начальника в 6.00 часов. Но благодаря темноте начало было отодвинуто на полчаса. Евреи, обратившие внимание на происходящее, стали большей частью добровольно собираться на проверку на всех улицах. С помощью двух вахмистров удалось в первый же час привести несколько тысяч к месту сбора. Когда остальные евреи увидели, в чем дело, то они примк-

нули к колонне, так что предусмотренную охранной полицией на месте сбора проверку из-за громадного, неожиданного скопления народа провести не удалось.

В первый день прочесывания рассчитывали только на 1—2 тысячи человек. Первое прочесывание закончилось в 17 часов и прошло без происшествий. В первый день было казнено около 10 тысяч человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 г. гетто было прочесано второй раз, 31 октября — в третий и 1 ноября — в четвертый раз. В общем к месту сбора было пригнано около 15 тысяч евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались казни тут же в гетто, во дворе. В гетто было казнено около 1200 евреев...

Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака Аста), или забросить туда ручную гранату, после чего во всех случаях евреи немедленно же выходят оттуда...

Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя».

Пример полицейского полка, о роте которого я только что доложил, характерен для уничтожения евреев, загнанных в гетто, но немецко-фашистские захватчики не всегда прибегали к этому приему, предшествовавшему уничтожению мирного еврейского населения. Одним из таких же преступных приемов был сбор евреев данной местности под предлогом переселения в другую местность. Затем собранные таким образом в одно место евреи расстреливались. Я предъявляю Суду подлинное объявление, свидетельствующее о такого рода расстрелах в Кисловодске. Это объявление было расклеено немецкой комендатурой Кисловодска.

«Всем евреям. С целью заселения малонаселенных районов Украины все евреи, проживающие в городе Кисловодске, и те евреи, которые не имеют постоянного местожительства, обязаны в среду, 9 сентября 1942 г., в 5 часов утра по берлинскому времени (в 6 часов по московскому времени) явиться на товарную станцию города Кисловодска. Эшелон отходит в 6 часов утра (в 7 часов по московскому времени). Каждому еврею взять багаж весом не более 20 килограммов, включая продовольственный минимум на два дня.

Дальнейшее питание будет обеспечено на станциях германскими властями.

Переселению подлежат и те евреи, которые приняли крещение».

Для того чтобы уяснить, что случилось с еврейским населением Кисловодска (то же происходило и во многих других городах), я прошу Суд обратиться к документу под

номером СССР-1 — Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю. Там сказано, что собравшиеся на станции Кисловодск 2 тысячи евреев были отправлены на станцию Минеральные Воды и там расстреляны в противотанковом рву, в двух с половиной километрах от города. Там же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из городов Ессентуки и Пятигорск.

Для того чтобы показать объемы преступного уничтожения мирного еврейского населения в странах Восточной Европы, я обращаюсь к содержанию докладов правительств соответствующих стран Восточной Европы, представленных Трибуналу.

Официальный статистический ежегодник Польши в 1931 году определял количество евреев в 3 миллиона 115 тысяч. По неофициальным данным, собранным в 1939 году, в Польше было 3,5 миллиона евреев. После освобождения Польши в ней насчитывалось менее 100 тысяч евреев, и 200 тысяч польских евреев до сих пор находится в СССР. Таким образом, в Польше погибло 3 миллиона евреев.

В Чехословакии насчитывалось 118 тысяч евреев. В настоящее время во всей стране насчитывается только 6 тысяч евреев. Из общего числа 15 тысяч еврейских детей вернулось только 28.

Из 75 тысяч югославских евреев и около 5 тысяч евреев-эмигрантов из других стран, находившихся во время наступления в Югославии, то есть из общего числа 80 тысяч евреев, после оккупации осталось в живых только 10 тысяч человек.

Господин председатель, разрешите мне несколько видоизменить построение доклада и перейти к тому разделу моего доклада, который озаглавлен «Эксперименты над живыми людьми».

Документ американского обвинения под номером ПС-400. Он касается опытов доктора Рашера:

«Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с племянником в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмораживаний, происшедших на суше...

Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Кроме того, это будет меньше привлекать к себе внимание (испытуемые кричат, когда замерзают).

Если уважаемый рейхсфюрер в наших интересах ускорит важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер! Всегда преданный вам С. Рашер».

Это тяготение доктора Рашера к лагерю Аушвиц (я напоминаю Суду, что Аушвиц — это центральное отделе-

ние лагеря вокруг города Освенцима), конечно, не было случайным. Именно в Освенциме были развернуты опыты, значительно превышающие масштабы опытов в Дахау и других концлагерях империи. Там проводились весьма жестокие эксперименты над людьми.

К материалам дела уже приобщено под номером СССР-8 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме.

«В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдения; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что наибольшим развитием в лагере пользовались опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин. Для производства опытов по наиболее эффективным приемам стерилизации и кастрации были выделены специальные массовые блоки лагеря.

«В больничных отделениях лагеря Аушвиц проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки...

В блоке номер 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования».

Для доказательства объема опытов оглашаю краткие извлечения из показаний голландского подданного Де-Винда. Они содержатся в документе под номером СССР-52. Повторяю, что эти цифры касаются только одного блока, блока номер 10. Вот кто содержался в этом блоке: «50 женщин разных национальностей, прибывших в марте 1943 года; 100 гречанок, прибывших в марте 1943 года; 110 бельгиек, прибывших в апреле 1943 года; 50 француженок, прибывших в июле 1943 года; 40 голландских женщин, прибывших в августе 1943 года; 100 голландских женщин, прибывших 15 сентября 1943г.; 100 голландских женщин, прибывших неделей позднее, и 12 полячек...»

Давая показания о профессоре Шумане, Де-Винд далее продолжает: «Таким опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочим: Шимми Белла из города Салоники (Греция), Буэня Дора из города Салоники (Греция). Из 15 девушек остались в живых лишь несколько. Они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем, один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах. Фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Из-за неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна девушка от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы.

Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух».

Опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин производились в Освенциме в массовом масштабе начиная с 1942 года; при этом через определенный период после стерилизации мужчины кастрировались для специального исследования тканей.

Подтверждение этому мы находим в Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму, где, в частности, приведены многочисленные показания отдельных узников лагеря, подвергшихся этим операциям.

Подвергшийся экспериментам Валигура сообщил: «...Спустя несколько дней после того как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, то есть 1 ноября 1943 г., я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из города Салоники (Греция) дал следующие показания: «...Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Мне кажется, не случайно, что опыты над людьми начались именно стерилизацией и кастрацией. Это было естественным продолжением «теоретических» установок немецкого фашизма о прекращении деторождения у народов, которых они считали покоренными. Это было частью

гитлеровской «техники обезлюживания», и в подтверждение этого я хотел бы привести очень короткую цитату из книги Раушнинга «Голос разрушения».

Гитлер говорил Раушнингу: «Под словом «уничтожить» я не имею в виду непременное истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения...

Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уже во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов».

Стерилизация и кастрация широко вошли в преступную практику гитлеровцев в оккупированных ими странах Восточной Европы.

Я прошу у Суда разрешение привлечь его внимание к документу под номером СССР-400. Это два очень коротких немецких документа, фотостаты которых заверены Государственной Чрезвычайной Комиссией. Речь идет об отношениях начальника отделения полиции безопасности лейтенанта Франка об условиях, при которых некая цыганка Люция Страздынш имеет право жить в городе Либаве.

«Отделение полиции безопасности города Либавы. 10 декабря 1941 г.

Бургомистру города Либавы.

Решено, что цыганка Люция Страздынш имеет право здесь жить только в том случае, если она подвергнется стерилизации.

Объявить ей об этом и доложить о результатах.

Франк — лейтенант полиции безопасности и начальник отделения полиции безопасности».

Второй документ — это отношение бургомистра города Либавы начальнику отделения полиции безопасности. Оглашаю текст:

«Пересылая обратно ваше отношение от 10 декабря 1941 г. о стерилизации цыганки Люции Страздынш, сообщаю, что упомянутая особа 9 января с. г. стерилизована в местной больнице».

Для доказательства объема опытов над живыми людьми, производившихся в Освенциме, я прошу уважаемых судей обратиться к содержанию Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму. Здесь сказано о том, что в делах лагеря был обнаружен статистический обзор коменданта лагеря. Он подписан заместителем коменданта лагеря Селла. В нем имеется графа: « Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится: «Подопытных женщин на 15 мая 1944 г. — 400 человек, на 5 июня — 413 человек, на 19 июня — 400 человек...» и т. д.

Я позволю себе процитировать заключение судебно-медицинской экспертизы, извлечение из которого содержится в том же Сообщении.

Здесь указано, что в Освенциме производилось изучение действия разных химических препаратов по заказам

немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Клауберг и химик Гебель специально закупили у администрации лагеря 150 женщин.

В лагере производились также опыты над мужчинами для установления действия раздражающих химических веществ на кожу голени с целью искусственно вызывать язвы и флегмоны. Производился и ряд других опытов, таких, как искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Я хотел бы привлечь внимание Суда к другим преступлениям, совершенным немецкими медиками, а именно к уничтожению больных в психиатрических больницах.

Цитирую абзац из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву:

«14 октября 1941 г. в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 г.»

Далее, в тексте Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии указывается на проверенное и подтвержденное расследованием заявление профессора Копыстынского, врача Дзевалтовской и медицинской сестры Троепольской. Я представляю под номером СССР-249 фотостат этого заявления. Привожу некоторые извлечения из этого документа:

«Во время немецкой оккупации города Киева Киевской психиатрической больнице пришлось пережить трагические дни, закончившиеся полным разгромом и уничтожением больницы. Произошло небывалое в истории насилие над несчастными душевнобольными...

7 января 1942 г. прибыло в больницу гестапо. Везде на территории больницы были расставлены часовые. Вход и выход из больницы был запрещен. Представитель гестапо потребовал отобрать хронических больных для отправки в Житомир.

Что ожидало больных, тщательно скрывалось от медперсонала. Затем в больницу прибыли машины. В эти машины начали вталкивать больных, приблизительно по 60—70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных. Больные, способные понимать, что происходит, вскоре узнали истину. Наблюдались душераздирающие картины. Так, молодая девушка, больная Я., несмотря на все усилия врача, поняла, что ее ожидает смерть, вышла из палаты, обняла врача и тихо спросила: «Это конец?»

Бледная, как смерть, направилась к карете и, отказавшись от помощи, вошла в нее. Весь персонал был предупрежден, что какая-либо критика и выражение неудовольствия совершенно недопустимы и будут рассматриваться как саботаж...

Характерна подробность, что это беспримерное по гнусности убийство происходило в день рождества, когда немецким солдатам раздавались елки и на пряжках поясов исполнителей красовалась надпись—С нами Бог».

Я прошу Суд принять в качестве доказательства фотостаты трех немецких документов, заверенных Чрезвычайной Комиссией, которые свидетельствуют о том, что для оформления убийства душевнобольных немецкими фашистами были выработаны специальные стандартные формы документов. Представляю эти документы. Первый из них—под номером СССР-397:

«Бюро гражданских записей города Рига.

Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29 января 1942 г.

Кирсте—штурмбаннфюрер СС».

Второй документ представляется под номером СССР-410. Это—отношение командующего полицией безопасности и СД Латвии за номером 357-42, датированное 28 мая 1942 г.:

«Настоящим удостоверяю, что поименованные в прилагаемом списке 243 неизлечимых душевнобольных умерли 14 апреля 1942 г.

Кирсте—штурмбаннфюрер СС».

Третий документ представляю под номером СССР-398. Это— отношение начальника полиции безопасности и СД Латвии, датированное 15 марта 1943 г. Оглашаю один абзац из текста этого документа:

«Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 98 неизлечимых душевнобольных умерли 22 октября 1942 г.

Кирсте—штурмбаннфюрер СС».

Представляю документ под номером СССР-406, материалы об экспериментах в другом лагере, в Равенсбрюке. Это—материал исследований Польской комиссии по расследованию преступлений. Здесь очень характерные снимки. Я воздерживаюсь от их комментирования.

Мне хотелось бы доложить Суду также очень короткое извлечение из документа, являющегося приложением к докладу польского правительства. Я говорю о данных под присягой показаниях польского следователя—судьи Лукашевича, запись которых мною представлена Суду. Я оглашу только то место, где он определяет объем злодеяний. Количество умерщвленных в Треблинке польский следователь исчисляет в 781 тысячу человек[1]. При этом он отмеча-

---

[1] Материалы расследования, произведенного советской военной прокуратурой, свидетельствуют о том, что количество жертв, умерщвленных в Треблинке, примерно в три раза больше названного Лукашевичем.

ет, что допрошенные им свидетели показали, что при сортировке одежды заключенных они видели даже английские паспорта и дипломы Кембриджского университета. Таким образом, жертвы Треблинки свозились со всех сторон Европы.

Я хочу привести далее в качестве доказательства данные о другом пункте тайного уничтожения людей, содержащиеся в показаниях Владислава Бенгажа и данные им перед Главной комиссией по расследованию немецких преступлений в Польше. Они являются официальным приложением к докладу польского правительства.

«В деревне Хелмно находился необитаемый окруженный старым парком особняк—собственность государства. Вблизи сосновый лес. В нем находятся початки молодой рощи с густыми, непроходимыми зарослями. В этом именно месте немцы устроили лагерь истребления. Парк был огорожен высоким деревянным забором, так что нельзя было видеть, что происходило в парке и в самом особняке. Население деревни Хелмно было изгнано...

Организация истребления людей была настолько хитро обдумана и выполнена, что следующий транспорт до последней минуты был не в состоянии угадать, какова была судьба людей предшествующей группы. Отправление всего транспорта (1—2 тысячи человек) из деревни Завадки в лагерь уничтожения и истребление прибывших продолжалось до 14 часов дня.

Загруженные евреями автомашины, прибывшие в лагерь, останавливались перед особняком. К прибывшим обращался с речью представитель зондеркоманды. Он убеждал их в том, что они едут работать на Восток. Обещал справедливое к ним отношение властей и достаточное питание, объяснял одновременно, что перед отъездом они будут купаться, а одежда их будет дезинфицироваться.

Со двора евреев провожали в теплый зал, находящийся во втором этаже особняка. Там они раздевались и только в белье спускались вниз, проходили через коридор, на стенах которого были вывески: «К врачу», «В купальню». Стрелка у надписи »В купальню» вела к проходным дверям. Выходящим из коридора во двор евреям немцы объявляли, что в купальню поедут на крытой автомашине. На самом деле вблизи выхода из коридора большая автомашина с дверью в задней стене была так установлена, что выходящие из особняка евреи попадали прямо на лестницу, ведущую внутрь автомашины. Погрузка евреев в автомашину происходила очень быстро. В коридоре и у автомашины находились жандармы. Криками и ударами они заставляли евреев быстро заходить в автомашину, делая невозможным проявление какого-нибудь защитного рефлекса. После того как все евреи входили внутрь автомашины, двери тщательно запирались, шофер включал мотор, и с того момента начиналось отравление газом находящихся внутри».

Я полагаю, что нет надобности приводить ту часть сообщения, которая удостоверяет, что эта машина была хорошо известной Суду «душегубкой».

«Итак, наименьшее число уничтоженных в Хелмно мужчин, женщин и детей, от новорожденных до глубоких стариков, надо принять равным 340 тысячам».

Я считаю возможным на этом закончить раздел моего доклада, посвященный тайным пунктам уничтожения людей. Перехожу к разделу о преследовании по религиозным мотивам.

Как в Советском Союзе, так и во временно оккупированных странах Восточной Европы немецко-фашистские преступники опозорили себя глумлением над религиозными чувствами и верованиями народов, преследованием и убийствами священнослужителей.

Как видно из чехословацкого правительственного доклада, «самый тяжелый удар был нанесен чешской православной церкви. Православным приходам в Чехословакии берлинским министерством по церковным делам было приказано выйти из подчинения белградской и константинопольской епархий и подчиниться берлинскому епископу. Чешский епископ Горазд был казнен вместе с двумя православными священниками. По особому распоряжению протектора Далюге в сентябре 1942 года православная церковь сербской и константинопольской юрисдикции в чешских землях была уничтожена. Ее религиозная деятельность была запрещена, а имущество конфисковано».

Чехословацкая национальная церковь подвергалась гонениям немецких фашистов, как сказано в докладе «из-за одного только названия, из-за гусистских симпатий, демократической и из-за связи с созданием Чехословацкой Республики». Чехословацкая церковь в Словакии была совершенно запрещена, и ее имущество было конфисковано немцами в 1940 году.

Серьезным преследованиям подвергалась протестантская церковь в Чехословакии:

«Протестантские церкви лишены свободы проповедовать евангелие. Немецкая тайная полиция зорко наблюдала за тем, чтобы духовенство соблюдало наложенные на него ограничения. Нацистская цензура доходила до того, что запрещала петь духовные песни, прославляющие бога за освобождение народа от власти неприятеля. Некоторые отрывки библии были запрещены для общественного чтения. Нацисты противились тому, чтобы некоторые христианские доктрины, а именно те, которые говорили о равенстве всех людей перед богом, о всемирном характере христовой церкви, о еврейском происхождении евангелия и т. д., провозглашались открыто. Ссылки на Гуса, Жижку, гусистов, и их достижения, так же как на Масарика и его легии, были строго воспрещены. Даже религиозные хрестоматии были изъяты. Церковные руководители были особенно преследуемы. Множество священников были брошены в концлагеря, между ними находился также генеральный секретарь студенческого христианского движения в Чехословакии. Один из товарищей председателя был казнен.

В докладе чехословацкого правительства содержатся сведения о преследовании католической церкви в Чехословакии:

«На территориях, отданных Германии после Мюнхена, целый ряд священников чешского происхождения были ограблены и выгнаны. Паломничество к национальным святыням было запрещено в 1939 году. В начале войны 437 католических священников находились между тысячами чешских патриотов, арестованных и посланных в концлагеря в качестве заложников. Почтенные церковные служители были брошены в концлагеря Германии. Было обычным явлением видеть на дороге около концлагерей оборванного священника, измученного, запряженного в телегу, а за ним юношу в форме СС с кнутом в руке».

Жестоким преследованиям подвергались верующие и духовенство Польши. Я цитирую краткие извлечения из доклада правительства Польской Республики:

«До января 1941 года около 700 священников были убиты. 3 тысячи были в тюрьме или в концлагерях».

Преследования духовенства начались немедленно после захвата гитлеровцами территории Польши. В докладе Польского правительства по этому поводу сказано:

«На следующий день после захвата Варшавы немцы арестовали 330 священников».

«В Кракове арестованы были ближайшие сотрудники архиепископа и сосланы в Германию...

Каноник Чаплицкий 75 лет и его заместитель были казнены в ноябре 1939 года...»

В докладе польского правительства приведены следующие слова кардинала Глонда:

«Духовенство преследуется самым сильным образом. Те, которым разрешено остаться, подвержены многочисленным унижениям, парализованы в исполнении своих духовных обязанностей и лишены своих приходских доходов и всех своих прав. Они зависят от милости гестапо...»

На территории Советского Союза преследования религии и духовенства проходили в формах кощунственного осквернения храмов, разрушения святынь, связанных с патриотическим движением русского народа, убийств священников.

Разрешите мне сказать несколько слов в заключение моего доклада.

Господа судьи! В ноте от 6 ноября 1942 г. народный комиссар иностранных дел СССР говорил о том, что советское правительство считает своим долгом довести до сведения «всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире» о чудовищных преступлениях гитлеровских бандитов.

Миллионы честных людей в боях величайшей в истории человечества войны добились победы над фашистской Германией.

Волею миллионов честных людей был создан этот Международный военный трибунал для суда над главными

военными преступниками. И каждый из представителей обвинения чувствовал за собой незримую поддержку миллионов честных людей, от имени которых он обвинял главарей преступного фашистского заговора.

Мне выпала честь завершить представление доказательств советского обвинения.

Я знаю, что в этот момент миллионы граждан моей Родины и вместе с ними миллионы честных людей во всех странах мира ждут скорого и справедливого приговора Суда.

Выступление представителя обвинения от Франции Е. ФОРА[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 1,2,4 и 5 февраля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Я имею честь представить Трибуналу заключительную часть доказательств французского обвинения, относящуюся к пунктам «I» и «J» раздела III обвинительного заключения — «Германизация» и пункту «В» раздела IV — «Преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам».

Я хотел бы прежде всего изложить в кратком вступлении основные идеи, которые определяют план представления мною доказательств обвинения.

Понятие «германизация» рассматривалось в выступлении господина де Ментона. В основном оно заключалось в том, что жителям оккупированных территорий старались навязать такие условия социальной и политической жизни, которые соответствовали бы доктрине фашистов и их интересам. Совокупность всех действий, направленных к осуществлению целей германизации и являющихся незаконными, расценивается нами как преступление против человечности. Процесс германизации осуществлялся на территориях, которые нацисты собирались присоединить к Германии. Немцы намеревались еще до окончания войны включить эти территории в состав своей империи. На западе территориями, подлежавшими аннексии и германизации, были Люксембург, бельгийские районы: Эйпен, Мальмеди и Морене и три французских департамента: департаменты Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля. Эти территории по сравнению с теми землями, которые были оккупированы Германией, относительно невелики, но это никоим образом не умаляет преступного характера захвата их. Кроме того, я хочу отметить еще два положения:

---

[1] IMT, vol. 6, p. 427—567; IMT, vol. 7, p. 1—20.

1. Немцы составили план и подготовили проведение аннексий в более широких размерах, чем те, которые были осуществлены официально. За то время, которое оказалось в их распоряжении, немцы не успели приступить к намечавшейся аннексии.

2. Аннексии не были единственным и обязательным приемом германизации. Нацисты поняли, что они могут использовать различные средства для того, чтобы достичь своей цели — мирового господства. Такое варьирование средств в зависимости от обстоятельств для достижения определенных целей характеризует коварство нацистов и именуется «нацистским макиавеллизмом». Их концепция — более гибкая, более хитрая и опасная по сравнению с классической доктриной территориальных захватов. В этом смысле самый жестокий завоеватель имеет перед ними то преимущество, что он по крайней мере откровенен.

Фашисты вначале рассчитывали произвести аннексии более обширных территорий. На это указывают многочисленные свидетельства. В этой связи я хочу огласить лишь два документа. Первый из них еще не был представлен Трибуналу. Это документ ПС-1155, РФ-601, датированный 20 июня 1940 г. На нем имеется надпись: «Секретный документ штаба». Он озаглавлен: «Запись беседы, состоявшейся 19 июня 1940 г. в ставке генерал-фельдмаршала Геринга». Таким образом, запись, приведенная в документе, отражает позиции руководства, и отнюдь не является толкованием отдельных лиц. Цитирую:

«Общий план политического развития.

Люксембург должен быть присоединен к рейху. Норвегия должна стать немецкой, Эльзас и Лотарингия снова возвращены империи, должно быть создано автономное государство Бретань; составляются некоторые проекты в отношении Бельгии и особого положения фламандцев, проживающих в этой стране, а также создания Бургундского государства».

Вторая цитата, которую я хотел бы привести по этому поводу Трибуналу, взята из документа, который я представляю под номером РФ-602. Это протокол допроса доктора Глобке, бывшего помощника статс-секретаря министерства внутренних дел доктора Штуккарта. Допрос датирован 25 сентября 1945 года. Оглашаю выдержку из этого документа:

«Вопрос: Знали ли вы о планах, которые предусматривали присоединение других французских территорий после заключения мира между Германией и Францией (Бельфор, Нанси, Бассен де Брие, Шарбоннаж дю Нор, Зон Руж), а также территорий, которые принадлежали Бельгии?

Ответ: Да, такие планы существовали, они были разработаны доктором Штуккартом по личному приказу фюрера, и я их видел. О них было сообщено министерству иностранных дел, ОКВ и комиссии по перемирию в Висбадене. Все эти документы были уничтожены. Статс-секре-

тарь Штуккарт составил предварительный проект для ставки фюрера в конце 1940 года до начала кампании в России.

После рассмотрения фюрер нашел этот проект слишком умеренным, и приказал разработать предложения по присоединению дополнительных территорий, в частности на побережье Ла-Манша. Доктор Штуккарт подготовил вторую редакцию. Была изготовлена даже карта, на которой была проведена приблизительная граница. Я ее видел и могу вам показать в общих чертах на карте Франции в крупном масштабе. Я не знаю, был ли одобрен этот второй проект Гитлером».

Председатель: Не скажете ли Вы, кем был этот доктор?

Фор: Доктор Глобке был помощником доктора Штуккарта, статс-секретаря министерства внутренних дел.

Из допроса следует, что он был в министерстве внутренних дел с 1940 года экспертом по делам Эльзаса, Лотарингии и Люксембурга. Я оглашу выдержку из приложения к этому документу, уже представленному мной за номером РФ-602:

«Проект передвинуть франко-германскую границу был разработан в министерстве внутренних дел статс-секретарем фон Штуккартом согласно личному приказу Гитлера. В этом проекте утверждалось, что северные и восточные области Франции в силу исторических, политических, расовых, географических и других причин якобы относятся не к Западной, а к Центральной Европе, поэтому должны быть возвращены Германии.

Первая редакция проекта была вручена Гитлеру в его ставке. В целом она была им одобрена. Однако Гитлер выразил желание, чтобы к Германии были присоединены более обширные территории и, в частности, территории на побережье Ла-Манша. Окончательный проект должен был послужить предметом последующего обсуждения заинтересованных департаментов, однако это обсуждение так и не состоялось.

Граница приблизительно должна была проходить от устья Соммы на восток по северной границе Парижского бассейна и Шампании до Аргонн, затем отклонялась на юг, пересекала Бургундию, шла вокруг Франс-Комте и кончалась у Женевского озера. В отношении некоторых провинций предлагались альтернативные решения». Об этих германских планах в ряде случаев свидетельствовали конкретные меры, принимавшиеся в отношении данных территорий, меры, которые можно было бы назвать преданнексионными. Перейду ко второму предложению, о котором уже упоминал. С помощью ли аннексий или без них нацисты предполагали добиться господства во всех оккупированных странах. Они выражали твердое намерение германизировать и нацифицировать всю Западную Европу и даже африканский материк.

Это намерение вытекает из самого факта заговора, который столь полно был раскрыт перед Трибуналом моими коллегами из американского обвинения. Об этом же

свидетельствует и осуществление заговора, основные этапы которого будут прослежены в заключительном выступлении.

Я хочу привлечь внимание Трибунала к той общей позиции, что план германского господства формулируется в соответствии с тем толкованием, которое сама Германия давала официальному дипломатическому документу. Этим документом является Тройственный пакт от 27 сентября 1940 года, заключенный между Германией, Италией и Японией. В этой связи я хотел бы процитировать перед Трибуналом несколько фраз из официального комментария этого договора, принадлежащего перу немецкого автора фон Фрейтаг-Лорингхофена. Он был членом рейхстага, написал книгу о германской внешней политике в период с 1933 по 1941 гг. Книга была опубликована в Париже во время оккупации во французском переводе издательством Сорло.

Я не намереваюсь представлять книгу как документ, а просто хочу представить цитаты из опубликованной работы, книги, которая находится у вас в руках. Читаю со странице 311:

«Этот договор предоставлял Германии и Италии доминирующую позицию в новом европейском порядке, и предусматривал для Японии аналогичную роль в регионе Восточной Азии».

Опускаю фразу, не имеющую значения.

«При ознакомлении с Тройственным пактом сразу видно, что он преследует двойную цель».

Опускаю следующую фразу и перехожу к фразе, где говорится о второй цели:

«Более того, согласно пакту сторонам доверялась миссия на будущее, иными словами, создание нового порядка в Европе и в Восточной Азии.

Не желая преуменьшить значение первого вопроса, хочу отметить, что вторая цель, касавшаяся будущего, вне сомнения охватывала более обширные проекты и фактически фиксировала основную задачу. В Тройственном пакте впервые в истории международных договоров понятия «пространство» и «ориентация» были применены так, что связывались друг с другом».

Перехожу теперь к странице 314, где имеется замечание автора, представляющееся мне знаменательным:

«Таким образом, Тройственный пакт четко размежевывает обширные пространства, созданные природой на нашей планете. Правда, концепция пространства применяется исключительно в отношении Дальнего Востока, но она в равной степени применима и к Европе, причем в концепцию Европы включается и Африка. Африка, вне сомнения, в политическом и экономическом отношении является дополнением Европы или, если хотите, ее придатком. Более того, очевидно, что Тройственный пакт фиксирует границы двух огромных регионов или пространств, резервируемых,

для партнеров, молчаливо признает существование третьего региона, собственно Азии, и оставляет в стороне четвертый регион, американский континент, предоставляя таким образом последний собственной судьбе. Таким образом оказывается учтенной вся поверхность планеты. При этом идее, которая до сих пор рассматривалась лишь теоретически, было придано значение политического принципа, заимствованного из международного права».

Я полагал, что этот текст представляет интерес, потому что, с одной стороны, он проливает свет на тот факт, что сам африканский континент был включен в пространство, зарезервированное для Германии, и, с другой стороны, он гласит, что управление Германией таким огромным пространством считалось соответствующим международному праву. Делать вид, что поступаешь в соответствии с юридическими канонами — это одна из черт проводившейся в 1940—1945 гг. германизации мира. Вне сомнения, это одна из причин того, что нацистская Германия лишь в редких случаях прибегала к аннексии территорий.

Аннексия не является обязательным элементом установления господства на протяженной территории. Взамен ее могут быть использованы иные методы скрытой аннексии, которые можно обозначить понятием «вассализация». Хочу позаимствовать выразительную формулировку у одного немецкого автора. Речь идет о докторе Шперле, в одной из своих статей в «Кракауэр цайтунг» он воспользовался выражением «дифференциация методов установления германского господства». Таким образом, прибегая к непрямым и дифференцированным методам установления господства, Германия действовала в политических вопросах, как мы видели выше, таким же образом, как она действовала в экономических вопросах. Я уже имел случай указать Трибуналу, в своем первом выступлении на то, что немцы немедленно захватывали в свои руки ключи экономической жизни. Хочу сказать, что в деле суверенитета в оккупированных странах, немцы закрепляли за собой «власть ключей». В каждой стране они захватывали ключи суверенитета. Таким образом перед ними не вставала необходимость официально упразднять национальный суверенитет, как это происходит в случае аннексии, и они получали возможность контролировать и направлять осуществление суверенитета.

Завершив изложение этих принципиальных положений, я перехожу к своему основному выступлению, при этом я буду представлять доказательства в таком порядке: сначала я дам характеристику режима, установленного на аннексированных территориях, на которых был уничтожен национальный суверенитет. Потом я покажу, каким именно образом в интересах оккупантов лишались суверенитета те районы, которые не были аннексированы.

Вслед за этим уместно будет рассмотреть, каковы были результаты такой узурпации суверенитета, и к каким нару-

шениям прав населения это привело. Я счел необходимым классифицировать эти результаты, и основные из них изложить в третьем и четвертом разделах.

В третьем разделе моего выступления будет освещена духовная германизация, то есть пропаганда в широком понимании которой немцы придавали весьма большое значение.

В четвертом и последнем разделе будут представлены доказательства организации преступных действий для осуществления намеченных целей...

Теперь я попрошу Трибунал обратиться к досье, которое озаглавлено: «Аннексия Эйпена, Мальмеди и Морене».

Осуществляя аннексию оккупированных территорий и не пытаясь при этом поступать законно, либо прикрываться законностью, Германия совершала нечто гораздо более серьезное, чем нарушение норм права. Речь шла об отрицании самой идеи международного права.

С другой стороны, как я только что говорил, германизация не обязательно предполагала аннексию. Перевернув это высказывание, мы можем вывести заключение, что аннексия не обязательно означала германизацию. Мы докажем Трибуналу, что аннексия представляла собой лишь средство германизации, причем наиболее жестокое, иными словами, нацификацию.

Аннексия Эйпена, Мальмеди и Морене была декларирована германским законом от 18 мая 1940 г. о практическом осуществлении аннексии. Официальный текст этого закона был опубликован в «Рейхсгезетцблатт».

В соответствии с указанным декретом, подписанным Гитлером, Герингом, Фриком и Ламмерсом, три бельгийских округа были присоединены к району Ахена, и на их территории были введены германские законы.

Декретом от 24 сентября 1940 г. в названных округах были назначены местные германские власти и введены германские муниципальные законы, а еще раньше — учреждены германские участковые и окружные суды.

Немецкий апелляционный суд в Кельне заменил бельгийский кассационный суд и взял на себя компетенцию последнего.

Декретом от 3 сентября 1949 года регулируются детали преобразования бельгийского права в германское право в сферах частного права, торгового права и процессуального права.

Декретом об аннексии жителям этой бельгийской территории, имеющим этническое немецкое происхождение, предоставлялось германское гражданство. Подробности этой меры регулировались и предусматривались декретом от 23 сентября 1941 года. В силу этого декрета всем лицам, которые получили бельгийское гражданство в результате отхода этих территорий от Германии, возвращалось их германское гражданство — исключение, однако, составляли евреи и цыгане. Всем другим лицам при условии, что они являются этническими немцами, могло быть предос-

тавлено германское гражданство, которое по прошествии 10 лет могло быть отменено.

Я не намереваюсь долгое время останавливаться на положении, которое создалось в результате аннексии упомянутых бельгийских территорий, так как последовательное развитие событий аналогично тому, которое имело место в других странах, и мы еще будем на нем останавливаться.

Я просто хотел бы привести в этой связи одну конкретную деталь: законом от 4 февраля 1941 года за подписью Гитлера, Геринга, Фрика и Ламмерса гражданам Эйпена, Мальмеди и Морене предоставлялось право быть представленными в рейхстаге, иными словами, за ними закреплялись преимущества германского парламентарного режима, демократический характер которого широко известен.

Я прошу Трибунал обратиться к досье, озаглавленному «Эльзас и Лотарингия».

В отличие от того, что было предпринято в отношении бельгийских округов, нацисты не декретировали аннексию трех французских департаментов, составляющих Эльзас и Лотарингию. Но распоряжались они в этих департаментах, как в присоединенных к Германии. Я желал бы в этой связи напомнить Трибуналу о выдержках из документа, уже представленного в качестве доказательства, это документ РФ-3. Это показание под присягой, которое дал перед Верховным судом Франции французский посол Леон Ноэль, входивший в состав делегации по перемирию. Посол Ноэль передает разговоры, которые происходили у него во время подписания Конвенции о перемирии с германскими представителями, в частности с подсудимыми Кейтелем и Иодлем. Привожу фразу, о которой я хотел бы напомнить Трибуналу:

«...и, аналогичным образом, имея в виду Эльзас и Лотарингию, я потребовал от них заверений, что административные и судебные органы оккупированных территорий сохранят свои положения и функции и им будет предоставлена возможность свободно связываться с правительством».

Эти заверения датированы 22 июня 1940 года.

Хочу теперь представить Трибуналу документ от 3 сентября 1940 года, представляющий собой ноту протеста французской делегации, адресованную Комиссии по перемирию. Представляю этот документ Трибуналу с тем, чтобы Трибунал мог убедиться, что в период между этими двумя датами, период протяженностью в два месяца, нацисты осуществили ряд мер, которые создали, неоспоримым образом, состояние аннексии.

Это видно из документа РФ-701, находившегося в архивах Верховного суда Франции; подлинность предъявляемого экземпляра подтверждается подписью секретаря суда. Я оглашу документ РФ-701:

«1. Префекты, супрефекты и мэры, а также ряд чиновников из местных жителей, убеждения которых вызывали сомнения, были устранены с должностей.

2. Монсеньер Гейц, епископ Меца, был изгнан из своей епархии. Многие представители как белого, так и черного духовенства были также изгнаны под тем предлогом, что они владеют французским языком и что у них французский образ мыслей.

3. Монсеньер Руш, епископ Страсбурга, был лишен права выполнять свои функции в епархии и освобожден от своих обязанностей...

5. Эльзас и Лотарингия были включены в сферу гражданского управления Германии. Государственная и таможенная границы были перемещены на западные пределы этих территорий.

6. Железные дороги были включены в железнодорожную сеть Германии.

7. Управление почт, телеграфа и телефона было передано в ведение германских почтовых органов, которые постепенно заменяли персонал этих учреждений своим персоналом.

8. Французский язык был запрещен как в учреждениях, так и в общественной жизни.

9. Названия местностей были онемечены.

10. В указанных районах было введено расовое законодательство Германии. В связи с этой мерой лица еврейского происхождения были изгнаны. Также были изгнаны представители всех национальностей, которых германские власти рассматривали как поселившихся незаконным образом.

11. Только эльзасцы и лотарингцы, которые выразили согласие признать себя лицами германского происхождения, получали разрешение оставаться у своих очагов.

12. Собственность политических организаций и собственность евреев была конфискована, так же как и собственность, приобретенная французами после 11 ноября 1918 г.».

Наилучшим образом дух этих произвольных мер иллюстрируют слова, публично произнесенные 16 июля в Страсбурге Робертом Вагнером. Подчеркнув, что ликвидируются все элементы иностранных корней и иностранного гражданства, этот высокий чиновник подтвердил, что целью Германии является раз и навсегда «решить» вопрос Эльзаса.

Такая политика, которая не могла быть функцией находящихся в подчиненном положении оккупационных властей, была равносильна скрытой аннексии и явно противоречит соглашениям, подписанным Германией в Ретонде.

Впоследствии французская делегация внесла многочисленные протесты. Мы прилагаем к нашему досье список этих протестов, их всего 62. Этот список содержится в книге документов под номером РФ-702.

Германская политика развивалась в трех направлениях.

Во-первых, проводилась совокупность мер, которые имели целью устранить все, что мы называем французским по духу, то есть все то, что связывало население этой страны со своими определенными условиями существования и национальными традициями.

Во-вторых, — совокупность мер, предназначенных для того, чтобы навязать местному населению германские нормы во всех сферах жизни.

И, наконец, производились перемещение и колонизация (здесь мы употребляем германскую терминологию).

Остановимся вначале на устранении французского духа.

Устранение французского гражданства и французского права автоматически явились результатом мер, которые будут рассматриваться нами в связи с насаждением германских норм.

Я хотел бы особо отметить здесь, что немцы стремились прежде всего устранить такие элементы французского духа, которые смогли бы существовать даже при устранении условий национального существования с помощью юридических средств. Прежде всего они запретили в предельно грубой форме употребление французского языка. Об этом говорится в многочисленных приказах и распоряжениях. Распоряжение от 16 августа 1940 г. озаглавлено: «К вопросу о восстановлении родного языка». Этот документ был опубликован в бюллетене германских приказов и распоряжений за 1940 год , документ РФ-703.

«В качестве дальнейшего проведения уже принятых мер в целях восстановления родного языка эльзасского населения, приказываю следующее:

1. Официальный язык. Все официальные учреждения в Эльзасе, в том числе администрация в общинах, управления корпораций общественные учреждения, а также церкви и судебные органы должны употреблять лишь немецкий язык как в устной, так и в письменной форме.

Население Эльзаса должно пользоваться исключительно немецким языком в том случае, когда оно обращается к указанным учреждениям как в устной, так и в письменной форме.

2. Имена и фамилии. Впредь следует употреблять имена как в устной, так и в письменной форме лишь в их немецком виде даже в том случае, если они записаны в метрике о рождении по-французски. С момента вступления в силу настоящего приказа в метрики могут вписываться только немецкие имена.

Эльзасцам, имеющим французские имена, которых не бывает у немцев, рекомендуется обратиться с ходатайством об изменении их с тем, чтобы выразить свою приверженность ко всему германскому. Это в такой же мере касается лиц, носящих французские фамилии...

3. Настоящим запрещается составление на французском языке контрактов, а также каких бы то ни было документов, которые должны быть заверены у нотариуса. Деловая переписка на специальных типографских бланках и на обычных бланках должна вестись на немецком языке.

Бухгалтерские книги, финансовые расчеты предпринимателей учреждений и фирм также должны вестись на немецком языке.

4. Надписи на могилах. Впредь надписи на крестах и надгробных плитах могут составляться лишь на немецком

языке. Это распоряжение касается составления новых надписей в такой же мере, как и восстановления ранее существовавших».

Эти меры сопровождались кампанией в прессе.

Так как население оказывало сопротивление проводившимся мероприятиям, эта кампания продолжалась в течение всего периода оккупации. В связи со сказанным я хотел бы процитировать выдержку из весьма примечательной статьи, которая была опубликована в «Дерньер Нувель де Страсбург» 30 марта 1943 г. Эта выдержка не предъявляется в качестве доказательства, так как она взята из статьи, которая была опубликована. При чтении ее создается впечатление, что эта шутка. Однако она касается серьезных вещей, так как в ней речь идет о репрессивных мерах в отношении лиц, которые отказывались употреблять немецкий язык.

Цитирую:

«Немцы приветствуют друг друга словами «хайль Гитлер». Нам больше не нужны французские приветствия, которые мы постоянно слышим в тысяче различных вариантов. Элегантное приветствие «бонжур» не предназначено для грубых эльзасских глоток, для которых немецкий язык был привычным с давней эпохи Осфрида фон Вейссенбурга. Когда эльзасец произносит «оревуар», французы думают, что тот говорит по-арабски.

Когда эльзасцы употребляют французские слова, возникают фонетические чудища, искажающие наш прекрасный эльзасско-немецкий диалект, они подобны чертополоху на клумбе. Выкорчуем их! Они недостойны Эльзаса. Вы полагаете, что нанесете женщине обиду, если скажете «фрау» взамен «мадам»? Мы уверены, что эльзасцы откажутся от привычки проявлять капризы в пользовании языком, и властям не придется прибегать к жестким мерам по отношению к тем, кто бойкотирует немецкий язык.

После запрещения французского языка национал-социалисты занялись музыкой. Таково содержание декрета от 1 марта 1941 г., подписанного начальником управления по пропаганде и просвещению Дресслером (документ РФ-704; он был опубликован в германском официозе «Журналь Офисиель Альман» за 1941 год, страница 170).

«О нежелательной и вредной музыке. Музыкальные произведения, находящиеся в противоречии с культурными устремлениями национал-социализма, внесены управлением по пропаганде и просвещению в список нежелательных и вредных».

После музыки нацисты принялись за головные уборы.

Представляю в качестве доказательства документ под номером РФ-705 — декрет от 13 декабря 1941 г., опубликованный в официальном бюллетене за 1941 год, страница 744, в котором сказано:

«Носить французские береты (баскские береты) в Эльзасе запрещается. Этот запрет касается всех головных уборов, которые по своей форме или своим видом напоминают французские береты».

Нарушение этого запрещения каралось штрафом или тюрьмой.

В этих регулирующих нормах смешное нередко соперничает с одиозным. Я почти готов просить у Трибунала извинения, но, действительно, мы ничего здесь не придумали.

Нацистские руководители вели также упорную борьбу с жителями, хранящими французские флаги. В качестве примера я приведу выдержку из документа РФ-706, который по своему характеру является распоряжением германских административных властей; он был обнаружен в Страсбурге, в архиве управления гаулейтера. Этот документ датирован 19 февраля 1941 г. Я оглашу три абзаца из первой части этого документа, которые следуют за выдержкой общего порядка:

«Гаулейтер считает желательным, чтобы управления блоклейтеров и целенлейтеров рекомендовали эльзасскому населению распороть имеющиеся у него французские флаги и использовать их для домашних нужд...

К 1 мая с. г. ни одно частное лицо не должно иметь французских флагов. Это должно быть достигнуто следующим образом: блоклейтеры должны поочередно обойти все дома и рекомендовать семьям использовать флаги для домашних нужд.

Следует также довести до сведения, что после 1-го мая этого года будут сделаны соответствующие выводы о взглядах тех лиц, в чьем владении будут обнаружены французские флаги».

Следующий документ под номером РФ-707; он также является распоряжением на ту же тему, изданным 26 апреля 1941 г. в Страсбурге. Я хотел бы огласить лишь последнюю фразу из этого документа.

«В том случае, если к 1 июня 1941 г. у кого-либо из эльзасцев будут обнаружены французские флаги, эти лица должны быть направлены на один год в концентрационные лагеря».

Нацисты боялись французского влияния в такой степени, что даже приняли особые меры, чтобы помешать въехать в Эльзас рабочим из числа угнанных на принудительные работы жителей оккупированных территорий, французов по национальности. Об этом говорится в распоряжении представителя гражданской администрации в Эльзасе от 7 сентября 1942 г.; распоряжение представляется под номером РФ-708. Этот документ также был изъят из архива управления гаулейтера в Страсбурге. Я оглашаю первые строки документа РФ-708:

«В связи со сложившейся обстановкой при наборе рабочей силы начальник гражданской администрации в Эльзасе принял решение о том, что иностранные рабочие из всех европейских стран впредь могут быть использованы в Эльзасе. Это не относится к французам и бельгийцам, которые не могут быть использованы в Эльзасе».

Предпринимавшиеся немцами меры против французской ориентации эльзасцев получили дополняющий эти меры аспект, заключавшийся в попытке уничтожить также все внешние признаки, которые могли бы указывать на принадлежность Эльзаса к родине, Франции. В связи с этим пунктом приведу один пример. Представлю наш документ РФ-709.

Это письмо немецкого посольства в Париже от 7 мая 1941 года, которое воспроизведено в меморандуме французской делегации, находящемся в правительственных архивах. Зачитываю документ РФ-709, он короткий:

«Германское посольство имеет честь указать Генеральной делегации французского правительства на оккупированной территории на нижеследующее:

«Германское посольство проинформировано о том, что в серии материалов по теме, касающейся отечества, французская радиостанция на оккупированной территории сделала радиопередачу о деревне Брумат; передача согласно поступившей информации прошла в эфир 16 или 17 апреля 1941 года, приблизительно в 21 час.

Учитывая, что Брумат, расположенный близ Страсбурга, находится на немецкоязычной территории, германское посольство просит уведомить его, действительно ли была сделана такая радиопередача.

Существуют многочисленные претензии и протесты такого рода, к счастью, они носят анекдотический характер. Теперь нам нужно привести два особенно серьезных эпизода, так как они связаны с нападениями, вопиющими нарушениями суверенитета, и даже с преступлениями.

Первый эпизод касается изъятия сокровищ Страсбургского собора и надругательств над ними. По этому поводу я представляю документ РФ-710, это письменный протест от 14 августа 1943 г., направленный генералом Бераром, председателем французской делегации в комиссии по перемирию. Зачитываю начало этого письма:

«Уважаемый генерал!

С начала войны монсеньер Руш, епископ Страсбургский, передал сокровища Страсбургского собора и имущество ряда церковных приходов данной епархии на попечение министерства изящных искусств. Министерство поместило эти вещи в безопасное место в замках Отфор и Бордейе в Дордони, где они и находились до 20 мая 1943 года.

В числе сокровищ и упомянутого имущества находилось, в частности, облачение для отправления богослужений, которым мог пользоваться только епископ — часть облачения была его личной собственностью — а также мощи святых, сосуды и предметы для исполнения церковных обрядов.

Министерский советник Крафт, попытавшись несколько раз — но безуспешно — добиться согласия от монсеньера Руша, 20 мая обратился не только к префекту Дордони, но и к директору по вопросам религии с просьбой разрешить изъять помещенные на хранение предметы. Столкнувшись

с отказом со стороны этих двух высокопоставленных лиц, он заявил, что возвращение в Эльзас имущества католической церкви будет поручено полиции безопасности.

В результате на заре 21 мая войска проникли в замки Отфор и Бордейе и заняли их, невзирая на протесты попечителя. Предметы, являющиеся святыней, были погружены на грузовики и увезены в неизвестном направлении.

В числе изъятых вещей оказались освященные сосуды и ритуальные предметы, а также мощи святых, почитаемые верующими. Тот факт, что эти священные предметы были изъяты лицами, не связанными с церковью и по закону не имевшими на это права, а также условия проведения операции вызвали негодование и единодушное осуждение верующих».

В связи с данным документом я желал бы привлечь внимание Трибунала к одному факту, с которым мы часто будем сталкиваться в последующем; по нашему мнению, этот факт крайне важен для настоящего процесса. Речь идет о постоянном вмешательстве со стороны различных немецких администраций и о сотрудничестве этих администраций друг с другом. Так, приведенный документ должен показать Трибуналу, что министерский советник Крафт, представлявший гражданскую службу, занимавшуюся национальным образованием, обращается к полиции СС с просьбой добыть предметы, которые ему не удается получить собственными усилиями.

Второй эпизод, который я хотел бы привести, связан со Страсбургским университетом. С начала войны Страсбургский университет, являвшийся одним из лучших французских университетов, переехал в Клермон-Ферран, где и была продолжена преподавательская деятельность. После оккупации Эльзаса, с учетом того, что эта оккупация фактически представляла собой аннексию, университет не возвратился в Страсбург, а остался в городе, где нашел убежище. Нацисты выражали по этому поводу свое сильное неодобрение в многочисленных угрожающих меморандумах.

В этой связи мы хотели бы представить документ РФ-711. В этом документе мы вновь столкнемся с министерским советником Гербертом Крафтом, о котором я говорил при представлении предыдущего документа. Представляемый мною сейчас документ имеет номер РФ-711, это оригинал за подписью Крафта. В этом меморандуме, датированном 4 июля 1941 года, советник Крафт выражает свое разочарование по поводу шагов, предпринятых им в отношении ректора Страсбургского университета господина Даньона.

Я полагаю, что уместно зачитать очень короткую выдержку из этого меморандума, чтобы показать, какова была наглость немцев и к каким угрожающим методам они прибегали даже в той части Франции, которая не была еще оккупирована. Выдержка, которую я собираюсь зачитать, — последний абзац на странице 2 документа РФ-711.

Крафт пересказывает конец своего разговора с ректором. Цитирую:

«Я оборвал разговор, встал, и между прочим задал ему вопрос, не является ли решение адмирала Дарлана для него приказом от его правительства. Когда я выходил, то добавил: «Надеюсь, что Вас не арестуют». Он побежал за мной, заставил меня повторить это замечание, и иронически воскликнул, что это было бы для него большой честью».

Этот документ может вызвать улыбку, однако речь идет о деле весьма серьезном.

15 июня 1943 года германское посольство составило записку, которую я представляю в качестве документа РФ-712. Этот документ находился в архивах Высокого суда и заверен секретарем этого суда. Привожу текст этого документа РФ-712, опуская его начало:

«Германское посольство полагает, что весьма желательно найти разрешение вопроса о пребывании Страсбургского университета в Клермон-Ферране.

Мы были бы счастливы узнать, что под шапкой «Страсбургский университет» новые публикации появляться не будут, с тем чтобы такие публикации не могли приводить к новым разногласиям.

Германское посольство приняло к сведению тот факт, что министерство национального образования не будет в последующем заполнять на кафедрах профессорские вакансии.

Далее предлагается, чтобы на бланках «Страсбургский университет» более не выдавались удостоверения о сдаче экзаменов».

Завершая тему о Страсбургском университете, я хочу указать Трибуналу на известный вопиющий факт, а именно на то, что в четверг 25 ноября 1943 года германская полиция захватила здание Страсбургского университета в Клермон-Ферране, арестовала профессоров и студентов, подвергла их проверке и депортировала значительное число людей. В ходе этой операции полиция даже стреляла в двух профессоров; один был убит, второй серьезно ранен...

Эти факты широко известны, однако я считаю, что лучше доказать их с помощью документа. Этот документ не включен в нашу книгу документов, попрошу Трибунал принять его в качестве приложения.

Это сообщение господина Хёппфнера, декана литературного факультета.

Председатель: Это у Вас оригинал документа?

Фор: Да, Ваша честь. Зачитываю:

«Дата — 25 ноября 1943 года, четверг. Занятия, начавшиеся в 10 часов, приближаются к окончанию. Когда я выхожу из комнаты, студент, стоящий у окна в зале, делает мне знак подойти и указывает на внутренний двор перед кафедрой физики, где мы видим, что на страже стоит солдат вермахта в каске, сапогах, с автоматом в руках. «Давайте попытаемся убежать». Слишком поздно. В то же

мгновение со всех сторон раздаются дикие крики, коридоры и лестницы заполняются топотом тяжелых сапог, лязганием оружия, яростными криками, кого-то, сопротивляющегося, куда-то волокут. Солдат пробегает по зале с воплем: «Все во двор — передайте другим». Все, естественно, понимают».

Вторая выдержка:

«Один из наших, Поль Колломп, был хладнокровно убит выстрелом в грудь, этот факт подтверждает очевидец. К сожалению, это действительно имело место. Вне сомнения, все произошло следующим образом. Когда Колломпу приказали покинуть секретариат, где он находился, то он повиновался, как показалось полицейскому, слишком медленно, и тот яростно нанес ему удар в спину; инстинктивно наш коллега обернулся, и полицейский выстрелил ему прямо в грудь. Смерть наступила почти мгновенно, а тело оставалось лежать до вечера. Дошел до нас и другой слух — не знаю, откуда. В нашего коллегу с кафедры протестантской теологии господина Эппеля, очевидно, стреляли в его собственном доме, куда полицейские отправились его искать. Он получил, как было впоследствии установлено, несколько пуль в брюшную полость, однако чудом выздоровел и даже пережил ужасы Бухенвальдского лагеря».

Как я уже указывал Трибуналу сегодня утром, обвинение не располагает доказательствами того, что такие преступления совершались по приказу германского правительства. Однако, я тем не менее считаю, что целесообразно было сообщить Трибуналу об этом последнем эпизоде германских мероприятий, направленных против Страсбургского университета, так как этот эпизод является звеном в цепи, и, в определенном смысле, кульминацией предыдущих инцидентов. Действительно, мы видели, что эти мероприятия начались с регулярно осуществлявшихся шагов, которые в последующем достигли стадии привлечения полиции. Использование полиции сопровождалось жестокостями и насилием.

Хочу сообщить вам, что зачитанный мною документ имеет номер РФ-712 (бис).

Перехожу теперь ко второй части данной темы, а именно, к насильственному внедрению германских норм стандартов. Руководители рейха начали с организации специфически германской администрации. Я уже указывал некоторое время тому назад на то, что во главе гражданской администрации назначался гаулейтер. В развитие этого утверждения я представляю документ РФ-713, представляющий собой декрет от 28 августа 1940 года, опубликованный в «Официальном бюллетене» рейха от 1940 года, страница 22. Декрет озаглавлен: «По поводу введения германского режима в Эльзасе». Я не буду зачитывать этот декрет, а лишь укажу, что его целью было введение в силу с 1 октября 1940 года германского муниципального режима от 30 января 1935 года.

Текст декрета и излагаемые организационные нормы указывают на то, что аннексированные территории подвер-

гались реорганизации на основе германской концепции управления. Каждый округ возглавлялся теперь не французом-супрефектом, а земельным комиссаром, в подчинение к которому поступали различные отделы — финансов, труда, школьной инспекции, торговли и здравоохранения. В крупных городах, главных городах округов и даже кантонов насаждались городские комиссары взамен мэров и избираемых советников — должности последних отделов и, в частности, торговых палат, то торговую палату Эльзаса возглавил представитель торговой палаты Карлсруэ, а торговую палату Мозеля — представитель торговой палаты Саарбрюккена.

Германизировав формы административной деятельности, немцы приступили к германизации персонала. На ответственные посты были назначены многочисленные немецкие чиновники. Кроме того, немцы в ряде случаев предпринимали попытки заставлять чиновников, сохранивших свои должности, подписывать декларации о лояльности по отношению к немцам. Такие попытки, однако, наталкивались на сопротивление со стороны чиновников. Такие попытки возобновлялись многократно в различных формах. Из архива гаулейтера Страсбурга нами было изъято 8 или 10 различных бланков подобных деклараций о лояльности. Я воспроизведу один из этих бланков для Трибунала, в порядке примера.

Это документ РФ-714. Он представляет собой бланк новой декларации, который чиновников заставляли подписать, если они желали сохранить занимаемую должность:

«Фамилия, имя, должность, место службы и жительства.

Я работаю с 1940 года по сей день на государственной службе в германской администрации Эльзаса. За указанный период я имел возможность узнать об обязательствах, которые берет на себя германский чиновник, и о требованиях, предъявляемых к нему в политическом и идеологическом плане; сведения об этом я почерпнул как на основе личных наблюдений, так и от партии и высших инстанций, органов власти как устно, так и в письменной форме. Я без оговорок одобряю эти обязательства и эти требования, и полон решимости руководствоваться ими в моей личной жизни и служебной деятельности. Я подтверждаю свою приверженность германскому народу и национал-социалистским идеалам Адольфа Гитлера».

Наряду с администрацией в собственном смысле слова нацисты создали в Эльзасе параллельную администрацию национал-социалистской партии, а также трудового фронта, который являлся единственной организацией по вопросам труда.

Германское валютное законодательство было введено в Эльзасе 19 октября, а в Лотарингии 25 октября 1940 года. С указанного времени рейхсмарка стала законным средством оплаты на аннексированной территории. Германская организация судоустройства была введена серией последовательно осуществлявшихся мер, которые завершились дек-

ретом от 30 сентября 1941 года по поводу упрощения судебной деятельности в Эльзасе. Представляю данный декрет без оглашения в качестве документа РФ-715.

По вопросу о системе образования, германские власти приняли ряд распоряжений и декретов, задачей которых было обеспечить унификацию школьной системы Эльзаса германской преподавательской системой. Я просто перечислю даты основных текстов, которые мы представляем в качестве документов публичного характера, так как они были опубликованы в «Официальном бюллетене» рейха в Эльзасе. Привожу перечень основных текстов:

Документ РФ-717, распоряжение от 2 октября 1940 года.

Документ РФ-718, декрет от 24 марта 1941 года о преподавании в начальных школах Эльзаса.

Документ РФ-719, декрет от 21 апреля 1941 года касательно распределения субсидий на образование в Эльзасе.

Документ РФ-720, декрет от 11 июня 1941 года по поводу обязательного обучения в Эльзасе.

Сошлюсь теперь на ряд документов, содержащих приказы о введении в Эльзасе и Лотарингии германского гражданского и уголовного права и даже германского процесса. В качестве наиболее важного из таких документов процитирую представляемый под номером РФ-721 декрет от 19 июня 1941 года по поводу распространения на эльзасцев норм германского законодательства. Хотел бы зачитать первый абзац статьи 1, так как здесь имеется интересное положение:

«Статья 1.

1. Юридические отношения между лицами, получившими французское гражданство на основании приложения к статьям 51—79 Версальского договора, а также лицами, гражданство которых явилось производным от гражданства указанных выше лиц, в частности отношения в сфере персонального и семейного права, регулируются законодательством, имеющим силу в бывшей империи, в соответствии с законом страны происхождения, в той же мере, поскольку это законодательство распространяется на страну происхождения».

Аналогичный декрет был издан для Лотарингии, документ РФ-722, декрет от 15 сентября 1941 года касательно распространения германского законодательства на личный статус и семейный статус в Лотарингии. «Официальный бюллетень» рейха, страница 817.

Я хотел бы перечислить, с указанием на их названия и отсылки, те основные нормы, которые были введены в сфере уголовного права:

Документ РФ-723, уведомление от 14 февраля 1941 года касательно принятия решений по уголовным делам; объявлено о распространении этого документа на Лотарингию в силу статьи 1 второго декрета касательно принятия определенных временных мер в сфере правосудия.

Документ РФ-724, декрет от 29 октября 1941 года касательно введения в Эльзасе германского законодательства по уголовному процессу и других уголовных законов.

Документ РФ-725, декрет от 30 января 1942 года касательно введения в Эльзасе германского уголовного кодекса и других уголовных законов.

Я не собираюсь зачитывать этот длинный текст, но хотел бы привлечь внимание Трибунала к двум аспектам, свидетельствующим о том, что немцы ввели в Эльзасе самые чрезвычайные нормы своего уголовного права, созданного с позиций национал-социалистского режима. Таким образом Трибунал увидит из этого документа РФ-725 — страница 1 перечня — что закон от 20 декабря 1934 года предусматривавший репрессии по поводу предательских акций, направленных против государства и партии, а также содержавший нормы защиты партийной униформы, был введен в Эльзасе. Был там также введен декрет от 25 ноября 1939 года — номер 11 перечня — которым завершались уголовно-правовые нормы, касавшиеся защиты военной власти германского народа.

Что касается общественных свобод, то немцы с самого начала упразднили право на объединения граждан, и распустили все существовавшие объединения. Они намеревались оставить свободу для нацистской системы, которой предстояло быть единственным и обязательным объединением.

Как и ранее, я сошлюсь на ряд публичных документов, приводя их названия:

Документ РФ-726, распоряжение от 16 августа 1940 года, о роспуске молодежных организаций в Эльзасе.

Документ РФ-727, распоряжение от 22 августа 1940 года, о создании надзорной комиссии по объединениям в Лотарингии.

Документ РФ-728, распоряжение от 3 сентября 1940 года, предусматривавшее роспуск союзов учителей. Отмечу, что последняя статья данного документа предусматривает исключение в пользу организации, называемой «Союз учителей — национал-социалистов».

Документ РФ-729, распоряжение от 3 сентября 1940 года, предусматривает роспуск гимнастических обществ и спортивных объединений в Эльзасе. Хотел бы процитировать страницу 4 документа РФ-729:

«Мой уполномоченный по физической культуре примет, по отношению к другим гимнастическим обществам и спортивным объединениям в Эльзасе, все необходимые меры с целью их реинтеграции в национал-социалистский союз рейха по физической культуре».

Прослеживая принятие этих мер по германизации, мы теперь подошли к двум весьма характерным материалам, которые я представляю в качестве документов РФ-730 и РФ-731. По документу РФ-730 я оглашу только заголовок, который знаменателен сам по себе: «Распоряжение от 7 февраля 1942 года касательно создания управления Верхнего Рейна по генеалогическому исследованию». Я так-

же прочту название документа РФ-731: «Распоряжение от 17 февраля 1942 года по поводу создания управления имперской комиссии по укреплению германизации».

Несколько минут тому назад я указывал Трибуналу на то, что в Эльзасе и Лотарингии создание партии шло параллельно с созданием германской администрации. В этой связи я представлю документ РФ-732, представляющий собой конфиденциальную записку НСДАП земли Баден, датированную 5 марта 1942 года. Документ озаглавлен «Управление гау — вспомогательное бюро в Страсбурге». С разрешения Трибунала, зачитаю начало этого документа.

«Оценка возможностей привлечения в партию, ее подразделения и связанные с ней групп в Эльзасе.

В плане проведения кампании 19 июня, организованной для привлечения в члены партии, крейслейтер с помощью ортсгруппенлейтеров должен провести анализ в отношении эльзасцев старше 18 лет, даже если они еще не станут членами партии — речь идет о перспективах привлечения в члены партии, ее секции и организации, являющиеся ее филиалами; таких мужчин в возрасте от 17 до 48 лет можно активно использовать в партии и ее подразделениях. Для того, чтобы добиться количественного обследования, эти обследования должны охватить также всех лиц, уже вовлеченных в партию, в ее секции и связанные с ней организации.

Крейслейтер может прибегать к содействию руководителей, осуществляющих организацию секций и информационных отделов секций по личному составу. От проводимой работы не должна пострадать кампания 19 июня по привлечению новых членов, эта кампания должна проводиться всеми возможными средствами и достичь цели, установленной гаулейтером, к предписанной дате.

В результате проверки населения должно быть составлено пять списков: а именно, список «1а», список «1b», список «2а», список «2b» и контрольный список.

Пропускаю нижеследующие абзацы и цитирую со страницы 2, абзац 9 документа:

«Ввиду того, что задачей национал-социалистского движения является вовлечение всех немцев в национал-социалистскую организацию с тем, чтобы формировать и направлять их в соответствии с целями национал-социалистского движения, 90% населения должны будут фигурировать в списках «1а», «1b», и «2а» и «2b»; в контрольный же список войдут только те, кто вследствие своей расовой неполноценности либо асоциальности, либо антигерманских установок считается недостойным стать членом партийной организации».

Теперь я перейду к двум весьма серьезным, непосредственно взаимосвязанным вопросам — вопросам, касающимся, с одной стороны, гражданства, с другой стороны, военной мобилизации.

Германская политика в вопросе гражданства отличается определенным колебанием, что связано с германской по-

литикой по вопросу набора в армию. Действительно, германские лидеры, как представляется, колебались между двумя противоречащими друг другу тенденциями. Одна из этих тенденций заключалась в том, чтобы предоставлять германское гражданство большому числу людей, с тем, чтобы установить для них соответствующее обязательство по несению военной службы. Вторая тенденция заключалась в том, чтобы германское гражданство предоставлялось только выборочно. В соответствии с этой позицией считалось, прежде всего, что обладание гражданством является честью и в какой-то степени должно рассматриваться как награда, когда гражданство предоставляется лицам, ранее его не имевшим. С другой стороны, гражданство придает обладающему им лицу определенное особое качество. Несмотря на упразднение всей демократии, оно придает такому лицу определенное влияние в немецкой общине. Поэтому германское гражданство следует предоставлять только лицам, дающим гарантии в определенных отношениях, а именно, гарантии лояльности; а нам известно, что, с германской точки зрения, лояльность является вопросом не только психологических установок и выбора, но распространяется также на определенные хорошо известные физические элементы, как-то: кровь, расовую принадлежность и происхождение.

Таковы две противоречащие друг другу тенденции в германской политике предоставления гражданства. Расскажем о том, как эти тенденции развивались.

Вначале, вплоть до августа 1942 года, рейх, которому еще так настоятельно не требовались солдаты, как это имело место позднее, не спешил с введением принудительной мобилизации в армию. Параллельно с этим немцы не спешили также с принятием каких-либо мер по навязыванию германского гражданства населению в целом. На протяжении этого раннего периода нацисты не прибегали к принудительной мобилизации, а просто полагались на добровольный набор; правда, они стремились повысить эффективность такого добровольного набора в армию, предлагая всякого рода приманки и осуществляя давление различными способами.

Я не буду вдаваться в подробности применявшихся немцами процедур добровольного набора в армию. Мне бы просто хотелось привести, в порядке примера, содержание документа РФ-733. Это обращение, которое было расклеено в Эльзасе 15 января 1942 года; оно в виде приложения входит в один из правительственных докладов, представлявшихся ранее под номером ВБ-72. В этом документе я просто зачитаю первую фразу второго абзаца:

«Эльзасцы: С начала кампании на Востоке, сотни эльзасцев свободно решили пойти добровольцами и бок о бок с мужчинами из других немецких областей сражаться с врагом цивилизации и европейской культуры».

Для любого, кто знаком с немецкой пропагандой и ее методами преувеличения, слово «сотни», использованное в

этом документе, сразу указывает на провал нацистских вербовщиков. Слово «сотни» очевидным образом надо переводить как «десятки», и следует признать, что это была очень жалкая помощь для вермахта.

В течение периода, о котором я говорю, нацисты в вопросе о предоставлении германского гражданства прибегали к политике, сходной с их политикой рекрутирования военных сил, то есть применялась политика избирательного предоставления гражданства. Нацисты обращались к тем, кто добровольно желал получить гражданство. В этой связи целесообразно сослаться на декрет от 20 января 1942 года; речь идет об общем декрете рейха, а не о специальном декрете для аннексированных территорий.

В первой статье этого декрета говорится о расширении возможностей натурализации — доселе натурализация допускалась крайне ограниченно, в соответствии с законодательством рейха. В статье 3 декрета содержится следующее положение:

«Имперский министр внутренних дел может, посредством общего распоряжения, предоставлять германское гражданство категориям иностранцев, утвердившихся на территории, поставленной под суверенную власть Германии, либо являющихся коренными жителями этой территории».

В связи с этим более ранним периодом необходимо подчеркнуть, что коренные жители Эльзаса-Лотарингии, не ставшие германскими гражданами, не сохраняли своего французского гражданства. Все они считались подданными Германии. В документах того периода их называли «лицами, принадлежащими к немецкой общине», как следствие этого они подлежали призыву на германскую трудовую службу. Представляю в этой связи документ РФ-734, «Распоряжение от 27 августа 1942 года о воинской повинности и о призыве на военную службу в Эльзасе». Я вскоре возвращусь к этому документу в связи с вопросом о военной службе, теперь же хотел бы указать на те части документа, которые касаются службы в гитлерюгенд — это декрет от 2 января 1942 года в отношении Эльзаса и декрет от 4 августа 1942 года в отношении Лотарингии.

Поворотный момент в германской политике по вопросам гражданства и набора в армию наступил в августе 1942 года. В это время, ввиду военных трудностей и необходимости привлечения к службе в армии большого числа людей, немцы учредили воинскую повинность в Лотарингии — декретом от 19 августа 1942 года, в Эльзасе — декретом от 25 августа 1942 года. Соответственно, это документы РФ-735 и РФ-736.

В то же время немцы обнародовали декрет от 23 августа 1942 года о германском гражданстве в Эльзасе, Лотарингии и Люксембурге. Этот текст был разослан в виде циркуляра, изданного имперским министром внутренних дел, документ РФ-737. Приводим положения этого декрета:

«Коренные жители Эльзаса, Лотарингии и Люксембурга, немецкого происхождения, приобретают полные права гражданства при следующих условиях:

когда они были призваны либо будут призваны на службу в вооруженных силах рейха либо в вооруженных формированиях СС;

когда будет признано, что они поступали как хорошие немцы».

Что касается используемого в этом тексте выражения «немецкое происхождение», то оно касается жителей Эльзаса и Лотарингии, которые стали французскими гражданами либо на основании Версальского договора, либо в последующем при том условии, что ранее они являлись германскими гражданами, либо после 1 сентября 1939 года переехали из Эльзаса или Лотарингии на постоянное местожительство на территорию рейха; и, наконец, лицами, имеющими немецкое происхождение, считались также дети, внуки и супруги лиц описанной выше категории.

В заключение следует отметить следующее: предполагалось, что те жители Эльзаса, Лотарингии и Люксембурга, которые не могли получить постоянное германское гражданство, имели возможность получить его на временной основе.

Завершая вопрос о гражданстве, я хотел бы упомянуть о следующем: в декрете от 2 февраля 1943 года приводятся детали германского законодательства о гражданстве, имеющего отношение к Эльзасу, а декретом от 2 ноября 1943 года предусматривалось предоставление германского гражданства лицам, которые во время войны содержались в концентрационных лагерях.

В немецких текстах содержатся указания на то, что, с одной стороны, германское гражданство навязывалось большому числу людей, и что, с другой стороны, эльзасцы и лотарингцы, являвшиеся французами, принуждались к выполнению чрезмерного и поистине преступного требования нести военную службу в германской армии, сражаясь таким образом против собственной страны. Такие обязательства отбывать воинскую повинность постоянно расширялись — последовательно увеличивалось число призываемых возрастных категорий, вплоть до призыва лиц рождения 1908 года.

В ответ на эти настойчивые притязания немцев последовал официальный протест со стороны Французского национального комитета, который в Лондоне представлял власть правительства Свободной Франции. Я хотел бы зачитать Трибуналу текст этого протеста, который датирован 16 сентября 1942 года. Представляю его под номером РФ-739. Оглашу лишь два абзаца начала этого документа:

«В ходе войны рейх объявил об аннексии Эльзаса и Лотарингии, изгнал и ограбил огромное число жителей Эльзаса и Лотарингии, провел в жизнь самые жесткие меры по германизации. Теперь рейх принуждает эльзасцев и лотарингцев — которых рейх объявил немцами —

служить в армиях Германии против их соотечественников и против союзников Франции.

Национальный комитет, являющийся защитником неделимости и единства Франции и хранителем принципа прав народов, протестует перед лицом цивилизованного мира против этих новых преступлений, совершенных в полном неуважении к международным конвенциям, против воли населения, горячо приверженного Франции. Комитет торжественно заявляет о нерушимом праве эльзасцев и лотарингцев оставаться членами французской семьи».

Немцы не могли не знать об этом протесте, так как его несколько раз зачитывал и комментировал по радио представитель Франции — профессор Рене Кассэн.

В связи с этим официальным протестом со стороны Франции позволю себе процитировать обоснования решения рейха, если можно использовать здесь это понятие — речь идет об обоснованиях, приводившихся в речи гаулейтера Вагнера, произнесенной в Кольмаре 20 июня 1943 года. Объяснения гаулейтера Вагнера были опубликованы в газете «Мюльхейзер Тагеблатт» от 21 июня 1943 года под названием «Эльзас не останется в стороне». Представляю этот документ под номером РФ-740.

«Таким образом, решающим событием для Эльзаса в 1942 году стало введение обязательной военной службы. Я не могу ставить себе задачей юридически обосновывать меру, которая имеет столь важное значение для жизни Эльзаса. Да в этом и нет надобности. Каждое решение, которое великий рейх принимает в отношении этой территории, мотивировано, и не может подвергаться критике ни с юридической точки зрения, ни с позиций де-факто».

Естественно, жители Эльзаса и Лотарингии отказались подчиниться преступным приказам германских властей и стали обращаться к любым средствам, чтобы избежать исполнения этих приказов. Тогда немцы решили принудить их к повиновению с помощью беспощадных мер. Границы строго охранялись и несущим охрану было приказано стрелять в тех многочисленных непокорных людей, которые пытались бежать через границу. Хочу в этой связи привести одну фразу из статьи, появившейся в газете «Дерньер Нувель де Страсбург» от 28 августа 1942 года. Это документ РФ-741. В статье повествуется о гибели одного из тех, кто отказывался служить в германской армии, статья завершается такой фразой: «Мы особенно настаиваем на том факте, что попытка незаконно пересечь границу — это самоубийство».

Естественно, судебные санкции применялись с крайней суровостью по большому числу дел. Я не думаю, что мне надлежит сообщить Трибуналу обо всех таких делах — на это ушло бы слишком много времени. Мне просто хотелось бы указать на принцип, которым определялась данная форма репрессий.

Приведу прежде всего документ, который полностью характерен для концепции правосудия и независимости

судебной власти, концепции, которую имела германская администрация. Это документ РФ-742, представляющий собой сообщение, переданное по телетайпу гаулейтером Вагнером из Страсбурга 8 июня 1944 года и адресованное председателю кассационного суда в Карлсруэ. Зачитаю абзац второй этого документа:

«В Эльзасе особенно требуется, чтобы приговор за отказ от службы в армии имел устрашающий эффект. При этом нужно учесть, что для тех, кто пытается избежать военной службы, из-за страха перед опасностью для себя лично, устрашающий эффект может иметь только смертная казнь. Справедливость этого мнения усиливается тем, что эльзасец, настроенный на то, чтобы избежать военной службы путем выезда из страны, рассчитывает в целом, что противник в скором времени одержит победу, и поэтому в случае, если ему будет назначена иная мера наказания, а не смертная казнь, он рассчитывает, что наказание в скором времени будет ему отменено. Таким образом, смертная казнь должна назначаться по всем делам, когда речь идет о попытке уклониться от военной службы после 6 июня 1944 года путем незаконного выезда, вне зависимости от любой другой юридической практики, применяющейся на территории собственно Германии».

Хочу, однако, указать, что соображения риска, которому лично они подвергались, даже риска быть убитым на границе или осужденным на смертную казнь, оказались недостаточными, чтобы заставить жителей Эльзаса и Лотарингии признать за собой обязательство служить в армии. Поэтому нацисты решили прибегнуть к единственной угрозе, которая могла оказаться эффективной — угрозе репрессий в отношении семей. После 4 сентября 1942 года в «Дерньер Нувель де Страсбург» появилось объявление, озаглавленное «суровые санкции в отношении тех, кто не является в призывной пункт». Это объявление представляется как документ РФ-743. Читаю выдержку:

«По делу, о котором рассказывалось выше, было доказано, что родители в этом отношении не проявили своего авторитета. Этим они продемонстрировали, что еще не понимают требований нынешнего времени, когда в Эльзасе могут быть терпимы только надежные люди. Поэтому родители вышеупомянутых молодых людей вскоре будут депортированы на территорию старого рейха, с тем, чтобы в национал-социалистской атмосфере к ним вернулась установка конформизма с германским духом».

Таким образом, декрет о депортации семей имел целью наказывать не за конкретные проявления неповиновения, а за то, что человек не явился в призывной пункт.

С тем, чтобы избежать повторов, я теперь представлю Трибуналу под номером РФ-744 декрет от 1 октября 1943 года о санкциях в случаях отказа нести военную службу, «Официальный бюллетень» рейха за 1943 год, страница 152. Первые две статьи:

«Статья 1. Глава гражданской администрации в Эльзасе может отказать в праве проживать в Эльзасе дезертирам;

лицам, отказывающимся подчиниться воинской повинности, тем, кто уклоняется от обязательной трудовой службы, а также членам их семей. Для лиц немецкого происхождения, на которых распространится эта запретительная норма, это может означать переселение на территорию рейха; решение о переселении принимает рейхскомиссар по вопросам «укрепления германской расы».

Меры, которые следует принимать в отношении имущества, изъятия имущества, возмещения убытков и т. д., предусматриваются декретом от 2 февраля 1943 года, регулирующим меры в отношении имущества, которые должны приниматься при переселении лиц немецкого происхождения из Эльзаса на территорию рейха...

Статья 2. Вне зависимости от предусмотренных выше мер, в случае нарушения норм уголовных законов могут возбуждаться уголовные преследования.

В силу статьи 52 параграфа 2 Имперского уголовного кодекса не подлежат наказаниям члены семей, которые могут доказать, что ими предпринимались реальные усилия предупредить уклонение от воинской повинности, отговорить от совершения такого поступка или создать условия, снимающие необходимость скрыться».

Такие отвратительные меры, налагаемое на семьи обязательство осудить своих близких, наказание семей — все это позволило германским властям осуществить мобилизацию жителей Эльзаса и Лотарингии; в результате многие из них погибли, и для всех эльзасцев и лотарингцев служба в немецкой армии стала особенно трагическим испытанием.

Завершая данную часть своего выступления, я хочу в заключение указать, что немцы осуществляли мобилизацию женщин для работы на войну. Представляю документ РФ-745, декрет от 26 января 1942 года, в котором говорится о завершении организации трудовой службы для нужд войны в отношении молодых женщин Лотарингии.

Далее, имеется декрет от 2 февраля 1943 года, документ РФ-746, касающийся составления списков мужчин и женщин, направляемых на осуществление задач по национальной обороне, «Официальный бюллетень» рейха за 1943 год, страница 26. Данный декрет касается Эльзаса.

Следующий документ, РФ-747, касается Лотарингии. Это указ от 8 февраля 1943 года касательно мобилизации мужчин и женщин для выполнения задач, связанных с организацией работ... Как явствует из статьи 1 данного декрета, не только мужчины, но и женщины использовались на работах, связанных с германскими военными нуждами. Я оглашу перед Трибуналом выдержку из статьи в газете, где комментируется это законодательство, а также комментируются меры, которые гаулейтер Вагнер предложил принять в соответствии с данным декретом. Это документ РФ-748, статья из газеты «Дернер Нувель де Страсбург» от 23 февраля 1943 г.

«В своей речи в Карлсруэ гаулейтер Роберт Вагнер подчеркнул, что в Эльзасе будут приняты меры по тоталь-

ной мобилизации и что властям следует отказаться от бюрократических методов работы. Эльзасские биржи труда уже пригласили первую категорию женщин, которые могут подлежать мобилизации, для заполнения мобилизационных бланков.

В принципе, все женщины, которые до сего времени работали только дома, заботясь только о своих мужьях, и которые не имеют других родственников, обязаны будут работать полный рабочий день. Многие женатые мужчины, которые до сего времени никогда не предлагали своим женам помощи в домашней работе, вынуждены будут «подставить свое плечо». Им придется выполнять домашнюю работу, ходить за покупками. При наличии некоторой доброй воли все образуется. Женщины, имеющие профессиональное образование, будут по возможности направляться на работу, связанную с их профессией, при условии, что эта работа будет иметь важное значение для нужд войны. Данное предписание распространяется только на все женские профессии, связанные с уходом за людьми».

Здесь опять мы сталкиваемся с нескладно сформулированным текстом, производящим довольно комичное впечатление. Однако, это не мешает нам понять, сколь отвратительны были принимавшиеся меры, которыми француженок принуждали их трудом участвовать в выполнении германских военных задач.

Перехожу к представлению доказательств о переселении из Эльзаса и Лотарингии.

Ситуация в Эльзасе и Лотарингии, о которой я собираюсь рассказать, сходна с ситуацией в Великом герцогстве Люксембургском.

Германские власти широко практиковали выселение жителей из аннексированных районов и осуществляли колонизацию путем поселения в оккупированных странах немецких подданных, которые захватывали землю и имущество выселенных жителей.

Такова была бы основная задача, которую ставили перед собой немцы. Второе преимущество, которое давали им их методы, заключалось в устранении групп, которые, как они считали, особенно трудно подвергнуть ассимиляции. В этой связи хочу процитировать документ РФ-749 — это высказывание в речи гаулейтера Вагнера, произнесенной им в Саверне (приводится по публикации в «Дерньер Нувель де Страсбург» от 15 декабря 1941 г.):

«Сегодня мы должны решиться. В момент великой борьбы нашей нации — борьбы, в которой и вы также должны участвовать — любому, который скажет «Я француз» — я могу ответить только словами: «Убирайся отсюда к чертям! В Германии есть место только для немцев».

В самом начале оккупации немцы выселяли отдельных лиц или небольшие группы. Это касалось прежде всего евреев и представителей интеллигенции. Как свидетельствует документ РФ-701, который я уже цитировал сегодня утром, нацисты позволяли эльзасцам и лотарингцам воз-

вращаться на родину только в том случае, если они признавали свое немецкое происхождение.

Трибуналу должно быть ясно, что такие правила, ограничивавшие возвращение беженцев, были равнозначны их выдворению.

Массовое выселение началось в сентябре 1940 г.

В документе РФ-750 говорится:

«С тех пор французскому правительству стало известно, что немецкие власти производят массовую высылку семейств, живущих в трех восточных департаментах. Французских граждан, вынужденных оставлять на месте все имущество, ежедневно направляют в неоккупированную зону Франции группами в количестве от 800 до 1000 человек каждая».

Таково было положение к 19 сентября. А 3 ноября немцы предприняли систематическую высылку населения Мозеля. 18 ноября четыре поезда с лотарингцами были направлены в Лион. Условия выселения видны из документа РФ-751.

Прибытие в неоккупированную Францию этих людей, подвергшихся столь жестоким мучениям, дало им все же возможность для благородного проявления их патриотических чувств. В связи с излагаемыми фактами передаю Трибуналу документ РФ-751, это нота протеста со стороны французской делегации за подписью генерала Дойена, датированная 18 ноября 1940 года. Читаю выдержки из документа РФ-751, начиная с абзаца 3 на странице 1:

«Франция столкнулась с актом применения силы, который находится в формальном противоречии с конвенцией о перемирии равно как и с данными недавно заверениями о желательности сотрудничества между обеими странами. Статья 16 Конвенции о перемирии на которую германская комиссия часто ссылалась, относя ее именно к восточным департаментам, предусматривает как раз водворение беженцев в тех районах, где они проживали ранее. Таким образом, создание новых беженцев является нарушением Конвенции о перемирии. Франция столкнулась с актом несправедливости, направленным против мирного населения, которое рейх ни в чем не может упрекнуть; это население веками проживало на этих территориях, и превратило их в особенно преуспевающий регион».

«Неожиданное решение германских властей является бесчеловечным действием: совершенно неожиданно среди зимы целые семейства должны были покинуть свои дома, увозя с собой только минимальное количество необходимых вещей и сумму денег, совершенно недостаточную для того, чтобы прожить хотя бы несколько недель. Тысячи французов таким образом внезапно ввергнуты в нищету, причем их отечество, само переживающее тяжелые испытания и захваченное врасплох этими неожиданными мерами, проведенными без его ведома, не могло немедленно обеспечить этим изгнанникам сносное существование.

Это переселение и условия, в которых оно проходило, произвели самое ужасное и самое тягостное впечатление на весь французский народ.

Французов особенно беспокоило то, что лотарингцам давалось объяснение, будто бы источником их несчастий является французское правительство. Распространялось также мнение, что жители Лотарингии сами просили о разрешении уехать, последовав призыву радиостанции Бордо. Даже если мы допустим, что по радио звучали такие призывы, то следует иметь в виду, что радиостанция Бордо находилась под контролем немцев. Как показала реакция лотарингцев по их прибытии в свободную зону, их доверие было нарушено».

Высылка достигла общей цифры приблизительно в 70 тысяч человек. Эту цифру надо удвоить, учитывая, что эльзасцы и лотарингцы высылались также в восточную Германию и в Польшу. Этой высылкой стремились терроризировать население. В первую очередь она затрагивала семьи тех лиц, которые решили по праву уклониться от требований немецких властей привлечь их к принудительной работе и к военной службе».

Далее я хочу привести короткую цитату из документа, который уже представлялся моими французскими коллегами под номером Р-114, США-314, французский номер документа РФ-753. Этот документ может рассматриваться как приложение к материалам по проблеме депортации. Оглашаю текст со страницы 2:

«Дальнейшее переселение предназначается для:

Представителей групп, говорящих на диалекте. Гаулейтер желал бы, чтобы в этом районе остались только те лица, которые своими обычаями, языком и общим поведением удостоверяют свою приверженность Германии.

По вопросу о лицах, перечисленных в абзацах выше, следует отметить, что расовой проблеме должно придаваться первостепенное значение, то есть проблема должна решаться так, чтобы полноценные в расовом отношении люди переселялись собственно в Германию, а неполноценные в расовом отношении во Францию.

И, наконец, я хотел бы зачитать Трибуналу несколько фраз из газетной статьи, опубликованной в «Дерньер Нувель де Страсбур» от 31 августа 1942 года:

«28 августа назначенные к отправке семьи из округов Мюльхауз и Гюбвиллер были депортированы в рейх с тем, чтобы в национал-социалистском окружении к ним могло вернуться истинно германское мировоззрение. В ряде случаев эти лица не скрывали своей враждебности, они подогревали чувства протеста, в провокационной манере публично говорили по-французски, не соблюдали указов, касающихся воспитания молодежи, либо иными путями демонстрировали свою нелояльность».

Следствием высылки или переселения являлось разграбление имущества населения, что рассматривалось немцами как их право. Имеется распоряжение от 28 января

1943 г., опубликованное в официальном бюллетене за 1943 год под заголовком: «Указ об охране имущества в Лотарингии в связи с мерами по переселению» (документ РФ-754).

«Статья 1. Охрана имущества лиц, переселенных из Лотарингии в великую германскую империю или на территорию, находящуюся под суверенной властью Германии, возлагается на лотарингские органы по переселению, действующие под руководством начальника администрации.

Статья 2. Эти органы уполномочены должным образом охранять имущество переселенных лотарингцев, управлять этим имуществом и, если будет дан соответствующий приказ, реализовать это имущество».

Этот приказ показывает, что внешне соблюдалась некоторая щепетильность, в нем говорится об охране, но мы-то знаем, что означает слово «охранять» в национал-социалистской терминологии. Мы уже установили, как охранялись произведения искусства и имущество, принадлежавшее евреям. А в данном случае имеется даже специальное предупреждение о том, что «охранять» означает право распоряжаться и «реализовывать».

Другие приказы еще более конкретны. Вот, например, документ РФ-755 — указ от 6 ноября 1940 г., касающийся имущества врагов народа и империи в Лотарингии. Документ РФ-756 — инструкция от 13 июля 1940 г. об имуществе врагов народа и империи в Эльзасе. Эти два документа, из которых один относится к Эльзасу, а другой к Лотарингии, разрешают захват и конфискацию того имущества, которое расценивается как имущество врага.

Для того чтобы стало ясным, что подразумевалось под имуществом врага, я прочту вторую статью документа РФ-756: «Рассматриваются как имущество врагов империи все материальные ценности и права независимо от их природы, которые используются или предназначены для целей, враждебных народу Германии. Эти правила распространяются:

а) на имущество всех политических партий, а также всех примыкающих к ним организаций;

б) на имущество масонских лож и подобных им ассоциаций;

в) на имущество евреев;

г) на имущество французов, которые приобрели его в Эльзасе после 11 ноября 1918 г.;

д) начальник департамента администрации и полиции будет решать, в каких случаях, не предусмотренных этим перечнем, имущество должно также рассматриваться как принадлежащее врагам империи.

Он будет принимать решение также в спорных случаях».

Из этого мы видим, что, несмотря на заголовок, в документе говорится не о секвестре имущества врага, что во всех странах предусматривается правилами ведения войны. Здесь речь идет о таких мерах, как конфискация, причем это распространяется на имущество многих лиц,

которые не могут быть отнесены к категории представителей враждебной страны. Из этого также явствует, что администрации была предоставлена неограниченная власть творить произвол.

Эти приказы были дополнены многочисленными инструкциями. Несмотря на то, что в Эльзасе и Лотарингии разграбление приняло исключительно большие размеры, я не буду сейчас останавливаться на этом подробнее, потому что обвинение уже рассматривало в целом вопрос об ограблении. Я ограничусь тем, что укажу на два мероприятия, которые являются характерными для Эльзаса и Лотарингии. Это, во-первых, сельскохозяйственная колонизация и, с другой стороны, промышленная колонизация.

Самое выражение «сельскохозяйственная колонизация» не выдумано обвинением, это выражение самих немцев. Представляю указ от 7 декабря 1940 г., касающийся нового порядка колонизации в Лотарингии, документ РФ-757.

«Земельная собственность, которая вследствие депортации осталась выморочной в Лотарингии, должна быть использована главным образом для поселения германского крестьянства, а также для нужд внутренней колонизации. С этой целью и особенно для проведения желательной нам программы я приказываю на основании предоставленных мне фюрером полномочий следующее:

Статья 1. Земельную собственность лиц, высланных из Лотарингии, конфисковать в пользу начальника гражданской администрации...

Статья 2. Сельскохозяйственную собственность или леса, которые подпадают под действие указа об имуществе врагов народа и государства в Лотарингии, конфисковать и по мере необходимости использовать в соответствии с программой организации данного района.

Статья 3. В случаях, не предусмотренных статьями 1 и 2, и по мере необходимости другая земельная собственность также может быть включена в программу систематической реорганизации за соответствующую компенсацию.

Начальник гражданской администрации и назначенные им органы будут решать вопрос о размере и форме компенсации. Заинтересованные лица не имеют права обращаться по этому вопросу в какие-либо судебные органы».

Я полагаю, что эти приказы достаточно ярко показывают Трибуналу методы действия немецких властей.

В первой статье говорилось только об охране имущества людей, которые были депортированы или перемещены. Во второй статье уже идет речь о конфискации, но в ней фигурирует только понятие врагов народа и рейха.

Третья статья более полная, так как предусматривает инструкции по конфискации, имеющие вполне официальный характер; конфискацию более не именуют «охраной имущества», на том основании, что таков является бесхозным вследствие депортации населения.

Сельскохозяйственная колонизация, о которой я говорил, особенно широкий размах приняла в Лотарингии. С

другой стороны, в Эльзасе было принято больше всего мер по промышленной колонизации. Эти меры заключались в ограблении французских предприятий в пользу германских фирм.

По этому поводу французская делегация внесла протесты в Комиссию по перемирию.

Представляю как документы три таких протеста — это документы РФ-758, РФ-759 и РФ-760, представляющие собой ноты, датированные, соответственно, 27 апреля 1941 г., 9 мая 1941 г. и 8 апреля 1943 г.

Как хотелось бы отметить в заключение, наглость немцев дошла до того, что они потребовали изъять в неоккупированной Франции и переправить в Эльзас фонды, принадлежавшие французским компаниям, — последние таким образом лишались своего имущества и фактически оказывались «колонизированными».

Такая германская экономическая колонизация аннексированных территорий должна была служить экспериментом для распространения аналогичных методов в более широком масштабе.

Я вынужден ограничить представление документов, однако надеюсь, что представленные доказательства дадут возможность Трибуналу дать оценку преступной природы осуществлявшихся немцами акций.

Господа судьи! Я хотел бы просить Трибунал обратиться сейчас к досье, которое называется «Люксембург».

Трибуналу уже известно, каково было положение в Люксембурге, так как только вчера мы заслушали показания свидетеля господина Рейтера.

Аннексия Люксембурга носит совершенно особый характер, так как она повлекла за собой полное лишение суверенитета для этой оккупированной страны.

Полная аннексия Люксембурга доказывает со всей очевидностью преступную преднамеренность действий, предпринятых представителями империи против государства, с которым Германия была связана дипломатическими договорами, в частности Лондонским договором от 11 мая 1867 г., договором об арбитраже от 2 сентября 1929 г. Трибунал знает, что все эти обязательства были подтверждены посредством дипломатического демарша от 26 августа 1939 г., а затем уже за несколько дней до вторжения — декларацией успокоительного характера. Чтобы осуществить аннексию де-факто немцы должны были издать, и действительно издали, специальные постановления, которыми уничтожались государственные и общественные учреждения. 29 октября 1940 г. было объявлено о роспуске Палаты депутатов и Государственного совета, а также о запрещении всех политических партий в Люксембурге.

Декретом от 26 августа была принята формулировка, согласно которой правосудие осуществляется от имени народа. 15 октября 1941 года формулировка была вновь изменена и приобрела более очевидный характер — «от имени германского народа».

Так же, как они поступили в отношении Эльзаса и Лотарингии, немцы предприняли попытку с корнем вырвать все национальные чувства населения Люксембурга и создать условия, при которых невозможны любые проявления национальной культуры в стране. Так, распоряжениями от 28 августа 1940 года и 23 октября 1940 года были запрещены все ассоциации, связанные с культурой и образованием.

Как в Эльзасе и Лотарингии, немцы навязывали в Люксембурге германизацию фамилий. Этим вопросам был посвящен декрет от 31 января 1941 года, документ РФ-803. Замечу, кстати, что декретом от 14 февраля 1941 года в Люксембурге также было запрещено ношение беретов.

Наряду с тем, что немцы уничтожали все национальные учреждения, они по своему обычаю устанавливали свою собственную администрацию. Гаулейтером был назначен Густав Симон, который до этого был гаулейтером Кобленца-Трира. С точки зрения административной, Великое Герцогство Люксембургское стало управляться как округ начальником гражданской администрации, но администрации германской. С точки зрения национал-социалистской партии, эта страна была официально присоединена к империи в качестве территории, зависимой от гау Мозель.

Я не намерен останавливаться на введении в Люксембурге германского гражданского и уголовного законодательства — это происходило так же, как в Эльзасе и Лотарингии. Следует считать, что достаточным доказательством по этому поводу является представление официального доклада Великого Герцогства.

Что касается вопросов о гражданстве и о призыве на военную службу, то здесь мы также видим параллель между нормами, введенными в Люксембурге, и нормами, введенными в других аннексированных странах.

30 августа 1942 года были обнародованы два декрета. Следует обратить внимание на то, что эти два декрета, декрет о гражданстве и декрет о службе в армии, имеют одну и ту же дату. Декрет о военной службе представляется под номером РФ-804, а декрет о гражданстве под номером РФ-805. В законодательстве о гражданстве содержится положение, характерное именно для Люксембурга, хотя оно соответствует общему духу германского законодательства о гражданстве и в аннексированных странах.

Немцы создали в Люксембурге различные организации нацистского толка, основной такой организацией было Германское националистическое движение. В этой связи и возникает то особое обстоятельство, о котором я хочу сказать. Декретом от 30 августа 1942 года о гражданстве германское гражданство предоставляется лицам, заявившим о своей приверженности этому обществу. Об этом говорится в последнем абзаце раздела 1 указа, документ РФ-805. Фактически предоставление гражданства в этом особом случае являлось временным и действительным только на 2 года.

Одновременно с установлением воинской повинности нацисты обязали всех молодых люксембуржцев служить в формированиях гитлерюгенд, являвшихся подготовкой к военной службе. Об этом говорится в декрете от 25 августа 1942 года о лагерях гитлерюгенд (документ РФ-806).

Как и в Эльзас-Лотарингии, в Люксембурге принудительным работам подвергались не только мужчины, но и женщины. Они использовались на работах в военных целях. По этому поводу было издано три приказа — приказ от 23 мая 1941 г., приказ от 10 февраля 1943 г. и приказ от 12 февраля 1943 г. Два последних приказа представлены как документы РФ-807 и РФ-808.

Теперь я хотел бы рассказать об обстоятельстве, являвшемся характерным для Люксембурга; доказательства содержатся в официальном докладе правительства Люксембурга, уже представленном Трибуналу. Цитирую одну фразу со страницы 4:

«Согласно указу, опубликованному в «Правительственном вестнике» для Люксембурга, 1942 г., страница 232, часть населения Люксембурга принуждали вступать в формирования, называемые «службой обеспечения безопасности и вспомогательной службой», это были формирования предварительного характера, которым приходилось заниматься строевой подготовкой.

Часть таких формирований принудительно направляли в Германию, где им приходилось выполнять очень опасные задания во время воздушных налетов авиации союзников».

Нацисты прилагали особые усилия к тому, чтобы добиться нацификации Люксембурга. Для этой страны они разработали особый метод, основным моментом которого являлся языковый элемент. Была теоретически обоснована концепция, согласно которой Великое Герцогство Люксембургское якобы принадлежало к группе германских языков. С помощью пропаганды немцы распространили идею о том, что диалект, на котором говорят в Люксембурге, является франконским диалектом, принятым в Мозеле, и представляет собой вариант верхне-немецкого языка. После того как была разработана эта теория, немцы 10 октября 1941 года предприняли перепись населения. Об этом упоминал свидетель, дававший вчера показания перед Трибуналом. Теперь Трибуналу известна причина, по которой немецкие власти немедленно приостановили перепись, как только было установлено, что число людей, отвечавших на вопросы переписи так, как это было угодно немцам, смехотворно мало.

После этого провала немцы решили, что люксембургский диалект уже не будет служить их политическим целям.

Циркуляром от 13 января 1942 г., который я представляю как документ за номером РФ-809, служащим запрещалось пользоваться люксембургским диалектом при всяком общении с гражданским населением как лично, так и по телефону, что явилось большим затруднением для многих лиц.

Кампания по нацификации осуществлялась также путем создания групп для осуществления тех же целей. Как я уже отмечал, самой значительной из таких групп было «Фольксдейче Бевегунг». Хочу лишь в раскрытие этой мысли зачитать одну фразу из Люксембургского доклада.

«Членство в «Фольксдейче Бевегунг» являлось тем обязательным условием, при соблюдении которого гражданским служащим разрешалось оставаться на своих постах, служащим частных предприятий — продолжать свою работу, людям таких профессий, как юристы, врачи и т. п., — заниматься своей профессиональной деятельностью, промышленникам — руководить своими предприятиями и всем людям — зарабатывать себе на жизнь. Отказ подчиниться этому условию означал увольнение с работы, выдворение из страны и депортацию целых семей».

Санкции, применявшиеся к жителям Люксембурга, которые отказывались выполнить поставленное им условие, сопровождались комментарием, формулировка которого очень хорошо отражает ментальность нацистов. Читаю этот текст из правительственного доклада.

«Вследствие установок этих людей нельзя гарантированно рассчитывать на то, что они всегда, без каких-либо оговорок, образцовым образом будут как на работе, так и вне ее выполнять те обязанности, основа которых заложена в создании гражданской администрации Люксембурга и в прогерманских установках».

Нацисты также стремились с помощью любого рода принуждений заполучить людей, которые стали бы членами их формирований СА, а также членами моторизованных подразделений СА, известных под немецкой аббревиатурой НСКК (национал-социалистский автомобильный корпус).

Обращаю внимание Трибунала на то, что особые меры применялись по отношению к молодежи, так как нацисты считали, что молодых людей — я бы даже сказал, детей — легче побудить воспринять их концепции и доктрины.

Я хотел бы представить Трибуналу документ РФ-810, который является циркуляром от 22 мая 1941 г., направленным директорам высших школ. Документ очень короткий, и я позволю себе огласить его:

«По приказу гаулейтера все лица педагогического персонала обязаны приобрести до 1 июня 1941 г. книгу фюрера «Майн Кампф» и до 1 сентября 1941 г. представить мне письменное заявление с заверением в том, что они прочитали эту книгу».

Немцы полагали, что принудительное чтение книги «Майн Кампф» — на усвоение этого труда они выделяли три месяца — может убедить учителей, которые в свою очередь в предписанном духе преподадут этот труд своим ученикам.

Передо мной другой документ, РФ-811, который я хотел бы зачитать перед Трибуналом. Он короткий и весьма характерный. Речь идет о сборнике циркуляров, адресованных ученикам средних учебных заведений:

«Люксембург, 16 июня 1941 года:

1. Все ученики должны вставать при входе учителя в класс, чтобы начать урок, и по окончании урока, когда учитель покидает класс.

2. Немецкое приветствие нужно отдавать следующим образом: a) Поднять вытянутую руку на уровень плеча. b) Воскликнуть: «хайль Гитлер».

3. Ученики должны отвечать тем же приветствием, с которым учителя обращаются к ним в конце урока.

4. Рекомендуется также всем ученикам отдавать немецкое приветствие на улице, особенно по отношению к тем господам, которые являются энтузиастами немецкого приветствия».

Описываемые немецкие методы достигли своей кульминации с введением присяги на верность Гитлеру, которую обязаны были приносить сотрудники жандармерии и полиции. Я ссылаюсь здесь на показания господина Рейтера, заявившего, что людей, которые отказывались приносить присягу, депортировали, впоследствии большинство их было расстреляно. В доказательство этого я также представляю правительственный доклад, где на странице 12 содержится такая же информация.

Естественно, как это происходило и на других аннексированных территориях, люксембуржцы не подчинились этим германским методам. Здесь немцы пытались террором сломить оказываемое сопротивление.

Я должен упомянуть здесь об интересном документе — приказе от 2 июня 1941 г., документ РФ-812, который называется: «Приказ о вступлении в силу в Люксембурге закона от 10 февраля 1936 г. о гестапо». Достаточно ознакомиться с этим заголовком для того, чтобы понять содержание всего приказа.

Гестапо учредило в Люксембурге чрезвычайные суды: «штандгерихте» и трибуналы СС. Эти судебные инстанции, если можно здесь употребить термин «судебные инстанции», вынесли очень много приговоров по политическим мотивам. В официальном докладе сказано — свидетель подтвердил это, — что всего было вынесено около 500 смертных приговоров в стране. Если учесть немногочисленность населения Люксембурга, это количество приговоров надо признать значительным.

Необходимо, по-моему, также указать, что в целях германизации проводилась депортация населения, о чем Трибуналу должно быть известно из свидетельских показаний господина Рейтера. Систематически вывозились представители интеллигенции страны, духовенства и лица, ранее служившие в армии. Это обстоятельство подчеркивает стремление нацистов лишить эту страну ее моральной, социальной и интеллектуальной опоры.

К докладу люксембургского правительства прилагается список депортированных лиц, в число которых входят офицеры, судьи-магистраты, люди занимавшиеся в Великом Герцогстве политикой, писатели, руководители экономики. В частности — я приведу лишь одну поражающую цифру

— немцы выдворили из страны или депортировали 75 священников. Эта цифра, с учетом столь немногочисленного населения Люксембурга, ясно указывает на умысел совершенно упразднить право на отправление религиозных обрядов. В официальном докладе также имеются сведения о том, что имущество религиозных орденов было конфисковано, места, где совершались религиозные службы, были либо преданы уничтожению, либо осквернены.

Хочу кратко остановиться на сельскохозяйственной колонизации. Организации под названием «За расселение этнических немцев» была поручена ликвидация имущества депортированных люксембуржцев в пользу лиц из южного Тироля, которых расселяли в Великом Герцогстве. Кроме того, производилась промышленная и экономическая колонизация: здесь мы сталкиваемся с теми же методами, с тем же разграблением, и я не буду вновь останавливаться на этой теме. Трибуналу уже известно, какими способами осуществлялась такая колонизация.

Мне хотелось бы, однако, в связи с Люксембургом привести один пример, по той причине, что общие положения всегда лучше подкреплять документальными примерами. Кроме того, документ, на который я собираюсь сослаться, по моему мнению, позволит сделать важные выводы с точки зрения обвинения.

Имело место много случаев, когда германские власти принуждали частных граждан и частные фирмы передавать немцам свое имущество и контроль над своими предприятиями. Это называлось колонизацией и заключалось в том, что немецких граждан включали в предприятия, имевшие крупные средства и активную экономическую деятельность. Эти незаконные методы были разработаны самим имперским министром экономики, таким способом ставилась задача ограбления частных граждан и германизации экономики страны. Документ, который я собираюсь зачитать Трибуналу, имеет номер РФ-813 и представляется как документ люксембургского правительства. Документ является оригиналом, он исполнен на бланке «имперский министр экономики» в Берлине 5 января 1942 года. Документ имеет гриф «секретно» и подписан: «По поручению: доктор Заагер». Речь идет о подчиненном министру чиновнике, который регулярно исполнял административные функции по его приказу. В письме идет речь о предприятии «Аккумуляторы Тюдор», оно адресовано на фабрику, находившуюся в руках фон Хольтцендорфа в Берлине. Напоминаю Трибуналу, что министр экономики пишет немецкой фирме, которая должна получить выгоду в результате давления, оказываемого на люксембургскую фирму.

«Со ссылкой на наши неоднократные разговоры подтверждаю, что в интересах рейха было бы весьма желательно, чтобы ваша компания получила участие в акционерном капитале предприятия Тюдор. Интересы рейха в немалой степени основываются на экономических потребностях, связанных с национальной обороной. Чтобы получить конт-

роль над акционерным капиталом, следует в первую очередь обратиться к капиталу, принадлежащему господину Леону Лавалю, ранее находившемуся в Люксембурге, а ныне пребывающему в Бад-Мергентейм. Речь идет не только об акциях, которыми Лаваль владеет лично, но и о 3000 акциях, вложенных в Согеко.

Перехожу теперь к очень важному абзацу:

«Поэтому я прошу приступить к необходимым переговорам незамедлительно. Хочу указать, что вам прежде всего следует обратиться в гестапо за разрешением начать переговоры с господином Лавалем, а затем добиться разрешения гестапо на передачу указанных акций в вашу компанию в случае, если господин Лаваль согласится уступить их.

Я уже проинформировал гестапо по этому вопросу. Если в результате ваших переговоров в этом возникнет необходимость, я готов вновь указать гестапо на то, насколько безотлагательна ваша миссия».

Теперь я хотел бы зачитать Трибуналу документ, из которого видно, как развивались события дальше. Это документ РФ-814, свидетельствующий о следующем этапе того маневра, с помощью которого имперский министр экономики, действуя заодно с гестапо, принимал меры к тому, чтобы ограбить частного гражданина. Документ представляет собой письмо, адресованное частному лицу инженеру Леону Лавалю, которого стремились принудить продать свои акции, посмотрим, кто ему пишет. Цитирую текст этого письма, отправленного из Люксембурга 14 января 1942 года. «Эйнзатцкоманда полиции безопасности и СД в Люксембурге»:

«19 января 1942 года и в последующие дни Вам надлежит быть дома и находиться в распоряжении представителя фабрики аккумуляторов, директора фон Хольцендорфа».

Трибунал узнает фамилию Хольцендорфа, которому было адресовано письмо имперского министра экономики (предыдущий документ). Продолжаю цитату:

«Господин фон Хольцендорф, обладающий особыми полномочиями от РСХА, обсудит с вами деловые вопросы. Хайль Гитлер!

Подпись — Хартман».

Трибуналу, вне сомнения, ясно, что, если я огласил эти два документа, то сделал это не по той причине, что считаю очень важным в масштабах настоящего процесса тот факт, что фирма Тюдор, выпускавшая аккумуляторные батареи, была разграблена, что по отношению к этой фирме был совершен противоправный акт, причинивший ей ущерб. Я хочу особо обратить внимание — и буду делать это каждый раз, когда содержание представляемых документов будет предоставлять мне такую возможность, — на координацию, существовавшую между различными германскими службами, руководителями которых были сидящие перед нами подсудимые. Некоторые люди склонны

полагать, что все немецкие преступления следует отнести за счет гестапо. Действительно, гестапо было характерной преступной организацией, однако, гестапо не действовало в одиночестве. Гестапо действовало по приказу и в связи с гражданскими администрациями и военным командованием. В связи с архиепископским облачением Страсбургского собора, а также в связи со Страсбургским университетом нам стало известно о программе, дававшей возможность гражданскому министру или его представителю обращаться к агентам полиции для приведения в исполнение своих приказов. На этот же факт указывают нам и только что зачитанные документы, касающиеся экономических вопросов.

Теперь я хотел бы изложить Трибуналу первую часть второго раздела своего выступления, касающуюся посягательства на суверенитет. В первой части раздела речь идет об общих идеях, которые, как я считаю, мне следует изложить Трибуналу перед тем, как обосновать эти идеи документами. Поэтому перед Трибуналом сейчас находится досье «Изложение», к которому соответствующая книга документов не прилагается.

Немцы оккупировали территории пяти суверенных государств, не считая Люксембурга, который был аннексирован и о котором я только что говорил. Из этих пяти стран в трех сохранилась правительственная власть. Это Дания, Норвегия и Франция, но и в этих трех странах ситуации совершенно различны. Правительство Дании являлось законным правительством; правительство Франции являлось правительством де-факто, которое на первоначальном этапе осуществляло реальную власть над неоккупированными территориями; правительство Норвегии также являлось правительством де-факто, типичным примером марионеточного правительства. В двух других государствах, Бельгии и Голландии, сохранялась не правительственная власть, а лишь административная власть, высшей формой которой являлись генеральные секретариаты при министерских ведомствах.

Учитывая эти ситуации, немцы, как я отмечал ранее, разнообразили свои методы установления господства. С другой стороны, немцы не создавали специфической формы правления, которая соответствовала бы внутренней организации каждой из стран. Поэтому, рассматривая положение дел в целом, нужно сказать, что на первый взгляд оно представляется достаточно сложным. Узурпация суверенитета оккупационной властью проявлялась в трех различных формах. Здесь мы имеем в виду внешнюю процедуру.

Первая форма: Прямое осуществление власти с целью законодательной деятельности или издания регламентирующих норм. Здесь мы имеем в виду осуществление власти расширительнее и в нарушение пределов той ограниченной власти издавать распоряжения, которую международное право предусматривает для оккупационных армий.

Вторая форма: косвенное осуществление власти с целью законодательной деятельности либо для издания распоряжений, действуя через местные органы управления. Это достигалось двумя способами: 1. Просто через запретительные нормы в чистом виде, такая ситуация возникала, когда местные власти оказывались административными властями. 2. Путем оказания давления, такая ситуация возникала, когда местные власти оказывались властями административного характера, либо де-факто либо де-юре. Следует, однако, отметить, что давление иногда оказывается таким, что обладает полным сходством с простыми запретительными нормами в чистом виде. Насколько нам известно, давление предполагает также использование соучастия со стороны предателей.

Третья форма: Третья форма представляет собой не что иное, как применение физического насилия. Мы не имеем в виду физическое насилие, применяемое в конкретном случае, так как такие проявления нас здесь не интересуют. Мы имеем в виду физическое насилие, применяемое в результате приказа компетентной оккупационной власти, следствием чего является ответственность руководителя такой власти.

Если мы теперь перейдем к определению того, кто или что являлось механизмом узурпации, то мы установим, что такой механизм распадается на пять уровней.

Во-первых, мы имеем имперского комиссара (уполномоченного), который был назначен только в Норвегии и Голландии, иными словами, в одном случае имперский комиссар был назначен в стране, где правительственная власть сохранялась хотя бы для видимости и в течение достаточно длительного периода, и во втором случае, в стране, где сохранялась только административная власть.

Во-вторых, существует военная администрация. Во всех странах военные органы осуществляли власть, намного превышающую те властные полномочия, которыми они располагали по закону.

Здесь я должен отметить, что только указанные два механизма узурпации власти, имперский комиссар и военные органы, способны были осуществить узурпацию путем непосредственно издания законодательных или регулирующих декретов. В каждой из двух стран, где имелся имперский комиссар, власть естественным образом разделяли имперский комиссар и орган военной власти.

Третий уровень механизма узурпации принял форму дипломатической администрации, подчиняющейся министерству иностранных дел. Дипломатические представительства существовали только в странах, где имелась правительственная власть и не было имперских комиссаров. Мы имеем в виду Данию и Францию.

Такие дипломатические представительства рейха, в отличие от имперского комиссара и военной оккупационной власти, не имели права (не законного, но формального права) заниматься законотворчеством или издавать регули-

рующие нормы. Это не означает, однако, что их роль в узурпации суверенной власти была второстепенной. Напротив, они играли важную роль. Основная их деятельность, естественно, заключалась в том, чтобы оказать давление на местные власти, где они были аккредитованы.

Здесь я хотел бы привлечь внимание к двум обстоятельствам. По логике, можно было бы подумать, что в оккупированной стране, такой, например, как Франция, вмешательство оккупационной власти в административную деятельность местных органов должно было бы быть исключительной прерогативой дипломатических представительств. Однако так дело не обстояло. Военная администрация также нередко вмешивалась, вступая в прямой контакт с французскими органами. В свою очередь, дипломатические представительства не ограничивались теми полномочиями, которыми они располагали в силу их функций. Одной из характерных черт нацистского метода являлось превышение установленных властных полномочий. Более того, если подумать об этом, оказывается, что это было необходимым результатом нацистского заговора.

Ввиду того, что узурпация суверенитета в стране, находящейся под военной оккупацией, является незаконной и ненормальной вещью, это не подпадает под нормальную правомочность категорий государственных функций, как они понимаются цивилизованными странами. Таким образом дипломаты, равно как и военные органы, превышали свои властные полномочия. Наблюдалось также частичное совпадение функций. Дипломаты и военные власти занимались одними и теми же вещами. Мы наблюдаем такое положение, например, в вопросах пропаганды, а также в отношении преследования евреев. В целом, военные власти действовали более открытым образом. Дипломатическая администрация предпочитала действовать в тех сферах, где можно было избежать гласности. Дипломатическое и военное ведомства поддерживали друг с другом постоянную связь по всем вопросам, связанным с оккупированной страной.

Четвертым механизмом узурпации была полицейская администрация. Германская полиция была учреждена во всех оккупированных странах, нередко она оказывалась в подчинении нескольких различных администраций. Это осуществлялось в соответствии с принципами, которые изложило Трибуналу американское обвинение, раскрыв внутреннюю систему огромного, сложного и ужасного полицейского организма нацистов. Функции полиции не были ограничены, не были и исключительными. Полиция действовала в тесном и постоянном контакте с другими механизмами, которые мы назвали ранее.

Пятый уровень механизма, о котором нам следует упомянуть, состоял из местных отделений национал-социалистской партии и организаций, облеченных аналогичными целями. Задачей таких организаций была работа с гражданами оккупированных стран. Такие организации выступали

в качестве вспомогательных служб при германских властях, а в таком конкретном случае, как Норвегия, они создавали основу так называемого правительства.

Я счел уместным нарисовать эту картину, так как мне представляется, что, отталкиваясь от нее, обвинение может придти к интересным выводам о положениях, которых я уже коснулся в своем выступлении о Люксембурге.

Фактически мы убедились, что курс германской политики в отношении узурпации суверенитета осуществлялся с помощью различных органов, которые были связаны с этой акцией. В оккупированных странах — а нам не следует забывать, что такая узурпация создавала метод совершения преступлений, — такая узурпация не оказывалась сферой деятельности исключительно одного чиновника либо одного посла, либо военного коменданта. В странах, где имелся имперский комиссар, существовала также военная администрация. В стране, где единственной регулирующей властью была армия, существовали также дипломатические чиновники. И во всех странах имелась полицейская власть.

Во всех оккупированных странах, в результате оккупации и узурпации суверенитета, систематически совершались злоупотребления и преступления. Многие из таких деяний уже известны Трибуналу. О других еще предстоит рассказать.

Из всего сказанного мной следует, что ответственность за эти злодеяния ложится не только на ту или иную администрацию, о которых мы говорили, а на все одновременно. Если, например, в Бельгии не было дипломатического представительства, то такое представительство существовало во Франции или в Дании, значит, министерство иностранных дел и его руководитель не могли не знать условий оккупации, которые в основных чертах были аналогичны во всех странах.

Более того, все эти администрации, функционировавшие бок о бок, как я только сейчас сказал, не имели точно определенных компетенций. И даже если бы существовало разделение функций между ними, то необходимо заметить, что ответственность и участие каждой в мероприятиях, проводимых остальными, все равно надо считать доказанными, так как они обязательно должны были знать об этих действиях и, следовательно, одобряли их, по крайней мере, косвенно. Но разделения функций не существовало, и мы докажем, что все они были соучастниками и сообщниками в совершении общего преступления.

Итак, сам факт влечет за собой еще более глубокие последствия. Соучастие и сообщничество различных органов указывают на общую ответственность, которая ложится на всех руководителей и на все организации, которые здесь обвиняются. Я хочу подтвердить свою мысль одним примером.

Если, например, все злодеяния и все преступления были бы только делом армии и совершались без содействия других, то отдельным деятелям или организациям, которые не имели военных функций, можно было бы

претендовать на то, что им было неизвестно о совершении этих злодеяний и преступлений.

Я считаю, что даже в таком случае невозможно было бы обосновать такой аргумент в свою защиту, так как известно, насколько большой размах получили эти мероприятия, которые мы здесь разоблачаем, и поэтому об их существовании не могло не знать должностное лицо высших инстанций.

В действительности же, поскольку совместно несколько администраций повинны в этих преступлениях, из этого вытекает, что все другие инстанции также должны нести ответственность за них, так как в данном случае речь идет не об ответственности одной или нескольких администраций за преступления, а об ответственности всей системы управления. Речь идет о единстве всех органов государственной власти.

Позднее я остановлюсь на приказе о депортации евреев и покажу, что этот приказ был результатом общих усилий военной, дипломатической администраций, а также полиции безопасности. Речь идет о Франции. Отсюда следует, что, во-первых, верховный главнокомандующий, во-вторых, министр иностранных дел, в-третьих, начальник полиции безопасности и СД — все эти три лица были очень хорошо осведомлены обо всех действиях, а значит, одобряли эти мероприятия, так как совершенно очевидно, что о подобной инициативе, когда разбирались важные дела, не могли не доводить до сведения начальства. Кроме того, все решения согласовывались между этими администрациями на одном уровне. Значит, все эти три лица виновны, и они должны нести ответственность.

Но можем ли мы думать, что в силу особой случайности среди всех других лиц, которые в качестве министров или подобных им деятелей руководили империей, только эти три лица были преступниками, единственными тремя преступниками, которые и договорились между собой скрыть от других свои преступные деяния?

Конечно, такое предположение совершенно абсурдно. Учитывая ту взаимную связь, которая существует между всеми исполнительными органами в современном государстве, надо сказать, что все руководители империи хорошо знали и одобряли действия, лишающие суверенитета оккупированные страны, и все преступные деяния, явившиеся следствием этого.

Я прошу Трибунал обратиться к досье с надписью «Дания».

Трибуналу известно, что вторжение в Данию произошло 9 апреля 1940 г. в нарушение, как и в других случаях, договоров, и в частности договора, который был незадолго перед тем заключен, это был договор о ненападении, подписанный 31 мая 1939 г. Ввиду того, что Дания не в состоянии была оказать этому вторжению вооруженное сопротивление, немцы решили сохранить видимость, будто бы эта страна не является оккупированной страной. Поэтому они не учредили здесь гражданской администрации,

обладающей регламентирующими правами, как они сделали это позже в Бельгии и Голландии. С другой стороны, в Дании существовало военное командование ввиду того, что там были расквартированы войска. Но данное военное ведомство, в отличие от того, что происходило в других оккупированных странах, не осуществляло никакой официальной власти путем издания декретов или распоряжений общего порядка. Несмотря на эту видимость, немцы не преминули совершить в отношении этой страны, которую они якобы не оккупировали, узурпацию суверенитета. Такая узурпация была тем более вопиющей, что не имела абсолютно никакого юридического обоснования, даже с точки зрения нацистов. В первый период, который продолжался до середины 1943 года, германская узурпация носила скрытый и замаскированный характер. Этому есть две причины. Первая причина вызвана тем, что необходимо было принимать во внимание мировое общественное мнение, так как официально Дания не была оккупирована. Второй причиной было то, что немцы намеревались германизировать эту страну изнутри, путем нацистской политической пропаганды.

Как мне представляется, следует, весьма кратко, обратить внимание на то, что такая германизация изнутри была начата еще до войны. Обстоятельства такой германизации подробно и весьма интересно изложены в одной из частей официального доклада датского правительства, который я передаю Трибуналу под номером РФ-901. В этом документе имеется несколько разделов. Документ, который я имею в виду, находится в досье первым и имеет заглавие «Меморандум».

Из этого документа явствует, что еще до войны немцы организовали информационную службу, которая дополнялась высокопрофессиональной шпионской службой. В частности, немцы создали отделение национал-социалистской партии, куда набирались немцы, жившие в Дании. Идея заключалась прежде всего в том, чтобы сформировать партию, состоящую из немцев, и мы вскоре увидим, что эту национал-социалистскую партию в последующем стали называть Датской партией.

Этот филиал германской партии назывался НСДАП, иностранная организация, земельный округ Дания. Эта партия функционировала в координации с другими учреждениями, в частности с Германской академией, Датско-германской торговой палатой и Нордическим обществом.

Немецкая организация в Гамбурге —«Немецкий союз имени Фихте»,—находившаяся в непосредственном подчинении имперского министерства общественного просвещения и пропаганды, предприняла систематическую пропагандистскую кампанию, преследовавшую цель добиться благоприятного общественного мнения в Дании.

В этой связи я хотел бы процитировать выдержку из представляемого документа, на который целесообразно обратить внимание, так как в нем отражены заранее составлявшиеся немецкие планы и методы исполнения этих

планов. Цитируемая выдержка находится на странице 6 первого документа в досье «Меморандум».

«Это информационное агентство, функционировавшее в Гамбурге и имевшее в этом городе не менее восьми различных адресов, в одной из публикаций сообщило о себе следующие данные. Оно было создано в январе 1914 года в память немецкого философа Фихте и представляло себя как «Союз мировой истины». Агентство ставило своими задачами: 1) Способствовать взаимопониманию путем свободной публикации информации о новой Германии. 2) Защищать культуру и цивилизацию путем пропаганды истины о существующих в мире разрушительных силах».

Цитирую далее, пропустив одну фразу:

«Важной целью немецкой пропаганды было создание в Дании общенациональной обстановки, благоприятной по отношению к Германии и враждебной к Англии. Однако немецкая пропаганда могла также представлять собой попытку подготовить почву для установления в Дании нацистской системы правления. Для этого тайно подбирались все имевшиеся в Дании проявления недовольства демократическим режимом, с тем, чтобы использовать эти данные как документальные доказательства на случай «освободительной» акции в будущем. Так, в январе 1940 года пропаганда уже не удовлетворялась просто нападками на Англию и ее методы ведения войны, либо нападками на евреев и их образ мыслей. Теперь пропаганда стала подвергать серьезной критике образ мыслей датского правительства и датского парламента».

В этой связи в датском докладе имеется упоминание о весьма показательном инциденте:

«В конце февраля 1940 года датская полиция изъяла у одного германского подданного документ, озаглавленный «Проект для пропаганды в Дании».

В этом документе имеется одна характерная фраза:

«Дипломатическая миссия и сотрудничающие с ней ведомства должны иметь возможность контролировать ежедневную прессу».

Для ведения пропаганды Германия не ограничивалась привлечением собственных подданных в качестве агентов внутри страны, но нацисты также инспирировали организацию датских политических групп, которые были связаны с нацистской партией.

Эта кампания в первую очередь нашла благоприятную почву на юге Ютландии, где имелось немецкое меньшинство. Таким образом немцы сумели создать под своей эгидой группу, названную «Шлезвигское Товарищество», которая точно соответствовала немецким СА. Члены группы проходили военную подготовку. Аналогичным образом по образцу гитлерюгенда была создана группа, названная «Германское объединение молодежи Северный Шлезвиг» [1].

---

[1] Южная часть датского полуострова Ютландия граничит с германской землей Шлезвиг-Гольштейн.

Описываемое немецкое проникновение завершилось созданием общественных институтов, таких, как «Служба общественного вспомоществования», образованная в 1929 году в Тинглеве, «Германская взаимопомощь», образованная в 1935 году, равно как и созданием экономических организаций, образцом которых было кредитное учреждение «Птичье пение». В результате ловкого тайного финансирования со стороны рейха удалось обрести контрольные пакеты акций ряда важных сельскохозяйственных предприятий.

Описываемое движение, сформировавшееся в южной Ютландии, впоследствии предпринимало попытки распространиться на всю Данию. Так, еще до войны существовала национал-социалистская партия Дании, ее лидером был Фриц Клаузен. На страницах 6 и 7 правительственного доклада мы читаем:

«Что касается отношений этой партии с Германией в дооккупационный период, то можно сказать, что сам Фриц Клаузен, а также члены партии были ревностными участниками «Дней партии», проводившихся в Нюрнберге, а также конгресса Штрейхера в Эрфурте; во всяком случае, Фриц Клаузен лично состоял в весьма близких отношениях с германским министерством иностранных дел.

Распространение нацизма в Дании началось с юга Ютландии, а затем стало переходить на остальную страну. Иллюстрацией этого факта служит то, что нацистская газета, носящая название «Отечество», вначале начала выходить в Ютландии, а затем в октябре редакция была переведена в Копенгаген, где газета и стала выходить ежедневно.

Такова была ситуация к началу оккупационной власти. Из этого следует, что двумя основными исполнителями узурпации суверенитета в Дании стали, с одной стороны, дипломатическое представительство и с другой — датская нацистская партия.

Уполномоченным германского рейха в Дании на первоначальном этапе был фон Ренте-Финк, а с октября 1942 года им стал доктор Бест.

Имели место многочисленные случаи вмешательства в суверенитет Дании со стороны дипломатического ведомства, причем вначале требования предъявлялись с осторожностью, но со временем стали приобретать все более решительный характер. В качестве примера процитирую документ из правительственного доклада, это меморандум, представленный имперским уполномоченным 12 апреля 1941 года.

«Уполномоченный германского рейха получил указания потребовать от Королевского правительства Дании нижеследующее:

«1. Должно быть сделано официальное заявление о том, знал ли что-либо Его Величество король Дании, на которого де Кауфман, министр Дании, теперь ссылается, либо кто-то из других членов Королевского датского правительства о договоре, заключенном де Кауфманом с аме-

риканским правительством, до опубликования этого договора.

2. По распоряжению Его Величества короля Дании должна немедленно вступить в силу отставка де Кауфмана.

3. Американскому поверенному в делах в Копенгагене должна быть незамедлительно вручена записка, в которой де Кауфман дезавуируется, сообщается об отставке Кауфмана и заявляется, что с учетом приведенных обстоятельств правительство Дании не считает себя связанным договором. В записке должен быть также заявлен самый энергичный протест по поводу американской процедуры.

4. В прессе необходимо опубликовать сообщение, в котором должна быть изложена четкая позиция Королевского правительства Дании о том, что де Кауфман действовал вопреки воле Его Величества короля и вопреки воле датского королевского правительства, и без их санкции. В записке должно быть указано, что де Кауфман отозван и что датское правительство не считает себя связанным заключенным при указанных условиях договором и что оно заявляет самый энергичный протест по поводу американской процедуры.

5. Должен быть опубликован закон, предусматривающий, что любой датский подданный, совершивший за границей тяжкие преступления против интересов Дании либо против норм, установленных датским правительством, может быть лишен гражданства и у него может быть конфисковано имущество.

6. Де Кауфман должен быть привлечен к суду за уголовное преступление — государственную измену, на основании статьи 98 уголовного кодекса и статьи 3 раздела 3 закона от 18 января 1941 года, он должен быть также лишен гражданства на основании закона, который будет объявлен, как это указано в пункте 5».

Как мне представляется, этот весьма характерный пример указывает на то, как немцы нарушали суверенитет законного датского правительства. Они отдавали приказы в сфере международных отношений, хотя свобода в этой сфере представляет собой основополагающий атрибут суверенитета и независимости государства. Немцы заходили так далеко, что, как видит Трибунал по последним двум абзацам, требовали принятия закона в соответствии со своими желаниями, требовали также судебного преследования за государственную измену на основании такого закона, исходя из того предположения, что такой закон по их настоянию будет принят.

Завершая данную тему, мне хотелось бы зачитать выдержку из датского доклада, второе приложение на странице 4:

«В октябре внезапно разразился кризис. Немцы выступили с утверждением, что Его Величество король оскорбил Гитлера, направив ему слишком короткий ответ на посланную им телеграмму. Реакция немцев была незамедлительной и крайне жестокой. Германский посланник в Копенгагене был немедленно отозван. Датский посланник в Берлине

был вслед за этим отозван в Данию. Посланника фон Ренте-Финка сменил Бест, который прибыл в Данию в звании уполномоченного германского рейха и привез с собой расширенные требования, исходившие от германского министра иностранных дел Риббентропа. В числе предъявленных требований было требование об изменении в составе датского правительства и о допущении национал-социалистов в состав правительства. Дания отказалась принять эти требования, правительство затягивало решение по этому вопросу и Бест в итоге не стал настаивать на этих требованиях».

Таким образом я завершаю рассмотрение первого периода немецкой оккупации Дании. В связи с этим первым периодом мне хотелось бы упомянуть об обстоятельстве, доказываемом датским докладом, документ РФ-901, второй меморандум, страница 4.

«Когда 22 июня 1941 года немцы совершили акт агрессии против России, они (в Дании) совершили одно из самых серьезных вмешательств в политические свободы, хотя обещали их уважать. Они насильственно принудили правительство интернировать коммунистов, общее число которых составляло 300 человек».

Приведенные мною разъяснения касались неправомерного вмешательства со стороны первого механизма германской узурпации, дипломатического представительства.

Вторым механизмом немецкого вмешательства была, как и следовало ожидать, местная национал-социалистская партия Фрица Клаузена, о которой я упоминал ранее. Немцы надеялись, что при благоприятных обстоятельствах, связанных с оккупацией, и также благодаря поддержке, которую они могли оказать этой партии, она приобретет колоссальное значение. Однако немцы в этом полностью просчитались. Дело в том, что в марте 1943 года в Дании состоялись выборы, на этих выборах нацистская партия потерпела полное поражение. Партия получила всего 2,5 процента голосов, ею было завоевано всего 3 из 149 мест в палате депутатов.

В период после августа месяца 1943 года поведение немцев в Дании заметно изменилось. Первой причиной такой перемены явно был провал плана захватить власть легальным образом, опираясь на помощь партии Клаузена. С другой стороны, примерно в то же время немцы испытали не меньшее разочарование и в другом плане. Они пытались, как я уже показал в своем выступлении по экономическим вопросам, мобилизовать датскую экономику для нужд войны. Однако население Дании, отвергнувшее политическую нацификацию, не пожелало подчиниться и экономической нацификации. В результате датские промышленные предприятия и датские рабочие стали оказывать пассивное сопротивление, в порядке правоправной реакции на неправомерные действия оккупационной власти они организовали программу саботажа. Имели место стачки, сопровождавшиеся различными инцидентами. Столкнувшись с таким двойным провалом, немцы решили изменить свою тактику.

В этой связи на странице 6 второго меморандума в правительственном докладе мы читаем:

«В результате описанных событий уполномоченный германского рейха доктор Бест 24 августа 1943 года был вызван в Берлин, откуда возвратился с рядом требований, имевших характер ультиматума, объявленного датскому правительству».

Хочу огласить текст этого ультиматума, датированного 28 августа 1943 года:

«Требования имперского правительства:

Датское правительство должно немедленно объявить во всей стране чрезвычайное военное положение.

Чрезвычайное военное положение должно включать осуществление следующих мер:

1. В общественных местах запрещается скопление более пяти человек.

2. Запрещаются любые стачки и оказание любой помощи стачечникам.

3. Запрещаются все собрания в закрытых помещениях или на открытом воздухе; запрещается находиться на улице в период между 20.30 часами и 05.30 часами; рестораны закрываются в 19.30 часов. К 1 сентября 1943 года должно быть сдано все огнестрельное оружие и боеприпасы.

4. Запрещается создание каких бы то ни было помех датским гражданам в связи с тем, что они сотрудничают с германскими властями, либо в связи с тем, что их родственники сотрудничают с германскими властями, либо в связи с тем, что они находятся в родственных отношениях с немцами.

5. Должна быть учреждена цензура печати с участием немцев.

6. Должны быть созданы военно-полевые суды для рассмотрения деяний, совершенных в нарушение мероприятий по поддержанию порядка и безопасности.

7. Создание помех перечисленным выше мерам будет наказываться самыми суровыми санкциями, которые могут назначаться в соответствии с действующим законом, регламентирующим власть правительства по осуществлению мероприятий в поддержание спокойствия, порядка и безопасности. Без промедления должна быть введена смертная казнь за акты диверсий и за оказание любого содействия в совершении таких актов, за нападение на германские вооруженные силы и за хранение после 1 сентября 1943 года огнестрельного оружия и взрывчатых веществ.

Имперское правительство ожидает получить сегодня до 16.00 часов принятие датским правительством вышеперечисленных требований.

Датское правительство, памятуя о своем достоинстве, мужественно отказалось согласиться на данный ультиматум, хотя и находилось в условиях военной оккупации. Вслед за этим начались прямые посягательства на суверенитет. Немцы сами осуществили те меры, на которые не согласилось национальное правительство, они объявили во-

енное положение, захватили заложников, напали на датскую армию и флот, личный состав их обезоружили и взяли в плен, начали применять смертные казни, угоняли людей, которых они объявляли коммунистами и интернирования которых они требовали ранее от датского правительства.

С 29 августа 1943 г. король, правительство и парламент прекратили исполнение своих обязанностей.

Управление страной продолжалось под руководством высших должностных лиц, которые в безотлагательных ситуациях принимали нормы, называвшиеся «Чрезвычайными законами».

В Дании в это время действовали три германские инстанции: уполномоченный, которым продолжал оставаться доктор Бест, военные власти под руководством генерала Ханнекена, который был впоследствии заменен генералом Линдеманом и германская полиция.

Введение германской полиции в Дании последовало через несколько дней после перелома, о котором я только что говорил. Штандартенфюрер СС доктор Мильднер прибыл в сентябре в качестве начальника германской службы безопасности, а 1 ноября прибыл в качестве высшего руководителя СС и полиции в Дании обергруппенфюрер СС генерал-лейтенант полиции Гюнтер Панке.

Доктор Мильднер, о котором я только что упомянул, находился в подчинении генерала полиции Гюнтера Панке, 5 января 1944 года Мильднера сменил на посту штандартенфюрер СС Бовензипен.

В течение всего периода, о котором я говорю, из всех трех немецких инстанций, о которых я упоминал, полиция играла самую значительную роль и являлась главным органом узурпации. Можно, таким образом, считать, что в то время, как Норвегия и Голландия представляли собой пример введения гражданской администрации, Бельгия и Франция — пример военной администрации, Дания представляла собой типичный пример полицейской администрации. Кстати, не следует забывать, что эти различные типы администрации были всегда связаны между собой во всех этих оккупированных странах. Захват власти германской полицией в Дании повлек за собой в период, продолжавшийся с сентября 1943 года до освобождения, чудовищный разгул злодеяний.

В отличие от администраций других типов, полиция действовала не на основании правовых норм или статутов, а весьма эффективным образом вмешивалась в жизнь страны, последовательно и систематически осуществляя «закон де факто». На некоторых аспектах полицейской администрации я остановлюсь в четвертой части своего выступления. На данном же этапе мне просто хотелось бы привести факты, представляющие собой прямое и всеобщее нарушение суверенитета. В этой связи, как мне представляется, мне совершенно необходимо проинформировать Трибунал о событии весьма исключительного

характера, происшедшем 14 сентября 1944 года. В этот день немцы ликвидировали полицию — я имею в виду национальную полицию Дании — и полностью упразднили этот институт, естественным образом являющийся обязательным и важным во всех странах.

В этой связи я намереваюсь зачитать выдержку из второго меморандума, третья книга досье, страница 29. Цитирую:

«Немцам не удалось оказать какое-либо влияние на датскую полицию, ни на уровне ее руководителей, ни на уровне рядового состава. Этим фактом частично объясняется то, почему немецкие военные власти к концу лета 1944 года начали испытывать страх перед (датской) полицией. Панке объяснял, что сам генерал Ханнекен опасался того, что полиция, насчитывавшая от 8000 до 10 000 хорошо подготовленных людей, могла бы в случае вторжения (союзников) напасть на немцев. В сентябре 1944 года, полагая, что вторжение в Данию является вероятным, Панке и Ханнекен составили план разоружения полиции и депортации части ее сотрудников. Панке представил план Гиммлеру, который в письменной форме дал на него согласие, добавив в своем письме, что план одобрен Гитлером. Кроме того, Гиммлер обсуждал этот план с Кальтенбруннером. Операция была осуществлена Панке и Бовензипеном, которые обсудили план с Кальтенбруннером и Мюллером из РСХА. Регулярные войска оказывали содействие операции с согласия генерала Ханнекена.

В 11 часов утра 19 сентября 1944 года немцы организовали ложный сигнал воздушной тревоги. Немедленно после того, как был дан этот ложный сигнал, рядовые (немецкой) полиции ворвались в управление полиции в Копенгагене, а также в полицейские участки города. Некоторые полицейские были убиты. Аналогичные акции немцы провели во всей стране. Большинство полицейских, находившихся при исполнении служебных обязанностей, были схвачены. Сотрудники полиции, захваченные в Копенгагене и в других крупных городах страны, были отправлены в Германию на судах, присланных Кальтенбруннером специально для этой цели, либо в крытых товарных вагонах. Обращение, которому арестованные были подвергнуты в немецких концентрационных лагерях, было столь ужасно, что описать это невозможно. В небольших датских городках захваченные полицейские освобождались.

В то же время Панке объявил «чрезвычайное полицейское положение». Точное значение этого выражения так и не было разъяснено, и даже немцы, как представляется, не понимали, что оно означает. На практике это привело к тому, что вся деятельность полиции, как обычная, так и связанная с работой судебных органов, была прекращена. Поддержанием порядка и общественной безопасности было предоставлено заниматься самим жителям.

На протяжении первых 6 месяцев оккупации датский народ оказался в неслыханной ситуации, неизвестной в

других цивилизованных странах — он был лишен полиции и возможности поддерживать порядок и общественную безопасность. Такое положение вещей могло бы завершиться полнейшим хаосом, если бы существующее у населения уважение к праву и дисциплине, усиленное негодованием по поводу совершенного акта насилия, не предотвратило наиболее серьезные последствия».

Несмотря на такую установку датского населения, отсутствие полиции на протяжении последних 6 месяцев оккупации, естественным образом привело к вспышке всех форм преступности. Вы получите об этом представление, если примете во внимание, — и указания на эту подробность будет достаточно — что премии страховых компаний пришлось повысить до 480 процентов — сведения об этом имеются в докладе, — в то время как ранее она ограничивалась половиной обычного размера. Мы имеем основание полагать, что за преступления, совершенные при указанных условиях, ответственность несут немецкие власти, которые не могли не предвидеть, к каким последствиям приведет создавшееся положение вещей, и тем не менее принявшие такое положение. Мы здесь видим еще одно доказательство абсолютного безразличия немцев к последствиям, вытекающим из решений, которые они принимали для достижения своих целей на данном конкретном этапе.

Данный раздел по Дании я хотел бы завершить, приведя Трибуналу выдержку из документа РФ-902. В системе американской документации это документ ПС-705, но он еще не представлялся, и я хотел бы зачитать из него одну выдержку, которая представляется мне интересной. Это отчет, составленный в Берлине 12 января 1943 года по поводу совещания функционировавшего в системе СС Комитета по исследованию проблем германского пространства. На совещании присутствовало 14 функционеров СС. В отчете имеется абзац, специально посвященный Дании. Другие абзацы этого документа представляют интерес в связи со следующим разделом моего выступления. Поэтому, чтобы дважды не ссылаться на один и тот же документ, процитирую всю выдержку, которую намереваюсь представить в качестве доказательства. Начинаю с конца страницы 2 документа.

«Норвегия. В Норвегии министр Фуглазанг тем временем занял пост министра Лунде, погибшего в результате катастрофы. Невзирая на обещания, даваемые партией Квислинга, поступления от Норвегии значительной квоты ожидать не приходится.

Дания. В Дании ситуация является весьма многообещающей, в связи с тем, что группенфюрер СС доктор Бест захватил власть. Мы можем быть уверены, что группенфюрер доктор Бест обеспечит классический образец этнической политики рейха. Отношения с лидером партии Клаузеном за последнее время усложнились. Клаузен дал согласие только на создание передового боевого корпуса в

качестве подготовительной стадии к образованию в Дании германских СС, но поставил условие, что лицам, входящим в состав корпуса, будет запрещено членство в партии. Переговоры по поводу этой крайне необходимой центральной организации передовых боевиков продолжаются. Монополия партии не состоялась. Следует мобилизовать все элементы, стремящиеся к восстановлению, хотя на первом плане должен стоять лично Клаузен — правда, без своей клики.

Нидерланды. Тем временем в Нидерландах рейхскомиссар Зейсс-Инкварт объявил Муссерта фюрером голландского народа. Эта мера вызвала крайнюю тревогу в других странах германского пространства, в особенности во Фландрии. Решающая роль здесь опять выпадает рейхскомиссару согласно одобренной СС германской имперской политике. Нельзя согласиться с его принципом — эксплуатировать Муссерта, а затем бросить его.

Фландрия. Во Фландрии по-прежнему неблагополучным остается развитие Фламандского национального движения. Даже хитрая политика нового лидера этого движения доктора Элиаса не может нас более вводить в заблуждение. Кроме того, он однажды высказал то мнение, что Германия готова идти на уступки в этнической политике лишь в случае, если она оказывается в трудном положении».

Приведенная информация весьма характерна. Во-первых, четко определяется, что территории германского пространства должны включать Норвегию, Данию, Нидерланды и Фландрию. Естественно, я говорю только о западных странах. Во-вторых, мы ясно видим, как немцы использовали местные партии, создание которых было инспирировано нацистами, в качестве орудия узурпации суверенитета. В-третьих, мы видим полное подтверждение того обстоятельства, что германские дипломатические сотрудники также выступали исполнителями этой политики узурпации и полностью превышали пределы своих нормальных функций.

Я прошу Трибунал взять папку, озаглавленную «Норвегия и Нидерланды».

Назначение уполномоченных рейха (рейхскомиссаров) имело место в Норвегии и в Голландии, и только в этих двух странах. Оно соответствует определенной концепции в общем плане германизации, в котором эти две страны стояли рядом. В обоих случаях создание гражданской администрации последовало в очень скором времени за военной оккупацией страны.

Таким образом, военные распоряжались в стране только несколько дней, до назначения рейхскомиссара. За это время они занимались лишь мероприятиями, имеющими отношение к порядку.

Декретом от 24 апреля 1940 г. уполномоченным рейха в Норвегии был назначен Тербовен. Этот декрет подписан Гитлером, Ламмерсом и подсудимыми Кейтелем и Фриком.

Подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен уполномоченным рейха в Голландии декретом от 18 мая 1940 г. Этот декрет подписан теми же лицами, что и предыдущий. Кроме того, на нем имеются подписи подсудимых Геринга и Риббентропа. Декреты о назначении имперских уполномоченных определяют одновременно их функции и устанавливают распределение функций между гражданским уполномоченным и военными властями.

О Норвегии говорится в первой статье декрета:

«Рейхскомиссару поручено охранять интересы рейха и осуществлять верховную гражданскую власть».

И далее добавляется:

«Уполномоченный рейха находится непосредственно в моем подчинении и получает от меня директивы и инструкции».

Распределение функций видно из текста четвертой статьи:

«Командующий германскими войсками в Норвегии осуществляет военную верховную власть. Его приказы выполняются в области гражданских вопросов уполномоченным рейха».

Этот декрет опубликован в официальном сборнике германских приказов номер 1 за 1940 год. Те же указания имеются в аналогичном декрете от 18 мая 1940 г. в отношении Голландии.

Это назначение уполномоченных рейха сопровождалось вначале некоторыми разъяснениями с целью успокоения населения. Тербовен объявил, что он «решился максимально ограничить трудности и тяготы оккупации».

После своего назначения подсудимый Зейсс-Инкварт также обратился к голландскому народу с призывом, в котором говорилось:

«Я приму все меры, включая меры законодательного характера, которые окажутся необходимыми для осуществления данного мандата. Я хочу, чтобы действовавшие до настоящего времени законы оставались в силе, чтобы голландские власти участвовали в выполнении правительственных функций и чтобы независимость правосудия была сохранена».

Эти обещания никогда не выполнялись. Уполномоченные рейха являлись в Норвегии и Нидерландах главными узурпаторами суверенитета этих стран.

Однако, уполномоченному рейха предстояло действовать в тесном взаимодействии со вторым уровнем механизма узурпации, а именно с существовавшей в стране национал-социалистской организацией. Такое сотрудничество местной нацистской партии с германской властью, представленной рейхскомиссаром, в каждой из рассматриваемых нами стран принимало ощутимо различающиеся формы. Таким образом, осуществление власти рейхскомиссаром в Норвегии и Голландии имело свои различия, хотя они и носили более формальный, чем реальный характер.

В обеих странах местная национал-социалистская партия существовала до войны. Такая партия развивалась и инспирировалась германской нацистской партией и имела свое место в общем плане подготовки войны и плане германизации. Хотел бы привести некоторую информацию касательно Норвегии.

Национал-социалистская партия называлась «Национальное собрание». Руководителем ее был пресловутый Квислинг. Эта партия была идеальной имитацией германской нацистской партии. Представляю Трибуналу документ РФ-920, это текст присяги на верность, который подписывали члены национал-социалистской партии Норвегии. Цитирую:

«Моя присяга верности. Клянусь честью:

1. Проявлять непоколебимую верность и лояльность по отношению к национал-социалистскому движению, его идее, его фюреру.

2. Энергично и бесстрашно выступать за дело, всегда проявлять надежность и лойяльную дисциплину в моей работе, делать все, что в моих силах для освоения знаний и квалификации, которые может потребовать от моей работы для Движения.

3. Максимально использовать свои способности, чтобы жить в соответствии с концепцией национал-социализма, проявлять солидарность, понимание и добрые товарищеские отношения ко всем моим соратникам.

4. Подчиняться любым приказам фюрера или назначенных им официальных лиц при условии, что такие приказы не идут в разрез и не противоречат указаниям фюрера.

5. Никогда не рассказывать посторонним лицам о подробностях национал-социалистских методов работы и не передавать им сведений, порочащих Движение.

6. Всегда предпринимать максимальные усилия к тому, чтобы способствовать прогрессу Движения, достижению целей Движения, обязуюсь преданно выполнять в боевой организации ту роль, которую я взял на себя. Я полностью осознаю, что буду виновен в недостойном и подлом поступке, если нарушу данное обещание.

7. Если обстоятельства лишат меня возможности продолжать оставаться членом боевой организации, я обещаю выйти из нее с соблюдениями лояльности. Я буду по-прежнему связан принесенным мной обетом сохранения тайны и ничего не сделаю во вред Движению.

Наша цель, цель организации «Национальное собрание» заключается в следующем: Новое государство, норвежское и нордическое объединение в системе мирового сообщества, органически построенного на основе труда, с сильной и стабильной администрацией, сочетанием общественного и частного личного благосостояния».

Таким образом, в этой партии был полностью принят принцип фюрерства, и, хотя она имеет норвежский фасад, это только фасад. Фактически в самый день вторжения нацисты навязали стране формирование мнимого норвежского правительства, главой которого стал Квислинг. В это

время Верховный суд Норвегии назначил группу чиновников, которые были облечены властью высшей администрации. Эта группа получила наименование Административного Совета. Административный Совет, с учетом тех чрезвычайных обстоятельств, в которых он был создан, представлял собой компетентную инстанцию для представления законного суверенитета, по крайней мере, консервативным образом. Совет функционировал лишь короткое время. К сентябрю немцы обнаружили, что не в состоянии добиться от Административного Совета или его членов участия в своих делах или хотя бы пассивного согласия с ними. Тогда немцы сами назначили 13 уполномоченных, из которых 10 были отобраны из членов партии Квислинга. Сам Квислинг не выполнял никаких номинальных функций, а оставался фюрером своей партии.

И, наконец, 1 февраля 1942 года начался третий период. В этот день Квислинг вернулся к власти в качестве министра-президента, сами уполномоченные получили звания министров. Эта ситуация существовала до освобождения Норвегии. Таким образом, немцы полностью узурпировали весь суверенитет в Норвегии, если исключить ситуацию нескольких месяцев в 1940 году. Этот суверенитет делился между их прямым агентом, рейхскомиссаром, и их косвенными агентами, которые сначала носили название государственных советников, а в последующем — правительства Квислинга, хотя всегда были порождением национал-социализма.

Нет сомнения в том, что никакой независимости этих организаций по отношению к германским властям не существовало. Тот факт, что вторая организация носила название правительства, не означает, что она обладала большей самостоятельностью. Речь идет только о различиях в форме, о природе которых я расскажу Трибуналу. Представляю в этой связи два документа, РФ-921 и РФ-922. Сопоставив эти два документа, вы увидите, что сделанное мной утверждение соответствует действительности. Эти два документа являются инструкциями, адресованными имперским комиссаром его ведомствам, занимавшимся законодательной деятельностью.

Документ РФ-921 датирован 10 октября 1940 года, это самое начало периода функционирования государственных советников. Привожу цитату из этого документа:

«Все декреты государственных советников до их опубликования должны представляться рейхскомиссару». Таким образом, все декреты высшей норвежской администрации находились под контролем рейхскомиссара.

Второй документ, РФ-922, датирован 8 апреля 1942 года. Он относится к периоду вскоре после создания второго квислинговского правительства. Оглашаю этот документ со второй фразы:

«Ввиду того, что 1 февраля 1942 года образовано национальное норвежское правительство, рейхскомиссар решил, что отныне нет более надобности в данной форме

соглашения». Имелось в виду заключенное ранее письменное соглашение. «Тем не менее, такое изменение формальной законодательной процедуры не означает, что норвежское правительство может принимать законы и декреты без ведома компетентного ведомства рейхскомиссара. Его высокопревосходительство рейхскомиссар ожидает, что начальники всех отделов будут информировать его, сохраняя тесный контакт с соответствующими норвежскими отделами, обо всех готовящихся законодательных документах, причем в каждом случае будут устанавливать, не затрагивает ли данное законодательство германские интересы. При необходимости следует убедиться, что германские интересы будут приняты во внимание».

Таким образом, в одном случае мы имеем дело с формальным контролем, связанным с письменной санкцией. Во втором случае речь идет о контроле посредством информирования с привлечением различных ведомств, однако принцип остается неизменным. Создание местной власти в одной либо в другой форме представляло собой лишь средство выяснить, каким образом легче всего обмануть общественное мнение. Когда немцы поставили Квислинга на задний план, это было сделано по той причине, что, как считали немцы, государственные советники, как фигуры менее известные, с большей легкостью могут обмануть население. Когда немцы отодвинули Квислинга, то это было сделано по той причине, что первый маневр с очевидностью провалился, и потому, что, как предполагали немцы, официальное образование органа власти, квалифицируемого как правительство, могло бы создать впечатление, что суверенитет страны не ликвидирован. Можно было бы, однако, задаться вопросом, зачем применялись все эти уловки и почему нацисты к ним прибегали, вместо того, чтобы просто и откровенно не аннексировать страну. Этому есть весьма важная причина. Она существует в отношении как Норвегии, так и Нидерландов. Нацисты всегда предпочитали сохранять фикцию независимого государства и оказывать определенное давление изнутри, путем использования и поощрения развития местной партии. Имея в виду именно эту цель, немцы предоставили партии в Норвегии то преимущество, которое дает престиж. В Голландии они не действовали аналогичным образом, однако их общее поведение было проникнуто одним и тем же духом.

Прекрасной иллюстрацией политики немцев в Норвегии является так называемый норвежский закон, от 12 марта 1942 года. Цитирую:

«Закон о партии и государстве, 12 марта 1942 г.

1. В Норвегии «Национальное собрание» является основной партией государства и тесно связано с государством.

2. Организация партии, ее деятельность и обязанности ее членов устанавливаются фюрером партии «Национальное собрание».

Осло, 12 марта 1942 года.

Подписано: Квислинг, министр-президент».

С другой стороны, нацисты в крупных масштабах организовали систему дублирования функций в высших эшелонах власти. Фактически это является переносом в Норвегию немецкой системы, отличавшейся постоянным параллелизмом между государственной администрацией и партийными организациями. Повсюду насаждались немецкие нацисты, чтобы помогать и осуществлять надзор за норвержскими нацистами, которых поставили на официальные посты.

Так как данное положение представляет интерес с точки зрения захвата суверенитета и деятельности администрации, мне хотелось бы представить в качестве доказательства два документа, документы РФ-924 и РФ-925. Документы представляют собой выдержки из судебных допросов, производившихся норвежским судом, допрашивались два высокопоставленных германских чиновника из рейхскомиссариата в Осло.

Документ РФ-924 представляет собой протокол допроса Георга Вильгельма Мюллера, производившегося 5 января 1946 года. Вильгельм Мюллер был начальником отдела в министерстве общественного просвещения и пропаганды. Информация, которую сообщает Мюллер, более конкретно относится к функционированию службы пропаганды, однако, следует учесть, что аналогичные методы применялись и в общем плане, что и признается в ходе данного допроса. Цитирую документ РФ-924:

«Вопрос: В 1941 году никто в вашей стране не думал о военных последствиях. В то время наверняка предпринимались попытки сформировать норвежский народ по образцу идеалов национал-социализма?

Ответ: Они это пытались делать до самого конца.

Вопрос: Какие практические меры осуществлялись для того, чтобы норвежский народ был сформирован по национал-социалистскому образцу?

Ответ: Они по возможности поддерживали норвежскую национал-социалистскую партию, и достигали они этого в первую очередь путем значительного укрепления партийных организаций».

Вопрос: Как достигалось укрепление?

Ответ: В каждой провинции назначались немецкие национал-социалисты в помощь норвежским национал-социалистам.

Вопрос: Применялись ли другие практические меры?

Ответ: Это делалось во всех сферах, даже в сфере пропаганды, с помощью пропагандистов из эйнзатцштаба, которые передавались в их распоряжение. Это также делалось в Осло в центральных органах национал-социалистской норвежской партии.

Вопрос: Как работали эти пропагандисты?

Ответ: Они работали в тесном взаимодействии с норвежскими пропагандистами и давали последним указания.

Гребе делал это в силу своего двойного официального качества — руководителя управления пропаганды в рейхскомиссариате и руководителя местной группы.

Вопрос: Как это делалось?

Ответ: Такие консультации и совещания проводились даже для представителей самой высшей партийной иерархии. Для этой цели специально назначался человек. Сначала это был Вегелер, потом Нейманн, потом Шнурбух, который выполнял задачу укрепления идей национал-социализма внутри норвежской национал-социалистской партии.

Вопрос: В эйнзатцштабе имелись специалисты из различных сфер, в задачу которых входило устанавливать контакты с норвежцами и давать им полезные советы. В каких сферах это делалось?

Ответ: Там были организаторы и прежде всего инструкторы, руководители СА и СС. Пока он сам не возглавил эйнзатцштаб, нами руководил господин Шнурбух — специалист по прессе, пропагандист.

Трибунал обратит внимание в этом допросе на фамилию Шнурбух, который возглавлял эйнзатцштаб и отдел, существовавший для связи с местной партией и проникновения в нее. Хочу процитировать выдержку из допроса Шнурбуха, проводившегося 8 января 1946 года, документ РФ-924.

«Вопрос: Как германские ведомства пытались добиться такого перехода к национал-социализму?

Ответ: Мы стремились укрепить Движение, действуя теми же методами, которые мы привыкли применять в Германии, чтобы вести за собой массы... Норвежская национал-социалистская партия имела то преимущество, что в ее распоряжении были все средства информационных служб и пропаганды. Однако, мы вскоре убедились, что поставленная цель не может быть достигнута. После 25 сентября 1940 года настроение общественности в Норвегии внезапно изменилось, когда нескольких государственных советников назначили национал-социалистскими государственными советниками. Дело в том, что в апреле 1940 года норвежский народ считал действия Квислинга предательством.

Вопрос: Каким образом вы материально помогали норвежской национал-социалистской партии в ведении такой пропаганды? Каким образом вы инструктировали партию?

Ответ: В то время, когда я занимал свою должность, когда организовывалась пропагандистская кампания, ее всегда приводили в соответствие с той пропагандой, которую вели в Норвегии немцы.

Вопрос: Издавали ли вы какие-либо директивы для партии «Национальное собрание»?

Ответ: Нет. В мое время норвежская национал-социалистская партия действовала в этом отношении независимо, частично даже вопреки нашим советам. Эта партия

считала, что лучше понимает образ мыслей норвежцев, но она допускала много ошибок.

Вопрос: Оказывалась ли финансовая помощь?

Ответ: Разумеется, финансовая помощь оказывалась, но точная сумма мне неизвестна».

Приведенные мною замечания касались Норвегии.

В Нидерландах, в отличие от того, что происходило в Норвегии, нацисты не использовали местную партию в качестве официального механизма правления. Правительственная власть здесь полностью находилась в руках рейхскомиссара, создавшего своего рода министерство, в состав которого вошли четыре немецких генеральных комиссара. Они, соответственно, ведали управлением и юстицией, государственной безопасностью, финансами, экономическими вопросами и специальными вопросами. Такая организация была создана декретом от 3 июня 1940 года («Правительственный вестник», 1940 год, №5). Хочу отметить, что так как голландский «Правительственный вестник» уже представлялся Трибуналу в качестве доказательства, я не буду представлять в качестве доказательства каждый из приводимых мною текстов, входящих в этот журнал, а просто буду просить Трибунал принять их к сведению и считать представленными.

Назначение на посты генеральных комиссаров было объявлено декретом от 5 июня 1940 года.

Местная власть на этом более высоком уровне была представлена только генеральными секретарями министерств, которые находились в полном подчинении у рейхскомиссара и у генеральных комиссаров.

Декрет от 29 мая 1940 года, опубликованный в голландском «Правительственном вестнике» за 1940 год, страница 8, содержит следующие положения:

«Статья 1. Имперский комиссар будет осуществлять ту власть, которой до сего времени были облечены король и правительство...

Статья 3. Генеральные секретари голландских министерств подчиняются рейхскомиссару».

Если нацистская партия не составила правительство, оно тем не менее получило «официальное благословение».

Приведу Трибуналу в этой связи декрет от 30 января 1943 года — он также опубликован в голландском «Правительственном вестнике» за 1943 год, страница 63. Зачитываю выдержку:

«Выразителем политической воли голландского народа является национал-социалистское движение в Нидерландах. Исходя из этого я издал декрет о том, что все подчиняющиеся мне германские ведомства, учреждения администрации и органы национал-социалистского движения должны поддерживать тесный контакт с фюрером с тем, чтобы обеспечить координацию задач по осуществлению всех важных административных мер и в особенности всех вопросов, связанных с кадрами».

Трибуналу уже известно — об этом же говорил свидетель, уже дававший показания перед Трибуналом, — какой

отъявленной ложью было утверждение о том, что национал-социалистская партия выражает волю народа этой страны.

Завершив свой комментарий по этим двум формам использования местных партий в качестве механизма узурпации суверенитета, я хотел бы указать Трибуналу на основные черты такой узурпации, осуществлявшейся немцами.

Примером деятельности первого направления является попытка принудить оккупированные страны принять участие в войне, или, как минимум, произвести мобилизацию для германской армии. В Норвегии немцы создали легион СС «Норвегия», который в последующем был переименован в Германский легион СС «Норвегия». Представляю в качестве доказательства документ РФ-926, это декрет от 21 июля 1942 года, касающийся этого соединения, подписан Квислингом. Цитирую абзац 2:

«2. Германский легион СС «Норвегия» — это национал-социалистский солдатский орден, куда войдут люди нордической крови и нордических идей. Он является независимым подразделением национал-социалистской партии Норвегии и находится в непосредственном подчинении у национал-социалистского фюрера, отчитывается перед ним. В то же время это соединение является частью германских СС и будет помогать вести германские народы к новому будущему и создавать основу для германского содружества».

На этом примере мы вновь видим, что так называемое норвежское правительство принимало меры, совершенно очевидно являвшиеся методами германизации. Для того, чтобы облегчить набор в этот легион, германские или норвежские нацисты без колебания нарушали гражданское законодательство и отменяли обязательные нормы семейных прав — ими был принят закон, по которому несовершеннолетние не обязаны были получать согласие от своих родителей, чтобы вступить в армию. Это закон от 1 февраля 1941 года, норвежский «Правительственный вестник», 1941 г., страница 153. Представляю его в качестве доказательства под номером РФ-927.

В Нидерландах немцы вынуждены были в еще большей степени нарушить национальное законодательство, чтобы создать возможности для набора в армию. Так как немцы не создали в Нидерландах правительства де-факто и так как законное правительство страны все еще находилось в состоянии войны с рейхом, лица, добровольно вступавшие в немецкую армию, подпадали под статьи 101 и последующие голландского уголовного кодекса. Эти статьи предусматривали наказание лиц, поступивших на военную службу в армию иностранной державы, находящейся в состоянии войны с Нидерландами, а также лиц, оказывавших содействие противнику.

Ввиду того, что страна подверглась оккупации де-факто, существовала малая вероятность того, что указанные санкции будут применяться на практике. Однако, крайне любо-

пытным и показательным является тот факт, что 25 июля 1941 года рейхскомиссар издал декрет, опубликованный в голландском «Правительственном вестнике» за 1941 год, номер 135. Этот декрет предусматривал, что на голландцев, поступающих на службу в германскую армию, в войска СС или в Легион нидерландских добровольцев, не распространяются указанные выше нормы статей уголовного кодекса, причем объявляется, что данный декрет получает обратную силу начиная с 10 мая 1940 года.

Крайне удобно, совершая уголовное преступление, предусматриваемое нормами общего уголовного кодекса, иметь возможность изменить закон, вычеркнув данное преступление из числа уголовно наказуемых деяний.

Другим декретом, от 25 июля 1941 года, «Правительственный вестник» за 1941 год, страница 548, предусматривалось, что поступление на службу в немецкую армию в последующем не повлечет за собой утерю голландского гражданства.

И, наконец, декретом от 8 августа 1941 года, «Правительственный вестник» за 1941 год, страница 622, объявлялось, что обретение германского гражданства более не влечет за собой утерю голландского гражданства, за исключением тех случаев, когда имеется четко выраженный отказ от голландского гражданства. Хотя этот текст декрета касается лишь некой детали, его можно рассматривать как первоначальную меру для учреждения в последующем двойного голландского и германского гражданства, что соотносится с общими процедурами претворения в жизнь всего плана германизации.

По вопросу об описываемых мерах набора в армию я хотел бы точно изложить позицию обвинения, сложившуюся в результате прямого и перекрестного допроса в суде свидетеля Форринка.

Обвинение не считает, что преступный характер проводившегося набора в армию устанавливается только тем фактом, что людей мобилизовали принудительно либо привлекали в армию путем давления на их волю.

Такие давление и принуждение являются отягчающим аспектом, характеризующим вменяемое нами преступление, но не является обязательным аспектом данного преступного деяния. Мы считаем, что преступлением является самый факт набора людей в оккупированных странах на службу в германской армии, даже если набор производился на добровольной основе. Следует также иметь в виду, что такое преступление наказуемо по внутреннему законодательству всех рассматриваемых стран, законодательство которых охватывает деяния, совершенные в этих странах.

Вопрос о том, в какой степени привлечение на службу предателей было связано с конкретной ситуацией, в которой оказывались такие предатели, даже в относительном плане не представляет большого значения, если не возникает желание ознакомиться со всеми деталями.

Мне бы хотелось высказать мысль более общего характера. Обвинение не считает, что привлечение предателей

либо для службы в армии, либо для иной деятельности является для нацистских лидеров смягчающим обстоятельством либо обстоятельством, освобождающим их от ответственности. Напротив, это является одной из характерных черт их преступной деятельности. Ответственность, которую несут предатели, ни в коей мере не снимает ответственности с нацистских лидеров. Напротив, мы вменяем им ту коррупцию, которую они пытались распространить в оккупированных странах, используя те элементы со слабой нравственной основой, которые имеются в любой стране, и насаждая в умы всех граждан мысль о возможности вести аморальную и преступную деятельность против своей страны. Таково было первое направление в процессе германской узурпации.

Другие мероприятия были направлены на уничтожение свобод и установление принципа фюрерства.

В Норвегии были запрещены все политические партии (германский декрет от 25 сентября 1941 г.), запрещена всякая деятельность в пользу законной династии (декрет от 7 октября 1940 г. — официальный журнал за 1940 год, страница 10). Все гарантии для чиновников были ликвидированы. Чиновники могли быть смещены или переведены на другую должность по политическим мотивам (германский декрет от 4 октября 1940 г. на странице 24 официального журнала за 1940 год).

Законом от 18 сентября 1943 г. учреждались должности начальников департаментов, которые осуществляли высший политический контроль над всеми инстанциями департамента.

В Голландии мы также можем наблюдать уничтожение выборных организаций (декрет от 11 августа 1941 г.); роспуск политических партий (декрет от 4 июля 1941 г.); создание трудового фронта (декрет от 30 апреля 1940 г.).

Я привел лишь несколько примеров узурпации нацистами власти в захваченных ими странах. В заключение хочу обратить внимание на постановление от 12 августа 1941 г., которым определялась особая юрисдикция судов по преступлениям и нарушениям, угрожающим политической безопасности либо совершенным по политическим мотивам. Судьями, на которых возлагалось осуществление такой власти, обычно назначались члены нацистской партии.

Наконец, твердым направлением узурпации является систематическое проведение нацистами мероприятий, направленных против интеллигенции страны, против ее духовной жизни. Именно в этой сфере нацисты чувствовали наибольшую силу сопротивления. Они обрушиваются на университеты и другие учебные заведения.

В Голландии согласно декрету от 25 июля 1941 г. администрации предоставлялось право произвольно закрывать учебные заведения.

11 ноября 1941 г. в Голландии был закрыт Лейденский университет.

Декрет рейхскомиссара от 10 мая 1943 г. обязывал студентов подписывать декларацию о лояльности, которая была составлена следующим образом:

«Нижеподписавшийся... настоящим торжественно заявляет, что он будет честно подчиняться всем законам, декретам и другим распоряжениям, которые действуют на оккупированной голландской территории, и не будет совершать никаких актов, направленных против германской империи, армии или нидерландских властей, а также заниматься деятельностью, которая могла бы угрожать общественному порядку в высших учебных заведениях, принимая во внимание серьезность создавшегося положения».

В Норвегии против университета в Осло были предприняты суровые меры. Я представляю как доказательство документ за номером РФ-933. Это статья из «Дейче Цейтунг» от 1 декабря 1943 г., напечатанная и в норвежской газете. Она озаглавлена следующим образом:

«Мероприятия, которые необходимо провести в Осло: чистка среди студенчества».

«По приказу рейхскомиссара Тербовена обергруппенфюрер СС и генерал полиции Редиес сообщил во вторник, после обеда, студентам университета в Осло следующее:

Студенты университета в Осло, начиная с момента оккупации Норвегии, то есть с 1940 года, пытались оказывать сопротивление германской оккупационной армии и норвежскому правительству, которое было признано рейхом.

Для того чтобы защитить интересы оккупационной державы и обеспечить порядок и спокойствие внутри страны, необходимо принять суровые меры. Поэтому от имени рейхскомиссара я должен вам сообщить следующее:

1. Студенты университета в Осло будут посылаться в специальный лагерь в Германии.

2. Студентки будут отчислены из университета и должны будут тотчас же разъехаться по местам жительства, где им необходимо встать на учет в полиции. Запретить им впредь до нового приказа покидать место жительства без разрешения полиции.

Вы должны быть благодарны господину рейхскомиссару за то, что не принимаются более драконовские меры. Более того, эта мера спасает вашу жизнь и обеспечивает будущее благосостояние».

Что касается религии, немцы в этом отношении увеличили свое вмешательство. В качестве примера я представляю документ РФ-929. Оглашаю его:

«Осло. 28 мая 1941 г.

Комендантам ЗИПО и СД в Бергене, Ставангере, Тронхейме и Тромсе.

Содержание: Наблюдение за религиозной службой во время празднования Троицына дня.

Прошу вас установить наблюдение за проведением религиозной службы и представить отчет о результатах».

Подпись: Командующий полицией безопасности и СД в Осло.

Гауптштурмфюрер СС (фамилия неразборчива).

Вот отчет о выполнении приказа установить наблюдение за службой в церкви. Этот документ я представляю за номером РФ-930. Он очень короткий, и я его оглашаю:

«Тронхейм, 5 июня 1941 г.

Наблюдение за проведением религиозной службы во время Троицына дня не дало ничего нового. Домпробст Фиелбу, этот тенденциозный проповедник, продолжает свою деятельность. Но он делает это достаточно ловко, чтобы иметь возможность доказать, что каждая фраза носит религиозный характер, а не политический...» Остальная часть отчета наполовину сгорела.

Я не хотел бы задерживаться долго на этом разделе.

Хочу лишь сослаться на два примера, которые, с одной стороны, свидетельствуют о неизменной аморальности германских методов, и, с другой — об обоснованных протестах, которые вызывали такие методы у весьма компетентных инстанций. Первый пример касается Нидерландов.

У голландских судей справедливо вызвала негодование немецкая практика по произволу заточать людей в концентрационные лагеря. Судьи нашли возможность заявить о своем неодобрении такой практики в ходе повседневного исполнения своих судейских функций. Так, в ходе рассмотрения конкретного дела апелляционный суд в Леувардене вынес решение, которое представляется Трибуналу под номерои РФ-931.

В этом решении апелляционного суда отмечается, что лица, направляемые по приговору суда в лагеря, содержатся там в таких жестоких условиях, которые не могли не предвидеть, не предположить ни законодатель, сформулировавший норму уголовного закона, ни судья, рассматривавший дело в первой инстанции.

Судьи апелляционного суда, сообразуясь со своей совестью, не считают возможным назначить подсудимому тот срок лишения свободы, который соответствовал бы тяжести содеянного им преступления, с учетом условий, в которых он должен был бы отбывать назначенное ему наказание.

Приведенный пример представляет особый интерес, так как теперь мне предстоит сообщить вам о том, что в результате принятия апелляционным судом Леувардена указанного решения Зейсс-Инкварт вынес постановление о снятии с должности председательствующего этого апелляционного суда Ф. Ф. Виехофа. Постановление подсудимого Зейсс-Инкварта содержится в том же документе РФ-931 — это вторая его часть.

Второй пример, который я хотел бы привести в заключение, касается Норвегии. Речь идет об официальном протесте со стороны норвежских священнослужителей. Протест был заявлен по следующему поводу:

15 января 1941 года норвежские епископы обратились к министру по делам общественного просвещения и религи-

озным вопросам и вручили ему меморандум. В этом меморандуме они заявили свой протест по поводу чрезвычайных требований, исходящих от полиции, и одновременно выразили свой протест по поводу другого рода злоупотреблений, в частности в сфере судопроизводства. Протест норвержских епископов был изложен в форме епископского послания, адресованного соответствующим епархиям, и направленного в феврале 1941 года. Представляю это послание как документ РФ-932 и хочу зачитать выдержку из него:

«Декретом министра полиции от 13 декабря 1940 года наносится тяжкий урон миссии священнослужителей. Как провозглашает этот декрет, министр полиции может отметить обязанность священнослужителей хранить тайну исповеди.

Наше обязательство хранить профессиональную тайну устанавливается не только юридическим законом, оно всегда было основополагающим условием деятельности церкви и священнослужителей, когда они пекутся о душах людей и принимают исповедь от людей в несчастье. Неизменным условием деятельности церкви является то, что человек должен испытывать абсолютное и неограниченное доверие к священнику, который без всяких оговорок связан своим обязательством хранить профессиональную тайну. Такое обязательство сформулировано в норвежском законодательстве, а также записано в догматах церкви во все времена и во всех христианских странах.

Ликвидировать эту заповедь совести — значит нанести удар в самое сердце церкви. Такой удар тем более чувствителен, что, как предусматривает параграф 5 декрета, министр может арестовать священника, чтобы вынудить его раскрыть тайну исповеди, но при этом не возникает речь о передаче дела в суд».

Все это происходило на протяжении первого года оккупации. Уже на этом этапе высшие представители духовной власти в Норвегии оказались в положении, когда они вынуждены были не только протестовать по поводу особенно нетерпимых проявлений, но и выносить свой обвинительный приговор всему комплексу методов оккупации. Такое обвинение содержится на странице 16 епископского послания:

«На этом основании епископы Церкви обращают внимание министра на некоторые действия и официальные провозглашения, связанные с тем, как наше общество управляется в последнее время. Церковь считает, что указанные действия и провозглашения противоречат заповедям господним и создают впечатление того, что в стране действуют условия революции, а не состояние оккупации, при котором законы должны соблюдаться, если они не оказываются прямо несовместимы с данным состоянием оккупации».

Здесь дан очень правильный юридический анализ. С разрешения Трибунала зачитаю последнюю фразу этого документа:

«Когда государственная власть в обществе допускает насилие и несправедливость и оказывает давление на души людей, тогда хранителем людской совести становится церковь. Человеческая душа более значима, чем весь мир».

В этой части своего выступления я буду говорить о фактах общего порядка, обоснованием их является доклад бельгийского правительства, который мои коллеги уже представили, РФ-394. Раздел доклада, к которому я сейчас обращаюсь, касается военной администрации в двух странах, Бельгии и Франции. Начну с досье о Бельгии.

В Бельгии узурпация национального суверенитета оккупационной властью осуществлялась военным командованием, которое действовало либо путем вынесения прямых декретов, либо путем предписаний, адресованных бельгийским административным властям, в данном случае таковыми являлись генеральные секретари министерств.

По вопросу о создании аппарата узурпации зачитаю Трибуналу выдержку из бельгийского доклада, из главы 4, посвященной германизации и нацификации страны:

«Когда законное правительство Бельгии выехало сначала во Францию, а затем в Лондон, именно генеральные секретари министерств, то есть высшие чиновники в иерархическом порядке, в силу статьи 5 закона от 10 мая 1940 года, осуществляли, в рамках своей профессиональной деятельности и в чрезвычайных обстоятельствах, все полномочия высшей власти».

Иными словами, эти высшие чиновники, которыми, по крайней мере на протяжении первых месяцев оккупации, двигало желание максимально возможным образом держать оккупационные власти вдали от управления страной, приняли на себя правительственные и административные функции. По приказу немцев такая административная власть со временем стала реальной законодательной властью.

Такой режим, установленный генеральными секретарями, удовлетворял немцев и те его приняли. Назначая на эти посты бельгийцев, которым они платили, немцы получили возможность провести в Бельгии под видимостью законности абсолютно радикальные реформы, которые должны были превратить эту страну в национал-социалистское вассальное государство.

Здесь интересно отметить, что с целью усилить свое влияние на жизнь страны, действуя через местные власти, немцы декретом от 14 мая 1942 года отменили надзор за законностью приказов генеральных секретарей, что является нарушением статьи 107 Конституции Бельгии. В докладе бельгийского правительства говорится:

«В заключение следует отметить, что не имеет значения, является ли трансформация юридических институтов в Бельгии следствием германских декретов или приказов, исходивших от генеральных секретарей. Именно немцы несут ответственность за такие изменения, генеральные же секретари выступали в качестве преданных немецких агентов, выполнявших инструкции немцев».

Далее в докладе идет речь о характерных для немцев методах захвата суверенитета:

«Если есть необходимость привести новые аргументы в поддержку этого тезиса, то достаточно вспомнить, что оккупационная власть прибегала к любым средствам, чтобы ввести в структуру, которая подлежала трансформации, во все эшелоны власти, сверху донизу, преданных агентов национал-социализма.

Декрет от 7 марта 1941 года, под предлогом того, что в администрацию должны придти более молодые люди, предусматривал смещение большого числа чиновников. Естественно, их сменяли германофилы.

И, наконец, немцы поставили во главе министерства внутренних дел одного из своих самых преданных агентов, который присвоил себе право, как мы увидим в последующем, назначать членов муниципалитета, постоянных депутатов, бургомистров и т. п. и использовал свои права для назначений определенных лиц в районные комиссариаты.

Теперь я перехожу к разделу об общих вопросах военного управления на примере двух стран — Бельгии и Франции. Начну с Бельгии. Доклад бельгийского правительства дает очень подробный анализ всех нарушений, которые были совершены немцами в отношении бельгийского общественного порядка, подразделяя их на две категории. Первая озаглавлена: «Изменения, которые были внесены в конституционную систему, существовавшую до сего времени». Сюда относятся: декрет от 18 июля 1940 г., который запрещал всякую общественную деятельность, а также целая серия декретов, которыми немцы отменяли выборность должностных лиц муниципалитетов, в частности мэров городов, и устанавливали порядок назначения их центральной властью.

Это явилось нарушением всей традиционной демократической системы местного самоуправления.

Аналогичным образом, в нарушение статьи 3 конституции Бельгии, немцы декретом от 26 января 1943 года отдали приказ о поглощении многочисленных общин крупными городскими районами.

Далее в докладе упоминается освобождение от налогов, что в нарушение Конституции распространяется на лиц, находящихся на службе в германской армии или в войсках СС. В этом мы видим еще один пример того, как немцы, действуя как преступными, так и общими методами, осуществляли набор в армию в оккупированных странах.

Из доклада также видно, что немцы проводили преступную практику принудительного набора граждан оккупированной страны в армию.

Вторая категория в данном докладе озаглавлена: «Внедрение в общественную жизнь Бельгии новых государственных и других учреждений в национал-социалистском духе». Такие учреждения в действительности были созданы немецкими властями. Наиболее известными орга-

низациями являются Национальная корпорация сельского хозяйства и снабжения продуктами питания, а также Центральное товарное бюро. В докладе анализируется характер этих организаций и доказывается, что они посягали на традиционные свободы. Эти органы были созданы в тоталитарном духе, где принцип фюрерства находит свое яркое применение, как это мы видели при анализе аналогичных учреждений в Нидерландах.

В заключительной части бельгийского доклада по вопросу о германизации говорится: «Мы полагаем, что теперь на основании вышеизложенного вполне установлено, что конституция и законы бельгийского народа сознательно нарушались оккупационными германскими властями и это делалось не с целью обеспечения собственной безопасности в стране, что было бы понятно, а с ловко задуманным, заранее предусмотренным намерением превратить Бельгию в национал-социалистское государство, которое может быть аннексировано, так как два соседствующих национал-социалистских государства обязательно объединятся, причем более сильное поглотит слабое».

Режим в Бельгии постоянно был связан с режимом во Франции, поэтому замечания, сделанные в отношении Бельгии, в одинаковой степени относятся и к Франции. Однако я хотел бы сейчас отметить те злоупотребления, которые немцы совершали в отношении бельгийских университетов.

Здесь мы сталкиваемся с тем же явлением — ярко выраженной враждебностью нацистов к культурным центрам. Эта враждебность особенно наглядно проявилась в отношении к четырем крупнейшим бельгийским университетам, хранящим столь прекрасные традиции духовной жизни.

Сначала я должен отметить, что в университете Гента немцы проводили особую пропаганду среди студентов с целью германизировать молодое поколение. Они использовали для этой цели организацию, называемую «Союз студентов Гента», однако их усилия дать развитие этой организации не увенчались успехом.

В Бельгии обнаружен отчет одного из таких «приглашенных» профессоров. Из этого отчета видно, какие методы применялись, и насколько полным провалом завершились попытки немцев оказывать влияние на студентов.

Нацисты установили подлинную систему шпионажа, используя для этого так называемых «приглашенных» германских профессоров, якобы приглашенных, которые выступали в роли нацистских агентов и шпионов.

Во всех университетах немцы арестовывали и угоняли профессоров и студентов, особенно часто в тех случаях, когда студенты совершенно справедливо отказывались выполнять незаконные приказы немцев, принуждавшие их нести трудовую повинность.

Что касается Брюссельского университета, то необходимо отметить, что с самого начала сюда был назначен

германский уполномоченный. 14 профессоров были незаконно отстранены от преподавания. В последующем Брюссельский университет вынужден был прекратить занятия, этому предшествовал характерный инцидент:

В связи с вакансиями трех профессорских должностей на кафедрах университета немцы отказались утвердить назначение кандидатов, предложенных обычным путем, и решили, что они назначат тех профессоров, позиции которых им подходят. Это ясно указывает на широко применявшийся немцами метод во все вмешиваться и повсюду назначать на должности лиц, находящихся под их влиянием.

22 ноября 1941 года германская военная администрация уведомила об этом решении ректора университета. В результате университет решил объявить своего рода стачку, и, невзирая на все меры, принимавшиеся немцами, эта стачка в Брюссельском университете продолжалась вплоть до освобождения. От ректора немцы потребовали списки студентов и профессоров, которые отказывались выполнять требуемую оккупантами работу...

Я прошу Трибунал принять книгу документов, являющихся доказательствами ликвидации нацистами суверенитета Франции.

Франция, так же как и Бельгия, находилась под властью военной оккупационной администрации. Помимо этого, во Франции существовало дипломатическое представительство. Наконец, следует указать на полицейскую администрацию, которая всегда играла важную и непрестанно возрастающую роль в период, следующий после назначения генерала Оберга в 1942 году.

В последней части своего доклада об узурпации суверенитета я хотел бы ограничиться упоминанием о ряде особенностей, присущих захватническим актам во Франции, и о ряде специфических для этой страны средств, использованных немцами, так как об остальном уже подробно говорилось ранее и я сам буду еще говорить в дальнейшем о последствиях германских действий во Франции.

Я хотел бы привлечь внимание Трибунала к четырем моментам.

Германские власти во Франции с самого начала с помощью особых мер добились лишения Франции суверенитета. Я имею в виду разделение страны на пять различных зон. Это разделение страны, произведенное немцами, в определенной мере компенсировало для них ту особую ситуацию, которая создавалась наличием неоккупированных французских территорий.

Как я уже указывал, Соглашение о перемирии от 22 июня предусматривало создание демаркационной линии между оккупированной зоной и так называемой неоккупированной зоной. Во время заключения соглашения, возможно, предполагалось, что эта демаркационная линия между оккупированной и неоккупированной зонами была

проведена главным образом для нужд военных передвижений в оккупированной зоне. Можно было также придти к выводу, что разделение зон будет проявляться только через осуществление в оккупированной зоне обычных прав вооруженной силы, осуществившей оккупацию. Я уже имел случай процитировать Трибуналу показания Леона Ноэля, в которых приводятся устные заверения в этом отношении, исходившие от Кейтеля и генерала Иодля, подсудимых на данном процессе.

Теперь же, фактически, демаркационная линия истолковывалась и применялась крайне ревностно, причем так, как это никак нельзя было предвидеть. Мы уже видели, какие далеко идущие последствия это имело для экономической жизни страны. Имелись также серьезные последствия с точки зрения местной администрации.

Население только ценой преодоления значительных трудностей могло переезжать из одной части французской территории в другую. Немцы, выдававшие пропуска на переезд, получили, таким образом, средство давления на французские власти. Это средство давления было тем более выгодным, что оно могло быть постоянно использовано и было весьма разнообразным.

Порой немцы могли менее строго применять правила разделения зон, в другое время могли осуществлять эти правила с крайней суровостью.

В качестве примера процитирую выдержку из документа, который представляю в качестве доказательства под номером РФ-1051.

Этот документ представляет собой письмо от 20 декабря 1941 года, адресованное Шлейером, сотрудником немецкого посольства, делегату Франции Де Бринону. В письме идет речь о выдаче пропусков германским гражданам, желающим выехать в неоккупированную зону. Французские власти, представляющие правительство де-факто, выступили с протестом по поводу того обстоятельства, что немцы вынуждали французские власти разрешать любому лицу, обладающему немецкими пропусками, въезжать в неоккупированную зону, где они могли, как можно себе вообразить, заняться любой деятельностью, включая шпионаж.

Письмо, которое я привожу, является ответом на этот французский протест. Хочу привести лишь последний абзац:

«В случае, если французское правительство будет создавать трудности в связи с просьбами о пропусках, подаваемыми с одобрения немцев, то в последующем более не будет возможности проявлять то же благоволение, которое выказывалось до сих пор в связи с выдачей пропусков французским гражданам».

Сказанное мною выше является лишь первым моментом, связанным с разделением страны. Первое разделение все же основывалось на документе — соглашении о пере-

мирии, хотя положения этого документа были превышены и могут быть оспорены.

Что же касается других разделений, о которых я буду говорить далее, то они были просто навязаны немцами без какого бы то ни было предупреждения и без ссылки на какой-либо правдоподобный предлог.

Я хочу напомнить, что немцы прежде всего отделили от остальной части Франции департаменты Верхнего и Нижнего Рейна и Мозеля, присоединив их к германской империи. Потом присоединили департаменты Нор и Па-де-Кале к зоне германской военной администрации в Бельгии.

Об этом факте свидетельствуют заголовки декретов германского военного командования, представленные Трибуналу в бельгийской «Официальной газете». Данное разделение существовало не только с точки зрения администрации германского военного командования, но признавалось и французской администрацией. Французская администрация продолжала существовать в указанных департаментах, но связи ее с центром были крайне затруднены.

В этой связи хочу привести документ РФ-1052. Это письмо от 17 сентября 1941 года, в котором сообщается о решении верховного командования германской армии не удовлетворять просьбу об установлении прямой телеграфной связи между правительством Виши и двумя северными департаментами.

Затем немцы создали внутри неоккупированной зоны так называемую запретную зону.

Создание такой запретной зоны наверняка соответствует будущим планам немцев по аннексированию более крупных территорий Франции. В начале своего выступления я представлял документы в этой связи. В этой запретной зоне не было каких-либо специальных административных правил, но для въезда и выезда из нее требовалось специальное разрешение. Возвращение в эту зону лиц, которые оставили ее ранее с тем, чтобы укрыться в других районах, могло осуществляться лишь постепенно и было связано со значительными трудностями.

Осуществление административных и экономических связей между указанными зонами было постоянно затруднено.

Этот факт хорошо известен. Все же я хочу привести в качестве примера один документ, и представляю его под номером РФ-1053. Это письмо от 22 ноября 1941 года, адресованное французской делегации. Я лишь кратко сошлюсь на его содержание, сказав, что германское командование соглашалось разрешать министрам правительства де-факто ездить в оккупированную зону, но отказывалось давать им разрешение ездить в запретную зону.

Желая дать Трибуналу возможность представить себе ситуацию в этих пяти зонах, я приложил к книге документов карту Франции, на которую нанесены указанные границы. Карта Франции имеет номер РФ-1054, но я не считаю

необходимым представлять ее в качестве документального доказательства. Я просто хотел, чтобы Трибунал имел возможность по карте проследить, как Франция была разделена на аннексированные департаменты и различные зоны и где проходили границы. Кстати говоря, данная карта является репродукцией карты, которая была опубликована во время оккупации издателями Жираром и Барером и продавалась в то время в Париже.

Для того чтобы закончить с вопросом о разделе французской территории на зоны, я хотел напомнить Трибуналу, что 11 ноября 1942 г. германские вооруженные силы вторглись в так называемую неоккупированную зону.

Германские власти заявили тогда, что они не имеют намерения устанавливать в этой зоне военный оккупационный режим и что эта зона является так называемой «зоной операции». Но германские власти вообще не соблюдали никаких правил, установленных ими самими как для разных зон, так и для оккупированной территории.

Доказательства таких правовых нарушений в так называемой «операционной зоне» уже приводились в ряде случаев и вновь будут приводиться позднее в заключительной части настоящего выступления.

Указанное разделение Франции несло с собой неудобства, которые легко представить себе, когда речь идет о стране не слишком большой протяженности, жизнь которой весьма централизована. Помимо этого хочу указать, что существовала вторая форма лишения Франции суверенитета, которая заключалась в установлении контроля со стороны немцев над законодательными актами правительства де-факто во Франции.

Германская военная администрация, в соответствии со своей доктриной, через издаваемые ею декреты, естественно, осуществляла реальную законодательную власть по отношению к французам. С другой стороны, — и именно на это обстоятельство я хочу сейчас обратить внимание — немцы делали вид, что признают суверенитет французской власти, и по отношению к этой власти они осуществляли настоящую законодательную цензуру. Я представлю несколько документов в качестве примеров и доказательств этого факта.

Первый документ, который я предъявляю под номером РФ-1055, — письмо командующего вооруженными силами во Франции уполномоченному французского правительства при командовании германских вооруженных сил во Франции. Это письмо датировано 29 декабря 1941 г. и подписано доктором Бестом, который выполнял впоследствии в Дании и дипломатические, и полицейские функции. Я думаю, что нет необходимости оглашать текст этого письма, я оглашу лишь заголовок: «Тема: Проект закона о французском бюджете на 1942 год, а также нового французского финансового закона».

Германские власти считали, что они обладают достаточными правами для того, чтобы устанавливать бюджет французского правительства. Они не только вносили изме-

нения в текст подготовленных правительством де-факто законов, но и давали указания в безоговорочной форме...

Третья форма лишения Франции суверенитета, использованная немцами, заключалась во вмешательстве при назначении на должности и при повышении чиновников в ранге. В качестве доказательства я предъявляю под номером РФ-1056 письмо командующего фон Штюльпнагеля де Бринону от 23 сентября 1941 г. Это письмо содержит различные замечания по вопросу о саботаже при уборке урожая и затруднениях в снабжении продовольствием. Я оглашу лишь последний абзац этого документа.

«В связи с этим я решительно требую, чтобы под единым руководством были быстро приняты меры, чтобы обеспечить снабжение населения продовольствием, а это мне представляется осуществимым лишь при условии, если энергичный и компетентный человек возьмет на себя руководство двумя министерствами».

По вопросу о контролировании назначений я представляю документ РФ-1057. Это письмо военного командования, датированное 29 ноября 1941 года. Я просто изложу содержание этого документа, указав на то, что германские власти возражали против назначения председателя Комитета связи по производству свекольного сахара. Таким образом, вы видите, как мало это относится к военным нуждам.

Я предъявляю далее документ РФ-1058, который также является письмом военного командования. Это краткое письмо, и я оглашу его:

«Прошу вас принять необходимые меры для того, чтобы супрефект Сен-Кентона господин Планакасань был освобожден от своих обязанностей и заменен так скоро, как это представится возможным, чиновником, осведомленным в вопросах, связанных с выполнением этой должности.

Господин Планакасань не находится на высоте положения при выполнении своих функций».

Теперь я оглашу документ более общего характера. Я предъявляю документ РФ-1059, который является секретным циркуляром от 10 мая 1942 г., адресованным военным командованием (административное управление штаба) всем главным комендатурам. Мы обнаружили на этом документе подпись доктора Беста.

«Контроль над французской политикой в вопросе о назначении чиновников на оккупированных территориях.

Изменения в составе французского правительства создают определенную возможность оказывать положительное влияние на французскую политику в вопросе о назначении чиновников на оккупированных территориях.

Поэтому я прошу вас указать тех высших французских чиновников, которых, с германской точки зрения, представляется возможным в первую очередь использовать и чьи фамилии могут быть сообщены французскому правительству, когда будет производиться назначение должностных лиц на ответственные посты».

Здесь мы видим, как далеко простирались щупальцы германского контроля и германской узурпации.

Представляю теперь документ РФ-1060. Это допрос Отто Абеця, являвшегося немецким послом во Франции. Допрос производился 17 ноября 1945 года комиссарами Берж и Саула в Генеральном информационном бюро в Париже. Этот документ подтверждает факт вмешательства немцев во французскую администрацию и содержит детали, свидетельствующие о том, что имело место дублирование такого контроля со стороны военного командующего и гестапо. Цитирую:

«Военный командующий во Франции, исходя из различных международно-правовых конвенций», — нужно учесть, что это высказывается Отто Абец, и нет необходимости указывать на то, что мы ни в коей мере не принимаем его концепции международного права, — «считал себя ответственным лицом и верховным судьей по вопросам поддержания порядка и сохранения общественной безопасности в оккупированной зоне. Основываясь на этом, он присвоил себе право давать свое одобрение в связи с назначением всех французских чиновников на различные посты в оккупированной зоне, равно как и в связи с сохранением ими этих постов. Что касается чиновников, проживавших в свободной зоне, которые в связи с выполнением ими своих обязанностей вынуждены были в последующем осуществлять их в оккупированной зоне, то военный командующий подчеркивал также необходимость давать свое одобрение на их назначение. На практике же военный командующий использовал заявленное им таким образом право только в случаях назначения чиновников, причем исключительно в смысле права вето, то есть он не вмешивался в процедуру отбора чиновников, подлежащих назначению, и ограничивался тем, что давал комментарии по некоторым из предлагавшихся фамилий. Эти комментарии основывались на информации, которую военный командующий получал от своих региональных и местных командующих, от своих различных административных и экономических ведомств в Париже, а также от полиции и гестапо, которые на том этапе все еще находились в ведении военного командующего.

Начиная с 11 ноября 1942 года в результате оккупации свободной зоны это положение вещей изменилось. Германские военные власти, расквартированные в этой зоне, потребовали предоставления им возможности высказывать свое мнение по поводу назначения чиновников во всех случаях, когда такое назначение могло быть связано с безопасностью германской армии. В свою очередь гестапо в этих двух зонах добилось фактической независимости по отношению к региональным и местным военачальникам и по отношению к военному командующему. Гестапо стало претендовать на право вмешиваться в связи с любым назначением, если такое назначение могло повлиять на выполнение гестапо своих полицейских функций.

С ноября 1942 года по декабрь 1943 года я был отозван в Германию и лично не мог быть свидетелем конфликтов, к которым привело такое положение вещей. Эти конфликты не могли не скомпрометировать самым сильным обра-

зом так называемый суверенитет правительства Виши. Когда я возвратился во Францию, то нашел ситуацию значительно ухудшившейся, так как гестапо, как в оккупированной, так и в неоккупированной зонах, присвоило себе право ставить назначение префектов полиции в зависимости от своего согласия. Гестапо зашло настолько далеко, что само стало предлагать тех чиновников, которые должны были назначаться французским правительством. При моей поддержке военный командующий вновь стал бороться против этих неправомерных требований, ему частично удалось восстановить ту ситуацию, которая существовала до ноября 1942 года...»

Зачитанный мною документ знаменует переход к четвертой теме, которую я хотел бы изложить Трибуналу. В этой связи хочу подчеркнуть, что различные органы, осуществлявшие узурпацию суверенитета Франции, то есть военное командование, посольство и полиция, тесно сотрудничали между собой. К вопросу о последней я возвращусь в дальнейшем, а сейчас я предъявляю Трибуналу документ под номером РФ-1061, ПС-3614, о назначении Отто Абеца послом.

«Министерство иностранных дел, 3 августа 1940 г.

В ответ на запрос генерал-квартирмейстера, адресованный верховному командованию вооруженных сил и переданный последним в министерство иностранных дел, фюрер назначил Абеца, имеющего ранг министра, послом и в соответствии с моим докладом приказал нижеследующее:

1. Посол Абец должен выполнять во Франции следующие функции:

а) быть политическим советником военных органов;

б) поддерживать постоянный контакт с правительством Виши и представителем этого правительства в оккупированной зоне;

в) оказывать влияние в благоприятном для нас направлении на важнейших политических деятелей в оккупированной и неоккупированной зонах;

г) осуществлять политическое руководство прессой, радио и пропагандой в оккупированной зоне и оказывать влияние на лиц, которые отвечают за создание общественного мнения в неоккупированной зоне;

д) заниматься вопросом о германских, французских и бельгийских гражданах, возвращающихся из концентрационных лагерей;

е) являться советником тайной военной полиции и государственной тайной полиции в вопросе о получении документов, имеющих политическое значение;

ж) обеспечить сохранность всех принадлежавших государству и частным лицам произведений искусства, имеющих значительную ценность, и, в частности, произведений искусства, принадлежавших евреям, в соответствии со специальными инструкциями, которые были даны по этому вопросу.

2. Фюрер приказал в совершенно определенной форме, чтобы только Абец был ответственным во всех

политических вопросах в оккупированной и неоккупированной Франции. В тех случаях, когда функции посла Абеца будут затрагивать военные интересы, он будет действовать лишь в согласии с военным командованием во Франции.

3. Посол Абец уполномочивается быть представителем фюрера при военном командовании во Франции. Он будет проживать в Париже, как и до настоящего времени. Он получит от меня инструкции для выполнения своей миссии и будет нести ответственность только и непосредственно передо мной.

Я буду весьма признателен, если верховное командование вооруженных сил (ОКВ) отдаст необходимые приказы соответствующим военным органам в максимально короткий срок.

Риббентроп».

Этот документ свидетельствует о тесном сотрудничестве между военным командованием и министерством иностранных дел.

Прошу теперь Трибунал обратиться в досье к разделу 3, посвященному идеологической германизации и пропаганде.

Когда я имел случай говорить Трибуналу о принудительном использовании рабочей силы и об экономическом разграблении, я указывал на то, что немцы забрали из оккупированных стран все имевшиеся там рабочие руки, товары и сырье. Они выкачивали из этих стран все их резервы. По отношению к интеллектуальным и моральным ресурсам немцы действовали точно таким же образом. Они ставили своей задачей захватить и устранить духовные резервы. Выражение «духовные резервы», представляющие огромное значение, не является изобретением обвинения. Я позаимствовал его у самих немцев. Я уже приводил Трибуналу выдержку из труда, который был представлен в качестве документа под номером РФ-5. Это — книга, опубликованная в Берлине нацистской партией. Автором ее является доктор Фридрих Дидьер. Название этой книги — «Работа для Европы». В ней имеется предисловие, написанное подсудимым Заукелем. Цитата, которую я хочу привести, находится на странице 1100 подборки документов. В книге имеется раздел, озаглавленный «Идеологическое руководство и социальная помощь». В ней автор рассматривает вопрос об идеологическом руководстве иностранными рабочими, которых миллионами насильственно доставляли в рейх. Такое внимание к идеологическому руководству в отношении столь важного элемента населения оккупированных стран примечательно уже само по себе. С другой стороны, очевидно, что эта озабоченность носит общий характер и распространяется на всех жителей оккупированных территорий, автор же в данном случае просто ограничил себя данным предметом. Я выбрал эту цитату, чтобы начать свой раздел, потому что она, как мне представляется, особенно удачно дает представление о германских планах по поводу пропаганды.

На странице 69 указанной книги, уже представленной в качестве доказательства, написано:

«Проблема идеологического руководства иностранным рабочим не столь же проста, как идеологическое руководство работающим рядом с ним немецким рабочим. Когда нанимаешь на работу иностранца, то гораздо больше внимания следует уделять устранению его психологических несовместимостей. Иностранцу необходимо привыкнуть к незнакомому окружению. Его идеологические сомнения, если у него таковые имеются, следует рассеять. Психологические установки граждан бывших вражеских государств следует опровергать столь же решительно, как и последствия иностранных мировоззрений».

В оккупированных странах немцы принимали меры для того, чтобы лишить каждого человека его психологических ресурсов и устранить имевшееся у него мировоззрение с целью навязать ему взамен концепцию нацизма. Такова была цель пропаганды. Такая пропаганда уже была введена в Германии и осуществлялась там неуклонно. Из процитированной статьи мы видим, что имела место также и озабоченность по поводу идеологического руководства немецким рабочим, хотя эта задача представлялась автору более простой. Когда мы сегодня говорим о нацистской пропаганде, то нередко испытываем соблазн преуменьшать значение такой пропаганды. Для недооценки значения такой пропаганды основания имеются, но это ложные основания. С одной стороны, когда мы рассматриваем пропагандистские работы и темы, нас нередко поражает их прямолинейность, их очевидная лживость, их ничтожество с интеллектуальной и художественной точек зрения. Однако, нельзя забывать и того, что нацистская пропаганда использовала все средства, как самые прямолинейные, так и более тонкие и нередко умелые методы. Существует и другая точка зрения — именно самые прямолинейные утверждения производят наибольшее впечатление на некоторые недалекие умы.

И, наконец, мы не должны забывать, что, если бы немцы выиграли войну, то эти описания, эти фильмы, которые мы находим нелепыми, в будущем составляли бы нашу основную, а вскоре и единственную духовную пищу.

Мы часто слышим и другое высказывание, а именно, что немецкая пропаганда достигла весьма слабых результатов. Действительно, эти результаты крайне незначительны, особенно если принять во внимание те средства, которые находились в распоряжении этой пропаганды. Порабощенные народы не слушали немецкие новости и немецкие призывы. Они сопротивлялись. Но здесь опять-таки надо принимать во внимание то обстоятельство, что война продолжалась, что радиовещание стран, остававшихся свободными, вело великолепную контрпропаганду, и, наконец, то, что немцы со временем стали терпеть военные поражения.

Если бы события развивались иначе, то эта пропаганда, в конечном итоге, привела бы к молчаливому согласию со стороны наиболее важных элементов населения различных

стран, а это было бы еще хуже, чем само подавление. К счастью, только очень малое меньшинство в различных странах оказалось коррумпированным немецкой пропагандой, однако, сколь малым бы это меньшинство ни было, это для нас основание для печали и справедливых сетований.

Лозунги немецкой пропаганды представляются нам менее ребяческими и менее нелепыми, когда мы подумаем о тех немногочисленных несчастных людях, которые, под влиянием этой пропаганды, вступали в легионы или войска СС, чтобы сражаться против своей родины и против человечности. Некоторые из этих людей искупили свои преступления, погибнув в этих бесчестных сражениях либо осужденные за свои преступления. Именно нацистская пропаганда ответственна за смерть каждого из этих людей и за каждое из совершенных этими людьми преступлений.

И, наконец, мы не уверены, что сегодня точно представляем себе реальные последствия нацистской пропаганды. Мы не уверены, что способны оценить весь тот вред, который она нам нанесла. Нации подсчитывают свои видимые раны, однако пропаганда — это такой яд, который растворяется в психологическом организме и оставляет следы, не поддающиеся распознанию. В мире все еще существуют люди, которые, вследствие пропаганды, которой они подвергались, полагают, может быть, смутно, что имеют право презирать или ликвидировать другого человека на том основании, что этот человек еврей или коммунист. Люди, которые так считают, все еще остаются сообщниками нацизма — и одновременно они его жертвы.

Один из моих коллег продемонстрировал на процессе, что в то время как физическое здоровье оккупированных народов оказалось серьезно подорванным, их нравственное здоровье представляется более крепким. Однако за нравственным здоровьем народов придется озабоченно следить в течение какого-то времени в будущем.

По этим причинам французское обвинение считает, что в формулировке обвинения на данном процессе имеется место для раздела о духовной германизации и пропаганде. Такая пропаганда сама по себе является преступным предприятием. Это, согласно определению, данному господином де Ментоном, — нарушение условий духовной жизни, но одновременно это и средство и отягчающее обстоятельство всего комплекса преступных методов нацизма, так как такая пропаганда готовила успех нацистов и ей предстояло закрепить их успех. Сами немцы, как об этом свидетельствуют многочисленные цитаты, считали пропаганду одним из самых надежных видов оружия в тотальной войне. Более конкретно, мы рассматриваем пропаганду в данное время как средство и как один из аспектов германизации. Мне следует добавить, что немецкая пропаганда постоянно развивалась в течение многих лет и распространялась на значительных территориях. Она проявлялась в крайне разнообразных формах. Поэтому нам остается только вычле-

нить некоторые из ее основных характерных черт и просто процитировать несколько характерных документов, подходя к этому главным образом с позиции ответственности определенных лиц и определенных организаций.

В течение длительного периода времени рейх создавал официальные службы пропаганды в ведомстве министерского типа, созданном еще в 1933 году и получившим название Министерства общественного просвещения и пропаганды, которое возглавил Геббельс, а подсудимый Фриче выполнял там важные задачи. Однако это министерство и его подразделения были не единственными органами, ответственными за вопросы пропаганды. Мы докажем, что в равной степени за пропаганду несут ответственность министр и министерство иностранных дел. Мы также докажем, что активную роль в пропаганде играла партия.

И, наконец, я упоминал здесь о том, что в оккупированных странах военные командования создавали органы пропаганды и проявляли большую активность. Этот факт следует присовокупить ко всем фактам, свидетельствующим о том, что германское военное командование осуществляло власть, весьма отличающуюся от той, которая при нормальных условиях считается военной властью. Путем такого ненормального расширения своей деятельности военачальники и высшее командование, в дополнение к преступлениям, совершавшимся ими в рамках их прямой компетенции, совершали действия, дающие основания для обвинения в совместной ответственности.

Немецкую пропаганду всегда отличают два дополняющих друг друга аспекта: негативный аспект и позитивный аспект. Негативный аспект или, в определенном смысле, разрушительный аспект заключается в запрещении или ограничении определенных свобод, определенных интеллектуальных возможностей, имевшихся ранее. Позитивный аспект заключается в создании документов или механизмов пропаганды, в распространении пропаганды, в принудительном проникновении ее в глаза, в уши, в мозг. Один специалист уже говорил, что у пропаганды два различных голоса: голос, отрицающий правду, и голос, произносящий ложь. Такая двойственность «ограничивающей» пропаганды и «конструктивной» пропаганды существует в различных сферах выражения мысли.

Теперь я упомяну о мерах, принимавшихся немцами по отношению к собраниям и объединениям. Немецкие власти всегда принимали меры к тому, чтобы в оккупированных странах ликвидировать право на собрания и право на объединения. Здесь нас интересует вопрос как политических прав, так и мировоззрения. Во Франции декретом от 21 августа 1940 г., опубликованном в официальном вестнике немецких декретов от 16 сентября 1940 года, запрещались любые собрания и объединения без разрешения немецкой военной администрации.

Не следует думать, что немцы применяли таким образом свою власть только по отношению к объединениям или группам, которые были к ним враждебны, или хотя бы преследовали политические цели. Немцы стремились по-

мешать распространению любого интеллектуального или нравственного влияния, которое не находилось бы в непосредственном их подчинении. В этой связи я представляю Трибуналу, в качестве примера, документ РФ-1101, представляющий собой письмо командующего от 13 декабря 1941 года, адресованное представителю французского правительства. В письме речь идет о молодежных группах. Даже в вопросах создания объединений или групп, которые, как намечалось, должны были иметь общественный характер, немецкие власти давали свою санкцию только при том условии, что сохранят возможность не только осуществлять контроль над этими организациями, но и смогут через эти организации оказывать реальное влияние.

Зачитаю первый абзац этого документа :

«Генеральный секретариат по делам молодежи проинформировал нас письмом от 11 ноября 1941 года о своем намерении создать так называемые молодежные центры, задачей которых будет давать молодежи гражданское воспитание и ограждать ее от морального разложения, которое ей угрожает. Создание таких социальных молодежных центров, равно как и организация молодежных лагерей, должны санкционироваться командующим военными силами во Франции. Представляется, что для того, чтобы иметь возможность принять окончательное решение по вопросу создания этих социальных центров, необходимо располагать более подробной информацией, в частности, о людях, которые будут нести ответственность за эти центры в различных общинах, о позициях, которые будут превалировать при отборе руководителей таких центров, об основных категориях молодежи, которые будут направляться в эти центры, и о подробных планах относительно предполагаемого обучения и воспитания этих молодых людей...

Немецкие власти 30 августа 1940 г. издали приказ, опубликованный в официальном сборнике «Правительственный вестник» от 16 сентября, запрещающий выпуск некоторых школьных учебников во Франции. Таким же образом они действовали и в Бельгии. Следующим мероприятием немцев было запрещение книг, которые им не подходили. В документе РФ-1103 содержится список «Отто», опубликованный в сентябре 1940 года, который содержит 1074 наименования книг, запрещенных немцами.

Второй список «Отто», еще более длинный, был опубликован 8 июля 1942 г. Он приведен в документе РФ-1104.

В конце этого документа имеется текст, где четко изложены принципы, на основании которых работали немецкие власти. Зачитываю несколько строк:

«Существует принцип — снимать с продажи все переводы английских книг, за исключением английских классиков». И далее: «Все книги, авторами которых являются евреи, равно как и книги, в подготовке которых принимали участие евреи, должны сниматься с продажи. Исключение составляют труды научного характера, в отношении которых предполагается предусмотреть особые меры. Отныне

должны быть сняты с продажи биографии евреев, даже если биографами являются французы-арийцы, например биографии музыкантов-евреев Оффенбаха, Мейербера, Дариуса Мило и так далее».

Первоначально такая процедура могла показаться достаточно безобидной, так как речь шла всего примерно о 1200 книгах, однако нетрудно представить себе, какое значение имел самый принцип. Таким способом немецкие власти добились того практического результата, к которому стремились — в первую очередь, помимо запретов иного рода, речь шла о полном исчезновении серьезных и объективных работ, которые давали бы возможность изучать немецкие доктрины, политику Германии и идеологию нацизма.

Помимо наложения запрета на уже изданные труды, немцы, естественно, установили цензуру. Первоначально они действовали завуалированным способом — заключали с издателями своего рода соглашения, в силу которых сами издатели несли ответственность за выявление тех книг, которые, по их мнению, следовало подвергнуть цензуре. Представляю это соглашение о цензуре в качестве документа РФ-1105. Хочу, не зачитывая этого документа, обратить внимание только на одно обстоятельство, весьма характерное для метода, к которому неизменно прибегали немцы.

В отпечатанной типографским способом брошюре представляется Трибуналу — помимо текста самого соглашения, помещено объявление, составленное в выражениях, не являющихся отражением чувств французов. Это объявление было составлено не издателями, которым само соглашение было навязано, оно было составлено немцами и опубликовано в той же брошюре, на которой напечатано: «Национальный синдикат издателей», с тем, чтобы у читателя могло создаться впечатление, что французские издатели согласны с выражениями, встречающимися в данном вводном тексте. В сущности, внимательному читателю стоило только обратить внимание на то, что на брошюре не указано, кто печатал брошюру, чтобы понять, что он держит в руках немецкую публикацию, а не публикацию, выпущенную в свет французскими издателями, так как только на немцев не распространялось французское правило, согласно которому на публикациях должно указываться имя владельца типографии.

Немцы не ограничились описанной процедурой, которая, как представляется, была довольно либеральной. Позднее в официальном периодическом издании «Правительственный вестник» от 13 мая был опубликован декрет от 27 апреля 1942 года, озаглавленный «О рациональном использовании типографской бумаги». Этот декрет предусматривал, под предлогом рационального использования бумаги, что все без исключения публикации должны иметь номер соответствующего немецкого разрешения.

В дополнение хочу указать на то, что, взяв под свой контроль бумагу, немцы получили весьма эффективное

оружие, с помощью которого им удавалось преграждать путь французским публикациям. Представляю документ РФ-1106, аффидевит господина Марселя Ривеса, директора управления внутренней торговли министерства промышленного производства. Желая сократить свое выступление, не буду зачитывать этот документ. Скажу вкратце, что, как явствует из этого документа, распределение имеющихся запасов бумаги производилось исключительно под контролем немцев, причем немцы сокращали количество бумаги, предоставляемой в распоряжение издателей, в более жесткой пропорции, превышавшей общее сокращение квот бумаги по сравнению с довоенной ситуацией.

Должен добавить, что определенную часть сокращенной квоты бумаги, выделяемой для французских издателей, немцы также использовали для собственных пропагандистских публикаций. Таким образом, для своей пропаганды они использовали не только бумагу, которой сами располагали в Германии, но также забирали часть от того небольшого объема бумаги, которая выделялась французским издателям. Я хотел бы в этой связи зачитать несколько строк из документа, представляющего собой приложение 2 к документу РФ-1106, только что представленному мною. Из этого приложения я зачитаю всего несколько строк Это письмо германского военного командования от 28 июня 1943 года, адресованное в министерство национальной экономики:

«Конкретно, на март, о котором вы упоминаете особо, не представилось возможным выделить издателям какое-либо количество бумаги из текущего производства, так как эта бумага необходима для неотложных задач пропаганды».

Другим аспектом деятельности немцев в издательской сфере фактически стало осуществление интенсивной пропаганды с помощью всякого рода брошюр и публикаций. Эта пропагандистская литература крайне скучна. Мне хотелось бы упомянуть лишь об одной детали, указывающей на метод камуфляжа, к которому постоянно прибегали нацисты. Передо мной здесь несколько немецких пропагандистских брошюр, которые я представлю, естественно, не зачитывая, в качестве документа номер РФ-1106 (бис). Первые несколько брошюр составляют серию под названием «Разоблаченная Англия». В первых номерах этой серии, взятых на выборку, на форзаце напечатано: «Германское управление информации, серия «Разоблаченная Англия», номер...» и так далее. Не делается никаких попыток скрыть что-то, и читатель знает, что держит в руках. Однако, по какой-то любопытной случайности, на брошюре номер 11 той же серии уже нет слов «Германское управление информации», взамен читаем «Международная издательская фирма, Брюссель». Но и в этом случае мы располагаем сведениями по поводу происхождения брошюры, так как ее автором значится Рейнгард Вольф, а это немецкие имя и фамилия.

В качестве последнего примера укажу на брошюру, озаглавленную «Пакт против Европы», которая также опубликована Международной издательской фирмой в Брюсселе, документ РФ-1106. Из знакомства с другими брошюрами нам известно, что данное издательство представляло собой фирму, приданную германскому управлению. Однако не столь хорошо осведомленные люди могли считать, что данная брошюра исходит от Франции или Бельгии, так как на сей раз автора зовут Жан Дубрей.

Я более не буду говорить об издательском деле, хотел бы сказать несколько слов о прессе. Общеизвестным фактом является то, что все газеты в оккупированных странах контролировались немцами, и что большая часть этих газет была основана по указанию немцев лицами, которым платили немцы. Так как эти факты хорошо известны, я не стану представлять документы по этому поводу, и ограничусь нижеследующими замечаниями:

Во-первых, запретительные меры — цензура. Хотя все эти газеты были практически «их» газетами, тем не менее нацисты подвергали их весьма строгой цензуре. Представляю в доказательство этого документ РФ-1108, сообщение о конференции, состоявшейся 8 января 1943 года. В ходе этой конференции были названы приказы о цензуре и определен режим цензуры.

С помощью этого документа я хотел бы указать на то, что немцы были озабочены учреждением более либерального режима цензуры. Однако из ознакомления с этим документом явствует, что почти все помещаемые в газетах информации о новостях и статьи подлежат цензуре, исключение составляют произведения, печатаемые с продолжением, обзоры фильмов и пьес, информация о науке или новости из университетов, радиопрограммы и ряд совершенно тривиальных тем.

О втором аспекте немецкого вмешательства, «рекомендательном» аспекте, можно судить по указаниям, которые получала пресса, указания же эти давались на информационных конференциях, таких как конференция, о которой я рассказал.

Представлю Трибуналу, не зачитывая их, ряд документов за номерами РФ-1109 — РФ-1120. Представляю эти документы в качестве доказательства не ради их содержания — они являются просто повторением немецкой пропаганды, — а просто как доказательство их существования, то есть того, что на прессу непрерывно оказывалось давление.

Мне бы хотелось, однако, рассказать, как это делалось. Конференции проводились либо на Елисейских полях, в управлении пропаганды, либо в германском посольстве. Представители прессы вызывались компетентными нацистскими чиновниками, от которых исходили распоряжения. По завершении конференции суть этих распоряжений излагалась в официальных сообщениях (пресс-релизах)

Французского управления информации. Трибуналу известно, что агентства рассылали сообщения в газеты для их информирования. Когда соответствующее агентство составляло сообщение, оно направлялось в немецкое управление для проверки, последнее ставило на сообщение свою печать. После этого информация могла рассылаться в газеты.

Я не собираюсь зачитывать материалы этих конференций и протоколы и записки агентства — это документы РФ-1109 и РФ-1120. Хотел бы огласить лишь очень короткий документ, представляемый под номером РФ-1121. Это протоколы конференции, проводившейся 16 апреля 1943 года в отделе пропаганды. Цитирую:

«В конце конференции немецкий комментатор заявил, что во вторник 20 апреля — день рождения фюрера — газеты выйдут на четырех страницах взамен двух, а в среду 21 апреля они выйдут на двух страницах взамен четырех. Он предложил присутствовавшим на пресс-конференции репортерам подчеркнуть европейскую ориентацию политической личности фюрера и самым благоприятным образом освещать франко-германский договор. Как он отметил, при этом следует проявлять большой такт и большую сдержанность, чтобы газеты не вызывали впечатления, что они уже не являются французскими газетами, и не шокировали этим общественное мнение».

Я не упускаю из внимания того обстоятельства, что мы являемся участниками уголовного процесса и должны отбирать из весьма разнообразных фактов, которые нам надлежит представить, те элементы, которые характеризуются наличием умысла и осуществлением деяния, осуждаемого уголовным законом. С учетом этого, цитирую документ РФ-1124, и представляю его в качестве доказательства. Речь в нем идет о попытке привлечь французов в армию противника. Статья 75 французского УК предусматривает, что такое действие является преступлением. Я также припоминаю, что, согласно теории права, за совершение преступлений такого рода могут даже привлекаться граждане страны-противника. Зачитываю этот весьма короткий документ:

«В завершение конференции по военным вопросам доктор Эйх объявил, что сегодня во второй половине дня радиостанция О.Ф.К. передаст в эфир статью, посвященную необходимости включать французских моряков в состав германского военно-морского флота. Эйх предложил газетам добавить к этому тексту комментарии, в которых, например, могла бы быть рассмотрена следующая тема: «Быть моряком — значит иметь профессию».

И, в заключение, считаю необходимым указать, что, помимо собственно конференций, проводились также так называемые конференции по вопросам культуры, на которых немцы отдавали свои приказы по любым вопросам. Хотел бы зачитать несколько очень кратких выдержек из протоколов одной из таких конференций по вопросам культуры, с тем, чтобы показать, к какому общему притес-

нению приводило вмешательство немцев во все без исключения сферы. Представляю эти документы под номерами РФ-1125 и РФ-1126, зачитываю две фразы со страницы 1 документа РФ-1125 — это протоколы конференции, состоявшейся 22 апреля:

«Недавно были сделаны репродукции с картин Пикассо, невзирая на то, что ранее были даны указания противоположного характера.

Театр: Авторы некоторых публикаций в прессе сочли уместным хвалить оперетту «Дон Филиппе» в такой степени, что это создало неверное впечатление о том, как это произведение было воспринято широкой публикой. Это выходит за рамки допустимого».

Цитирую несколько ниже:

«Пресса оказала явно преувеличенную поддержку концертам джазовой музыки, в особенности концертам Фреда Юмбо. Такие публикации свидетельствуют об отсутствии такта, тем более, что концертам, представляющим истинную ценность, было в целом уделено очень мало внимания».

В заключение, в конце документа, имеется общее замечание, представляющее общий интерес:

«Если в прессе появляются фамилии выдающихся деятелей из мира науки, искусства и т. д., то следует указывать, что они имеют гражданство германского рейха в расширенных границах, если эти лица родились в любой из стран, которая была восстановлена в составе Германского рейха либо инкорпорирована в состав рейха».

Таким образом, мы видим, что даже при ассоциациях, которые могут показаться нам самыми причудливыми, мы находим доказательства воли осуществить германизацию, а также преступной воли лишить людей того гражданства, которые они имеют право сохранять.

Хочу теперь сказать несколько слов о кино. Немцы, надо отдать им справедливость, всегда понимали исключительное значение кино как средства пропаганды. Во Франции они посвятили этой теме семь распоряжений или декретов.

Немцы запрещали показ тех фильмов, к которым они относились с неодобрением.

Теперь я хотел бы представить документ, выходящий за пределы сферы чистой пропаганды. Это документ РФ-1146. Должен отметить, прежде всего, что в связи с радиовещанием немцы очевидным образом столкнулись с препятствием, которое в той же степени в других сферах не присутствовало. Это препятствие заключалось в радиопередачах, передававшихся свободными радиостанциями — как отметил вчера свидетель из Бельгии, эти радиопередачи с огромным энтузиазмом были встречены жителями оккупированных стран. Тогда у германского командования появилась мысль наказывать людей за слушание иностранных радиопередач. Военное командование настойчиво требует от французских властей ввести самые суровые меры наказания вплоть до смертной казни за распространение новостей, услышанных от иностранных радиослужб.

Я полагаю, что будет интересно представить документ, исходящий от военного командования и подписанный Штюльпнагелем. Я хотел бы огласить этот документ, представляемый нами под номером РФ-146:

«Французский закон от 28 октября 1941 г. не предусматривает специального наказания за слушание и распространение иностранных радиопередач, которые могут способствовать нарушению порядка и угрожают общественной безопасности, несмотря на то, что такое нарушение представляет серьезную опасность.

Необходимо, чтобы распространение таких передач наказывалось суровыми мерами: каторжными работами и в исключительно серьезных случаях даже смертной казнью, независимо от того, слушали ли лица, которые распространяют эти сообщения, сами радио или нет.

Существующие возможности подвергать наказаниям за такие нарушения на законном основании, прибегая к государственным судам, являются недостаточными для того, чтобы население перестало слушать английское радио и распространять услышанные новости.

Так как государственный закон, определяющий функции государственных судов, не предусматривает наказания за нарушение, заключающееся в слушании иностранного радио, и нет указания о том, что за слушание и распространение этих радиопередач виновные в этом лица будут приговариваться к каторжным работам и к смертной казни, то население до сих пор не отдает себе отчета о том, что такое нарушение может повлечь за собой каторжные работы и смерть.

Следовательно, я требую, чтобы до 3 января 1942 г. мне был представлен проект закона, изменяющий закон от 28 октября 1941 г.

В приложении я препровождаю текст проекта закона на немецком языке, в котором намечается проведение исключительных мероприятий, касающихся радиопередач. Он поможет вам детально ознакомиться с предлагаемым порядком».

Предъявляю документ РФ-1147. Это — письмо из Берлина от 27 октября 1941 г. о соглашении относительно сотрудничества министерства информации и пропаганды с министерством иностранных дел. Я читаю сопроводительное письмо, которое устанавливает подлинность документа:

«С разрешения министерства мы посылаем для сведения как секретный документ государственной важности копию соглашения, которое касается сотрудничества с министерством иностранных дел, а также копию договоренности об исполнении этого соглашения. Этот документ не является секретным, но подробности его содержания не подлежат оглашению».

Документ, который прилагается, включает весь текст соглашения. Я его не оглашаю. Я просто замечу, что он доказывает одновременно объем и характер того насилия, с помощью которого немцы хотели обеспечить свое влия-

ние на население оккупированных и даже иностранных государств.

Раздел 1 документа озаглавлен: «Сотрудничество в различных отраслях». В подразделе «А» документа речь идет о кино, театре, музыке и выставках, в подразделе «В» — о печатных изданиях.

Я считаю, что интересно зачитать несколько строк из пункта «В». Цитата очень невелика:

«Министерство иностранных дел и имперское министерство общественного просвещения и пропаганды совместно эксплуатируют компанию-держатель «Акционерное общество Мундус А. Г.», которое объединяет все издательства в Германии и за границей, находящиеся под контролем этих двух министерств. Эти издательства будут публиковать литературные произведения, предназначаемые для заграницы и для распространения за границей. Все учреждения, которые будут совместно созданы двумя этими министерствами и которые будут действовать в той же сфере, войдут в указанное общество».

На странице 3 из четвертого абзаца я также хотел бы прочесть одно предложение:

«Оба министерства взаимно принимают участие в разработке плана пропагандистских изданий, которые будут опубликовываться ими или по их инициативе внутри страны для распространения за границей».

Наконец, на странице 4 я оглашаю одну фразу из предпоследнего абзаца:

«В целях объединения в единый организм всех находящихся за границей и открыто принадлежащих немцам пунктов радиовещания министерство иностранных дел и министерство общественного просвещения и пропаганды будут совместно эксплуатировать компанию-держатель «Акционерное общество Интеррадио» в Берлине, причем каждое ее ведомство будет владеть 50% контрольного пакета акций».

Трибунал, я полагаю, заметил выражение: «открыто принадлежащих немцам». Это указание будет дополнено последней цитатой на странице 5:

«О скрытом влиянии, оказываемом на иностранные радиовещательные станции, не следует упоминать в связи с совместно эксплуатируемой компанией».

В циркуляре направленном во все отделы пропаганды, даются указания, как искоренять национальную культуру. Завершая раздел своего выступления, посвященный пропаганде, хочу представить циркулярно распространенный документ, в котором содержится определение использования пропаганды в самых общих целях, как механизма осуществления одного из самых продуманных и серьезных деяний нацизма, а именно, искоренения национального выражения и существования той или иной страны. Этот циркуляр был направлен во все отделы пропаганды. В данном случае речь идет о чешской культуре.

«Совершенно определенным образом необходимо подчеркивать принадлежность чехов к европейско-германской культуре. Необходимо настаивать во всех случаях на силь-

ном влиянии, которое оказывала германская культура на чешскую культуру, даже на зависимость, в какой чешская культура находилась от культуры германской, и, в частности, на существовании германских культурных традиций в Богемии и Моравии.

Необходимо всегда принимать во внимание тот факт, что чехи, хотя и говорят на славянском языке, но, находясь на протяжении столетий вместе с германскими народами, народами более высокой культуры, в государствах немецкого преобладания, действительно принадлежат к германской культуре и не имеют почти ничего общего с другими славянскими народами...»

«С исторической точки зрения, всегда следует держать в центре внимания периоды деятельности тех личностей, с помощью которых чехи искали и находили контакт с германской культурой: св. Венчеслас, времена Карла IV, Фердинанда I, Рудольфа II, эпоха богемского барокко, и т. д.»

В заключение я представляю, не зачитывая, документ РФ-1149. Я стремился включить этот документ в нашу книгу документов, так как в нем содержится доклад о пропагандистской деятельности, проводившейся в течение года в одной из оккупированных стран — Норвегии. Я достаточно подробно останавливался на этой стране, поэтому сейчас не буду цитировать текст этого документа, хочу, однако, отметить, что немецкой пропаганде были посвящены весьма регулярно составлявшиеся доклады, причем доклады касались всех тем — прессы, кино, радио, театра, школ, образования.

Таким образом, такая пропаганда, как я уже отмечал, представляет собой деятельность, охватывающую гораздо более обширную сферу, чем предполагалось ранее. Ни один из аспектов жизни не оставался для этой пропаганды незамеченным. Она не относилась с уважением к нашим ценностям. Такая пропаганда действительно становилась тюрьмой для духа.

Теперь я перехожу к последнему разделу моего выступления, посвященному организации преступной деятельности. Начну это выступление с цитирования нескольких слов, сказанных монсеньером Пике, епископом Клермон-Феррана, во время мессы на Троицын день 20 мая 1945 года. Монсеньер Пике был только что освобожден из концентрационного лагеря, куда его отправили нацисты. Он сказал:

«Преступные институты, свидетелями и жертвами которых мы стали, несут в себе все бедствия варварства и стародавнего крепостничества, они были превращены в систему и видоизменены с помощью нового метода, способного усугублять человеческие несчастья с помощью широкого диапазона возможностей современной науки».

Доказательства, которые я намереваюсь представить Трибуналу относительно оккупированных стран Запада, касаются именно данного аспекта существования системы немецких преступных предприятий. Мы указывали на то, что германизация заключалась не в конкретном факте

навязывания германского гражданства или германского закона, а в общем навязывании норм, установленных нацистским режимом, и, в целом, нацистского мировоззрения. Данный аспект германизации предполагает осуществление преступной деятельности одновременно как средства и как цели — как средства, потому что преступные средства нередко оказываются весьма эффективными, а нам известно, что нацизм проповедует безразличие по отношению к аморальности средств. С другой стороны, как цели, потому что организация нацистского общества на конечном этапе постулирует упразднение элементов, враждебных ему, либо элементов, которые представляются ему нежелательными. Таким образом, при указанных условиях преступная деятельность более не представляется несчастной случайностью либо вызывающими сожаление эпизодами войны и оккупации. Не следует приписывать преступную деятельность нескоординированным действиям со стороны подчиненных, объясняемым чрезмерным рвением либо отсутствием дисциплины.

Ввиду того, что устранение противников рекомендовано как принцип, оно будет осуществляться на деле в ходе нормального и регулярного функционирования административного аппарата. Если нацизм имеет философию преступной деятельности, то он имеет, в собственном смысле этого понятия, бюрократию преступной деятельности.

Воля, инспирирующая такую деятельность, передается между главными и второстепенными центрами государственного организма. Каждое из преступных деяний либо серии преступных деяний, о которых мы вам уже рассказали либо расскажем снова, предполагает наличие целой серии подобных сопроводительных бумаг: приказы, передаваемые от вышестоящих к нижестоящим, запросы о приказах, поступающие от нижестоящих к вышестоящим, и, наконец, отношения, поддерживаемые между соответствующими эшелонами различных служб. Такая административная организация преступной деятельности представляется нам важным исходным фактом для определения ответственности и доказывания обвинений, сформулированных в обвинительном акте, предъявленном высшим руководителям и организациям, объединяющим группы людей.

Доказывание ответственности любого из высших руководителей за установленную преступную деятельность не требует представления вещественного доказательства или документа, подписанного данным лицом, не требует установления, что имя именно данного лица связано с такой преступной деятельностью. Наличие либо отсутствие такого документа есть дело случая.

Ответственность высшего руководителя непосредственно устанавливается тем фактом, что преступная деятельность осуществлялась административно ведомством, во главе которого стоял данный руководитель.

Сказанное тем более верно, когда речь заходит о преступной деятельности, осуществлявшейся в течение длительного времени, деятельности, в которой было за-

действовано большое число людей, деятельности, развитие которой привело к ряду усложнений, консультаций и принятию решений. В каждой расположенной по ступеням государственной службе существует непрерывная цепь инстанций власти, являющейся одновременно непрекращающейся цепью ответственности. Более того, по вопросу об обвинениях, предъявляемых против организаций, называемых преступными, преступная природа этих организаций вытекает из того самого факта, что их деятельность дает преступные результаты (дает в результате преступление), причем отсутствует неосведомленность или модификация обычных норм компетентности или функционирования различных организмов этих организаций.

Сотрудничество, возникающее ради достижения такой цели между рядом функционеров, принадлежащих к данной организации как вертикально между высшими и низшими эшелонами власти, так и горизонтально между различными специальными ведомствами, с неменьшей настойчивостью указывает на существование коллективного преступного умысла.

Сначала я остановлюсь на преследовании людей, которые по немецким нормам квалифицируются как евреи. Трибунал на основании других доказательств уже ознакомлен с нацистской доктриной о евреях. Историки будущего, вероятно, сумеют установить, в какой степени эта доктрина являлась результатом искреннего фанатизма и в какой степени это был результат заранее сложившегося умысла обмануть и ввести в заблуждение общественное мнение.

Наверняка нацисты нашли весьма удобными теории, позволившие им приступить к истреблению евреев.

Во-первых, антисемитизм представлял собой широко доступное средство отвлечь возникающие у населения критику и гнев. Более того, антисемитизм являлся методом психологического совращения, которым очень умело манипулировали с тем, чтобы сделать его привлекательным для простодушных людей. Таким образом появлялась возможность создать определенную степень удовлетворенности у самого нуждающегося и в наибольшей степени лишенного привилегий человека — такого человека убеждали, что, невзирая ни на что, он все же является существом высшего качества и имеет право презирать и поносить целую категорию своих сограждан. И, наконец, нацисты таким образом приобретали для себя возможность подогреть фанатизм своих приверженцев, пробуждая и поощряя в них те преступные инстинкты, которые всегда в определенной степени присутствуют в скрытом состоянии в душах людей.

Действительно, именно немецкий ученый Фейербах разработал теорию о том, что предрасположенность к преступлению не обязательно является результатом длительной подготовки.

Имеющийся у человека преступный инстинкт может проявиться мгновенно. Нацисты предоставили элите своих слуг возможность дать свободное проявление любой склонности к убийствам, грабежам, к самым зверским

деяниям, склонности к самым отвратительным зрелищам, которая могла бы у них иметься. Таким образом нацисты полностью гарантировали себе повиновение и ревностное служение себе со стороны таких лиц.

Во избежание повторов я не буду подробно говорить о глубоких страданиях, испытывавшихся людьми, которые во Франции и в других западных странах считались евреями. Мне бы просто хотелось указать здесь на то, что муки евреев причиняли также большие страдания другим жителям этих стран, являвшимся свидетелями ужасающего обращения с евреями. Каждый француз испытывал глубокую скорбь по поводу преследования других французов, многие из которых заслужили благодарность своего отечества. В Париже нет никого, кто не испытал бы глубокой скорби, узнав, что умирающего Бергсона пришлось отнести в полицейский комиссариат, чтобы выполнить требование об обязательной регистрации...

Я пытался отобрать лишь ограниченное число немецких документов для представления доказательств осуществления преступного замысла, заключающегося в истреблении евреев во Франции и в западных странах....

Перехожу к представлению доказательств об истреблении евреев во Франции и в западных странах.

Я хотел бы обратить внимание прежде всего на то, что нацистское преследование евреев шло по двум направлениям: по линии законодательной и по линии административного самоуправства.

Что касается законодательных актов, изданных германскими властями — военными или административными, то эти акты совершенно явно представляли собой вопиющее нарушение суверенитета оккупированных стран.

Я думаю, что нет необходимости рассматривать эти законодательные акты подробно, так как их основные положения общеизвестны.

В качестве документальных доказательств я представляю несколько указов, которые были изданы во Франции в отношении евреев. Так как эти указы опубликованы, я прошу Трибунал принять их без доказательств.

Здесь я хочу отметить следующее: указанные законы, взятые в целом, привели к значительному снижению статуса евреев. Текстов немецких декретов, в которых содержались бы приказы о массовой депортации или об убийствах евреев, не существует. С другой стороны, следует заметить, что издание подобных законов продолжалось вплоть до 1942 года, а затем возникла пауза в издании декретов. Именно во время этой паузы, как мы увидим, началось проведение административных мероприятий по угону евреев, что обрекло их на уничтожение.

Это подводит нас к рассмотрению того факта, что мы не имеем дело с двумя самостоятельными действиями — законодательной акцией, приписываемой военным властям, и исполнительной акцией, приписываемой полиции. Такая точка зрения, согласно которой военная власть рассматривается только как автор декретов, и поэтому несет

меньшую степень уголовной ответственности — является неверной. В действительности мы столкнулись с продолжением действия, в ходе которого последовательно использовались различные средства. Первое средство, а именно, законодательное средство, являлось необходимой подготовительной мерой для использования второго, непосредственно преступного средства.

Для того, чтобы осуществить на практике свой план истребления евреев, нацисты сначала занялись учетом еврейского населения, чтобы затем всю эту обреченную часть общества изъять и одним ударом отделить евреев от остальной части населения страны. Они создавали для себя возможность легко обнаруживать евреев, причем евреи оказывались с пониженными возможностями самозащиты, у них отсутствовали материальные, физические и интеллектуальные ресурсы, которые позволяли бы им легко избежать преследования.

Немцы создавали для себя возможность одним ударом уничтожить всю эту обреченную часть общества. В этих целях они сначала поставили себе задачу положить конец постоянному переплетению интересов и деятельности, которые связывают все категории населения. Немцы желали, насколько это возможно, подготовить общественное мнение. Они могли преуспеть в этом, приучая население к тому, что оно больше не видит евреев, так как последним практически запрещалось выходить из дому.

Теперь я представлю Трибуналу несколько документов по вопросу об общем истреблении евреев, преднамеренно осуществлявшемся нацистами. Сначала я представлю серию документов: РФ-1201, 1202, 1203, 1204, 1205 и 1206. Представляю эти документы по конкретному вопросу, а именно по вопросу об эмиграции евреев, пытавшихся выехать из оккупированных территорий.

Ввиду того, что немцы различными способами предавали гласности свое желание избавиться от евреев, представлялось бы логичным, что они благоприятно отнесутся к решению вопроса путем эмиграции. Однако, как мы увидим, немцы, напротив, запрещали эмиграцию, причем оформили этот запрет в виде постоянно действующей меры, имеющей общее распространение. Это доказывает намерение немцев истребить евреев, а также доказывает жестокость применявшихся мер. Остановимся вначале на документе РФ-1201.

Это письмо от 22 июля 1941 года, направленное ведомством в Бордо, в письме запрашивались инструкции из Парижа по некоторым вопросам. Хочу огласить начало этого послания:

«Только что установлено, что на территории районного командования Сен Жан де Люз все еще находятся примерно сто пятьдесят евреев. Во время нашего разговора с районным командующим майором Хенкелем последний предложил, чтобы евреи покинули подведомственный ему район как можно скорее. В то же время он указал, что, по его мнению, было бы гораздо целесообразнее позволить

этим евреям эмигрировать, вместо того чтобы переселять их в другие департаменты или даже направлять в концентрационные лагеря».

Документ РФ-1202 представляет собой ответ на это послание, датированный 26 июля 1941 года. Приводим вторую фразу:

«Мы не одобряем позицию майора Хенкеля, так как РСХА вновь предусмотрело в декрете тот принцип, что следует воспрепятствовать эмиграции евреев, проживающих на оккупированных территориях Запада, а по возможности и евреев, проживающих на неоккупированной территории Франции».

Следующий документ я представляю под номером РФ-1203, он исходит от военного командования во Франции и датирован 4 февраля 1942 года. Здесь мы имеем дело уже не только с СС, а с военным командованием:

«Рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции (имперское министерство внутренних дел) отдал приказы о том, что в принципе не следует допускать эмиграцию евреев из Германии и с оккупированных территорий».

Далее в письме речь идет о том, что возможны исключения. Этим документом провозглашается сотрудничество между армией и полицией, причем армия обеспечивает исполнение приказов, отданных руководителем германской полиции.

Теперь я представляю документ РФ-1205. Этот документ касается той же темы, но я тем не менее его представляю, так как он указывает на вмешательство со стороны третьего германского ведомства, дипломатического ведомства. Это записка германского генерального консульства в Касабланке. Зачитываю первую фразу:

«Число эмигрантов из Европы, которые до сего времени выезжали из Касабланки на американский континент лишь через значительные интервалы, за последний месяц значительно увеличилось».

В остальной части письма говорится о том, что речь идет об эмигрантах-евреях.

Документ РФ-1204 представляет собой новый доклад на ту же тему, поступивший из генерального консульства в Касабланке, он датирован 8 июня 1942 года. Зачитываю последний абзац этого документа:

«Эмигранты, выезжающие из Касабланки, — это, по большей части еврейские семьи из Германии и из Центральной Европы, а также определенное число французских евреев. Нет оснований подозревать, что молодые люди, годные к военной службе, покинули Касабланку с открытым намерением поступить на военную службу на стороне противника. Вопрос о том, информировать ли об этом военные ведомства, оставляется на ваше усмотрение».

Я привел этот документ с целью показать, что вопрос об эмиграции с целью поступить на военную службу на стороне противника не возникал — заинтересованность в предупреждении такой эмиграции у немцев имелась бы. Я также привел этот документ с целью продемонстрировать, что при нормальных условиях он касался бы в первую

очередь германского посольства, и во вторую — военных ведомств, об информировании которых в документе идет речь.

К каким же последствиям привели эти два сообщения? Об этом говорится в документе РФ-1206. Этот документ был исполнен в Берлине, в главном управлении имперской безопасности, и адресован руководителям полиции во Франции и Бельгии.

«К сему прилагаются для вашего сведения два экземпляра секретных докладов (копии) из германского генерального консульства в Касабланке, адресованные в министерство иностранных дел.

Вам предлагается обратить особое внимание на положение дел, описываемое в этих документах, и по возможности предотвратить эмиграцию такого рода».

Из приведенных цитат я делаю три вывода. Во-первых, как я указывал, нацисты противодействовали эмиграции евреев, хотя и утверждали о том, что евреи для них нежелательны. Во-вторых, решение было принято на более высоком уровне и имело общее распространение. В-третьих, все службы — полиция, армия и министерство иностранных дел — были задействованы с целью обеспечить исполнение этих варварских приказов.

Теперь я представляю Трибуналу документ РФ-1207. Это объемистый немецкий доклад, в нем 70 страниц. Он был обнаружен в немецких архивах в Париже. В этом документе имеется целый ряд графиков, рисунков, образцов регистрационных карточек. На копии доклада, которую мы представляем, нет подписи автора, а лишь указано «оберштурмфюрер СС». Речь идет об оберштурмфюрере СС Даннекере, который играл важную роль в регулировании еврейского вопроса во Франции и возглавлял соответствующее ведомство...

Я не буду зачитывать перед Трибуналом все 70 страниц этого доклада, однако я желал бы огласить некоторые абзацы, которые по моему мнению могут представлять интерес для Трибунала. Вот первая страница. Здесь имеется заголовок: «Еврейский вопрос во Франции и меры по его решению. Париж, 1 июля 1941 года». Первая страница:

«Окончательное решение еврейского вопроса — вот направление и цель работы тех служб полиции безопасности и СД, которые занимаются еврейской проблемой во Франции. Всегда было ясно, что практических результатов нельзя достичь, не изучив политическую ситуацию в целом, а также ситуацию, связанную с евреями.

В последующем тексте дается общая программа наших планов, а также приводится разъяснение по достигнутым на настоящее время результатам и формулируются ближайшие задачи».

Далее я приведу основные заголовки абзацев с тем, чтобы проследить, как развивалась идея и как функционировало немецкое ведомство...

Первая глава: «История евреев во Франции». Я ее зачитывать не буду. Здесь изложен ряд идей на весьма низком интеллектуальном уровне. Следующая глава: «Ор-

ганизация евреев во Франции». Первая часть озаглавлена «До 14 июля 1940 г.», она не представляется мне интересной. Вторая часть озаглавлена «Операции полиции безопасности и СД против поименованных организаций и против ведущих еврейских деятелей». Данный доклад исходит от гауптштурмфюрера СС Хагена. Я думаю, мне следует огласить начало:

«На основании изучения данных, собранных в Германии, Австрии, Чехословакии и Польше, представилась возможность придти к заключению, что центр иудаизма в Европе, а вместе с ним основные каналы связей с заокеанскими странами следует искать во Франции. С учетом этого в первую очередь были обысканы и опечатаны помещения крупных еврейских организаций, таких, как «Всемирный еврейский конгресс» — далее следует перечисление организаций.

Начиная со страницы 14 в докладе предпринимается попытка продемонстрировать наличие связи между иудаизмом и католицизмом. В докладе повествуется о результатах обысков, произведенных в домах различных лиц: семьи Ротшильдов, бывшего министра Манделя, пресс-атташе британского посольства, а также других людей, включая адвокатов Моро-Жиаффери и Торре. Конец этой главы находится на странице 16:

«Резюмируя, мы можем сказать, на основании собранных данных, что Франция, где иудаизм был связан с католицизмом и некоторыми выдающимися политиками, являлась последним оплотом иудаизма на европейском континенте».

Следующий раздел озаглавлен: «Жизнь евреев после прихода немцев». Здесь описывается, как немцы создали центральную объединенную организацию по вопросам евреев и навязали ее евреям. Здесь мы имеем дело с началом осуществления плана, о котором я только что говорил Трибуналу — этот план заключался в том, чтобы вычленить из населения еврейские элементы, собрать их вместе и полностью отсечь от остальной части населения. Хочу зачитать первый абзац, так как содержащийся в нем анализ крайне важен.

«После заключения перемирия и возвращения к нормальной жизни оказалось, что почти все еврейские ассоциации прекратили свое существование (в отсутствие ответственных функционеров и финансовых спонсоров, бежавших в неоккупированную зону), в то время как возрастала потребность в получении помощи. Прогрессировавшее германское антиеврейское законодательство привело к устойчивому обострению социальных проблем евреев. В целом, указанные обстоятельства должны были создать во Франции благоприятную почву для создания еврейской разносторонней организации».

В этом тексте имеется весьма ловко изложенная идея. Мы обращаем внимание на слова о том, что германское

законодательство, то есть законодательство военной администрации, привело к сильному обострению социальных проблем. Мы приходим к выводу, что это облегчит общую организацию евреев. Это рассуждение подтверждает, как мне представляется, то, что я говорил Трибуналу некоторое время тому назад, а именно то, что мы столкнулись с целой системой мер, причем первые меры были направлены на эффективное отделение еврейской общины, подлежавшей уничтожению, от остальной части населения.

Даннекер далее разъясняет, как был создан координационный комитет. Опускаю детали и подхожу к странице 21, абзац второй:

«Было заключено соглашение с ведомством командующего Большого Парижа (Парижа с окрестностями) о том, что в последующем еврейские организации будут иметь право обращаться к германским службам только через Комитет еврейской координации. Это привело к усиленному объединению всех мелких еврейских организаций.

Кроме того, с Парижским управлением по государственным пособиям было заключено соглашение, согласно которому по истечении 4 недель евреи перестанут получать от этой организации питание и жилье. Управлению по государственным пособиям предлагалось назначить специального представителя для контролирования действий координационного комитета в этом вопросе. Замораживание счетов евреев принудит евреев в ближайшем будущем просить о предоставлении координационному комитету права получать передаваемые ему в дар суммы с этих замороженных счетов. Удовлетворение этой просьбы продемонстрирует фактическое существование дееспособного еврейского союза.

Из сказанного видно, что и этот вопрос будет решен в желательном направлении».

Следующая глава: «Политическая деятельность управления по еврейским делам, созданного в полиции безопасности и СД». Хочу зачитать несколько выдержек из этой главы:

«После того, как французское правительство 3 октября 1940 года обнародовало закон о евреях, в решении еврейского вопроса во Франции возникла некоторая заминка. По этой причине управление по еврейским делам разработало планы для Центрального еврейского бюро. Эти планы 31 января 1941 года обсуждались с военной администрацией. Последняя не проявила к ним интереса, и, так как вопрос был чисто политический, он с согласия германского посольства был передан в СД».

За этим последовали различные консультации с французским уполномоченным Валла, с послом Абецом и с де Бриноном, указывались различные требования, предъявленные немцами французским властям. Перехожу к странице 26, последний абзац:

«Оберштурмбаннфюрер доктор Кнохен передал предложение управления по еврейским делам бригадефюреру СС доктору Бесту.

Предложение касалось целесообразности создания координационного отдела, в который надлежало войти представителям четырех поименованных ведомств. Управление должно было находиться в руках начальника отдела по еврейским делам при СД, в соответствии с правилами, предусматривающими полноправное участие ОКВ, ОКХ и командующего во Франции. В соответствии с внесенным предложением 10 июня 1941 года состоялось совещание. На совещании присутствовали министерский советник доктор Штольц, представляющий командующего во Франции, доктор Бланке (экономическая служба), советник посольства доктор Цейшель (германское посольство) и оберштурмфюрер СС Даннекер. Представители военной администрации четко заявили, что правомочность участия СД вытекает из приказов ОКВ и ОКХ, а также из последнего секретного приказа от 25 марта 1941 года, изданного командующим во Франции. Доктор Штольц заявил, что по различным причинам лучше было бы воздержаться от создания специального координационного бюро под руководством СД. Оберштурмфюрер СС Даннекер со своей стороны разъяснил: «Мы занимаемся только окончательным решением вопроса», поэтому СД должна быть предоставлена возможность выполнять приказы, исходящие от главного управления имперской безопасности».

«Результатом совещания было решение встречаться еженедельно в управлении по еврейским делам. В ходе таких встреч намечалось совместно обсуждать все задачи, приобретаемый опыт и возражения».

Я полагаю, что интересно отметить факт еженедельного проведения таких совещаний с участием представителей военных служб, посольства и полиции.

Последующие страницы доклада могут быть опущены. В них содержатся заметки касательно создания картотек евреев, а также дается анализ германских декретов. Здесь важно обратить внимание на то, что декреты являются элементом общего плана. Даннекер говорит также об Антиеврейском институте, и отмечает, что этот институт финансировался германским посольством.

В докладе далее содержатся статистические данные, он завершается текстом, из которого я зачитаю только один абзац:

«Надеюсь, мне удалось дать представление о нынешней ситуации и подытожить те разнообразные трудности, которые приходилось преодолевать. Не могу не отметить в этой связи, что посол Абец и его представитель советник-посланник Шлейер, а также штурмбаннфюрер СС и советник посольства доктор Цейтшель оказывали нам в нашей работе действительно дружескую и всестороннюю поддержку».

Теперь я хочу показать, что деятельность германских ведомств носила регулярный и последовательный характер.

В качестве доказательства представляю отчет Даннекера от 22 февраля 1942 г., документ РФ-1210, о мероприятиях, проведенных в отношении евреев.

Первый подзаголовок: «Задачи полиции безопасности и СД во Франции». Второй подзаголовок: «Еврейская картотека». Третий подзаголовок: «Французская антиеврейская полиция». Пятый подзаголовок: «Мероприятия».

«До сих пор против парижских евреев были проведены три операции крупных масштабов. Каждый раз наши управления были ответственны за отбор евреев, подлежавших аресту, а также за всю подготовительную работу и за техническую организацию мероприятий. Еврейская картотека, которую мы только что составили, значительно помогла в организации всех этих мероприятий...»

Следующая рубрика: «Антиеврейский институт». Затем: «Обязательное группирование евреев». И наконец: «Заседания по вторникам».

«С середины 1941 года каждую неделю по вторникам имели место совещания, на которых присутствовали представители следующих ведомств: 1) военного командования; 2) полицейской группы; 3) экономического отдела; 4) германского посольства в Париже; 5) особого оперативного штаба рейхслейтера Розенберга.

За редкими исключениями, совещания приводили к осуществлению единства политики по еврейскому вопросу на оккупированных территориях».

С разрешения Трибунала представлю в качестве доказательств все документы, имеющиеся в книге документов французского обвинения, но зачитывать и анализировать буду только наиболее важные.

Обращаюсь к документу РФ-1215, он очень короткий:

«Секретно — 13 мая 1942 года. Начальнику района «А».

В соответствии с инструкциями, поступившими от генерал-квартирмейстера ОКХ, в объявлениях по поводу принудительной эвакуации населения не следует использовать слова «отправка на Восток», с тем, чтобы избежать дискредитации оккупированных восточных территорий. То же относится к выражению «депортация», это слово слишком сильно напоминает о ссылке в Сибирь в царские времена. Во всех публикациях и корреспонденциях нам надлежит пользоваться выражением «отправка на принудительные работы».

Документ РФ-1216, который я теперь представляю в качестве доказательства, представляет собой еще один меморандум Даннекера, датированный 10 марта 1942 года. Меморандум озаглавлен: «Депортация из Франции 5000 евреев», заголовок достаточно ясно указывает на содержание документа. Даннекер ссылается на совещание управления по еврейским делам, состоявшееся в РСХА в Берлине 4 марта 1942 года; на этом совещании было решено предпринять переговоры о депортации 5000 евреев из Франции. В меморандуме (абзац 4) оговаривается следующее:

«Евреи, имеющие французское гражданство, должны быть лишены этого гражданства перед депортацией, или по крайней мере за день до осуществления депортации».

В последующем тексте документа Даннекер разъясняет, что расходы по депортации должны оплачиваться французскими евреями, так как в случае с предстоявшими массовыми депортациями евреев из Чехословакии было оговорено, что правительство Словакии выплатит сумму в 5000 марок за каждого депортируемого еврея и, кроме того, возьмет на себя расходы по депортации.

В документе РФ-1217, озаглавленном «Другие случаи отправки евреев из Франции», говорится о той же операции, однако я считаю, что эти документы представляют интерес, так как отражают крайне сложный и регулярный характер деятельности данной администрации, задачей которой были арест и депортация невинных людей. В начале меморандума имеется упоминание о новом совещании, состоявшемся в Берлине 11 июня 1942 года, с участием лиц, ответственных за ведомства по делам евреев в Брюсселе и Гааге, а также самого Даннекера. Цитирую четвертый абзац на странице 1 документа:

«В эти транспорты могут включаться десять процентов евреев, не пригодных для использования на работах». Эта фраза свидетельствует о том, что целью депортации была не только поставка рабочих, которых намеревались истребить непосильным трудом».

Хочу также огласить пятый абзац, здесь всего одна фраза:

«Было согласовано, что 15 тысяч евреев будет депортировано из Нидерландов, 10 тысяч — из Бельгии; из Франции, в том числе и с неоккупированной территории, должно быть депортировано 100 тысяч евреев».

Последняя часть меморандума касается технического исполнения поставленной задачи. Вначале говорится о переговорах с транспортной службой по поводу получения необходимых железнодорожных составов. Затем говорится о необходимости заставить французское правительство де-факто принять меры к тому, чтобы лишить гражданства всех евреев, проживающих вне территории Франции. Это означало бы, что депортированные евреи не будут более считаться французскими гражданами. И, наконец, французскому государству надлежало оплатить стоимость транспортировки и возместить различные расходы, связанные с депортацией.

Представляю теперь документ РФ-1218, это меморандум, датированный 16 июня 1942 года. Меморандум имеет заголовок: «Транспортировка евреев из Франции», меморандум посвящен приказу оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана гауптштурмфюреру СС Даннекеру от 11 июня 1942 года. Первые три абзаца меморандума говорят о том, что возникали трудности в транспортировке депортируемых лиц, связанные с тем, что для подготовки восточной кампании необходимо было выделять большой объем железнодорожных ресурсов. Хочу зачитать последние два абзаца этого документа:

«В настоящее время мы осуществляем крупномасштабную реорганизацию немецких транспортных учреждений

во Франции. Основным элементом этой реорганизации является передача многочисленных существовавших доселе организаций в ведение имперского министерства транспорта, которое будет нести за них ответственность. Приказ об этой реорганизации был отдан без предварительного уведомления, для завершения ее потребуется несколько дней. До истечения указанного срока невозможно дать приблизительную информацию о том, будет ли транспортировка евреев осуществляться в ближайшем будущем, либо в последующем, в предполагавшихся масштабах, либо даже частично».

Как мне думается, приведенные замечания представляют интерес в том плане, что определяют ответственность правительственного кабинета. Столь крупная акция, как депортация весьма большого числа евреев, требовала участия многих различных административных служб, и мы здесь видим, что успех задуманного зависел от реорганизации транспорта, находившегося в ведении имперского министерства транспорта. Нет сомнения в том, что ведомство такого рода, являвшееся министерством и по уровню стоявшее выше всех технических ведомств, вмешалось в дело, чтобы помочь в осуществлении общей акции по депортации.

Представляю теперь документ РФ-1219, это меморандум доктора Кнохена, датированный 15 июня 1942 года. Меморандум озаглавлен: «Техническое исполнение отправки новых транспортов евреев из Франции». Не желая отнимать слишком много времени, зачитаю из этого меморандума только первый абзац:

«Во избежание какого-либо столкновения интересов с проводимой в настоящее время операцией «Французские рабочие для Германии» мы здесь будем говорить только о переселении евреев. Такой подход подтверждается тем фактом, что в транспорты могут включаться целые семьи, поэтому остается открытой возможность в последующем организовать отправку детей младше 16 лет, которые были оставлены во Франции».

Все приводимые тексты производят крайне тягостное впечатление с точки зрения морали. Не составляет исключения и данный меморандум. В остальной его части речь идет о депортации евреев, причем приводятся круглые цифры, как будто бы все эти человеческие существа являлись просто товаром или движимым имуществом.

Перехожу теперь к представлению документа РФ-1220, это письмо из германского посольства в Париже от доктора Цейтшеля, датированное 27 июня 1942 года. Хочу зачитать это письмо:

«В разговоре со мной 27 июня гауптштурмфюрер СС Даннекер заявил, что ему нужны, как можно скорее, 50 000 евреев из свободной зоны для депортации их на восток и что необходимо принять какие-то меры в поддержку операций, проводимых Дарькe де Пеллепуа, генеральным комиссаром по еврейским вопросам. О содержании этого разговора я немедленно уведомил посла Абеца и

советника Рана. Советник Ран должен сегодня после полудня встретиться с президентом Лавалем. Ран обещал сразу обсудить с Лавалем вопрос о передаче этих 50 000 евреев и одновременно потребовать от Лаваля полномочий для Дарьке де Пеллепуа в соответствии с уже провозглашенными законами и немедленного предоставления обещанных ему кредитов.

Ввиду того, что я, к сожалению, в течение недели не буду находиться в Париже, прошу, учитывая безотлагательность этого вопроса, чтобы гауптштурмфюрер СС Даннекер в понедельник 29 июня или самое позднее во вторник 30 июня связался непосредственно с советником Раном, чтобы узнать об ответе Лаваля».

Я считал полезным зачитать это письмо, так как оно указывает на ответственность министерства иностранных дел и подсудимого Риббентропа за отвратительное деяние по передаче согласно просьбе 50 000 евреев. Совершенно очевидно, что подобный шаг не мог быть предпринят советником посольства без ведома министра, которому он подчиняется, и без полной осведомленности и полного согласия со стороны этого министра.

Представляю теперь документ РФ-1221. Это меморандум, датированный 26 июня 1942 года, я оглашу только его заголовок: «Директивы в отношении депортации евреев».

Перехожу далее к документу РФ-1222, из которого я также оглашу только заголовок: «Совещание с представителями еврейского отдела гестапо, 30 июня 1942 года. Депортация евреев из оккупированных территорий в Освенцим».

В этом меморандуме Даннекер вновь ссылается на совещание, проходившее в РСХА, по решению которого должны были быть переданы 50 000 евреев. Далее идут списки железнодорожных составов, названия станций, где они должны комплектоваться, и требования о направлении отчетов.

Представляю теперь документ РФ-1223. Это меморандум, датированный 1 июля 1942 года, в нем излагается содержание беседы между Даннекером и Эйхманом, который, как нам уже известно, находился в Берлине, но по данному поводу прибыл в Париж. «Тема: Беседа с гауптштурмфюрером СС Даннекером, Париж, по поводу предстоящей эвакуации из Франции». В этом документе продолжается рассмотрение вопроса о подготовке намеченной крупной акции.

Представляю далее документ РФ-1224, оглашу только заголовок и дату: «4 июля 1942 года: указания по проведению крупномасштабной облавы на евреев в Париже».

Перехожу к представлению документа РФ-1225, это меморандум Даннекера от 6 июля 1942 года. «Тема: Депортация евреев из Франции». В документе повествуется о совещании с представителями французских властей. В этом документе мы находим выражение «еврейский материал» («юденматериаль»), которое в переводе звучит как «еврейское поголовье».

Теперь я представляю документ РФ-1226. Я хотел бы огласить, с разрешения Трибунала, первый абзац этого документа, который очень многое раскрывает как о сотрудничестве со стороны транспортных служб, так и в отношении страшной ментальности нацистских властей. В меморандуме записан телефонный разговор, состоявшийся между Ретке, подписавшим документ, и оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом, находившимся в Берлине:

«Оберштурмбаннфюрер СС Эйхман позвонил из Берлина 14 июля 1942 года примерно в 19-00 часов. Эйхман спросил, почему отменена отправка железнодорожного состава, выделенного для транспортировки на 15 июля 1942 года. Я ответил, что первоначально намечалось арестовать также всех тех, кто носит звезду в провинциях, но в силу нового соглашения с французским правительством для начала следует арестовывать только евреев без гражданства.

Состав, который должен был быть отправлен 15 июля 1942 года, пришлось отменить, так как, согласно информации, полученной руководством СД в Бордо, там находилось всего 150 евреев без гражданства. Не было времени, чтобы найти достаточное количество других евреев для заполнения этого поезда. Оберштурмбаннфюрер СС Эйхман ответил, что речь идет о престиже. По поводу этих железнодорожных составов пришлось вести длительные переговоры с имперским министром транспорта, эти переговоры дали положительный результат, и вот теперь Париж отменяет отправку поезда. Подобная вещь никогда ранее, как сказал Эйхман, с ним не происходила. Все это крайне позорно. Он не желает сразу докладывать о происшедшем группенфюреру СС Мюллеру, так как в таком случае вина пала бы на его плечи. Как сказал Эйхман, он подумывает о том, чтобы вообще обходиться без Франции, как страны, из которой осуществляется эвакуация».

Представляю теперь документ РФ-1227, содержащий статистические данные, из которых явствует, что на 2 сентября 1942 года было эвакуировано 27068 евреев, и что к концу октября, возможно, будет достигнута общая цифра в 52069 евреев. Говорится о насущной необходимости ускорить темп эвакуации и охватить также евреев, находящихся в неоккупированной зоне Франции...

В отчете о совещании, на которое были приглашены представители французских властей, документ РФ-1228, записано:

«В связи с совещанием, которое происходило 28 августа 1942 г. в Берлине, было установлено, что большинство европейских стран более близки к окончательному решению еврейского вопроса, чем Франция, хотя справедливо и то, что в других странах им начали заниматься раньше. Необходимо, следовательно, наверстать упущенное, начиная с сегодняшнего числа, 31 октября 1942 г.».

Теперь я представляю документ РФ-1229 без оглашения. Это меморандум доктора Кнохена на ту же тему депортации, датированный 31 декабря 1942 года.

Перехожу к представлению документа РФ-1230, это меморандум, датированный 6 марта 1943 года, он озаглавлен: «Относительно нынешнего положения с еврейским вопросом во Франции». В первой части этого документа говорится, что по состоянию на 6 марта 1943 года число депортированных евреев достигло общей цифры 49 000. Далее приводится перечень весьма разнообразного гражданства определенного числа евреев, которые были депортированы в дополнение к французским евреям. Абзац 3 этого меморандума озаглавлен: «Позиция итальянцев по отношению к еврейскому вопросу». Зачитываю первые строчки:

«Для того, чтобы решить еврейскую проблему, нужно любыми средствами изменить позицию, которая существовала до сего времени на французской территории, оккупированной Италией. Несколько обративших на себя внимание случаев...»

Здесь я прерываю цитату. Под обратившими на себя внимание имелись в виду случаи, когда итальянцы оказывали противодействие аресту евреев в оккупированной ими зоне.

Теперь я зачитаю последний абзац:

«РСХА (Эйхман) уведомило министерство иностранных дел о том, как поступают итальянцы. Министр иностранных дел Риббентроп предполагал обсудить в ходе переговоров с дуче позицию, занятую итальянцами по еврейскому вопросу. О результатах этого обсуждения нам пока неизвестно».

Перехожу к последним документам, которые намереваюсь представить Трибуналу. Они касаются особого вопроса — депортации детей.

В сообщении Даннекера от 21 июля 1942 г., документ РФ-1233, говорится:

«Вопрос о депортации детей был подвергнут рассмотрению с оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом. Он принял решение, согласно которому партии детей будут отправлены сразу же после того, как станет вновь возможна депортация в генерал-губернаторство. Оберштурмбаннфюрер СС Новак обещал сделать возможной отправку в генерал-губернаторство в конце августа — начале сентября примерно шести партий евреев, в том числе нетрудоспособных и стариков».

Теперь я представлю документ РФ-1234. Это меморандум, датированный 13 августа 1942 года. Перед тем, как обратить ваше внимание на то, какой интерес представляет данный документ, хочу напомнить Трибуналу об уже представлявшемся документе РФ-1219, где имелась такая формулировка: «Остается открытой возможность в последующем организовать отправку детей младше 16 лет, которые были оставлены во Франции». Нацисты желали создать впечатление, что они депортируют одновременно целые семьи или что они по крайней мере не депортируют целые железнодорожные составы с детьми. Чтобы создать такое впечатление, они изобрели способ, представляющийся абсолютно невероятным, пока вы не увидите его описа-

ние черным по белому: смешивание детей и взрослых в определенных пропорциях.

Оглашаю далее документ под номером РФ-1234:

«Евреи из неоккупированной зоны будут присоединены в Дранси к еврейским детям, находящимся в настоящее время в Питивье и Бон-ля-Роланде, причем на 700 человек будет приходиться не менее 500 евреев и от 300 до 500 еврейских детей. В соответствии с инструкциями главного управления имперской безопасности составы, в которых находятся лишь еврейские дети (без взрослых), не должны отправляться...

Было сообщено в Леге, что в сентябре из Дранси будет отправлено 13 поездов с евреями и для этих партий можно будет предоставить еврейских детей из неоккупированной зоны».

Теперь я представляю последний документ в серии, касающейся еврейского вопроса, это документ РФ-1235. Я его зачитаю, он совсем короткий:

«6 апреля 1944 года, Лион, 20 час. 10 мин. Тема: Дом для еврейских детей в Изье и Эн.

Сегодня утром был совершен налет на дом для еврейских детей «Детская колония» в Алье (Эн), всего был захвачен 41 ребенок в возрасте от 3 до 13 лет. Кроме того, был успешно осуществлен арест всего еврейского персонала численностью 10 человек, в том числе 5 женщин. Деньги или другое имущество изъять не удалось. Партия на Дранси отбудет 7 апреля 1944 года»...

Для меня более поражающим и более ужасающим, чем конкретный факт захвата этих детей, является то, что всей этой процедуре придавался характер административной акции, через официальные каналы направлялись доклады, проводились совещания, на которых официальные лица спокойно обсуждали вопросы, как будто бы речь шла о нормальной деятельности соответствующего ведомства. Весь административный механизм государства — я говорю о нацистском государстве — был запущен по указанному поводу и для указанной цели...

Хотел бы процитировать перед Трибуналом только документ РФ-1243, он представляет интерес в том плане, что отражает природу и юридические претензии германских организаций. Процитирую несколько фраз из этого документа:

«В докладе, представленном главой административного штаба по поводу опыта накопившегося в связи с арестами, произведенными с 7 по 14 декабря 1941 года, содержалось предложение в будущем избегать казни заложников и взамен устраивать так, чтобы смертные приговоры выносились решениями военно-полевых судов».

«Репрессии будут осуществляться путем вынесения и назначения смертной казни подсудимым, которые при обычных условиях были бы приговорены только к лишению свободы либо были бы полностью оправданы. Оказав влияние на применение судьей дискреционного права назначать наказания за совершение убийств или диверсий,

мы примем во внимание формалистическую правовую мысль французов».

Теперь я хотел бы представить доказательства в связи с преступными деяниями, о которых Трибунал еще не осведомлен. Эти деяния связаны с индивидуальной ответственностью ряда присутствующих здесь подсудимых. Должен напомнить вам, что преступные деяния нацистов принимали крайне разнообразные формы, о которых здесь уже подробно говорилось. Совершенно новое и необычное преступное проявление заключалось в провоцировании преступлений, совершавшихся организованными бандами убийц, являвшихся обычными преступниками; создавалась видимость, будто бы эти преступления совершаются обычными бандитами или даже организациями сопротивления, — в последнем случае нацисты пытались дискредитировать такие организации.

Подобные преступления совершались во всех оккупированных странах, однако, принимавшиеся нацистами предосторожности с целью закамуфлировать эти преступления порой затрудняют установление ответственности за эти преступления, которую несут руководители нацистского государства. Мы сумели найти такие доказательства в расследованиях, проводившихся в Дании.

Речь идет о дополнительном меморандуме датского правительства. Этот документ был представлен под номером РФ-901. Цитирую со страницы 19 этого доклада:

«Начиная с нового 1944 года были совершены убийства значительного числа лиц, причем убитые были в большинстве случаев известными людьми и убийства совершались через сокращающиеся промежутки времени обычно так: у дверей лиц, на которых покушались, раздавался звонок и один или двое неизвестных заявляли, что хотят переговорить с ними. В момент появления того, на кого готовилось покушение, неизвестные убивали его выстрелом из револьвера. Другой способ: какое-то лицо под предлогом болезни обращалось к врачу в часы приема, и когда врач входил, неизвестный убивал его выстрелом из револьвера. Иногда неизвестные силой вламывались ночью в дом и убивали того, кто в нем жил, на глазах у жены и детей. Порой человека подстерегали на улице и убивали выстрелом из револьвера неизвестные гражданские лица...

По мере того, как число жертв возрастало, датчане стали понимать, что все эти убийства были вызваны определенными политическими мотивами и что в той или иной форме немцы являлись подстрекателями этих убийств. После капитуляции немцев и расследования, произведенного датской полицией, было установлено, что все эти убийства, которые исчисляются сотнями, действительно были совершены в соответствии с указаниями высших властей и при активном сотрудничестве германских высших должностных лиц в Дании».

Заканчиваю цитирование и суммарно изложу последующий текст. Датским властям удалось раскрыть эти преступления, всего их было совершено 267. Эти преступления анализируются в официальном датском докладе и в прила-

гаемых к нему документах. Речь идет не только об убийствах, но и об иной преступной деятельности, в частности, о совершении взрывов. Было установлено, что все эти деяния совершались бандами, в состав которых входили немцы и несколько датчан. Эти лица входили в реальные преступные банды, действовавшие, как я собираюсь доказать, по приказам свыше.

В докладе датского правительства содержится подробное описание первого из этих убийств, жертвой которого явился известный датский поэт Кай Мунк, являвшийся в то же время пастором одного из приходов. Совершившие убийство признались, что пастора они застали у себя дома, насильно увезли его на автомобиле и убили на дороге. Тело его было обнаружено на следующий день с запиской, которая была приколота к трупу. В ней было написано: «Свинья, ты все же работал для Германии»[1].

Трибунал видит, сколь большое число аналогичных преступлений совершалось самым злостным образом.

Было установлено, что все участники нацистских банд, совершившие различные преступления, получили поздравительные письма лично от Гиммлера. Текст такого письма был обнаружен у одного из убийц и приложен к датскому докладу. Мы располагаем также фотокопиями письма с подписью Гиммлера.

Нужно отметить, что к этим исключительным преступлениям самым невероятным образом причастны и другие лица, помимо Гиммлера.

Датской полиции удалось арестовать Гюнтера Панке, являвшегося шефом полиции в Дании с 1 ноября 1943 г.

Расследование по делу Панке проводилось судом первой инстанции в Копенгагене, в досье по этому делу имеется протокол допроса Панке от 25 августа 1945 года, в нем идет речь о причастности к преступлению ряда подсудимых. Протокол его допроса от 25 августа 1945 г. включен в доклад датского правительства, документ РФ-901.

«30 декабря 1943 г. допрашиваемый и Бест присутствовали на совещании в ставке Гитлера, на котором в числе участников совещания были Гитлер, Гиммлер, Кальтенбруннер, генерал фон Ханнекен, Кейтель, Иодль и Шмундт. Это соответствует также записи в дневнике Беста от 30 декабря 1943 г., копия которой имеется. Там также должен был присутствовать представитель германского министерства иностранных дел, но допрашиваемый не помнит ни фамилии этого представителя, ни того, выступал он или нет.

Уже в ходе первой части совещания Гитлер находился в весьма дурном настроении, и были все основания предполагать, что полученные им сведения относительно положения в Дании несколько преувеличены».

---

[1] Фашисты делали это для того, чтобы убийцами считали участников Сопротивления.

Свидетель Панке показал, что он и доктор Бест посоветовали бороться с диверсантами легальным путем. Далее он указал, что Гитлер был решительно против предложений допрашиваемого и Беста, заявив, что вопрос о том, чтобы диверсанты предстали перед судом, полностью исключается.

Далее Гитлер разъяснил, что эта процедура приведет к тому, что лиц, которые будут осуждены, будут считать героями.

«С саботирующими, — указал он, — следует обращаться единственным способом, а именно: их следует убивать и желательно делать это в момент выполнения ими своих действий или же в момент их ареста». Оба они[1] *получили лично от Гитлера строгий приказ начать проводить «искупительные» убийства. На это допрашиваемый, тем не менее, ответил, что исключительно трудно и опасно расстреливать людей в тот момент, когда их задерживают, учитывая, что в момент ареста нельзя установить вполне определенно, что данное лицо действительно является диверсантом. Гитлер потребовал, чтобы «искупительные» убийства совершались в пропорции по крайней мере 5 к 1, то есть чтобы за каждого убитого немца убивали пятерых датчан.*

Помимо этого генерал Кейтель также принял участие в беседе. Правда, он ограничился предложением уменьшить продовольственное снабжение Дании, доведя его до того уровня, на котором находится снабжение в Германии. Это предложение также было отклонено всеми тремя представителями в Дании. В итоге заседание закончилось совершенно определенным приказом Гитлера начать проводить «искупительные» убийства и действия по борьбе с диверсиями.

После этого совещания допрашиваемый имел беседу один на один с Гиммлером, который сказал ему, что теперь допрашиваемый узнал от самого Гитлера, как следует действовать, и что он, Гиммлер, думает, что допрашиваемый выполнит полученный приказ. Он полагал, что до сих пор он выполнял только приказы Гиммлера. Допрашиваемому известно, что сразу же после совещания Бест имел беседу с Риббентропом, но он не знает содержания и результатов этой беседы».

Далее в этом документе говорится о том, что свидетель проводил ответные убийства, но не в пропорции 5 к 1, а в пропорции 1 к 1. Он показал, что направлял в Берлин отчеты об ответных убийствах.

«Допрашиваемый объяснил, что, по его мнению, эти меры были указаны высшей законодательной властью в Берлине в форме приказа, причем это было сделано совершенно преднамеренно. Эти законодательные органы считали указанные меры необходимыми для обеспечения безопасности немцев, находившихся в Дании, и датчан, работавших на Германию. Допрашиваемый был вынужден

---

[1] Панке и Бест.

подчиниться приказу. Бофензипен представлял отчеты о событиях и, когда дело касалось серьезных вопросов, давал свои предложения. Допрашиваемому неизвестно, избирал ли Бофензипен в отдельных случаях объекты лично или же это делали его подчиненные, но он добавил к этому, что на Бофензипена оказывалось сильное давление со стороны военных кругов, в частности, со стороны генерала Ханнекена, хотя последний и был вначале против карательных действий в форме террора, а позднее со стороны генерал-полковника Линдемана. Когда убивали солдат или причиняли ущерб военным объектам, у допрашиваемого немедленно запрашивали о том, какие меры он принял и что могут сообщить военные власти по этому поводу в главную ставку, то есть Гитлеру. Допрашиваемый должен был давать удовлетворительный ответ и действовать соответствующим образом».

Далее свидетель Панке показал, какова была организация террористических групп.

Я должен сообщить, что датской полиции удалось арестовать бывшего германского представителя в Дании доктора Беста и произвести опись его бумаг. Среди этих бумаг находится личный дневник доктора Беста. В дневнике имеется заметка от 30 декабря 1943 г., которая соответствует сведениям, данным в ранее приведенных свидетельских показаниях относительно совещания, состоявшегося 30 декабря 1943 г. за чашкой чая у Гитлера.

«Завтрак с Адольфом Гитлером, рейхсфюрером Гиммлером, обергруппенфюрером СС доктором Кальтенбруннером, группенфюрером СС Панке, фельдмаршалом Кейтелем, генералом Иодлем, генералом фон Ханнекеном, генерал-лейтенантом Шмундтом, бригадным генералом Шерфом. Завтрак и обсуждение вопросов, касающихся Дании, продолжались с 14 часов до 16.30».

Естественно, доктора Беста допросили по этому поводу. Из официальных датских документов (выдержки находятся на странице 23 досье) видно, что доктор Бест подтвердил содержание записи в его дневнике от 30 декабря — эту запись я процитировал. Что касается принципиальных затронутых в записке вопросов, то вот что сказал Бест по этому поводу:

«Доктор Бест не помнит, говорил ли Гитлер, выступавший достаточно долго, что-либо о том, что «ответные» убийства должны совершаться в пропорции 5 к 1. Гиммлер и Кальтенбруннер выразили согласие с тем, что сказал Гитлер. Остальные присутствующие не высказали никакого мнения. Приведенные Бестом фамилии присутствовавших на совещании совпадают со списком Панке. Министерство иностранных дел представлено не было, Зоннлейтнер на совещании не присутствовал.

После этого совещания допрашиваемый имел беседу с Риббентропом, которому он рассказал о происходившем.

Риббентроп сказал, что разделяет мнение Беста о том, что нужно как-то выступить против таких методов, но что в конечном счете ничего сделать нельзя».

Таким образом, доказано, что подсудимые Кальтенбруннер, Кейтель и Иодль присутствовали на совещании представителей различных ведомств, на котором было решено, что в Дании должны быть организованы убийства, в ясном и простом смысле этого слова. Свитедели, естественно, не говорят, что подсудимые Кейтель и Иодль с энтузиазмом отнеслись к внесенному предложению, но установленным фактом является то, что они присутствовали на совещании, причем присутствовали в официальном качестве вместе со своим подчиненным, командующим вооруженными силами в Дании. Здесь встает вопрос об ответственности за несколько сот убийств, которые отвратительны сами по себе, но, вне сомнения, представляют собой лишь небольшую часть преступлений, жертвами которых стали миллионы людей — преступлений, вменяемых обвинением.

В данном эпизоде, как я полагаю, важно установить, что военные и дипломатические руководители знали о систематической организации актов бандитизма и убийств, совершавшихся профессиональными убийцами, которые скрывались после совершения преступлений, — знали и соглашались с такой организацией.

Как мне представляется, многочисленные преступления, совершенные нацистами, отличаются большим сходством — и вместе с тем имеют столь много разнообразных оттенков, что человеческий мозг не в силах охватить их в полном объеме. Каждое из совершенных преступлений воплощает в себе весь ужас и отражает ложные ценности проповедовавшейся доктрины, которая их породила. Если действительно человеческая жизнь имеет какое-то значение, то подобная доктрина должна быть осуждена вместе с людьми, которые ее создали и руководили ее осуществлением.

Из выступления представителя обвинения от США С. ГАРРИСА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 14 декабря 1945 г.

Господин Олдерман уже представил доказательства того, что подсудимые вступили в заговор с целью развязать агрессивную войну. Было также доказано, что основными мотивами, побудившими их спланировать, развязать и вес-

[1] IMT, vol. 3, p. 574—597.

ти агрессивные войны, было их стремление завоевать «жизненное пространство».

На данном этапе мы намерены доказать, что заговорщики собирались сделать с завоеванными территориями, после того как им удалось получить власть над жертвами агрессии.

Мы условно разделили эту тему на две части: германизация и грабеж.

Когда мы говорим о планах германизации, мы имеем в виду планы ассимилирования захваченных территорий экономически, политически в социальном и культурном отношении, втягивание их в орбиту германской империи. Германизация, или онемечивание, как мы покажем, означает уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии.

Под грабежом мы понимаем разграбление общественной и частной собственности и вообще эксплуатацию народа и естественных богатств оккупированных территорий...

Польша была в известной мере опытным полем для проверки захватнических теорий гитлеровцев относительно «жизненного пространства». Четыре западные провинции Польши были фактически включены в состав Германии приказом от 8 октября 1939 г. Этот приказ был подписан Гитлером, Ламмерсом, Герингом, Фриком и Гессом и напечатан в «Рейхсгезетцблат» в 1939 году (часть 1, страница 2042). Просим Трибунал принять этот документ к сведению. В письмах, которыми обменивались заговорщики, эти районы Польши часто назывались «присоединенными восточными территориями». Остальная часть захваченной гитлеровцами Польши по декрету Гитлера от 12 октября 1939 г. была названа генерал-губернаторством Польши...

Планы в отношении Польши были довольно сложны. Мы утверждаем, что документы, которые мы намереваемся представить, доказывают следующее:

1. Гитлеровцы специально ставили перед собой цель эксплуатировать людские и материальные ресурсы генерал-губернаторства Польши для того, чтобы усилить нацистскую военную машину, чтобы разорить генерал-губернаторство и превратить его в вассальное государство. На более поздней стадии были сформулированы планы создания островков немецких поселений в более плодородных районах генерал-губернаторства для того, чтобы поглотить польское население и ускорить процесс онемечивания.

2. Районы Польши, которые должны были стать частью германской империи, подлежали безжалостному онемечиванию. Для этого нацисты планировали:

а) Сохранить производственные возможности в захваченных районах с тем, чтобы все, что будет производиться, использовалось военной машиной Германии.

б) Ввозить в генерал-губернаторство сотни тысяч евреев, представителей польской интеллигенции и других несогласных с нацистами элементов. Евреи, которые ввозились в генерал-губернаторство, были обречены на быстрое,

уничтожение. Более того, поскольку гитлеровцы видели, что польская интеллигенция не поддается германизации и может служить источником сопротивления, они также решили уничтожить и эту интеллигенцию.

в) Вывозить всех физически годных польских рабочих в Германию для работы на немецкую военную машину. Эта мера преследовала двоякую цель: во-первых, выполнить требования немецкой военной промышленности на рабочую силу; во-вторых, предотвратить рождение нового поколения поляков.

г) Превратить всех жителей областей, включенных в состав германской империи, у которых была хоть капля немецкой крови, в германских подданных, которые фанатически верили бы в принципы фашизма. Для этого нацисты провели четкую систему расовой регистрации. Те, кто отказывался регистрироваться, заключались в концлагеря.

д) Вывозить тысячи немецких поданных в эти включенные в империю районы для расселения их.

е) Конфисковывать, особенно в сельских местностях, всю собственность поляков, евреев и недовольных нацистами. Конфискация собственности евреев была частью большой программы заговорщиков по уничтожению евреев. Кроме того, конфискация преследовала три дополнительные цели:

1. Получение земли для новых германских поселенцев, чтобы вознаградить их за верность и преданность.

2. Лишившиеся имущества польские граждане могли быть вывезены в Германию и использованы на производстве для военных нужд.

3. Вывоз польских мужчин отдельно от их жен, чтобы предотвратить рост населения за счет поляков.

Эти положения в известной мере подтверждаются документом ЕС-344-16, США-297, являющимся отчетом о беседе с подсудимым Франком от 3 октября 1939 г. Он был обнаружен в архивах германского верховного командования, которые находились в документальном центре в Фешенхейме. Этот документ является частью большого доклада, подготовленного неким капитаном Варейном по указанию генерала Томаса, который был тогда главой военно-экономического штаба верховного командования.

«В первой беседе с руководителем центрального отдела, офицером связи и представителем министерства вооружения и главным офицером по вопросам администрации (в последствии генерал-губернатором) 3 октября 1939 г. в Познани Франк сообщил, какая экономическая и политическая ответственность была возложена на него фюрером и как в соответствии с этим он собирался управлять Польшей.

В соответствии с директивами Польша может управляться только таким образом, чтобы использовать ее для безжалостной эксплуатации—вывоза всех возможных материалов, сырья, машин фабричного оборудования и т. д., необходимых для германской военной экономики. Она может быть использована для вывоза всех рабочих в Германию, для уничтожения или снижения до минимума уров-

ня польской экономики, минимума, обеспечивающего существование населения впроголодь, для закрытия всех образовательных учреждений, в особенности технических школ и колледжей, чтобы предотвратить рост новой польской интеллигенции.

«Польша будет рассматриваться как колония, — говорил Франк — поляки будут рабами великой всемирной германской империи... Уничтожая польскую промышленность, мы делаем очень трудным восстановление ее после войны, если оно вообще будет возможно. Таким образом, Польша будет возвращена на уготованное для нее место аграрной страны и должна будет полностью зависеть от Германии в области импорта промышленной продукции».

Документ ЕС-410, США-298 показывает, какие различные меры нацисты собирались провести соответственно во включенных в империю районах Польши и в генерал-губернаторстве. Это—копия изданной подсудимым Герингом 19 октября 1939 г. директивы, обнаруженной в захваченных архивах немецкого верховного командования. Директива гласит: «На заседании 13 октября я дал детальную инструкцию относительно экономического управления оккупированными территориями. Я здесь коротко повторю ее.

Задачи экономической политики в разных административных районах различаются в зависимости от того, какого района это касается, будет ли он включен политически в германскую империю, или мы имеем дело с генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет являться частью Германии.

В первом случае следует иметь в виду восстановление и расширение экономики, сохранение всех производственных возможностей и источников сырья и полное включение экономики этой страны в германскую экономическую систему в самое ближайшее время.

Во втором случае с территории генерал-губернаторства следует вывозить все сырье, все материалы, весь лом, все машины, которые могут быть употреблены для германской военной экономики. Предприятия, которые не абсолютно необходимы для удовлетворения самых минимальных потребностей населения, должны быть вывезены в Германию, если только их вывоз не потребует слишком долгого времени. В противном случае они должны быть использованы на старом месте для работы по германским заданиям».

Подсудимые планировали оставить страну в разорении после того, как генерал-губернаторство будет лишено своего промышленного потенциала. Не намечалось даже возмещать ущерб, нанесенный в ходе войны. Об этом свидетельствуют документы, как ранее представленные, так и те, которые будут представлены.

Документ ЕС-411, США-299, является копией приказа, датированного 20 ноября 1939 г. и изданного подсудимым Гессом как заместителем фюрера. Этот документ также найден в захваченных архивах верховного командования. Подсудимый Гесс в этом приказе пишет:

«Я слышал от членов партии, которые прибыли из генерал-губернаторства, что различные учреждения, например

военно-экономический штаб, министерство труда и другие, собираются реконструировать и восстанавливать некоторые промышленные предприятия в Варшаве. Однако согласно решению министра, доктора Франка, одобренному фюрером, Варшава не должна быть восстановлена. Целью фюрера не является также восстановление или реконструкция какой-либо промышленности в генерал-губернаторстве».

Теперь я перехожу к осуществляемой подсудимыми программе депортации и переселения людей.

Документ ПС-661, США-300, представляет собой секретный доклад, подготовленный академией германского права в январе 1940 года, о планах массовой эмиграции поляков и евреев из включенных в империю районов Польши в генерал-губернаторство и о насильственном вывозе всех трудоспособных поляков в Германию. Этот документ был получен в Касселе...

«Для проведения в жизнь дорогостоящих и длительных мер по увеличению продукции сельского хозяйства генерал-губернаторство может поглотить примерно 1—1,5 миллиона переселенцев, поскольку оно уже перенаселено. Дальнейшее поглощение примерно 1,6 миллиона переселенцев приведет к тому, что будет достигнута установленная по данным переписи 1925 года численность населения в 133 человека на квадратный километр, что практически, учитывая перенаселенность в сельской местности и отсутствие промышленности, приведет к двойному перенаселению. Поэтому цифра в 1,6 миллиона будет едва достаточной для вывоза из империи....

Для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве нужно временно вывезти дешевые рабочие руки, сотни тысяч их, и держать на работе в течение нескольких лет в старой империи, препятствуя таким образом их естественному биологическому воспроизводству. Следует также препятствовать их ассимиляции в империи...

Нужно принять жесточайшие меры предосторожности для того, чтобы секретные документы, меморандумы и официальная корреспонденция, которые содержат инструкции, направленные против поляков, находились постоянно под замком, чтобы они не попали однажды в «Белые книги», издаваемые в Париже и США».

Документ ПС-2233 (д), США-302, представляет собой дневник Франка за 1939 год, с 25 октября до 15 декабря.

Подсудимый Франк писал: «Рейхсфюрер СС (Гиммлер) хочет, чтобы все евреи были эвакуированы с только что захваченных территорий. Примерно до февраля около миллиона человек должно быть таким образом вывезено в генерал-губернаторство. Семьи хорошего расового происхождения, находящиеся на оккупированной польской территории (около 4 миллионов человек), должны быть вывезены в рейх и расселены там и таким образом уничтожены как представители нации».

Документ ЕС-305, США-303,—совершенно секретный протокол совещания от 12 февраля 1940 г. под председа-

тельством подсудимого Геринга «по вопросам, касающимся Востока». Этот документ был обнаружен в захваченных архивах верховного командования. Гиммлер и Франк присутствовали на этом совещании.

«Во вступлении генерал-фельдмаршал Геринг объявил, что усиление военного потенциала империи должно явиться главной целью всех мер, которые будут проводиться на Востоке.

...Сельское хозяйство. Задача состоит в том, чтобы получить как можно больше сельскохозяйственной продукции из новых восточных районов независимо от того, чьей собственностью являются земли...

Специальные вопросы, касающиеся генерал-губернаторства. Генерал-губернаторство должно будет принять евреев, которых приказано переселить из Германии и новых восточных гау...

Следующие сообщения получены о положении на восточных территориях. Гаулейтер Форстер сообщает: «Население Данцига, присоединенного к западной Пруссии, равнялось 1,5 миллиона, из них: 240 тысяч немцев, 850 тысяч хорошо ассимилировавшихся поляков и 300 тысяч поляков—эмигрантов, евреев и асоциальных элементов. 87 тысяч человек были эвакуированы, 40 тысяч из них из Гдыни. Оттуда должны быть вывезены в генерал-губернаторство многочисленные беженцы, которые сейчас находятся на попечении органов социального обеспечения. Поэтому эвакуация 20 тысяч человек должна быть проведена еще в течение текущего года».

Подобные же отчеты были получены от других гаулейтеров на том же заседании.

Насильственный вывоз населения, о котором сообщалось в этих документах, заключался не только в том, что несчастные жертвы принуждались оставлять свои дома и жить в другом месте. Эти вывозы проводились согласно плану, они проводились самыми жестокими, бесчеловечными способами.

Документ ПС-1918, США-304, является записью речи, произнесенной Гиммлером перед офицерами СС в день ознаменования вручения нацистского флага. В документе нет даты, но содержание его показывает, что речь была произнесена через некоторое время после захвата Польши.

«Очень часто член СС думает о вывозе этих людей. Эти мысли пришли также в голову и мне, когда я наблюдал за очень трудной работой, которую проводит здесь полиция безопасности при содействии наших людей, оказывающих ей очень большую помощь. То же самое случилось в Польше при 40 градусах ниже нуля, когда мы должны были вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч и когда нам пришлось найти в себе жестокость—вы должны услышать это, но затем забыть это навсегда—расстреливать тысячи руководящих деятелей из числа поляков».

Те поляки из включенных в империю районов, которые сумели выжить в результате этого путешествия в генерал-

губернаторство, могли ждать в будущем только невероятных трудностей, унижения и жестокостей.

В документе под номером ЕС-344(16), США-297, содержится заявление Франка о том, что польская экономика должна быть доведена до такого уровня, когда она будет производить лишь самое необходимое для того, чтобы население могло перебиваться с хлеба на воду.

В документе ЕС-410, США-298, говорится, что вся промышленность Польши, которая не является абсолютно необходимой для поддержания минимального уровня существования польского населения, должна быть вывезена в Германию. «Минимальный уровень» означал—голод. Для евреев, которые насильно вывозились в генерал-губернаторство, не оставалось никакой надежды. Их фактически вывозили в могилу. Подсудимый Франк, который по его собственному признанию, посвятил себя их полному уничтожению, пишет в своем дневнике за октябрь—декабрь 1941 года, документ ПС-2233 (д), США-281:

«Мы должны уничтожить всех евреев, где бы мы их ни находили и где это только возможно».

Я обращаюсь теперь к той части программы заговорщиков, которая включала насильственную германизацию—онемечивание населения. Речь идет о германизации находившихся на присоединенных землях лиц, у которых по имеющимся данным имелась немецкая кровь.

Документ ПС-686, США-305, является копией секретного декрета, подписанного 7 октября 1939 г. Гитлером и подсудимыми Герингом и Кейтелем. Этим декретом на Гиммлера возлагалась задача проведения программы германизации.

«На рейхсфюрера СС (Гиммлера) в соответствии с моими директивами возлагаются следующие обязанности:

1. Осуществить возвращение обратно в империю всех лиц германского подданства и этнических немцев из иностранных государств.

2. Уничтожить вредное влияние тех чуждых элементов населения, которые представляют опасность для империи, и для немецких общин.

3. Создать новые германские поселения путем переселения и, в особенности, путем расселения возвращающихся из-за границы в Германию немецких граждан и этнических немцев. Рейхсфюреру предоставлено право принимать все необходимые общие и административные меры для проведения в жизнь его обязанностей».

Представления самого Гиммлера о характере его задач, вставших перед ним вследствие этого декрета, очень ясно выражены в предисловии, которое он написал к «Дойче Арбайт» (выпуск за июнь-июль 1942 года). Это предисловие содержится в документе ПС-2915, США-306.

«Нашей задачей является германизировать Восток не в старом смысле этого слова, когда имелось в виду обучать проживающий там народ немецкому языку и немецкому

закону. Наша задача проследить за тем, чтобы только люди германской крови жили на Востоке».

Документ за номером ПС-2916, США-307, содержит разнообразные материалы, взятые из «Дер Меншенайнзатц» за 1940 год. Это довольно ограниченное по своему распространению издание, которое выпускалось имперским комиссариатом по укреплению германской расы, возглавляемым Гиммлером.

«Устранение иностранного населения из включенных в империю восточных территорий является одной из важнейших задач, которая должна быть нами проведена в жизнь на германском Востоке. Это главная политическая задача, которая должна быть проведена на восточных территориях рейхсфюрером СС и рейхскомиссаром по укреплению германской расы».

Продолжаю цитировать на странице 52 немецкого текста:

«Первоначальные причины, которые сделают абсолютно необходимым возвращение в империю потерянной немецкой крови, таковы:

1. Предотвращение дальнейшего роста польской интеллигенции путем включения в нее семей германского происхождения, даже если они ополячиваются.

2. Увеличение населения расовыми элементами, желательными для германской нации, и приобретение приемлемых с этно-биологической точки зрения источников для воссоздания германского сельского хозяйства и промышленности».

Особый свет на эту программу германизации захваченных восточных территорий, проводившуюся заговорщиками, бросает речь, произнесенная Гиммлером 14 октября 1943 г., документ Л-70, США-308.

Гиммлер сказал:

«Я считаю, что в вопросе, касающемся населения иностранных государств, в особенности славян, мы не должны исходить из немецкой точки зрения, наделять этих людей правильными немецкими идеями, побуждать к логическим умозаключениям, на которые они не способны, но мы должны принять их такими, как они есть. Конечно, при таком смешении людей могут найтись хорошие расовые типы. Поэтому я полагаю, что нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения и, если будет необходимо, даже просто выкрадывать или отнимать детей насильно. Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Гиммлер далее заявил:

«Для нас конец этой войны будет означать открытую дорогу на Восток, создание немецкой империи тем или другим путем и возвращение домой 30 миллионов человек нашей крови. Таким образом, еще при жизни нашего поколения мы станем народом в 120 миллионов человек.

Это означает, что мы будем единственной решающей силой в Европе. Это означает, что мы сможем тогда получить мир и в течение ближайших 20 лет перестроить наши деревни и города, расширить границы нашего германского государства еще на 500 километров на Восток».

Для проведения этого противозаконного плана гитлеровцы ввели расовую регистрацию во включенных в империю районах Польши. Эта система регистрации является разработанной методикой классификации людей, которые должны были, по мнению немцев, обладать немецкой кровью. В каждой графе этой классификации содержались указания на некоторые права и привилегии, а также обязанности каждой из групп...

Система расовой регистрации была одобрена декретом от 12 сентября 1940 г., изданным и подписанным Гиммлером в качестве рейхскомиссара по укреплению германской расы. Декрет содержится в документе ПС-2916, США-307.

«Только для служебного пользования.

Список этнических немцев подразделяется на четыре категории.

1. Этнические немцы, активно участвовавшие в этнической борьбе. Кроме принадлежности к немецким организациям, всякая другая деятельность в пользу немцев против иностранного государства также должна рассматриваться как факт такой активности.

2. Этнические немцы, которые не действовали активно в пользу германской нации, но которые сохранили вполне очевидные черты германского происхождения.

3. Лица германского происхождения, которые были тесно связаны с польской нацией в течение многих лет, но которые имеют все предпосылки стать полноценными представителями германского сообщества. К этой группе принадлежат также люди не немецкого происхождения, которые находятся в смешанном браке с этническими германцами и на которых благотворно сказалось влияние немецкого супруга. К этой группе принадлежат также лица, происходящие от Мазурской, Кушубянской, Слонзакской и Верхнесилезской ветвей, которые признаются этническими немцами.

4. Лица, которые не включены в списки этнических немцев, являются поляками либо иностранцами. Обращение с ними регулируется по В-II.

Лица третьей и четвертой групп должны быть воспитаны как полноценные немцы, то есть они должны быть снова онемечены с течением времени путем специальной воспитательной системы внутри старой Германии. Создание четвертой группы основывается на доктрине, согласно которой германская кровь не должна использоваться в интересах другой нации.

Против тех, кто противится германизации, полиция безопасности должна принять жесточайшие политические меры».

Основной принцип расовой регистрации для лиц немецкого происхождения был изложен в декрете от 4 марта

1941 г., подписанном Гиммлером и подсудимыми Фриком и Гессом. Этот декрет напечатан в «Рейхсгезетцблатт» за 1941 год, часть 1, страница 118.

Весь аппарат СС был брошен на активное проведение этих декретов. Вот еще документ Р-112, США-309,—декрет, изданный Гиммлером 16 февраля 1942 г. как рейхскомиссаром по консолидации германской нации.

«I. Там, где этнические немцы еще не явились для включения в «германский этнический список», вы должны инструктировать подчиненные вам организации, сообщать их фамилии государственной полиции безопасности (главному управлению), а затем сообщать об этом мне.

II. Местные (вышестоящие) управления полиции позаботятся о том, чтобы лица, чьи фамилии были переданы в полицию, в течение 8 дней явились для того, чтобы включиться в список германских этнических немцев. Если они не явятся, они должны быть подвергнуты предварительному заключению для последующей отправки их в концентрационные лагеря».

Меры, которые были предприняты против лиц четвертой категории, называемых гитлеровцами, «ополяченными немцами», были жестокими. Эти люди сопротивлялись онемечиванию и должны были подвергаться, согласно предписанию, самым жестоким мерам воздействия. Там, где предыстория или биография человека показывала, что его будет трудно германизировать, его просто бросали в концентрационный лагерь. Некоторые из этих мер изложены в подразделе «А» второго раздела на странице 5 документа Р-112—второго декрета, датированного 16 февраля 1942 г.

«Регерманизация колониальных немцев предполагает их полнейшее отделение от польского окружения. Для этой цели лица, входящие в четвертую группу этнического списка, должны быть подвергнуты следующим мерам:

А. Их нужно переселить на территорию старой германской империи.

1. Руководители СС и главного управления полиции безопасности должны провести эвакуацию и переселение их согласно инструкциям, которые будут даны позже.

2. Социально опасные лица и другие, которые с точки зрения наследственности находятся на низком уровне, не должны входить в списки для переселения. Их имена должны быть немедленно переданы высшему руководству СС и полиции (инспектору службы безопасности), а от них—в главное управление государственной полиции безопасности, которое займется тем, что отправит их в концентрационные лагеря.

3. Лица, имеющие очень плохую политическую характеристику, не должны быть включены в списки для переселения. Их имена также должны быть переданы управлению СС и соответствующим органам управления имперской безопасности для отправки их в концентрационные лагеря. Жены и дети таких людей должны быть переселены на территорию империи и включены в список мероприятий по

германизации. Там, где жены также имеют очень плохую политическую характеристику и не могут быть включены в список для переселения, они должны быть переданы вышестоящему органу государственной полиции безопасности для заключения об отправке в концлагерь. В таких случаях дети должны быть отняты у родителей и с ними должны обращаться согласно пункту 3, абзацу 2 настоящего декрета.

Лица, которые обладают особенно плохой политической характеристикой, например, оскорбляли немецкую нацию, участвовали в преследованиях немцев, в бойкотах и т. д. и т. п., должны быть также отправлены в лагеря».

В соответствии с программой германизации лиц германского происхождения гитлеровцы, как прежде было указано, предприняли шаги к тому, чтобы переселить большое количество немцев, оказавшихся проверенными с точки зрения нацистских убеждений, во вновь захваченные районы. Эта часть их программы будет совершенно ясна из статьи обергруппенфюрера СС и генерала полиции Вильгельма Коппе, одного из доверенных лиц Гиммлера, документ ПС-2915, США-306.

«Победа германского оружия на Востоке,—говорится в статье,—должна вызвать победу германской расы над польской расой, если захваченные восточные территории согласно воле фюрера с этого времени навсегда останутся существенной составной частью великой германской империи в расширенных границах. Поэтому чрезвычайно важно проникнуть в захваченные немцами районы и заселить их германскими фермерами, рабочими, служащими, торговцами и ремесленниками для того, чтобы мы могли создать там крепкий и жизнеспособный бастион германского народа, чтобы он явился для нас стеной против проникновения иностранного влияния и, возможно, трамплином для расового проникновения далее, в глубь восточных территорий».

В генерал-губернаторстве было сравнительно мало людей, которые могли быть квалифицированы как немцы по нормам, установленным заговорщиками. Поэтому здесь было бы мало проку от расовой регистрации, которая распределяла на группы граждан германского происхождения по модели, которая была принята во включенных в империю районах...

Немцы старались: а) превратить генерал-губернаторство в колонию Германии. Об этой задаче говорил подсудимый Франк, документ ЕС-344 (16), США-297; б) создать так называемые «германские поселенческие островки» в высокоплодородных сельскохозяйственных районах. Эти островки должны были создаваться путем переселения лиц германского происхождения, которые верно следуют принципам национал-социализма.

Документ ПС-910, США-310,—секретные заметки, помеченные: «Министерство внутренних дел. Краков, 30 марта 1942 г.». Они касаются заявления Гиммлера относительно «плановой германизации» генерал-губернаторства.

«Рейхсфюрер СС Гиммлер высказал свои соображения по поводу проведения пятилетнего плана переселения после войны, с тем чтобы в первую очередь заполнить новые германские восточные территории. Предполагается впоследствии создать такие условия, при которых в Крыму и в прибалтийских районах будет проживать высший немецкий класс. Что касается генерал-губернаторства, может быть, следует прежде всего организовать там островные немецкие поселения. Однако еще нет окончательного решения по этому вопросу. Во всяком случае желательно, чтобы сначала была проведена значительная колонизация по берегам Сана и Буга таким образом, чтобы польские поселения были окружены другим иностранным населением.

До сих пор факты доказывали, что такого рода поселения быстрее всего ведут к желанной нацификации».

Документ ПС-2233(h), США-311,—дневник подсудимого Франка, 1941 год, том 2, страница 317.

Франк писал в своем дневнике:

«Благодаря мужеству наших солдат эта территория стала немецкой. И придет время, когда долины Вислы от ее истоков до ее устья станут немецкими, такими же немецкими, как и долина Рейна»...

Документ ПС-1352, США-176, представляет собой отчет Куше от 22 мая 1940 г., озаглавленный: «Подробности конфискации в Бельском районе».

Куше писал в нем:

«Несколько дней тому назад комендант концентрационного лагеря, который строится сейчас в Освенциме, говорил с руководителем группы кадров Мюллером и требовал поддержки для проведения в жизнь своих функций. Он сказал, что совершенно необходимо конфисковать сельскохозяйственную собственность вокруг строящегося лагеря на протяжении нескольких миль, поскольку не только поля, но и жилые дома непосредственно примыкают к лагерю. Проведенная 21-го числа этого месяца проверка показала, что нет ни малейшего сомнения в том, что все эти сельскохозяйственные владения или дворы должны быть конфискованы. Комендант лагеря требует также передачи ему некоторого количества земли для того, чтобы заключенные в лагере имели достаточно работы. Все это можно сделать без труда, так как для указанной цели можно использовать достаточное количество земли. Владельцами участков являются поляки...

У меня произошел следующий разговор с главой управления труда в Бельске. Недостаток сельскохозяйственных рабочих все еще существует в старой империи. Перевозка и транспортировка бывших собственников конфискованных хозяйств, а также их семей в империю вполне возможна без всяких дальнейших задержек. Необходимо только, чтобы биржа труда вовремя получила список этих людей для того, чтобы предпринять необходимые шаги по организации транспорта и распределению людей по районам, которым необходимы рабочие руки...

Конфискация польских хозяйств в Альзене также должна быть проведена в течение ближайших нескольких дней.

Комендант концлагеря предоставит отряд СС и грузовик для проведения этой акции. Если будет невозможно вывезти всех поляков из Альзена в Освенцим, они должны быть тогда переведены в пустой сейчас замок Затор. Освободившаяся польская собственность должна быть передана расовым этническим немцам...»

Документ Р-92, США-312, датированный 15 апреля 1941 г., помечен инициалами рейхсфюрера СС, имперского комиссара по укреплению германской расы, и назван: «Инструкция относительно применения закона о собственности поляков от 17 октября 1940 г. Для служебного пользования».

«Условия, которые разрешают захват собственности согласно подразделу 2 (а) раздела II, всегда имеются в наличии, если собственность принадлежит поляку. Тот факт, что вся польская собственность без исключения будет нужна для консолидации германской расы, не подлежит сомнению...

Прошу обратить внимание на данные о выполнении указанной инструкции. Эти данные показывают, что к 31 мая 1943 г. было уже захвачено поразительно большое число хозяйств (693 252 хозяйства), владевших 6 097 525 га. Кроме того, 9508 хозяйств, владевших 270 446 га, были уже конфискованы в районе Данцига, в Познани, Силезии и Зихенау. Эти данные дают представление о размерах конфискации. Этим заключаются наши данные о конфискации собственности в Польше».

Документ ПС-862, США-313,— совершенно секретный отчет, датированный 15 ноября 1940 г. и написанный генералом Фридеричи — заместителем командующего вооруженными силами в Богемии и Моравии. Существовало всего четыре копии этого документа. Мы представляем оригинал с собственноручными инициалами Кейтеля и Иодля. «9 октября этого года,— говорится в документе,— канцелярия рейхспротектора провела официальное совещание, на котором выступил группенфюрер СС К. Г. Франк.

Со времени создания протектората Богемия и Моравия партийные организации и промышленные круги, так же как и организации центральных властей в Берлине, встречались с трудностями в разрешении чешской проблемы. После длительных размышлений рейхспротектор высказал точку зрения по поводу различных планов в меморандуме. Таким образом, было предложено три пути для разрешения этого вопроса:

а) инфильтрация немцев в Моравию и снижение количества представителей чешской национальности разрешением им селиться только в Богемии. Этот путь рассматривался как неудовлетворительный, потому что чешская проблема, хотя и в менее острой форме, все-таки продолжала бы существовать;

б) можно было бы привести много аргументов против более радикального разрешения вопроса, а именно против

вывоза всех чехов. Поэтому в меморандуме приходят к заключению, что это решение должно быть отвергнуто, потому что оно не может быть выполнено в течение короткого времени;

в) ассимиляция чехов, то есть поглощение примерно половины чехов немцами, если чехи обладают положительными расовыми или личными характеристиками. Это можно провести также путем увеличения количества используемых в качестве рабочей силы чехов на территории империи (за исключением пограничных судетских районов). Другими словами, нужно будет разбросать по всей империи чешскую национальность. Другая половина чешской национальности должна быть лишена власти, уничтожена и вывезена из страны любыми методами. Это относится в особенности к смешанным с расовой точки зрения частям населения и к большей части интеллигенции. Вряд ли можно будет идеологически обратить эту часть в другую веру. Она по существу явится только бременем, потому что будет претендовать на руководство чехами и тем самым будет мешать их быстрой ассимиляции. Элементы, которые будут противодействовать планам германизации, должны быть устранены и уничтожены...

Проведение такого мероприятия, естественно, предполагает увеличение количества немцев, переселенных с территории империи на территорию протектората. После обсуждения фюрер избрал последнее решение—ассимиляцию как мероприятие для разрешения чешского вопроса, однако внешне решил сохранять видимость автономии протектората, а по существу проводить германизацию централизованно, через канцелярию рейхспротектора, и делать это в течение ближайших лет. Из сказанного вооруженные силы не должны делать никакого вывода. В этой связи я ссылаюсь на свой меморандум, который был послан руководству вооруженными силами 12 июля 1939 г. (папка номер 6/39, совершенно секретно)».

Указанный меморандум, озаглавленный: «Чешская проблема», является приложением к цитированному документу и подписан представителем вооруженных сил при рейхспротекторе Богемии и Моравии генералом пехоты Фридеричи. С разрешения Суда я хотел бы дать некоторые комментарии к этому меморандуму.

Во-первых, я обращаю внимание на первое решение. Это решение требовало ввоза немцев в Моравию и насильственного вывоза чехов в Богемию. Как вы знаете, Моравия находится между Богемией и Словакией. Таким образом, решение «А» вызвало бы создание германского государства между Богемией и Словакией и тем самым мешало бы активному общению между чехами и словаками. Тем самым на пути исторического стремления к единению, существующего между этими двумя группами миролюбивых народов, создавалась преграда, а само существование Чехословакии ставилось под угрозу.

Решение «А», надо заметить, было отвергнуто потому, что выжившие чехи, хотя бы и «ограниченные» чертой оседлости в Богемии, все-таки представляли бы опасность для нацистов.

Решение «В», которое предполагало насильственную депортацию всех чехов, было отвергнуто не потому, что оно было признано слишком жестоким, а скорее потому, что оно не было достаточно быстрым и радикальным. Надо было найти более быстрый способ более радикального решения этой проблемы.

Решение «С» рассматривалось как самое желательное и было принято. Это решение предполагало прежде всего ассимиляцию половины чешского населения немцами, что означало:

а) насильственную германизацию тех, кого считали расово полноценными;

б) вывоз на рабский труд в Германию всех остальных.

Решение «С» далее фактически предусматривало уничтожение и вывоз «любого рода методами» второй половины чешского населения, особенно интеллигенции и тех, кто не отвечал расовым требованиям заговорщиков. Интеллигенция везде являлась пугалом для гитлеровцев. И чешская интеллигенция не составляла исключения, являясь примером мужества и самопожертвования в борьбе с нацистской идеологией. Поэтому она, с точки зрения немцев, должна была быть уничтожена. «Все элементы, которые противодействуют плану германизации, должны подвергнуться жестокому обращению и уничтожению».

Это означало, что такая интеллигенция и другие недовольные элементы должны быть брошены немедленно в концентрационные лагеря или немедленно же уничтожены. Короче говоря, решение «С» попросту является практическим применением нацистской философии, которую выразил Гиммлер в своей речи: «Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Грабеж в оккупированных странах Запада дополнялся: а) громадными оккупационными налогами, б) насильственными мошенническими операциями и в) конфискацией золота и иностранной валюты.

В качестве иллюстрации и для того, чтобы показать, что планы заговорщиков включали оккупированные страны Запада, как и восточные, мы представим документ Р-114, США-314, — меморандумы, датированные 7 и 29 августа 1942 г. Они найдены в личных архивах Гиммлера. Первый меморандум освещает совещание офицеров СС у Гиммлера. Он озаглавлен: «Основное руководство по обращению с вывезенными эльзасцами». Второй меморандум, помеченный грифом «секретно», назван: «Перевод эльзасцев в собственно Германию». Меморандум показывает, что намечались планы, которые частично уже были проведены в

жизнь, по вывозу эльзасцев, враждебно относившихся к немцам, и по германизации этой провинции.

В меморандуме, озаглавленном «Основное руководство по обращению с вывезенными эльзасцами», говорится: «Первая операция была проведена в Эльзасе в период с июля по декабрь 1940 года. В течение этой операции 105 тысяч человек были или высланы из Эльзаса, или получили запрещение возвратиться на родину. Это были главным образом евреи, цыгане и другие лица чуждой расы, а также преступники, антиобщественные элементы или неизлечимые психически больные люди и, кроме того, французы и франкофилы.

Население, говорившее на местном диалекте, было прочесано и вывезено в результате целой серии облав, точно так же, как и другие эльзасцы. Гаулейтер Вагнер проводил все эти меры, ссылаясь на разрешение фюрера провести чистку Эльзаса от всех иностранцев, больных и ненадежных элементов. Он указал на политическую необходимость новой—второй—депортации, подготовка к которой должна быть завершена как можно скорее.

Вот вкратце те соображения, которые мы хотели представить Суду по данному вопросу.

Из допроса свидетеля Я. ФОРРИНКА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 2 февраля 1946 г.

Председатель (*обращаясь к свидетелю*): *Назовите Ваше имя и фамилию.*

Свидетель: *Якубус Форринк.*

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

(*Свидетель повторяет слова присяги*)

Фор (*обращаясь к свидетелю*): *Господин Форринк, Вы являетесь сенатором Голландии?*

Форринк: *Да.*

Фор: *Вы председатель социалистической партии Голландии?*

Форринк: *Да.*

Фор: *Вы выполняли эти функции в 1940 году, в момент вторжения в Голландию немцев?*

Форринк: *Да.*

Фор: *Я хотел бы попросить Вас дать некоторые разъяснения о следующем: еще до вторжения немцев в Голландии существовала национал-социалистская партия, я хотел*

---

[1] IMT, vol. 6, p. 489—499.

бы, чтобы Вы сказали, каково было положение различных политических партий Голландии после вторжения немцев, в частности положение национал-социалистской партии, и какое участие она принимала в немецкой оккупации?

Форринк: *Политическая ситуация, создавшаяся в Голландии после захвата ее немецкими войсками, была такова, что в первую очередь потребовалось поддержать спокойствие и порядок внутри страны. Сразу же после оккупации в Голландию прибыли настоящие нацисты, которые стали организовывать и направлять общественную жизнь страны по тому руслу, по какому это было нужно с их точки зрения. По нашему мнению, это были немцы, представляющие три основных направления. Первого направления придерживались верующие в единство «крови и территории». Они хотели приобщить к идеям национал-социализма весь голландский народ. Я должен сказать, что в некотором отношении это было для нас несчастьем, так как эти люди, исходя из их теории единства «крови и территории», «любили» нас слишком горячо. Когда же они не обнаружили у нас никаких взаимных чувств, то их любовь превратилась в ненависть.*

Второе направление представляли политически информированные. Эти люди знали совершенно точно, что нидерландские нацисты составляли в Голландии маленькую ненавистную для населения группу. Правда, во время выборов в 1935 году они получили 8 процентов голосов, но уже два года спустя это количество уменьшилось вдвое. Эти люди представляли собой воплощение бестактности. Они умудрились, например, организовать митинг нацистов в то время, когда еще дымились развалины Роттердама; на митинге фюрер голландских нацистов Муссерт выступил с предложением послать Герингу в дар колокол за его «заслуги» перед голландским народом, но, к счастью, это не спасло их от поражения.

Третье направление представляли так называемые интриганы. Это были люди, которые страшно хотели разрушить национальное единство Голландии. Эти люди в первую очередь пытались через Зейсс-Инкварта лестью привлечь на свою сторону голландский народ. Они, как и Зейсс-Инкварт, всегда подчеркивали, что голландский народ того же происхождения, что и немецкий, что оба народа должны сотрудничать, а на самом деле они натравливали представителей других направлений друг на друга.

В Голландии в то время существовала национал-социалистская рабочая партия. Существовали также национал-социалистский фронт и национальный фронт.

Эти три организации имели связи с известными германскими инстанциями. Немцы сначала пытались узнать возможности использования этих групп в своих целях. Но постепенно они должны были признать, что с этими группами ничего сделать не удастся. В конце концов они решили сотрудничать лишь с национал-социалистским движением. Входившие в него нацисты заняли затем посты в

голландском государственном аппарате. Они получили высокие должности во внутренних управленческих аппаратах страны, стали комиссарами провинций, бургомистрами и т. д. В качестве иллюстрации я хотел бы рассказать следующее. Так как квалифицированных людей все-таки было очень мало, нацисты в конце концов учредили курсы для подготовки бургомистров. Они сумели при этом добиться рекордных успехов, так как за три недели им удалось подготовить бургомистров для Голландии. Вы сами можете себе представить, что это были за бургомистры. В дальнейшем они иногда становились управляющими в нацифицированных учреждениях или торговых домах. Таким образом, им удалось занять известные командные должности в Голландии. Вели они себя в это время как трусливые нацистские холопы. Господин Рост ван Тоннинген бросал миллионы гульденов на финансирование войны с Россией, заявляя при этом, что он делает это во имя борьбы с большевизмом. В декабре 1942 года Зейсс-Инкварт объявил нацистов носителями политических идей в Голландии. И если бы это не было так печально, то следовало бы просто смеяться над этим. Муссерт был объявлен фюрером голландского народа.

Я должен добавить, что в политическом отношении национал-социалистское движение оставалось в тени, хотя, правда, у представителей этого движения была возможность устраивать свои личные дела. Я также хотел бы добавить, что, к сожалению, им удавалось иногда вскружить голову голландской молодежи. Несколько тысяч юношей вступили в СС. В последние годы дело стало еще хуже. Они сумели без согласия на то родителей сагитировать несовершеннолетних вступить в СС. Они довели дело до того, что воспитанники различных воспитательных домов были принуждены служить в войсках СС.

Я случайно лично знаю юношей, которые жили в конфликте с родителями и вступили затем в СС, так как это обстоятельство было нужным образом использовано.

Нужно было поговорить, как это часто я делал, с этими детьми, чтобы понять, какое преступление было совершено нацистским режимом по отношению к этим молодым людям.

Фор: Господин Форринк, насколько я понял, все приемы, к которым прибегали немцы, преследовали одну цель — осуществление нацификации Голландии, и если существовало, как Вы сказали, несколько различных тенденций у немцев, они различались только с точки зрения применяемых средств, а не в отношении целей германизации.

Форринк: Нацификация Голландии проводилась практически во всех областях жизни нашей страны. Немцы пытались везде ввести принцип фюрерства. Например, я хотел бы указать на следующий факт. Вопреки нашим первона-

чальным опасениям не были запрещены профсоюзы. Оказалось, это была лишь попытка использовать их в своих целях. Они послали туда нацистского комиссара и сказали людям: «Время демократии прошло. Вам нужно лишь спокойно работать дальше под руководством комиссара и вы сможете продолжать свою чудесную работу в интересах рабочих. Нет необходимости менять что-либо». То же самое они пытались сделать с голландскими политическими партиями. Будучи председателем нидерландской социал-демократической рабочей партии, я имел однажды длительную беседу с Рост ван Тоннигеном, который лично выразил мне сожаление, что большая культурная работа по воспитанию рабочих приостановлена. Мы оба мол стремимся к социализму и должны спокойно работать вместе. Я отказался от этого предложения, заявив, что для нас демократия не является чем-то таким, от чего можно сразу отказаться. Это составляет часть нашего мировоззрения, и мы не привыкли совершать предательство в отношении наших убеждений и идеалов.

Они пытались удержать рабочих в своих организациях, но рабочие тысячами и десятками тысяч постепенно выходили из них. Когда в конце концов был создан Национальный трудовой фронт из католических и христианских профсоюзов, то существовало только название, а членов организации не было.

Фор: Можете ли Вы уточнить, проводилось ли в стране преследование евреев?

Форринк: Самое ужасное, что мы должны были претерпеть в Голландии, это было преследование евреев. Вы, может быть, знаете, что в Голландии, и особенно в Амстердаме, было значительное количество евреев. Евреи принимали деятельное участие в общественной и культурной жизни Голландии, и можно с уверенностью сказать, что в Голландии не было антисемитизма. Когда пришли немцы, то они обещали нам, что с евреями ничего не случится. Но, несмотря на это, уже в первые недели прокатилась волна самоубийств евреев. В последующие месяцы последовали антисемитские мероприятия. Профессоров университетов принуждали уйти с работы. Председатель Верховного суда в Голландии уволен. Затем евреев обязали пройти регистрацию. В конце концов пришло время, когда евреев стали высылать в больших количествах. Голландские студенты устроили забастовку, когда были сняты их профессора-евреи, а рабочие Амстердама объявили забастовку, когда начались преследования евреев. Но, может быть, нужно было видеть собственными глазами то, что удалось видеть мне, чтобы знать, какую варварскую систему представлял собой нацизм. Полиция огородила целые кварталы города, врывалась в квартиры, занимала крыши домов, выгоняла старых и молодых из домов и сажала в свои машины. Со старыми и молодыми они обходились совершенно одинаково. Мы видели, как на носилках из квартир выносили семидесятилетних старух,

лежавших дома больными и ничего больше не желавших, как спокойно умереть у себя дома; их отправляли в Вестербург, а оттуда в Германию, где они умирали ужасной смертью.

Я лично помню, как из дома вытащили мать с грудным ребенком. Она передала своего ребенка какой-то женщине нееврейского происхождения с просьбой позаботиться о нем. И сейчас в Голландии имеются тысячи семей, в которых живут и воспитываются как собственные еврейские дети.

Фор: Можете ли Вы сказать, как немцы относились к представителям других вероисповеданий?

Форринк: С самого начала немцы были заинтересованы в том, чтобы включить церкви в сферу своей власти. Все церкви, как католические, так и протестантские, всякий раз выражали протест, когда нацисты глумились над правами человека, то есть: арестов, массовой депортации рабочих и евреев. Разумеется, духовенство не могло не страдать из-за этого. Сотни священников и пасторов были заключены в концентрационные лагеря. Кстати, из 20 священников, находившихся в Заксенхаузене, которых я знал лично, в Голландию вернулся только один.

Фор: Можете ли Вы сказать нам, какие мероприятия проводились в области культуры, пропаганды, искусства, образования?

Форринк: Что нас больше всего оскорбляло, это не наше военное поражение. Мы — немногочисленная нация, мы боролись как только могли. Но я считаю, что было бы вполне возможно поддерживать корректные отношения с оккупационными властями, если бы они не старались подавить нас не только в военном, но и в духовном, моральном отношении. Они не прекращали своих попыток задушить культурную жизнь страны и нацифицировать нас. Так, в области прессы они принуждали нас публиковать статьи, написанные немцами, и выдавать их за статьи, написанные главными редакторами соответствующих газет.

Можно даже сказать, что эти мероприятия послужили исходным пунктом для возникновения широкой нелегальной печати, так как мы не хотели дать возможность процветать этому обману. У нас была также потребность иметь печать, которая говорила бы правду. То же самое было и с радио. Было строго запрещено слушать иностранные передачи. Они не стыдились карать строжайшим образом тех, кто нарушал это положение. А в Голландии таких нарушителей, слушавших английское радио, было немало...

Эти ограничения мы особенно глубоко сознавали, вследствие чего у нас возникло движение Сопротивления, поддерживаемое нашими союзными друзьями.

То же самое было и в области искусства. Немцы создали целую серию гильдий: художников, литераторов, музыкантов, после чего они стали принуждать вступать в них работников искусства. В Голландии писатель, например, не

мог опубликовать своей книги, не предъявив ее сначала какому-нибудь безграмотному нацисту для проверки.

Школы они тоже хотели подчинить своему влиянию. Для этого они прибегали к различным средствам.

Из допроса свидетеля ВАН-ДЕР-ЭССЕНА [1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 4 февраля 1946 г.

Фор *(представитель обвинения от Франции): С разрешения Трибунала я хотел бы вызвать для допроса свидетеля Ван-Дер-Эссена.*

Председатель: *Пожалуйста.*

(К микрофону подходит Ван-Дер-Эссен)

Председатель: *Как Ваша фамилия?*

Свидетель: *Ван-Дер-Эссен.*

Председатель: *Повторите за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Фор: *Господин Ван-Дер-Эссен, Вы преподаете историю на литературном факультете института в Лувене?*

Ван-Дер-Эссен: *Да.*

Фор: *Вы генеральный секретарь университета в Лувене?*

Ван-Дер-Эссен: *Да.*

Фор: *Вы находились в Бельгии в течение всего периода оккупации?*

Ван-Дер-Эссен: *С конца июля 1940 года я не выезжал из Бельгии.*

Фор: *Можете ли Вы сказать, как происходило разорение библиотеки в Лувене?*

Ван-Дер-Эссен: *Как известно, уже в 1914 году эта библиотека, которая была, без сомнения, одной из самых богатых университетских библиотек по всей Европе и содержала многочисленные инкунабулы, рукописи и книги XVI и XVII веков, подвергалась систематическому разрушению и поджигалась немецкими солдатами 9-го корпуса резервной армии.*

На этот раз, в 1940 году повторилось то же самое: библиотека систематически разрушалась немецкой армией. Для того чтобы это стало понятным, я должен прежде всего сказать, что, согласно всем свидетельским показаниям, пожар начался в ночь с 16 на 17 мая 1940 г. в 1 ч. 30 м. утра. Как раз на заре 17-го числа английская армия производила необходимые маневры, покидая обо-

---

[1] IMT, vol. 6, p. 534—554.

ронительную линию «KW». С другой стороны, совершенно достоверно, что первые немецкие части вошли только 17 мая около 8 часов утра.

Этот перерыв между моментом ухода последних английских войск и приходом немцев дал последним повод распространить версию о том, что английские войска систематически разрушали библиотеку.

Я должен категорически опровергнуть здесь эту версию: библиотека Лувенского университета была разрушена в результате систематического обстрела ее немецкой артиллерией. Две батареи, из которых одна была расположена в деревне Корбек, а другая — в деревне Ловенжуль, каждая со своей стороны, систематически обстреливала именно библиотеку. Лучшим доказательством этого служит то, что все бомбы падали только на библиотеку. Случайно был поврежден лишь один дом, находившийся в том же квартале, а в башню библиотеки снаряды попали 11 раз — 4 раза со стороны батареи, стрелявшей из Ловенжуля, и 7 раз — со стороны батареи, стрелявшей из Корбека. Перед тем, как батарея в Ловенжуле открыла огонь, офицер, который ею командовал, потребовал от Виньерона, жителя деревни, чтобы он сопровождал его в поле. Когда они пришли к такому месту, откуда была видна башня библиотеки, офицер спросил: «Это точно башня университетской библиотеки?» Ответ был утвердительный. Офицер еще раз настойчиво спросил крестьянина, уверен ли он. «Ну, конечно, — ответил крестьянин, — раз я ее вижу каждый день так, как вы ее видите сейчас». Через пять минут после этого начался артиллерийский обстрел, и сейчас же столб дыма поднялся совсем рядом с башней.

Таким образом, не может быть никакого сомнения, что этот обстрел был систематическим и в качестве мишени была избрана именно библиотека.

В то же время совершенно определенно известно, что эскадрилья из 43 самолетов летала над библиотекой и сбрасывала бомбы на здание.

Фор: Господин Ван-Дер-Эссен, Вы являетесь членом официальной бельгийской Комиссии по расследованию военных преступлений?

Ван-Дер-Эссен: Да, господин Фор.

Фор: В качестве такового Вы проводили следствие о событиях, о которых Вы нам только что поведали?

Ван-Дер-Эссен: Совершенно правильно.

Фор: Те показания, которые Вы сейчас дали Трибуналу, являются результатом расследования, которое Вы провели, и допроса свидетелей, которых Вы лично опрашивали?

Ван-Дер-Эссен: То, что я заявил здесь, действительно является результатом официального следствия, проведенного бельгийской Комиссией по расследованию военных преступлений, которая допрашивала свидетелей под присягой.

Фор: *Можете ли Вы рассказать о тех мероприятиях по нацификации Бельгии, которые проводились немцами, в частности, о посягательстве на обычные конституционные права национальных властей?*

Ван-Дер-Эссен: *Да, конечно. Прежде всего интересно будет отметить, что немцы нарушили один из основных принципов бельгийской Конституции и законов, который состоял в разделении властей, то есть в разделении властей исполнительной и законодательной, потому что в многочисленных организациях нового порядка, которые они сами создавали как указами, так и путем предложения коллаборационистам об их создании, они всегда соединяли воедино исполнительную и законодательную власть, и, кроме того, у них никогда не существовала или, во всяком случае, была сильно ограничена свобода слова, защиты.*

Но еще более важен тот факт, что они предприняли уничтожение того, что в истории нашей страны восходит еще к очень раннему периоду, к периоду средних веков. Я говорю об автономности общин, которая гарантировала нас и народ от слишком опасного вмешательства центральной власти.

В этой области произошло следующее: достаточно прочитать за определенный период бельгийские газеты, которые сейчас выходят, чтобы установить, что бургомистры, старейшины, возглавляющие общины в таких главнейших городах, как Брюссель, Гент, Льеж, Шарлеруа, и многих второстепенных городах, все сейчас либо находятся в тюрьме, либо уже предстали перед военным судом. Это достаточно ясно показывает, что эти бургомистры и старейшины являются не теми лицами, которых назначили король и бельгийское правительство до 1940 года, а людьми, которых назначал враг при посредстве коллаборационистских групп ВНВ (VNV) или «рекситов».

Очень важно констатировать этот факт потому, что с тех пор, как бургомистры стали зависеть непосредственно от центральной власти, то есть с момента, когда был введен принцип фюрерства, они получили возможность вмешиваться различными способами в административную, политическую и общественную жизнь. Бургомистр назначает старейшин, старейшины назначают служащих и чиновников общины, и поскольку бургомистры состояли в нацистской партии и ею назначались, они назначали в качестве чиновников также членов этой партии, которые получали возможность, например, отказать в выдаче продовольственных карточек людям, уклоняющимся от подчинения введенным немцами порядкам, поручать полиции составлять списки коммунистов или тех, кто подозревался в принадлежности к коммунистам. Короче говоря, всеми средствами вмешиваться в общественную жизнь Бельгии.

В больших и малых городах — повсюду существовала настоящая сеть шпионажа, как следствие тех событий и фактов, о которых я говорил.

Фор: *Таким образом, будет совершенно правильно утверждать, что вмешательство немцев в управление общи-*

нами означало отмену национального суверенитета Бельгии?

Ван-Дер-Эссен: *Да, конечно, это совершенно правильно, потому что они упразднили основной конституционный принцип Бельгии, то есть суверенитет, принадлежащий нации, а именно общинным советам, которые сами назначали раньше бургомистров и старшин. При немцах общинные советы не могли нормально осуществлять свою деятельность, и поэтому суверенитет бельгийского народа был непосредственно нарушен.*

Фор: *Поскольку Вы являетесь преподавателем высшего учебного заведения, можете ли Вы рассказать нам о вмешательстве немцев в область преподавания?*

Ван-Дер-Эссен: *Да, конечно. Прежде всего осуществлялось вмешательство в области начального и среднего образования. Для этого немцы оказывали давление на генерального секретаря, ведавшего народным образованием. Была создана комиссия по проверке учебных пособий. Было запрещено пользоваться учебниками, в которых говорилось о том, что немцы делали в Бельгии во время войны 1914 — 1918 гг. Эта тема была строжайше запрещена, и такие книги могли продаваться только при том условии, если продавцы или владельцы магазинов вырывали всю эту главу целиком.*

При переиздании и издании новых книг эта комиссия точно указывала, что именно должно быть изъято и зачеркнуто.

Вот то, что касается опасного и очень значительного вмешательства немцев в начальное и среднее образование.

Что касается высшего образования, то здесь вмешательство немцев происходило с самого начала оккупации и было направлено, прежде всего, по причинам, которых я здесь касаться не буду, но которые хорошо известны, против свободного Брюссельского университета. Прежде всего, немцы назначили в Брюссельский университет немецкого уполномоченного, который контролировал его деятельность во всех отношениях, вплоть, мне кажется, до бухгалтерии.

Кроме того, они потребовали смены преподавателей. Но самые большие затруднения начались с того момента, когда в Брюсселе, как и повсюду, они потребовали, чтобы им сообщались заранее все кандидатуры тех профессоров, которые должны назначаться, а также все дисциплины в университетах. В результате этого присвоенного ими права они хотели навязать Брюссельскому университету трех преподавателей, из которых два были совершенно неприемлемы для каждого бельгийца, достойного носить это имя.

Один из них был членом фландрского совета во время оккупации 1914—1918 годов и потом был приговорен к смертной казни судом этой страны. Теперь же, в 1940 году, немцы предлагали назначить его преподавателем Брюс-

сельского университета. При этих условиях университет отказался принять этого преподавателя, что было расценено оккупационными властями как акт саботажа. В качестве санкции председатель административного совета университета, основные члены административного совета, деканы основных факультетов университета и некоторые преподаватели, особенно известные как антифашисты, были арестованы и заключены в тюрьму Витте. При этом они рассматривались как заложники и в случае какого-либо акта саботажа или сопротивления могли быть расстреляны.

Что касается других университетов, я уже сказал вам, что и там немцы также настаивали на замене некоторых преподавателей назначаемыми ими преподавателями. Но мы в Лувене категорически отказались их принять, тем более, что оказалось, что выдвигаемые немцами преподаватели, прежде всего, не являются настоящими учеными и исследователями, а являются в большинстве своем агентами-осведомителями оккупационных властей.

Фор: *Кстати, правильно ли, что бельгийские власти обнаружили отчет одного из этих так называемых «приглашенных» профессоров?*

Ван-Дер-Эссен: *Да, совершенно правильно. Бельгийским властям удалось захватить отчет профессора Макензена, присланного в университет в Гент взамен снятого немцами преподавателя. Этот отчет составлен необычайно тщательно и очень интересен по наблюдениям личного и психологического порядка в отношении различных членов факультета университета Гента. Из этого отчета видно, что за всеми наблюдали и следили изо дня в день, склонности каждого регистрировались, сообщалось, кто является сторонником или противником оккупационного режима или имеет связи со студентами, принадлежащими к какой-либо политической организации. Короче говоря, малейшие действия или жесты всех преподавателей отмечались тщательно и очень точно. Это почти «научная» работа, но работа доносчика.*

Фор: *Господин Ван-Дер-Эссен, я сообщил сегодня Трибуналу о различных случаях, которые произошли в университете в Лувене, генеральным секретарем которого Вы являетесь. Я хотел бы, чтобы Вы указали Трибуналу очень кратко, каковы были эти события, особенно касающиеся заключения в тюрьму ректора этого университета монсиньора Ван-Баенберга?*

Ван-Дер-Эссен: *Пожалуйста. Большие трудности начались в университете в Лувене после издания указа о принудительной трудовой повинности от 6 марта 1943 г., согласно которому все студенты университета обязаны были принимать направления на обязательную работу. Я добавляю: не на территории Германии, а в Бельгии. Однако это мнимое преимущество для студентов университетов было совершенно неприемлемо для бельгийских патриотов по одной очень простой причине: если студенты соглашались работать на бельгийских заводах, они, этим самым,*

занимали место бельгийских рабочих, которых тогда посылали в Германию.

Прежде всего, студенты не хотели работать на врага, и, кроме того, с точки зрения социальной, в них говорило чувство солидарности с рабочим классом, переносившим больше страдания. Вот почему студенты отказывались от этой «льготы».

В Лувене из общего количества студентов, наверняка, две трети уклонились от трудовой повинности. Факультеты опустели, студенты скрывались как могли, и многие из них ушли к партизанам. Тогда немецкие власти, видя, какой характер принимали события, потребовали передать им списки студентов с указанием адресов для того, чтобы производить аресты на дому, а если их дома не обнаружат, то арестовывать вместо них брата, сестру, отца, мать — все равно кого-нибудь из членов семьи на основе принципа коллективной ответственности, который применялся ими повсюду.

После того как были применены сначала методы задабривания, потом шантажа, немцы перешли к неприкрытым насильственным действиям. Они возобновили обыски и, кажется, уволили доктора Тчаке, доктора Калиша, а также других, они производили обыски в канцелярии университета, чтобы захватить список, но так как он был тщательно спрятан, они, оставшись ни с чем, приняли решение арестовать ректора Лувенского университета монсиньора Ван-Баенберга, который спрятал все списки в такое место, которое было известно только ему, и заявил, что он один его знает, чтобы не подвергать опасности своих коллег и преподавательский состав. Однажды в июне утром к нему явились два сотрудника брюссельской тайной полиции в сопровождении жандармов. Они арестовали ректора в его кабинете и отвезли его в Сан-Жиль в Брюсселе, где он был заключен в тюрьму.

Вскоре он предстал перед немецким военным трибуналом и был осужден за саботаж к 18 месяцам тюрьмы. Я должен прибавить, что в действительности он отбыл только шесть месяцев, потому что врач этой тюрьмы Сан-Жиль убедился, что состояние его здоровья настолько плохо, что дальнейшее заключение будет грозить серьезными последствиями, а также ввиду того, что происходили многочисленные вмешательства различных авторитетных лиц. Ректора освободили, но ему запретили появляться на территории Лувена, а университету предложили немедленно назначить другого ректора, на что последовал отказ.

Фор: *Хорошо. Будет ли правильно сказать, что немецкие власти особенно упорно преследовали наиболее выдающихся лиц умственного труда?*

Ван-Дер-Эссен: *Да, в этом нет сомнения. Я могу привести в качестве примера следующие факты: при захвате заложников в качестве таковых арестовывались всегда профессора университетов, врачи, адвокаты, писатели. Их*

брали в качестве заложников для сопровождения поездов. В период, когда движение Сопротивления проводило диверсионные акты на железной дороге и взрывало поезда, профессоров университетов Гента, Льежа и Брюсселя, с которыми я был знаком, помещали в первом вагоне за паровозом, таким образом, чтобы в случае диверсии они неизбежно погибли.

Я знаю один очень характерный случай, который покажет Вам, что это не были увеселительные поездки. Два профессора из Льежа, находясь в таком поезде, увидели следующую сцену: паровоз вместе с первым вагоном совершенно случайно проскочили через заложенное взрывчатое вещество, а взорвался второй вагон, в котором находилась немецкая охрана, которая вся целиком была убита.

С другой стороны, некоторое число профессоров и лиц умственного труда были вывезены в пользовавшийся зловещей известностью лагерь Брендонк, о котором вы знаете. Одни были вывезены за участие в деятельности Сопротивления, а другие по совершенно неизвестным причинам. Иные вывозились в Германию. Профессора из Лувена были вывезены в Бухенвальд, Дору, Нейенгамме, Гросс-Розен, а возможно, также в другие места. Я должен добавить, что вывозились не только профессора из Лувена, но также и другие многочисленные лица умственного труда, игравшие выдающуюся роль в культурной жизни страны. В подтверждение этого я приведу доказательство: в Лувене во время торжественного открытия университета в этом году я сам в качестве генерального секретаря оглашал список умерших во время войны, если я не ошибаюсь, в нем было 348 имен.

Может быть, только 30 человек из этого списка были на войне и погибли в сражениях у Шельды и Лиса в 1940 году, а все остальные являлись жертвами гестапо или погибли в различных лагерях в Германии, в частности в лагерях Гросс-Розен и Нейенгамме. Кроме того, совершенно определенно известно, что немцы вообще преследовали лиц умственного труда. В связи с этим они проводили время от времени в прессе организованную кампанию, выставляя напоказ тот факт, что подавляющее большинство интеллигенции категорически отказывается подчиниться новому порядку и что оно, в частности, отказывается даже понять необходимость борьбы против большевизма. В заключение таких статей указывалось на необходимость принять меры против этих лиц. И я хорошо помню, как некоторые газетные статьи предлагали просто посылать этих лиц в концентрационные лагеря. Поэтому нет ни малейшего сомнения в том, что интеллигенцию преследовали умышленно.

Фор: *Я не буду задавать Вам вопросы обо всем, что касается вывоза или же заключения в лагеря, потому что все это уже хорошо известно Трибуналу, и, задавая следующий вопрос, прошу Вас не говорить о ссылках. Мой*

настоящий вопрос относится в целом к тем зверствам, которые совершались немцами в Бельгии, и в особенности к тем, которые совершали войска в момент наступления в декабре 1944 года. Можете ли Вы по этому поводу сообщить какие-либо сведения?

Ван-Дер-Эссен: *Совершенно верно. Я тем более могу сообщить точные и подробные сведения, если это потребуется, относительно зверств, совершавшихся во время наступления фон Рундштедта в Арденнах, что, будучи членом правительственной Комиссии по расследованию военных преступлений, я был на месте при расследовании, сам допрашивал свидетелей и лиц, уцелевших после этих зверств, так что я достоверно знаю о том, что произошло.*

Во время наступлений фон Рундштедта в Арденнах в 1944 году в тридцати одном населенном пункте были совершены следующие действительно отвратительные преступления в отношении мужчин, женщин и детей. Эти преступления совершались, с одной стороны, как это всегда происходит на войне, отдельными солдатами, и я не буду на этом останавливаться. Но то, что я особенно хочу отметить, это — преступления, совершенные целыми войсковыми соединениями, которым были даны официальные инструкции, а также преступления, которые были совершены органами, которые, насколько я помню, были известны как «команды специального назначения», действовавшие не только в бельгийских Арденнах, но и совершавшие такие же преступления, теми же методами и в Великом Герцогстве Люксембургском.

Что касается первого факта, то есть преступлений, совершенных целыми войсковыми соединениями, то я, чтобы не злоупотреблять вниманием Трибунала, приведу просто очень характерный пример. Это событие, происшедшее в Ставело, где, приблизительно, 140 человек, из которых было 36 женщин и 22 ребенка, старшему из которых 14 лет, а младшему — 4 года, были зверским образом убиты германскими частями, принадлежащими к танковым дивизиям СС.

Это были дивизия «Хоенштауфен» и охранная дивизия СС «Адольф Гитлер».

Вот каким образом действовали эти части. Мы хорошо осведомлены по этому вопросу благодаря свидетельским показаниям одного человека, служившего в одной из трех частей. Он дезертировал во время кампании фон Рундштедта, переоделся в штатское и впоследствии поступил работать на ферму в Арденнах. Однажды, работая на поле без рубашки, он был опознан бельгийским жандармом по татуировке, которая указывала на его принадлежность к СС. Он был немедленно арестован и допрошен.

Вот как поступали солдаты дивизии «Хоенштауфен»: двигалась колонна танков, состоявшая из «королевских тигров», впереди и позади которых шли танки для прикрытия. Наступал момент, когда оберштурмфюрер этого соедине-

ния останавливал ненадолго своих людей и разъяснял им, что все встречающееся гражданское население должно быть уничтожено. Затем все снова садились в танки, по мере продвижения колонны вдоль дороги оберштурмфюрер указывал пальцем на тот или иной дом. Тогда солдаты обстреливали дом картечью и затем врывались в него. Если кто-нибудь находился в доме, то его убивали на месте. Если жители прятались в погребе, то в погреб выпускали пулеметную очередь. Если же людей встречали на дороге, то их убивали на дороге. Так действовали не только в дивизии «Хоенштауфен».

Точно так же поступали и солдаты из охранной дивизии «Адольф Гитлер» и другие. Они действовали на основании официальных приказов, которыми предписывалось убивать все гражданское население. Почему же принимались эти меры? Именно потому, что во время сентябрьского наступления в этой части Арденн движение Сопротивления перешло к активным действиям и было убито много немецких военных. Поэтому для того, чтобы отомстить участникам движения Сопротивления, было дано приказание беспощадно убивать все гражданское население, которое попадалось немцам на дороге во время их наступления в этом районе.

Другая система, может быть, еще более значительная с точки зрения привлечения к ответственности за совершенное, — это действия команд особого назначения. Здесь речь идет о действиях лиц, командовавших частями полиции безопасности, которые после занятия какого-либо пункта прежде всего производили допрос населения относительно того, кто участвовал в движении Сопротивления, о частях тайной армии, о том, где живут участники движения Сопротивления, бежали ли они или все еще живут здесь. Они раздавали населению специальные, напечатанные на машинке опросные листки, содержавшие 27 вопросов по этим пунктам. Эти вопросы были всегда одни и те же. Они задавались всем в деревнях, через которые немцы проходили. Я, как и в первом случае, не буду долго задерживаться на подробностях и приведу в качестве примера местечко Банд в округе Марш.

В этом местечке действовал отряд тайной государственной полиции, офицеры которого сами говорили, что они специально назначены Гиммлером для того, чтобы осуществлять казни всех участвовавших в движении Сопротивления. Этот отряд захватил всех лиц в возрасте от 17 до 32 лет, и после допроса из их числа был сделан совершенно произвольный отбор, поскольку они не задержали лиц, участвовавших в движении Сопротивления. Большинство из них никогда не участвовало в движении Сопротивления. В движении Сопротивления участвовали только четыре человека. Затем их погнали с поднятыми вверх руками по большой дороге, ведущей из Марша в Бастейль. Поровнявшись с разрушенным домом, который был сожжен в сентябре, офицер, командовавший этим отрядом, встал вмес-

те с фельдфебелем у входа в дом, затем фельдфебель положил руку на плечо последнего человека, стоявшего в третьем ряду, и заставил их войти в дом, где тот же офицер, вооруженный автоматом, убивал каждого из 34 молодых людей выстрелом в затылок. Не довольствуясь этим, он ногой сталкивал трупы в погреб, выпустив туда очередь из автомата для того, чтобы быть уверенным, что все убиты.

Фор: Я желал бы задать Вам последний вопрос. Если я понял Вас правильно, Вы сами никогда не были арестованы и не подвергались лично особым преследованиям со стороны немцев. Я хотел бы знать, как Вы считаете, мог бы свободный человек, который лично не подвергался преследованиям со стороны немецкой администрации или полиции, вести при немецкой нацистской оккупации жизнь, соответствующую понятию свободного человека о том, что такое человеческое достоинство?

Ван-Дер-Эссен: Вы видите меня перед собой. Я вешу ровно 67 килограммов. Мой рост равен 1 м 67 см. Такое соотношение, следовательно, вполне нормально, если верить моим коллегам с медицинского факультета.

До 10 мая 1940 г., до того, как внезапно, без объявления войны, налетели немецкие самолеты и принесли смерть и отчаяние бельгийскому населению, я весил 82 килограмма. Так вот, эта разница между моим тогдашним и теперешним весом, несомненно, является следствием оккупации. Но я не могу останавливаться на этих личных соображениях, а также соображениях общих философских или теоретических, я хочу просто рассказать, и это займет не более двух минут, как средний бельгиец во время оккупации проводил самый обычный день.

Я возьму в виде примера один день зимы 1943 года. В 6 часов утра раздается звонок. Первая мысль, которая, очевидно, каждому из нас приходит в голову, что это гестапо. Но это было не гестапо, это был просто жандарм, который заметил мне, что в моем кабинете горит свет и что, принимая во внимание требования оккупационного режима, следует в будущем быть внимательнее. Но нервное потрясение уже произошло.

В 7 ч. 30 м. утра приходит почтальон, который приносит мне письма. Он заявляет служанке, что хочет меня видеть лично. Я спускаюсь, и этот человек говорит мне: «Господин профессор, Вы знаете, что я являюсь членом тайной армии и что я в курсе происходящих событий. Сегодня немцы в 10 часов собираются произвести арест всех бывших военных бельгийской армии, живущих в этом округе. Ваш сын должен немедленно скрыться».

Я быстро поднимаюсь наверх, бужу сына, заставляю его наскоро собраться и отправляю в безопасное место, куда он должен был явиться.

В 10 часов я сажусь на трамвай и еду в Брюссель. Не дойдя до Лувена несколько километров, трамвай останавливается — жандармский патруль. Нас высаживают и всех без различия чинов и званий ставят лицом к стене с

поднятыми вверх руками. Нас обыскивают с головы до ног и, не найдя у нас ни оружия, ни каких-либо компрометирующих бумаг, разрешают сесть в трамвай. Через несколько километров трамвай снова останавливается, так как на пути собралась толпа, мешающая движению трамвая. Я вижу плачущих женщин, слышу крики и жалобы. Я спрашиваю, в чем дело; оказывается, что этой ночью полицией безопасности были арестованы лица, уклоняющиеся от трудовой повинности, живущие в этом местечке. В том числе арестовали старика 82 лет и его 16-летнюю дочь, которые должны нести ответственность за то, что один молодой человек скрылся.

Приезжаю в Брюссель, чтобы присутствовать на заседании Академии. Вот первые слова, с которыми ко мне обращается председатель: «Ты знаешь, что произошло? Вчера на улице были арестованы двое наших коллег. Их семьи страшно обеспокоены. Никто не знает, где они находятся». Вечером я возвращаюсь, и нас снова трижды останавливают по дороге. Один раз потому, что разыскивают скрывшихся террористов, и еще два раза — для того, чтобы проверить бумаги. Наконец, я добираюсь домой без серьезных происшествий.

Я могу сказать, что только в 9 часов вечера мы могли вздохнуть с облегчением, когда можно было включить наше радио и слышать приятный голос, который раздавался каждый вечер — голос сражающейся Франции: «Сегодня 189-й день борьбы французского народа за освобождение», или голос Виктора Делаблей, этого благородного человека, работавшего на бельгийском радио в Лондоне, который в заключение говорил: «Мужайтесь, мы победим бошей!» Это и только это позволяло спокойно вздохнуть и спать ночью.

Таков был средний нормальный день среднего бельгийца во время немецкой оккупации. Вы понимаете сами, что такой период нельзя считать эрой счастья и благоденствия, которую обещали нам немцы, когда 10 мая 1940 г. они вторглись в Бельгию...

Концентрационные лагеря

Выступление заместителя Главного обвинителя от США Т. ДОДДА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 13 декабря 1945 г.

Господа судьи, теперь мы намереваемся приступить к представлению дополнительных доказательств о том, как нацистские концентрационные лагеря использовались против народа Германии и граждан союзных держав. Мы намереваемся рассмотреть, каковы были задачи и роль концентрационного лагеря в общей программе нацизма. Мы намереваемся доказать, что концентрационный лагерь являлся одним из основополагающих институтов нацистского режима, что это была одна из опор для той системы террора, с помощью которой нацисты консолидировали свою власть над Германией и навязали германскому народу свою идеологию, что концентрационный лагерь фактически являлся основным орудием в борьбе против евреев, против христианской церкви, против рабочих, против тех, кто хотел мира, против любого рода оппозиции и инакомыслия. Мы утверждаем, что концентрационный лагерь заключал в себе систематическое использование террора с целью добиться в Германии той «сплоченности», которая была необходима для приведения в исполнение агрессивных планов заговорщиков.

Мы намереваемся доказать, что концентрационный лагерь использовался заговорщиками для совершения в огромных масштабах преступлений против человечности и военных преступлений. Мы намереваемся доказать, что это было конечное звено в той цепи террора и репрессий, которые осуществлялись СС и гестапо и приводили к тому, что жертвы арестовывались и направлялись в концентрационный лагерь без суда, нередко без предъявления обвинения, как правило, без указания срока, на который они лишались свободы.

Мои коллеги в полном объеме представят доказательства о преступной роли СС и гестапо в данном проявлении нацистского террора — концентрационном лагере. Я же на данном этапе хочу только указать, что СС через свою систему тайного наблюдения выслеживала людей, что уголовная полиция и гестапо хватали их и доставляли в лагеря и что СС осуществляло управление концентрационными лагерями.

Как нам кажется, после просмотра кинофильма Трибунал уже имеет представление о вызывающих потрясение доказательствах жестокости концентрационных лагерей. Более того, продолжаются судебные преследования по отдельным делам, они проходят в других судах, которые и

[1] IMT, vol. 3, p. 494—517.

зафиксируют в деталях все эти ужасающие факты. По этой причине мы не ставим перед собой задачу представлять Трибуналу перечень конкретных зверств, мы собираемся представить доказательства, вскрывающие те основополагающие цели, которым служили лагеря, покажем, какие методы террора применялись, сколь большим было число жертв, покажем, что лагеря приводили к смерти и мукам.

Доказательства в отношении концентрационных лагерей собраны в книге документов под литерой «S». Позволю себе обратить внимание на то, что документы в этой книге расположены в том порядке, как они будут представляться, а не так, как мы делали это ранее — по номерам. Один документ в этой книге, ПС-2309, цитируется многократно. Мы отметили его наклейкой с тем, чтобы к нему в любую минуту можно было возвратиться. Мы будем ссылаться на этот документ не один раз.

Вскоре после прихода к власти нацисты поняли, что без самых жестоких репрессий против фактической и потенциальной оппозиции они не сумеют укрепить свою власть над германским народом. Мы уже видели, что сразу после того, как Гитлер стал канцлером, заговорщики незамедлительно ликвидировали гражданские свободы, издав чрезвычайный президентский декрет от 28 февраля 1933 года. Это документ под номером ПС-1390. Там отмечено, что этот декрет уже был представлен Трибуналу в качестве доказательства, он включен в судебное доказательство США, «В». Именно этот декрет послужил основанием для так называемого превентивного заключения — ужасной власти лишать людей свободы без судебного разбирательства. Иллюстрацией этого служит документ ПС-2499, являющийся типовым приказом о превентивном заключении. Мы представляем его именно как типовой приказ о превентивном заключении, который оказался в руках обвинения. Это номер — США-232. Я хотел бы привести цитату из текста этого приказа:

«Приказ о превентивном заключении.

В силу статьи I декрета имперского президента об охране народа и государства от 28 февраля 1933 года («Рейхсгезетцблатт» I, страница 83) Вы подвергаетесь превентивному лишению свободы в интересах государственной безопасности и порядка.

Основание: Подозрение в том, что Вы занимаетесь деятельностью, враждебной по отношению к государству».

В книге, озаглавленной «Построение нации», опубликованной в 1934 году, подсудимый Геринг, как представляется, стремился создать впечатление, что создание лагерей было первоначально направлено против тех, кого нацисты считали коммунистами и социал-демократами. Мы ссылаемся на документ ПС-2324, представленный под номером США-233. Этот документ представляет собой выдержку со страницы 89 данной немецкой книги. Ссылаемся на третий и четвертый абзацы документа, цитирую:

«Мы вынуждены были беспощадно обращаться с этими врагами государства. Нельзя забывать, что в то время,

когда мы захватили власть, более 6 миллионов человек в ходе выборов в рейхстаг, проходивших в марте, официально голосовали за коммунизм и примерно 8 миллионов — за марксизм.

В результате были созданы концентрационные лагеря, куда мы смогли в первую очередь направить тысячи функционеров коммунистической и социал-демократической партий».

Практически полномочия отдавать приказ о заключении в концентрационные лагеря были почти неограниченны. Об этом свидетельствует приказ подсудимого Фрика, который он издал 25 января 1938 года в качестве министра внутренних дел. Выдержка из этого приказа приводится в документе ПС-1723, на который мы ссылаемся. Документ представляется под номером США-206. Я хочу огласить статью I, начинающуюся в конце страницы 5 английского перевода этого приказа:

«Превентивное заключение может быть назначено в качестве принудительной меры, осуществляемой гестапо, с целью противодействовать всем враждебным усилиям лиц, которые своим поведением создают угрозу для существования и безопасности народа и государства».

Я хочу зачитать для протокола первые два абзаца этого приказа — это в верхней части страницы 1 английского перевода:

«Сводя воедино все ранее изданные декреты о сотрудничестве между партией и гестапо, я ссылаюсь на нижеследующее и предписываю:

1. Фюрер доверил гестапо задачу следить за всеми врагами партии и национал-социалистского государства и устранять этих врагов, а также следить за всякого рода дезинтегрирующими силами, направленными против партии и государства и устранять эти силы. Успешное разрешение этой миссии представляет собой одну из самых важных предпосылок для того, чтобы партия работала без помех и трений. НСДАП должна всеми возможными средствами оказывать поддержку и помощь гестапо в осуществлении этой крайне трудной задачи».

Таким образом, заговорщики направляли свой аппарат террора против «врагов государства», против «дезинтегрирующих сил», против тех людей, которые «своими установками» создавали опасность для государства. Кто же, по их мнению, входил в эти широкообозначенные категории? Прежде всего в Германии были люди, желавшие мира. Мы ссылаемся на документ Л-83, США-234.

Председатель: Какая стоит дата на том документе, на который Вы ссылаетесь, номер ПС-1723?

Додд: 25 января 1938 года. Он уже представлялся как судебное доказательство США «В». Документ состоит из аффидевита Герхарда Зегера, я хочу зачитать только абзац 2 этого аффидевита:

«В период после I мировой войны, до того, как меня поместили в Лейпцигскую тюрьму и Ораниенбургский концентрационный лагерь, что произошло весной 1933 года после того, как нацисты в январе этого года захватили

власть, моя коммерческая деятельность и политические связи были таковы, что я имел возможность полностью оценить нацистские теории и нацистскую практику насильственной регламентации и методов террора. Мой конфликт с нацистами, возникший в силу того, что я участвовал в движении за мир и являлся законно избранным депутатом рейхстага, представлявшим политическое мировоззрение (социал-демократическая партия), враждебное национал-социализму, явственно свидетельствует о том, что даже в период до 1933 года нацисты считали преступления и террор необходимым и желательным оружием в борьбе с демократической оппозицией».

Перехожу к странице 5 того же документа.

«Тому, что нацисты уже задумали механизм концентрационного лагеря как средство подавления и регламентирования элементов оппозиции, я получил убедительное подтверждение в ходе разговора, который я имел с доктором Вильгельмом Фриком в декабре 1932 года. Фрик в то время был председателем комитета по иностранным делам в рейхстаге, я же являлся депутатом рейхстага. Когда я энергично возразил Фрику по поводу конкретного обсуждавшегося вопроса, он ответил: «Не волнуйтесь, когда мы придем к власти, мы всех вас, ребята, посадим в концентрационные лагеря». Когда нацисты захватили власть, Фрика назначили имперским министром внутренних дел и он незамедлительно привел свою угрозу в исполнение, действуя совместно с Герингом, руководившим гестапо в Пруссии, и с Гиммлером».

Этот абзац свидетельствует о том, что еще до того, как они захватили власть в Германии, нацисты замыслили план подавить террором любую потенциальную оппозицию, и слова, сказанные Фриком Зегеру, находятся в полном соответствии с заявлением, сделанным им ранее — 18 октября 1929 года. Мы ссылаемся на документ ПС-2513, США-235, который уже принят в качестве доказательства и входит в судебное доказательство США «В». Мы ссылаемся на страницу 1 английского перевода:

«Эта решающая борьба вначале будет вестись с помощью избирательных бюллетеней, но это не может продолжаться бесконечно, так как история учит нас, что в битве должна проливаться кровь и должно ломаться железо. Избирательные бюллетени — это начало решающей борьбы. Мы полны решимости силой отстаивать то, что проповедуем. Подобно тому, как Муссолини уничтожил марксистов в Италии, так же и мы должны успешно добиться того же, действуя через диктатуру и террор».

Председатель: *Это слова подсудимого, не так ли?*

Додд: *Да, это сказал подсудимый Фрик.*

Имеется также много других случаев, когда в концентрационные лагеря отправляли людей, желавших мира. Существовала, например, группа «Исследователи Библии». Большинство таких лиц именуют «Свидетелями Иеговы». Это были пацифисты, поэтому заговорщики предусмотрели, что они не только должны быть подвергнуты судебному преследованию в обычных судах, но по отбытии ими

назначенного судом наказания должны быть заключены в концентрационные лагеря. Мы ссылаемся на документ Д-84, США-236.

Этот документ датирован 5 августа 1937 года. Это приказ, изданный гестапо в Берлине. Я ссылаюсь на первый и последний абзацы этого приказа, цитирую:

«Имперский министр юстиции уведомил меня, что не разделяет неоднократно высказывавшегося нижестоящими инстанциями мнения о том, что арест «Исследователей Библии», после того как они отбыли назначенный им срок лишения свободы, якобы может нанести урон авторитету судов. Он полностью осведомлен о необходимости мер, которые надлежит принимать гестапо после отбытия соответствующими лицами срока лишения свободы, назначенного им приговором. Однако он предлагает, чтобы «Исследователи Библии» не направлялись в превентивное заключение при обстоятельствах, которые могли бы отрицательно повлиять на уважение к судам».

Далее, второй абзац:

«По поступлении от органов, ведающих исполнением назначенных судом наказаний, сведений о том, что предстоит освобождение того или иного «Исследователя Библии» из заключения, следует незамедлительно, в соответствии с моим циркулярным декретом от 22 апреля 1937 года, запрашивать мое решение касательно издания приказа о том, что гестапо должно принять меры так, чтобы перевод в концентрационный лагерь мог быть произведен немедленно по отбытии назначенного срока. Если перевод в концентрационный лагерь немедленно по отбытии назначенного наказания был бы невозможен, «Исследователей Библии» следует содержать в полицейских тюрьмах».

В полной мере силу нацистского террора испытали на себе и профессиональные союзы — в отношении их, я полагаю, не будет ошибкой сказать, что в большинстве своем они по традиции выступали против агрессивных войн. Один из представителей американского обвинения майор Уоллис уже представил настоящему Трибуналу доказательства по поводу той кампании, которую заговорщики вели против профсоюзов. Нужно сказать, что концентрационный лагерь играл важную роль как оружие в этой кампании. Напоминаю Трибуналу, что в документе ПС-2324, на который я ссылался сегодня утром, подсудимый Геринг четко разъясняет, что членов социал-демократической партии следует помещать в концентрационные лагеря. При этом следует иметь в виду, что руководители профсоюзов в весьма значительной степени являлись членами именно этой партии, они вскоре познакомились с ужасами превентивного заключения. Мы ссылаемся на документ ПС-2330, США-237, который уже принят Трибуналом как часть судебного доказательства США «G». Этот документ представляет собой приказ о том, что некоего Иозефа Симона следует подвергнуть превентивному заключению. Мы ссылаемся на середину первой страницы английского перевода этого приказа, начиная с текста после слова «основания».

Председатель: *Я полагаю, Вам следует зачитать фразу выше — на две строки выше. Это слова: «Арестованный не имеет права обжаловать постановление о превентивном заключении».*

Додд: *«Арестованный не имеет права обжаловать применение к нему превентивного заключения». Затем идет заголовок «Основания».*

«Симон в течение многих лет являлся членом социалистической партии, и временно был членом Народного социалистического союза. С 1907 по 1918 год он был депутатом ландтага от социалистической партии. С 1908 по 1930 год он был городским советником в Нюрнберге, представляя социал-демократическую партию. Ввиду того, что Симон играл решающую роль в международном профсоюзном движении, и учитывая его связи с международными марксистскими лидерами и центральными органами марксизма — причем эти связи он продолжал поддерживать и после «национального возрождения», он 3 мая 1933 года был подвергнут превентивному заключению и до 25 января 1934 года содержался в концентрационном лагере Дахау. Имеются веские основания подозревать Симона в том, что и после указанной даты он играл активную роль в противозаконном продолжении деятельности социалистической партии. Он принимал участие в собраниях, имевших своей целью противозаконное продолжение деятельности социалистической партии и распространение в Германии запрещенных законом печатных марксистских материалов. Такой радикальной позицией, враждебной государству, Симон создает непосредственную опасность общественной безопасности и порядку».

Мы не хотели бы отягощать настоящее судебное разбирательство многочисленными повторениями подобных примеров, а отсылаем Трибунал к документам, которые мы уже представили в связи с предъявлением доказательств по поводу уничтожения профессиональных союзов. В частности, мы хотим в этой связи сослаться на документ ПС-2334 и ПС-2328 (судебные доказательства США-238 и 239) — оба эти документа включены в судебное доказательство США «G».

Нет сомнения в том, что, как это хорошо известно всему миру, в этих концентрационных лагерях были заключены тысячи евреев. Доказательства по этому пункту (по этой позиции) будут рассматриваться в последующих выступлениях перед судом другими представителями обвинения США. Однако из числа большого объема имеющихся доказательств, показывающих, что германских граждан лишали свободы только на том основании, что они евреи, мы хотим представить один документ — ПС-3051, США-240. Это копия телетайпа группенфюрера СС Гейдриха, датированного 10 ноября 1938 года. Телетайп был направлен во все управления государственной полиции и во все районные и подчиненные районным подразделения СД. Мы ссылаемся на абзац 5 этого телетайпа. Цитируем абзац 5:

«Как только ход событий, развивающихся этой ночью, позволит ввести в дело соответствующих сотрудников, во

всех районах следует арестовать большое число евреев, особенно богатых, — столько, сколько удастся разместить в имеющихся тюрьмах. На данном этапе следует арестовывать только здоровых и не слишком старых мужчин. Когда они будут арестованы, следует немедленно установить связь с соответствующими концентрационными лагерями с тем, чтобы как можно скорее заключить арестованных в эти лагеря.

Особое внимание следует уделять тому, чтобы евреев, арестованных в соответствии с данными инструкциями, не подвергали плохому обращению».

Гиммлер в 1943 году указывал на то, что использование концентрационных лагерей против евреев было обусловлено не просто расизмом нацистов. Гиммлер указывал на то, что эта политика была обусловлена опасением, что евреи могут оказаться препятствием к агрессии. Нет надобности рассуждать о том, было ли такое опасение обоснованно. Важно иметь в виду, что такое опасение имело место. В связи с этим мы ссылаемся на документ ПС-1919, США-170. Этот документ — речь Гиммлера на совещании высших чинов СС, произнесенная 4 октября 1943 года. В ходе этой речи Гиммлер пытался дать обоснование политике нацистов, направленной против евреев. Мы ссылаемся на часть этого документа или этой речи, это страница 4, абзац 3 английского перевода:

«...Я имею в виду устранение евреев, истребление еврейской расы. Это — одна из тех вещей, о которых легко говорить. Еврейская раса истребляется, — говорит один из членов партии, — это совершенно ясно, это записано в нашей программе; уничтожение евреев — и мы это делаем, истребляем их. Но вот затем приходят 80 миллионов достойных немцев, и у каждого имеется свой порядочный еврей. Разумеется, все остальные евреи — подонки, но именно этот еврей — первоклассный. Ни один из тех, кто говорит подобным образом, не был свидетелем того, что имело место, ни один из них не прошел через это. Большинство из вас должны знать: что это такое, когда рядами сложены 100 трупов, или 500, или 1000 трупов. Выдержать все это и в то же время, за отдельными исключениями, связанными с человеческими слабостями, остаться порядочными людьми — вот что закалило нас. Это славная страница в нашей истории, она никогда не была написана и никогда не должна быть написана, потому что мы знаем, какие трудности были бы у нас, если бы в условиях воздушных налетов, в ходе испытаний и лишений во время войны, сегодня в каждом нашем городе все еще оставались бы евреи, которые стали бы тайно действующими саботажниками, агитаторами и распространителями вредных слухов».

Обвинение утверждает, что, как это ясно вытекает из вышеизложенного, до развязывания агрессии концентрационный лагерь являлся одним из основных орудий, с помощью которых заговорщики добивались социальной сплоченности внутри страны, которая была необходима для осуществления их агрессивных планов. После того как

они развязали агрессию и их армии пронеслись по Европе, они принесли концентрационный лагерь в оккупированные страны. Помимо этого, они вывозили граждан оккупированных стран в Германию, где те оказывались во власти всего механизма нацистской жестокости.

Переходим к документу Р-91, США-241. Этот документ представляет собой уведомление, датированное 16 декабря 1942 года и направленное Мюллером Гиммлеру, руководителю полиции безопасности и СД. Сообщение касается захвата польских евреев для отправки их в концентрационные лагеря Германии. Начинаю цитировать с первого обзаца:

«В связи с приказом о том, что увеличенная доставка рабочей силы в концентрационные лагеря должна быть завершена к 30 января 1943 года, в отношении евреев можно предложить нижеследующую процедуру:

1. Общее количество: 45 000 евреев.

2. Начало транспортировки: 11 января 1943 года. Конец транспортировки: 31 января 1943 года. (Имперские железные дороги на период с 15 декабря 1942 года по 10 января 1943 года не в состоянии предоставить специальные составы для эвакуации евреев вследствие увеличения количества эшелонов с отпускниками из армии.)

3. Состав: В общее число, 45000 евреев, должны войти 30 000 евреев из района Белостока; 10 000 евреев из гетто Терезиенштадта — в том числе 5000 трудоспособных евреев, которые ранее использовались на мелких работах для гетто, и 5000 в общем нетрудоспособных евреев, а также евреев старше 60 лет».

Перехожу к следующему предложению:

«Как это имело место и до сих пор, для эвакуации должны назначаться только те евреи, которые не имеют особых связей и каких-либо высоких наград. 3 тысячи евреев нужно вывезти с оккупированных голландских территорий, 2000 евреев — из Берлина — всего 45 000. Цифра 45000 включает нетрудоспособных (старики и дети). С помощью практических критериев отбора из числа поступивших в Освенцим евреев должно быть отсеяно не менее 10 000 — 15 000 трудоспособных».

Столь же трагичная судьба ждала венгерских евреев. В период с 19 марта 1944 года по 1 августа 1944 года было захвачено более 400 000 венгерских евреев. Многих из них железнодорожным транспортом отправили в лагеря уничтожения. Об этом говорится в документе ПС-2605, США-242. Этот документ представляет собой письменное показание под присягой, данное в Лондоне доктором Рудольфом Кастнером, бывшим функционером венгерской сионистской организации. Мы ссылаемся на страницу 3 этого документа, третий полный абзац. Речь идет о марте 1944 года, цитирую:

«Вместе с германскими оккупационными войсками в Будапешт прибыли «специальные отряды» немецкого гестапо, единственной задачей которых была ликвидация венгерских евреев. Во главе этих отрядов стоял Адольф Эйхман, оберштурмбаннфюрер СС, руководитель отдела

«IV-B-4» главного управления имперской безопасности. Его непосредственными подчиненными были: оберштурмбаннфюрер СС Герман Круми, гауптштурмфюрер Вислицени, Гунше, Новак, доктор Зайдль, в последующем Даннегер, Врток. Они арестовали, а затеми отправили в Маутхаузен всех руководителей еврейской политической и деловой жизни и журналистов, а также венгерских политиков с демократической и антифашистской ориентацией. Воспользовавшись «междуцарствием», продолжавшимся в течение четырех дней после начала германской оккупации, они посадили в министерство внутренних дел своих квислингов».

Перехожу к абзацу 8 того же документа, цитирую:

«Коменданты лагерей смерти отправляли заключенных в газовые камеры только по прямым или косвенным указаниям Эйхманна. Тот конкретный офицер отдела «IV-B», который руководил депортациями из какой-то конкретной страны, обладал властью указывать, должен ли данный железнодорожный состав быть направлен в лагерь смерти или не должен и какая судьба ждет находящихся в составе людей. Указания обычно выполнялись сопровождающими состав унтер-офицерами СС. Заглавные буквы «А» или «М» — заглавные буквы на сопроводительных документах означали «Аушвиц» или «Майданек». В таких случаях находящиеся в составе люди должны были попасть в газовые камеры».

Пропускаем следующую фразу, далее следует:

«В отношении венгерских евреев в Освенциме применялись следующие правила: дети не старше 12 или 14 лет, старики старше 50 лет, а также больные и люди, привлекавшиеся за совершение уголовных преступлений (последних перевозили в особо маркированных вагонах), немедленно по прибытии отправлялись в газовые камеры.

Остальные проходили осмотр, проводившийся врачом СС, который по внешним признакам определял, кто пригоден для работы, а кто непригоден. Признанных нетрудоспособными отправляли в газовые камеры, остальных распределяли по различным трудовым лагерям.

На 27 июня 1944 года было депортировано 475 000 евреев». Это страница 5 того же документа, ПС-2605.

На так называемых «восточных территориях» жертвы, которых отправляли для уничтожения в концентрационные лагеря, арестовывались без предъявления им каких-либо обвинений. На западных оккупированных территориях, насколько известно, некоторым из жертв предъявлялись обвинения. Рассмотрим некоторые из тех обвинений, которые нацистские заговорщики считали достаточным основанием для заключения соответствующего лица в концентрационный лагерь, — ссылаемся на документ Л-215, США-243. Этот документ представляет собой резюме материалов дела, досье на 25 человек, которые были арестованы в Люксембурге и направлены в различные концентрационные лагеря, в документе излагаются обвинения, предъявлявшиеся каждому из этих людей. Цитируем, начиная с абзаца:

«Фамилия: Генричи; обвинение...: был связан с членами противозаконных движений сопротивления, добывал для них деньги, нарушал установленные законом правила валютных операций, наносил ущерб интересам рейха, по прогнозу в будущем нарушал бы официальные административные правила и выступал бы в качестве врага рейха. Место заключения — Натцвайлер».

Далее следует фамилия «Криер» и предъявленное ему обвинение:

«... несет ответственность за регулярный саботаж на работе и вызывает опасения вследствие своего политического и уголовного прошлого — оставление на свободе лишь способствовало бы его антиобщественным устремлениям. Место заключения — Бухенвальд».

Переходим далее к середине страницы 2, под фамилией «Монти»:

«Обвинение: ...серьезно подозревается в том, что способствовал дезертирству. Место заключения — Заксенхаузен».

Далее под фамилией «Юнкер»:

«Обвинение: ...так как он является родственником дезертира, то, как ожидается, он будет наносить ущерб интересам великого германского рейха, если останется на свободе. Место заключения — Заксенхаузен».

Следующая фамилия — «Егер», цитируем предъявлявшееся Егеру обвинение:

«... в качестве родственника дезертира он, как ожидается, будет использовать любые случаи, чтобы нанести ущерб Великому германскому рейху, если останется на свободе. Место заключения — Заксенхаузен».

Ниже, берем фамилию «Людвиг» и предъявлявшееся Людвигу обвинение:

«... серьезно подозревается в том, что способствовал дезертирству. Место заключения — Дахау».

Не только гражданские лица с оккупированных территорий, но и военнопленные подвергались ужасам и жестокостям концентрационных лагерей. Мы ссылаемся на документ ПС-1165, США-244.

Этот документ представляет собой меморандум, адресованный всем сотрудникам гестапо, он подписан шефом гестапо Мюллером и датирован 9 ноября 1941 года. Заглавие меморандума говорит само за себя — цитирую: «Транспортировка в концентрационные лагеря русских военнопленных, подлежащих казни».

Привожу цитату из текста этого меморандума — страница 2 английского перевода:

«Коменданты концентрационных лагерей жалуются на то, что от 5 до 10 процентов советских русских, подлежащих казни, прибывают в лагеря уже умершими либо в полумертвом состоянии. Поэтому создается впечатление, что таким путем лагеря для военнопленных избавляются от подобных заключенных.

Было обращено особое внимание на то, например, что во время пешего перехода от железнодорожной станции до лагеря довольно большое число военнопленных падают

на пути от изнеможения и тут же умирают либо оказываются в полумертвом состоянии, и их приходится подбирать грузовику, следующему за конвоируемой колонной. Нельзя помешать тому, что германский народ наблюдает такие явления.

Хотя транспортировка в лагеря осуществляется, как правило, вооруженными силами, население отнесет эту ситуацию за счет СС.

С целью предупредить по возможности повторение подобных случаев в будущем я приказываю, чтобы с сегодняшнего дня советские русские, которые предположительно должны вскоре умереть и отмечены признаками близкой смерти (например, больны тифом), и поэтому неспособны выдержать тяготы даже короткого пешего перехода, в будущем, в порядке основополагающего правила, не включались в транспорты, направляемые в концентрационные лагеря для казни».

Дополнительные доказательства о содержании русских военнопленных в концентрационных лагерях содержатся в официальном докладе о расследовании, проведенном в концентрационном лагере Флоссенбург военно-судебным отделением штаба 3-й армии США, в частности подразделением этого отделения, занимающимся делами о военных преступлениях. Доклад датирован 21 июня 1945 года. Это документ ПС-2309, он имеет номер США-245. Цитирую две последние фразы последнего абзаца на странице 2 английского текста:

«В 1941 году во Флоссенбургском лагере было построено дополнительное тюремное строение, рассчитанное на 2000 русских узников. Из числа этих 2000 узников выжило только 102 человека».

Советские военнопленные встретились в этих концлагерях и с представителями своих союзников, об этом говорится на странице 4 того же документа ПС-2309, цитирую:

«В числе жертв Флоссенбурга были: русские гражданские лица и военнопленные, граждане Германии, итальянцы, бельгийцы, поляки, чехи, венгры, британские и американские военнопленные. Практической возможности составить список лиц, погибших в этом лагере, не было. По предположительным расчетам, с момента основания лагеря в 1938 году до дня освобождения погибло свыше 29 000 его узников».

Военнопленных, совершавших попытки к побегу, заговорщики направляли в концентрационные лагеря, которые были специальными «центрами по уничтожению». Мы ссылаемся на документ ПС-1650, США-246. Этот документ представляет собой информацию, поступившую от гестапо Кельна, и датирован 4 марта 1944 года. В самой верхней части английского текста помечено: «Соблюдать режим секретности — отнести к категории секретного вопроса государственного значения».

Цитирую третий абзац:

«По вопросу: Меры, которые должны приниматься в отношении схваченных бежавших военнопленных, являющихся офицерами или неработающим сержантским соста-

вом — за исключением британских и американских военнопленных. Верховное командование вооруженных сил отдало приказ о нижеследующем:

«1. Каждый схваченный при попытке к бегству военнопленный, являющийся офицером или неработающим унтер-офицером, за исключением британских и американских военнопленных, должен быть передан начальнику полиции безопасности и службы безопасности под классификацией «Мера Ш», вне зависимости от того, был ли побег совершен во время транспортировки, был ли побег массовым или индивидуальным.

2. Так как передача военнопленных полиции безопасности и службе безопасности ни при каких обстоятельствах не должна стать известной внешнему миру, ни в коем случае нельзя информировать других военнопленных о том, что бежавшие схвачены. В армейском информационном управлении схваченных военнопленных следует регистрировать как «бежавших и не схваченных». На основании этой информации следует поступить и с их корреспонденцией. Тот же ответ следует давать на запросы представителей стороны, выступающей в защиту военнопленных, Международного Красного Креста и других обществ по оказанию содействия военнопленным».

В этот же документ включена копия приказа генерала СС Мюллера в качестве исполняющего обязанности начальника полиции безопасности и СД, где содержится указание гестапо отвозить бежавших военнопленных непосредственно в Маутхаузен. Цитируя первые два абзаца приказа Мюллера, в английском тексте эта цитата начинается с конца первой страницы и переходит на 2-ю.

Цитирую:

«Управления гестапо должны принимать бежавших и схваченных офицеров-военнопленных от комендантов лагерей для военнопленных и должны переправлять их в концентрационный лагерь Маутхаузен, следуя ранее установленному порядку, при условии, если обстоятельства не потребуют особой транспортировки. Когда военнопленные будут доставлены в эшелон, их следует заковать в кандалы — не следует делать этого по пути на железнодорожную станцию, если это сможет видеть население. Комендант лагеря Маутхаузен должен быть уведомлен о том, что эта транспортировка военнопленных осуществляется в рамках акции «Кугель». Управления гестапо каждые полгода должны представлять отчеты о таких переводах военнопленных, приводя лишь цифровые данные, причем первый такой отчет должен поступить 5 июля 1944 года».

Пропускаем следующие три фразы и цитируем далее:

«В целях сохранения секретности верховному командованию вооруженных сил предложено проинформировать лагеря военнопленных о том, что схваченных после побега военнопленных следует передавать в местные отделы гестапо, а не направлять их непосредственно в Маутхаузен».

Не случайно данная акция обозначена немецким словом «Кугель», что переводится как «пуля», так как Маутхаузен,

куда направляли схваченных после побега военнопленных, являлся центром уничтожения людей.

Победы нацистов были отмечены созданием концентрационных лагерей по всей Европе. В этой связи мы ссылаемся на документ Р-129, США-217. Это доклад о местонахождении концентрационных лагерей, подписанный Полем, генералом СС, который ведал использованием труда узников концентрационных лагерей.

Я ссылаюсь на раздел 1, абзацы под номерами 1 и 2 этого документа — это на странице 1 английского перевода. Документ адресован рейхсфюреру СС и имеет пометку «секретно».

«Рейхсфюрер!

Сегодня я докладываю о положении в концентрационных лагерях в настоящее время и о мерах, которые я принял с целью выполнить Ваш приказ от 3 марта 1942 года:

...В начале войны существовали нижеследующие концентрационные лагеря:

а. Дахау: в 1939 году — 4000 заключенных, сегодня — 8000.

б. Заксенхаузен: в 1939 году — 6500 заключенных, сегодня — 10 000.

в. Бухенвальд: в 1939 году — 5300 заключенных, сегодня — 9000.

г. Маутхаузен: в 1939 году — 1500 заключенных, сегодня — 5500.

д. Флоссенбург: в 1939 году — 1600 заключенных, сегодня — 4700.

е. Равенсбрюк: в 1939 году — 2500 заключенных, сегодня — 7500».

Далее в абзаце 2 говорится — я цитирую:

«В период с 1940 по 1942 гг. было создано еще девять дополнительных лагерей:

Освенцим, Нойенгамме, Гузен, Натцвайлер, Гросс-Розен, Люблин, Нидерхаген, Штуттгоф, Арбайтсдорф».

Помимо лагерей на оккупированной территории, упоминаемых в документе Р-129, из которого я только что зачитал данные названия и цифры, существовало много других лагерей. Я ссылаюсь на официальный доклад штаба 3-й армии США, который уже здесь приводился, это документ ПС-2309. Цитирую со страницы 2, раздел IV, абзац 4 английского текста:

«Концентрационный лагерь Флоссенбург был основан в 1938 году как лагерь для политических заключенных. Строительство лагеря было начато в 1938 году и лишь в апреле 1940 года поступил первый транспорт с заключенными. Начиная с этого времени заключенные прибывали в лагерь постоянно. Флоссенбург был центральным лагерем, под его непосредственным контролем и подчинением находилось 47 лагерей-филиалов для мужчин и 27 лагерей для женщин. В эти лагеря-филиалы направлялось необходимое число заключенных для работы на различных объектах.

Из всех этих лагерей-филиалов Херсбрук и Лейтмериц (в Чехословакии), Оберштаублинг, Мульзен и Заль, расположенные на Дунае, считались наихудшими».

Я не хочу занимать время Трибунала рассмотрением каждого из нацистских концентрационных лагерей, которыми была усеяна карта Европы. Мы полагаем, что использование концентрационных лагерей в широких масштабах является достоянием гласности и приобрело зловещую известность. Однако мы хотели бы обратить внимание Трибунала на подготовленную нами карту. Сплошной черной линией отмечена граница Германии после аншлюса. Привлекаем ваше внимание к тому обстоятельству, что большинство лагерей, помеченных на карте, расположены в пределах границ самой Германии. Это красные точки на карте. В центре Германии находится лагерь Бухенвальд, расположенный близ города Веймара, в самом низу карты отмечен Дахау, расположенный в нескольких милях от Мюнхена. В верхней части карты отмечены Нойенгамме и Берген-Бельзен, расположенные близ Гамбурга. Слева находится лагерь Нидерхаген — это в долине Рура. Вверху справа отмечен ряд лагерей близ Берлина, один из них — Заксенхаузен (ранее он именовался Ораниенбург, это был один из первых лагерей, созданных после прихода нацистов к власти). Недалеко от него находится лагерь Равенсбрюк, предназначавшийся исключительно для женщин. Некоторые из самых страшных лагерей действительно были расположены вне территории Германии. Маутхаузен находился в Австрии; в Польше был ужасный Освенцим; в левой части карты находится лагерь под названием Хертогенбош, он, как видно по карте, расположен в Голландии; ниже находится лагерь Натцвайлер, расположенный во Франции.

Создавалась сеть лагерей, и, как это видно на карте, каждый из основных лагерей — более крупные красные точки на карте — окружен группой лагерей-филиалов. Названия основных лагерей, по крайней мере тех, которые приобрели наибольшую известность, приведены в верхней и нижней части карты. Для большинства людей эти названия символизируют нацистскую систему концентрационных лагерей в том виде, как об этом стало известно миру, начиная с мая 1945 года или несколько позднее.

Я хотел бы на короткое время привлечь внимание Трибунала к тем мерам обращения, которым подвергались заключенные в этих лагерях. Кинофильм, на который я недавно ссылался и который был показан членам этого Суда, отразил, какому ужасному, зверскому обращению подвергались граждане союзных держав, военнопленные и другие жертвы нацистского террора. Учитывая, что кинофильм столь убедительно показал положение в лагерях, во всяком случае на тот момент, когда фильм делался, я ограничусь лишь очень кратким рассмотрением этого вопроса.

Как утверждает обвинение, условия, существовавшие в этих лагерях, вне сомнения, прямо соотносились с теми целями, которых применяемыми ими методами террора

стремились достичь сидящие перед нами нацистские заговорщики.

Как нам представляется, поистине поразительно, насколько легко слова «концентрационные лагеря»сходили с уст этих людей. Насколько упрощалось решение всех проблем, когда у них возникла возможность обратиться к такому институту террора, как концентрационные лагеря. Ссылаюсь на документ Р-124, который уже представлялся Трибуналу под номером США-179. Этот документ представляет собой протокол совещания центрального управления по планированию с участием подсудимого Шпеера — на этом заседании была сформулирована стратегия поднятия на высокий уровень нацистского производства вооружения. Я не буду вновь зачитывать этот документ, так как цитировал его сегодня утром в целях проиллюстрировать другой вопрос. Надеюсь, однако, что Трибунал припомнит, что именно на этом совещании подсудимый Шпеер и другие лица обсуждали вопрос о так называемых «лодырях». Возник разговор о необходимости принятия решительных мер в отношении таких рабочих, которые недостаточно трудятся, чтобы удовлетворить своих хозяев. Шпеер сказал: «Не стоит возражать против того, чтобы СС и полиция приняли соответствующие меры и направили тех, кто имеет репутацию лодырей, на промышленные предприятия концентрационных лагерей» — он употребил именно это выражение: «промышленные предприятия концентрационных лагерей». Далее он сказал: «Пусть это произойдет несколько раз, и сведения об этом быстро распространятся».

Как утверждает обвинение, слова, сказанные подобным образом, решили судьбу многих жертв. Что касается распространения сведений об этом, о чем упоминал Шпеер, то, как мы сейчас докажем, это не было предоставлено воле случая.

Устрашающий эффект концентрационных лагерей на население был тщательно спланирован. Концентрационные лагеря были окутаны тайной, что еще более нагнетало атмосферу террора. О том, что происходило за колючей проволокой, с ужасом строили догадки в Германии и в странах, оказавшихся под контролем нацистов. Такой политики нацисты придерживались с самого начала, когда они пришли к власти и создали систему концлагерей. Сошлемся теперь на документ ПС-778, США-247, этот документ представляет собой приказ, изданный 1 октября 1933 года комендантом лагеря Дахау. Для заключенных, нарушивших правила, в документе предусмотрена «программа» телесных наказаний, одиночного заключения и казней.

В числе правил, которые могли быть нарушены, — правила, предписывавшие строгое сохранение в тайне сведений об условиях в лагерях. Сошлюсь на первую страницу английского текста, абзац, озаглавленный «Статья 11»:

«В силу закона о революционерах нижеследующие правонарушители, квалифицируемые как агитаторы, будут подвергаться повешению:

Любое лицо, которое в целях агитации будет совершать нижеследующие действия в лагере, на работе, в жилых помещениях, на кухне, в мастерских, в туалетах и местах отдыха — будет вести политические или подстрекающие речи и организовывать собрания, будет создавать группировки, и вместе с другими людьми слоняться без дела; кто в целях снабдить пропаганду оппозиции рассказами о зверствах, будет собирать правдивую или ложную информацию о концентрационном лагере и об институте концентрационных лагерей, кто будет получать подобную информацию, прятать ее, передавать ее другим людям, кто тайным путем будет выносить такую информацию из лагеря и передавать ее в руки иностранных посетителей и иных лиц, прибегая к подпольным и иным методам, кто в письменном виде или устно будет передавать ее освобождаемым заключенным или заключенным, у которых передающий информацию находится в подчинении, кто прячет информацию в одежде или других предметах, бросает через лагерную стену камни и другие предметы с подобной информацией либо составляет тайные документы; кто, с целью заниматься агитацией, залезает на крыши бараков или на деревья, пытается установить контакт с внешним миром с помощью световых или иных сигналов либо подстрекает других к совершению побегов или преступлений, дает им соответствующие советы или в какой бы то ни было форме оказывает содействие таким предприятиям».

Требование о сохранении в тайне информации о самих лагерях сочеталось с официально инспирированной кампанией распространения за пределами лагерей слухов о них. О концентрационных лагерях говорилось шепотом, причем слухи распространялись агентами тайной полиции. Когда подсудимый Шпеер сказал, что если будет прибегнуто к угрозе направления в концентрационный лагерь, то сведения об этом распространятся быстро — он знал, о чем говорил.

Далее я ссылаюсь на документ ПС-1531, США-248. Этот документ имеет пометку «совершенно секретно». Он адресован всем районным отделениям тайной полиции, управлению гестапо и для сведения направлен инспекторам полиции безопасности и СД. Это приказ о концентрационных лагерях, изданный шефом гестапо. Цитирую по английскому тексту, начиная со второго абзаца:

«С целью достичь большего устрашающего воздействия, в последующем в каждом конкретном случае следует соблюдать нижеследующие указания:

...3. Ни при каких обстоятельствах не следует разглашать продолжительность срока заключения, даже если таковой уже установлен рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции либо начальником полиции безопасности и СД.

Официально следует объявлять, что срок содержания в концентрационном лагере будет продолжаться «вплоть до дальнейшего уведомления».

В наиболее серьезных случаях нет возражений против усиления устрашающего эффекта путем умелого распространения пропагандистских слухов, которые в общей сложности будут сводиться к тому, что, как удалось узнать, ввиду серьезности дела, арестованный не будет освобожден в течение 2 или 3 лет.

4. В определенных случаях рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции будет отдавать приказы о телесном наказании в дополнение к заключению в концентрационный лагерь. Приказы такого рода в будущем будут передаваться также соответствующему районному отделению государственной полиции. В данном случае также нет возражений против распространения слухов о таком дополнительном наказании в соответствии с соображениями, изложенными выше в разделе 3, абзац 3, если это будет представляться целесообразным для усиления устрашающего воздействия.

5. Для распространения такой информации, естественно, должны отбираться особо подходящие и надежные люди».

Устрашающее воздействие концентрационных лагерей основывалось на том, что в них предусматривалось жестокое обращение. Когда человек в качестве узника оказывался в руках охранников из СС, его подвергали избиениям, пыткам, он голодал, нередко его убивали в ходе осуществления так называемой программы «истребление посредством работы», о которой я говорил на днях, либо он погибал в ходе массовых казней в газовых камерах и печах лагерей, которые были показаны несколько дней тому назад во время демонстрации документальных фильмов в этом зале.

Отчеты официальных правительственных комиссий по расследованию представляют дополнительные доказательства об условиях, существовавших в концентрационных лагерях.

Я вновь ссылаюсь на документ ПС-2309, на который здесь уже ссылались и который был принят Трибуналом к сведению. Цитирую со второй страницы, абзац второй, английского текста:

«Труд, к которому привлекались заключенные в этих лагерях, заключался в основном в работах под землей, целью которых было строительство крупных подземных заводов, складов и т. п. Такая работа целиком проводилась под землей, и в результате жестокого обращения и тяжелых условий труда и жизни в день умирало в среднем 100 заключенных. В один только лагерь Оберштаублинг в феврале 1945 года было доставлено 700 заключенных, 15 апреля 1945 года в живых из них осталось только 405 человек. В течение 12 месяцев, предшествовавших освобождению, во Флоссенбурге и подчинявшихся ему лагерях-филиалах погибли 14 739 узников-мужчин и 1300 женщин. Эти цифры отражают данные о смертности, полученные из имевшихся в лагере регистрационных документов. Однако данные эти отнюдь не являются полными, так как производилось много тайных массовых казней и происходило много нерегист-

рировавшихся смертей. В 1941 году в лагере Флоссенбург было построено дополнительное тюремное помещение, предназначенное для 2000 русских заключенных. Из этих 2000 узников в живых осталось только 102 человека.

Концентрационный лагерь Флоссенбюрг точнее всего назвать фабрикой смерти. Первостепенной задачей этого лагеря считалось предоставление рабочей силы для массового рабского труда, однако у него имелась и вторая задача из числа первостепенных — уничтожение человеческих жизней методами, применявшимися в ходе обращения с узниками.

Пайки, обрекавшие заключенных на голодную смерть или полуголодное существование, явления садизма, тяжелые жилищные условия, недостаток одежды, отсутствие необходимой медицинской помощи, болезни, избиения, повешение, замораживание, подвешивание за руки, принуждение к самоубийству, расстрелы — все это играло важную роль в достижении поставленной цели. Выбор заключенных, подвергавшихся убийству, производился по воле случая. Широко распространены были случаи, когда евреев убивали в припадке раздражения. Повседневными явлениями были впрыскивание яда и выстрелы в затылок. Не принималось мер по поводу эпидемий брюшного и сыпного тифа — эпидемии также служили средством уничтожения заключенных. Человеческая жизнь в лагере ничего не стоила. Убийство стало столь общераспространенным явлением, что несчастные узники приветствовали смерть, если она наступала быстро».

Цитирую последнюю фразу того же абзаца:

«В 1944 году на Рождество было одновременно повешено большое число заключенных. Остальных заключенных заставили присутствовать при повешении. Около виселиц находилась разукрашенная рождественская елка. По словам одного из узников, «это было ужасное зрелище — сочетание тел, повешенных в воздухе и сверкающей рождественской елки.

В марте или апреле было повешено 13 парашютистов, это были американцы или англичане. Они были доставлены в лагерь некоторое время тому назад, захватили их в то время, когда они пытались взорвать мосты».

Не будем обременять Трибунал цитированием всех этих отчетов. Однако мы хотели бы указать на концентрационный лагерь Маутхаузен, как на один из самых зловещих центров уничтожения людей. В этой связи я ссылаюсь на документ ПС-2176, который уже был представлен мною в качестве доказательства под номером США-249. Это официальный доклад начальника военно-юридической службы 3-й армии США, датированный 17 июня 1945 года. Сошлюсь на выводы, изложенные на странице 3 английского текста, это абзац под номером римское «V», вторая фраза:

«V.Выводы. Нет сомнения в том, что Маутхаузен был нацелен на исполнение планов, рассчитанных на длительный срок. Он был построен в виде гигантской каменной крепости на вершине горы и окружен бараками меньших размеров. Следует обратить внимание на то, что Маутхау-

зен не только был построен с расчетом на долговременную эксплуатацию, но располагал также помещениями для многочисленного гарнизона офицеров и рядовых, там имелись обширные столовые и туалетные комнаты для персонала. Этот лагерь существовал для одной единственной цели — уничтожить всякого так называемого узника, который вступал в его стены. Так называемые филиалы Маутхаузена находились в непосредственном подчинении у расквартированных в Маутхаузене офицеров СС. Все регистрации, приказы, административные функции для этих филиалов осуществлялись через Маутхаузен. Остальные лагеря, включая Гузен и Эбензее, — были самые зловещие и крупные филиалы Маутхаузена — не были предназначены исключительно для истребления заключенных. Узников использовали там в качестве рабочей силы на строительстве и на производстве до той поры, пока они в результате избиений и полуголодного существования не теряли трудоспособность, после чего их, как правило, направляли в Маутхаузен, где и подвергали уничтожению».

Мы утверждаем, что в результате просмотра документальных кинофильмов и на основании данных докладов, тщательно составленных представителями 3-ей армии США, посещавших эти лагеря, явствует, что условия, имевшие место в этих концентрационных лагерях по всей Германии — а в отдельных случаях и за пределами фактических границ старого рейха — создавались по единой схеме. Тот факт, что такие условия были широко распространены, с несомненностью свидетельствует о том, что они не были результатом единичных эксцессов со стороны отдельных представителей лагерной администрации, а являлись следствием политики, преднамеренно определявшейся свыше. Преступления, совершавшиеся в этих лагерях, носили столь массовый характер, что конкретные зверства теряют свое значение.

Мы приняли меры к тому, чтобы нам были переданы два вещественных доказательства, и готовы показать их Трибуналу лишь по той причине, что эти вещественные доказательства иллюстрируют, до какой глубины падения доходило руководство этих лагерей — во всяком случае, таково было положение дел незадолго до того, как лагеря были освобождены союзными армиями. Члены Трибунала припомнят, что в ходе демонстрации кинофильмов имелись кадры, где в одном из лагерей были показаны куски человеческой кожи, срезанной с человеческих тел в концентрационном лагере Бухенвальд — эта кожа выделывалась для использования в качестве украшения. Несчастные жертвы отбирались для уничтожения только по той причине, что у них на коже имелась татуировка. Данное вещественное доказательство, находящееся здесь перед нами, имеет номер США-252. К вещественному доказательству прилагается выдержка из отчета официального представителя армии США, в отчете описываются обстоятельства, при которых было получено данное вещественное доказательство. Эта выдержка представляет собой документ ПС-

3420, который я выборочно процитирую. Документ озаглавлен:

«Мобильное полевое подразделение номер 2 по допросу военнопленных. Бюллетень разведывательных данных о военнопленных; 13. Концентрационный лагерь Бухенвальд.

Преамбула. Показания даны Андреасом Пфаффенбергером, возраст 43 года, малограмотен. По профессии мясник. Так как подробности его рассказа в основном совпадают с данными Бюллетеня разведывательных данных о военнопленных /H/ /LF/36, верность его показаний находит подтверждение. Данный военнопленный не допрашивался по поводу заявлений, которые, в свете ставших известными фактов, следует в определенных деталях считать ошибочными, не предпринималась также попытка изменить субъективный характер рассказа военнопленного, который он записал, не будучи осведомлен о том, что разведке уже известно. Протоколы допросов лиц из Бухенвальда уже опубликованы (Бюллетень разведывательных данных о военнопленных номер 2/12, пункт 31).

В 1939 году всем заключенным, у которых на теле имелась татуировка, приказали явиться в амбулаторный пункт».

Председатель: Это слова Пфаффенбергера?

Додд: Да, сэр.

«Никто не знал, зачем им приказали туда явиться. Но после того, как татуированные заключенные прошли осмотр, тех из них, у кого была наиболее интересная и художественно выполненная татуировка, оставили в амбулаторном пункте, где их затем убили посредством инъекций, которые производил Карл Бейгс, заключенный-уголовник. Вслед за тем трупы были переданы в патолого-анатомическое отделение, где с трупов срезали понравившиеся куски кожи с татуировкой, подвергавшиеся затем обработке. Готовые «изделия» передавались жене штандартенфюрера СС Коха, которая приказывала изготовлять из них абажуры для ламп и другие украшения для домашнего обихода. Я сам видел такую татуированную кожу с различными рисунками и надписями, например, надпись «Ганзель и Гретель», которая у одного из заключенных была вытатуирована на колене, или изображения кораблей, которые были вытатуированы на груди заключенных. Эта работа выполнялась заключенным по фамилии Вернербах».

Я ссылаюсь также на документ ПС-3421, США-253.

«Я, Джордж С. Демас, лейтенант резерва венно-морских сил США, сотрудник аппарата Главного обвинителя США в процессе против главных военных преступников стран оси, настоящим свидетельствую, что прилагаемое вещественное доказательство, представляющее собой пергамент, было передано мне секцией военных преступлений военно-юридической службы 3-й армии США, как вышеозначенному официальному лицу, с соблюдением соответст-

вующих правил, в качестве вещественного доказательства, обнаруженного в лагере Бухенвальд и изъятого вооруженными силами под командованием верховного командующего союзных экспедиционных сил».

В последнем абзаце документа ПС-3423, США-252, излагается вывод, сформулированный в докладе армии США, цитирую:

«Основываясь на заключениях, сформулированных в абзаце 2, все три предмета представляют собой татуированную человеческую кожу».

Данный документ также является приложением к вещественному доказательству, представленному здесь на стенде. Мы не имеем намерения подробно останавливаться на этой патологической фазе нацистской культуры. Полагаем однако, что обязаны предъявить еще одно дополнительное вещественное доказательство, которое представляем под номером США-254. Это вещественное доказательство, находящееся здесь на столе, представляет собой человеческую голову с удалёнными черепными костями, уменьшившуюся в размере, набитую как чучело и обработанную для сохранности. Нацисты обезглавили одну из своих многочисленных жертв после того, как несчастный был повешен по всей вероятности за то, что вступил в близкие отношения с немкой, и вот из его головы было изготовлено это ужасное «украшение».

В последнем абзаце официального доклада армии США, который я только что цитировал, говорится об обстоятельствах, при которых было получено это вещественное доказательство. Текст таков:

«Там я видел также уменьшившиеся в размерах головы двух молодых поляков, которых повесили за связь с девушками-немками. Головы были величиной с кулак, на них сохранились волосы и следы от веревки на шее».

Еще одно свидетельство лейтенанта Демаса изложено в документе ПС-3422, США-254. Это свидетельство сходно с тем, которое я зачитал несколько минут тому назад и которое касалось человеческой кожи, с той лишь разницей, что данное свидетельство относится ко второму вещественному доказательству. Мы не располагаем точными расчетными данными о количестве людей, погибших в концентрационных лагерях, и, по всей вероятности, такие данные вообще не удастся получить. Однако, как это вытекает из доказательств, уже представленных Трибуналу, нацистские заговорщики, как правило, тщательно регистрировали и хранили информацию. Правда, та регистрация, которая велась в отношении концентрационных лагерей, отнюдь не была полной. По-видимому, такой неполный характер регистрации явился результатом безразличия, с которым нацисты относились к жизни своих жертв. Порой, однако, мы обнаруживаем книгу свидетельств о смерти или картотеку-указатель. Все же следует иметь в виду, что чаще всего смерть жертв никак не регистрировалась. Ознакомление с

комплектом книг с записями о смерти сразу дает представление о масштабах операций, проводившихся в концентрационных лагерях. Мы представляем в качестве доказательства документ ПС-493, США-251. Это подборка из семи книг, книг записей о смертях в концентрационном лагере Маутхаузен. На переплете каждой из книг имеется надпись «Тотенбух» (книга смерти) — Маутхаузен.

В этих книгах регистрировались фамилии некоторых из заключенных, которые умерли или были убиты в этом лагере. Записи в книгах охватывают период с января 1939 года по апрель 1945 г. Приводится фамилия, место рождения, указывается причина смерти и время наступления смерти в отношении каждого регистрируемого лица. Помимо этого, каждому умершему присваивался серийный номер. Сложив все серийные номера за пятилетний период, получаем общую цифру 35 318 погибших.

Исследование этих книг весьма много говорит о том, как повседневно умирали люди в лагере. Хочу привлечь внимание Трибунала к страницам 568—582 книги «У», фотокопии которых переданы Трибуналу. На этих страницах сделаны записи о случаях смерти, происшедших 19 марта 1945 года в период между 1 часом 15 минутами утра до 2 часов пополудни. В течение этих 12 часов 45 минут, согласно записям, зафиксирована смерть 203 человек. Им были присвоены номера с 8390 по 8593. Перечислены фамилии погибших. Достаточно знаменательно, что для всех погибших зарегистрирована одна и та же причина смерти — сердечная болезнь. Они умирали один за другим, через короткие интервалы. Они умирали в алфавитном порядке. Первым умер человек по фамилии Аккерман — его смерть наступила в 1.15 утра, последним умер человек по фамилии Зингер — его смерть наступила в 2 часа дня.

В тот же день 19 марта 1945 года в 2.30, судя по записям, снова началась вакханалия смерти, продолжавшаяся до 4 часов 30 минут. В течение двух часов погибло еще 75 человек, и вновь все они умерли от болезни сердца, снова смерть настигала их в алфавитном порядке. Записи об этом имеются в той же книге, на страницах 582—586.

Имеется также другая книга с записями о смерти, обнаруженная в лагере Маутхаузен. Это наш документ ПС-495, США-250. Это книга в одном томе, на переплете имеются слова «Книга смерти — военнопленные».

Прошу Трибунал обратить особое внимание на страницы 234—246. Здесь зарегистрированы фамилии 208 военнопленных, по всей вероятности, русских, которые были казнены одновременно 10 мая 1942 года в пятнадцать минут первого ночи. В книге указано, что казнь произведена по приказу начальника полиции безопасности и СД, которым в указанное время являлся Гейдрих.

Только сегодня утром мне передали одну публикацию — это газета, издаваемая в США, в Нью-Йорке. Это газета на немецком языке и называется «Дер Ауфбау»,

данный выпуск датирован 23 ноября 1945 года. Более трех страниц этой газеты заполнены объявлениями семей, родственников людей, проживавших ранее в Германии или Европе, с просьбой сообщить, что известно о судьбе этих людей. В большей части этих объявлений делаются ссылки на тот или иной концентрационный лагерь. Я не намерен удлинять протоколы данного процесса, зачитывая список этих людей...

Из допроса свидетеля М. К. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ[1]

Стенограмма заседания
Международного военного трубинала
от 28 января 1946 г.

Дюбост: *С разрешения Трибунала мы перейдем к той части французского обвинения, которая является допросом свидетеля, находившегося в продолжение более трех лет в концентрационных лагерях в Германии.*

Председатель *(обращаясь к свидетелю)*: *Встаньте, пожалуйста. Скажите Ваше имя?*

Свидетель: *Мари Клод Вайян-Кутюрье.*

Председатель: *Повторяйте за мной присягу...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Дюбост: *Вы вдова Вайян-Кутюрье?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Вы родились в Париже 3 ноября 1912 г.?*

Вайян-Кутюрье: *Да, я родилась в Париже 3 ноября 1912 г.*

Дюбост: *Вы француженка?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Вы француженка по происхождению?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *И Ваши родители тоже французы по происхождению?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Вы депутат Учредительного собрания?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Вы награждены орденом Почетного легиона?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Орден был вам вручен в «Доме инвалидов» генералом Лежантийомом?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Вы были арестованы и депортированы?*

Вайян-Кутюрье: *Я была арестована 9 февраля 1942 г. французской полицией Петэна, которая шесть недель спустя передала меня в руки германских властей.*

Я была привезена 20 марта в тюрьму Сантэ, находившуюся в немецком квартале. 9 июня 1942 г. я была подверг-

---

[1] IMT, vol. 6, p. 203—230.

нута допросу. В конце допроса меня хотели заставить подписать заявление, которое не соответствовало тому, что я показала. Я отказалась подписать это заявление потому, что оно не соответствовало тому, что я говорила. Когда я отказалась подписать, офицер, который меня допрашивал, начал угрожать мне, и после того как я сказала, что не боюсь смерти, не боюсь расстрела, он ответил: «В нашем распоряжении есть средства, куда более ужасные, чем расстрел». Переводчик же добавил: «Вы не представляете, что вы сказали. Вас отправят в концентрационный лагерь, оттуда же никогда не возвращаются».

Дюбост: *После этого Вас отправили в тюрьму?*

Вайян-Кутюрье: *Да, я была возвращена в тюрьму Сантэ и помещена в одиночную камеру. Тем не менее я смогла переговариваться со своими соседями по камерам через окно и перестукиваться по канализационной трубе...*

Каждый раз, когда заключенные возвращались с допроса, через окна были слышны их стоны, и они говорили, что не в состоянии передвигаться.

В продолжение пяти месяцев, которые я провела в тюрьме Сантэ, оттуда неоднократно увозили на расстрел заложников.

После этого, 20 августа 1942 г. меня перевели в форт Роменвилль, который был местом заключения для заложников. Дважды за время своего пребывания там, 21 августа и 22 сентября, я присутствовала при взятии заложников. Среди заложников, которые были увезены, находились мужья женщин, которые были направлены вместе со мной в Освенцим, там погибла большая часть из них. Эти женщины в большинстве случаев были арестованы лишь за деятельность их мужей, сами же они ничего не совершали.

Дюбост: *Когда Вы были увезены в Освенцим?*

Вайян-Кутюрье: *В Освенцим меня отправили 23 января 1943 г., а прибыла я туда 27 января.*

Дюбост: *Вы были отправлены туда с партией заключенных?*

Вайян-Кутюрье: *Я входила в партию из 230 француженок. Среди нас находились Даниэль Казанова, которая погибла в Освенциме, Майя Политцер, умершая в Освенциме, и Элен Соломон. Среди нас были женщины преклонного возраста...*

Дюбост: *Каково было их социальное положение?*

Вайян-Кутюрье: *Деятели науки, преподавательницы, люди самые различные по своему социальному положению. Майя Политцер была врачом, она — жена Жоржа Политцера. Элен Соломон была женой физика Соломона, это дочь профессора Ланжевина. Даниэль Казанова была по специальности хирургом-дантистом. Это она возглавила движение Сопротивления среди женщин, находившихся в заключении.*

Дюбост: *Сколько из двухсот тридцати человек возвратилось?*

Вайян-Кутюрье: *49. Среди заключенных, входивших в эту партию, были пожилые женщины; я вспоминаю одну из них, 67 лет, арестованную за то, что она хранила на кухне*

охотничье ружье в память о муже; она не сообщила о ружье, так как его у нее отобрали бы. Спустя две недели после прибытия в Освенцим она умерла.

Среди нас были калеки. Например, у одной певицы по профессии не было ноги. В Освенциме ее отделили от других женщин и отравили газом. Среди нас были две женщины, которых впоследствии оправдал германский военный трибунал. Их звали Мари Алонзо и Мари-Терез Флери. Они умерли в Освенциме.

Переезд происходил в исключительно тяжелых условиях. В каждом вагоне находились по 60 человек. В пути нам не давали ни еды, ни питья. Солдаты-лотарингцы, которые были мобилизованы в германскую армию и охраняли нас, говорили: «Если бы вы знали, куда вас везут, вы бы не торопились приехать туда».

Мы прибыли в Освенцим рано утром. Наши вагоны были распломбированы, и нас выгоняли наружу ударами прикладов, для того чтобы направить в лагерь Биркенау, который входил в систему лагеря Освенцима. Лагерь Биркенау находился на большой равнине; в январе там свирепствовал мороз. Мы совершили этот переход в лагерь, неся свой багаж. После того как мы миновали ворота лагеря, мы остро почувствовали, что мало надежды выйти отсюда живыми. Мы это поняли, так как на пути нам всретилась колонна живых скелетов, колонна людей, направляющихся на работу. Мы ощутили это столь остро, что, пройдя ворота, запели «Марсельезу», чтобы придать себе мужество.

Нас направили в большой барак, затем — дезинфекционную камеру. Там нам обрили головы и вытатуировали на левой руке порядковый номер. Затем нас перевели в большое помещение, где держали под паром, после чего окатили ледяной водой. Все это происходило в присутствии эсэсовцев — мужчин и женщин, хотя мы, женщины, были раздеты. После этого нам выдали разорванную, грязную одежду: платья из хлопчатобумажной ткани и такие же кофты. Поскольку это заняло много времени, мы успели увидеть лагерь для мужчин через окно помещения, в котором мы находились. Под вечер мы увидели, что снаружи расположился оркестр. В это время шел снег, и мы спрашивали себя, почему оркестр играет. В это время появились «командо» — партии заключенных, которые возвращались с работы. Следом за каждой рабочей партией шли люди, несшие трупы. Так как люди и без того еле передвигались, их поднимали ударом сапога или приклада каждый раз, когда они падали от изнеможения.

Затем нас перевели в помещение, где мы должны были жить. Там не было кроватей. Нары были размером 2х2 метра, и мы без подстилок спали по девяти человек на каждых нарах; первую ночь мы провели без одеял. В таком помещении мы оставались в течение многих месяцев. Всю ночь нельзя было спать, так как каждый раз, когда один из девяти человек на нарах начинал двигаться, он беспокоил остальных, и так было постоянно, потому что

все были больны и один человек беспокоил всех других, спавших на тех же нарах.

В половине четвертого раздавался грубый окрик охраны, которая нас будила и поднимала с жалкого ложа ударами дубинок на перекличку. Ничто на свете не могло освободить от переклички, даже умиравшие должны были ползком выходить на нее. По пять человек в ряду мы должны были оставаться на перекличке до того, как светало, то есть до 7 или 8 часов утра, а когда стоял туман, то мы оставались там до полудня. После этого команды приходили в движение и направлялись на работу.

Дюбост: *Простите, Вы могли бы описать, как производилась перекличка?*

Вайян-Кутюрье: *Для переклички нас ставили по пять человек в ряд, и так мы стояли до тех пор, пока совершенно не рассветало и надсмотрщицы, то есть наша военная немецкая охрана, начинали нас считать. У них были дубинки, и направо и налево щедро наносились удары.*

В числе наших подруг находилась Жермен Рено — преподавательница из Азей-ле-Ридо во Франции. На моих глазах ей во время переклички проломили череп ударом дубинки.

Работа в лагере Освенцим состояла в разборке разрушенных зданий, строительстве дорог и прежде всего в осушении болот. Осушение болот было наиболее тяжелой работой, потому что в течение всего дня приходилось работать стоя в воде и под постоянной угрозой того, что увязнешь в болоте. Постоянно приходилось вытаскивать товарищей, которые иногда по пояс погружались в болото. Во время работы нас охраняли эсэсовцы, мужчины и женщины, которые наносили удары дубинкой и натравливали на нас собак. У многих моих товарищей на ногах были следы от укусов собак. Мне пришлось видеть, как одна женщина была разорвана собаками. Она умерла на моих глазах, в то время как эсэсовец Таубер продолжал натравливать на нее свою собаку и глумился при виде этого зрелища.

Причины смертности были весьма различны. Прежде всего она была вызвана полным отсутствием элементарных гигиенических условий. Когда мы приехали в Освенцим, на 12 тысяч заключенных был лишь один кран с водой, непригодной для питья, и эта вода не всегда бывала. Так как этот кран находился в немецкой умывальне, немцы разрешали подходить к нему лишь мимо охраны из немецких заключенных-уголовников, которые при этом нас жестоко избивали. Таким образом, было почти невозможно вымыться или выстирать свое белье. В течение более трех месяцев мы не меняли белья. Когда шел снег, мы растапливали его для того, чтобы умыться. Позже, весной, идя на работу, мы поочередно мыли руки в лужах, которые образовывались по обочинам дороги от растаявшего снега. Мы умирали от жажды, потому что только два раза в день нам выдавали четверть литра похлебки.

Дюбост: *Уточните, пожалуйста, в чем состояла перекличка в начале февраля?*

Вайян-Кутюрье: *5 февраля было то, что называли общей перекличкой.*

Дюбост: *5 февраля какого года?*

Вайян-Кутюрье: *В 1943 году. В половине четвертого весь лагерь...*

Дюбост: *В половине четвертого утра?*

Вайян-Кутюрье: *В половине четвертого утра. Весь лагерь был разбужен и выведен на перекличку на равнину, тогда как обычно перекличка производилась в половине четвертого внутри лагеря. Мы оставались на этой равнине перед лагерем до пяти вечера, не получая пищи, стоя на снегу. После того как была отдана команда, мы должны были пройти через дверь, поочередно один за другим, и каждому заключенному наносили удар в спину дубинкой для того, чтобы заставить его бежать. Те, которые не могли бежать, потому что были слишком стары или больны, были схвачены и помещены в 25-й блок, в котором ожидали отравления газом. Десять француженок из нашей партии, прибывших в лагерь, были схвачены и помещены в тот же день в 25-й блок. После этого все заключенные были приведены обратно в лагерь, была сформирована колонна заключенных, в которую входила и я. Эта колонна направилась на равнину, которая напоминала поле сражения, так как ее покрывали горы трупов. Мы перенесли во двор 25-го блока как мертвых, так и умирающих, которые находились там в обстановке большой скученности.*

Блок 25, если можно так выразиться, был преддверием к смерти, он был мне хорошо известен, так как мы к тому времени были переведены в блок 26 и наши окна выходили во двор 25-го блока. Во дворе можно было видеть горы трупов, и время от времени голова или рука одного из сваленных в кучу тел приходила в движение: это была умирающая, которая стремилась выбраться из горы трупов, чтобы спастись.

Смертность в этом блоке была еще более высокой, чем в других, так как обреченным на смерть давали пить и есть лишь в тех случаях, когда оставались остатки пищи в кухонных котлах, то есть часто в течение многих дней они оставались без капли воды.

Однажды одна их моих подруг — Аннет Эпо, красивая, молодая женщина 30 лет, проходила мимо блока. Ей стало жаль этих женщин, которые кричали с утра до вечера на всех языках: «Пить, пить, пить, воды». Она возвратилась в наш блок, чтобы принести им немного похлебки, но в тот момент, когда она протягивала ее через решетку окна, надсмотрщица заметила это и, схватив Аннет Эпо за ворот, швырнула ее в 25-й блок.

Никогда в жизни я не забуду Аннет Эпо. Два дня спустя я видела ее в грузовике, который отправлялся к месту, где находилась газовая камера. Она поддерживала старуху-француженку Лин Поршэ и, когда грузовик тронулся, закричала нам: «Если вы возвратитесь во Францию, не забудьте о моем маленьком мальчике». Потом они начали петь «Марсельезу».

Можно было видеть, как по двору 25-го блока бегали громадные крысы, которые объедали трупы и даже набрасывались на умиравших, у которых не было сил с ними справиться.

Другой причиной смертности или эпидемий было то, что нам давали есть в больших красных котелках, которые каждый раз прополаскивали только холодной водой. Так как все женщины были больны и не могли выйти ночью к месту, которое не поддается описанию, — к канаве, где они могли отправить свои естественные потребности, — они использовали эти котелки не по назначению. На следующий день котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму, и днем их пускала в употребление следующая группа людей.

Другая причина смертности — положение с обувью. Кожаная обувь приходила в полную негодность через одну, две недели, так как ее носили здесь по грязи и снегу. В связи с этим ноги отмораживали, на них образовывались раны. Из страха, что обувь украдут, приходилось спать в грязных башмаках. Почти каждую ночь, в тот момент, когда нужно было выходить на перекличку, раздавался жалобный крик: «У меня украли туфли». Тогда приходилось ждать, пока все выйдут из помещения, чтобы найти что-нибудь под нарами. Иногда это были два ботинка на одну ногу или же башмак и сабо. Это могло позволить выйти на перекличку, но для работы это была дополнительная пытка, так как от этой обуви на ногах образовывались раны, которые быстро растравлялись из-за отсутствия ухода. Многие из моих подруг, у которых были раны на ногах, ложились в лазарет и более оттуда не возвращались.

Дюбост: *Что делали с заключенными, которые выходили на перекличку без обуви?*

Вайян-Кутюрье: *Евреек, выходивших на перекличку без обуви, немедленно отправляли в 25-й блок.*

Дюбост: *Следовательно, их уничтожали с помощью газа?*

Вайян-Кутюрье: *Их уничтожали с помощью газа за что бы то ни было. Вообще их положение было совершенно ужасно. Нас собирали по 800 человек в блоке, и скученность была такой, что мы с трудом могли двигаться по помещению. Их же было в блоке такого же размера 1500 человек, то есть значительная часть из них не могла ни спать, ни даже улечься на ночь.*

Дюбост: *Не могли бы Вы дать показания относительно лазарета?*

Вайян-Кутюрье: *Чтобы попасть в лазарет, нужно было сперва просить об этом, каково бы ни было состояние...*

Дюбост: *Могли бы Вы уточнить, что за лазарет был в лагере?*

Вайян-Кутюрье: *Лазаретом был блок, в который помещали больных. В действительности это место не может быть названо лечебным заведением потому, что оно не соответствует тому, что принято подразумевать под этим словом. Чтобы туда попасть, надо было получить разреше-*

ние начальника блока, а это было чрезвычайно трудно. Наконец, надо было выстоять в очереди перед лазаретом, какая бы погода ни была, шел ли снег или дождь. Для того чобы быть допущенным, приходилось выстаивать в очереди в течение многих часов даже с температурой 40. Часто больные умирали у входа в лазарет еще до того, как они могли туда попасть. К тому же собираться перед лазаретом было опасно: когда там было слишком много народу, эсэсовцы хватали всех женщин, стоявших в очереди, и направляли их прямо в 25-й блок.

Дюбост: *То есть они попадали в газовую камеру?*

Вайян-Кутюрье: *Да, в газовую камеру. Вот почему зачастую многие женщины предпочитали не ходить в лазарет и умирали на работе или во время переклички. После вечерней переклички зимой ежедневно поднимали трупы упавших в канавы.*

Единственное преимущество, которое получали те, кто попадал в лазарет, заключалось в том, что пребывание в нем освобождало от выхода на перекличку, но там приходилось лежать в ужасных условиях, не менее четырех человек на одной кровати в метр шириной, людям, страдавшим различными заболеваниями, и это приводило к тому, что тот, кто попадал в лазарет из-за ран на ногах, заражался от соседа тифом или дизентерией. Подстилки были страшно грязны, и их меняли лишь тогда, когда они окончательно сгнивали. На одеялах было множество вшей, которые кишели, как муравьи.

Одна из моих подруг, Маргарит Корренже, рассказывала мне, что в то время, когда она была больна тифом, она не могла спать всю ночь из-за вшей, которых она, отвернув одеяло, сбрасывала на бумагу и затем в стоявший около кровати ночной сосуд, и так ей приходилось делать целыми часами.

В лазарете не было медикаментов, больных оставляли лежать без присмотра, не создавали им гигиенических условий, не давали мыться. В продолжение многих часов живые лежали вместе с мертвыми. Когда же трупы обнаруживали, их просто вытаскивали из кроватей и сваливали перед помещением. Те, кто переносил трупы, приходили туда и перетаскивали их на небольших носилках, с которых свешивались голова и ноги трупа. С утра до вечера заключенные, перетаскивавшие трупы, курсировали между лазаретом и мертвецкой.

Во время сильных эпидемий зимой 1943/44 года, когда мертвецов было слишком много, носилки заменили повозками. Во время этих эпидемий ежедневно умирали от 200 до 350 человек.

Дюбост: *Сколько людей умирало в это время?*

Вайян-Кутюрье: *Во время больших эпидемий тифа зимой 1943/44 года от 200 до 350 человек в день.*

Дюбост: *В лазарет допускали всех заключенных?*

Вайян-Кутюрье: *Нет. Когда мы были привезены в лагерь, евреям не разрешалось ложиться в лазарет, их прямо направляли в газовую камеру.*

Дюбост: *Не расскажете ли Вы, как производилась в блоках дезинфекция?*

Вайян-Кутюрье: *Время от времени в связи с тем, что в помещении было невероятно грязно, а это приводило к распространению вшей, которые вызывали частые эпидемии, блоки дезинфицировали с помощью газа. Но и дезинфекция была причиной значительного числа смертных случаев, потому что в то время как блоки окуривали газом, заключенных отправляли в душевую, затем у них отбирали одежду, которую помещали в паровую дезинфекционную камеру. Заключенных заставляли дожидаться под открытым небом совершенно раздетыми, пока одежду дезинфицировали, после чего ее возвращали насквозь промокшей. Даже больных, которые не могли держаться на ногах, подвергали этой процедуре, и, конечно, очень многие из них при этом умирали. Во время дезинфекции больных, которые не могли передвигаться, мыли в тех же ваннах, что и остальных заключенных.*

Дюбост: *Как вас кормили?*

Вайян-Кутюрье: *Мы получали ежедневно 200 граммов хлеба, 3/4 или 1/2 литра, в зависимости от случая, жидкой похлебки, а вечером несколько граммов маргарина или кусочек колбасы. Это было питанием на день.*

Дюбост: *И оно было таким вне зависимости от того, какую работу приказывали заключенному выполнять?*

Вайян-Кутюрье: *Вне зависимости от того, какую работу было приказано выполнять заключенному. Некоторые из заключенных работали на заводах, на которых производили снаряды и гранаты. Эти заключенные получали так называемый «цулаге» — дополнительный паек в том случае, если они выполняли норму. Как и нас, этих заключенных вызывали утром и вечером на перекличку, и, кроме того, они работали по 12 часов на заводе. После работы они возвращались в лагерь и путь от лагеря на завод и обратно проделывали пешком.*

Дюбост: *Какой это был завод, «Унион»?*

Вайян-Кутюрье: *Это был завод, на котором производили боеприпасы. Я не знаю, какой компании он принадлежал.*

Дюбост: *Там был лишь один завод?*

Вайян-Кутюрье: *Нет, была еще большая фабрика, Буна, но, поскольку я там не работала, я не знаю, что там производили. Заключенные, которых туда забирали, более не возвращались в лагерь.*

Дюбост: *Не могли бы Вы дать показания о медицинских экспериментах, если Вы были свидетелем их?*

Вайян-Кутюрье: *Говоря об опытах, я могу сказать, что видела в лазарете, в котором я работала, молодых евреек из Салоник, которые находились перед рентгеновским кабинетом, где их ожидала стерилизация. Кроме того, мне было известно, что в лагере для мужчин производили операции по кастрации. Я была в курсе медицинских экспериментов над женщинами, потому что моя подруга доктор Адэ Оваль из Монбельяра, которая возвратилась во Францию, работала в течение многих месяцев в этом блоке,*

ухаживала за больными, хотя всегда и отказывалась участвовать в проведении экспериментов.

Женщин подвергали стерилизации, делая впрыскивания, а также путем облучения. Я видела и знала многих женщин, которые были стерилизованы. Среди подвергавшихся операции по стерилизации была высокая смертность. Четырнадцать евреек из Франции, отказавшиеся подвергнуться стерилизации, были направлены в штрафную рабочую команду, то есть на них наложили наказание, назначив на работу.

Дюбост: *Возвращались ли на родину те, кто работал в этих командах?*

Вайян-Кутюрье: *Редко, в виде совершенно исключительных случаев.*

Дюбост: *Какую цель преследовали эсэсовцы при совершении стерилизации?*

Вайян-Кутюрье: *Они не скрывали цели, которую преследовали, производя стерилизацию. Они говорили, что стремятся найти лучший метод стерилизации, чтобы заменить коренное население оккупированных стран немцами после того, как используют одно поколение местных жителей в качестве рабов, работающих на немцев.*

Дюбост: *Видели ли Вы в лазарете беременных женщин?*

Вайян-Кутюрье: *Да. Если еврейские женщины, попадавшие в лагерь, находились на первых месяцах беременности, им делали аборт. Когда же они находились на одном из последних месяцев, то после того как они производили на свет ребенка, его топили в ведре с водой. Мне известно это, так как я работала в лазарете и знала, что этим руководила немка-акушерка, сидевшая по обвинению в уголовном преступлении — совершении абортов. Спустя некоторое время приехал новый врач, и в продолжение двух месяцев новорожденных еврейских детей перестали убивать. Но однажды из Берлина пришел приказ, в котором говорилось, что их снова следует уничтожать. Тогда матерей с детьми вызвали в лазарет, посадили на грузовики и увезли в газовую камеру.*

Дюбост: *Откуда Вы знаете о приказе, пришедшем из Берлина?*

Вайян-Кутюрье: *Я была знакома с заключенными, работавшими в секретариате СС. В частности, я знаю словацкую женщину, котрую звали Херта Рот и которая в настоящее время работает в отделении ЮНРРА в Братиславе.*

Дюбост: *Это она сообщила Вам о приказе?*

Вайян-Кутюрье: *Да. Кроме того, я знала людей, которые входили в команды, работавшие в газовых камерах.*

Дюбост: *Вы только что говорили о еврейских матерях. Были ли в лагере матери других национальностей?*

Вайян-Кутюрье: *Обычно, когда женщины нееврейской национальности производили на свет детей, их не отбирали у матерей, но в связи с тем, что условия в лагере были ужасны, новорожденные редко выживали более 4—5 недель.*

В лагере был блок, в котором находились польские и русские матери. Однажды русских обвинили в том, что они производят слишком большой шум. Их вызвали на перекличку и заставили целый день стоять перед своим блоком с детьми на руках, совершенно раздетыми, в продолжение всего дня.

Дюбост: *Какой дисциплинарный режим был установлен в лагере? Кто обеспечивал надзор и дисциплину? Каковы были меры наказания?*

Вайян-Кутюрье: *В целях ограничения своего персонала эсэсовцы использовали обычно заключенных для надзора в лагере. Сами же эсэсовцы осуществляли лишь верховный надзор. Эти заключенные были взяты из числа преступников или проституток-немок или иногда иной национальности. В большинстве случаев это были немки. С помощью коррупции и терроризирования их превратили в животные существа. Заключенные страдали от их действий не в меньшей степени, чем от действий самих эсэсовцев. Они били так же, как били эсэсовцы, мужчины вели себя так же, как женщины, а женщины были столь же жестоки, как и мужчины. Между ними не было разницы.*

Используя изощренную систему для того, чтобы максимально унизить людей, эсэсовцы терроризировали их и с помощью террора принуждали совершать поступки, которые должны были заставить их краснеть за самих себя; эта система привела к тому, что они не являлись более человеческими существами. Вот к чему стремились эсэсовцы. И требовалось невероятное мужество, чтобы противостоять этой атмосфере коррупции и террора.

Дюбост: *Кто налагал наказания?*

Вайян-Кутюрье: *Командиры СС — мужчины и женщины.*

Дюбост: *В чем состояло наказание?*

Вайян-Кутюрье: *В зверских телесных наказаниях. В частности, одним из наиболее употребительных наказаний было 50 ударов палкой по пояснице, которые производились специальной машиной. Эту машину я видела. Она состояла из системы балансов, приводимых в движение эсэсовцами. Кроме этого, были бесконечные вызовы днем и ночью на перекличку или гимнастические упражнения: ложиться плашмя — вставать, ложиться плашмя — вставать, и так в течение нескольких часов. Тех, кто падал, осыпали ударами и направляли в 25-й блок.*

Дюбост: *Как обращались эсэсовцы с женщинами? Я имею в виду также и женщин СС.*

Вайян-Кутюрье: *В лагере Освенцим был дом терпимости для эсэсовцев и также для заключенных, занимавших определенные должности. Таких заключенных называли «капо».*

Кроме того, когда эсэсовцам нужна была прислуга, они приходили в сопровождении начальницы лагеря, и в то время, когда производилась дезинфекция, указывали на молоденькую девушку, которую начальница вызывала из рядов. Они осматривали ее, и если она была красивой и нравилась им, брали ее в качестве служанки.

Дюбост: *Почему они приходили в то время, когда производилась дезинфекция?*

Вайян-Кутюрье: *Потому, что во время дезинфекции женщины были раздеты.*

Дюбост: *Эта система коррупции и морального разложения была исключением?*

Вайян-Кутюрье: *Нет, эта система была во всех лагерях, где я находилась. Та же система существовала и в тех лагерях, в которые меня не помещали. Об этом я узнала из разговора с прибывшими из этих лагерей. Система была совершенно одинакова во всех лагерях. Я думала, что Освенцим был одним из лагерей с наиболее суровым режимом, но затем меня направили в Равенсбрюк, и там также был дом терпимости, в который также набирали женщин из числа заключенных.*

Дюбост: *Из того, что Вы сказали, следует, что были использованы все возможные средства для того, чтобы принизить заключенных в их собственных глазах?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

Дюбост: *Вы знаете, что было с партией евреев, которая почти одновременно с Вами прибыла из форта Роменвилль?*

Вайян-Кутюрье: *Когда мы выехали из форта Роменвилль, находившиеся там еврейки продолжали там оставаться. Затем их отправили в направлении Дранси, и мы вновь встретились с ними в Освенциме спустя три недели после нашего приезда туда. Из общего их числа в 1200 человек в лагерь попали 125 человек, остальных немедленно по прибытии отравили газом. Месяц спустя ни одна из этих 125 евреек не осталась в живых.*

Прием прибывающих в лагерь производился следующим образом. Вначале, когда мы только попали в лагерь, когда прибывала партия евреев, прежде всего производился отбор стариков и старух, матерей и детей, а также больных и слабых на вид. Их погружали на грузовики. Оставляли только молодых женщин, девушек и молодых людей. Последних отправляли в лагерь для мужчин.

Обычно из прибывавших партий от 1000 до 1500 человек в лагерь попадало не более 250 человек. Остальных тут же отправляли в газовую камеру.

Так же производился отбор здоровых женщин 20—30 лет, которых отправляли в блок, где производились медицинские эксперименты, а женщин более старшего возраста, а также тех девушек, которых не использовали в указанных целях, все же направляли в лагерь, предварительно обрив и вытатуировав клеймо.

Весной 1944 года был организован блок для близнецов. Это было в то время, когда прибыла колоссальная партия венгерских евреев, приблизительно 700 тысяч. Доктор Менгеле, который производил эксперименты, отбирал во всех прибывших партиях близнецов. Он руководствовался желанием получить обоих близнецов, вне зависимости от того, какого они были возраста. Поэтому в этом блоке находились и маленькие дети и подростки. Я не знаю, что

с ними делали, помимо того, что у них брали кровь и производили их измерение.

Дюбост: *Были ли Вы очевидцем отбора, который производился по прибытии партии заключенных?*

Вайян-Кутюрье: *Да, так как в то время, когда мы работали в блоке, который был пошивочной мастерской. Блок, в котором мы тогда жили, был перед тем местом, куда прибывали составы. В систему приема прибывающих партий было внесено усовершенствование: вместо того чтобы производить отбор на платформе, состав подводили по запасному пути почти к самой газовой камере. Он останавливался в 100 метрах от газовой камеры, как раз перед нашим блоком, который, конечно, отделяли два ряда колючей проволоки. Таким образом, мы видели, как распломбировывали вагоны, как солдаты выводили из них женщин, детей и мужчин. Мы присутствовали при душераздирающих сценах, видя, как разъединяли пожилые супружеские пары, как матерей понуждали оставлять своих юных дочерей, так как те попадали в лагерь, в то время как матерей и маленьких детей направляли в газовую камеру. Все эти люди не знали, какая участь им была уготована. Они находились в состоянии растерянности, потому что их отделяли друг от друга, но они не знали, что их ведут на смерть.*

Чтобы разрядить атмосферу приема, в ту пору, то есть в июне-июле 1944 года, во время отбора после прибытия состава оркестр из молодых красивых заключенных, одетых в белые блузки и синие матросские юбки, играл веселые арии из оперетты «Веселая вдова», баркаролу из «Сказок Гофмана» и т. д. Прибывшим говорили, поскольку они не попадали внутрь лагеря и видели лишь небольшую, окруженную зеленью платформу, на которой играл оркестр, что это — трудовой лагерь. Конечно, они не могли представить себе, что их ожидает. Тех, кто был отобран для отравления газом, то есть стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича.

Дюбост: *Производили ли перепись этих людей?*

Вайян-Кутюрье: *Нет.*

Дюбост: *На них не ставили клейма?*

Вайян-Кутюрье: *Нет, их даже не считали.*

Дюбост: *На Вас было сделано клеймо?*

Вайян-Кутюрье: *Да.*

(Свидетель показывает Суду клеймо на руке)

Отобранных направляли в здание из красного кирпича, на котором имелась надпись «баня». Там их вначале заставляли раздеться и прежде, чем направить в так называемую душевую, им выдавали полотенца. Но в дальнейшем, когда стали прибывать большие партии из Венгрии, более не было времени для того, чтобы разыгрывать представление и мистифицировать заключенных. С них безжалостно срывали одежду. Мне известны эти подробности потому, что я была знакома с молоденькой французской еврейкой, которая жила со своей семьей во Франции...

Маленькая Мари была единственной в семье из девяти человек, которая выжила. По прибытии в лагерь ее мать и

семь братьев и сестер были отравлены газом. Когда я с ней познакомилась, ей было приказано раздевать детей перед тем, как они попадали в газовую камеру. После того как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое внешне напоминало душевую. Через отверстие в потолке в это помещение кидали капсулы с газом. Один из эсэсовцев наблюдал через глазок за тем действием, которое оказывал газ. Спустя пять-шесть минут после того как газ сделал свое дело, этот эсэсовец подавал знак для того, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали в помещение и вытаскивали тела. Они нам рассказывали, что заключенные испытывали перед смертью сильные мучения, о чем свидетельствует то, насколько тела были сцеплены друг с другом, и стоило большого труда их разъединить.

После этого приходила команда, которая занималась тем, что вырывала золотые коронки и снимала искусственные челюсти, и уже после того, как тела были превращены в пепел, его просеивали снова в поисках золота.

В Освенциме было восемь кремационных печей. Но с 1944 года этого количества стало недостаточно. Эсэсовцы заставили заключенных вырыть колоссальные рвы, в которых устанавливали перекрестные перекрытия. Их обливали бензином и поджигали. Трупы сбрасывали в эти рвы.

Мы видели из нашего блока, как спустя примерно 3/4 часа или час после прибытия партии заключенных из печей крематория начинали вырываться большие языки пламени и на небе возникало зарево от огня, поднимавшегося над рвами.

Однажды ночью мы были разбужены страшными криками. На следующее утро мы узнали от людей, работавших при газовой камере, что накануне было недостаточно газа и еще живых детей бросали в топки кремационных печей.

Дюбост: *Не могли бы Вы сообщить об отборе, который производился перед наступлением зимы?*

Вайян-Кутюрье: *Ежегодно, в конце осени в лазарете производили большой отбор. Видимо, это протекало в соответствии с определенной системой. Я говорю это потому, что могу делать выводы за тот период, который я находилась в Освенциме, и такие же выводы были сделаны теми, кто находился в лагере более длительный срок, чем я.*

Весной во всей Европе производили облавы на мужчин и женщин, которых отправляли в Освенцим, В живых оставляли лишь тех, у которых было достаточно сил для того, чтобы работать в течение лета. Конечно, в течение этого периода люди умирали ежедневно, но наиболее сильные, которым удавалось продержаться шесть месяцев, как, например я, настолько ослабевали, что в конце концов попадали в лазарет. Тогда-то осенью и производили большой отбор, чтобы не кормить зимой лишние рты. Всех женщин, которые были наиболее истощены, отправляли в газовую камеру, как и тех, кто болел довольно продолжительный срок. Евреек травили газом почти без всякого повода. Так,

отравили еврeек, находившихся в блоке для чесоточных, хотя каждому известно, что от чесотки можно вылечить при достаточном уходе за три дня. Я вспоминаю, что из 500 больных тифом, находившихся в блоке для выздоравливающих, 450 было отправлено в газовую камеру.

На рождество 1943 года, когда мы находились в карантине, помещавшемся перед блоком 25, мы видели, как совершенно раздетых женщин привозили в этот блок. Затем прибывали грузовики, которые не были покрыты брезентом, и на них погружали этих совершенно раздетых женщин в таком количестве, в каком грузовики могли их вместить. Затем каждый раз, когда грузовик трогался с места, заслуживший известность Гесслер, осужденный впоследствии к смерти на Люнебургском процессе, бежал за грузовиком и наносил этим раздетым, идущим на смерть женщинам двойной удар своей дубинкой. Женщины знали, что их везут в газовую камеру, и пытались вырваться. Их избивали жесточайшим образом. Они пытались выпрыгнуть из грузовика, и из нашего блока мы видели, как проезжали грузовики, и слышали страшные крики этих раздетых женщин, которые ехали, зная, что они будут отравлены газом. Многие из них могли бы свободно выжить, так как у них была лишь чесотка или небольшое истощение.

Дюбост: *Госпожа Вайян-Кутюрье, Вы сообщили нам, что стоило угоняемым сойти с поезда, как их, даже не пересчитав, отправляли в газовую камеру. Что делали с их одеждой и их багажом?*

Вайян-Кутюрье: *Что касается евреев, то вопрос о них должен быть рассмотрен отдельно, потому что лица нееврейского происхождения сами должны были нести свой багаж в блоки, где его сортировали. Евреи должны были по прибытии оставлять все свои вещи на перроне. До того как их пропускали, им приказывали раздеться, и их одежда и прочие вещи, которые они с собой привозили, — все это оставалось на перроне, а затем направлялось в большие бараки, где производила разборку вещей команда, которую называли «Канада». В бараках вещи сортировали и отправляли в Германию. Там были всевозможные предметы: драгоценности, меховые манто и т. д.*

Так как в Освенцим евреев отправляли целыми семьями, говоря им, что это нечто вроде гетто и поэтому они должны брать с собой все, что у них имеется, они привозили с собой значительные драгоценности. Я вспоминаю, что когда прибывали евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки, внизу на этих открытках указывалось, что адрес отправителя — Вальдзее, хотя такого пункта не существовало. Им выдавали также печатный текст с тем, чтобы они написали своим родным: «Здесь мы хорошо устроились: у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». Я лично видела такие почтовые открытки, и писари в каждом блоке получали приказ раздавать их заключенным, чтобы те отправляли их своим семьям. Мне известно, что такие случаи имели место в Греции, и я не знаю, применяли ли этот

метод в других местах, но в Греции (как и в Словакии) целые семьи приходили в бюро по вербовке в Салониках, изъявляя желание присоединиться к своим родным. Я вспоминаю профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал в приехавшем родного отца.

Дюбост: *Могли бы Вы дать показания о лагерях для цыган?*

Вайян-Кутюрье: *Рядом с нашим лагерем находились на расстоянии трех метров два лагеря, отделенные колючей проволокой. В одном из этих лагерей находились цыгане, которые в 1944 году, примерно в августе, были все отравлены газом. Там были цыгане из всех европейских государств, в том числе и из Германии. По другую сторону от нашего лагеря находился так называемый лагерь для семей. В него были помещены евреи из гетто в Терезиенштадте, которые в отличие от нас не были выбриты, не носили вытатуированные клейма. У них оставили их одежду, они не работали. Так они прожили шесть месяцев, а спустя шесть месяцев все обитатели этого лагеря были отравлены газом. В лагере было около 6—7 тысяч евреев. Через несколько дней из Терезиенштадта прибыли новые значительные партии евреев, они также были привезены целыми семьями, и шесть месяцев спустя их всех, как и первую партию, отравили газом.*

Дюбост: *Госпожа Вайян-Кутюрье, не могли бы Вы дополнительно рассказать о том, что Вы увидели перед самой отправкой из этого лагеря и при каких обстоятельствах Вас из него увезли?*

Вайян-Кутюрье: *В 1943 году перед тем, как мы были увезены из Освенцима, нас поместили в карантин.*

Дюбост: *Когда это было?*

Вайян-Кутюрье: *Мы пробыли в карантине в течение 10 месяцев: с 15 июля 1943 г. по май 1944 года. Затем мы были возвращены на два месяца в лагерь, после чего нас отправили в Равенсбрюк.*

Дюбост: *Среди вас были только француженки из вашей партии, которые остались в живых?*

Вайян-Кутюрье: *Да, это были только француженки, оставшиеся в живых из нашей партии. От прибывших из Франции примерно в июле 1944 года евреек мы узнали, что лондонское радио сообщило о нашей партии заключенных, причем были упомянуты Майя Политцер, Даниэль Казанова, Элен Соломон и я. Мы узнали, что после этого из Берлина был отдан приказ поместить француженок, входивших в эту партию заключенных, в лучшие условия, нежели остальных заключенных. Так мы попали в карантин. Это был блок, находившийся перед лагерем по другую сторону колючей проволки. Я должна сказать, что мы , которые остались в живых, обязаны жизнью этому карантину, так как через четыре месяца после нашего прибытия в лагерь нас осталось лишь 49 человек. Поэтому, несомненно, мы не смогли бы перенести 18 месяцев лагерной жизни, если бы десять месяцев не провели в карантине. Карантин этот был создан в связи с тем, что в Освенциме свирепствовал сыпной тиф. Поэтому для того чтобы выйти*

на свободу или быть переведенным в другой лагерь или же для того чтобы предстать перед судом, надо было предварительно пробыть в течение двух недель в карантине, так как две недели длится инкубационный период при заболевании сыпным тифом.

Также в тех случаях, когда приходили бумаги, в которых говорилось о возможном освобождении какого-либо заключенного, его отправляли в карантин, где он находился до тех пор, пока приказ о его освобождении не был подписан. Иногда это длилось в течение многих месяцев. Минимальный срок пребывания там был две недели.

Кроме того, периодически освобождали антиобщественные германские элементы в целях направления их в качестве рабочей силы на германские заводы. Поэтому невозможно себе представить, чтобы во всей Германии могло быть неизвестно, что существуют концлагеря и что в этих лагерях происходит, потому что трудно предположить, что все женщины, возвращавшиеся из этих лагерей, никогда о них не рассказывали. На заводах, на которых работали заключенные, были немки-мастера — гражданские лица, которые общались с заключенными и могли с ними разговаривать.«Ауфзееринннен», работавшие в Освенциме, приехали на заводы Сименса в Равенсбрюке, чтобы работать на той же должности. Они работали прежде в качестве работниц по вольному найму на заводах Сименса в Берлине, и в Равенсбрюке они встретились с мастерами-немками, которых знали по Берлину. При нас они рассказывали последним о том, что увидели в Освенциме. Поэтому нельзя предположить, что в Германии не знали о том, что происходит в концлагерях.

Когда мы оставляли лагерь Освенцим, мы не верили самим себе, и у нас сжимались сердца при виде того, что из всех нас, то есть из общего числа 230, когда мы прибыли туда 18 месяцами ранее, осталась маленькая группа в 49 человек. Мы испытывали такое чувство, как будто мы оставляем ад, и впервые у нас зародилась надежда на то, что мы выживем и вновь увидим мир.

Дюбост: *Госпожа Вайян-Кутюрье, куда Вас затем отправили?*

Вайян-Кутюрье: *Из Освенцима нас отправили в лагерь Равенсбрюк. Там нас поместили в блок «НН», то есть «Нахт унд Небель». В этом блоке вместе с нами находились польские женщины; некоторых называли «кроликами», потому что их использовали в качестве подопытных существ. Из партий польских женщин отбирали здоровых девушек со стройными ногами и производили над ними операции: у одних удаляли из ноги часть кости, другим делали впрыскивания, для чего именно, я не знаю. Среди подвергавшихся операциям была большая смертность.*

Тех, кто отказывался идти в лазарет, где им должны были производить операцию, силой отправляли в карцер, где их оперировал приехавший из Берлина профессор. Он производил операции в военной форме, не принимая никаких антисептических предосторожностей, не надевая халата и не вымыв рук. Среди этих «кроликов» были такие, кото-

рым удалось выжить, и они испытывают страшные страдания до настоящего времени.

Дюбост: *Ставили ли на заключенных по их прибытии в лагерь клеймо?*

Вайян-Кутюрье: *Нет. В лагере Равенсбрюк клейма не вытатуировывали, но подвергали гинекологическому осмотру, и так как при этом не принимали никаких предосторожностей, пользовались одними и теми же инструментами, это приводило к распространению заболеваний. Причем следует учесть, что уголовные и политические заключенные находились вместе.*

В блоке 32, в котором мы находились, были также русские военнопленные, которые отказались работать добровольно на заводах по производству боеприпасов. В связи с этим они были помещены в лагерь. Поскольку они продолжали отказываться работать, их подвергали всяческим издевательствам: заставляли стоять целый день перед бараком, не давая пищи. Часть из них потом была отправлена в Барт, другая была использована при переноске помойных ведер. В «штрафблоке» и «бункере» также были помещены заключенные, которые отказались работать на военных предприятиях.

Дюбост: *Вы имеете в виду тюрьмы лагеря?*

Вайян-Кутюрье: *Да, тюрьмы лагеря. Впрочем, тюрьма лагеря, я ее посетила, была гражданской тюрьмой, настоящей тюрьмой.*

Дюбост: *Сколько французов было в лагере?*

Вайян-Кутюрье: *От 8 до 10 тысяч.*

Дюбост: *Каково общее число женщин, которые там находились?*

Вайян-Кутюрье: *К моменту освобождения, в соответствии со списками, общее число равнялось 105 тысячам, может бóльше.*

В лагере производили и казни. Утром на перекличке вызывали по номерам, после этого женщин направляли в комендатуру, и их больше не видели. Спустя несколько дней их одежду помещали в вещевой склад, где хранили вещи заключенных.

Дюбост: *Вся система содержания в лагере была такой же, как в Освенциме?*

Вайян-Кутюрье: *В Освенциме преследовалась совершенно определенная цель — уничтожение. Производительность труда заключенных не представляла интереса. Их убивали без всякой причины. Было достаточно заставить их стоять на ногах с утра до вечера. Что же касается того, носят заключенные один или десять кирпичей, этому не придавали значения. Там полностью отдавали себе отчет в том, что людей — человеческий материал — использовали как рабов, чтобы заставить их умереть. В Равенсбрюке вопрос о производительности труда играл большую роль. Это был распределительный лагерь. Когда в лагерь прибывали партии заключенных, их спешно направляли либо на предприятия по производству боеприпасов, либо на пороховые заводы, либо на строительство аэродромов, а в последнее время на рытье окопов. Отправка на заводы*

производилась следующим образом: промышленники, или мастера, или же уполномоченные ими лица сами приходили в лагерь в сопровождении эсэсовцев, чтобы поизвести отбор. Создавалось впечатление невольничьего рынка: щупали мускулы, изучали выражение лица, после чего останавливались в своем выборе на ком-либо. Затем отобранные проходили в раздетом виде перед врачом, и тот принимал решение, могут или не могут они работать на заводе. В последнее время врачебный осмотр был только проформой, так как брали кого бы то ни было.

Работа была непосильная, особенно потому, что не хватало пищи и было мало времени для сна, то есть приходилось напряженно работать по 12 часов и утром и вечером выходить на перекличку. В самом Равенсбрюке был завод Сименса, где производилось телефонное оборудование и радиоаппаратура для самолетов.

Кроме того, внутри самого лагеря находились мастерские по производству камуфляжа, военного обмундирования и всевозможных вещей, используемых солдатами...

Дюбост: *Сможете ли Вы сообщить Суду, в каком состоянии находился в момент освобождения лагерь, в котором содержались мужчины, и сколько осталось в живых?*

Вайян-Кутюрье: *Когда немцы покинули лагерь, они оставили в нем 2 тысячи больных и некоторое число добровольцев, в том числе и меня, для того, чтобы ухаживать за больными. Нас оставили без воды и без света. К счастью, на другой день прибыли русские. Таким образом, мы смогли отправиться в лагерь, где помещались мужчины, и там мы увидели неописуемое зрелище. В течение пяти дней у заключенных не было воды. В лагере находились 800 человек тяжелобольных, три врача и семь медсестер, которые не успевали выносить мертвых из помещений, в которых лежали больные. Благодаря Красной Армии мы смогли перевезти этих больных в чистые блоки, оказать им необходимую помощь и накормить их. К сожалению, я могу назвать лишь число французов. Когда мы прибыли в лагерь, в нем находились 400 французов, но только 150 вернулись во Францию. Что касается остальных, то было слишком поздно, несмотря на оказанную им помощь...*

Дюбост: *Присутствовали ли Вы при казнях, и при каких обстоятельствах они совершались в лагере?*

Вайян-Кутюрье: *Я не присутствовала при казнях. Я знаю лишь, что последняя казнь имела место 22 апреля, за 8 дней до прихода Красной Армии. Как я уже говорила, заключенных отправляли в комендатуру, затем возвращалась только их одежда, а их карточки вынимали из картотеки.*

Дюбост: *Являлось ли положение в этом лагере исключением, или Вы полагаете, что такова была система?*

Вайян-Кутюрье: *Трудно дать точное представление о концентрационных лагерях, когда лично сам в них не побываешь, так как можно только привести примеры зверского обращения, но невозможно дать почувствовать эту убийственную рутину существования. Когда спрашивают, что являлось самым ужасным, невозможно на это ответить, так как все было ужасным: ужасно умирать от голода, от*

жажды, быть больным, видеть, как умирают вокруг товарищи и не иметь возможности что-либо сделать. Ужасно думать о своих детях, о своей стране, которых никогда больше не увидишь. Иногда наступали такие моменты, когда мы сомневались, не кошмар ли это, так эта жизнь по своему ужасу казалась нам нереальной.

В течение месяцев и лет у нас было одно желание: чтобы несколько из нас осталось в живых чтобы рассказать всему миру о том, что такое нацистская каторга. Так было всюду: В Освенциме и в Равенсбрюке. А те, которые были в других лагерях, рассказывают то же самое: всюду систематически проявлялась беспощадная воля к тому, чтобы использовать людей в качестве рабов и, когда они больше не в состоянии работать, убивать их.

Дюбост: *Вы больше не можете ничего рассказать?*

Вайян Кутюрье: *Нет.*

Дюбост: *Я закончил допрос.*

Руденко: *Я вопросов не имею.*

Максвел Файф: *Я вопросов не имею.*

Маркс: *Я говорю от имени защитника организации СС адвоката Бабеля. Доктор Бабель не может присутствовать на сегодняшнем утреннем заседании, так как ему предложено явиться на совещание к генералу Митчеллу. Господа Судьи! Я позволю себе задать свидетелю несколько вопросов.*

Госпожа Кутюрье, Вы заявили, что Вы были арестованы французской полицией?

Вайян Кутюрье: *Да.*

Маркс: *На каком основании Вы были арестованы?*

Вайян Кутюрье: *За участие в движении Сопротивления.*

Маркс: *Теперь следующий вопрос... Какое у Вас образование, и какие должности Вы занимали?*

Вайян Кутюрье: *Где?*

Маркс: *Например, были ли Вы учительницей или лектором?*

Вайян Кутюрье: *До войны?*

Маркс: *До войны.*

Вайян Кутюрье: *Я не могу понять, что имеет общего Ваш вопрос с настоящей темой. Я была журналисткой...*

Маркс: *Как же можно объяснить то, что Вы сами так легко отделались и что Ваше состояние здоровья настолько хорошее?*

Вайян Кутюрье: *Во-первых, я была освобождена год тому назад, а год — достаточный срок для восстановления своих сил. Затем я была в течение 10 месяцев, как я об этом уже говорила, в карантине и мне посчастливилось не умереть от сыпного тифа, хотя я и болела им три с половиной месяца.*

С другой стороны, так как я знаю немецкий язык, в Равенсбрюке я в последнее время работала на перекличке в лазарете, и поэтому мне не пришлось страдать от непогоды...

Маркс: *Вы здесь сообщали только свои личные наблюдения или же и сообщения из других источников?*

Вайян Кутюрье: *Каждый раз я указывала в моем заявлении, о чем идет речь; я ничего не сказала кроме того, что было проверено по первоисточникам, причем несколькими лицами, но большинство моих показаний основывается на личных наблюдениях.*

Маркс: Как можно объяснить тот факт, что у Вас есть точные статистические сведения, например, что 700.000 евреев прибыло из Венгрии?

Вайян Кутюрье: *Я вам сказала, что работала в канцелярии, а что касается Освенцима, то я сказала, что была знакома с секретарем, фамилию и адрес которой я называла суду.*

Маркс: *Утверждают, что только 350.000 тысяч евреев прибыло из Венгрии, по данным начальника гестапо Эйхманна.*

Вайян Кутюрье: *Я не желаю спорить с гестапо. У меня есть веские основания считать, что то, что заявляет гестапо, не всегда бывает точно*

(Смех в зале).

Маркс: *Как с Вами лично обращались, с Вами хорошо обращались?*

Вайян Кутюрье: *Как и с другими.*

Маркс: Как и с другими. Вы ранее сказали, что немецкий народ должен был знать о происходящем в Освенциме? На чем Вы основываетесь, утверждая это?

Вайян Кутюрье: *Во-первых, на том факте, что когда мы направлялись в лагерь, солдаты германской армии, уроженцы Лотарингии, говорили нам в вагоне, что если бы мы знали, куда мы едем, мы не спешили бы туда прибыть.*

Во-вторых, на том факте, что немки, которые выходили из карантина и направлялись на работу на заводы, знали об этих фактах и все они заявляли, что расскажут об этом вне лагеря. И, в-третьих, на том факте, что на всех заводах, где работали заключенные, они общались с немецким гражданским населением. Кроме того, надзирательницы также общались со своими семьями и друзьями и часто хвастались тем, что они видели.

Маркс: *Еще один вопрос. До 1942 года Вы могли наблюдать поведение немецких солдат в Париже. Разве немецкие солдаты вели себя там непристойно, и разве они не платили за все, что они отбирали?*

Вайян Кутюрье: *Я не имею об этом ни малейшего представления. Я не знаю, платили ли они за то, что отбирали. Что касается достойного обращения, то слишком много из моих было убито или истреблено, чтобы мое мнение не отличалось от Вашего по этому вопросу.*

Маркс: *У меня нет больше вопросов к свидетельнице...*

Из допроса свидетеля С. ШМАГЛЕВСКОЙ[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г.

Смирнов: *Я прошу сейчас у Суда разрешения вызвать в качестве свидетеля польскую гражданку Шмаглевскую. Советское обвинение просит о вызове ее в качестве свидетеля для подтверждения одного лишь вопроса — об отношении фашистов к детям концентрационных лагерях. Разрешит ли Суд вызвать этого свидетеля?*

Председатель: *Да, пожалуйста.*

(В зал входит свидетель)

Председатель: *Пожалуйста, назовите Ваше имя.*

Свидетель: *Северина Шмаглевская.*

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, свидетель, Вы были узницей лагеря Освенцима?*

Шмаглевская: *Да.*

Смирнов: *В течение какого времени Вы находились в Освенциме?*

Шмаглевская: *С 7 октября 1942 г. до января 1945 года.*

Смирнов: *Чем подтверждается, что Вы были узницей этого лагеря?*

Шмаглевская: *У меня есть номер, вытатуированный на моей руке, здесь (показывает).*

Смирнов: *Это то, что узники Освенцима называли «визитной карточкой»?*

Шмаглевская: *Да.*

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, свидетельница, Вы были очевидцем отношения эсэсовцев к детям в Освенциме?*

Шмаглевская: *Да.*

Смирнов: *Я прошу Вас рассказать об этом.*

Шмаглевская: *Я могу рассказать о детях, которые родились в концентрационным лагере, о детях, которые были привезены в лагерь с еврейскими транспортами и которых вели прямо в крематорий, а также о детях, которые были привезены в лагерь как интернированные.*

Уже в декабре 1942 года, когда я шла на работу за 10 км от Биркенау...

Смирнов: *Простите, я Вас перебью. Вы были в отделении Биркенау?*

Шмаглевская: *Да, я была в лагере Биркенау. Это часть лагеря Освенцима, которая называлась Освенцим-2. Тогда я заметила женщину, которая была беременной на последнем месяце. Это было видно по ней. Эта женщина вместе с другими шла 10 км к месту своей работы и там работала*

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, ед. хран. 38.

весь день с лопатой в руках по раскопке траншей. Она уже была больна. Она попросила мастера-немца, штатского немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это не согласился, смеялся и вместе с другими эсэсовцами начал бить ее и очень сурово надзирать за ней при работе. Таково было положение всех женщин, которые были беременны. Только в последнюю минуту им разрешалось не идти на работу. Новорожденных еврейских детей уничтожали немедленно.

Смирнов: *Я прошу извинить меня, свидетель, что значит немедленно? Когда это было?*

Шмаглевская: *Нет, я говорю о детях, которые родились в лагере. Через несколько минут после рождения ребенка отбирали у матери, и мать больше никогда не видела его. По истечении нескольких дней мать снова шла на работу. В 1942 году не было еще отдельных бараков для детей. В начале 1943 года, когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в концлагере, также татуировались. Номер вытатуировывали на ноге.*

Смирнов: *Почему на ноге?*

Шмаглевская: *Потому что ребенок очень мал, и номер, состоящий из пяти цифр, не поместился бы на маленькой ручонке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые. Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель, а иногда через месяц они увозились из лагеря.*

Смирнов: *Куда?*

Шмаглевская: *Нам никогда не удавалось узнать, куда увозили детей. Их увозили в течение всего времени существования этого лагеря, то есть в 1943 и 1944 гг. Последний транспорт детей был вывезен в январе 1945 года. Это не были исключительно польские дети, так как известно, что в Биркенау были женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет.*

Я бы хотела от имени женщин всей Европы, которые становились матерями в концлагерях, спросить сегодня немцев: где находятся эти дети?

Смирнов: *Скажите, свидетель, были ли Вы очевидцем фактов, когда детей отправляли в газовые камеры?*

Шмаглевская: *Я работала очень близко от железнодорожной ветки, которая вела в крематорий. Иногда по утрам я проходила возле помещения немецкого клозета, откуда я тайно могла присматриваться к транспортам. Тогда я видела, что вместе с евреями, которых привозили в концлагеря, приезжало много детей. Иногда в семье имелось несколько детей. Трибунал, вероятно, знает, что перед крематорием имел место отбор— селекция.*

Смирнов: *Селекция производилась врачами?*

Шмаглевская: *Не всегда врачами, но и эсэсовцами.*

Смирнов: *Но и врачами в том числе?*

Шмаглевская: *И врачами. Во время этой селекции самые молодые и самые здоровые еврейки в очень малом количестве входили в лагеря. Те женщины, которые несли детей на руках или везли в колясках или которые имели более взрослых детей, вместе с этими детьми посылались*

в крематорий. Детей отделяли от родителей перед крематорием и вели их отдельно в газовую камеру.

В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория без того, чтобы их раньше задушить газом.

Смирнов: *Как следует Вас понимать: их бросали в огонь живыми или перед сожжением их убивали другими способами?*

Шмаглевская: *Детей бросали живыми. Крик этих детей был слышен во всем лагере. Трудно сказать, сколько было этих детей.*

Смирнов: *Почему же все-таки это делалось?*

Шмаглевская: *На это трудно ответить. Не знаю, потому ли, что они желали сэкономить газ, или потому, что не было места в газовых камерах.*

Я хотела бы еще сказать, что нельзя определить число этих детей, например число евреев, так как их везли прямо в крематорий. Они не были зарегистрированы, не были татуированы, очень часто их даже не считали. Мы, заключенные, которые хотели знать количество людей, погибших в газовых камерах, могли ориентироваться только по тому, что мы узнавали о количестве детских смертей по числу колясок, которые были отправлены в магазины. Иногда были сотни колясок, иногда тысячи.

Смирнов: *В день?*

Шмаглевская: *Не всегда одинаково. Были дни, когда газовые камеры работали с ранних часов утра до позднего вечера.*

Я хотела бы еще сказать о тех детях, которые были в немалом количестве привезены в концентрационный лагерь в качестве заключенных. В начале 1943 года в концлагерь вместе с родителями приехали польские дети из Замойщины. Одновременно начали прибывать русские дети из областей, оккупированных немцами. Потом прибыло еще небольшое количество еврейских детей. В меньшем количестве можно было встретить в концлагере итальянских детей. Положение детей было столь же тяжелым, как и положение всех остальных заключенных, может быть, даже более тяжелым. Эти дети не получали никаких посылок, так как их никто не мог посылать. Посылки Красного Креста никогда не доходили до заключенных. В 1944 году в лагерь стали прибывать в большом количестве итальянские и французские дети. Все эти дети были больны экземой, лимфатическими нарывами, страдали от голода, были плохо одеты, часто были без обуви и не имели возможности мыться. Во время варшавского восстания в лагерь привезли заключенных детей из Варшавы. Самым маленьким из этих детей был мальчик шести лет. Дети были помещены в отдельный барак. Когда начался систематический вывоз заключенных из Биркенау в глубь Германии, этих детей использовали для тяжелых работ.

В то же время в лагерь прибыли дети венгерских евреев, которые работали вместе с детьми, привезенными после варшавского восстания. Эти дети работали на двух

возах, которые они собственной силой должны были везти. Они перевозили из одного лагеря в другой уголь, железные машины и другие тяжелые предметы. Они работали также при разборке бараков во время ликвидации лагеря. Эти дети оставались в лагере до самого конца. В январе 1945 года они были эвакуированы и должны были идти пешком в Германию в таких же тяжелых условиях, как двигался фронт, под обстрелом эсэсовцев, без пищи, проходя около 30 км в день.

Смирнов: *Во время этого марша дети умирали от истощения?*

Шмаглевская: *Я не была в той группе, в которой были дети, я бежала на второй день после того, как начался этот марш. Я хотела бы еще сказать о методах деморализации человека в лагере. Все то, что переживали заключенные, было результатом системы унижения человека. Вагоны, в которых заключенные прибывали в лагерь, были для скота, и на время, когда транспорт двигался, эти вагоны забивались гвоздями. В каждом из вагонов было много людей. Конвой, состоявший из эсэсовцев, не думал о том, что люди имеют физиологические потребности...*

Смирнов: *Что Вы можете еще сказать об отношении к детям в лагере? Вы осветили в своих показаниях все факты, известные вам по этому поводу?*

Шмаглевская: *Я хотела бы сказать, что дети подвергались той же системе деморализации и унижения, как и взрослые, путем голода, причем голод доводил до того, что дети искали среди помоев и грязи картофельную шелуху.*

Смирнов: *Скажите, Вы подтверждаете свои показания тем, что иногда количество колясок, оставшихся в лагере после умерщвления детей, доходило до тысячи в день?*

Шмаглевская: *Да, были такие дни.*

Смирнов: *Господин председатель, я больше не имею вопросов к свидетелю.*

Председатель: *Хочет ли кто-нибудь из других Главных обвинителей задать вопросы свидетелю? Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю? (Молчание) В таком случае свидетель может считать себя свободным.*

Из допроса свидетеля А. БАЛАХОВСКОГО[1]

Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 29 января 1946 г.

Председатель: *Ваша фамилия, имя?*

Балаховский: *Альфред Балаховский.*

Председатель: *Повторите слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Дюбост: *Ваша фамилия Балаховский Альфред?*

[1] IMT, vol. 6, p. 302—321.

Балаховский: *Так.*

Дюбост: *Вы — начальник одной из лабораторий института Пастера в Париже?*

Балаховский: *Да.*

Дюбост: *Вы живете в Вирофлэ? Родились 15 августа 1909 г. в Короче, в России?*

Балаховский: *Да.*

Дюбост: *Вы — француз?*

Балаховский: *Да, фрацуз.*

Дюбост: *От рождения?*

Балаховский: *От рождения русский, принял французское подданство.*

Дюбост: *В каком году?*

Балаховский: *в 1932 году.*

Дюбост: *Вы были угнаны 16 января 1944 г. после того, как Вас арестовали в 1943 году, 2 июля, и Вы пробыли 6 месяцев в тюрьме в Фресне, затем в Компьене? Затем Вы были переправлены в лагерь Дора?*

Балаховский: *Да.*

Дюбост: *Вы можете нам коротко рассказать, что Вы знаете о лагере Дора?*

Балаховский: *Лагерь Дора расположен в пяти километрах на север от города Нордхаузен на юге Германии. Этот лагерь рассматривался немцами как «секретная команда», откуда заключенные не могли больше выйти. Эта секретная команда занималась изготовлением Фау-1 и Фау-2, летающие снаряды, которые немцы использовали против Англии. Поэтому Дора и был секретной командой. Этот лагерь подразделялся на две части: внешняя часть, которая включала 1/3 всего состава, находившегося в лагере, и 2/3 от числа заключенных находились на работах в подземном заводе. Следовательно, Дора был подземным заводом, где изготовлялись Фау-1 и Фау-2. В Дора я прибыл из Бухенвальда 10 февраля 1944 г.*

Дюбост: *Говорите немного медленнее. Когда вы прибыли в Дора из Бухенвальда?*

Балаховский: *Я прибыл из Бухенвальда 10 февраля 1944 г., то есть в период, когда жизнь в лагере Дора была особенно тяжелой. 10 февраля нас, 76 мужчин, посадили на большой грузовик, заставив сидеть на корточках. 4 стражника из СС охраняли нас. Так как мы не могли все разместиться на грузовике, то всякий раз, когда кто-нибудь поднимал голову, он получал удар прикладом. Таким образом за время этой поездки, которая длилась 4 часа, у нас оказалось несколько раненых.*

Прибыв в лагерь, мы приблизительно сутки провели без пищи, на холоде, в снегу во время прохождения всех формальностей регистрации в лагере: заполнение карточек, фамилия, имя и т. д. По сравнению с Бухенвальдом в Дора было много отличий, так как общее управление в лагере Дора было поручено особой категории заключенных, которые были уголовниками. Эти уголовники были у нас начальниками блоков. Они раздавали нам суп и надзирали за нами. Эти уголовники имели отличительный знак, зеленые треугольники, на котором была буква «С» черного

цвета. Эти преступники были осуждены германскими судами задолго до войны за различные преступления. Но вместо того, чтобы по истечении срока наказания отсылать их домой, их оставляли в концентрационных лагерях с тем, чтобы осуществлять надзор за заключенными. Пробыв в тюрьме 5, 10 и даже 20 лет, проведя затем 5—10 лет в концлагерях, эти изгои не могли иметь надежду когда-либо выйти на свободу, но благодаря поддержке и сотрудничеству, которое им предлагало управление лагеря, они имели возможность сделать карьеру, если можно так выразиться. Эта карьера состояла в том, чтобы грабить, издеваться над другими заключенными и заставлять их давать возможно большую производительность труда. Они нас избивали с утра до вечера. Поднимали нас с 4 часов утра и требовали, чтобы в 5 минут мы были готовы. Спали мы в подземных помещениях, скученно, без вентиляции и свежего воздуха, в ужасной атмосфере, в бараках приблизительно такого размера, как этот зал, в котором мы находимся сейчас. В таком бараке содержалось от 3 до 3,5 тыс. заключенных, на нарах в пять этажей с гнилыми матрацами, которые никогда не менялись. Мы вставали и были готовы в 5 минут, так как мы спали не раздеваясь. С другой стороны, мы не могли спать потому, что ночью беспрестанно продолжались хождения взад и вперед. Также ночью совершались различного рода кражи у заключенных. Мы не могли спать и потому, что нас осаждали насекомые. Вообще в лагере Дора насекомых было страшно много. Было совершенно невозможно избавиться от вшей. В 5 минут мы выстраивались в туннеле и шли в том направлении, которое нам было указано...

Дюбост: Перейдите к изложению преступной практики, которую проводили немецкие врачи СС в концентрационных лагерях, преступной практики, проводившейся под предлогом научных экспериментов.

Балаховский: 1 мая 1944 г. я был вновь отправлен в Бухенвальд, где меня поместили в блоке номер 50, который в действительности был заводом по изготовлению вакцин против сыпного тифа. Перевод из Дора в Бухенвальд объясняется тем, что управление лагеря узнало о том, что я был специалистом по этим исследованиям, и хотело использовать мои знания для изготовления вакцин. Впрочем, я ничего не знал об этом до последнего момента.

Итак, начиная с 1 мая 1944 г., я находился в блоке номер 50 и оставался там до освобождения лагеря 11 апреля 1945 г. Блок номер 50 находился под управлением врача штурмбаннфюрера Шуле. Он осуществлял руководство этим блоком и нес ответственность за работы по изготовлению вакцин. Шуле руководил и другим блоком в лагере Бухенвальд. Другой блок, номер 46 — известный блок экспериментов, куда заключали людей для того, чтобы использовать их в качестве подопытных. Секретариат был общим для обоих блоков. Поэтому все архивы, карточки для регистрации опытов, корреспонденция и все решения, которые относятся к блоку номер 46, находились в одном

секретариате блока номер 50. Секретарем блока номер 50 был политзаключенный австриец Эжен Когон — мой друг. Он и другие товарищи имели возможность рыться во всех архивах, за которые они несли ответственность, и могли таким образом знать изо дня в день, что происходило в блоках. Мне лично удалось захватить большую часть архива 46-го блока и сохранить даже журнал, в котором регистрировались эксперименты. Мы передали его в отдел «Psychological Service of the American Forces»[1]. *В этом журнале отражены все эксперименты, которые производились в 46-м блоке. Этот блок был создан в октябре 1941 г. комиссией, которая подчинялась отделу медицинской службы войск СС...*

В отношении производства опытов все приказы приходили прямо от высшего командования из Берлина. Мы можем поэтапно проследить за проводившимися экспериментами, во всяком случае за некоторыми из них, с помощью карточек, записей о результатах, регистрационному номеру людей. Во-первых, проводились многочисленные опыты с сыпным тифом. Во-вторых, проводилось множество опытов с ожогами от фосфора. В-третьих, опыты с половыми гормонами. В-четвертых, опыты с авитаминозом. Наконец, в-пятых, надо отметить опыты судебно-медицинского характера. Итак, там было пять определенных типов опытов.

Дюбост: *Люди, над которыми производились опыты, подвергались им добровольно?*

Балаховский: *Люди, над которыми производились опыты, набирались не только в лагере Бухенвальд, но и за его пределами. Они не были добровольцами, впрочем, до тех пор, пока они не входили в 46-й блок, в большинстве случаев они не подозревали, что над ними будут производиться опыты.*

Отбирали также из уголовников, число которых таким образом надеялись сократить; использовали и политзаключенных. Более того, производили отбор и среди русских военнопленных. Я должен сказать, что из числа политических и военнопленных, использовавшихся для экспериментов русских было большинство. Это объясняется тем, что организм русских по сравнению с другими заключенными, оказывал самую высокую сопротивляемость. Русские могли хорошо выносить физические лишения, они лучше, чем другие, переносили голод, плохое обращение и всякие другие лишения. В силу этого русских политзаключенных набирали для опыта больше, чем других заключенных. Однако, среди подопытных было много лиц других национальностей, в частности, французов. Возвращаюсь теперь к вопросу проведения самих опытов.

Дюбост: *Вы не излагайте, пожалуйста, слишком подробно, потому что мы не специалисты. Нам достаточно знать, что там производились бесчеловечные опыты над людьми, без их согласия. Покажите нам, какой жестокий характер они носили и к каким результатам приводили?*

---

[1] Психологическая служба американских вооруженных сил.

Балаховский: *Эксперименты, которые производились в блоке номер 46, вне сомнения служили какой-то медицинской цели; но большинство из них никоим образом не могли служить делу науки, поэтому их невозможно даже называть экспериментами. Люди служили в большинстве случаев только объектами, на которых наблюдалось действие медикаментов, ядов и т. д. Например, я хочу рассказать о вакцинах против сыпного тифа, для их изготовления нужны были бактериальные культуры тифа. Это не является необходимым для проведения научных опытов, которые проводятся в институте Пастера или в других научных институтах мира. Всегда можно найти больных тифом для того, чтобы взять у них кровь. Здесь же все было по-иному. В блоке номер 46 мы смогли обнаружить 12 различных культур бактерий тифа, отмеченных буквами «ВИ», что значит Бухенвальд, причем эти знаки шли от одного до двенадцати. Постоянный запас этих культур обеспечивался посредством передачи крови от больного к здоровому, то есть искусственной прививкой — уколом в вену вводилось от половины до одного куб. сантиметра зараженной крови, взятой у больного в разгар кризиса. Хорошо известно, что такая форма искусственной прививки тифа посредством укола в вену неизбежно вызывает смерть. Следовательно, все лица, которые использовались для получения бактериальной культуры, на протяжении всего периода с октября 1942 г. до освобождения лагеря, умерли, и мы смогли насчитать около 600 жертв, погибших только ради того, чтобы обеспечить запас бактерий тифа..*

Дюбост: *Значит, их буквально умертвили, чтобы поддержать жизнь бактерий?*

Балаховский: *Да. Кроме того, здесь производились опыты по определению силы вакцин.*

Дюбост: *Это документ, который Вы называли?*

Балаховский: *Этот документ представляет собой записи о культуре бактерий тифа.*

Дюбост: *Вы взяли его в лагере?*

Балаховский: *Да. Его содержание кратко записано мною в журнале регистрации экспериментов 46-го блока...*

Кроме того, в 1944 г. проводились эксперименты по определению силы вакцин. При этих экспериментах погибло 150 чел. Для германской армии использовались не только те вакцины, которые изготавливались в нашем блоке, но применялись и итальянские, датские и польские вакцины. Немцы хотели сравнить силу воздействия различных вакцин. С этой целью они в августе 1944 г. начали производить опыты над 150 чел., заключенными в 46-м блоке.

Я хотел бы вам рассказать, как функционировал 46-й блок. Этот блок был целиком изолирован и обнесен колючей проволокой. У заключенных не было перекличек и возможности проникнуть наружу, все окна были закрыты, рамы застеклены матовыми стеклами. Никто не мог пройти в блок без разрешения. Управление этим блоком было поручено заключенному — немцу, капо Дитцу. Дитц был страшным человеком. Он отбыл 20-летнее заключение в

тюрьме и работал на СС. Именно он делал уколы, прививки, казнил людей по приказу. Как это ни странно, в блоке имелось оружие: пистолеты, автоматы, гранаты. Они предназначались для того, чтобы подавить всякое неповиновение, которое могло возникнуть как внутри, так и вне блока. Могу также сообщить, что в январе 1945 г. в список, где помечались различные заказы для блока, были включены 3 смирительных рубашки, предназначавшиеся для тех, кто оказывал сопротивление при производстве прививок.

Итак, я возвращаюсь к опытам с тифом и вакцинами. Вы видите, в каких условиях проводились эти опыты.

150 заключенных разделили на 3 группы. С одной стороны — контрольная группа, с другой — те, над кем непосредственно проводились опыты. Только последним делали инъекции различнымх типов вакцин, которые нужно было испытать. Контрольной группе инъекций не делали. После вакцинации второй группы обеим группам делали прививки путем внутривенных инъекций. 15 дней спустя подопытные первой группы умирали. Что касается других лиц, которым ввели различные вакцины, они умирали по истечении определенного срока, в зависимости от силы вакцин. Некоторые вакцины давали прекрасные результаты с очень низким процентом фатальных исходов. Это были польские вакцины. Наоборот, другие вакцины приводили к более высокой смертности... Проводились также опыты психотерапевтического характера. Использовались химические средства для излечения тифа и все это в условиях 46-го блока. К этим опытам привлекалась германская промышленность, а именно в этих опытах принимала участие «Фарбениндустри», которая предоставляла для опытов определенное количество медикаментов. Среди профессоров, которые поставляли эти медикаменты, зная, что они будут использованы в 46-м блоке, фигурировал профессор Лаутеншлегер из Франкфурта.

Таким образом, я рассказал об опытах с сыпным тифом. Теперь я перехожу к опытам с фосфором, которые проделывались преимущественно над русскими заключенными. Ожоги фосфором делались по следующим причинам: некоторые бомбы, которые сбрасывала союзная авиация в Германии, вызывали много ожогов среди гражданского населения и военных, ожоги заживали плохо. Поэтому немцы хотели найти ряд медицинских средств, которые могли бы облегчить и ускорить лечение ран от ожогов. Стали производить опыты такого рода в 46-м блоке над русскими заключенными, которых специально обжигали веществами, содержащими фосфор, а затем лечили, применяя различные медикаменты, поставляемые германской химической промышленностью...

Дюбост: *Каковы были последствия этих опытов?*

Балаховский: *Все опыты кончались смертью людей, над которыми они производились.*

Дюбост: *Все опыты кончались смертью? Значит, каждый опыт можно приравнять к убийству, в котором повинны СС в целом?*

Балаховский: *Повинны те, кто создал это учреждение.*

Дюбост: *То есть эсэсовцы в целом и германская медицинская служба в частности?*

Балаховский: *Конечно, так как все приказы поступали из исследовательского отдела номер 5 главного управления войск СС, который находился в Ляйпциге.*

Дюбост: *Благодарю Вас. Каковы последствия этих опытов с половыми гормонами?*

Балаховский: *Они менее серьезны. Впрочем, с научной точки зрения это нелепые опыты. В Бухенвальде было некоторое число гомосексуалистов, то есть людей, которые были осуждены за свой порок немецкими судами. Гомосексуалистов направляли в концентрационные лагеря, в частности, в Бухенвальд; они находились вместе с другими заключенными.*

Дюбост: *То есть вместе с так называемыми политзаключенными, которые в действительности были патриотами?*

Балаховский: *С различными категориями заключенных.*

Дюбост: *И все соприкасались с этими немцами, склонными к половым извращениям?*

Балаховский: *Конечно. Они носили треугольник розового цвета, который был их опознавательным знаком.*

Дюбост: *Соответствовало ли ношение треугольников установленному порядку или, наоборот, существовала неразбериха в классификации заключенных?*

Балаховский: *Сначала, судя по тому, что мне рассказывали, существовал определенный порядок в ношении треугольников; когда же я попал в Бухенвальд, с января 1944 г., здесь царил совершенный хаос, многие вообще не носили треугольников.*

Дюбост: *Либо носили треугольники цвета, принадлежащего другой категории заключенных?*

Балаховский: *Совершенно верно. В частности, так было со многими французами. Те французы, которые были присланы в Бухенвальд как уголовники, стали носить треугольники красного цвета, как политические.*

Дюбост: *Какого цвета треугольники носили германские уголовники?*

Балаховский: *У них был зеленый цвет.*

Дюбост: *А им в конце не были выданы красные треугольники?*

Балаховский: *Нет. Так как они обладали большими привилегиями, то они носили свой четко различимый знак...*

Дюбост: *Можете ли Вы нам рассказать о татуированных людях?*

Балаховский: *Татуированные человеческие кожи складывались во 2-м блоке , который назывался в Бухенвальде патологическим.*

Дюбост: *Много ли было татуированных человеческих кож в блоке?*

Балаховский: *В блоке всегда были человеческие татуированные кожи. Я не могу сказать точно, сколько их там было, так как они все время то поступали, то вывозились. Здесь были не только татуированные человеческие кожи, а также и дубленые кожи, которые были без татуировки.*

Дюбост: *Значит, кожу сдирали с людей?*

Балаховский: *Кожу снимали, а затем дубили.*

Дюбост: *Продолжайте Ваши показания по этому вопросу.*

Балаховский: *Я видел эсэсовцев, которые выходили из блока (патологического блока) с дублеными кожами в руках; я знаю по рассказам моих товарищей, которые работали в патологическом блоке, что туда поступали заказы на кожи и эти дубленые кожи выдавались в качестве подарка некоторым охранникам и посетителям, которые использовали их для переплетов книг.*

Дюбост: *Нам известно, что Кох, который был начальником в это время, понес наказание за такую практику?*

Балаховский: *Я не был свидетелем действий Коха, это было до моего прибытия.*

Дюбост: *Следовательно, даже после его ухода все еще были татуированные и дубленые кожи?*

Балаховский: *Татуированные и дубленые кожи там находились постоянно, поэтому, когда американцы 11 апреля 1945 г. освободили лагерь, они обнаружили в блоке номер 2 татуированные и дубленые кожи.*

Дюбост: *Где дубили эти кожи?*

Балаховский: *Кожи дубили в блоке номер 2 и, возможно, в здании крематория, который был расположен недалеко от блока.*

Дюбост: *Согласно Вашим показаниям, эта практика продолжалась и после Коха?*

Балаховский: *Да, но я не могу сказать, в каких размерах.*

Дюбост: *Видели ли Вы кого-нибудь из крупных германских деятелей, которые приезжали в лагерь для его осмотра?*

Балаховский: *Я могу рассказать кое-что в отношении посещений, которые были в лагере Дора.*

Дюбост: *Простите, я должен задать Вам еще один вопрос о кожах. Известно ли Вам об осуждении Коха?*

Балаховский: *Я знаю об осуждении Коха из рассказов моих товарищей, которые находились в лагере при Кохе, но лично я не был свидетелем по этому делу.*

Дюбост: *Неважно, нам достаточно знать, что после вынесения ему приговора продолжалось дубление кож.*

Балаховский: *Совершенно точно.*

Дюбост: *Вы утверждаете это?*

Балаховский: *Да. Даже после его осуждения можно было обнаружить татуированные и дубленые кожи.*

Дюбост: *Можете ли Вы нам рассказать теперь, кто из видных германских деятелей приезжал в лагерь?*

Балаховский: *Связь между внешним миром, то есть германскими гражданскими и даже военными лицами, и концлагерем постоянно существовала. Некоторые политзаключенные получали отпуск и разрешение от СС провести некоторое время в своих семьях. С другой стороны, иногда в лагерь приходили представители германской армии. В 50-й блок приходили курсанты летного училища. Эти курсанты, и представители германской армии, могли видеть все, что там происходило.*

Дюбост: *Что они делали в 50-м блоке?*

Балаховский: *Они приезжали по приглашению штурмбаннфюрера Шуле, осматривали оборудование. В лагерь было сделано несколько таких визитов.*

Дюбост: *Какое оборудование?*

Балаховский: *Оборудование для приготовления вакцин, лаборатории и др.*

Дюбост: *Благодарю Вас.*

Балаховский: *Были и другие посетители, например, в октябре 1944 года в наш блок приезжали медсестры из германского Красного Креста.*

Дюбост: *Знаете ли Вы фамилии известных германских личностей, приезжавших в лагерь?*

Балаховский: *Известная личность, если хотите, принц Вальдек унд Пьермонт, который был обергруппенфюрером СС и высшим руководителем СС и полиции в Гессене и Тюрингии. Он несколько раз приезжал в лагерь и был в 46-м и 50-м блоках. Он особенно интересовался опытами.*

Дюбост: *Известно ли Вам, каково было состояние заключенных незадолго до освобождения лагеря американскими войсками?*

Балаховский: *Заключенные в Бухенвальде предчувствовали, что они должны быть очень скоро освобождены. 11 апреля с утра в лагере был образцовый порядок. Несмотря на крайние трудности, удалось тайно спрятать оружие — ящики с гранатами и приблизительно 250 винтовок. Все это было разделено на две партии: в госпитале приблизительно 100 винтовок и в моем блоке— около 150 винтовок и ящики с гранатами. Как только американцы стали приближаться к Бухенвальду, 11 апреля, в 3 часа дня, политические заключенные, разбившись на отряды, схватили, а частью расстреляли сопротивлявшихся охранников СС лагеря. Этим охранникам было очень трудно бежать, так как они уносили тяжелые рюкзаки с добычей, то есть украденные вещи, то, что они украли у заключенных во время пребывания их в лагере.*

Дюбост: *Благодарю Вас. У меня нет больше вопросов к свидетелю...*

Кауфман *(защитник подсудимого Кальтенбруннера): Вы — специалист в области исследований по получению вакцин?*

Балаховский: *Да, я являюсь специалистом по проведению этих исследований.*

Кауфман: *Скажите, по Вашему мнению, имело ли все то, что производилось там с людьми, какой-то смысл?*

Балаховский: *Это не имело никакого научного значения и имело лишь практическое значение: с помощью экспериментов проверяли эффективность действия ряда производимых веществ.*

Кауфман: *Но Вы должны иметь свое собственное суждение относительно этого, так как Вы сами видели этих людей; Вы действительно видели этих людей?*

Балаховский: *Я очень близко соприкасался с этими людьми, потому что в 50-м блоке мне была поручена часть работы по производству вакцины, и в связи с этим мне*

хорошо известно, какого рода эксперименты производили в 46-м блоке и почему их производили. Я знаю также, что врачи СС были почти полным ничтожеством, и мы поэтому могли без труда саботировать производство вакцины для германской армии.

Кауфман: *Тогда это были действительно очень большие страдания, которые должны были испытывать люди перед смертью?*

Балаховский: *Конечно, эти люди невероятно страдали, особенно при ряде экспериментов.*

Кауфман: *Скажите, Вы это также знаете только по наслышке, или Вы это говорите на основании своего собственного опыта?*

Балаховский: *В 50-м блоке я видел фотографии ожогов, вызванных действием фосфора, и не нужно быть специалистом-врачом для того, чтобы представлять, что должны были испытывать люди, над которыми производили опыты, когда их тело прожигали до костей.*

Кауфман: *Так что Ваша совесть была возмущена?*

Балаховский: *Совершенно верно.*

Кауфман: *Я спрашиваю Вас, как же Ваша совесть позволяла Вам выполнять этот приказ, который не соответствовал Вашему внутреннему убеждению, почему Вы не помогали этим страдальцам?*

Балаховский: *Это объясняется исключительно просто. Когда я прибыл в лагерь Бухенвальд в качестве депортированного, я не скрыл своей профессии, я сказал только, что я «лаборант», то есть человек, знакомый с аппаратурой лабораторий, человек, не являющийся специалистом; я был направлен в Дора, там я потерял из-за режима, установленного СС, 30 килограммов за два месяца...*

Кауфман: *Господин свидетель! Я сейчас говорю только о Бухенвальде и ничего не хочу знать о Доре. Я спрашиваю...*

Балаховский (перебивая): *Именно то, что заключенные Бухенвальда общались между собой, привело к тому, что меня заставили возвратиться в Бухенвальд. Господин Жюльен Кэн, директор французской Национальной библиотеки, сообщил обо мне германскому политическому заключенному Вальтеру Кюммельсхейму, который был секретарем в 50-м блоке. Кэн без моего ведома привлек внимание к тому, что в Дора находится французский специалист, хотя сам я этого не говорил. Вот почему я был отозван СС из Дора, чтобы работать в 50-м блоке.*

Кауфман: *Простите, что я Вас прерываю. Не будем слишком вдаваться в детали. Я думаю, что все рассказанное Вами сейчас—правда, то есть то, почему Вы попали в лагерь Дора и почему вернулись оттуда обратно. Но я хотел бы спросить о другом. Я еще раз поэтому спрашиваю.*

Вы же знали, что эти люди, говоря человеческим языком, просто были мучениками, правда это или нет?

Балаховский: *Отвечаю на заданный вопрос. Когда я прибыл в 50-й блок, я ничего не знал ни об этом блоке ни о том, какие эксперименты там производили. Лишь в*

дальнейшем, когда я уже находился в 50-м блоке, я узнал со временем, после того, как я познакомился с рядом лиц, работавших там, подробности относительно экспериментов.

Кауфман: *Хорошо. И после того, как Вы узнали о всех деталях этих экспериментов постольку, поскольку Вы являетесь врачом, неужели в Вашем сердце не родилось чувства глубокой жалости к этим несчастным?*

Балаховский: *Я испытывал к ним большую жалость, но речь шла не о том, жалеть их или нет, так как надо было пунктуально выполнять данные приказы или в противном случае погибнуть.*

Кауфман: *Хорошо. Итак Вы говорите, что если бы Вы в какой-то степени попытались не выполнить те приказы, которые давались, то Вас бы убили? Верно это?*

Балаховский: *Это не вызывает ни малейшего сомнения. С другой стороны, моя работа состояла в производстве вакцины и никогда ни я, ни какой-либо другой заключенный из 50-го блока не бывали в 46-м блоке и не были свидетелями экспериментов. О фактах, касающихся экспериментов, нам было известно лишь на основании регистрационных карточек, которые исходили из 46-го блока и проходили официальную регистрацию в 50-м блоке.*

Кауфман: *Да, но я думаю, что для совести человека нет большой разницы между тем, что Вы являетесь свидетелем страданий или непосредственно знаете об этих страданиях. Я хочу задать другой вопрос.*

Председатель: *Вы сейчас задали вопрос? Не будете ли Вы любезны сформулировать вопрос?*

Балаховский: *Простите, но я хотел бы ответить на последний вопрос.*

Кауфман: *Это не было вопросом. Я хочу задать другой вопрос.*

Балаховский: *В таком случае я хотел бы ответить на сделанные Вами замечания.*

Кауфман: Ваш ответ меня не интересует.

Балаховский: *Но я настаиваю на том, чтобы мне разрешили ответить.*

Председатель: *Отвечайте на вопрос, пожалуйста.*

Балаховский: *Страдания в лагере имели место повсюду, а не только в блоке, где производили эксперименты. Они были в карантинных блоках, эти страдания испытывали все, кто находился в лагере. Эти люди умирали ежедневно по несколько сот человек. Царством мук и страданий были все концентрационные лагеря.*

Кауфман: *Скажите, существовали какие-либо инструкции относительно того, что об этих экспериментах вообще нельзя говорить?*

Балаховский: *В принципе эти эксперименты были совершенно секретными. Всякое неосторожное упоминание об экспериментах, могло быть немедленно наказано смертной казнью. И я должен добавить, что очень немногие знали подробности относительно экспериментов.*

Кауфман: *Господин свидетель, Вы говорили об осмотрах лагеря, которые имели место, а также и о том, что*

медсестры от немецкого Красного Креста посещали лагерь, а также военнослужащие и что также имели место отпуска для некоторых политических заключенных. Скажите, Вы когда-либо присутствовали при таком осмотре лагеря?

Балаховский: *Я присутствовал при всех посещениях лагеря, которые были мною упомянуты.*

Кауфман: *Скажите, посетители этого лагеря видели, что производились инъекции в область сердца, или видели ли они, что дубились куски человеческой кожи? Скажите, присутствовали ли эти посетители при издевательствах?*

Балаховский: *Я не могу утвердительно ответить на этот вопрос. Могу указать лишь на то, что посетители проходили через мой блок. Чтобы попасть в него, нужно было пройти почти через весь лагерь. Я не знаю, куда могли пройти посетители до или после того, как они попадали в блок, в котором я находился.*

Кауфман: *Скажите, кто-либо из Ваших товарищей, может быть, говорил Вам о том, что эти посетители лично присутствовали при этих эксцессах? Да или нет?*

Балаховский: *Я не понимаю вопроса. Будьте добры, повторите его пожалуйста.*

Кауфман: *Может быть, кто-либо из ваших товарищей говорил вам о том, что посетители лагеря сами присутствовали при подобных эксцессах?*

Балаховский: *Я ни разу не слышал о том, чтобы посетители присутствовали при совершении экспериментов или при подобного рода действиях. Единственное, что я могу сказать, говоря о дубленой коже, это то, что я своими глазами видел унтерофицеров или офицеров СС, точно я не помню, были ли это унтерофицеры или офицеры, которые выходили из 2-го блока с дубленой кожей в руках, но это были эсэсовцы, а не какие-либо другие посетители лагеря.*

Кауфман: *Скажите, эти посетители, особенно медсестры из Красного Креста, знали о том, что эти эксперименты с точки зрения медицины были совершенно бессмысленными, или они только хотели посетить лаборатории, осмотреть оборудование и т. п.?*

Балаховский: *Я еще раз говорю, что посетители входили в мой отдел лаборатории, где они видели то, чем там занимались, то есть заполнение пробирок в условиях стерильности, но я не могу сказать, что видели они до и после этого. Мне лишь известно, что посетители, о которых я говорю, — курсанты люфтваффе и представители из Красного Креста — осматривали все оборудование блока. Однако, они вне сомнения знали, каково происхождение этой культуры и могли предполагать, что эксперименты производились на людях, так как там имелись таблицы, графические изображения, которые отражали различные стадии развития культур. Правда можно было подумать, что кровь брали у обычных больных тифом, а не больных, которые были заражены тифом искусственным путем. Я искренне полагаю, что основной массе посетителей не были известны все жестокости, которые происходили в 46-м блоке. Но невозможно*

было для посетителей, которые проходили в лагерь, не увидеть того, в каком плачевном и ужасном состоянии находилась основная масса заключенных лагеря...

Кауфман: *Вы говорили о том, что политические заключенные могли временно покидать лагерь. Знали ли эти заключенные о тех эксцессах, которые имели место в лагере, и если они об этом знали, имели ли они право говорить об этом в Германии?*

Балаховский: *Очень немногим политическим заключенным, причем исключительно немцам, разрешали отлучаться из лагеря. Это были заключенные, которым эсэсовцы доверили ответственные должности в лагере и которые находились в лагере не менее десяти лет. Это, например, был «капо» Карл, начальник столовой войск СС, который отвечал за эту столовую. Он получил двухнедельный отпуск для того, чтобы посетить свою семью в Цейтц. Этот «капо» находился на свободе в течение десяти дней и мог рассказать своей семье все, что знал, но я абсолютно не знаю, делал он это или нет.*

Я могу лишь сказать, что, безусловно, он должен был соблюдать осторожность. Во всяком случае, все заключенные, которые получали разрешение на отпуск, провели в лагере много времени, о чем я уже сказал, и были в курсе почти всего, что в нем происходило, в том числе они были в курсе экспериментов.

Кауфман: *И последний вопрос. Если считать, что люди, о которых Вы здесь говорили, все-таки говорили что-либо своим семьям, даже пусть с условием хранить все в тайне, но руководство лагеря узнало бы об этом, не думаете ли Вы, что в результате этого могли последовать даже смертные казни?*

Балаховский: *Безусловно, если семьи не хранили это в тайне и об этом узнали бы эсэсовцы, в данном случае, безусловно, заключенным грозила смертная казнь.*

Кауфман: *Благодарю Вас.*

Из допроса свидетеля Ф. БУА[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 28 и 29 января 1946 г.

Дюбост: *Свидетель, показания которого я попрошу Трибунал выслушать, должен уточнить один важный момент, который оставался невыясненным в течение нескольких недель. Трибунал помнит, что во время представления доказательств моими американскими коллегами встал вопрос, приезжал ли Кальтенбруннер в лагерь Маутхаузен? В качестве доказательства я представляю свидетельские показания господина Буа, который должен показать Трибуна-*

[1] IMT, vol. 6, p. 263—278

лу, что Кальтенбруннер был в Маутхаузене. У свидетеля есть фотографии, на которых зафиксирован этот визит и Трибунал ознакомится с ними.

Председатель: *Очень хорошо. Ваше имя?*

Буа: *Франсуа Буа.*

Председатель: *Повторяйте за мною слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Дюбост: *Вы француз?*

Буа: *Я испанский беженец.*

Дюбост: *Вы родились 14 августа 1920 г. в Барселоне?*

Буа: *Да.*

Дюбост: *Вы фоторепортер? И Вы были заключены в лагерь Маутхаузен с...*

Буа: *С 27 января 1941 года.*

Дюбост: *Вы представили следователям некоторое количество фотографий?*

Буа: *Да.*

Дюбост: *Они будут демонстрироваться на экране и Вы покажете под присягой, в каких условиях и где Вы сделали эти фотографии?*

Буа: *Да.*

Дюбост: *Как Вы достали эти фотографии?*

Буа: *В связи со своей профессией я попал в Маутхаузен в отдел по установлению личности заключенных в лагере. Там имелся фотоотдел. Разрешалось фотографировать все, что происходило в лагере, для отправки этих фото верховному командованию в Берлин.*

(Демонстрируются фотографии)

Дюбост: *Это общий вид каменоломни. Здесь работали заключенные?*

Буа: *Большинство заключенных.*

Дюбост: *Где находится лестница?*

Буа: *Внизу.*

Дюбост: *Сколько там ступенек?*

Буа: *Сначала было 160, а затем 186 ступенек.*

Дюбост: *Можем перейти к следующей фотографии.*

Буа: *Это двор каменоломни во время приезда рейхсфюрера Гиммлера, Кальтенбруннера, гаулейтера Линца и других, имена которых мне неизвестны. Вы видите труп человека, упавшего сверху в каменоломню. Такие случаи бывали каждый день.*

Дюбост: *Можно переходить к следующей фотографии.*

Буа: *Снимок сделан в апреле 1941 года. Мои товарищи испанцы тянут вагонетку, наполненную землей. Это работа, которую нас заставляли делать.*

Дюбост: *Кто сделал этот снимок?*

Буа: *На этот раз это был Пауль Риккен, профессор из Эссена.*

Дюбост: *Можно переходить к следующей.*

Буа: *Это эпизод с одним сбежавшим австрийцем. Он был столяром в гараже. Он сделал ящик, в который можно было спрятаться и таким образом выйти из лагеря. Но через некоторое время его поймали. Его поместили в тележку, в которой перевозили трупы в крематорий, и*

сделали там надпись на немецком языке: «Все пташки возвратились» Его приговорили к смерти. Провели перед строем из 10 тысяч заключенных под музыку оркестра цыган. Когда его повесили, тело его качалось на ветру, а оркестр играл мелодию известной песни «Черный Биль».

Дюбост: Следующая. Кто делал эти снимки?

Буа: Фриц Корнати, обершарфюрер СС. Он был расстрелян в Голландии американскими войсками в 1944 году.

Этот человек на снимке, русский военнопленный. Его повесили, чтобы заставить нас думать, будто он самоубийца и пытался броситься на колючую проволоку.

На второй фотографии видны голландские евреи. Это в карантинных бараках. В день своего прибытия евреи были доведены до того, что бросались на колючую проволоку, потому что они хорошо отдавали себе отчет в том, что им все равно не оставалось никакой надежды выйти отсюда.

Дюбост: Кто делал эти снимки?

Буа: Обершарфюрер СС Пауль Риккен, профессор из Эссена.

Дюбост: Следующая.

Буа: Это два голландских еврея. Можно рассмотреть красную звезду, которую они носили. Это, так называемая, попытка к бегству.

Дюбост: А что это на самом деле?

Буа: Эсэсовцы послали их за камнями за колючей проволокой. Эсэсовцы, которые находились в охране за второй оградой колючей проволоки, стали стрелять в них, так как им выдавали премию за каждого человека, который ими был застрелен.

На другой фотографии снят еврей в период постройки в 1941 году так называемого «русского лагеря», который стал затем санитарным лагерем. Он висит на веревке, которой он подвязывал свои брюки.

Дюбост: Это самоубийство?

Буа: Как будто бы. Это человек, который полностью потерял надежду выжить. Его довели до отчаяния, заставляя выполнять непосильные работы и подвергая пыткам.

Дюбост: Что это за фотография?

Буа: Это еврей, я не знаю, из какой страны. Его посадили в бочку с водой и держали там до изнеможения. Его избили до полусмерти, а затем дали ему 10 минут с тем, чтобы он повесился. Он это сделал, употребив собственный пояс, так как знал, что его ждет в противном случае.

Дюбост: Кто делал этот снимок?

Буа: Обершарфюрер СС Пауль Риккен.

Дюбост: Что это за снимок?

Буа: Это посещение каменоломни венской полицией. Это было в июне или июле 1941 года. Эти двое заключенных, которые видны на снимке,— мои товарищи, испанцы.

Дюбост: Что они делают?

Буа: Они показывают господам из полиции, каким способом они поднимают камни, так как не было инструментов, при помощи которых это надо делать.

Дюбост: Знали ли Вы кого-либо из представителей полиции, которые пришли сюда?

Буа: *Нет, потому что они приходили всего один раз. Мы еле успели взглянуть на них.*

Этот снимок сделан в 1943 году по случаю дня рождения оберштурмбаннфюрера СС Франца Цирайса. Его окружает персонал администрации лагеря Маутхаузен. Я могу назвать их всех.

Дюбост: *Давайте следующую фотографию.*

Буа: *Этот снимок сделан в тот же день, в день рождения оберштурмбаннфюрера Франца Цирайса. Второй — его адъютант, я не помню его фамилию. Следует отметить, что этот адъютант был из вермахта, но по прибытии в лагерь он стал носить форму СС.*

Дюбост: *А это что?*

Буа: *Это то же самое посещение Маутхаузена полицией в июне-июле 1941 г. Это дверь в кухню. Здесь стоят заключенные, которые были направлены в дисциплинарную роту. У них на спинах приспособления, которые служили для переноски камней весом до 80 кг. И так до изнеможения. Очень немногим удавалось вернуться из дисциплинарных рот.*

На этом снимке запечатлено посещение Гиммлером в апреле 1941 года лагеря Маутхаузен. Видны Гиммлер, позади гаулейтер Линца, а сбоку налево Франц Цирайс, комендант лагеря Маутхаузен.

Эта фотография сделана в каменоломне. В глубине, налево, видна группа работающих заключенных. На переднем плане — Франц Цирайс, Гиммлер, затем обергруппенфюрер Кальтенбруннер. У него золотой партийный значок.

Дюбост: *Этот снимок сделан в каменоломне? Кем?*

Буа: *Обершарфюрером СС Паулем Риккеном. Это было в апреле-мае 1941 г. В это время этот господин посещал лагерь достаточно часто для того, чтобы решить, как лучше организовать аналогичные лагеря во всей Германии и в оккупированных странах.*

Дюбост: *Достаточно. Итак, Вы утверждаете, что это действительно Кальтенбруннер?*

Буа: *Да, я это утверждаю.*

Дюбост: *И, что фотография сделана в лагере?*

Буа: *Да, я утверждаю это.*

Дюбост: *Вы были военнопленный или политический заключенный?*

Буа: *Военнопленный.*

Дюбост: *Вы сражались во французской армии в качестве добровольца?*

Буа: *Я сражался в 5-й армии в Вогезах, в пехотном батальоне, затем в иностранном легионе, в саперном подразделении. Мы попали в плен, когда отступая дошли до Бельфора, где я был взят в ночь с 20 на 21 июня 1940 г. Я был вместе с другими испанскими товарищами направлен в Мюлузу. Узнав, что мы испанские республиканцы-антифашисты, немцы нас поместили вместе с евреями, которых причисляли к людям низшей расы. В течение шести месяцев мы были военнопленными и в это время мы узнали, что министр иностранных дел Франции был у Гитлера,*

чтобы обсудить вопрос об иностранцах и другие вопросы. Мы узнали, что, наряду с другими вопросами, речь шла о нашем положении. Рассказывали, что немцы спросили, как поступать с испанцами, военнопленными, сражавшимися во французской армии, с теми, кто раньше были республиканцами, сражались в республиканской армии. В ответ...

Дюбост: *Неважно. Таким образом, несмотря на то, что Вы военнопленный, Вы были направлены в лагерь, который не находился под контролем армии?*

Буа: *Да. Мы были военнопленные группы «А». Нам сказали, что нас переведут в ведение части, как всех других французов, затем мы были направлены в Маутхаузен, где мы впервые увидели, что там нас ждали не солдаты вермахта, и мы, наконец, поняли, что попали в лагерь уничтожения.*

Дюбост: *Сколько Вас всего было?*

Буа: *К концу нас было 1500, а всего—8000 испанцев.*

Дюбост: *Сколько вас осталось после освобождения?*

Буа: *Около 1600....*

Дюбост: *Свидетель! Узнаете ли Вы среди подсудимых некоторых из тех, которые посещали лагерь Маутхаузен и которых Вы видели во время Вашего заключения в лагере?*

Буа: *Шпеера.*

Дюбост: *Когда Вы видели его?*

Буа: *Он посетил в 1943 г. лагерь Гузен по вопросу о строительных работах. Он также был в каменоломне Маутхаузена. Я сам его не видел, так как находился в отделе регистрации лагеря и не мог выходить. Но во время этих посещений руководитель отдела Пауль Риккен отснял аппаратом «лейка» целую пленку, которую я сам проявлял. На этой фотопленке я узнал Шпеера и других начальников СС, которые с ним приехали. Он был одет в костюм светлого цвета.*

Дюбост: *Вы увидели это на пленке, которую проявляли?*

Буа: *Я его узнал на фото. Кроме того, нам приходилось надписывать фамилии и даты на фотографиях, так как многие эсэсовцы желали иметь для своих коллекций все фотографии, сделанные при посещении лагеря...*

Дюбост: *Последний вопрос: существовали ли священники для совершения религиозных обрядов? Как умирали заключенные, которые желали умереть согласно своей религии?*

Буа: *Да, было несколько священников, насколько я мог заметить, это был немецкий католический орден под названием «Бибельфоршер». Но официально...*

Дюбост: *Но официально, позволяла ли администрация лагеря заключенным отправлять свои религиозные обряды?*

Буа: *Нет, они ничего не могли делать. Это было запрещено. Им было запрещено даже жить.*

Дюбост: *Даже жить?*

Буа: *Даже жить...*

Дюбост: *Как обращались с монахами, со священниками, с пасторами?*

Буа: *В обращении с ними или с нами не делалось никакой разницы. Они умирали так же, как и мы. Их также иногда посылали в газовую камеру, иногда расстреливали, иногда сажали в ледяную воду. Все средства были хороши. Эсэсовцы особо жестоко обращались с ними, так как они знали, что эти люди не могли работать так, как обычные рабочие. Они обращались так с интеллигентами всех стран.*

Дюбост: *Им не давали возможности служить?*

Буа: *Нет, никакой.*

Дюбост: *Приходили ли священники к людям, которых должны были казнить?*

Буа: *Совсем нет, наоборот, иногда, вместо того, чтобы, как Вы говорите, допустить к ним человека одной с ними веры, который принес бы им утешение, приговоренным давали по 25—75 ударов плетьми из бычьих жил. Я отметил, что так было по отношению к нескольким офицерам, русским военнопленным, политкомиссарам.*

Дюбост: *У меня больше нет вопросов к свидетелю.*

Председатель: *Генерал Руденко.*

Руденко: *Свидетель, будьте любезны, сообщите, что Вам известно об истреблении советских военнопленных?*

Буа: *Я не могу рассказать все, что я знаю, потому что я знаю так много, что мне не хватило бы месяца, чтобы все рассказать.*

Руденко: *В таком случае я бы просил Вас, свидетель, кратко изложить основное известное Вам об истреблении советских военнопленных в том лагере, где Вы находились.*

Буа: *Первые военнопленные прибыли в 1941 году. Было объявлено о прибытии двух тысяч русских военнопленных. По отношению к ним были приняты такие же меры предосторожности, как и по прибытии военнопленных испанцев-республиканцев. Везде вокруг бараков были поставлены пулеметы, так как от новоприбывших ожидали самого худшего. Как только русские военнопленные вошли в лагерь, стало ясно, что они находятся в ужасном состоянии. Они даже ничего не могли понять. Они были так обессилены, что не держались на ногах. Их тогда поместили в бараки по 1600 человек в каждом. Следует отметить, что эти бараки имели семь метров в ширину и 50 метров в длину. У них была отобрана почти вся одежда, которой у них и без этого было очень мало. Им было разрешено сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре месяце. В Маутхаузене было более 10 градусов мороза. По прибытии оказалось, что 24 человека из них умерло в то время, как они шли 4 километра, отделявшие лагерь Маутхаузен от станции. Сначала к ним была применена та же система обращения как к нам, испанцам-республиканцам. Нам сначала не дали никакой работы, но почти ничего не давали есть. Через несколько недель они были совершенно без сил и тогда к ним стали применять систему истребления. Их заставляли работать в самых ужасных условиях, избивали, били палками, над ними издевались. Через три месяца из 7000 русских военнопленных остались в живых только 30. Эти 30 выживших были сфотографированы отделом Пауля Риккена для документирования. У меня есть эти*

фотографии, я их покажу, если господа судьи пожелают этого.

Руденко: *Вы можете предъявить эти фотографии?*

Буа: *Они у господина Дюбоста.*

Руденко: *Благодарю. Что Вам известно о югославах и поляках?*

Буа: *Первые поляки прибыли в лагерь в 1939 году, после разгрома Польши. С ними обращались так же, как со всеми другими. Немцы начали их истреблять. Десятки тысяч поляков погибли в ужасных условиях. Но надо особо отметить положение югославов. Югославы стали прибывать эшелонами, в гражданском платье, и их расстреливали, якобы согласно закону. Эсэсовцы даже надевали для совершения этих казней стальные шлемы. Их расстреливали по двое. С первым эшелоном прибыло 165 человек, со вторым — 180 человек, а затем они прибывали небольшими группами — по 15, 50, 60, 30 человек. Среди них были даже женщины.*

Однажды расстреливали четырех женщин и—это был единственный такой случай в лагере—некоторые прежде, чем их расстреляли, плевали в лицо коменданту лагеря.

Югославы так пострадали, как мало кто пострадал. Их положение могло сравниться только с положением русских. Их убивали различными способами до самого последнего времени. Я хотел бы еще рассказать о русских, так как они многое испытали.

Руденко: *Правильно ли я заключил из Ваших показаний, что этот концентрационный лагерь по существу являлся комбинатом смерти?*

Буа: *Лагерь был отнесен к последней, третьей категории. Это был лагерь, из которого никто не должен был выйти живым.*

Руденко: *Я больше вопросов не имею.*

Председатель: *Хочет ли представитель Великобритании произвести перекрестный допрос?*

Филлимор: *Нет.*

Председатель: *Обвинение США?*

Додд: *Нет.*

Председатель: *Хочет ли кто из представителей защиты произвести перекрестный допрос?*

Бабель: *Свидетель, какие опознавательные знаки Вы носили в лагере?*

Буа: *Какой номер? Какой опознавательный знак?*

Бабель: *Нет, заключенные различались по цветам звезд, они носили звезды красные, желтые, зеленые и т. д. Было ли это так же и в Маутхаузене? Что Вы носили?*

Буа: *Это были не звезды. Это были треугольники и буквы указывавшие национальность. Евреи носили желтые и красные звездочки, шестиконечные звездочки с красными и желтыми концами, два наложенные друг на друга треугольника.*

Бабель: *Какой цвет носили Вы?*

Буа: *Синий треугольник с буквой «S», то есть «испанский политический эмигрант».*

Бабель: *Были ли Вы «капо»?*

Буа: *Нет. Я был вначале переводчиком.*

Бабель: Каковы были Ваши обязанности?

Буа: *Надо было переводить на испанский язык все дикие вещи, которые немцы хотели сказать испанским заключенным. Затем я занимался фотографией: проявлял фотопленки, которые снимали в лагере для того, чтобы зафиксировать все, что происходило в лагере.*

Бабель: *Какова была практика организации визитов? Посетители приходили только во внутренний лагерь или же и на места работы?*

Буа: *Посетители обычно осматривали весь лагерь и невозможно, чтобы они не знали, что происходило. Исключения делались только в случае, когда прибывали крупные чиновники или высокопоставленные лица из Польши, Австрии или Словакии. Им давали осматривать только лучшие места. Франц Цирайс говорил им: «Смотрите сами». Он посылал за поварами, отбывавшими наказание бандитами, жирными, хорошо питавшимися преступниками. Цирайс выбирал их для того, чтобы показать, будто все заключенные так же выглядят.*

Бабель: *Было ли запрещено заключенным говорить между собой о положении в лагере? С людьми не из лагеря такие разговоры были, очевидно, едва ли возможны?*

Буа: *Да, это было так строго запрещено, что если кого-нибудь заставали за такими разговорами, то не только ему самому грозила смерть, это означало ужасные репрессии для всех его соотечественников.*

Бабель: *Как Вы можете охарактеризовать «капо»? Как они вели себя по отношению к другим заключенным?*

Буа: *Иногда они были достойны быть эсэсовцами. Чтобы быть «капо», надо было быть арийцем. Это значило, что у них был воинственный вид и, наравне с эсэсовцами, они имели на нас все права. Они имели право обращаться с нами, как звери. Эсэсовцы предоставляли им право делать с нами все, что они хотели. Поэтому, после освобождения, пленные убили всех «капо», которых они смогли обнаружить.*

Незадолго до освобождения, «капо» попросили разрешения вступить добровольно в части СС. И они ушли с частями СС, так как они знали, что их ожидает. Несмотря на это, мы везде искали их и уничтожали на месте.

Бабель: *Вы говорите, что они вели себя как звери. На основании чего Вы заключаете, что они могли это делать?*

Буа: *Нужно было быть слепым, чтобы не видеть этого. Можно было видеть, как они себя держали. Мы предпочитали умирать как люди, чем жить как звери, а они предпочитали жить, как звери, как дикари, как преступники. Такова их природа. Я прожил там четыре с половиной года и очень хорошо знаю, что они делали. Среди нас были многие, которые могли быть назначены «капо» за свою работу, так как они были специалистами в какой-либо области, но они предпочитали, чтобы их били или даже убивали, чем стать «капо».*

Бабель: *Спасибо.*

Председатель: *Хочет ли еще кто-нибудь из защитников задать вопросы свидетелю? Господин Дюбост, может быть, Вы хотите задать еще несколько вопросов?*

Дюбост: *Нет, у меня больше нет вопросов, господин председатель.*

Председатель: *Очень хорошо. Вы хотите что-нибудь еще сказать генерал Руденко?*

Руденко: *Господин председатель, свидетель сообщил о том, что в его распоряжении есть фотодокумент 30 советских военнопленных, оставшихся в живых из нескольких тысяч, заключенных в этот лагерь. Я бы просил, господин председатель, предъявить этот фотодокумент, чтобы он подтвердил суду, что на фото именно та группа советских военнопленных, о которой он говорил.*

Председатель: *Конечно.*

Руденко: *Господин свидетель, Вы можете показать эту фотографию?*

(Свидетель показывает фотографию членам Трибунала)

Председатель: *Эту фотографию Вы имеете в виду?*

Буа: *Я могу утверждать, что эти 30 человек из группы военнопленных были еще живы в 1942 году, но, имея в виду условия лагеря, очень трудно сказать, жив ли кто-либо из них сейчас.*

Председатель: *Скажите нам, когда была снята это фотография?*

Буа: *Это было в конце зимы 41—42 года. В это время было еще 10 градусов мороза, и можно видеть на фотографии, как они выглядели от холода... Я бы хотел заметить, что были случаи, когда совершались массовые убийства советских офицеров, надо это особо отметить, так как речь идет о военнопленных. Мне хочется, чтобы меня прокуроры внимательно выслушали.*

Председатель: *Что именно Вы хотите сказать относительно массовых убийств русских военнопленных?*

Буа: *В 1943 году пришел эшелон с офицерами. В самый день прибытия их начали истреблять всякими способами. Но потом по-видимому сверху был получен приказ об этих офицерах. В нем говорилось, что с ними следует поступать по особому.*

Их поместили в лучший блок в лагере. Им дали одеть новую одежду русских военнопленных, им даже выдали сигареты. На их постели постелили простыни. Им давали есть все, что они хотели. Их осмотрел офицер медицинской службы, штурмбаннфюрер — доктор Бресбах.

Они спустились в каменоломню, но переносили только небольшие камни, причем по 4 человека. А в это время начальник документального отдела обершарфюрер Пауль Риккен беспрестанно фотографировал все это своей «лейкой» Он снял приблизительно 48 кадров. Они были проявлены мною и пять экземпляров каждой, размером 13 х 18, с негативами, были посланы в Берлин. Жаль, что я не украл эти негативы, как другие.

Когда все было окончено, у русских была отнята одежда и все остальное. Потом их повели в газовую камеру.

Комедия была закончена. Все могли видеть на фотографиях, что с русскими военнопленными офицерами, и особенно с политкомиссарами, обращались хорошо, что за ними ухаживали, что они почти не работали и что они были в хорошем состоянии. Это надо отметить, потому что, как мне кажется, это необходимо.

Есть еще один вопрос. Был один так называемый 20-й барак. Этот барак находился внутри лагеря и, несмотря на электрифицированные проволочные заграждения вокруг всего лагеря, вокруг этого барака была дополнительная стена, по которой проходила проволока с электрическим током.

В этом бараке находились русские военнопленные — офицеры и комиссары, несколько славян, французов и даже, как говорили, несколько англичан. Никто не мог входить в этот барак, кроме двух начальников — коменданта внутреннего лагеря и коменданта внешних лагерей. Эти заключенные были одеты как мы, каторжники, но они не имели никаких номеров и никаких знаков. Отдел документов их, наверное, сфотографировал. На грудь им вешалась бляха с номером. Номера начинались с 3000 с чем-то. Был один номер, который напоминал номер 11 (две синие черточки). Итак, номера начинались с 3000 и кончались приблизительно около 7000. Фотографом в это время был унтершарфюрер СС Герман Шинлауер. Он был родом из района севернее Берлина, не помню названия местности. Ему было приказано проявить фотопленку и сделать все остальное самому. Но, как все эсэсовцы из внутренних отделов лагеря, этот человек ничего не умел делать. Таким людям всегда нужны были заключенные, чтобы последние выполняли их работу. Поэтому я ему был нужен для проявления фотопленки. Я увеличивал фотографии до формата 5 х 7. Их передавали оберштурмфюреру Шульцу из Кельна, руководителю политотдела. Он сказал мне, чтобы я никому ни о чем не говорил о том, что мы проявляли фото сами, иначе с нами бы немедленно расправились. Но, не боясь последствий, я обо всем рассказал товарищам для того, чтобы, если одному из нас удалось выйти из лагеря, он бы рассказал об этом всем... Поэтому я знаю подробно, что происходило в этом бараке. Это был как бы внутренний лагерь. Размеры этого барака были, как размеры других — 7 метров в ширину и 50 — в длину. В нем находилось 1800 человек, которые получали менее одной четвертой того рациона пищи, который получали мы. У них не было ни ложек, ни тарелок. Из котлов им выбрасывали испорченную пищу прямо на снег и выжидали, когда она начинала леденеть. Тогда русским приказывали бросаться на пищу. Русские были так голодны, что дрались, чтобы поесть, а эсэсовцы этим пользовались как предлогом, чтобы избивать их резиновыми палками.

Председатель: *Вы хотите сказать, что русских помещали в барак номер 20?*

Буа: *Русские не попадали непосредственно в лагерь. Тех, которых немедленно не отправляли в газовую камеру, пря-*

мо отправляли в барак номер 20. Даже блокфюрер не мог туда входить. Несколько раз в неделю прибывали транспорты по 50—60 чел. Из барака все время доносились крики.

В январе 1945 года, когда русские узнали, что Советская армия приближается к Югославии, они испробовали последнюю возможность: они взяли огнетушители, перебили солдат охранного поста, захватили ручные пулеметы и все, что они могли использовать в качестве оружия. Из 700 человек только 62 смогли убежать в Югославию. В тот день Франц Цирайс, комендант лагеря, дал по радио приказ всем гражданам, чтобы они помогли «ликвидировать русских преступников», убежавших из концлагеря. Он объявил, что тот, кто докажет, что он убил кого-нибудь из этих людей, получит крупную сумму в марках. Поэтому все сочувствующие нацистам в Маутхаузене занялись этой поимкой и им удалось убить более 600 убежавших, что было, между прочим, нетрудно, так как некоторые из русских не могли проползти более десяти метров.

После освобождения один русский, выживший после этого случая, посетил лагерь Маутхаузен, чтобы вспомнить, как все это было. Он рассказал нам подробности своего трудного побега.

Председатель: Я не думаю, что Трибунал изъявит желание слушать дальнейшие подробности того, что Вы не видели собственными глазами. Хочет ли кто-нибудь из защитников задать какие-нибудь вопросы свидетелю в связи с теми эпизодами, в которых он лично участвовал?

Бабель: Только один вопрос: Вы в течение своих показаний называли цифры 165, 180, 700. Вы были в состоянии сами сосчитать?

Буа: Почти всегда эти эшелоны прибывали в лагерь колоннами по 5 человек. Сосчитать было не трудно...

Бабель: У вас было так много времени, что вы могли наблюдать за всем этим?

Буа: Эшелоны всегда прибывали вечером, после возвращения заключенных с работы в лагерь. После этого было всегда два-три часа до вечернего колокола, который подавал сигнал отбоя.

Председатель: Свидетель может уйти.

Из допроса свидетеля Ф. БЛАХИ[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 11 и 14 января 1946 г.

Председатель: Свидетель, повторяйте за мной слова присяги...

(Свидетель повторяет слова присяги)

[1] IMT, vol. 5, p. 167—199.

Додд: *Ваша фамилия — Франц Блаха? Вы уроженец и гражданин Чехословакии?*

Блаха: *Да.*

Додд: *Вы знаете немецкий язык, поэтому по техническим причинам я предлагаю вести допрос на немецком языке, хотя Вашим родным языком является чешский. Верно это?*

Блаха: *Чтобы ускорить процесс, я согласен давать показания на немецком языке по следующим причинам: в течение последних семи лет, о которых я буду давать показания, я жил в немецком окружении и большое количество специальных выражений, относящихся к жизни в концентрационных лагерях, является чисто немецким изобретением, и для них не существует эквивалентов на других языках.*

Додд: *Скажите, не являетесь ли Вы доктором медицины по Вашей профессии и по Вашему образованию?*

Блаха: *Да.*

Додд: *В 1939 году Вы были главным врачем госпиталя в Чехословакии?*

Блаха: *Да.*

Додд: *Вы были арестованы немцами в 1939 году после оккупации ими Чехословакии, не так ли?*

Блаха: *Да.*

Додд: *Вы были подвергнуты заключению в различных тюрьмах между 1939 и 1944 годами?*

Блаха: *Да.*

Додд: *С 1941 года по апрель 1945 года Вы были в заключении в концентрационном лагере в Дахау?*

Блаха: *Да, до конца.*

Додд: *До того момента, когда этот лагерь был освобожден союзными войсками?*

Блаха: *Да.*

Додд: *Вы дали письменное показание в Нюрнберге 9 января 1946 г. Не так ли?*

Блаха: *Да.*

Додд: *Это письменное показание, господа судьи, является документом ПС-3249. Я хочу представить его в качестве доказательства под номером США-663. Ваша честь, я думаю, что допрос этого свидетеля можно сократить на три четверти представлением данного им письменного показания. Я хотел бы огласить это письменное показание, так как это займет намного меньше времени, чем проведение допроса. Кроме того, в этом заявлении содержится значительная часть того, что мы хотим услышать от этого свидетеля.*

Председатель: *Очень хорошо.*

Додд: *Ваша честь, я не стал бы зачитывать этого показания, если бы мы имели французский и русский переводы. Но, к сожалению, мы не успели обеспечить перевод за такой короткий срок, поэтому я читаю:*

«Я, Франц Блаха, будучи должным образом приведенным к присяге, заявляю следующее.

Я изучал медицину в Праге, в Вене, в Страсбурге и Париже и получил диплом в 1920 году. С 1920 года по 1926

год я был ассистентом в клинике. В 1926 году я стал главным врачом госпиталя в Моравии, в Чехословакии. Я занимал этот пост до 1939 года, до вступления немцев на территорию Чехословакии, когда был захвачен в качестве заложника. Я был подвергнут заключению по обвинению в сотрудничестве с чехословацким правительством. В апреле 1941 года я был направлен в концентрационный лагерь Дахау и оставался там до освобождения этого лагеря в апреле 1945 года. До июля 1941 года я работал в штрафной роте. После этого я был направлен в госпиталь, и меня сделали объектом различных экспериментов по заболеванию брюшным тифом, которые проводились доктором Мюрмельштадтом. После того меня хотели подвергнуть различным экспериментальным операциям, но я сумел избежать этого, признавшись, что я был врачом. Если бы они узнали об этом раньше, то я жестоко пострадал бы, потому что с лицами умственного труда в штрафных ротах всегда очень сурово обращались. В октябре 1941 года я был направлен на работу на плантацию лечебных трав, и позднее работал в лаборатории лекарственных трав. В июне 1942 года я был направлен в госпиталь в качестве хирурга. Вскоре после этого мне приказали провести операцию желудка у двадцати вполне здоровых заключенных. Так как я отказался это сделать, меня поместили в отдел по вскрытию трупов, где я и оставался до апреля 1945 года. Там я произвел более семи тысяч вскрытий. Всего под моим руководством было произведено двенадцать тысяч вскрытий.

С середины 1941 года до конца 1942 года было произведено около 500 операций над здоровыми заключенными. Они производились для обучения студентов-медиков СС, врачей СС и включали в себя операцию желудка, горла и желчного пузыря. Они производились врачами и студентами второго года обучения, хотя операции были весьма опасными и трудными. Обычно эти операции может делать только хирург, который имеет по крайней мере четыре года хирургической практики. Многие заключенные умирали на операционном столе или после этого от всякого рода осложнений. Я вскрывал тела всех умерших. Среди врачей, которые руководили этими операциями, были доктора: Ланг, Мюрмельштадт, Вольтер, Рамзауэр и Кар. Штандартенфюрер доктор Лоллинг часто присутствовал на этих операциях.

Во время моего пребывания в Дахау мне стало известно о многочисленных медицинских экспериментах над людьми. Эти лица никогда не соглашались на это добровольно, но их принуждали. Более 1200 заключенных были подвергнуты опытам с малярией доктором Клаусом Шиллингом в период с 1941 года по 1945 год. Доктор Шиллинг получил персональный приказ Гиммлера проводить эти эксперименты. Жертвы подвергались укусам комаров или им делали вливания споровиков малярии, взятых у москитов.

Применялись различные методы лечения: хинином, пирифером, неосальварсаном, антипирином, пирамидоном, а также особым медикаментом, который назывался «2516-

Беринг». Я вскрывал тела людей, погибших от этих экспериментов. От 30 до 40 человек погибли непосредственно от малярии, 300—400 человек умерли от смертельных болезней, которые были вызваны физическим состоянием после припадков малярии. Люди умирали также от принятия сильных доз неосальварсана и пирамидона. Доктор Шиллинг присутствовал при вскрытии тел своих пациентов, которые производились мною.

В 1942—1943 гг. эксперименты над людьми производились доктором Сигизмундом Рашером, который устанавливал действие, оказываемое изменением воздушного давления. Около 25 человек одновременно помещались в специально построенную камеру, в которой можно было повышать давление или уменьшать его в зависимости от надобности. Цель заключалась в том, чтобы установить действие высоты и быстрого спуска на парашюте на состояние людей.

Я видел через окно людей, которые лежали на полу этого сооружения. Большинство из заключенных погибали от этих экспериментов в результате внутреннего кровоизлияния в мозг, в легкие. Многие харкали кровью, когда их вынимали из камеры. Я должен был извлекать тела из камеры и посылать внутренние органы погибших для исследования в Мюнхен. От 400 до 500 заключенных были подвергнуты этим экспериментам. Те, которые не погибали, были переведены в отделение для инвалидов и впоследствии уничтожены. Лишь немногим удалось этого избежать.

Рашер проводил также эксперименты, заключавшиеся в действии холодной воды на людей. Это делалось для того, чтобы установить способ оживления летчиков, потерпевших аварию и упавших в море. Подвергавшийся эксперименту человек помещался в ледяную воду и оставался там до тех пор, пока не терял сознание. Затем у него брали кровь из шеи и проверяли всякий раз, когда температура его тела падала на один градус. Она измерялась через прямую кишку при помощи специального ректального термометра. Периодически подвергалась исследованиям и моча. Некоторые люди выдерживали такой опыт в течение 24—36 часов. Самая низкая температура тела достигала 19 по Цельсию. Большинство людей погибали при 25—26 по Цельсию. Людей затем вынимали из ледяной воды, и делалась попытка отогревания с помощью искусственного солнца, горячей воды, электротерапии или теплом живого организма. В последнем случае использовали проституток. Тело потерявшего сознание мужчины клали между телами двух женщин. Гиммлер сам присутствовал при одном таком эксперименте. Я видел его из окна со стороны улицы возле этого барака. Я лично присутствовал на нескольких таких экспериментах с холодной водой, когда отсутствовал Рашер. Я видел заметки, диаграммы, касавшиеся этих опытов, в лаборатории Рашера. Примерно 300 заключенных были использованы для этих экспериментов. Большинство из них погибло. Те, которые остались в живых, в большин-

стве случаев сходили с ума. Оставшиеся в живых направлялись в отделение для инвалидов, где их позднее убивали, так же как и жертв опытов повышенного воздушного давления. Я знаю только двух человек — югослава и поляка, которые выжили, но оба сошли с ума.

Проводились также опыты с пункцией печени. Их проводил доктор Брахтль даже над здоровыми людьми, а также над теми, которые страдали болезнью желудка и желчного пузыря. С этой целью в печень вводилась игла, с помощью которой доставали небольшой кусок печени, причем при этом не применялись никакие наркотические средства. Это был очень болезненный опыт, который приводил часто к серьезным осложнениям, так как имели место повреждения желудка и артерий, терялось большое количество крови. Много людей погибли от этих опытов. Среди них были поляки, русские, чехи и немецкие заключенные. В общей сложности от этого погибли около 175 человек.

Проводились также опыты по заражению флегмоной докторами Шютцем, Бабором, Кизельветтером и профессором Лауэром. Для этого около сорока здоровых людей использовались одновременно, двадцати из них производилась инъекция гноя внутримышечно, другим двадцати — внутривенно. Гной брался у больных людей. В течение трех дней больным не оказывалась никакая медицинская помощь, что приводило к серьезным воспалительным процессам, и нередко наступало заражение крови. Затем каждая группа делилась на группы в десять человек: половина подвергалась химическому лечению при помощи различных жидкостей и пилюль через каждые десять минут в течение 24 часов, остальных лечили сульфамидами и хирургическим путем. В некоторых случаях ампутировали все конечности.

Произведенное мною вскрытие показало, что химическое лечение было весьма вредным и часто вызывало прободение желудка. Для этих опытов брали обычно голландских, польских и чешских священнослужителей. Эти опыты были очень болезненны. Большинство из этих 600 или 800 человек погибли, а остальные стали инвалидами.

Осенью 1944 года 60—80 человек были подвергнуты опытам с соленой водой. Их заперли в комнату и в течение пяти дней не давали ничего, кроме соленой воды. В течение этого времени исследовали их кровь, мочу и экскременты. Никто из этих заключенных не погиб, возможно, потому, что они тайком получали пищу от других заключенных. Для этих экспериментов использовались венгры и цыгане.

Широко практиковалось снятие кожи с трупов заключенных. Мне неоднократно приказывали это делать. Доктор Рашер и доктор Вольтер особенно требовали снимать человеческую кожу с груди и спины. Ее подвергали химической обработке и затем высушивали на солнце. Эту кожу резали на куски различной величины и использовали для изготовления седел, брюк для верховой езды, перчаток, домашних туфель и дамских сумок. В особенности ценили

эсэсовцы татуированную кожу. Для этих целей использовали русских, поляков и других заключенных. Но было запрещено использовать и кроить кожу немцев. Кожу брали только со здоровых заключенных, и она не должна была иметь какие-либо дефекты. Иногда, когда не хватало такой кожи, Рашер говорил: «Вы получите такие тела». На следующий день мы получали тела 20—30 молодых людей. Их расстреливали обычно в шею или били по голове таким образом, чтобы не повредить кожу.

Часто мы получали запросы о скелетах и черепах заключенных. В этих случаях мы вываривали тела или черепа, а затем мягкие части устранялись, кости высушивались и затем вновь составлялись вместе. Нам нужны были черепа с хорошими зубами. Когда нас запрашивали о черепах из Ораниенбурга, эсэсовцы говорили: «Хорошо, мы достанем вам черепа с хорошими зубами». Таким образом, было опасно иметь хорошую кожу или зубы.

Из Штутгофа, Бельзена, Освенцима, Маутхаузена и других лагерей в Дахау часто приходили эшелоны. Многие заключенные находились в пути от 14 до 20 дней без воды и без пищи. Так, в эшелоне, прибывшем в ноябре 1942 года, я обнаружил следы людоедства. Заключенные, оставшиеся в живых, ели тела мертвецов. Другой эшелон прибыл из Компьена, Франция.

Профессор Лимузен из Клермон-Феррана, который позднее был моим помощником, рассказывал, что в этом эшелоне было около двух тысяч заключенных, когда он отправился в путь. Пища имелась, но совершенно не было воды. 800 человек погибли по дороге, и их выбрасывали на ходу. Через двенадцать дней по прибытии эшелона было обнаружено еще 500 человек мертвых. Вскоре после прибытия погибло большинство из оставшихся. Я обследовал этот эшелон, так как со стороны Международного Красного Креста был заявлен протест. Эсэсовцы хотели составить отчет, согласно которому люди якобы были убиты в пути при попытке организовать мятеж. Я вскрыл целый ряд тел и установил, что люди погибли от удушения и от недостатка воды. Стояло самое жаркое время года, а в вагонах было битком набито людей, по 120 человек в каждом.

В 1941—1942 гг. мы имели в лагере так называемые эшелоны с инвалидами. В них находились люди, которые были больны или не способны работать. Мы называли их командами «вознесения на небо». 100—120 человек из них каждую неделю направлялись в так называемые душевые. Там четыре человека делали им инъекцию фенола, эвипана или бензина, что вызывало быструю смерть. После 1943 года этих инвалидов направляли для истребления в другие лагеря. Я знаю, что их там убивали, так как я видел протоколы и статистику. На отчетах имелась пометка в виде креста и дата, когда они уехали. Так обычно регистрировали в случае смерти. Об этом также указывалось в картотеке в лагере Дахау. Каждые три месяца таким путем отправлялось от тысячи до двух тысяч человек. Таким образом, в течение 1943 года приблизительно 5 тысяч человек были обречены на гибель. То же самое относится

и к 1944 году. В апреле 1945 года в Дахау был составлен эшелон из евреев. Его оставили стоять на путях, так как вокзал очень сильно пострадал после бомбардировки и эшелон не мог отправиться в путь. Их просто бросили там на верную смерть. Им не разрешали выходить. К тому времени, когда лагерь был освобожден, все они были мертвы.

В самом лагере происходили многочисленные казни путем применения газов, расстрелов или впрыскиваний. Строительство газовой камеры было закончено в 1944 году, и я был вызван доктором Рашером для обследования первых жертв. Из восьми или девяти лиц, которые помещались в камере, трое были еще в живых, остальные были, по-видимому, мертвы. Их глаза были красны и лица опухли. Многие заключенные позднее погибли таким же образом. Затем их перевозили в крематорий, где я должен был осматривать зубы. Золотые зубы извлекались. Многие больные заключенные умирали от впрыскиваний в госпитале. Многие заключенные, умершие в госпитале, поступали для вскрытия без фамилии или номера на особом ярлыке, который обычно привязывался к большому пальцу ноги. Вместо номерка у них имелась записка: «Вскрытию не подлежит».

Я вскрыл несколько таких трупов и установил, что они были абсолютно здоровы и погибли исключительно от впрыскиваний. Некоторых заключенных убивали только потому, что они болели дизентерией или их тошнило, в результате чего они причиняли медперсоналу много забот. Душевнобольных уничтожали. Им делали в газовой камере впрыскивания или расстреливали. Обычным методом казни был расстрел. Расстрел заключенных мог производиться перед крематорием. Затем трупы вносили в крематорий. Я видел, как люди вталкивались в печь тогда, когда они были еще живыми, кричали, дышали и сопротивлялись. Если они слишком шумели, их оглушали ударом по голове.

Основные казни, о которых я знал из произведенных мною обследований жертв, были следующими.

В 1942 году от пяти до шести тысяч русских находились в лагере Дахау на отгороженной территории. Их выводили группами в 500—600 человек за территорию лагеря и у края окопа, находящегося поблизости, расстреливали. Эти группы выводились из лагеря три раза в неделю. Вечером мы отправлялись на это место, чтобы доставить в лагерь их тела и обследовать их. В феврале 1944 года примерно 40 русских студентов прибыли из Мосбурга. Я видел многих в госпитале. Я вскрыл их тела после того, как они были расстреляны у стен крематория. В сентябре 1944 года группа из 94 русских, занимавших высокие военные посты, была расстреляна, включая двух военных врачей, которые работали со мной в госпитале. Я вскрывал эти тела. В апреле 1945 года 84 человека, занимавших видные посты, были расстреляны, в том числе были расстреляны два французских генерала, имена которых не могу вспомнить. Но я их узнал по мундирам. Я их обследовал после того, как они были расстреляны. В 1944—1945 гг. много женщин было

повешено, расстреляно и погибло от впрыскиваний. Я обследовал их тела и нашел в некоторых случаях, что они были беременны. В 1945 году, накануне освобождения лагеря, были казнены все заключенные, на которых распространялся приказ «Мрак и туман». Этим заключенным запрещалось поддерживать всякий контакт с внешним миром. Их держали в строгой изоляции, и им не разрешалась никакая переписка. Их было 30 или 40 человек. Некоторые из них были больные. Для казни их приносили в крематорий на носилках. Я обследовал их тела и нашел, что они были убиты выстрелом в шею.

Начиная с 1941 года лагерь все более и более переполнялся. В 1943 году госпиталь для заключенных был забит до отказа. В 1944—1945 гг. было невозможно поддерживать нормальное санитарное состояние. Помещения, которые в 1942 году вмещали 300 — 400 человек, в 1943 году вмещали 1000 человек, в первом квартале 1945 года — уже 2000 человек и более.

Невозможно было производить какую-либо уборку помещений, так как они были забиты людьми и нечем было производить уборку. Люди могли мыться только один раз в месяц. Не хватало уборных. Медикаментов почти не было. После освобождения лагеря я обнаружил, что в госпитале для эсэсовцев было достаточно медикаментов для всего лагеря, но их не предоставляли в наше распоряжение.

Вновь прибывшие в лагерь должны были часами ждать на открытом воздухе. Иногда стояли с утра до ночи, независимо от того, было это зимой или летом. Так было в 1943—1944 гг., в первой четверти 1945 года. Я видел этих вновь прибывших заключенных из окна моей комнаты, где производилось вскрытие. Многие из этих людей, которые стояли на холоде, заболевали воспалением легких и погибали. У меня было много знакомых среди людей, которые погибли таким образом в 1944—1945 гг.

В октябре 1944 года прибыл эшелон с венграми, который занес сыпной тиф в лагерь, и разразилась эпидемия. Я обследовал многие тела из этого эшелона, после чего попытался объявить в лагере карантин, чтобы заключенным не нужно было работать на военных предприятиях. Но доктор Хинтермейер под угрозой смертной казни запретил говорить о том, что такая эпидемия была занесена в лагерь. Он сказал, что это будет рассматриваться как саботаж.

Никаких мер предосторожности принято не было. Вновь прибывшие лица размещались в бараках, где уже распространилась эпидемия. В этих же бараках размещались уже зараженные люди. Так, 30-й барак трижды вымирал от эпидемии. Только на рождество, когда эпидемия перекинулась в лагерь СС, был наложен карантин. Тем не менее эшелоны продолжали прибывать. В день мы имели от 200 до 300 заболеваний тифом и примерно 100 человек погибали. Всего было около 28 тысяч заболеваний тифом и из них 15 тысяч смертных случаев. В дополнение к этому количеству многие погибли, как показали мои вскрытия,

исключительно от недостаточного питания. Такие смертные случаи имели место в течение всего времени, то есть с 1941 года по 1945 год. В большинстве случаев это были итальянцы, русские и французы. Эти лица умерли буквально голодной смертью. Когда они погибали, они весили 50 или 60 фунтов. Вскрытие показало, что их внутренние органы сократились до одной трети нормального размера.

Указанные выше факты являются истинными, я написал о них добровольно, без принуждения. Я прочитал это заявление и подписал его 9 января, в Нюрнберге, Германия.

Доктор Франц Блаха

Подписано и подтверждено под присягой в моем присутствии 9 января 1946 года в Нюрнберге, Германия.

Лейтенант Даниэль Ф. Марголис».

Доктор Блаха, скажите, лагерь Дахау во время Вашего пребывания посещался кем-нибудь?

Блаха: *В нашем лагере бывало очень много посетителей, заключенным иногда казалось, что мы вообще находимся не в лагере, а на какой-нибудь выставке или в зоопарке. Иногда имели место посещения или экскурсии военных представителей, были экскурсии из школ, из различных медицинских и других учреждений. Кроме того, лагерь посещали представители полиции, СС, вооруженных сил и, кроме того, лагерь посещали некоторые государственные деятели. Обычно инспекция проходила из месяца в месяц. Такие инспекции проводили генерал-инспектор концентрационных лагерей обергруппенфюрер Поль, затем инспектор экспериментальных отделений рейхсфюрер СС профессор Гравиц, штандартенфюрер доктор Лоллинг и другие лица.*

Додд: *Можете ли Вы сказать, какова в среднем была продолжительность таких визитов?*

Блаха: *Различная. Это зависело от того, какие посещения имели место. Некоторые посещения длились полчаса, а иногда 3—4 часа.*

Додд: *Посещали ли лагерь важные правительственные чиновники, и видели ли Вы тогда кого-нибудь из них?*

Блаха: *Когда я находился там, в лагерь приезжали несколько таких лиц. Например, неоднократно лагерь в Дахау посещал рейхсфюрер Гиммлер, он также присутствовал во время различных опытов. При этом присутствовал я лично. Лагерь посещали также и другие лица. Я сам видел трех министров и слышал от некоторых других политических заключенных-немцев, которые знали этих людей, что они были в лагере. Кроме того, я дважды видел там итальянских офицеров высокого ранга и однажды видел одного японского офицера.*

Додд: *Не помните ли Вы имена кого-либо из этих важных правительственных чиновников?*

Блаха: *Кроме Гиммлера, в лагере бывали Борман, затем гаулейтеры Вагнер и Гислер, затем министры Фрик, Розенберг, Функ, Заукель, генерал полиции Далюге и другие.*

Додд: *Что, эти лица, которых Вы перечислили, осматривали лагерь?*

Блаха: *Обычно экскурсии по лагерю организовывались таким образом, что экскурсантов сначала вели на кухню, затем в прачечную, затем в госпиталь и обычно в хирургическое отделение, затем в малярийное отделение профессора Шиллинга и в экспериментальное отделение доктора Рашера, затем в бараки, особенно немецких заключенных.*

Иногда они посещали также церковь, которая была построена там только для немецких священников. Во время этих посещений гостям иногда показывали различных заключенных. Это организовывалось таким образом: сначала показывали «зеленого», то есть профессионального преступника, которого представляли в качестве убийцы, затем обычно показывали бургомистра Вены доктора Шмидта. Далее показывали чешского офицера высшего ранга, затем какого-нибудь гомосексуалиста, затем цыгана, католического епископа или высшего польского священника, профессора университета. В таком порядке проходило занимательное представление заключенных.

Додд: *Насколько я помню, Вы в числе других, посещавших лагерь, упоминали Кальтенбруннера?*

Блаха: *Да, там был и Кальтенбруннер. Он был с генералом Далюге. Это было, насколько я помню, в 1943 году, так как я был заинтересован в том, чтобы увидеть генерала Далюге, который после смерти Гейдриха был протектором в Богемии и Моравии, и я хотел его узнать.*

Додд: *Видели ли Вы сами Кальтенбруннера в этом лагере?*

Блаха: *Да, мне его показали. Ранее я его не видал.*

Додд: *Насколько я помню, Вы также называли имя Фрика как одного из тех, кто посещал лагерь?*

Блаха: *Да. Насколько я помню, это было в первой половине 1944 года.*

Додд: *В каком месте Вы его видели в лагере?*

Блаха: *Я видел его из окна госпиталя, когда он шел со своим штабом к госпиталю. Кроме того, с ним было несколько других лиц.*

Додд: *Не можете ли Вы опознать человека, которого Вы называете Фриком, в зале Суда?*

Блаха: *Да. Это — четвертый в первом ряду с правой стороны.*

Додд: *Насколько я помню, Вы также называли Розенберга в числе тех лиц, которые посещали лагерь?*

Блаха: *Я вспоминаю, что это было вскоре после моего прибытия в концентрационный лагерь Дахау. Тогда лагерь посещали какие-то лица, и мои немецкие товарищи показали мне Розенберга.*

Додд: *Не опознаете ли Вы этого человека сейчас в этом зале Суда?*

Блаха: *Да. Он — второй, дальше налево, второй после Фрика на первой скамье.*

Додд: *Насколько я помню, Вы также говорили о Заукеле?*

Блаха: *Но я лично его не видел. Я только слышал, что он посетил тогда немецкие военные заводы. Это было, кажется, в 1943 году.*

Додд: *Что, тогда все знали, что Заукель посетил лагерь, и в частности военные заводы?*

Блаха: *Да, это было всем известно.*

Додд: *Насколько я понял, Вы также назвали в числе лиц, которые посещали лагерь, Функа?*

Блаха: *Он также присутствовал в лагере во время одного из посещений, и я вспоминаю, что это было в связи с какими-то государственными переговорами держав оси в Зальцбурге или Рейхенхалле. Обычно в таких случаях (партийный съезд или празднества в Мюнхене, Берхтесгадене или Зальцбурге) различные лица после окончания торжества предпринимали экскурсии в лагерь Дахау. Такой случай имел место и с Функом.*

Додд: *Вы лично видели Функа в лагере?*

Блаха: *Нет, Функа я тогда лично не видел, я лишь узнал, что он посетил лагерь.*

Додд: *Что, это было общеизвестно, это все знали?*

Блаха: *Да, об этом мы знали заранее, что он должен посетить лагерь.*

Додд: *После 1944 года, в начале 1945 года, эти визиты также продолжались?*

Блаха: *Да, имели место также несколько посещений, но их было немного, потому что тогда в лагере свирепствовала эпидемия сыпного тифа и был объявлен карантин.*

Додд: *Сейчас Вы являетесь начальником госпиталя в Праге, не так ли?*

Блаха: *Да.*

Додд: *У меня нет больше вопросов, Ваша честь.*

Председатель: *Кто-нибудь из представителей обвинения хочет задать вопросы? Полковник Покровский?*

Покровский: *Скажите, свидетель, известно ли Вам, какое назначение имел лагерь Дахау? Был это концентрационный, так сказать рабочий лагерь, или же это был лагерь уничтожения?*

Блаха: *До 1943 года это действительно был лагерь уничтожения. С 1943 года в этом лагере было создано много мастерских и заводов боеприпасов, особенно когда начались бомбардировки. Впоследствии этот лагерь становился все более трудовым лагерем. Но что касается результатов, то различия не существовало, так как люди должны были работать так же тяжело и были столь же голодны, и если они раньше умирали от побоев, то теперь от голода и истощения.*

Покровский: *Должен ли я Вас понимать так, что фактически и до 1943 года и после 1943 года Дахау был лагерем уничтожения, только уничтожали разными способами?*

Блаха: *Да.*

Покровский: *Сколько, по Вашим наблюдениям, через этот лагерь уничтожения Дахау прошло заключенных, прибывших туда из СССР?*

Блаха: *Этого я не могу сказать совершенно точно, только приблизительно. Сначала, с ноября 1941 года, это были исключительно русские военнопленные, в военной форме. Они имели отдельный лагерь и были через несколько месяцев ликвидированы. Летом 1942 года оставшиеся в лагере военнопленные были переведены в Маутхаузен, и, как я это впоследствии узнал от людей, которые приехали из Маутхаузена в Дахау, эти русские военнопленные были уничтожены в газовых камерах. После этих пленных в Дахау были привезены русские дети. Я думаю, их было примерно 2 тысячи. 16—17-летние юноши. Их держали в двух особых бараках, им были приданы особо жестокие люди — «зеленые», которые били их на каждом шагу. И эти молодые...*

Покровский: *Что Вы называете «зелеными»?*

Блаха: *Это были так называемые профессиональные преступники. Они били этих юношей и заставляли их делать самую трудную работу. Их особенно использовали на плантациях, где они должны были пахать, сеять, укатывать дороги и производить всю работу, которую должны были бы производить лошади или механизмы. Во всех транспортных командах также использовались исключительно русские дети. Примерно 70 процентов из них умерли от туберкулеза. Остальные были в конце 1943 года и в начале 1944 года перевезены в Тироль, в особый лагерь.*

Затем после этих детей в лагерь Дахау было доставлено и уничтожено несколько тысяч так называемых «восточных рабочих». Это были руководители гражданских учреждений, которые были высланы из восточных районов в Германию и которых по обвинению в так называемом «саботаже» послали в концентрационные лагеря. Кроме того, в этом лагере содержались многие русские офицеры и люди умственного труда.

Покровский: *Я просил бы Вас уточнить Ваш ответ относительно тех, кого Вы называли «зелеными». Правильно ли я Вас понял таким образом, что эти уголовные преступники выполняли обязанности надсмотрщиков над теми заключенными, которые прибывали в лагерь?*

Блаха: *Да. Вы правильно поняли.*

Покровский: *И что, в полную власть этих уголовников отдавались дети советских граждан, прибывавшие в этот лагерь для того, чтобы их истязали, били и надрывали на непосильной работе, кончавшейся появлением туберкулеза?*

Блаха: *Да.*

Покровский: *Что Вам известно относительно происходивших в этом лагере казней граждан СССР?*

Блаха: *Я думаю, что я буду недалек от истины, если скажу, что из всех казненных лиц в этом лагере примерно 75 процентов составляли русские граждане, и это касалось равным образом мужчин и женщин, которых присылали из других мест для казни.*

Покровский: Не можете ли Вы сказать более подробно о казни 94 старших и высших офицеров Красной Армии, относительно которых Вы ответили на вопросы моего коллеги? Кто это был, какие это были офицеры, по каким мотивам их казнили? Знаете ли Вы что-нибудь по этому поводу?

Блаха: Летом или поздней весной 1944 года старшие русские офицеры: генералы, полковники и майоры — были доставлены в Дахау. В последующие недели их допрашивали в политическом отделе, то есть их доставляли после каждого такого допроса в совершенно истерзанном состоянии в госпиталь, так что я мог видеть некоторых из них и хорошо знал их. Это были люди, которые неделями могли лежать только на животе, и мы должны были удалять отмиравшие части кожи и мускулов оперативным путем. Некоторые не выдерживали подобных методов допроса и погибали, остальные 94 человека затем по распоряжению из Берлина, из главного управления имперской безопасности, в начале сентября 1944 года были доставлены в крематорий и там стоя на коленях были расстреляны выстрелом в затылок. Кроме того, зимой и весной 1945 года несколько русских офицеров, содержавшихся в одиночном заключении, были доставлены в крематорий, где они были либо повешены, либо расстреляны.

Покровский: Такой же вопрос я хотел бы задать Вам относительно казни 40 русских студентов. Не сможете ли Вы сообщить подробности этой казни?

Блаха: Да, могу. Эти русские студенты, как и вообще все представители интеллигенции, — насколько я помню, среди них находился также врач, — были доставлены в Дахау из лагеря в Мосбурге. Спустя месяц все эти люди были казнены. Это было в марте 1944 года.

Покровский: Вам не известно, что послужило поводом для их казни?

Блаха: Это было сделано согласно распоряжению из Берлина. Обоснований мы, конечно, не узнали, так как мы всегда лишь после казни получали доступ к трупам.

Покровский: Таким образом, эта казнь производила впечатление одного из этапов общего плана уничтожения людей, поступавших в Дахау?

Блаха: Да. Это вообще имело место по отношению ко всем казням и всем эшелонам с инвалидами. План, его можно было видеть даже в том, как относились к эпидемическим заболеваниям. Все это было частью плана уничтожения. Особенно я должен подчеркнуть, что русские пленные подвергались всегда самому дурному обращению.

Покровский: Не будете ли Вы добры сказать, что Вам известно относительно тех заключенных, которые входили в категорию «Мрак и туман»? Много ли было таких заключенных? Не известно ли Вам, за что они попали в концентрационный лагерь?

Блаха: В концентрационный лагерь прибывали многие заключенные, на которых распространялся приказ «Мрак и туман». Под этим подразумевались главным образом представители западных держав, особенно французы,

бельгийцы, голландцы. В отношении русских, а также и в отношении чехов во многих случаях стояла пометка «возвращение нежелательно». И я относился к той же категории. Собственно, это было то же самое. Многие из этих людей незадолго до освобождения лагеря по приказанию коменданта были казнены, то есть расстреляны перед крематорием. Большинство из них составляли французы и русские. Многие из них были больны сыпным тифом в тяжелой форме. Температура у них доходила до 40. Их нужно было доставлять к месту казни на носилках.

Покровский: Мне кажется, что Вы упоминали относительно значительного числа заключенных, умерших от недоедания. Не сумеете ли Вы сказать, как велико общее число этих людей, погибших в лагере от недоедания?

Блаха: Я думаю, что примерно две трети заключенных лагеря страдали сильной формой истощения и по меньшей мере 25 процентов всех умерших в лагере были люди, которые умерли просто от голода. По-немецки это называли «голодным тифом». Кроме того, наиболее распространенной болезнью в лагере являлся туберкулез, который также в основном возникал на этой почве, то есть на почве недоедания. От этой формы туберкулеза особенно умирали русские заключенные.

Покровский: Мне кажется, что Вы сказали, отвечая на вопрос моего коллеги, что большинство умерших от истощения составляли русские, французы и итальянцы? Чем Вы объясняете, что именно эта категория заключенных в большом количестве умерла от голода?

Блаха: Это обстояло таким образом, что остальные — немцы, поляки, чехи, которые уже находились длительное время в лагере, имели время, если можно так сказать, в физическом отношении несколько приспособиться к тем условиям, которые существовали в лагере, а русские очень быстро сменялись в лагере. Это же имело место в отношении французов и итальянцев. Кроме того, все эти три нации преимущественно поступали в этот лагерь уже из других лагерей и в очень истощенном состоянии, так что они не могли сопротивляться эпидемии и заболеваниям. Кроме того, немецкие заключенные, польские и некоторые другие, которые работали на военных заводах, имели возможность с 1943 года получать посылки из дома. Это, естественно, не имело места в отношении пленных из Советского Союза, Франции и Италии.

Покровский: Не можете ли Вы ответить на вопрос о том, что видели Розенберг, Кальтенбруннер, Заукель и Функ, когда они бывали в лагере Дахау? Не известно ли Вам, что им показывали в этом лагере?

Блаха: Я не имел возможности следить за этими посещениями. Такие случаи, когда можно было видеть из окна этих посетителей и наблюдать, куда они пошли, были очень редкими. Я имел редкую возможность присутствовать при посещениях Гиммлера, обергруппенфюрера Поля и один раз присутствовал при посещении гаулейтера Гислера, когда им показывали опыты или отдельных пациентов в госпитале. Об остальных посещениях я не имею

представления, то есть я не могу сказать, что они там видели и что делали.

Покровский: *Может быть, были у Вас случаи наблюдать, как долго находились в лагере эти люди? Носили ли их посещения характер краткого визита на несколько минут или они задерживались там больше — я имею в виду Розенбарга, Кальтенбруннера, Заукеля и Функа?*

Блаха: *Это происходило самым различным образом. Некоторые посещения длились только полчаса, а некоторые посещения — по три часа. Это мы всегда могли хорошо наблюдать, так как в это время нельзя было работать, в это время не раздавали также пищу, и мы не могли даже заниматься своими делами в госпитале и должны были всегда ждать, пока нам не будет дан сигнал о том, что визит окончен и посетители покинули лагерь. По другим признакам я не мог бы судить о длительности этих посещений в отдельных случаях.*

Покровский: *Не припоминаете ли Вы, посещения Кальтенбруннера, Розенберга, Функа и Заукеля, если определить по тому признаку, который Вы сейчас назвали, носили только кратковременный характер или эти лица задерживались там на несколько часов? Вы поняли этот вопрос?*

Блаха: *К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. Я уже сказал, что посещения лагеря происходили так часто, что сейчас нельзя восстановить хронологически, были ли эти визиты короткими или продолжительными. Некоторые посещения, например, посещения школ, военных и полицейских школ, длились иногда в течение целого дня.*

Покровский: *Благодарю Вас. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю на данной стадии процесса.*

Дюбост: *Вы упомянули об эшелоне с французскими заключенными из Компьена, из которых только 1200 человек приехали живыми. Были ли еще другие?*

Блаха: *Да. Приходили эшелоны из Бордо, Лиона и Компьена. Все это имело место в первой половине 1944 года.*

Дюбост: *Во всех ли эшелонах были одинаковые условия?*

Блаха: *Условия были такими же либо похожими.*

Дюбост: *Каждый раз по прибытии Вы констатировали, что было много жертв?*

Блаха: *Да.*

Дюбост: *Какие были причины их гибели?*

Блаха: *Причины их гибели состояли в том, что людей запихивали в огромных количествах в вагон, затем закрывали, и они находились там в течение многих дней без пищи и воды. Обычно они либо умирали от голода, либо задыхались. Оставшиеся в живых поступали в большом количестве в госпиталь лагеря, где большая часть из них также умирала от различных осложнений или заболеваний.*

Дюбост: *Вскрывали Вы тех, кто умирал во время переезда?*

Блаха: *Да. Я должен был обследовать все трупы, но не мог выявить следов каких-либо насилий. Кроме того, я обследовал полностью десять трупов и подверг их вскры-*

тию, составив специальный протокол, который я затем послал в Берлин. Все эти люди умерли от удушья. Я мог установить также во время этого обследования, что это были выдающиеся люди Франции. Это я мог узнать по документам, а также по мундирам. Это были старшие французские офицеры, депутаты, священники, а также состоятельные люди, которых оторвали от обычной гражданской жизни, посадили в вагоны и послали в Дахау.

Дюбост: *После доклада, который Вы передали в Берлин, условия, в которых осуществлялись перевозки, остались прежними или нет?*

Блаха: *Как и всегда, ничего не последовало. Всегда писались большие донесения, но условия отнюдь не улучшались...*

Дюбост: *Вы показали, что многочисленные посетители — немецкие офицеры, студенты, политические деятели Германии — много раз бывали в лагере. Можете ли Вы сказать, что простые рабочие, крестьяне знали о том, что происходило в Дахау?*

Блаха: *По-моему, люди из местности вокруг Мюнхена должны были все это знать, так как заключенные ежедневно посылались в различные предприятия как в сам Мюнхен, так и в его окрестности, и на работе очень часто соприкасались с гражданскими рабочими этой местности.*

Кроме того, на плантации и на военные заводы приходили многие поставщики и заказчики, которые видели все, что делали с заключенными и как они выглядели.

Дюбост: *Можете ли Вы сказать, каким образом обращались с французами?*

Блаха: *Если я говорил, что хуже всего обращались с русскими, то после русских заключенных самому дурному обращению подвергались французы. Существовало различие в обращении с отдельными людьми. Люди, принадлежавшие к категории «Мрак и туман», а также выдающиеся политические деятели и деятели умственного труда подвергались особому обращению. Это имело место в обращении с представителями всех наций, иным было также обращение с рабочими и крестьянами.*

Дюбост: *Если я правильно Вас понимаю, обращение с представителями французской интеллигенции было особенно ужасным? Знаете ли Вы имена этих отдельных французских интеллигентов?*

Блаха: *Я имел много товарищей среди врачей и университетских профессоров, которые работали в качестве врачей в госпитале. К сожалению, многие из них умерли от сыпного тифа. Вообще нужно сказать, что большинство французов умерли от эпидемии сыпного тифа. Я лучше всего помню профессора Лимузена, который прибыл в очень тяжелом состоянии из Компьена. Я взял его к себе в госпиталь и пользовался его услугами в качестве патолога и ассистента. Затем я помню епископа города Клермон—Феррана, кроме того, ряд других врачей и профессоров университетов, которых я знал. Я помню профессора доктора Роша, доктора Лемартена и многих других. Я сейчас уже забыл их имена.*

Дюбост: *Во время разговоров с доктором Рашером говорил ли он Вам о цели тех экспериментов, которые он производил?*

Блаха: *Доктор Рашер производил эксперименты, связанные с деятельностью военно-воздушных сил Германии. Он был майором военно-воздушных сил. Ему было поручено произвести опыты по выявлению условий, которые возникали при прыжке с парашютом, а также в отношении тех явлений, которые возникали у летчиков, которые делали вынужденную посадку или падали в море. С точки зрения науки и ее правил, о которых я могу судить, это вообще не имело никакого смысла, и это было, как и в отношении многих других экспериментов, лишь бессмысленным убийством людей. И нужно только удивляться, как ученые, университетские профессора и врачи вообще могли планомерно проводить подобные эксперименты, так как это по существу было значительно хуже, чем какие-либо казни или ликвидации, так как при всех этих опытах страдания людей продолжались более длительное время. Им давались различные медикаменты, витамины, гормоны, тонизирующие вещества, делались различные инъекции. Обычным пациентам это было недоступно. Их получали только те, кто участвовал в опытах, и только для того, чтобы эти опыты можно было производить подольше.*

Дюбост: *Я сейчас говорю об экспериментах доктора Рашера. Он получал приказ производить эти опыты или он это делал по собственной инициативе?*

Блаха: *Это делалось по непосредственному приказу Гиммлера. Доктор Рашер находился в тесных, даже родственных связях с Гиммлером. Он часто посещал Гиммлера, и Гиммлер часто навещал Рашера.*

Дюбост: *У Вас нет никаких сведений о том, что за врачи производили опыты? Были ли они из СС или это были врачи из университетов?*

Блаха: *Это было по-разному. Например, малярийное отделение возглавлялось профессором Клаусом Шиллингом из института Коха в Берлине. Отделением для больных флегмоной руководили различные университетские профессора. В хирургическом отделении были только врачи СС. В отделении, отведенном для военно-воздушных сил, были только эсэсовские и военные врачи. Это не всегда было одинаково. Опыты с морской водой проводились профессором Блейбеком из Вены.*

Дюбост: *Те опыты, которые делались для военно-воздушных сил, проводились всегда по приказу Гиммлера?*

Блаха: *Да, Гиммлера.*

Дюбост: *Знаете ли Вы, сколько французов прошло через этот лагерь?*

Блаха: *Я думаю, по меньшей мере, 8 или 10 тысяч французских пленных были доставлены в лагерь. Кроме того, я знаю очень хорошо, что особенно в последнее время несколько тысяч французских заключенных перемещались из западных лагерей, а именно из Натцвайлера, Штутгофа и т. д., пешком в лагерь Дахау, а лагеря достигли лишь очень немногие.*

Дюбост: *Благодарю Вас.*

Председатель: *Сможете ли Вы сказать, к какой части германской армии принадлежал личный состав, работавший в лагере?*

Блаха: *Если я правильно понял, то руководство в отношении всех вопросов, связанных с жизнью лагеря, находилось в руках главного управления имперской безопасности в Берлине. Все запросы и приказы поступали из Берлина. Также обстояло дело и в экспериментальном отделении, контингент подопытных лиц определялся также в Берлине, и если экспериментирующие врачи использовали большое количество людей, то они должны были согласовать этот вопрос с Берлином.*

Председатель: *Да, но я хотел узнать, к какому виду вооруженных сил принадлежали люди, входившие в состав сотрудников лагеря?*

Блаха: *Это были сплошь эсэсовцы и преимущественно представители СД. В последнее время в лагере были охранники из армии. Но на руководящих должностях были только эсэсовцы.*

Председатель: *Были ли там сотрудники гестапо?*

Блаха: *Да, это был так называемый политический отдел, которым руководил начальник мюнхенского гестапо. Этот отдел проводил все допросы и имел полномочия по всем вопросам, включая казни... Он также определял тех людей, которые назначались для медицинских экспериментов*

Из допроса свидетеля В. ЗИВЕРСА[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 8 и 9 августа 1946 г.

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Джонс *(представитель обвинения от Великобритании): Вы—Вольфрам Зиверс, и с 1935 года Вы были имперским директором «Аненэрбе» (Общество по изучению наследственности), не так ли?*

Зиверс: *Я был управляющим делами этого общества.*

Джонс: *Помните ли Вы, что 27 июня давали показания перед Комитетом[2], назначенным этим Трибуналом?*

[1] IMT, vol. 19, p. 417–462 .

[2] Имеется в виду Комитет, состоявший из назначенных Международным военным трибуналом уполномоченных для допроса свидетелей по делу СС, СА, гестапо и других организаций нацистского режима, преступный характер которых предлагали признать обвинители.

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Помните ли Вы, что доктор Пелькман, защитник СС, объявил, что он вызывал Вас для того, чтобы показать, что это общество по изучению наследственности не знало ничего относительно биологических опытов, проводившихся группой доктора Рашера над заключенными концентрационных лагерей?*

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Помните ли Вы, что, когда доктор Пелькман спросил Вас, имели ли Вы какую-нибудь возможность находиться в курсе планирования методов и проведения научно-исследовательских опытов, проводимых отделом военных исследований, Вы ответили «нет».*

Зиверс: *Я вспоминаю, что это было так.*

Джонс: *Когда я подверг Вас перекрестному допросу, помните, Вы сказали уполномоченным Комитета, что Гиммлер и Рашер были близкими друзьями, но что Вы не знаете точно, что происходило. Вы помните это?*

Зиверс: *Я сказал, что только в общих чертах, но не в деталях знаю об этих событиях.*

Джонс: *Заканчивая перекрестный допрос, я спросил Вас, сколько, по-Вашему, было убито людей в ходе опытов Рашера и других опытов, которым покровительствовала нацистская наука. На этот вопрос Вы дали следующий ответ: «Я не могу сказать, потому что я не был в курсе этих вопросов». Вы помните, что Вы так ответили?*

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Хорошо. Сейчас я хочу выяснить, были ли Вы в курсе этих вопросов или нет. Вы когда-нибудь слышали о коллекции скелетов, имевшейся у профессора Хирта?*

Зиверс: *Речь идет об университете в Страсбурге и о деле, касающемся анатомии...*

Джонс: *Я спрашиваю Вас, слышали ли Вы об этом?*

Зиверс: *Да, слышал об этом.*

Джонс: *Вы играли важную роль в создании этой коллекции скелетов?*

Зиверс: *Нет.*

Джонс: *Я хочу, чтобы Вы прежде всего взглянули на документ ВБ-573. Сейчас мы проверим, насколько правильно то, что Вы не имели ничего общего с этой коллекцией. Это письмо Брандта в главное управление имперской безопасности, датированное 6 ноября 1942 г. Брандт был адъютантом Гиммлера, не так ли?*

Зиверс: *Он был личным референтом.*

Джонс: *Итак, в этом письме сказано:*

«Содержание: Создание коллекции скелетов в анатомическом институте в Страсбурге.

Рейхсфюрер СС приказал, чтобы все, что необходимо для исследовательской работы гауптштурмфюрера СС профессора доктора Хирта, который одновременно является директором одного из отделов института военных исследований специального характера, входящего в состав «Аненэрбе», в управлении по вопросам наследственности, было предоставлено в его распоряжение. По приказу рей-

хсфюрера СС я прошу Вас организовать запланированную коллекцию скелетов. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс свяжется с Вами для выяснения подробностей».

Этот Зиверс—это Вы, не так ли?

Зиверс: Да.

Джонс: С Вами связались для выяснения подробностей?

Зиверс: Здесь речь идет о создании анатомической коллекции страсбургского университета, который тогда перешел в наше ведение, а именно о реорганизации так называемого анатомического музея, как это принято во всех анатомических отделах университетов.

Джонс: То есть, это был вопрос только научного исследования, не так ли?

Зиверс: Да.

Джонс: Откуда Вы собирались получить эти скелеты?

Зиверс: О подробностях должен был договориться профессор Хирт.

Джонс: Вы просто ответьте на мой вопрос, потому что ответ Вам прекрасно известен. Откуда Вы собирались получать эти скелеты?

Зиверс: Мы должны были получать их из Освенцима.

Джонс: Теперь взгляните на письмо, направленное Вами Брандту в ответ на его сообщение, в котором Вы советуете ему, где именно можно достать эти скелеты. Этот документ мы представляем под номером ВБ-574.

Это письмо, от 9 февраля, 1942 г. озаглавлено: «Общество по изучению наследственности», помечено: «Секретно». Письмо адресовано Брандту, адъютанту Гиммлера. Это Ваше письмо, свидетель, не так ли? Эта Ваша подпись в конце письма?

Зиверс: Да.

Джонс: Я прочту его. «Дорогой Брандт! Отчет профессора доктора Хирта, который Вы затребовали в Вашем письме от 29 декабря 1941 г., приложен к настоящему письму. Я не имел возможности направить Вам его ранее, так как профессор Хирт был тяжело болен». Затем следуют подробности его болезни. «Поэтому профессор Хирт смог написать только предварительный отчет, который я, однако, хотел бы Вам представить.

Этот отчет касается: 1) его исследований в области микроскопии живых органов; открытия новых методов исследования и конструкции нового микроскопа; 2) его предложения по поводу получения черепов еврейско-большевистских комиссаров».

Затем следует Ваша подпись. Вы послали это письмо и отчет профессора Хирта и его предложения. Вот отчет Хирта:

«Содержание: Коллекционирование черепов еврейско-большевистских комиссаров с целью научного исследования в имперском университете в Страсбурге.

Имеются богатые коллекции черепов всех рас и народов. Однако в распоряжении науки имеется так мало черепов евреев, что работа с ними не может дать достаточно надежных результатов. Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел. Получив черепа

еврейско-большевистских комиссаров, которые представляют собой прототипы отвратительных, но типичных недочеловеков, мы сможем сделать ряд существенных научных выводов.

Лучшим практическим методом для получения и отбора этой коллекции черепов явится распоряжение вооруженным силам немедленно передавать живыми полевой полиции всех захваченных еврейско-большевистских комиссаров. В свою очередь полевая полиция должна получить соответствующие директивы регулярно сообщать определенному учреждению относительно количества и места заключения захваченных евреев и тщательно за ними следить до прибытия специального уполномоченного (молодого военного врача или полицейского врача либо студента-медика), которому будет поручен сбор материала. Он должен предварительно заснять их на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем.

Вслед за тем, как эти евреи будут умерщвлены, — при этом голова не должна быть повреждена, — уполномоченный отделит голову от тела и отошлет ее в специально созданном для этой цели, закрывающемся жестяном ящике, заполненном специальной жидкостью для консервации, по месту назначения. На основании фотоснимков и других данных о голове, а затем о самом черепе, можно приступить к сравнительным анатомическим исследованиям расовой принадлежности, патологических явлений, связанных с формой черепа, формой и размером мозга и другими данными. Самым подходящим местом для хранения и исследования полученных таким образом коллекций черепов является новый имперский университет в Страсбурге в силу своего призвания и стоящих перед ним задач».

Это ведь был отчет, который Вы переслали Брандту?

Зиверс: *Да, это отчет профессора Хирта.*

Джонс: *Каким образом проходило такое коллекционирование скелетов живых людей?*

Зиверс: *Я не могу об этом сказать в деталях. Во время предварительных допросов я указал на то, что в связи с этим делом необходимо допросить самого профессора Хирта.*

Джонс: *Теперь, свидетель, я хочу еще раз дать Вам возможность сказать правду. Вы заявляете Трибуналу, что Вы не знаете о том, как собиралась коллекция черепов и скелетов?*

Зиверс: *Это вытекает из отчета. По распоряжению Гиммлера для выполнения этой задачи должны были быть выделены соответствующие лица.*

Джонс: *Кто практически проводил это коллекционирование? Вы имели какое-нибудь отношение к этому, к сбору трупов?*

Зиверс: *Нет, я вообще не имел никакого отношения к этому. Я также не знаю, каким образом возник этот вопрос, поскольку я не знаю ни личной переписки Гиммлера*

с Хиртом, ни переговоров, которые имели место между ними еще до этого времени.

Джонс: *Хорошо, свидетель, я дал Вам возможность избежать лжесвидетельства. Вы не воспользовались этой возможностью. Я прошу Вас взглянуть на документ ВБ-575, страница 17 немецкого текста. Это еще одно из Ваших писем, написанное Вами снова адъютанту Гиммлера. Оно помечено «секретно» и датировано 2 ноября 1942 г.*

«Дорогой Брандт! Как Вам известно, рейхсфюрер СС распорядился в свое время, чтобы гауптштурмфюреру СС профессору доктору Хирту было предоставлено все необходимое для его исследований. Для некоторых антропологических исследований — я уже докладывал о них рейхсфюреру СС — необходимы 150 скелетов заключенных или евреев, которые должны быть поставлены концентрационным лагерем Освенцим. Для этого еще требуется, чтобы главное управление имперской безопасности получило официальное распоряжение от рейхсфюрера СС. Это, однако, может быть сделано также Вами по поручению рейхсфюрера СС».

Вы уже обсуждали этот вопрос с Гиммлером, не так ли, свидетель? Вы были его агентом по сбору этих живых людей и превращению их в скелеты? Это правильно, свидетель?

Зиверс: *В этой форме это неправильно. Все эти события занимают такой большой период времени, что, поскольку я занимался лишь отдельными деталями, я не могу восстановить сейчас здесь так быстро всех обстоятельств.*

Джонс: *Я совершенно уверен, что Вы вовсе не спешите восстановить их, но все-таки важно, чтобы Вы это сделали. Вы второй раз даете показания под присягой и мне хотелось бы, чтобы Вы в какой-то степени доказали, что Вы знаете, что такое присяга. Вы — образованный человек. Посмотрите на следующий документ ВБ-576, предъявляемый для того, чтобы освежить Вашу память.*

Это — письмо Брандта, адресованное в главное управление имперской безопасности, датированное 6 ноября 1942 г. и помеченное: «Секретно. Вручить оберштурмбаннфюреру СС Эйхману. Содержание: Создание коллекции скелетов для анатомического института в Страсбурге».

Зиверс: *Да.*

Джонс: *«Рейхсфюрер СС издал распоряжение о том, чтобы гауптштурмфюрер СС профессор доктор Хирт, который является директором анатомического института в Страсбурге и главой одного отделения института военно-научных исследований общества по вопросам наследственности, получил все необходимое для исследовательской работы. Поэтому по поручению рейхсфюрера СС я прошу Вас сделать все возможное для создания планируемой коллекции скелетов. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс установит с Вами связь с тем, чтобы договориться обо всем детально».*

Вы все еще говорите, что не знаете подробностей этого дела?

Зиверс: *Этого я не говорил. Однако здесь речь идет о целом историческом развитии всего этого дела. Поэтому я не могу сказать, с какого момента это дело было начато, поскольку это обсуждалось на совещаниях между Гиммлером и Хиртом, которые имели место еще до того, как Хирт стал директором анатомического института в Страсбурге и тем самым получил возможность выполнить поручение — создать современный анатомический музей со всем необходимым современным научным оборудованием и коллекциями. После этого Хирт, учитывая переговоры, которые он вел раньше с Гиммлером, подал ходатайство, как это следует из его отчета. Затем я получил указание помогать Хирту при выполнении поручения, которое ему дал Гиммлер. Я не знаю, действительно ли оно исходило от самого Гиммлера...*

Джонс: *Одну минуту, свидетель. Сколько человеческих существ было убито для того, чтобы создать эту коллекцию скелетов?*

Зиверс: *В этом отчете речь шла о 150 лицах.*

Джонс: *И Вы имели отношение только к убийству этих 150 человек?*

Зиверс: *Я не имел никакого отношения к убийству этих людей. Я выполнял лишь обязанности почтальона.*

Джонс: *Вы опять были только почтовой конторой — одной из этих прославленных нацистских почтовых контор, не так ли?*

Зиверс: *Если Вы ссылаетесь, как я заключаю из Вашего вопроса, на мой допрос в Комитете, то я должен указать на то, что во время допроса в Комитете рассматривался только вопрос о деятельности группы Рашера.*

Джонс: *Я совершенно ясно ставил Вам вопросы во время перекрестного допроса в Комитете. Мой последний вопрос занесен на страницу 1939 протокола. Вопрос такой: «Как Вы считаете, сколько людей было убито в связи с опытами, проводившимися Рашером, и другими опытами, которым покровительствовала нацистская наука?» Вы ответили мне: «Я не могу этого сказать, потому что я не был в курсе этих вопросов».*

Зиверс: *Но и сегодня я не могу сообщить точных данных, и я не знаю также точно числа лиц, которые использовались Рашером для его экспериментов. Вследствие этого я не могу сказать: их было столько-то или столько-то, если я не знаю этого.*

Джонс: *Вы под присягой заявили уполномоченному Комитета, что Вы не были в курсе этих вопросов. Обратитесь, пожалуйста, к документу 087, чтобы освежить свою память. Это — еще одно из Ваших писем. Оно озаглавлено: «Общество по изучению наследственности, институт военно-научных исследований».*

Вы были директором этого института, не так ли?

Зиверс: *Да, я был имперским управляющим делами этого общества.*

Джонс: *Письмо датировано 21 июня 1943 г. Здесь обозначено: «Совершенно секретно. Главному управлению имперской безопасности. Отдел IV-Б-4. Лично оберштурм-*

баннфюреру СС Эйхману. Содержание: Создание коллекции скелетов».

«Ссылаясь на письмо от 25 сентября 1942 г. отдела IV-Б-4 и личные разговоры, которые с того времени имели место на эту тему, я хочу информировать Вас, что сотрудник местной инстанции гауптштурмфюрер СС доктор Бруно Хагер, который выполнял вышеупомянутое специальное задание, 15 июня 1943 г. закончил свои опыты в концентрационном лагере Освенцим в связи с возникшей опасностью эпидемии. Всего было подвергнуто опытам 115 человек, в том числе 79 евреев, 2 поляка...»

Разрешите мне здесь остановиться. Какого рода эксперименты производились на этих человеческих существах с целью создания коллекции скелетов? Какого рода опыты это были?

Зиверс: *Антропологические измерения.*

Джонс: *До того как они были убиты, были произведены только антропологические измерения, не так ли? Это все, что было сделано?*

Зиверс: *С этих людей делали также слепки.*

Джонс: *Не так много времени нужно, чтобы сделать антропологические измерения или сделать слепки, свидетель. Производились еще какие-то опыты, еще какие-то измерения на этих несчастных жертвах вашей науки, так или нет?*

Зиверс: *Я не знаю о проведении других опытов в Освенциме. Я знаю только, что производились антропологические измерения. Я не знаю, как долго продолжались эти опыты.*

Джонс: *Я продолжаю зачитывать Ваше письмо, которое совершенно ясно показывает, что там должны были иметь место другие опыты, носившие гораздо более зловещий характер, чем антропологические измерения.*

«Всего было подвергнуто опытам 115 человек: из них 79 евреев, двое поляков, 30 евреек и 4 лица азиатских национальностей. В настоящее время эти заключенные разделены согласно их полу и находятся в карантине в двух госпитальных зданиях концентрационного лагеря в Освенциме.

Дальнейшие опыты над этими отобранными заключенными потребуют перевода их в лагерь Натцвайлер. Этот перевод должен быть проведен как можно скорее, так как в Освенциме существует опасность эпидемии. Список отобранных лиц прилагается.

Просим издать соответствующие распоряжения, поскольку этот перевод заключенных сопряжен с некоторой опасностью перенесения эпидемии в Натцвайлер. Просим также, чтобы из Натцвайлера в Освенцим немедленно была выслана дезинфицированная чистая одежда для 83 мужчин и 30 женщин. Одновременно надо приготовить в концентрационном лагере Натцвайлер временное жилище для 30 женщин».

Таково Ваше письмо. Если Ваш интерес к этим несчастным сводился только к их антропологическим измерениям и к получению их бренных костей для скелетов, почему Вы

не убили их сразу? Вы, наверное, проводили на них опыты и исследования, результаты которых Вас интересовали, не правда ли?

Зиверс: *Нет, о каких-либо экспериментах мне ничего не известно, и они не проводились.*

Джонс: *Какова дальнейшая судьба этой коллекции скелетов? Где ее собирали?*

Зиверс: *Эти заключенные были переведены в Натцвайлер и предоставлены в распоряжение профессора Хирта.*

Джонс: *После того как профессор Хирт и другие члены СС убили этих людей, что сталось с их трупами? Куда они были посланы?*

Зиверс: *Я предполагаю, что они были привезены в Страсбург в анатомический институт.*

Джонс: *Вы что, сомневаетесь в этом, свидетель? Мне кажется, что Вы колеблетесь, отвечая таким образом. У Вас есть сомнения?*

Зиверс: *Я не видел никаких отчетов об этом и не получал их.*

Джонс: *Имели ли Вы какое-либо отношение к дальнейшей судьбе этих трупов и скелетов? Я понимаю, что Вам трудно ответить на этот вопрос.*

(Пауза)

Зиверс: *Нет, этим ведал профессор Хирт, и я вовсе не был в Страсбурге или Натцвайлере в связи с этим.*

Джонс: *Вы предлагали что-либо по поводу того, как следует поступить с этой коллекцией?*

Зиверс: *Это имело место значительно позже, когда возник вопрос об оккупации Страсбурга и о дальнейшем местопребывании коллекции.*

Джонс: *Что Вы тогда сделали?*

Зиверс: *По-моему имело место совещание, я уже не помню точно с кем, для того, чтобы добиться решения Гиммлера относительно дальнейшего местопребывания коллекции.*

Джонс: *Вы присутствовали на этом совещании?*

Зиверс: *С Гиммлером я не обсуждал этого вопроса.*

Джонс: *Вы сделали какие-либо предложения по поводу того, как следовало поступить с теми трупами, которые Вы собрали в Страсбурге?*

Зиверс: *Я не могу сейчас этого сказать. Я не помню этого.*

Джонс: *Попытайтесь вспомнить. Я уверен, что Вы это помните. Это было в 1944 году. Это не так давно, и я уверен, что Вы должны об этом ясно помнить.*

Зиверс: *Я сожалею, что не могу дать Вам точного ответа, так как я не помню этого.*

Джонс: *Свидетель, когда союзные армии подошли к Страсбургу и для Вас наступал час расплаты, какие предложения Вы сделали по поводу этих трупов в Страсбурге? Скажите Суду.*

Зиверс: *Я уже сказал, что я запросил Гиммлера относительно его решения о дальнейшем местопребывании этой*

коллекции. Речь идет о вопросе, который возник в результате совещаний между Гиммлером и Хиртом и к разрешению которого я был привлечен для осуществления технического и административного руководства. Поэтому только Гиммлер мог принять решение о дальнейшей судьбе этой коллекции.

Джонс: *Я снова дал Вам возможность избежать клятвопреступления. Посмотрите на документ 088. Это — еще одно Ваше письмо Брандту, адъютанту Гиммлера. Оно направлено в личную ставку рейхсфюрера СС, отдел по вопросам наследственности?*

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Письмо датировано 5 сентября 1944 г., помечено: «совершенно секретно». К тому времени союзные армии уже приближались к Страсбургу, не так ли?*

Зиверс: *Это правильно.*

Джонс: *Тема письма: «Коллекция скелетов евреев».*

«Согласно предложению от 9 февраля 1942 г. и с Вашего согласия 23 февраля 1942 г. штурмбаннфюрер СС профессор Хирт собрал коллекцию, которой прежде не существовало. В связи с большим объемом научная работа, связанная с созданием коллекции скелетов, еще не закончена. Поскольку потребовалось бы еще некоторое время для 80 скелетов, Хирт запросил директивы относительно обращения с коллекцией, собранной в морге анатомического института, на тот случай, если Страсбург окажется в угрожающем положении.

Он может произвести работы по отделению тканей от костей, что сделает трупы неопознаваемыми. Однако это означало бы, что часть всей работы была бы сделана напрасно, а это большая потеря для единственной в своем роде коллекции, так как после этого будет невозможно сделать гипсовые слепки гоминидов. Коллекция скелетов может остаться незаметной. О тканях, снятых с костей, можно было бы заявить, что это брошенные французами останки трупов, которые мы обнаружили при взятии Страсбурга и которые подлежат кремации. Пожалуйста, сообщите, какое из следующих трех предложений должно быть проведено в жизнь: 1) коллекция в целом может быть сохранена; 2) коллекция должна быть уничтожена частично; 3) коллекция должна быть целиком уничтожена».

Почему Вы хотели отделить ткани от костей трупов, свидетель?

Зиверс: *Я должен сказать по этому поводу, что это письмо было получено мною в качестве запроса от профессора Хирта и отправлено в виде телеграммы. Поэтому, как я уже сказал, я не мог вспомнить об этом, поскольку мне, как непосвященному лицу, было совершенно неизвестно, как поступили с этой коллекцией.*

Джонс: *Почему Вы предлагали свалить вину на французов? Вы ведь знали, что для того, чтобы создать эту коллекцию, были произведены убийства, не так ли?*

Зиверс: *Я только что заявил, что в этом письме передал ходатайство профессора Хирта, и я сказал, что не мог запрашивать об этом от своего имени, так как я не был специалистом в этом вопросе и потому не мог судить об этом. Таким образом, я заявил, что это был запрос профессора Хирта, который я передал дальше по инстанции.*

Джонс: *Имели ли Вы возможность провести в жизнь это предложение об отделении тканей от костей?*

Зиверс: *По этому поводу я ничего не могу сказать, потому что не имею представления об этих вещах.*

Джонс: *К счастью, мы и на этот раз располагаем документом, в котором все это описывается. Посмотрите на этот документ. Совершенно ясно, что Вы не имеете намерения говорить правду. Это два документа из архивов Гиммлера. Первый подписан гауптштурмфюрером Бергом: «12 октября 1944 г. я разговаривал по телефону с штандартенфюрером СС Зиверсом и спросил его, была ли полностью уничтожена страсбургская коллекция скелетов, как это было указано штандартенфюрером СС Баумертом. Штандартенфюрер СС Зиверс ничего не мог сообщить мне по этому поводу, так как не узнал что-либо новое от профессора Хирта. Я сказал ему, что если коллекция еще не уничтожена, то часть ее должна быть сохранена. Однако должна быть создана гарантия, что можно будет уничтожить коллекцию полностью, если вследствие изменившейся военной обстановки Страсбург окажется в угрожающем положении. Штандартенфюрер СС Зиверс обещал мне навести справки и доложить обо всем».*

Следующий документ от 26 октября 1944 г. Он тоже подписан Бергом.

«Во время моего посещения полевого управления штаба 21 октября 1944 г. штандартенфюрер СС Зиверс сообщил мне, что за это время коллекция в Страсбурге полностью уничтожена в соответствии с тем указанием, которое было получено в свое время. Он придерживается того мнения, что лучше всего поступить именно так, принимая во внимание создавшееся положение».

Зиверс: *Из письма гауптштурмфюрера Берга вытекает, что я дал правильные показания. Там сказано, что штандартенфюрер Зиверс не может ничего сообщить по этому вопросу, так как я не узнал никаких подробностей от профессора Хирта. В этом деле я всегда действовал согласно указаниям, отчетам и предложениям профессора Хирта. Мое личное отношение к этому вопросу не играло в этом деле никакой роли, как я уже говорил об этом на допросе в Комитете уполномоченных. В этих делах я не мог действовать ни в каком направлении: ни отдавать распоряжений, ни препятствовать чему-либо.*

Джонс: *Вы были практически руководителем этого опыта по умерщвлению людей, не так ли? Вы являлись жизненно важной частью в машине этого «Аненэрбе»?*

Зиверс: *Я не был ни в коей мере важной частью этого механизма, и это вытекает из моих показаний в Комитете*

уполномоченных. Общество по изучению наследственности— «Аненэрбе»—имело более 50 отделов и проводило большое количество экспериментов, которые в соответствии с его первоначальной структурой основывались на научной базе, и оно было так сильно занято исключительно этими экспериментами, что эти вопросы, как я полагаю, к сожалению, разрешались исключительно по указанию Гиммлера...

Джонс: *Какое Вы имели отношение к проводимым на живых людях опытам с отравляющими газами или химическим веществом «Лост»(иприт), к опытам по изысканию методов лечения ран, вызванных химическим препаратом «Лост»?*

Зиверс: *Профессор Хирт разработал метод лечения ран, вызванных действием отравляющего вещества «Лост». При создании метода лечения он в порядке эксперимента проводил опыты на самом себе, которые привели к тяжелым последствиям для его здоровья, как это следует из предъявленного документа.*

Джонс: *Кроме самого себя, он использовал для опытов и других людей, не так ли?*

Зиверс: *Я продолжаю. Гиммлер интересовался этими опытами и он очень разволновался, когда услышал, что Хирт проводит эксперименты на самом себе. Гиммлер сослался при этом на распоряжение фюрера, чтобы для таких опытов использовались добровольцы из числа заключенных или из числа приговоренных к смертной казни преступников. Только после требования Гиммлера Хирт провел контрольные опыты на 20 заключенных, но сделал он это только тогда, когда уже было известно на основании опытов, проведенных на самом себе, что вредные последствия, вызываемые этими экспериментами, не носят длительного характера. Он указал далее на то, что гораздо важнее (это был первый рабочий контакт с Хиртом) получить для этих экспериментов достаточное количество подопытных животных, так как с начала войны их количество сократилось настолько, что уже невозможно было проводить необходимые научные опыты.*

Джонс: *Одну минуту. Попытайтесь ответить на мой вопрос и не произносить длинных речей. Вы использовали при этих опытах вместо животных людей, да или нет?*

Зиверс: *Вы имеете в виду опыты профессора Хирта?*

Джонс: *Конечно.*

Зиверс: *Да, я уже сказал, что после опытов на самом себе он провел эти эксперименты на 20 заключенных, которые добровольно предоставили себя в его распоряжение.*

Джонс: *Писали ли Вы Брандту об опытах с химическим веществом «Лост» и тех трудностях, с которыми Вы столкнулись в концентрационном лагере в Натцвайлере?*

Зиверс: *У меня нет этого документа.*

Джонс: *Не беспокойтесь об этом документе. Попробуйте ответить на мой вопрос. Я полагаю, что Вам будет довольно неудобно, когда его найдут. Просто ответьте на мой вопрос. Вы писали Брандту относительно трудностей,*

которые у Вас возникли в концентрационных лагерях в связи с опытами по применению вещества «Лост»?

Зиверс: Я не помню в деталях, о каких трудностях там шла речь. Возможно, что я писал это.

Джонс: Постарайтесь вспомнить, что Вы писали по поводу этих опытов?

Зиверс: Я могу лишь упомянуть, что я уже говорил, что обо всех этих вопросах мне сообщал в своих письмах и отчетах доктор Хирт и что я передавал их дальше, не вдаваясь в детали. Это были лишь отдельные дела в огромной массе материала, с которым мне приходилось работать. Прошло уже много времени и отдельные детали не сохранились в памяти.

Джонс: Я в состоянии оценить масштаб той работы, которую Вы проделали. Я хочу обратить Ваше внимание на 4 или 5 документов, в которых идет речь об убийстве.

Взгляните на документ ВБ-580. Это письмо Брандта. Оно адресовано Вам—штандартенфюреру СС Зиверсу, «Общество по изучению наследственности, дата—3 декабря 1942 г. Содержание его таково: «Дорогой Зиверс! Ваше письмо от 3 ноября снова лежит передо мной сегодня. Тогда я смог очень кратко переговорить с обергруппенфюрером СС Полем. Если я правильно помню, он даже написал мне, что он, конечно, устранит те недостатки, о которых Вы писали и о которых я не докладывал ему во всех деталях: я получил тогда Ваше письмо как раз в то утро, когда я направился к обергруппенфюреру СС Полю. Поэтому я не смог прочитать весь текст письма заранее. Я лишь помнил о том, что Вы мне говорили во время наших предыдущих бесед. Если мне необходимо еще раз заняться этим вопросом, то сообщите мне об этом».

Каковы были те трудности, о которых Вы писали Полю?

Зиверс: Я не могу вспомнить, о чем тогда говорилось, я прошу предъявить мне эту запись.

Джонс: Вы совсем не можете вспомнить, в чем заключались эти трудности? Быть может, они были связаны с платой за заключенных, над которыми надо было производить опыты?

Зиверс: Нет, я не могу этого вспомнить.

Джонс: Во всяком случае, эти опыты с «Лост» продолжались до апреля 1944 года, не так ли?

Зиверс: Я этого также не могу вспомнить.

Джонс: Постарайтесь вспомнить. Взгляните на документ 015. Это еще одно из Ваших писем к рейхсфюреру СС.

«Рейхсфюреру СС. Личный штаб, отдел «А». Дата—11 апреля 1944 г. «Совершенно секретно». Вы обращаетесь к Брандту.

«По вопросу: Приказ рейхсфюрера СС от 1 марта 1944 г.

«Дорогой Брандт! В соответствии с приказаниями я установил связь с бригадефюрером СС профессором доктором Брандтом и доложил ему в Белице 31 марта относительно исследовательской работы, которая проводилась гауптштурмфюрером СС, профессором доктором Хиртом. При этом я передал ему разработанный профессором

Хиртом план лечения вредных последствий, вызванных ядовитым веществом «Л». Один экземпляр плана прилагается для доклада рейхсфюреру СС, если в этом будет необходимость».

Речь идет о вредных последствиях, вызванных веществом «Лост», не так ли, свидетель?

Зиверс: Да.

Джонс: Я продолжаю цитировать. «Профессор Брандт сообщил мне, что он будет в Страсбурге в первую неделю апреля и что он тогда намерен обсудить подробности с профессором Хиртом, чтобы затем опять связаться со мной. Я буду постоянно держать Вас в курсе дела».

Итак, свидетель, Вы говорите, что эти опыты с ядовитым веществом «Лост» продолжались еще до 1944 года, не правда ли?

Зиверс: Нет, дело обстояло не так. Профессор Брандт был назначен генеральным комиссаром по боевым отравляющим веществам. Я получил копию приказа о назначении Брандта с указанием о том, чтобы Хирт переговорил с Брандтом. Хирт заявил, что не может по такому поводу поехать к господину Брандту в Белиц. Поэтому по просьбе Хирта к Брандту поехал я.

Джонс: Хорошо, свидетель, я хочу сейчас перейти к другой области Вашей деятельности, к опытам Рашера. Вы помните, что Вы мне сообщили, будто не имели никакого отношения к опытам Рашера?

Зиверс: Я заявил, что только в общих чертах, а не в деталях знал об этих опытах.

Джонс: Я прошу Вам взглянуть на Ваш дневник за 1944 год, то есть дневник общества.

Первая запись относится к 6 января, 18 ч. 30 м. «Гауптштурмфюрер СС доктор Рашер: ...пункт с) Письмо рейхсфюрера СС обергруппенфюреру СС Полю относительно помощи в проведении научно-исследовательской работы. d) Предоставление помещений для проведения опытов по замораживанию». Они производились в Дахау, не так ли?

Зиверс: Да, они должны были производиться. Но, как я уже говорил об этом в Комитете уполномоченных, они не производились. Здесь речь идет о записи относительно совещания с Рашером, на котором он докладывал об этом.

Джонс: Что же, свидетель, Вы заявляете, что в Дахау не проводились опыты по замораживанию?

Зиверс: Рашер сказал мне, что он еще не может производить эти опыты и что их следует проводить в такой местности, в которой бы царила постоянная низкая температура воздуха. Эти опыты в дальнейшем не состоялись.

Джонс: Но ведь Вы сами лично видели, как проводились некоторые из этих опытов в Дахау, разве не так? Вы ведь время от времени бывали в Дахау?

Зиверс: Я опасаюсь, что здесь вкралась ошибка. Здесь путают опыты с переохлаждением для ВВС и опыты по замораживанию, которые должны были быть проведены позже ввиду случаев замерзания людей на Востоке. Здесь, в 1944 году, речь идет об опытах по замораживанию...

Джонс: *Какие опыты по замораживанию Вы обычно наблюдали?*

Зиверс: *Я знаю только об опытах по переохлаждению, которые проводились для ВВС.*

Джонс: *Вы видели, как проводились какие-нибудь из этих опытов?*

Зиверс: *Я имел поручение сопровождать профессора Хирта, который вместе с Рашером должен был работать над этой проблемой для того, чтобы найти ее решение. В связи с этим я один раз присутствовал при этих опытах.*

Джонс: *Теперь перейдем к документу ПС-3546. Я выбрал некоторые из этих записей для того, чтобы показать, что Вы имели близкое отношение к этому вопросу.*

«23 января, 11.30. Доклад рейхсфюреру СС вместе с доктором Брандтом. 1. Нам предстоит получить отчеты профессора Шиллинга». Профессор Шиллинг был тем самым человеком, которого приговорили к смерти за его опыты по малярии в Дахау, не так ли?

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Он также относился к числу Вашей группы ученых, не так ли?*

Зиверс: *Мы не имели никакого отношения к Шиллингу.*

Джонс: *Вы только получали его отчеты и больше ничего, не правда ли?*

Зиверс: *Это было впервые, когда мне вообще сказали о деятельности Шиллинга. В частности, Гиммлер заявил на этом совещании, что Шиллинг достиг выдающихся результатов в области выработки иммунитета, и этот отчет должен был быть направлен нам для того, чтобы энтомологический институт узнал о том, каких результатов добился доктор Мей в своих исследованиях относительно малярии, и, в частности, анофелеса...*

Джонс: *Перейдем к следующей записи в дневнике от 28 января. В Вашем собственном дневнике содержатся ежедневные записи со всеми подробностями. Вот еще одна выдержка: «Сотрудничество с институтом Р., Дахау». Это институт Рашера в Дахау, не правда ли?*

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Затем запись от 29 января: «С Рашером и доктором Пахолеггом я направился в Далем». Кто был доктор Пахолегг?*

Зиверс: *Доктор Пахолегг был заключенным, которого Рашер привлек к сотрудничеству.*

Джонс: *Вы ведь, я полагаю, лично хорошо знали его?*

Зиверс: *Я видел его всего два-три раза.*

Джонс: *Он присутствовал на некоторых из опытов, которые Вы наблюдали, не правда ли?*

Зиверс: *Тогда речь шла об экспериментах по изысканию кровоостанавливающего средства...*

Джонс: *Только ответьте на мой вопрос: доктор Пахолегг присутствовал на некоторых из тех опытов, которые Вы наблюдали, не правда ли?*

Зиверс: Он ведь был сотрудником Рашера и работал вместе с ним. Присутствовал ли он всегда на этих опытах, я не знаю.

Джонс: Если Вы отказываетесь ответить на мой вопрос, я не стану его больше задавать.

Мы будем просматривать Ваш дневник далее.

«2 февраля. Опыты СА. (Первые снимки живых клеток рака и борьба с ними)... Прививка против сыпного тифа, сделанная профессором Хааген. Работа по прививке против сыпного тифа ведется в Натцвайлере вполне успешно»... Имеются также многие другие записи в дневнике, относящиеся к другим видам деятельности «Аненэрбе». Теперь посмотрим на запись от 22 февраля, Вы увидите, что Вы имели беседы с доктором Мейем, и имеется также запись о совместной работе с доктором Плетнером и профессором Шиллингом. Какую работу проводил доктор Плетнер в то время?

Зиверс: Доктор Плетнер работал у профессора Шиллинга. Все это связано с директивой Гиммлера от 23 января, согласно которой доклады Шиллинга должны были направляться доктору Мейю, но эти доклады не отсылались, так как Шиллинг отказался от сотрудничества.

Джонс: Теперь обратите внимание на запись от 25 февраля. 25 февраля у Вас сделана запись о приказе рейхсфюрера СС о работе в Дахау совместно с доктором Рашером.

«22 марта с 18.30 до 21 часа гауптштурмфюрер СС доктор Рашер проводил подготовку к экспериментам по обмораживанию на зимнее полугодие 1944/45 года».

Вы были в Дахау с Рашером в тот день, не так ли?

Зиверс: Здесь речь идет о тех опытах, которыми Гиммлер приказал заниматься в связи с имевшимися на Востоке случаями обморажения. Эти опыты, однако, не удалось провести в Дахау, об этом сообщили Гиммлеру, и тогда он распорядился, чтобы эти опыты были проведены в следующее зимнее полугодие, но эти опыты не состоялись, так как доктор Рашер был арестован уже в апреле.

Джонс: Для кого Вы производили эти опыты? Для армии?

Зиверс: Эти опыты должны были проводиться в контакте с имперским врачом СС Гравицем.

Джонс: Гравиц был главным врачом СС, не так ли?

Зиверс: Так точно.

Джонс: Значит, эти эксперименты проводились для войск СС, да?

Зиверс: Гравиц сам отказался проводить эти опыты, и из-за переговоров, которые непрерывно велись, опыты эти не были проведены зимой 1943/44 года, как этого хотел Гиммлер. Гравиц считал, что если нужно заниматься такими исследованиями, то доктору Рашеру следует отправиться на фронт и там работать в лазаретах.

Джонс: Вы не ответили на мой вопрос, свидетель. Для кого проводились эти опыты? Для войск СС?

Зиверс: Официального заказа на опыты вообще не существовало. Имело место сотрудничество между импер-

ским врачом СС, главным врачом, и вооруженными силами. О подробностях я не осведомлен.

Джонс: *Гауптштурмфюрер Плетнер занял место Рашера? Да?*

Зиверс: *Так точно. Когда Рашера арестовали.*

Джонс: *И опыты продолжались в Дахау и в других местах. Так что снятие Рашера не изменило положения?*

Зиверс: *Это были совершенно другие опыты, чем те, которые были начаты Рашером и которые проводились им самим.*

Джонс: *Вы присутствовали на некоторых экспериментах Рашера? Не так ли?*

Зиверс: *Да, я неоднократно бывал в Дахау.*

Джонс: *И Вы там были несколько раз с Гиммлером, когда Рашер производил свои опыты, да?*

Зиверс: *Нет, с Гиммлером вместе я никогда не был в Дахау у Рашера.*

Джонс: *Я хочу, чтобы Вы посмотрели на документ ПС-2428—это показания доктора Пахолегга, о котором Вы говорили вчера...*

«Вопрос: Кто присутствовал на этих экспериментах?

Ответ: Генрих Гиммлер и его штаб обычно наблюдали за этими важными экспериментами здесь в Дахау или в каких-нибудь других местах. Штандартенфюрер Зиверс тоже присутствовал вместе с Гиммлером».

Зиверс: *Это неправда...*

Джонс: *Присутствовали ли Вы когда-нибудь на этих экспериментах, когда там не было Гиммлера?*

Зиверс: *Я видел два эксперимента. Как я уже вчера говорил, в одном случае речь шла об опыте, который я видел не полностью, в то время, когда там был профессор Хирт, другой же опыт я видел в камере низкого давления.*

Джонс: *Я хочу, чтобы Вы посмотрели на страницу 30 немецкой книги документов. Пахолегг говорит:*

«Я лично видел через наблюдательный глазок камеры, как один заключенный находился в разреженном пространстве до тех пор, пока у него не лопнули легкие. Некоторые эксперименты вызывали у людей такое давление в голове, что они сходили с ума и рвали на себе волосы, стараясь освободиться от этого давления. В своем безумии они разрывали себе лицо и голову ногтями в попытке покалечить себя, они разбивали себе головы о стены, они кричали, пытаясь облегчить боль в ушах от давления. Обычно эти эксперименты с крайне низким давлением кончались смертью экспериментируемого. Эксперименты с крайне низким давлением настолько часто кончались смертью, что они использовались скорее как обычное средство казни, чем как эксперимент. Я знаю случаи, когда при экспериментах Рашера заключенные находились в условиях низкого давления либо высокого давления или комбинации того и другого в течение 30 минут. Эксперименты в целом делились на две группы: одни из них известны под названием «живых экспериментов», а другие—просто как «Х»-эксперименты, то есть эксперимент и казнь одновременно».

Этот вид экспериментов производился Рашером для военно-воздушных сил. Не так ли?

Зиверс: *Так точно.*

Джонс: *Вы были директором этого института по научным изысканиям для военных целей, у Вас должна была быть какая-то связь с отдельными видами вооруженных сил. Не так ли?*

Зиверс: *Связь с военно-воздушными силами осуществлялась через обергруппенфюрера Вольфа и далее генерал-фельдмаршала Мильха...*

Джонс: *Имя доктора Хольцленера Вам что-нибудь говорит? Он подписал доклад об эксперименте Шиллинга?*

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Он был профессором физиологии медицинского факультета Кильского университета. Не так ли?*

Зиверс: *Да, в Комитете уполномоченных я упоминал о том, что профессор Хольцленер сотрудничал с доктором Рашером во время проведения опытов.*

Джонс: *Помните ли Вы об экспериментах, которые производились для того, чтобы превратить морскую воду в питьевую?*

Зиверс: *Да, я слышал об этом.*

Джонс: *Помните ли Вы о какой-либо конференции, на которой говорилось об экспериментах по превращению морской воды в питьевую воду?*

Зиверс: *Да. Имеется в виду, вероятно, совещание у имперского врача Гравица. Я должен в этой связи заявить, что после ареста Рашера его преемник доктор Плетнер отказался проводить опыты над людьми. Лишь только после ареста доктора Рашера выяснилось, с помощью каких жестоких методов работал доктор Рашер, выходя далеко за рамки данного ему поручения...*

Джонс: *Одну минуту. Я задам Вам вопросы по этому поводу через минуту, сейчас я хочу, чтобы Вы попытались вспомнить об опытах по превращению морской воды в питьевую. Вы помните конференцию, на которой присутствовали представители военно-воздушных сил и военно-морского флота? Это единственное, о чем я прошу Вас говорить в данный момент. Вы сможете дать свои объяснения позднее.*

Зиверс: *Я сказал, что вспоминаю совещание, которое состоялось у доктора Гравица, а также другое совещание, которое состоялось позже в Дахау с представителями военно-воздушных сил.*

Джонс: *Я прошу, чтобы Вы попытались вспомнить, так как это очень важный вопрос. Это были эксперименты по превращению морской воды в питьевую. Можно себе представить, что военно-морской флот был очень заинтересован в этом. Они были заинтересованы и они послали представителя? Не так ли?*

Зиверс: *Мне кажется, что представитель военно-морского флота при этом не присутствовал.*

Джонс: *Знаете ли Вы доктора Лауренца, который был связан с подводными лодками в Киле?*

Зиверс: *Нет, его я не знаю.*

Джонс: *Было ли решено в связи с этими опытами с морской водой использовать цыган для этих экспериментов?*

Зиверс: *В этой связи я должен продолжить свое начатое выше объяснение, так как это имеет решающее значение. Доктор Плетнер отказался продолжать опыты над людьми, и Гиммлер этого не требовал от него. Поэтому Гравиц получил задание заняться этим вопросом. Это свидетельствует о том, что, когда должны были ставиться опыты над людьми, согласие врача явилось необходимым условием. Гравиц сообщил, что представитель военно-воздушных сил, в частности какой-то профессор из Вены, ходатайствовал о том, чтобы ему были предоставлены заключенные. Может быть, при этом говорилось и о цыганах, которых можно использовать для опытов с морской водой. Я не знаю подробностей относительно того, как ставились эти опыты. Тогда только поступил приказ о том, чтобы поставить химические и физиологические опыты, а для этих опытов нужно было предоставить на три недели две комнаты в энтомологическом институте доктора Мейя, где затем работали врачи из военно-воздушных сил.*

Джонс: *В Дахау был штаб, который занимался этим. Он состоял из начальника, трех медиков-химиков, одной помощницы-женщины и трех унтер-офицеров для экспериментов с морской водой для Гравица, не так ли?*

Зиверс: *Да, это все вполне возможно, ибо этот штаб подчинялся Гравицу и его распоряжениям, о выполнении которых я ничего не знал. Мы просто предоставили им помещение, а в остальном распоряжался Гравиц.*

Джонс: *Теперь я хочу, чтобы Вы вернулись к своему дневнику, запись от 14 апреля: «Политический отдел. О побеге Пахолегга». Этот заключенный Пахолегг бежал. Не так ли?*

Зиверс: *Да, он, во всяком случае, исчез.*

Джонс: *Зачем Вы обратились в политический отдел по этому поводу?*

Зиверс: *Потому что под конец я был вместе с Рашером и Пахолеггом в Форальберге, и меня упрекнули в том, что я якобы способствовал побегу. Речь идет об этой истории с арестом, когда...*

Джонс (перебивая): *Вы, должно быть, очень беспокоились, когда бежал Пахолегг, так как он знал очень много подробностей о Вашей работе, не так ли? Вы, должно быть, очень хотели, чтобы его поймали?*

Зиверс: *Я лично был очень обеспокоен, потому что нетрудно вообще представить себе, что произошло бы со мной, если бы было доказано, что я, как утверждали некоторые, способствовал его побегу, ибо Пахолегг был посвящен во многое.*

Джонс: *Если Вы посмотрите на запись от 23 мая, Вы увидите, что у Вас была конференция с имперским врачом Гравицом, с Поппендиком и Плетнером. Затем у Вас было «разделение работы с доктором Шиллингом». Затем, во второй половине дня, у Вас было двухчасовое совещание с*

Плетнером. Это было в отношении экспериментов по превращению морской воды в питьевую, не так ли?

Зиверс: *Нет. Речь шла о том, чтобы Плетнер совсем отошел от Шиллинга. Он подал резкую жалобу о методах работы Шиллинга и заявил, что не хочет больше с ним работать. Он был прикомандирован туда как врач, состоявший в войсках СС.*

Джонс: *У Вас самого, по-моему, должны были быть тогда угрызения совести в связи с использованием заключенных, так как Ваше собственное положение было весьма щекотливым.*

Зиверс: *Я тогда не впервые вступил в конфликт со своей совестью. Я почувствовал угрызения совести гораздо раньше и поэтому, вследствие предъявленных сейчас документов и выдвинутых при этом против меня лично обвинений, я вынужден просить Трибунал разрешить мне сделать личное признание, дать принципиальное объяснение.*

Председатель: *Трибунал считает, что Вы можете говорить в этом отношении все, что хотите.*

Джонс: *Я бы хотел заявить, милорд, что у меня есть другие вопросы, которые я хочу задать этому свидетелю*

Председатель: *Вы можете сначала задать ему эти вопросы.*

Джонс: *Если он хочет оставить свое заявление на конец допроса, он может так поступить, но мне было бы удобнее, чтобы он сейчас сделал свое признание. Я предоставляю Суду решить этот вопрос.*

Председатель: *Пусть он сделает заявление сейчас, в таком случае.*

Джонс: *Хорошо, милорд. (К свидетелю) Тогда, свидетель, Вы сейчас сделаете свое признание Трибуналу?*

Зиверс: *На Комиссии 27 июня в Нюрнберге я должен был, отвечая на вопросы, давать показания, относящиеся к делу. Так как меня неоднократно просили в своих высказываниях быть очень кратким, я ограничился только самым существенным и при этом не говорил о себе лично и о своем отношении к данным вопросам. Как я теперь вижу, это привело к тому, что достоверность моих показаний подвергается сомнению и мне инкриминируется, что я сам участвовал в проведении этой исследовательской работы и что поэтому я, якобы, не хотел говорить правды. Поэтому теперь, после того как выяснено положение вещей, я хочу лично оправдаться.*

Я вступил как в партию, так и в СС только как видный член тайной организации движения Сопротивления, получил от нее задание. Именно определенный пост в «Аненэрбе» предоставлял нам возможность вести подпольную работу против нацистской системы.

Джонс: *Свидетель, когда Вы сказали «движение Сопротивления», я не совсем Вас понял. В каком «движении Сопротивления» Вы участвовали?*

Зиверс: *Я имел в виду тайную организацию, возглавлявшуюся доктором Хильшером, который был арестован в связи с событиями 20 июля, задержан гестапо и просидел в тюрьме продолжительный срок. Я поэтому неоднократно протестовал против этих экспериментов, что привело к*

тому, что Гиммлер издал распоряжение, ставшее известным из документов также и здесь. Согласно этому распоряжению, сопротивление, оказываемое проведению этих опытов, рассматривалось как измена родине, а это означало смертную казнь. Между прочим, он заявил мне, что никто не требует от меня проведения этих опытов, за которые он один несет ответственность, что, кстати сказать, такие опыты над людьми, как я и сам впоследствии читал, ставились в медицине неоднократно и что их нельзя избежать. Об этом свидетельствуют ставшие известными опыты над людьми, проводившиеся в 1900 году Дитом и позже Гольдбергером в Америке. Несмотря на это мои угрызения совести...

Джонс (перебивая): *Я не знаю, милорд, желает ли Трибунал заслушивать далее этот материал. Мне кажется, что это скорее попытка уйти от признания, чем признание, а у меня есть много вопросов, которые я хочу задать этому свидетелю.*

Зиверс: *Я сейчас собираюсь сделать признание.*

Председатель: *Господин Джонс, Трибунал считает, что Вам лучше было бы продолжать Ваш перекрестный допрос, если свидетель желает что-нибудь добавить, он это сделает в конце.*

Джонс: *Теперь посмотрите опять на Ваш дневник. 27 июня у Вас было совещание с доктором Брандтом и гауптштурмфюрером СС Бергом по поводу «создания научно-исследовательской лаборатории в концентрационном лагере». Отчет о совещании с обергруппенфюрером СС Полем (15 января) имел место 27 июня 1944 г. Вы знаете об этом. 25 июля у Вас было совещание со штабсфюрером СС доктором Маурером из Ораниенбурга об «использовании заключенных для научных целей». 26 июля: «Обсуждение вопроса с гауптштурмфюрером СС доктором Фишером. Распоряжение: посетить как можно скорее все лагеря и закончить отбор заключенных со ссылкой на переговоры со штабсфюрером СС Маурером от 25 июня 1944 г.».*

21 октября у Вас опять были переговоры на тему: «Продолжение исследований доктором Хиртом, штурмбаннфюрером СС. В связи с этим пересмотрено освобождение от должности штабного хирурга доктора Виммера и подготовлено назначение химика оберштурмфюрера СС Мартинека».

23 октября у Вас было совещание с Попендиком. В этот день Вы записали в своем дневнике: «Биологические исследования будет производить теперь гауптштурмфюрер СС доктор Плетнер в Дахау». Свидетель, помните ли Вы Ваши эксперименты по ускорению свертываемости крови?

Зиверс: *Я не принимал участия в таких экспериментах потому, что я не являюсь исследователем. Но я очень хорошо припоминаю эти опыты. Доктор Плетнер, как я уже отметил, отказался проводить опыты над людьми. Это было испытанием средства, способствовавшего свертыванию крови...*

Джонс: *Извините, что я должен перебить Вас, но я хотел бы, чтобы Вы сказали, что Вы лично знали об этих экспериментах, и о том, в какой форме они проводились?*

Зиверс: *Испытание средства по светыванию крови проводилось в университетских клиниках в городе Инсбруке под руководством профессора Брейтнера, а в венской университетской клинике под руководством профессора Денка.*

Джонс: *Происходило следующее: заключенным концлагерей наносили пулевые ранения и производили эксперименты по остановке кровотечения из этих ран. Такова была форма экспериментов. Не так ли?*

Зиверс: *Эти эксперименты проводил Рашер, а не доктор Плетнер. О них стало известно только после того, как Рашер был арестован.*

Джонс: *Меня не интересует, кто проводил эксперименты. Вы знаете о том, какую форму носили эти эксперименты, и Вы знаете, что она заключалась в том, что в заключенных стреляли, наносили им пулевые ранения, после чего делались попытки остановить кровотечение. Это правда?*

Зиверс: *Да, но ведь это выяснилось только после того, как Рашер был арестован. До того он утверждал, что эти эксперименты проводились в больнице в Швабинге в числе прочих экспериментов.*

Джонс: *Посмотрите на страницу 8 английской книги документов. Это документ ВБ-583, письменное показание под присягой Освальда Поля, начальника главного административно-хозяйственного управления. Я хочу, чтобы Вы обратили внимание на четвертый абзац, 11-я страница, абзац 4 в немецкой книге документов, в котором он дает некоторые сведения о Вас. Я зачитаю только часть этого абзаца: «Зиверс (Общество по изучению наследственности). Об этом я услышал впервые, когда ко мне в Берлин приехал Зиверс, когда опыты, кажется, были завершены. Он прибыл ко мне с той целью, чтобы узнать от меня о возможности изготовления нового медикамента. Я назвал ему немецкую медицинскую компанию в Праге, которая принадлежала немецким хозяйственным предприятиям, находившимся в ведении оберфюрера Байера из моего штаба. К нему я и направил Зиверса. Это средство производилось впоследствии в Шлахтерсе (Шварцвальд). Зиверс рассказал мне следующее: «Аненэрбе», руководителем которого был Зиверс, создало по поручению Гиммлера, новое лекарство, которое способствовало быстрому свертыванию крови. Оно было очень важно для армии, так как оно спасало от смерти в результате потери крови. Это средство было изобретено в результате экспериментов, проводившихся в Дахау, при которых заключенному наносились огнестрельные раны. Один из заключенных, специалист в этой области, сыграл важную роль в открытии этого медицинского средства». Это действительные факты, не правда ли?*

Зиверс: *Да, но этот отчет не является исчерпывающим. Когда это совещание состоялось, Рашер уже давно был арестован, и тогда выяснилось, что Рашер сам занимался этими опытами. Но я Полю очень подробно рассказал об этих опытах, представив экспертные заключения профессоров Брейтнера и Денка из Вены, потому что речь шла о производстве медицинского средства, исследование которого было завершено доктором Плетнером. Если основываться только на том, что записано в этом документе, может возникнуть ложное представление.*

Джонс: *Свидетель, Рашер умер, и на него теперь удобно сваливать все. Не правда ли?*

Зиверс: *Но ведь здесь речь идет о том, чтобы выяснить имевшие место факты. Я поэтому могу говорить лишь только о том, что соответствует действительности, и о чем я точно знаю.*

Джонс: *Имели ли Вы какое-либо отношение к экспериментам по вопросу о причинах возникновения заразной желтухи?*

Зиверс: *Нет, мне неизвестны такие эксперименты.*

Джонс: *Посмотрите на документ 010, 4-я страница английской книги документов. Это документ ВБ-584 —письмо, как Вы видите, от Гравица Гиммлеру, датированное 1 июня 1943 года, оно озаглавлено: «Совершенно секретно. Тема: Исследование причин возникновения заразной желтухи».*

Председатель: *Чья там подпись?*

Джонс: *Это подпись Гравица, не правда ли, имперского врача СС и полиции?*

Зиверс: *Да, так точно.*

Джонс: *«Рейхсфюрер! Генеральный комиссар фюрера бригадефюрер СС профессор доктор Брандт...». Ведь он был имперским комиссаром здравоохранения, не так ли?*

Зиверс: *Так точно.*

Джонс: *«Генеральный комиссар фюрера обратился ко мне с просьбой оказать ему помощь и предоставить в его распоряжение заключенных для исследовательской работы по вопросу причин возникновения заразной желтухи, которая продвигалась у него очень успешно. До сего времени работа выполнялась штабным доктором Доменом в рамках исследовательской лаборатории санитарной инспекции армии, при участии института Роберта Коха. Эта работа привела пока к результатам, с которыми соглашаются и другие немецкие научные работники, что заразная желтуха распространяется не бактерией, а вирусом. Для дальнейших исследований, которые до сих пор основывались только на прививке вакцины от людей к животным, необходимо использовать обратный путь, а именно, делать прививку вакцины культивированного вируса людям. Будут возможны при этом смертельные случаи. Терапевтические и прежде всего профилактические результаты, естественно, в большой степени зависят от этого последнего шага в экспериментах. Необходимо будет использовать для этого 8 заключенных, приговоренных к смертной казни, достаточно молодых, из госпиталя для заключенных концлагеря За-*

ксенхаузен. Я с почтением ожидаю Вашего решения, рейхсфюрер, о том: 1) могу ли я начать эксперименты в указанной форме; 2) могут ли эти эксперименты производиться в госпитале для заключенных в Заксенхаузене лично штабным врачом Доменом? Хотя господин Домен не является членом СС (он является фюрером в СА и членом партии), я в порядке исключения предложил бы его кандидатуру, так как это обеспечит беспрерывное продолжение серии экспериментов, а следовательно, и точность их результатов. Практическая важность этого вопроса для наших действующих войск, особенно в Южной России, видна из того факта, что эта болезнь была очень широко распространена за последние годы как среди наших войск СС и полиции, так и в армии, причем до такой степени, что за 6 недель численность рот сокращалась на 60%».

Затем следуют новые комментарии об этой болезни и подпись Гравица. Гравиц являлся вице-президентом германского Красного Креста, не так ли?

Зиверс: *Да.*

Джонс: *Теперь я хочу посмотреть на документ 011, на странице 5 английской книги документов, ВБ-585. Это — ответ Гиммлера на письмо Гравица. Датировано 16 июня 1943 года. «Тема: Исследование причин возникновения заразной желтухи». Гиммлер пишет:*

«Я даю разрешение на использование 8 преступников, приговоренных к смерти в Освенциме (8 евреев из польского движения Сопротивления, приговоренных к смерти) для проведения экспериментов.

Я согласен с тем, чтобы эти эксперименты производил доктор Домен в Заксенхаузене.

Так же, как и Вы, я считаю, что действенные методы борьбы с заразной желтухой имеют неоценимое значение».

И затем следует подпись Гиммлера, с примечанием внизу: «Обергруппенфюрер СС Поль, Берлин. Послана копия с указанием принять к сведению».

Эти опыты над причиной возникновения заразной желтухи производились для войск СС и для армии, не так ли?

Зиверс: *Я сегодня впервые слышу об этом. Мне вообще ничего не известно и я не понимаю, какое отношение я имею ко всему этому.*

Джонс: *Теперь я хотел бы, чтобы Вы рассказали об экспериментах над созданием сыворотки против сыпного тифа. Возможно, Вы более близко знакомы с характером этих экспериментов? Знаете ли Вы что-нибудь о них? Возможно, имя профессора Хагена поможет Вам в этом отношении?*

Зиверс: *Да, так точно, профессор Хаген делал прививки против сыпного тифа в Натцвайлере по заданию, полученному от лагеря, потому что там вспыхнула эпидемия тифа.*

Джонс: *Кто послал Хагена на эту работу?*

Зиверс: *На него вовсе не нужно было возлагать этой задачи, потому что он ведь занимался вопросами гигиены при Страсбургском университете.*

Джонс: *Я Вас спросил, кто послал его на эту работу, а не то, в какой мере он был квалифицирован для нее.*

Зиверс: *Насколько я припоминаю, эта работа проводилась Хагеном по поручению санитарной инспекции вооруженных сил и ВВС.*

Джонс: *Он был уполномочен Герингом, не так ли?*

Зиверс: *Я не знаю, кто уполномочил его от военно-воздушных сил.*

Джонс: *Посмотрите, пожалуйста, на свое собственное письмо на эту тему, 008. Это первый документ английской книги документов, ВБ-586. Оно озаглавлено: «Институт практических научных исследований для военных целей». Письмо датировано 19 мая 1944 года. Это было после того, как Рашера убрали со сцены. Оно адресовано: «Обергруппенфюреру и генералу войск СС Полю, начальнику главного административно-хозяйственного управления СС, Берлин. Тема: Производство нового вида сыворотки против сыпного тифа».*

«Дорогой обергруппенфюрер! В ответ на наше ходатайство от 30 сентября 1943 года, 25-го октября 1943 года Вы дали разрешение на производство экспериментов по изготовлению нового вида сыворотки против сыпного тифа и с этой целью перевели 100 подходящих заключенных в Натцвайлер. Оказалось возможным весьма успешно выполнять эти эксперименты, до сего времени, с помощью начальника отдела Д-III, штандартенфюрера СС Доллинга, уполномоченного на это Вами». Затем следуют несколько предложений относительно медицинских и научных перспектив. Несколькими строчками ниже говорится:

«...Поэтому я прошу Вас еще раз прислать для этой цели в Натцвайлер людей для проведения над ними опытов. Для получения, по возможности, наиболее точных и ценных в статистическом отношении результатов, для экспериментов по прививке должны быть предоставлены в наше распоряжение на этот раз 200 человек, причем и на этот раз также необходимо, чтобы они были по мере возможности в таком же физическом состоянии, которое установлено для солдат вооруженных сил. Если по каким-либо исключительным причинам эти 200 человек нельзя будет перевести в Натцвайлер для экспериментов, то эксперименты можно будет производить в другом концлагере, хотя это будет связано с большими трудностями.

С преодолением этих трудностей, если необходимо, придется мириться научным работникам, используемым нами, хотя последние весьма связаны в то же время со Страсбургским университетом, где они читают лекции, так как те результаты, которые, несомненно, будут достигнуты, имеют решающее значение для сохранения здоровья наших солдат.

Как я уже поставил Вас в известность, руководство проведением этих экспериментов осуществляет директор института гигиены Страсбургского имперского университета, профессор доктор Хаген, майор медицинской службы и консультант по вопросам гигиены при военно-воздушных

силах, который был уполномочен выполнять эту работу рейхсмаршалом, председатель имперского научно-исследовательского совета. Согласно данным ему инструкциям, доктор Хаген должен докладывать о своей работе начальнику медицинской службы военно-воздушных сил, делая это, он должен докладывать, с чьей помощью осуществляется работа. Это, во-первых, имперский научно-исследовательский совет, и во-вторых, СС. Я прошу Вашего решения о том, которая из следующих организаций должна быть упомянута, как шефствующая организация от СС в этой работе:

а) рейхсфюрер СС, или

б) главное административно-хозяйственное управление СС, или

в) институт практических научных исследований для военных целей войск СС».

Вы все еще утверждаете, что Геринг не уполномочивал на это Хагена?

Зиверс: *Да. Я это все еще утверждаю. Там ведь указано «председатель имперского совета по научно-исследовательским вопросам». Это еще отнюдь не доказывает, что господин Геринг знал об отдельных заданиях, из которых десятки тысяч давались от его имени и на его бланках. Ответственными за такие дела были отдельные уполномоченные, а также соответствующие специальные инстанции. Из этого документа явствует, что к данному делу имел отношение начальник санитарной службы военно-воздушных сил.*

Джонс: *Трибунал имеет этот документ перед собой и поэтому я не буду с Вами спорить о нем.*

Председатель: *Кто подписал письмо?*

Джонс: *Письмо подписано Вами? Не так ли?*

Зиверс: *Так точно.*

Джонс: *Вы назвали Геринга особым образом, по имени, а не просто председателем имперского исследовательского совета. Посмотрите на документ 009, который относится к Вашему письму. Это будет документ ВБ-587, 3-я страница английской книги документов. Вопрос в нем идет о том, кому предоставляется честь руководить этими экспериментами. Это письмо адресовано: «Рейхсфюреру СС, личный штаб». Чья подпись стоит в конце письма?*

Зиверс: *Личного референта рейхсфюрера, доктора Брандта.*

Джонс: *Документ датирован 6 июня 1944 года. «Тема: производство нового вида сыворотки против сыпного тифа. Дорогой друг, Зиверс! Большое Вам спасибо за то, что Вы прислали мне копию Вашего письма от 19 мая 1944 года обергруппенфюреру Полю. Я поставил в известность рейхсфюрера СС, так как вопрос показался мне довольно важным. По вопросу о том, какая организация будет шефствующей со стороны СС, рейхсфюрер заявил, что это шефство будут осуществлять как главное административно-хозяйственное управление СС, так и институт практических научных исследований для военных целей войск СС. В добавление ко всему можно сказать, что рейхсфюрер СС*

также лично шефствовал над этими экспериментами». Далее: какое Вы имели отношение к экспериментам по стерилизации? Свидетель, я только напомню Вам, что их было три вида: первый, опыты с соком растения caladium seguinum, опыты стерилизации рентгеновскими лучами и, наконец, эксперименты стерилизации с помощью операций.

Зиверс: Нет, об этом я не помню, эти опыты мне неизвестны.

Джонс: А Вы знаете, кто производил эти эксперименты?

Зиверс: Нет, этого я не знаю.

Джонс: Посмотрите на документ 035, ВБ-588, 7-я страница английской книги документов, милорд. Страница 8 немецкой книги документов. Это письмо имперскому комиссару по укреплению германской расы — рейхсфюреру СС Гиммлеру, начальнику полиции. Это тоже было одним из управлений СС, которое было заинтересовано в этих медицинских экспериментах, не так ли? Вы слышали мой вопрос, свидетель?

Зиверс: Да, но здесь совершенно неправильное обозначение. Тут должно быть сказано: «Рейхскомиссар по вопросам консолидации германского народа», а не имперский уполномоченный.

Джонс: Я Вас спросил, было ли это одним из управлений СС, которое было связано с этими экспериментами?

Зиверс: Нет, оно не имело к этому никакого отношения.

Джонс: В таком случае я зачитаю это письмо. На нем сверху имеются инициалы Гиммлера: «Г.Г.». Вы хорошо знакомы с ними?

Зиверс: Да.

Джонс: Письмо гласит: «Прошу Вас обратить внимание на следующие заявления. Я просил господина профессора Гена передать Вам письмо и, таким образом, выбрал прямой путь к Вам для того, чтобы избежать официальные каналы и исключить возможность постороннего вмешательства в связи с огромной важностью, при определенных обстоятельствах предлагаемой идеи. Вдохновляемый мыслью о том, что враг должен быть не только побежден, но и уничтожен, я считаю своим долгом сообщить Вам, как имперскому комиссару по укреплению германской расы, следующее: доктор Мадаус публикует результаты своих исследований по стерилизации с помощью медикаментов (я прилагаю обе работы). Читая эту статью, я был поражен огромной важностью этого медикамента в теперешней борьбе нашего народа. Если бы удалось на основе этих исследований найти как можно скорей медикамент, который через сравнительно короткий промежуток времени приводил бы к незаметной стерилизации людей, то в нашем распоряжении оказалось бы новое, очень эффективное оружие. Одна мысль о том, что 3 миллиона большевиков, находящихся сейчас в немецком плену, могли бы быть стерилизованы, в результате чего их можно было бы использовать как рабочую силу, но они не смогли бы размножаться, открывает перед нами широчайшие перспективы. Мадаус открыл, что сок (caladium seguinum), принятый внутрь или впрыснутый в организм, через опреде-

ленное время, в особенности у самцов животных, но также и у самок, вызывает продолжительную стерилизацию. Иллюстрации, которые даются в этом научном труде, убедительны. В том случае, если высказанная мною мысль будет одобрена Вами, можно будет пойти по следующему пути:

1. Доктор Мадаус не должен более опубликовывать труды подобного рода (враг также прислушивается).

2. Выращивание этого растения (легко выращивается в оранжереях).

3. Немедленные эксперименты над людьми (преступниками) для того, чтобы установить дозу и продолжительность ее приема.

4. Быстрейшее выведение формулы состава действующего химического медикамента...

5. Начать, в меру возможности, синтетический способ его производства.

Я лично, как немецкий врач и старший врач германских вооруженных сил в отставке, обязуюсь хранить полное молчание о цели применения упомянутого мною в этом письме. Хайль Гитлер! Подпись: доктор А. Комотау, специалист по кожным и венерическим болезням, доктор медицины».

Знаете ли Вы, что за этим последовало строительство теплиц и эти растения стали выращивать?

Зиверс: *Этого я не знаю. В этой связи я припоминаю только то, что этот опубликованный труд доктора Мадауса был переслан на отзыв без указания на странное предложение доктора Комотау для ознакомления и для того, чтобы доктор фон Вюнцельбург, который являлся большим знатоком тропических растений, высказал свое мнение. Он сейчас же заявил нам, что такого растения здесь вырастить нельзя и что его вообще нет в нашем распоряжении.*

Джонс: *Я понимаю, как трудно было выращивать эти тропические растения в Германии. Но была сделана попытка выращивать их, не так ли?*

Зиверс: *Я не знаю, была ли сделана эта попытка.*

Джонс: *Гравиц, главный хирург СС, осуществлял надзор за опытами по стерилизации?*

Зиверс: *Это мне также неизвестно. Вполне возможно.*

Джонс: *Кроме этих экспериментов, которые я особо упомянул, «Аненэрбе» также использовалась для политических целей, не правда ли?*

Зиверс: *Что Вы понимаете в этой связи под политическими целями?*

Джонс: *Ну например, деятельность пятой колонны за границей. Влияние на научную мысль за границей как мера политического воздействия.*

Зиверс: *Нет.*

Джонс: *Посмотрите на документ ПС-1698. В нем сказано: « Общество по изучению наследственности, германская научная миссия, филиал Фландрия, оберштурмфюрер СС доктор Августин. Годовой отчет. Цель работы—оказать влияние на широкие слои интеллигенции во Фландрии и Валлонии. Следуя германской линии, которая представлена*

только в лице СС, необходимо: 1. Прорвать фронт либерально-гуманистического просвещения путем привлечения на свою сторону лиц, занимающих ключевые позиции в интеллектуальной жизни страны. 2. Выступить против великогерманского мифа с идеей создания великогерманского имперского сообщества. 3. Содействовать возрождению германского культурного и национального самосознания с помощью весьма эффективных, замаскированных под нейтральные, средств политической пропаганды в науке, перед лицом французских притязаний на культуру и фламандского комплекса неполноценности».

Затем в следующем абзаце говорится:

«На тот слой интеллигенции, на который не распространялась официальная пропаганда, следует оказывать влияние. Речь идет об университетах, высших учебных заведениях, о политике в науке, о помощи студентам, о назначении стипендий, то есть об отборе контингента студентов и оказании помощи одаренным студентам, которых следует вовлечь в нашу работу. Нашей задачей является завоевание на свою сторону тех лиц, которые занимают ключевые позиции (профессора институтов, объединения юристов, работники органов просвещения, студенты, деятели искусств)».

Скажите, свидетель, «Аненэрбе» являлось составной частью СС, не так ли?

Зиверс: *Отвечая на этот вопрос, следует заявить, что «Германская научная миссия» входила в ведение главного управления СС, что доктор Августин был направлен на работу в качестве научного работника, что было продолжением ранее проводившейся работы.*

Джонс: *Я Вас спрашиваю вообще относительно «Аненэрбе». Являлось ли это общество частью СС? Посмотрите на документ ПС-488. Это приказ Гиммлера о создании научно-исследовательского общества «Аненэрбе» и «Аненэрбештифтунг» (фонд общества). В нем написано: «Я, нижеподписавшийся рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, подтверждаю здесь, что научно-исследовательское общество «Аненэрбе» и «Аненэрбештифтунг» являются составными частями моего личного штаба и, следовательно, отделами СС».*

Денежные ресурсы для научных исследований поступали из фондов войск СС, да?

Зиверс: *Я уже указывал на эти два момента в Комитете уполномоченных. Во-первых, «Аненэрбе» в 1942 году было включено в личный штаб рейхсфюрера СС.*

Я заявил, что структура общества после этого не подверглась изменению. Я заявил, что финансирование общества осуществлялось по следующим каналам: германское общество научных исследований, членские взносы, предоставление средств от рейха. Средства от войск СС и от вооруженных сил предоставлялись в распоряжение института только по военным научно-исследовательским вопросам.

Джонс: *Члены «Аненэрбе», которые производили эти эксперименты, все были членами СС, не так ли? Я хочу,*

чтобы Вы посмотрели и на документ Д-962. Вы видите имена оберфюрера доктора Вальтера Вуста и профессора Ганса Брандта. Из всего этого списка видно, что все члены «Аненэрбе» являются офицерами СС, за одним исключением. Не так ли?

Зиверс: *Да. Но лишь только с той разницей, что из этого документа не видно, для какой цели был составлен данный список. В этом списке перечислены лишь фюреры СС, состоявшие в «Аненэрбе» с ссылкой на их семейное положение (жена, дети). Я уже говорил, что половина членов общества «Аненэрбе» принадлежала к СС, а половина — нет.*

Джонс: *В этом списке имеется, примерно, 100 имен профессоров и немецких докторов, которые участвовали в Вашей работе? За исключением одного, не правда ли?*

Зиверс: *Вовсе не все перечисленные лица являются научными работниками. В этом списке упомянут весь персонал, включая и шоферов. Я могу высказаться по этому поводу только в том случае, если я подробно ознакомлюсь с этим списком.*

Джонс: *Я не хочу, чтобы Вы говорили обо всем списке, но во всяком случае видно, что они все члены СС, не правда ли? И их всех использовали на работе в «Аненэрбе»?*

Зиверс: *Нет, именно не все были сотрудниками, среди них имеются и внештатные сотрудники этого общества, которые занимались выполнением отдельных научных заданий.*

Джонс: *У меня нет больше вопросов, милорд.*

Из допроса свидетеля В. ДЮПОНА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 28 января 1946 г.

Председатель: *Ваша фамилия?*

Свидетель: *Дюпон Виктор.*

Председатель: *Повторите за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Дюбост: *Вы родились 12 декабря 1909 г.?*

Дюпон: *Да.*

Дюбост: *В Шарме, в Вогезах?*

Дюпон: *Да.*

Дюбост: *По национальности Вы француз, родители у Вас французы?*

Дюпон: *Да.*

[1] IMT, vol. 6, p. 242—262.

Дюбост: *Вы имеете почетные награды?*

Дюпон: *Я награжден орденом Почетного легиона, имею две военных награды и награжден медалью движения Сопротивления.*

Дюбост: *Вы были заключены в лагерь Бухенвальд?*

Дюпон: *Я был заключен в Бухенвальд 24 января 1944 года.*

Дюбост: *Вы пробыли там ...*

Дюпон: *Я пробыл там 15 месяцев.*

Дюбост: *До 20 мая 1945 года?*

Дюпон: *Нет, до 20 апреля 1945 года.*

Дюбост: *Дайте, пожалуйста, показания относительно режима в концентрационном лагере, в котором Вы были заключены, а также скажите о тех целях, которые преследовались лицами, установившими этот режим.*

Дюпон: *Когда я приехал в Бухенвальд, я скоро убедился в том, как тяжелы были условия жизни в нем. Основой режима, которому подвергались заключенные, не являлась справедливость. Все подчинялось принципу чистки. Я сейчас поясню свою мысль. Мы, находившиеся в Бухенвальде,— я говорю о французах, которые почти все были вместе,—не были осуждены никакими трибуналами.*

В 1942, 1943, 1944 и 1945 годах были очень редки случаи осуждения судебными органами. Большинство из нас было допрошено и после этого высланы в лагерь. У других в ходе допросов была установлена их невиновность и все же их сослали в лагерь. Третьи совсем не были допрошены.

Я приведу три примера: 11 ноября 1943 года были арестованы сотни людей в Гренобле во время демонстрации по поводу дня перемирия. Их привезли в Бухенвальд, где многие из них умерли. То же самое произошло в местечке Вершени, в Дроме, в октябре 1943 года. Я также видел этих людей в Бухенвальде. Наконец, это же произошло в Сенклоде в апреле 1944 года. Я увидел этих товарищей, которых привезли в августе 1944 года.

Таким образом, в Бухенвальде были собраны люди, подпавшие под действие законов военного времени, но одновременно там находились и многие другие, из которых часть, бесспорно, была совершенно невиновна. Их невиновность зачастую была уже установлена при допросах, другие совсем не были допрошены. И, наконец, там были политические заключенные. Они были сосланы за принадлежность к партиям, которые преследовались во Франции. Это не значит, что допросы здесь были лишь шуткой. Я вызывался на такие допросы и видел, как других допрашивали. Как Вам известно, они велись особенно бесчеловечными методами.

Я назову вам некоторые из этих методов: все виды побоев, опускание в ванну с холодной водой, зажимание в различные тиски, подвешивание и различные другие истязания—всему этому подвергались заключенные. Я сам видел, как истязали женщину на глазах у ее мужа. Я видел детей, которых мучили в присутствии матерей. Я могу назвать даже одно из имен—Франсис Горэ, живший раньше в Париже, рю де Бургонь. Его истязали в присутствии

его матери. Для всех, кто попадал в лагеря, условия были одинаковы.

Дюбост: Вы говорили о расовой чистке как о социальной политике. Что служило критерием?

Дюпон: В Бухенвальде в одних и тех же условиях были собраны различные элементы: так называемые, политические; те, кто были заключены по расовым признакам, главным образом евреи и цыгане; а также асоциальные элементы—уголовные преступники всех национальностей—немцы, чехи, французы, и т. д. Жили все вместе и режим для всех был одинаков.

Хотя слово «чистка» не обязательно подразумевает истребление, в данном случае она осуществлялась путем истребления, о чем я уже говорил.

Зачастую это было предрешено заранее. Я вам сейчас приведу примеры. В 1944 году прибыл в Бухенвальд транспорт с цыганскими детьми. Их было там несколько сотен. Какой административный расчет привел к этому — мы так и не узнали. Их собирали зимой 1944 года и собирались отправить в Освенцим для умерщвления в газовых камерах.

Одним из самых трагических впечатлений, пережитых мною за время моего заключения, являлось зрелище этих детей, отлично понимавших, что их ожидало, кричавших и плакавших, когда их заталкивали в вагоны. В тот же день они были отправлены в Освенцим.

В других случаях уничтожение производилось постепенно и начиналось с момента прибытия заключенных. Например; 24 января из Компьена выехал эшелон французов и 26-го прибыл в Бухенвальд. В вагоне, где находилось 100 человек и которых я лично видел, было 12 мертвецов и 8 сошедших с ума.

За время моего заключения я много раз видел прибытие новых транспортов. В основном каждый раз картина была одна и та же, только количество умерших бывало различно. Таким образом, к моменту прибытия заключенных в Бухенвальд начиналось их постепенное уничтожение. Далее они проходили карантин. Часами приходилось бывать на холоде во время перекличек. Наиболее слабые умирали. После этого начиналось уничтожение заключенных путем непосильной работы. Многие отбирались и направлялись в такие команды, как Дора, С-3 и Лора.

Я наблюдал, что каждый месяц новые контингенты заключенных направлялись для пополнения в эти команды, а в Бухенвальд возвращались грузовики с мертвецами. Мне пришлось присутствовать при вскрытии этих трупов. Вскрытия показывали всегда признаки крайнего истощения, а у тех, кто продержались два-три месяца, часто обнаруживались признаки последней стадии туберкулеза.

В самом Бухенвальде нужно было работать и, как и повсюду, это было единственным шансом остаться в живых. Отбор заключенных для уничтожения осуществлялся в лагере Бухенвальд главным врачом Шидловским. Этот отбор...

Дюбост: *Простите, я должен Вас перебить. Скажите, какой национальности был этот главный врач?*

Дюпон: *Это был немецкий врач СС.*

Дюбост: *Вы в этом вполне уверены?*

Дюпон: *Вполне уверен.*

Дюбост: *Вы свидетельствуете как очевидец?*

Дюпон: *Да.*

Дюбост: *Продолжайте, пожалуйста.*

Дюпон: *Отбор производился Шидловским, который отбирал инвалидов и больных. До января 1945 года они пересылались в Освенцим, а затем в Берген-Бельзен, откуда ни один человек больше не возвратился.*

Я знаю один случай с рабочей командой евреев, которые были отосланы в Освенцим, где они пробыли несколько месяцев. По возвращении они были совершенно нетрудоспособны, их еще раз отобрали и вновь отправили в Освенцим. Я был очевидцем этих фактов. Я присутствовал при их отборе и отправке.

Позже в Бухенвальде казни проводились в самом лагере. Они начались, насколько я знаю, с сентября 1944 года. В маленьком зале, в седьмой комнате, люди умерщвлялись путем уколов в область сердца. Пропускаемость была слабая, не больше нескольких десятков человек в день.

Приходили новые транспорты, увеличивалось количество обессилевших людей. Нужно было ускорить уничтожение. Сначала стали производить отбор непосредственно в момент прибытия транспорта. Затем, с января 1945 года, отбор стали производить в специальном бараке, 61-м. К этому времени в этом бараке были собраны все те люди, которых мы за их внешний вид называли «мусульманами», так как они всегда были закутаны в одеяла. Они не могли выполнять никакой работы и неизбежно должны были попасть в барак 61. Количество погибавших в 61-м бараке колебалось от 10 минимум до 200 человек в день. Для умерщвления производилось вспрыскивание фенола в область сердца, причем это делалось самым жестоким образом. Трупы перевозились на ручных тележках в крематорий, обычно в часы поверки или ночью.

Наконец, за последнее время заключенные уничтожались целыми транспортами, которые вывозились из Бухенвальда, особенно по мере приближения союзных армий.

Я приведу пример. В конце марта 1945 года в Бухенвальд прибыли заключенные, работавшие в команде С-3. Они были совершенно обессилены и не могли работать. Они первые и были предназначены к дальнейшей отправке через два дня после их прибытия. В конце территории лагеря находилась площадка, откуда они должны были отправляться. Она находилась на расстоянии 500 метров от места поверки, где они должны были собраться перед отъездом. Чтобы дать представление о том, насколько эти люди были слабы, я скажу только, что на протяжении тех 500 метров, которые им надо было пройти, я видел примерно 60 человек, которые упали и больше не поднялись.

Кроме того, многие из этой партии умерли в ближайшие часы или на следующий день.

Вот какие методы систематического уничтожения заключенных я видел своими глазами в лагере Бухенвальд.

Дюбост: А в отношении тех, кто оставался?

Дюпон: О тех, кто оставался после последнего эшелона? Это довольно сложная история.

Мы пережили страшную тревогу за этих людей. 1 апреля, хотя я не могу гарантировать, что называю точную дату,—комендант лагеря Пистер собрал большое количество заключенных и сказал им следующее: «Союзные силы приближаются к самому лагерю Бухенвальд. Я намерен передать союзникам ключи от лагеря. Я не хочу жестокостей. Я хочу, чтобы весь лагерь целиком был им передан».

А в действительности, когда приближение союзных армий немного замедлилось,—по крайней мере, происходило медленнее, чем нам хотелось,—началась эвакуация лагеря. Делегация от нас, заключенных, отправилась к коменданту, чтобы напомнить данное им «слово солдата», как он тогда сказал. Он казался очень смущенным и дал такое объяснение: губернатор Тюрингии Заукель дал приказ, чтобы ни один заключенный не оставался в Бухенвальде, потому что это будет представлять большую опасность для данной провинции.

С другой стороны, мы знали, что все, кто в Бухенвальде стали свидетелями секретов администрации лагеря, должны исчезнуть. За несколько дней до освобождения нас союзниками, 43 наших товарища различных национальностей были вызваны; их хотели ликвидировать. Тогда произошло удивительное явление: лагерь взбунтовался, эти 43 человека были спрятаны и не были выданы администрации. Мы знали, что все те, кто работал в бараке, где производились эксперименты, или в больнице, ни в коем случае не выйдут из лагеря. Вот то, что я мог сказать о последних днях.

Дюбост: Этот офицер, командовавший лагерем, и который, как Вы сказали, дал Вам честное слово солдата, был действительно военным?

Дюпон: По отношению к заключенным он был неумолимым, правда, он в свою очередь получал приказы. О нем можно сказать, что он был солдатом особого рода. Но тот режим, которому подвергались заключенные, не был установлен им самим.

Дюбост: К какому роду войск он принадлежал?

Дюпон: Он принадлежал к дивизии СС «Мертвая голова».

Дюбост: Он был эсэсовцем?

Дюпон: Да, он был эсэсовцем.

Дюбост: Вы сказали, что он выполнял приказы, которые получал?

Дюпон: Да, он, конечно, выполнял приказы, которые получал.

Дюбост: Для чего использовались заключенные?

Дюпон: Заключенные использовались таким образом, что никто не считался с их человеческим достоинством.

Прежде всего, они использовались для различных экспериментов. В Бухенвальде эксперименты производились в бараке 46. Для этих экспериментов люди отбирались путем медицинского осмотра, который производился — во всяком случае я это видел несколько раз — врачом Шидловским, о котором я раньше говорил.

Дюбост: Это был врач?

Дюпон: Да, врач.

Заключенные использовались на самых тяжелых работах: бурение минных галерей в Лора. Они работали на соляных копях, например, команда Манслебен-ам-Зее, производили расчистки после бомбежек. Надо отметить, что для команд, применявшихся на самых тяжелых работах, применялся наиболее жесткий режим охраны. В Бухенвальде заключенные применялись для самых разнообразных работ: на земляных работах, в каменоломнях и на заводах.

Приведу конкретный пример: Бухенвальду были приданы два завода — Густлов и Мюльбах, производившие вооружение, которыми руководил технический, а не военный, персонал. В этом частном случае существовало как бы некое соперничество между эсэсовцами и техническим руководством завода. Техническая дирекция, в интересах повышения производительности труда, защищала заключенных в том смысле, что она получала для них иногда дополнительное питание. Применение труда заключенных было выгодно, так как он ничего не стоил и, с другой стороны, имелась максимальная гарантия того, что секрет предприятия будет сохранен, так как заключенные не общались с внешним миром и утечка информации была невозможна.

Дюбост: Утечка информации военного характера?

Дюпон: Да.

Дюбост: Видно ли было со стороны, что заключенные подвергались плохому обращению и были в очень плохом состоянии?

Дюпон: Это уже другой вопрос, конечно.

Дюбост: Вы ответите на него позднее?

Дюпон: Да. Я упустил одну подробность. Заключенные в некоторой степени использовались даже после их смерти. Пепел из крематория вместе с содержимым выгребных ям служил для удобрения полей по соседству с Бухенвальдом. Я привожу эту деталь потому, что она меня очень поразила в свое время.

Наконец, работа, какова бы она ни была, являлась для заключенных единственным шансом остаться в живых, потому что с того момента, как они ничего не могли делать, — они были обречены.

Дюбост: Скажите, использовали ли заключенных, как «доноров крови», разумеется, не по их собственному желанию?

Дюпон: Я забыл об этом сказать. Заключенные, которые употреблялись на легких работах и производительность труда которых была низкой, использовались как доноры. Представители из армии неоднократно приезжали в лагерь, и я видел два раза, как они брали кровь у заклю-

ченных. Это делалось в помещении, которое называлось СР-2.

Дюбост: *Это, безусловно, делалось по приказу свыше?*

Дюпон: *Я думаю, что иначе это не могло быть.*

Дюбост: *Может быть, по инициативе лагеря?*

Дюпон: *Это происходило не по инициативе лагерной администрации. Приезжавшие военные не имели никакого отношения к лагерю. Я повторяю, те, кого я видел, были представители вооруженных сил, а нас охраняли эсэсовцы, принадлежавшие к дивизии «Мертвая голова».*

Наконец, в самое последнее время заключенных использовали самым необычным способом.

В начале 1945 года в Бухенвальд приехали гестаповцы, забрали все документы умерших для того, чтобы использовать их для других людей, изготовив подложные документы. Один еврей специально занимался ретушированием фотографии и переделкой документов мертвецов для кого-то, кто для нас остался, конечно, неизвестным. Потом этот еврей исчез, и я не знаю, что с ним случилось. Мы его больше не видели.

Но использование этих документов не ограничивалось документами умерших. Несколько сот заключенных французов были вызваны в учреждение, называемое «авиационное управление», и их подвергли подробному допросу для установления их личности, связей, убеждений и биографии.

Затем им было сказано, что они ни в коем случае не должны получать никакой корреспонденции и посылок. Они были вычеркнуты из списков, и всякий контакт с внешним миром для этих заключенных был исключен еще в большей степени, чем для всех остальных. Их дальнейшая судьба нас очень беспокоила. Вскоре после этого мы были освобождены и поэтому я не могу просто сказать, как использовали заключенных, отбирая у них удостоверение для изготовления фальшивых документов.

Дюбост: *Каковы были последствия такой жизни в лагере?*

Дюпон: *Последствия такой жизни для человеческой личности?*

Дюбост: *Для человеческой личности.*

Дюпон: *Результатом такой жизни являлось человеческая деградация, вызванная ужасными условиями жизни, о которых я говорил. Эта деградация происходила систематически. Казалось, что действует какая-то неумолимая воля, преследующая цель низведения всех этих людей до самого низкого уровня.*

Первым методом для осуществления этой деградации служило смешивание. То, что все нации смешивались — было вполне допустимым, но недопустимым было произвольно смешивать различные типы заключенных — политических заключенных; тех, кого я назвал бы военными, так как участники движения Сопротивления были военными; тех, кто был арестован по расовым признакам и обыкновенных уголовных преступников.

Уголовные преступники всех национальностей содержались вместе со своими соотечественниками, и все нации перемешивались вместе, это создавало чрезвычайно тяжелые условия для существования.

Кроме того, люди жили скученно, в антисанитарных условиях, работа была чрезвычайно тяжелой. Здесь я приведу еще несколько примеров, указывающих на такое смешение различных категорий заключенных.

Я видел, как в марте 1944 года умер французский генерал Дюваль. Весь день он был со мною вместе на земляных работах. К вечеру он совершенно обессилел, весь был покрыт грязью и умер через несколько часов после возвращения с работы.

Французский генерал Верно умер в 6-м бараке, куда помещали умирающих. Он умер на соломенном тюфяке, покрытом экскрементами, окруженный другими умирающими.

Я видел, как умер господин Тессан ...

Дюбост: *Можете ли Вы пояснить Трибуналу, кто был господин Тессан?*

Дюпон: *Это бывший французский министр, женатый на американке. Он умер точно так же на соломенной подстилке, покрытой гноем, от болезни, называемой септикопиоэмией.*

Я также был свидетелем смерти графа Липковского, который в течение войны показал себя блестящим военным. Ему были оказаны воинские почести от немецкой армии. Характерная деталь — его пригласил в Париж генерал Роммель, чтобы показать, как он его ценит с военной точки зрения. Зимой 1944 года он умер в лагере.

Еще одно имя — бельгийский министр Жансон, который находился в лагере в таких же условиях, которые я вам обрисовал и о которых вы, несомненно, уже много слышали. Он умер самым жалким образом, он был физически и морально совершенно угнетен и даже частично утратил разум. Я привожу вам наиболее разительные примеры, в частности, говорю о генералах, для которых, как утверждали, были якобы созданы особые условия, чего я не наблюдал.

Наконец, укажу последний способ, каким людей доводили до потери человеческого облика. Заключенных восстанавливали друг против друга.

Дюбост: *Пожалуйста, скажите нам, прежде чем перейти к этой теме, о тех условиях, в которых Вы встретили Вашего бывшего преподавателя, профессора медицины Леона Киндберга?*

Дюпон: *Я был учеником профессора медицины Леона Киндберга, работавшего в госпитале Божон.*

Дюбост: *В Париже?*

Дюпон: *В Париже. Это был человек очень высокой культуры и блестящего интеллекта.*

В январе 1945 года я узнал, что он прибыл из Моновитца и нашел его в бараке 58. В этом бараке, где нормально могло поместиться 300 человек, жило 1200 человек: венгры, поляки, русские, чехи и значительное количество евре-

ев. Они находились в ужасающем состоянии. Я не узнал профессора Леона Киндберга, настолько он был похож на типичных обитателей этих бараков. Уже не заметен был его интеллект и просто трудно было узнать в нем черты человека, которого я раньше знал. Нам удалось добиться его перевода из этого барака, но, к несчастью, его здоровье так пострадало, что он умер вскоре после освобождения.

Дюбост: *Скажите, если Вам известно, какие преступления совершили эти люди?*

Дюпон: *Профессор Леон Киндберг после перемирия поселился в Тулузе, где он занимался лечением легочных заболеваний. Я знаю точно, что он не участвовал ни в какой деятельности, направленной против немецких оккупационных властей. И вдруг однажды немцы узнали, что он еврей, и по этой причине его арестовали и заключили в лагерь. Сначала он был в Освенциме, потом в Моновитце и, наконец, попал в Бухенвальд.*

Дюбост: *Какое преступление совершил генерал Дюваль, который содержался в одном бараке с уголовными преступниками, сутенерами, педерастами и убийцами? Что совершил генерал Верно?*

Дюпон: *Я ничего не знаю о деятельности генерала Дюваля и генерала Верно во время оккупации, но единственно, что я могу утверждать, это то, что они наверняка не были асоциальными элементами.*

Дюбост: *А граф Липковский и господин де Тессан?*

Дюпон: *Граф Липковский и господин де Тессан также не совершили никаких антиобщественных или уголовных поступков.*

Дюбост: *Продолжайте, пожалуйста.*

Дюпон: *Как я уже сказал, для того, чтобы достигнуть наибольшей деградации человеческой личности, заключенных заставляли издеваться над заключенными. Я приведу наиболее показательный пример.*

В Манслебене-ам-Зее, в 70 километрах от Бухенвальда, работала команда АС-6. В ней были заключенные всех национальностей, с преобладанием французов. Там находились два моих друга: Антуан д'Эмери, сын генерала д'Эмери, и Тибо, готовившийся стать католическим миссионером. В Манслебене-ам-Зее казни через повешение производились публично в помещении завода, примыкавшего к соляным копям. Эсэсовцы присутствовали при этих казнях в полной парадной форме, украшенные всеми своими отличиями.

Заключенные под угрозой самых жестоких избиений и с применением насилия также были вынуждены присутствовать при этих повешениях. В тот момент, когда несчастного вешали, заключенные должны были приветствовать его нацистским приветствием. Еще хуже было то, что одного из заключенных заставляли выталкивать табурет из-под ног обреченного. Отказаться он не мог, так как это было сопряжено с большой опасностью для него самого. Наконец, когда уже произошло повешение, заключенные должны были дефилировать, проходя между эсэсовцами,

мимо повешенного, прикасаться к нему—и мрачная деталь,— смотреть ему в глаза.

Таким образом, я думаю, что те люди, которых заставляли участвовать в этох церемониалах, не могли сохранить своего человеческого достоинства.

В самом Бухенвальде казни также производились при участии заключенных. Обязанность палача при повешении исполнял немецкий заключенный при помощи других заключенных. Лагерная полиция также составлялась из заключенных. Когда кого-либо приговаривали к смерти, именно они обязаны были разыскать этого человека.

Отбор заключенных в команды для работы в Дора, Лора и С-3 производился также заключенными, которые решали, кто из нас попадет в такую команду. Мы уже слышали, что люди там неизбежно погибали.

Вот какими путями человека доводили до предела падения, превращая его в палача своих братьев. Я говорил вам о бараке 61, где происходило истребление физически немощных заключенных, неспособных к труду. Это истребление также осуществлялось заключенными под надзором эсэсовцев. Пожалуй, с человеческой точки зрения это самое тяжкое преступление, потому что люди, которых заставляли таким образом мучить своих ближних, сейчас возвращены к жизни, но они уже не те люди, какими были раньше.

Дюбост: *Кто именно является ответственным за эти преступления, так как Вы лично можете свидетельствовать об ответственности кого-либо?*

Дюпон: *Вот что поразительно. Те методы, которые я наблюдал в Бухенвальде, может быть, с небольшой разницей, применялись во всех лагерях. В обращении с заключенными в различных лагерях существовало то однообразие, которое ясно показывает на наличие приказов свыше. В данном случае в Бухенвальде персонал был очень жестоким, однако не по своей инициативе проводил подобные акты, и, кроме того, сам начальник лагеря и эсэсовец-врач всегда ссылались на приказы, исходившие свыше, хотя зачастую в туманной форме. Большей частью упоминалось имя Гиммлера. Другое имя, которое часто упоминалось в связи с бараком 61, бараком для уничтожения, это было имя главного врача всех лагерей Доллинга. Оно произносилось много раз, в частности, эсэсовским врачом лагеря Бендером. В связи с отбором инвалидов и евреев, которые отсылались в Освенцим или в Берген-Бельзен для уничтожения в газовых камерах, как я слышал, произносилось имя Поля.*

Дюбост: *Каковы были функции Поля?*

Дюпон: *Он был начальником эсэсовской администрации в Берлине, отдел Д-2.*

Дюбост: *Мог ли немецкий народ в целом не знать об этих жестокостях?*

Дюпон: *Немецкий народ не мог оставаться в неведении относительно лагерей, которые существовали несколько лет. Во время перевозки нас в лагерь мы остановились в Треве. В некоторых вагонах заключенные были совершен-*

но голыми, в других же были одеты. На вокзале было довольно много народа, который видел эти вагоны. Некоторые лица даже подзадоривали против нас эсэсовских солдат, охранявших платформу.

Кроме того, существовали другие каналы, через которые население, могло узнать правду. Это, во-первых, те команды, которые работали вне лагеря. В Бухенвальде были команды, которые направлялись на работы в Веймар, Эрфурт, Иены. Они отправлялись утром и возвращались вечером.

Целый день они находились среди гражданского населения. Технический персонал на заводах состоял не из военных. Эти люди возвращались к себе по вечерам, целый день они руководили работой заключенных. Кроме того, на некоторых заводах в качестве рабочих работали обыкновенные гражданские лица. Это было, например, на заводе Густлоф в Веймаре.

Наконец, снабжение лагеря производилось гражданскими учреждениями. Я видел сам, как на территорию лагеря приезжали грузовики с гражданскими лицами.

Далее, администрация железных дорог неизбежно была в курсе дела, потому что многочисленные поезда каждый день перевозили заключенных из одного лагеря в другой или из Франции в Германию, эти поезда обслуживались железнодорожниками. Наконец, в Бухенвальд как на конечную станцию каждый день приходил поезд, который циркулировал постоянно. Поэтому персонал железнодорожной администрации, конечно, тоже был хорошо осведомлен.

Наконец, заводы выполняли определенные заказы, и в промышленных кругах не могли не знать, из кого состояла рабочая сила, которая использовалась для выполнения заказов. Кроме того, в лагере иногда бывали посетители.

Надо сказать, что немецких заключенных иногда навещали посетители. Я был знаком с некоторыми заключенными немцами и знал, что их навещают члены их семей, которые, несомненно, рассказывали кое-что окружающим. Таким образом, нельзя отрицать, что немецкое население знало о лагерях.

Дюбост: *А армия?*

Дюпон: *Армия знала о лагерях. По крайней мере я видел, что каждую неделю в Бухенвальде появлялась так называемая комиссия, то есть группа офицеров, которые приезжали в лагерь. Среди этих офицеров были эсэсовцы. Но я видел много раз офицеров, принадлежавших к вооруженным силам и ВВС.*

Иногда мы узнавали лиц, приезжавших в лагерь, хотя со мною это бывало редко. 22 марта 1945 года генерал Бугровский посетил лагерь и особенно долго оставался в 61-м бараке. Его сопровождали генерал СС и главный врач лагеря Шидловский.

Наконец, еще одно обстоятельство. В последнее время охрана лагеря, в большинстве эсэсовцы...

Дюбост: *Простите, что я Вас прерываю. Можете ли Вы нам напомнить, что это был за барак 61?*

Дюпон: *Это был барак для уничтожения тех, кто доходил до состояния полного изнеможения и совершенно не мог работать.*

Дюбост: *Вы были очевидцем этого посещения барака 61?*

Дюпон: *Да, я был очевидцем.*

Дюбост: *Кого Вы при этом видели?*

Дюпон: *Генерала Труговского.*

Дюбост: *Из армии?*

Дюпон: *Нет, врача, а также генерала СС, имени которого я не знаю.*

Дюбост: *Знали ли университетские круги о работах, которые производились в лагере?*

Дюпон: *В Бухенвальде, в Институте патологии, изготовлялись препараты, из которых некоторые были совершенно необычными,—я говорю как врач,—потому что сталкивался со случаями, которые современной медицине не приходится наблюдать. Такие случаи описаны в медицинской литературе прошлых столетий. Изготовлялись очень интересные препараты, которые отправлялись в университеты, в частности, в университет Иены.*

Кроме того, бывали препараты, которые, собственно, нельзя назвать анатомическими. В университеты посылалась кожа с татуировкой.

Дюбост: *Вы это видели сами?*

Дюпон: *Я видел, как препарировалась кожа с татуировками.*

Дюбост: *Как же получали эту кожу с татуировкой? При наступлении естественной смерти, конечно?*

Дюпон: *В тех случаях, которые я наблюдал, это была кожа умерших или казненных. До нашего приезда, как я слышал от свидетелей, специально убивали человека, чтобы взять его татуированную кожу. Этого я сам не видел, я повторяю, я не был еще в Бухенвальде, но я все знаю от свидетелей, имена которых я могу назвать. В то время, когда комендантом лагеря был Кох, специально умерщвляли людей, у которых была особенно интересная татуировка. Свидетель, на которого я могу сослаться, это люксембургский гражданин Никола Симон, который провел шесть лет в Бухенвальде и благодаря особым условиям располагал исключительными возможностями для наблюдения.*

Дюбост: *Но нам говорили, что Кох был осужден к смертной казни именно за эти действия?*

Дюпон: *Насколько я знаю, Кох обвинялся в мошенничестве. Кроме того, он в чем-то противился руководству СС. Несомненно то, что он был арестован...*

Дюбост: *Мы остановились на том, что свидетель показал Трибуналу, что Кох был наказан не за то, что совершал преступления по отношению к заключенным, а потому, что его обвиняли в многочисленных бесчестных поступках при исполнении служебных обязанностей. Так я понял показания свидетеля?*

Дюпон: *Да. Я не могу говорить обо всех обвинениях, которые ему были предъявлены. Я не могу утверждать, что он был наказан только за это. Я знаю, что в этом его*

обвиняли, у меня нет никаких других сведений по этому вопросу.

Дюбост: *Вам нечего больше добавить?*

Дюпон: *Я могу только сказать, что я получил эти сведения от врача Овена, который был арестован в то же время, что и Кох, был освобожден и в последнее время, то есть в первые месяцы 1945 года, возвратился в Бухенвальд.*

Дюбост: *Какой национальности этот врач?*

Дюпон: *Немец. Он был эсэсовец. Он был подвергнут заключению в лагере. Он был арестован в то же самое время, что и Кох. Овен был освобожден и возвратился в Бухенвальд в начале 1945 года в своем прежнем чине и звании. Он охотно разговаривал с заключенными и эти сведения получены от него.*

Дюбост: *У меня нет больше вопросов к свидетелю, господин председатель...*

Меркель *(защитник гестапо)*: *Господин свидетель, Вы сказали, что методы обращения с заключенными в Бухенвальде не были характерными лишь для лагеря Бухенвальда, но эти методы явились следствием общего приказа. Вы обосновываете это тем, что и во всех других лагерях Вы видели то же самое. Как следует понимать в данном случае выражение: «во всех других лагерях»?*

Дюпон: *Я говорю о концентрационных лагерях. Я уточняю — о некоторых из этих лагерей: Маутхаузене, Дахау, Заксенхаузен, рабочих команд Дора, Лора, С-3, Манслебен, Эбензее. И на этом ограничусь.*

Меркель: *Вы сами были в этих лагерях?*

Дюпон: *Я лично был направлен в Бухенвальд и имею точные свидетельские показания в отношении других лагерей. Я их собрал от моих друзей, которые находились в этих лагерях. С другой стороны, само количество моих погибших товарищей достаточно красноречиво, чтобы показать, что и в этих лагерях уничтожение происходило подобным же образом.*

Меркель: *Благодарю.*

Бабель *(защитник СС и СД)*: *Я хотел бы получить сведения о том, в каком блоке Вы были. И Вы, может быть, скажете Суду о том, Вы уже упомянули об этом, как распределялись заключенные? Мне кажется, что у них же были внешние отличительные знаки. У одних на одежде была красная, у других зеленая заплата и т. д.?*

Дюпон: *В действительности самые различные заключенные находились в одних и тех же командах. Я уточняю. В так называемой «дренажной» команде, в которой был я, мы работали бок о бок с уголовными преступниками — немцами, носившими отличительный знак зеленого цвета. Что касается национальностей, то в этой команде были русские, чехи, бельгийцы, французы. Отличительные знаки были разные, но обращение было одинаковым со всеми, и здесь, в частности, мы находились под надзором уголовных преступников.*

Бабель: *Я не совсем верно понял начало Вашего ответа. Я спросил — делились ли заключенные на определенные категории, которые отмечались с внешней стороны каки-*

ми-нибудь звездами или знаками зеленого, голубого и т. д. цветов?

Дюпон: Я сказал, что в лагере имелись различные значки,—треугольники, по которым определяли к каким категориям относятся заключенные. Но все эти люди находились вместе и подвергались одному и тому же режиму.

Бабель: Я спрашиваю Вас не об обращении, а об отличительных знаках.

Дюпон: Что касается французов...

Бабель: Не только для французов, а для всех?

Дюпон: Я отвечаю. Для французов, которых я лучше всего знал, знаки были следующие: красные треугольники, значки политических заключенных, давались всем без исключения, даже тем заключенным, которые были привезены из форта Барро, т. е. уголовные преступники. То же я наблюдал и у чехов, и у русских.

Действительно, было предусмотрено ношение отличительных знаков. Но на самом деле порядка в этом не существовало...

Наконец, я снова повторяю то, что сказал несколько минут тому назад: даже если и были различные отличительные знаки, все равно заключенные были все вместе и подвергались одному и тому же режиму, одинаковому обращению.

Бабель: Мы уже слышали неоднократно о том, что они были перемешаны между собой. Но я Вас спрашивал не об этом. Вы все-таки так долго были в лагере, что Вы можете ответить на мой вопрос, как делились эти заключенные? Насколько мне известно, они делились на группы уголовных и политических преступников, а также и на другие группы. Каждая группа была отмечена особым знаком. Носили ли они на одежде значки зеленого цвета, голубого или красного цвета, или еще какие-либо?

Дюпон: Для различных категорий предусмотрены были различные знаки, но все категории были перемешаны. Например, лица, принадлежащие к категории уголовных преступников, были вместе с лицами, принадлежащими к категории политических. Однако в некоторых блоках та или иная категория преобладала, но не существовало подразделения блоков в соответствии со знаками, которые носили заключенные в них.

Бабель: Мне было сказано, что политические заключенные, например, носили голубой знак, уголовные—зеленый. Мы уже опрашивали здесь одного свидетеля, который в определенном отношении подтвердил, что без труда можно было определить по значку, к какой категории принадлежит тот или иной заключенный.

Дюпон: Правильно то, что существовали различные знаки, правильно то, что эти знаки были предусмотрены для различных категорий, но для того, чтобы показать истинное положение вещей, следует уточнить, что эти знаки не были использованы. Для французов, в частности, были только знаки категорий политических, что приводило к путанице, так как повсюду уголовные преступники, прибывшие из тюрем для уголовников, рассматривались, как политичес-

кие. Отличительные знаки существовали для того, чтобы не смешивать различные категории заключенных, но такие знаки систематически не применялись. В отношении французов они вообще не применялись.

Бабель: *Если я Вас верно понял, то Вы сказали, что все французские заключенные имели отличительные знаки политических заключенных?*

Дюпон: *Это правильно.*

Бабель: *И среди этих французских заключенных были, однако, не только политические заключенные, но также в большей своей части другие преступники, да? По крайней мере я так понял Ваши прежние показания. Вы это сказали довольно определенно.*

Дюпон: *Я уже сказал, что имелись уголовные преступники, которых привозили из специальных тюрем и которые имели не зеленые знаки с буквой «Ф», которые они должны были бы носить, а носили знаки политических заключенных.*

Бабель: *Что Вы делали в лагере, Вы же были врачом?*

Дюпон: *Я приехал в январе и в течение трех месяцев работал сначала в каменоломне, затем на земляных работах, а затем я был использован в полевом госпитале.*

Бабель: *Каковы были Ваши функции?*

Дюпон: *Я работал в амбулатории по лечению внутренних заболеваний.*

Бабель: *Вы могли действовать самостоятельно? Какие были указания относительно лечения?*

Дюпон: *Мы работали под контролем врача СС. У нас было небольшое количество мест в лазарете и мы могли производить госпитализацию некоторых больных. Примерно на 20 нуждающихся больных одно место. Медикаментов у нас почти не было. Я работал в этом госпитале до момента освобождения из лагеря.*

Бабель: *Получали ли Вы указания относительно обращения с больными? Было ли Вам сказано, что Вы должны лечить и ухаживать за больными или же что Вы должны были применять медицинские средства, от которых больные умирали бы?*

Дюпон: *Я получил приказ отбирать неизлечимых больных и отправлять их для уничтожения. Этот приказ я ни разу не выполнил.*

Бабель: *Было ли Вам сказано, что Вы должны произвести отбор лиц, которые должны быть уничтожены? Я не понял Вашего ответа. Пожалуйста, повторите.*

Дюпон: *Я получил приказ отбирать наиболее серьезных больных и направлять их в 61-й барак, где их должны были уничтожить. Это был единственный приказ, который я получил в отношении больных.*

Бабель: *Вы сказали: «где их должны были уничтожить»? Я спрашиваю, говорили ли Вам, что отобранные должны были быть уничтожены? И было ли Вам сказано, что они посылались в 61-й барак? Сообщали ли Вам о том, что с ними там должно было произойти?*

Дюпон: *61-й барак находился под контролем германского унтер-офицера, которого звали Вильгельмом, он сам*

руководил казнями. Это он отдавал приказ — кого из больных отбирать для того, чтобы направлять их в этот барак. Мне кажется, что положение достаточно ясно.

Бабель: *Прошу прощения. Категорического указания Вы не получали?*

Дюпон: *Указания направлять неизлечимых больных...*

Бабель: *Господин свидетель! Мне бросается в глаза, что на мои вопросы Вы не отвечаете коротко «да» или «нет», а всегда как-то обходите их.*

Дюпон: *Было сказано, что эти больные должны были направляться в 61-й барак. Больше ничего не разъяснили, но все больные, попадавшие в 61-й барак, уничтожались.*

Бабель: *Но Вы этого не наблюдали сами, об этом Вы узнали или слышали. То есть, Вы узнали о том, что те, кто туда направлялся, уже не возвращался обратно?*

Дюпон: *Это неправильно. Я сам мог наблюдать это, так как я был единственным врачом, который мог входить в 61-й барак, находившийся под контролем заключенного Луи Куних. Я смог извлечь оттуда некоторых больных. Остальные умерли.*

Бабель: *Если Вам приказали это, почему Вы не заявили, что не будете делать этого?*

Дюпон: *Если я правильно понял, Вы меня спросили, почему, когда мне приказывали посылать самых тяжелых больных...*

Бабель: *Я спрашиваю Вас, почему, получив инструкции отбирать для 61-го барака Вы не заявили, что знаете, что происходит в этом бараке, а поэтому не будете делать этого?*

Дюпон: *Потому, что для меня это означало бы смерть.*

Бабель: *Я понимаю, а для немцев, которые бы уклонялись от выполнения подобного приказа, что означало бы это для них?*

Дюпон: *О каких немцах идет речь? О немцах — заключенных?*

Бабель: *О каком-нибудь немце, например, о немецком враче или каком-либо другом человеке, который работал там. Что бы случилось бы с ним, если бы он отказался выполнять такой приказ?*

Дюпон: *Если какой-либо заключенный категорически отказывался от выполнения такого приказа — это означало смерть. На практике мы могли иногда и не выполнять его. Я уточняю, что я лично никого никогда не направлял в 61-й барак.*

Бабель: *Я хотел задать общий вопрос относительно условий в лагере. Тому, кто никогда не видел лагеря, трудно себе представить действительное положение вещей. Может быть, Вы могли бы коротко описать Суду, как был организован подобный лагерь?*

Дюпон: *Я считаю, что я достаточно подробно рассказал об организации лагеря. Я позволяю себе спросить председателя, стоит ли возвращаться к этому вопросу?*

Председатель: *Полагаю, в этом нет надобности... Свидетель может удалиться.*

Из допроса свидетеля С. РОЙЗМАНА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г.

Смирнов: *Я хотел бы перейти к следующему разделу моего доклада, посвященному тайным пунктам, созданным германским фашизмом для уничтожения людей. Это — не концлагеря, потому что пребывание людей в этих пунктах, как правило, исчислялось периодом от нескольких десятков минут до двух часов. Из числа этих зловещих пунктов, созданных германским фашизмом, я хотел бы привести Суду доказательства по двум: в деревне Хелмно (Польша) и в Треблинском лагере.*

В связи с этим я прошу Суд о вызове одного из свидетелей. Этот свидетель представляет интерес уже потому, что это, собственно, человек «с того света», ибо дорога в Треблинку называлась немецкими палачами «дорогой на небо». Я говорю о свидетеле Ройзмане, польском гражданине, и прошу разрешения вызвать его в качестве свидетеля и допросить ...

(Вводят свидетеля)

Председатель: *Как Ваше имя?*

Свидетель: *Ройзман Самуил.*

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Смирнов: *Разрешите приступить к допросу?*

Председатель: *Пожалуйста.*

Смирнов: *Скажите, свидетель Ройзман, чем Вы занимались до войны?*

Ройзман: *До войны я работал бухгалтером в экспортной фирме.*

Смирнов: *Когда и при каких обстоятельствах Вы оказались узником Треблинки-2?*

Ройзман: *В августе 1942 года меня увели из Варшавского гетто.*

Смирнов: *Сколько времени Вы пробыли в Треблинке?*

Ройзман: *Я был в Треблинке один год, до августа 1943 года.*

Смирнов: *Таким образом, Вам хорошо известны правила обращения с людьми, установленные в этом лагере?*

Ройзман: *Да. Я хорошо знаю их.*

Смирнов: *Я прошу Вас описать Трибуналу, что представляет собой этот лагерь.*

Ройзман: *Ежедневно туда приходили транспорты, по 3, 4, 5 поездов, наполненных исключительно евреями из*

[1] IMT, vol. 8, p. 324—329.

Чехословакии, Германии, Греции и Польши. Немедленно после прибытия все люди в течение пяти минут выводились из поездов и должны были стоя ждать. Все те, кто покидал поезда, немедленно разделялись на группы: мужчины отдельно, женщины и дети тоже отдельно. Все должны были немедленно раздеваться донага, причем эта процедура проходила под нагайками немцев. Рабочие, которые там прислуживали, немедленно брали всю одежду и несли ее в бараки. Таким образом, люди голыми должны были проходить через улицу до газовых камер.

Смирнов: *Я прошу Вас сообщить Суду, как называлась немцами эта дорога до газовых камер.*

Ройзман: *Эта улица называлась «дорога на небо».*

Смирнов: *Скажите мне, пожалуйста, сколько времени жил человек, попадавший в Треблинский лагерь?*

Ройзман: *Вся процедура—раздевание и путь в газовую камеру — продолжалась для мужчин 8—10 минут, для женщин—15 минут. Для женщин 15 минут потому, что до того, как они шли в газовую камеру, им стригли волосы.*

Смирнов: *Зачем им стригли волосы?*

Ройзман: *По идее «господ», эти волосы должны были служить для изготовления матрацев.*

Председатель: *Вы хотите сказать, что проходило только 10 минут с того времени, когда их сгружали с поездов, до того времени, как их отвозили в газовые камеры?*

Ройзман: *Я уверен, что у мужчин это занимало не более десяти минут.*

Смирнов: *Включая и раздевание?*

Ройзман: *Да.*

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, люди привозились поездами или грузовиками?*

Ройзман: *Главным образом, привозились поездами. Только евреи из окрестных местечек и деревушек привозились на грузовиках. На грузовиках было написано «экспедитион Шпеер», приезжали они из Вайнгрова, Соколова.*

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, впоследствии какой вид имела станция Треблинка?*

Ройзман: *Вначале не было никаких надписей на станции. Но через несколько месяцев заместитель начальника лагеря Франц Курт устроил первоклассную железнодорожную станцию с надписями. На бараках, где находилась одежда, были надписи: «буфет», «касса», «телеграф», «телефон» и т. д. Было даже печатное расписание прихода и ухода поездов на Гродно, Сувалки, Вену, Берлин.*

Смирнов: *Правильно ли я Вас понял, что на станции Треблинка был устроен бутафорский вокзал с объявлениями о расписании поездов, с указаниями отправления поездов с платформы якобы на станцию Сувалки ?*

Ройзман: *Когда люди выходили из поездов, у них действительно создавалось впечатление, что они находятся на хорошей станции, от которой путь идет в Сувалки, Гродно, Вену и т. д.*

Смирнов: *А что дальше происходило с людьми?*

Ройзман: *Этих людей прямо вели через улицу «Химмельфартштрассе» в газовые камеры.*

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, как вели себя немцы при умерщвлении людей в Треблинке?*

Ройзман: *Если дело идет об убийстве, то всякий из немецких надсмотрщиков имел свою специальность. Я вспоминаю только один пример. У нас был один шарфюрер Менц. Его обязанность заключалась в надзоре над так называемым «лазаретом». В этом «лазарете» были убиты все слабые женщины и маленькие дети, у которых не хватало сил дойти до газовой камеры.*

Смирнов: *Может быть, свидетель, Вы опишите Трибуналу, как выглядел этот «лазарет»?*

Ройзман: *Это была часть площади, загороженная деревянной изгородью. Туда уводили всех женщин, стариков и детей. При входе в этот «лазарет» висел большой флаг Красного Креста. Менц, чьей специальностью было умерщвление всех людей, которых привозили в этот «лазарет», никому не уступал этой работы. Могли быть сотни людей, которые хотели знать и видеть, что с ними будет, но он никому не поручал этой работы, он хотел это делать только собственноручно.*

Вот пример того, что случалось там с детьми. Привели из вагона десятилетнюю девочку с двухлетней сестрой. Когда старшая, десятилетняя девочка увидела, что Менц взял револьвер, чтобы убить ее двухлетнюю сестру, она бросилась к немцу с плачем, спрашивая, почему он хочет убить ее сестру, и он не убил ее, а живую бросил в огонь, а потом немедленно убил старшую сестру.

Был еще один пример. Привели одну пожилую женщину с дочерью. Она была в последней стадии беременности. Их привели в «лазарет», положили на траву и привели нескольких немцев, чтобы они были при рождении этого ребенка в лагере. Спектакль продолжался два часа. Когда ребенок родился, Менц спросил бабушку, то есть мать той женщины, которая родила, кого она предпочитает, чтобы убили раньше. Она сказала, что просит, чтобы ее убили. Но ясно, что сделали как раз наоборот: сначала убили только что рожденное дитя, потом мать ребенка, а потом бабушку.

Смирнов: *Скажите, свидетель, знакомо ли Вам имя — Курт Франц?*

Ройзман: *Это был заместитель начальника лагеря Штенгеля, самый большой убийца в лагере. Курт Франц стал оберштумбаннфюрером, то есть получил более высокий чин за его доклад о том, что в январе 1943 года, в Треблинке был убит миллион евреев.*

Смирнов: *Я прошу Вас, свидетель, если помните, рассказать о том, как Франц Курт убил женщину, которая называла себя сестрой Зигмунда Фрейда?*

Ройзман: *Прибыл поезд из Вены. Я стоял на платформе, когда люди выходили из вагонов. Одна пожилая дама*

подошла к Курту, вынула какой-то документ и сказала, что она является родственницей или сестрой Зигмунда Фрейда. Она попросила, чтобы ей дали легкую работу в бюро. Франц очень серьезно просмотрел ее документы, сказал, что здесь, вероятно, какая-то ошибка, подвел ее к расписанию поездов и сказал, что через два часа будет поезд на Вену. Она может все свои драгоценности и документы оставить и должна пойти в баню, а после бани для нее будут приготовлены бумаги и билет в Вену. Ясно, что женщина в «баню» пошла, но оттуда уже не вернулась.

Смирнов: *Скажите, свидетель, почему Вы сами остались в живых?*

Ройзман: *Я стоял уже совершенно раздетый и должен был пройти через эту «Химмельфартштрассе». В моем транспорте прибыли 8 тысяч евреев из Варшавы. Но в последнюю минуту перед тем, как я очутился на этой улице, меня заметил инженер Галевский, то есть мой друг из Варшавы, которого я знал в течение нескольких лет. Он был надзирателем над рабочими среди евреев. Он сказал мне, чтобы я ушел назад с этой улицы. Так как там нужен был переводчик с древнееврейского, французского, русского и польского на немецкий язык, то он воспользовался этим, чтобы получить разрешение оставить меня в живых.*

Смирнов: *Значит, Вы были в составе рабочей команды лагеря?*

Ройзман: *Вначале моя работа состояла в том, что я должен был носить одежду убитых людей в вагоны.*

После того как я пробыл в лагере два дня, из города Венгерово привезли мою мать, сестру и двух братьев. Я должен был смотреть на то, как их вели в газовую камеру.

Несколько дней спустя, когда я носил одежду в вагоны, мои товарищи нашли документы моей жены и фотографию жены и ребенка. Это все, что мне осталось от всей моей семьи — только фотография.

Смирнов: *Скажите, свидетель, сколько человек ежедневно привозилось в Треблинский лагерь?*

Ройзман: *От июля до декабря 1942 года в среднем ежедневно прибывали три транспорта по 60 вагонов каждый. В 1943 году транспорты приходили реже.*

Смирнов: *Скажите, сколько в среднем человек в день уничтожалось в Треблинском лагере?*

Ройзман: *В среднем, я думаю, в Треблинке уничтожалось от 10 до 12 тысяч человек ежедневно.*

Смирнов: *В скольких газовых камерах происходило умерщвление?*

Ройзман: *Вначале были только три камеры, а потом выстроили еще десять камер. План был таков: повысить число камер до 25.*

Смирнов: *Откуда Вам, свидетель, известно, что план был повышен до 25 камер?*

Ройзман: *Потому что все строительные материалы были привезены и лежали на площади. Я спросил, зачем, ведь уже нет евреев. Мне отвечали, что «после вас еще придут другие и будет еще много работы».*

Смирнов: *Как еще называли Треблинку?*

Ройзман: *Когда Треблинка стал очень популярный, они сделали вывеску с надписью «Обермайданек».*

Смирнов: *Я прошу разъяснить, что значит «очень популярный»?*

Ройзман: *Это значит, что люди, которые прибывали в транспортах, очень скоро узнавали, что это не фешенебельная станция, а место смерти.*

Смирнов: *Для чего был устроен фальшивый вокзал?*

Ройзман: *Исключительно с той целью, чтобы люди, которые выходили из поезда, не волновались, чтобы они спокойно раздевались и чтобы не было никаких инцидентов.*

Смирнов: *Значит, я Вас правильно понял, что эти методы преступников преследовали определенные психологические цели: успокоить на первых порах обреченных на смерть?*

Ройзман: *Исключительно психологический момент...*

Смирнов: *У меня нет больше вопросов к свидетелю.*

Председатель: *Хочет ли кто-либо из других обвинителей допросить свидетеля? Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю?*

(Молчание)

В таком случае свидетель может быть свободен.

Преследование евреев

Из выступления представителя обвинения от США У. УОЛША[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 13 и 14 декабря 1945 г.

От имени обвинения Соединенных Штатов Америки я представляю Трибуналу документальные доказательства, подтверждающие положения обвинительного заключения, изложенные в разделе первом — военные преступления и преступления против человечности, и, в соответствии с соглашением, достигнутым между обвинителями, сформулированные в разделе четвертом, параграфе «В», преступления против человечности. Представляемые мною документы относятся к обвинению в преследовании евреев. Заголовок «преследование евреев» явно неуместен в свете доказательств, которые будут представлены. В теории слово «преследовать» означает причинять страдания, беспокоить, досаждать. Однако этот термин не выражает действительного существа преступлений нацистов, так как конечной целью они провозгласили уничтожение еврейской расы. Я не собираюсь полностью перечислять здесь все преступления, совершенные ими в отношении евреев. Масштабы совершенных преступлений были столь колоссальны, что охватили всю германскую нацию, ее народ, ее организации. Меня будут дополнять те из моих коллег, которые выступят вслед за мною по другим разделам обвинения. Доказательства, относящиеся к партийным и государственным организациям, преступность которых обвинение будет стремиться установить, покажут их роль и участие в подготовке и планировании уничтожения евреев.

Французский и советский обвинители также располагают документальными доказательствами по этому вопросу, они в свое время представят их в ходе процесса.

Прежде чем я начну перечислять действия, ведущие к уничтожению евреев, я хотел бы показать, что эти действия, а также политика, которая проводилась внутри Германии, начиная с 1933 года до конца войны, относятся к планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивных войн и, таким образом, подпадают под определение преступлений против человечности, как это указано в п. «с» статьи 6 Устава.

С давних пор в Германии существовало убеждение, что первая мировая война окончилась для нее поражением потому, что Германия потерпела крах на внутреннем фронте. Вследствие этого при планировании новых войн было решено, что необходимо предотвратить возможность повторения на внутреннем фронте катастрофы 1918 года. Для успешного планирования и ведения войны надо было

[1] IMT, vol. 3 p. 519—573.

добиться консолидации германского народа по принципу нацистов: «Одна раса, одно государство, один фюрер».

Поэтому было решено ликвидировать свободные профсоюзы, запретить политические партии (кроме национал-социалистской), отменить гражданские свободы и уничтожить всякую оппозицию. Было объявлено, что приверженность богу, церкви и научной истине несовместима с нацистским режимом. Расовая антиеврейская политика была частью этого плана консолидации, так как нацисты были уверены, что евреи не только не будут способствовать военной программе Германии, а, напротив, будут ей мешать. Поэтому евреи должны быть уничтожены.

Эта позиция находит ясное подтверждение в документе ПС-1919, США-170. Это стенограмма речи Гиммлера на совещании генералитета СС 4 октября 1943 года. Зачитаю краткий отрывок: «Нам известно, насколько усложнили бы мы для себя ситуацию, если бы в условиях бомбардировок, тягот и лишений войны у нас бы сегодня в каждом городе имелись евреи. Они выступали бы в качестве тайных саботажников, агитаторов, возмутителей спокойствия. Мы бы теперь, вероятно, дошли бы до уровня 1916—1917 годов, когда евреи все еще присутствовали в германском национальном организме».

В связи с этим обращение с евреями в Германии рассматривалось как составная часть планирования и подготовки агрессивной войны, так же как производство вооружения и воинская повинность. На этом основании обвинение в преследовании евреев подлежит рассмотрению Трибуналом как составная часть планирования и подготовки агрессивной войны. Очевидно, что преследования и убийства евреев начиная с 1939 года на захваченных территориях Европы являются и военными преступлениями, как это определено статьей 6 Устава. Эти преступления являются нарушением статьи 46 Гаагской Конвенции 1907 года, которая также была подписана Германией.

Я сейчас зачитаю статью 46 и прошу Трибунал принять ее без доказательства: «Должны уважаться права и честь семьи, человеческая жизнь и частная собственность, так же как религиозные убеждения и исполнение религиозных обрядов».

Я не знаю других преступлений в истории человечества, которые были бы более ужасными, чем обращение с евреями. Я намереваюсь доказать, что нацистская партия поставила перед собой цель, позднее нашедшую отражение в политике германского государства, о которой часто открыто заявляли подсудимые,—уничтожить еврейский народ.

Я постараюсь избежать соблазна, как бы велик он ни был, истолковывать документы или делать какие-либо выводы. Я предпочитаю, чтобы документы говорили сами за себя в своем неприкрашенном реализме.

Возможно, кровожадность могла играть некоторую роль во всех этих жесточайших преступлениях, но главной целью уничтожения еврейской расы было осуществление одного из основных пунктов нацистского плана—подготовки и ведения агрессивной войны.

С этого момента я ограничу представление доказа-

тельств лишь теми, которые относятся к действиям, доказательства по которым еще не представлены, но я прошу Трибунал быть снисходительным, если окажется необходимым для полноты картины ссылаться на уже ранее представленные документы и доказательства.

Окончательной целью было уничтожить евреев. Однако этого нельзя было выполнить без предварительных мероприятий. Сначала нацистской партии надо было захватить власть в германском государстве, показать свою силу перед лицом мирового общественного мнения и привить приведенному в повиновение германскому народу чувство ненависти к евреям.

Первое доказательство политики фашистской партии в отношении евреев содержится в программе партии, принятой в феврале 1920 года, документ ПС-1708, США-255:

«Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином. Только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания... Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе...»

«Право решать вопросы, касающиеся администрации и закона, принадлежит только гражданину. Поэтому мы требуем, чтобы на все должности во всех государственных учреждениях любого рода, будь то в империи, земле или муниципалитете, назначались только граждане».

Представляю документ ПС-2662 под номером США-256—книга «Майн кампф». На страницах 724—725 этой книги Гитлер говорил, что для выполнения своей задачи национал-социалистское движение должно относиться к евреям как к своим смертельным врагам...

Целый поток гнусной литературы всех видов и для людей всех возрастов издавался и распространялся по всей Германии, чтобы вызвать ненависть к евреям...

Документ ПС-2697—экземпляр «Дер Штюрмер», представленный под номером США-259. Он издавался подсудимым Штрейхером, который специализировался на разжигании ненависти к евреям.

Когда нацисты захватили в Германии власть, они получили новое и ужасное орудие против евреев, а именно возможность использовать против них государственную власть. Это делалось путем издания декретов. Так, еврейские иммигранты были лишены прав гражданства («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 480). Соответствующий декрет был подписан подсудимыми Фриком и Нейратом. Евреям, родившимся в Германии, не разрешалось иметь германское гражданство («Рейхсгезетцблатт», 1935 год, часть 1, страница 1146), подписано подсудимыми Фриком и Гессом. Евреям запрещалось состоять в браке или вступать во внебрачные отношения с лицами германской крови. Евреи лишались права голоса («Рейхсгезетцблатт», 1936 год, часть 1, страница 133). Декрет подписан подсудимым Фриком. Евреям запрещалось занимать официальные должности или состоять на государственной службе («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 277). Декрет подписан подсудимым Фриком.

Было решено низвести евреев на низшую ступень общественной лестницы путем лишения их общих прав и свобод. Так, им был запрещен доступ в определенные районы города, им запрещалось пользоваться тротуарами, транспортом, увеселительными заведениями и ресторанами («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1676).

Постепенно применялись все более строгие меры, вплоть до запрета заниматься частной практикой. («Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, страница 47). Декрет подписан подсудимым Гессом.

Запрещалось заниматься юриспруденцией («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1403). Декрет подписан подсудимыми Фриком и Гессом.

Запрещалась врачебная практика («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 969). Декрет подписан подсудимым Фриком и Гессом.

Запрещалось заниматься делами печати и радио («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 661).

Запрещалось участвовать в биржевых операциях и быть биржевыми маклерами («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, страница 169).

Запрещалось заниматься даже сельским хозяйством («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 685).

В 1938 году их исключили из деловой и экономической жизни Германии («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1580). Декрет подписан подсудимым Герингом.

Евреев заставляли платить большие налоги и огромные штрафы. Их дома, банковские счета, недвижимая собственность и ценности—все было экспроприировано.

Документ ПС-1816, США-261, представляет собой стенограмму совещания под председательством подсудимого Геринга, на котором среди прочих присутствовал подсудимый Функ. Совещание состоялось 12 ноября 1938 г. в 11.00 в имперском министерстве авиации.

Приводятся слова подсудимого Геринга:

«...Еще один вопрос, господа. Что бы вы сказали, если бы я сегодня заявил, что еврейство в качестве наказания должно уплатить один миллиард...»

Цитирую последний абзац, страница 22 перевода: «...Я это сформулирую так: германские евреи должны, в наказание за свои ужасные преступления, уплатить один миллиард... Хочу сказать, что я не хотел бы быть евреем в Германии».

Вслед за этим совещанием был издан декрет о том, что на германских евреев был наложен штраф в размере одного миллиарда рейхсмарок («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1579). Декрет подписан подсудимым Герингом и датирован 12 ноября 1938 г.

Аналогичные декреты содержатся в «Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, страница 282, подписанные подсудимым Герингом, и в «Рейхсгезетцблатт», 1941 год, часть 1, страница 722. Декрет подписан подсудимыми Фриком и Борманом. И, наконец, в 1943 году евреев на основании декрета, подписанного подсудимыми Борманом, Фриком и другими, лишили права обращаться в суд. При всяком разборе

дел, касающихся их, единственным арбитром была полиция, решавшая вопросы о наказании и даже смерти («Рейхсгезетцблатт», 1943 год, часть 1, страница 372).

Прошу Суд принять декреты без доказательств...

Акты насилия против евреев начались еще в 1933 году. Одетые в форму нацисты совершали налеты на синагоги, когда там шла служба, избивали лиц, которые присутствовали в синагоге, и оскверняли религиозные эмблемы и предметы. Отчет о таких событиях содержался в официальном донесении американского генерального консула в Лейпциге от 5 апреля 1933 г., документ ПС-2709, США-265.

«Несколько недель назад в Дрездене одетые в форму нацисты произвели налет на синагогу, прервали вечернюю службу, арестовали 25 верующих и сорвали священную эмблему с их головных покрывал, которые надевают во время молитвы».

На конференции представителей германской печати в Нюрнберге подсудимый Штрейхер и Либель, мэр города Нюрнберга, заранее сообщили собравшимся представителям печати, что нюрнбергская синагога должна быть разрушена. Протокол этой конференции от 4 августа 1938 г. представляется за номером ПС-1724, США-266.

Цитирую со страницы 1, абзац четвертый оригинала: «Разрушение синагоги (информация пока еще является секретной). 10 августа 1938 года в 10 часов утра начнется разрушение синагоги. Гаулейтер Юлиус Штрейхер лично приведет в действие кран, с помощью которого будут сорваны еврейские символы—звезда Давида и т. д. Это должна быть крупномасштабная операция. Подробности пока неизвестны».

Подсудимый Штрейхер лично руководил операцией.

Документ ПС-2711, США-267. 11 августа 1938 г. в газетах сообщалось: «В Нюрнберге производится разрушение синагоги. Сам Юлиус Штрейхер лично перед началом работы произнес речь, которая длилась более чем полтора часа. Затем по его приказу в виде как бы прелюдии к разрушению была сорвана огромная звезда Давида с купола синагоги».

Эти акты насилия не были местными антисемитскими демонстрациями. Ими руководил и приказы об их проведении отдавал центральный штаб в Берлине. Это доказывается серией телеграфных сообщений, посланных берлинским штабом государственной тайной полиции начальникам полиции по всей Германии 10 ноября 1938 г. В этих телеграммах содержались инструкции относительно подготовляющихся демонстраций.

Документ ПС-3051, США-240, ранее уже представлялся в качестве доказательства. Процитирую относящуюся к делу часть одного из секретных приказов, подписанных Гейдрихом:

«В связи с покушением на жизнь секретаря миссии фон Рата в Париже в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей империи ожидаются демонстрации против евреев. В отношении этих событий следует руководствоваться нижеследующим:

1) Руководителям полицейских органов или их заместите-

лям по получении этой телеграммы надлежит немедленно установить телефонную связь с политическими (районными, областными или окружными) руководителями и договориться с ними о проведении совместного совещания с участием инспектора или начальника полиции порядка для обсуждения организации демонстраций. На этих совещаниях политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции следующие указания, в соответствии с которыми должны организовывать свои мероприятия и политические руководители:

а) должны проводиться только такие мероприятия, которые не будут угрожать жизни или германской собственности (например, синагоги следует сжигать только в том случае, если нет опасности распространения пожара на прилегающие здания);

б) магазины, учреждения и частные квартиры евреев надо разрушать, но не следует их грабить. Полиции поручается наблюдать за выполнением этого указания и задерживать грабителей».

До этого момента мы сталкивались с постепенно усиливавшейся и расширявшейся кампанией против евреев, что было одним из основных принципов нацистской партии и государства. А с этого времени пламя предрассудков было так раздуто, что оно возбуждало весь германский народ. Германское государство было уже вооружено и готово для захватов, а мировое общественное мнение теперь без опасений можно было игнорировать. К этому времени из Германии уже было изгнано 200 тысяч из общего количества 500 тысяч евреев. Поэтому контролируемое нацистами германское государство осмелело, и Гитлер, в ожидании агрессивной войны, которая давно планировалась, уже решил вопрос о том, кого сделать козлом отпущения за готовящуюся мировую катастрофу.

В документе ПС-2663, который я представляю в качестве доказательства под номером США-268, содержится речь Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г.: «В случае, если международные еврейские финансисты внутри и вне Европы сумеют еще раз ввергнуть нации в мировую войну, то результатом такой войны будет не большевизация мира и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе...»

Документ ПС-2665, США-270. Подсудимый Розенберг написал для журнала «Мировая борьба» следующее: «Еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда на европейском континенте не останется ни одного еврея».

Документ ПС-2233(с), США-271. Ганс Франк в своем дневнике, как бы извиняясь, писал: «Я, конечно, не могу истребить всех вшей и всех евреев в течение одного только года, но с течением времени, а главным образом если вы поможете мне, эта цель будет достигнута».

Мы установили, что в своих высказываниях, писаниях, декретах и официальных актах нацисты совершенно ясно выразили свое намерение истребить евреев. Как же они проводили в жизнь эту программу?

Первым их требованием была поголовная регистрация всех евреев, и, поскольку политика, проводимая в отношении евреев, шла по пятам за германской агрессией, такая регистрация требовалась не только в пределах Германии, но также и на последовательно захватываемых территориях...

Следующий шаг заключался в том, чтобы собрать и сконцентрировать евреев на ограниченной территории, которая называлась гетто. Эта политика тщательно разрабатывалась. Об этом свидетельствуют секретные заметки, взятые из архива подсудимого Розенберга, документ ПС-212, США-272.

«Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. При проведении этой меры прежде всего нужно проводить регистрацию еврейского населения путем введения приказа о принудительной регистрации и аналогичных мер.

Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же самое время они должны быть разделены согласно полу. Наличие целых еврейских общин и поселений в Белоруссии и на Украине делает это особенно простым. Более того, следует избрать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу в ходе осуществления в настоящее время трудовых программ. Эти гетто могут быть созданы под руководством еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана этих гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции. В тех случаях, где еще нельзя устроить гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые запрещали бы продолжение смешения крови между евреями и остальным населением».

В мае 1941 года Розенберг как имперский министр по делам оккупированных восточных территорий издал директиву об организации гетто на Украине, документ ПС-1028, США-273.

«После того как евреи будут отстранены от работы во всех гражданских учреждениях, еврейский вопрос будет разрешен путем организации гетто...»

Одно из самых больших гетто находилось в городе Варшаве. Подлинный рапорт генерала СС Штроопа озаглавлен: «Варшавское гетто больше не существует», документ ПС-1061, США-275.

«В этом гетто, организованном в Варшаве, жили 400 тысяч евреев. В нем было 27 тысяч квартир, примерно по две с половиной комнаты в каждой. Гетто было отделено от остального города стенами и заборами. Все открытые места, окна и двери были заколочены».

Определенное представление об условиях жизни в этом гетто дает тот факт, что в каждой комнате жило в среднем по шесть человек.

Некоторой иллюстрацией существовавших в гетто порядков служит полученный Гиммлером от бригадефюрера СС, группа «А», 15 октября 1941 г. рапорт. Это документ Л-180, США-276.

«Кроме организации и проведения мер по уничтожению, о которых говорилось с первых дней наших операций, во многих больших городах стали создавать гетто. Это было особенно необходимо в Ковно (Каунас), потому что там было 30 тысяч евреев при населении в 152 400 человек... В Риге для гетто был назначен так называемый Московский пригород. Это самый плохой с точки зрения жилищных условий район Риги. В нем уже теперь в большинстве своем живут евреи. Перевод евреев в этот район был затруднительным, потому что латыши, живущие в этом районе, должны были быть эвакуированы, а квартирные условия в Риге очень тяжелые. На данном этапе из 28 тысяч евреев Риги 24 тысячи были переведены в гетто.

При устройстве гетто полиция безопасности ограничивалась тем, что выполняла полицейские функции, в то время как устройство и управление гетто, так же как регулирование поставок продуктов питания для тех, кто жил в гетто, было предоставлено гражданской администрации, а управлению труда было поручено заниматься вопросом распределения еврейской рабочей силы. В других городах, где много евреев, гетто будут созданы аналогичным образом».

Евреев загоняли в гетто в польской провинции Галиция. У меня нет слов адекватно описать те условия, о которых идет речь в докладе Кацмана, генерал-лейтенанта полиции, Крюгеру, генералу полиции на восточных территориях. Доклад датирован 3 июня 1943 года и озаглавлен «Решение еврейского вопроса в Германии». Я представляю документ Л-18, США-277. Цитирую с конца страницы 11 перевода:

«Евреи Равы-Русской, боясь эвакуации, спрятали тех, кто страдал сыпным тифом, в ямах. Когда должна была начаться эвакуация, полиция обнаружила, что три тысячи евреев, страдавших сыпным тифом, спрятаны в этом гетто. Для того чтобы уничтожить очаг инфекции, все полицейские офицеры, которым была сделана прививка против сыпного тифа, были призваны для этого дела. Таким образом нам удалось уничтожить этот источник заразы, потеряв при этом только одного офицера.

Такие же примерно условия были обнаружены в Рогатине».

Далее, страница 19:

«Поскольку мы получаем все более и более тревожные сообщения о том, что евреи вооружаются и что это продолжается все время, мы начали две недели тому назад, в июне 1943 года, по всему району Галиции осуществлять мероприятия с применением самых решительных мер для того, чтобы уничтожить еврейские банды. Было обнаружено, что необходимы специальные меры для того, чтобы ликвидировать гетто во Львове, где были устроены землянки, о которых я уже говорил. Для того чтобы избежать потерь с нашей стороны, здесь с самого начала надо было действовать жестоко. Нам пришлось взорвать и сжечь несколько домов... К нашему удивлению, мы сумели схватить примерно 20 тысяч евреев вместо 12 тысяч, которых мы зарегистрировали. Мы должны были вытащить по край-

ней мере 3 тысячи трупов евреев из всякого рода укромных мест, где они совершали самоубийства, приняв яд...

В период проведения эвакуации мы провели также конфискацию еврейской собственности. Очень большое количество этой собственности было конфисковано и передано специальному управлению «Рейнхард».

Кроме мебели и текстильных товаров, следующие предметы были конфискованы и переданы управлению «Рейнхард». Вот часть списка этих конфискованных предметов: около 21 килограмма золотых обручальных колец, 7 полных коллекций печатей, полный чемодан перочинных ножей, ящик вечных ручек и автоматических карандашей, три мешка колец ненастоящего золота, 35 вагонов мехов, 11,73 килограмма золотых зубов и пломб.

К концу 1942 года евреи в польском генерал-губернаторстве были согнаны в 55 общин, в то время как до немецкого вторжения существовала примерно тысяча еврейских поселений на той же площади. Это сообщено в официльной газете генерал-губернаторства за 1 ноября 1942 года.

Евреи, поскольку их регистрировали и поселяли в гетто, стали фактически источником рабского труда. Полагаю, что следует подчеркнуть, какая разница существует между рабским трудом и трудовой повинностью. В последнем случае должна была существовать какая-то компенсация, установленные часы работы, какое-то медицинское обслуживание и другие элементарные меры социального обеспечения, но первая группа ничего этого не имела и фактически находилась на положении хуже рабов. Подсудимый Розенберг, в качестве рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий, учредил специальный отдел, который должен был разрешать еврейскую проблему путем организации рабского труда. Его планы содержались в документе, который мы представляем под номером ПС-1024, США-278.

Этот документ озаглавлен: «Общая организация и задачи управления по разрешению вопросов, связанных с восточными территориями». Он датирован 29 апреля 1941 г.

«Разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться мерами временного характера. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны служить разрешению этой проблемы».

После этого Розенберг издал инструкцию, документ ПС-212, США-272, о том, что еврейский труд должен применяться и использоваться главным образом в форме ручного труда.

«...Еврейский труд, независимо от возраста, должен полностью и неограниченно использоваться для перестройки оккупированных восточных территорий. Таково действующее правило.

Нарушение указаний германских властей, в особенности нарушение распоряжений по использованию принудительного труда со стороны евреев, должно караться смертью».

Из гетто еврейские рабочие отбирались и отправлялись на специальные пункты, где они концентрировались. Здесь отделялись евреи, которых можно было использовать для

работы, причем их отделяли от тех, которые казались ненужными. Например, из 45 тысяч евреев отбирались 10—15 тысяч таких, которые должны были работать...

Рапорт генерал-лейтенанта полиции Кацмана высшему руководителю СС и полиции на Востоке Крюгеру, документ Л-18, США-277, ясно показывает характер этого насильственного принуждения к труду и дает представление об условиях труда евреев в это время.

«Лучшим выходом из положения будет организация трудовых лагерей с помощью СС и полицейских руководителей. Наиболее подходящий вид труда может заключаться в том, чтобы достроить дорогу Дч.- 4, которая так необходима и важна для всей южной части фронта и которая сейчас находится в катастрофическом состоянии.

15 октября 1941 г. организация лагерей вдоль этой дороги была уже начата, и, несмотря на значительные трудности, которые существовали, через две недели уже было организовано семь лагерей, в которых содержалось 4 тысячи евреев.

Вскоре за этими лагерями было организовано еще несколько лагерей. Таким образом, через некоторое время мы имели уже 15 лагерей и сообщили об этом руководящим работникам СС и полиции. За это время примерно 20 тысяч евреев прошли через эти лагеря, и, несмотря на невероятные трудности, я сегодня могу доложить, что 160 километров дороги уже построено...»

Начиная представление доказательств осуществления гитлеровцами программы уничтожения евреев, я хочу обратиться к тому богатому источнику документальных доказательств, которым является дневник Ганса Франка, генерал-губернатора оккупированной Польши. На заседании кабинета во вторник 16 декабря 1941 г. в здании правительства в Кракове подсудимый Франк обратился с заключительной речью к собравшимся, документ ПС-2233 (d), США-281:

«...Поскольку дело касается евреев, я хочу сказать вам совершенно откровенно, что с ними надо покончить тем или иным способом...

Что нужно делать с евреями?.. Мы ничего не можем сделать с ними ни в Остланде ни в рейхскомиссариате. Поэтому ликвидируйте их сами. Господа, я должен просить вас отказаться от всякого чувства жалости. Мы должны истребить евреев, где бы мы их ни находили и всякий раз, когда это только возможно...

Устарелые взгляды не могут применяться для выполнения такой исключительно важной и единственной в своем роде задачи. Мы должны найти путь, который ведет к цели, и мои мысли работают в этом направлении. Евреи являются для нас сейчас вредными микробами. Мы имеем сейчас примерно два с половиной миллиона евреев в генерал-губернаторстве. И если считать полуевреев и всех тех, которые к ним относятся, мы имеем три с половиной миллиона. Мы не можем расстрелять или отравить эти три с половиной миллиона, но мы, тем не менее, сумеем принять меры, которые приведут тем или иным путем к их уничтожению...»

Я время от времени ссылался на некоторые высказывания и действия подсудимого Розенберга как одного из руководителей политики нацистской партии и германской империи. Может быть, подсудимый Розенберг будет утверждать, что многие из его действий были вызваны полученными свыше указаниями. Однако передо мной находится документ ПС-001, США-282, помеченный грифом «секретно», датированный 18 декабря 1941 г. и озаглавленный: «Меморандум для фюрера, касающийся еврейской собственности во Франции». Я осмелюсь здесь заявить, что никакой другой документ, представленный Трибуналу, не является столь убедительным и столь ярким доказательством позиции, занимаемой подсудимым Розенбергом, его личных убеждений и его отношения к евреям, чем этот меморандум, в котором он по собственной инициативе требует смерти и грабежа.

«В связи с приказом фюрера о захвате еврейских культурных ценностей докладываю, что большое количество еврейских домов никем не контролируется. В результате большое количество мебели исчезло потому, что не были выставлены часовые. На всем Востоке администрация обнаружила жуткие условия в жилых квартирах, а возможность улучшения их столь ограниченна, что не стоит об этом говорить. Поэтому я прошу фюрера разрешить изъять все оборудование и всю мебель в домах евреев в Париже, всех тех евреев, которые убежали или которые собираются уехать, а также во всех домах евреев, которые живут в оккупированных районах Запада, для того чтобы восполнить недостаток мебели в восточных районах.

Большое количество занимавших высокое положение евреев после короткого допроса в Париже было выпущено. Покушения на жизнь наших солдат не прекратились. Напротив, они продолжаются. Это показывает, что существует определенный план нарушить германо-французское сотрудничество, вынудить Германию отомстить и, таким образом, вызвать новую волну сопротивления во Франции против Германии. Я предлагаю фюреру вместо того, чтобы казнить сто французов, заменить их сотней еврейских банкиров, адвокатов и т. д. Именно евреи в Лондоне и Нью-Йорке подстрекают французских коммунистов совершать акты насилия и было бы чрезвычайно справедливо, чтобы члены этой расы расплатились за это. Не рядовые евреи, а ведущие евреи во Франции должны за это ответить. Это приведет к тому, что начнутся антисемитские настроения. А. Розенберг...»

С разрешения Трибунала я продолжу рассмотрение методов уничтожения евреев.

Сначала я хотел бы остановиться на доказательствах умерщвления евреев голодной смертью. Была разработана и осуществлялась политика лишения евреев самых необходимых средств существования.

Подсудимый Ганс Франк записал в своем дневнике, что в польском гетто были установлены голодные нормы, и, ссылаясь на новые правила продовольственного снабжения, введенные в августе 1942 года, он бессердечно и, по-видимому, мимоходом указал, что, используя эти пра-

вила, он приговорил к голодной смерти более чем один миллион евреев.

Я представляю в качестве доказательства дневник Ганса Франка, запись от 24 августа 1943 г. Документ ПС-2233(е), США-283.

«Тот факт, что мы приговариваем 1 миллион 200 тысяч евреев к голодной смерти, следует отметить только мимоходом. Само собою разумеется, что если евреи не умрут с голоду, то мы надеемся, это приведет к активизации антиеврейских мероприятий».

Евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством с целью закрыть им доступ к источникам продовольствия, о чем свидетельствует документ ПС-1138, США-284, озаглавленный: «Временные директивы относительно обращения с евреями». Директивы изданы рейхскомиссаром восточных территорий.

«Евреев надо изгонять из сельской местности. Евреев надо изгонять из всех областей торговли, особенно из торговли сельскохозяйственными продуктами и другими продуктами питания».

Евреям запрещалось покупать основные продукты питания, такие, как мучные изделия, мясо, яйца и молоко...

Государственной полиции было поручено изымать продовольственные посылки евреям, присылаемые из-за границы. Еврейские продовольственные карточки имели на лицевой стороне цветную надпись «еврей», чтобы владельцы магазинов могли сразу определить национальность владельца и ограничить закупки евреев...

По специальному приказу номер 44 от 4 ноября 1941 г. в восточных оккупированных областях для евреев устанавливались нормы, которые составляли лишь половину самых низших норм для остальной части населения.

Министерству сельского хозяйства предписывалось целиком или частично лишать евреев возможности приобретать продовольствие. Таким образом еврейское население обрекалось на голодную смерть...

Перехожу к теме уничтожения евреев в пределах гетто. Господин Джексон в своей вступительной речи уже ссылался на документ ПС-1061, США-275, озаглавленный: «Варшавское гетто больше не существует».

Это—целый том, переплетенный в кожу, со многими иллюстрациями и отпечатанный на бумаге высшего качества. Он представляет собой образец германского ремесленнического мастерства. Это отчет о деятельности генерал-майора полиции Штроопа. Генерал Штрооп вначале превозносит «мужество» и «героизм» германских вооруженных сил, участвовавших в жестоких и беспощадных действиях против беззащитных евреев, которых насчитывалось 56065 человек, в том числе, конечно, женщин и детей. Затем в этом документе он описывает день за днем, как производилось выполнение его задания—разрушить и смести с лица земли варшавское гетто. Согласно этому, отчету, в гетто, созданном в Варшаве в ноябре 1940 года, находилось около 400 тысяч евреев. До начала операции

по разрушению этого гетто около 316 тысяч евреев было уже вывезено оттуда...

В донесении от 24 мая 1943 г. генерал-майор Штрооп подвел последние итоги.

«Из общего числа 56 065 человек пойманных евреев примерно 7 тысяч человек были убиты на территории бывшего гетто во время операции широких масштабов, 6929 евреев были уничтожены после доставки их в Т-II[1].

Общее число уничтоженных евреев составляет 13 929 человек. Помимо названных 56 065 человек, примерно 5 или 6 тысяч евреев были уничтожены во время взрывов или же погибли в пламени»...

Для уничтожения евреев не всегда было необходимо и возможно, начинать со стадии помещения их в гетто. В прибалтийских государствах это осуществлялось более простым путем. Об этом свидетельствует отчет бригадефюрера СС Шталекера от 15 октября 1941 г., адресованный Гиммлеру и обнаруженный нами в личном архиве Гиммлера. Документ Л-180, США-276. Он озаглавлен: Эйнзатцгруппа «А». В отчете докладывалось, что 135 567 человек, почти все евреи, были убиты в соответствии с приказами о полном уничтожении евреев. Этот документ дает нам возможность ознакомиться со следующими заявлениями того же бригадефюрера СС:

«К нашему изумлению, вначале было нелегко провести большой еврейский погром. Климатис—начальник отряда вооруженных добровольцев, который вначале был использован для этой цели, смог организовать погром лишь в соответствии с советами, которые давались ему небольшой воинской частью, действовавшей в Каунасе. Это было сделано таким образом, что постороннему наблюдателю невозможно было заметить никакого нажима или подстрекательства со стороны немцев...»

В качестве средства массового уничтожения евреев были использованы газовые автомашины. Описание этих машин ужаса и смерти и их действия подробно изложено в совершенно секретном отчете от 16 мая 1942 г., который был адресован оберштурмбаннфюреру СС Рауфу в Берлин, Принцальбрехтштрассе, 8, доктором Бекером, унтерштурмфюрером СС. Документ ПС-501, США-288.

«Осмотр газовых автомобилей группы «D» и «С» окончен. В то время как газовые автомобили первой серии могут использоваться и в плохую погоду, автомобили второй серии «Заурер» совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то их нельзя использовать потому, что они буксуют. Эти автомобили можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, можно ли использовать газовый автомобиль тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, его следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Во-вторых, место казни обычно находится в

[1] Условное обозначение одного из лагерей уничтожения в Треблинке.

10—15 километрах от шоссе и к нему трудно добираться. В грязь или в сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они быстро начинают соображать, что происходит, и начинают беспокоиться, чего следует избегать, насколько это возможно. Остается один только способ—грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашины «D» под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками».

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но и замаскировать его...

Ввиду пересеченной местности, ужасных дорог и шоссе заклепки со временем отходят и появляются щели. Меня просили, чтобы в таких случаях можно было не направлять автомобили на ремонт в Берлин. Перевозка в Берлин была бы слишком дорога и требовала бы слишком много горючего. С целью избежать этих затрат я приказал запаивать небольшие щели, а если это, в конце концов, окажется невозможным, то немедленно информировать Берлин по радио. Затем я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашин с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа, который может иногда выходить наружу. Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы обратить Ваше внимание на тот факт, что некоторые команды должны были производить разгрузку после применения газа своими силами. Я обратил внимание командиров специальных подразделений на огромный психологический ущерб для здоровья, который эта работа может иметь для этих людей, если не сразу, то, по крайней мере, позднее. Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каждой разгрузки. Тем не менее они не хотят уклоняться от выполнения приказа потому, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать удобный момент для того, чтобы совершить побег. Я прошу Вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба здоровью...

Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселатор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и

посещу группу «В», где я смогу получить дальнейшие сведения. Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС».

На странице 3 документа ПС-501 имеется письмо гауптштурмфюрера Трюге по вопросу газовых автомобилей, адресованное в главное управление имперской безопасности в Берлине, в комнату номер 2-D-3-А. Это совершенно секретное письмо подтверждает использование газовых автомобилей для уничтожения евреев.

«Тема: Газовые автомобили». Транспорт с евреями, которые должны быть подвергнуты особому обращению, прибывает еженедельно в управление начальника полиции безопасности и СД Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем (две «Диамонд», одна «Заурер»), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ. Начальник полиции безопасности и СД Остланда». Подпись.

Из документальных доказательств видно, что среди чиновников германского правительства существовали определенные разногласия по поводу того, какие средства и методы следует использовать при осуществлении программы уничтожения. Это вытекает из письма, адресованного имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий, документ Р-124.

«Тот факт, что к евреям применяется особое обращение, не нуждается в дальнейшей дискуссии. Однако с трудом можно поверить, чтобы это совершалось таким образом, как об этом говорится в отчете генерального уполномоченного от 1 июня 1943 г. Что представляет собой Катынь по сравнению с этим? Подумать только, что события станут известны противнику, который может это использовать. Хотя, вероятнее всего, такая пропаганда не будет иметь никакого успеха потому, что люди, которые будут слушать или читать об этом, просто не поверят, что это правда...

Запирать мужчин, детей и женщин в сараях и поджигать эти сараи не является подходящим методом для борьбы с бандами, даже если это преследует цели истребления населения...» Документ Р-135, США-289.

Начальник тюрьмы города Минска Гюнтер в письме от 31 мая 1943 г., которое является частью документа Р-135 и адресовано генеральному комиссару Белоруссии, сообщал:

«13 апреля 1943 г. бывший германский зубной врач Эрнест Израель Тихауер и его жена Эльза Сарра Тихауер, урожденная Розенталь, службой безопасности были помещены в судебную тюрьму. С этого времени все немецкие и русские евреи, которые привозились к нам, подвергались операции по выдергиванию или выламыванию золотых зубов, мостов и коронок. Это производилось за один-два часа до соответствующих действий...

Начиная с 13 апреля 1943 г. было убито 516 немецких и русских евреев. Точно установлено, что золотые предметы

изо рта были извлечены в течение только двух операций: в первый раз 14 апреля 1943 г. у 172 евреев и во второй раз 27 апреля 1943 г. у 164 евреев. Примерно 50 процентов евреев имеют золотые зубы, мосты и пломбы. При этом всегда лично присутствовал гауптшарфюрер СД Рубе, который и забирал золото. До 13 апреля 1943 г. этого не делалось. Подпись: Гюнтер, начальник тюрьмы».

Это письмо было направлено подсудимому Розенбергу как имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий в июне 1943 года...

Я представляю в качестве доказательства захваченное письмо инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г., адресованное начальнику управления военной экономики и вооружения генералу Томасу. Документ ПС-3257, США-290.

«Я направляю полный отчет о нынешнем положении в рейхскомиссариате Украины для личного сведения начальнику управления военной экономики и вооружения. В этом отчете с бесспорной ясностью описываются трудности и напряженная обстановка, которые имелись до сих пор, а также проблемы, которые могут вызвать серьезное беспокойство.

Я умышленно решил отказаться от передачи этого отчета через официальные каналы или же сделать известным его содержание другим ведомствам, так как не жду от этого никаких результатов. Наоборот, я сознаю, что ввиду сложности ситуации могут только увеличиться трудности и напряженность обстановки и усилиться расхождения во взглядах.

«Еврейская проблема». Разрешение еврейского вопроса на Украине было трудной проблемой, так как евреи составляли значительную часть городского населения... Во многих городах еврейское население превышало 50 процентов. Только богатые евреи сумели ускользнуть от германских войск. Большинство евреев осталось под властью немцев. Германская администрация оказалась перед трудной проблемой, так как почти все эти евреи представляют собой ремесленное сословие и они используются также на небольших промышленных предприятиях. Кроме того, евреи использовались в учреждениях, которые частично стали излишними в результате прямого или косвенного влияния войны. Поэтому истребление должно было вызвать далеко идущие экономические последствия и даже прямые последствия для производства вооружения. Еврейское население относилось к ситуации с беспокойством — с самого начала евреи пытались подчиняться. Они пытались избегать всего, что могло бы вызвать неудовольствие германской администрации.

То, что евреи внутренне ненавидели германскую администрацию, само собой понятно и неудивительно. Однако нет доказательства того, что все еврейское население или даже большое число его занималось актами саботажа. Безусловно, среди них были террористы и саботажники, так же как и среди украинцев. Но нельзя сказать, что евреи представляли собой угрозу для германских вооруженных

сил. Производство, в котором были заняты евреи, ускорялось не чем иным, как их страхом, и удовлетворяло как войска, так и германскую администрацию.

Некоторое время после окончания военных действий еврейское население не трогали. Только лишь спустя несколько недель, иногда месяцев, специально выделенные части полиции начали производить планомерные расстрелы евреев. Эти действия происходили, как правило, в направлении с востока на запад. Это производилось открыто с использованием украинской милиции, и, к несчастью, в некоторых случаях военнослужащие германской армии также принимали в этом добровольное участие. Эти действия распространялись на мужчин, стариков, женщин и детей всех возрастов и проводились ужасным образом. Учитывая огромное количество казненных, эта акция оказывается куда более массовой, чем любая аналогичная по мерам, предпринимаемая до сего времени в Советском Союзе.

Примерно от 150 до 200 тысяч евреев было уничтожено в той части Украины, которая входила в рейхскомиссариат. Никакого внимания не обращалось на интересы экономики...

Суммируя все это, можно сказать, что тот способ разрешения еврейской проблемы, который применялся на Украине и который в принципиальном отношении основывался на идеологических теориях, имел следующие результаты:

а) уничтожение отчасти излишней категории едоков среди городского населения;

б) уничтожение части населения, которая, вне всякого сомнения, нас ненавидела;

в) уничтожение ремесленников, в которых имелась острая нужда и которые необходимы даже в интересах вооруженных сил;

г) результаты, сказавшиеся на внешней политике, — пропаганда, которая проводится вне всякого сомнения;

д) отрицательное воздействие на войска, которые во всяком случае имели косвенное отношение к экзекуциям;

е) дурное влияние на части регулярной полиции, которые производят казни...»

Все это имело место не только на Востоке. То же самое об обращении с евреями на Западе можно видеть из официального отчета голландского правительства, составленного комиссаром по репатриации. Этот документ повествует о германских мероприятиях в Нидерландах против голландских евреев: декреты, антисемитские демонстрации, сжигание синагог, изгнание евреев из экономической жизни страны, ограничения в снабжении продовольствием, рабский труд, заключение в концентрационные лагеря, насильственный вывоз и смерть — все это следовало той же программе, которая проводилась в жизнь на территории всей оккупированной фашистами Европы.

В распоряжении Трибунала имеется документ ПС-1726, США-195. Я не намереваюсь оглашать его полностью, но следует обратить внимание Трибунала на ту часть отчета, где говорится о насильственном вывозе голландских евреев. Это на пятой странице перевода. Здесь говорится о том, что общее число евреев, подлежащих вывозу, состав-

ляло 140 тысяч. Общее число насильственно вывезенных лиц достигало 117 тысяч, что составляет более чем 83 процента всех евреев в Нидерландах. Из этих насильственно вывезенных лиц, согласно голландскому отчету, 115 тысяч было направлено в Польшу для принудительного труда, и после этого все сведения о них теряются. Вне зависимости от того, победит ли Германия или потерпит поражение, евреи были обречены. Нацистское руководство провозгласило свое намерение—какова бы ни была судьба Германии, евреи не выживут.

Далее я представляю сообщение начальника полиции безопасности и СД области Радом, документ Л-53, США-291, адресованное гауптштурмфюреру СС Тилю, на тему: «Чистка в тюрьмах».

«Я вновь обращаю внимание на тот факт, что количество заключенных в тюрьмах ЗИПО и СД должно быть минимальным. При нынешней обстановке заподозренные лица, особенно арестованные гражданской полицией, нуждаются только в коротком формальном допросе, если нет серьезных улик против них. Затем их как можно быстрее надо посылать в концлагеря, если нет необходимости в военно-полевом суде или если они не подлежат освобождению. Пожалуйста, освобождайте как можно меньше арестованных. В случае, если обстановка на фронте делает это необходимым, надо подготовиться к полной очистке тюрем. Если обстановка неожиданно изменится таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, их надо ликвидировать, а их тела уничтожить (сжигать, взрывать здания и т. д.). В случае необходимости с евреями, которые еще заняты в промышленности по вооружению или же на других работах, надо поступать таким же образом. Освобождения заключенных или евреев врагом—будь то Красная Армия или «ВБ»[1]—следует избегать при всех обстоятельствах. Они ни в коем случае не должны попадать им в руки живыми»...

В лагере Освенцим в течение июля 1944 года ежедневно убивали 12 тысяч евреев. Сведения об этом содержатся в документе Л-161, США-292. Этот документ представляет собой официальный польский отчет о концлагере Освенцим, датированный 31 мая 1945 г.

«В течение июля 1944 года убивали в день по 12 тысяч венгерских евреев, а так как крематорий не мог пропустить такое количество трупов, то они сбрасывались в глубокие ямы и засыпались негашеной известью».

Представляю в качестве доказательства официальный отчет польской правительственной Комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Этот документ, ПС-3311, США-293, описывает концлагерь в Треблинке.

«В марте 1942 года немцы приступили к сооружению другого лагеря Треблинка-Б, близ Треблинка-А, который должен был стать местом для истребления евреев. Создание этого лагеря находилось в тесной связи с германским

---

[1] Сокращение от «Вестбунд»—*западные союзники.*

планом, который имел целью полное уничтожение еврейского населения в Польше. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания аппарата, при помощи которого польских евреев можно было бы убивать в массовом порядке. В апреле 1942 года было закончено строительство первых камер, в которых жертвы должны были умерщвляться газом. Затем было закончено создание основного здания, где производились убийства, в котором имелось 10 камер смерти. Открытие его относится к началу августа 1942 года и ознаменовалось производством массовых убийств».

Затем польская Комиссия описывает последовательность порядка экзекуции в лагере.

«Среднее число евреев, которые доставлялись в лагерь летом 1942 года, достигало двух железнодорожных эшелонов в день. Но были дни, когда это количество намного превышалось. Начиная с осени 1942 года это количество начало понижаться.

После разгрузки поезда всех жертв собирали в одном месте, где мужчин отделяли от женщин и детей. В первые дни существования лагеря жертвы убеждались в том, что они должны совершить краткую остановку в лагере для того, чтобы помыться и пройти дезинфекцию, а затем их пошлют дальше на Восток на работу. Такие объяснения давались эсэсовцами, которые помогали при разгрузке эшелона. Кроме того, об этом говорилось в объявлениях, развешенных на стенах бараков. Затем, когда прибывало все большее количество эшелонов, немцы отбрасывали все стеснения и только старались ускорить процедуру.

Все жертвы должны были снять одежду и обувь, которые потом собирались. Затем все жертвы, в первую очередь женщины и дети, доставлялись в камеры смерти. Те, которые были слишком слабы или двигались медленно, подгонялись ружейными прикладами, хлыстами и кулаками. Зачастую в этом принимал участие сам Зауер. Некоторые поскользнувшиеся падали, остальные жертвы, вынужденные двигаться вперед, шли по их телам. Маленьких детей просто бросали вовнутрь. Затем набитые до отказа камеры герметически закрывались, и в них пускали газ, и через несколько минут все было кончено. Затем мужчины-евреи должны были выносить трупы с платформы и хоронить их в массовых могилах. Прибывали все новые эшелоны, и кладбище все возрастало. Согласно полученным отчетам можно подсчитать, что в Треблинке было истреблено несколько сот тысяч евреев».

Документ Л-22, США-294, представляет собой официальный отчет правительства США, составленный управлением по вопросам беженцев при президенте США о положении в немецких лагерях в Освенциме и Биркенау в 1944 году. В этом отчете указано, что общее количество евреев, которые были умерщвлены при помощи газа в немецком лагере Биркенау в период между апрелем 1942 года и апрелем 1944 года, составляет 1765 тысяч человек. Меня заверили, что это не типографская ошибка и цифра соответствует действительности...

В заключение я хочу представить документ, доказывающий, что 4 млн. евреев было уничтожено в лагерях и 2 млн.—умерщвлено полицией на Востоке, что составляет 6 млн. уничтоженных евреев. Документ ПС-2738, США-296, содержит изложение устного заявления Адольфа Эйхмана, начальника еврейской секции гестапо, который сообщил цифры, воспроизведенные в письменном показании доктора Вильгельма Хеттля, заместителя начальника главного управления иностранной разведки управления имперской безопасности. Доктор Вильгельм Хеттль показал следующее:

«Примерно 4 миллиона евреев было истреблено в различных концлагерях. В то же время еще дополнительно 2 миллиона евреев умерщвлено другими путями. Большая часть их была расстреляна эйнзатцгруппами полиции безопасности в период кампании против России».

Эйхман был одним из источников информации для доктора Вильгельма Хеттля, являвшегося помощником Эйхмана.

«Мне известно, что Эйхман был в то время начальником секции по еврейским вопросам гестапо и плюс к этому ему было поручено руководить арестом всех евреев в европейских странах и отправкой их в Германию лично Гиммлером. Эйхман тогда был весьма удручен тем фактом, что Румыния в те дни вышла из войны. Более того, он пришел ко мне, чтобы получить информацию относительно обстановки на фронте, которую я ежедневно получал от венгерского военного министра и от командующего войсками СС в Венгрии.

Он выразил свою убежденность в том, что Германия проиграла войну и что для него все потеряно. Он знал, что Объединенные Нации будут рассматривать его как одного из главных военных преступников, так как он имел на своей совести миллионы загубленных еврейских жизней. Я спросил, сколько их было всего. Он ответил, что, хотя это было величайшим государственным секретом, он ответит на этот вопрос, так как для меня как для историка это составит интерес и так как он был убежден, что уже не вернется из Румынии. Он незадолго до этого составил отчет для Гиммлера, который хотел знать точно, какое число евреев он убил».

Из допроса свидетеля Д. ВИСЛИЦЕНИ[1]

Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 3 января 1946 г.

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Брокхарт *(представитель обвинения от США): Сколько Вам лет?*

Вислицени: *Мне 34 года.*

Брокхарт: *Где Вы родились?*

[1] IMT, vol. 4, p. 355—373.

Вислицени: *Я родился в Регулевконе, в Восточной Пруссии.*

Брокхарт: *Вы были членом германской национал-социалистской рабочей партии?*

Вислицени: *Да, я был членом НСДАП.*

Брокхарт: *С какого года?*

Вислицени: *Я сперва вступил в партию весной 1931 года, затем был вычеркнут из партийного списка и с 1933 года окончательно вступил в НСДАП.*

Брокхарт: *Вы были членом СС?*

Вислицени: *Да, в 1934 году я вступил в СС.*

Брокхарт: *Вы были сотрудником гестапо?*

Вислицени: *В 1934 году я вступил в СД.*

Брокхарт: *До какого чина Вы дослужились?*

Вислицени: *В 1940 году был гауптштурмфюрером СС.*

Брокхарт: *Знаете ли Вы Адольфа Эйхмана?*

Вислицени: *Да, я знаю Эйхмана с 1934 года.*

Брокхарт: *При каких обстоятельствах Вы познакомились с ним?*

Вислицени: *Мы приблизительно в одно время, в 1934 году, вступили в СД. До 1937 года были в одном отделе.*

Брокхарт: *Насколько хорошо Вы лично знали Эйхмана?*

Вислицени: *Мы знали друг друга отлично. Мы были с ним на «ты», учились в одной школе и я знал его семью.*

Брокхарт: *Каков положение он занимал?*

Вислицени: *Эйхман был начальником отдела в IV управлении, то есть гестапо, в главном управлении имперской безопасности.*

Брокхарт: *IV управление или отдел? Если отдел, то какой?*

Вислицени: *Он руководил отделом IV-А-4. Это отдел охватывал два сектора. Первый—по делам церкви, второй—по еврейскому вопросу.*

Брокхарт: *Каковы были особые задачи отдела IV-А-4-В главного управления имперской безопасности?*

Вислицени: *Отдел IV-А-4-В занимался еврейским вопросом в рамках РСХА. Эйхман имел особые полномочия от группенфюрера Мюллера, начальника IV управления, и от начальника полиции безопасности. Он был ответствен за так называемое решение еврейского вопроса в Германии и во всех занятых Германией областях.*

Брокхарт: *Можно ли деятельность в отношении евреев подразделить на определенные периоды?*

Вислицени: *Да.*

Брокхарт: *Опишите приблизительно эти периоды и акции, которые тогда проводились.*

Вислицени: *До 1940 года общая директива была—решить еврейский вопрос в Германии и занятых ею областях с помощью эмиграции. Вторая фаза началась с того, что приступили к концентрации всех евреев в Польше и других занятых Германией восточных областях, и причем в форме гетто. Этот период продолжался приблизительно до начала 1942 года. Третьим периодом было так нызываемое окончательное решение еврейского вопроса, то есть планомерное уничтожение евреев. Этот период длился до октября 1944 года, пока Гиммлер не отдал приказ прекратить это уничтожение.*

Брокхарт: *Когда Вы впервые стали иметь дело с отделом IV-A-4 РСХА?*

Вислицени: *Это произошло в 1940 году.*

Брокхарт: *Какую должность Вы занимали?*

Вислицени: *Эйхман сделал мне предложение отправиться в Братиславу и занять там пост консультанта по еврейскому вопросу при словацком правительстве.*

Брокхарт: *В течение какого времени Вы находились на этом посту?*

Вислицени: *В Братиславе я был до весны 1943 года, затем почти один год—в Греции, потом с марта 1944 года до декабря 1944 года я был при Эйхмане в Венгрии. В январе 1945 года я покинул отдел Эйхмана.*

Брокхарт: *В то время, когда Вы официально были связаны с отделом IV-A-4, не знали ли Вы о существовании какого-либо приказа об уничтожении всех евреев?*

Вислицени: *Да. Я получил такой приказ впервые от Эйхмана летом 1942 года.*

Брокхарт: *Расскажите Трибуналу, при каких обстоятельствах был издан это приказ, в чем состояла его суть?*

Вислицени: *Весной 1942 года около 17 тысяч евреев из Словакии были перевезены в Польшу в качестве рабочих. Таково было соглашение со словацким правительством. В дальнейшем словацкое правительство делало запросы по поводу того, нельзя ли также отправить и членов семей этих рабочих в Польшу. Вначале Эйхман отклонил это предложение. В апреле или в начале мая 1942 года он сообщил мне, что целые семьи могут теперь быть посланы в Польшу. Эйхман был сам в мае 1942 года в Братиславе и вел переговоры с представителями словацкого правительства. Он посетил министра Маха и затем премьер-министра профессора Тука.*

Он тогда заверил словацкое правительство в том, что с этими евреями в польских гетто будут обращаться порядочно. Словацкое правительство особо высказало это пожелание. В результате этого заверения около 35 тысяч евреев было послано из Словакии в Польшу. Словацкое правительство, однако, пыталось добиться того, чтобы с этими евреями в действительности обращались по-человечески, оно особенно старалось что-либо сделать для евреев, принявших христианское вероисповедание. Премьер-министр Тука несколько раз приглашал меня к себе и выражал пожелание, чтобы словацкая делегация могла осмотреть области, в которых якобы находились словацкие евреи. Это пожелание я передал Эйхману. Об этом также было поставлено в известность и правительство. Эйхман сначала дал уклончивый ответ. Я в конце июля или в начале августа поехал к нему в Берлин и настойчиво просил его выполнить пожелание словацкого правительства.

Я указал ему на то, что за границей ходят слухи о том, что евреев в Польше истребляют. Я указал на то, что со стороны папы римского последовало заявление, адресованное словацкому правительству. Я указал на то, что такие действия, если они действительно имели место, могут повредить за рубежом нашему престижу, то есть престижу

Германии. По всем этим причинам я просил его сделать заявление такого рода. После продолжительной дискуссии Эйхман заявил мне, что он ни при каких обстоятельствах не может разрешить посещение польских гетто. На мой вопрос «почему» он ответил, что большей части евреев уже нет в живых. Когда я спросил его, кто отдал такой приказ, он сказал мне, что это приказ Гиммлера. После этого я просил его, чтобы он показал мне этот приказ, потому что я не мог представить себе, что действительно существует такой письменный приказ.

Брокхарт: *Где произошла встреча с Эйхманом?*

Вислицени: *Эта встреча состоялась в Берлине на Курфюрстенштрассе, 116, в бюро Эйхмана.*

Брокхарт: *Хорошо. Продолжайте отвечать на предыдущий вопрос. Расскажите об обстоятельствах издания и содержании приказа.*

Вислицени: *Эйхман сказал мне, что он может показать мне этот письменный приказ, если это успокоит мою совесть. Он достал из своего сейфа небольшую рукопись и показал мне письмо Гиммлера.*

Смысл этого документа сводился приблизительно к следующему:

Фюрер приказал окончательно решить еврейский вопрос. Разрешение этого вопроса поручается начальнику полиции безопасности и СД и инспектору концентрационных лагерей. Это так называемое окончательное решение не распространяется пока на работоспособных евреев мужского и женского пола, которые должны использоваться для работы в концентрационных лагерях. Этот документ был подписан самим Гиммлером. Тут не может быть ошибки, так как я точно знаю подпись Гиммлера.

Брокхарт: *Кому был адресован этот приказ?*

Вислицени: *Начальнику полиции безопасности и СД, это значит в аппарат начальника полиции безопасности и СД.*

Брокхарт: *Был ли он адресован еще кому-нибудь?*

Вислицени: *Да, инспектору концлагерей Везелю. Этим двум учреждениям был адресован приказ.*

Брокхарт: *Был ли на этом приказе какой-либо гриф секретности?*

Вислицени: *Это был совершенно секретный документ.*

Брокхарт: *Когда он был примерно издан?*

Вислицени: *Этот приказ был издан примерно в апреле 1942 года.*

Брокхарт: *Кем он был подписан?*

Вислицени: *Гиммлером лично.*

Брокхарт: *И Вы лично ознакомились с этим приказом в отделе Эйхмана?*

Вислицени: *Да. Эйхман давал мне этот документ, и я сам видел его.*

Брокхарт: *Задавали ли Вы какие-нибудь вопросы относительно значения слов «окончательное решение», которые имелись в приказе.*

Вислицени: *Эйхман пояснил мне смысл этого выражения. Он сказал, что за словами «окончательное решение» скрывается планомерное биологическое уничтожение ев-*

рейской расы в восточных областях. И в более поздних дискуссиях на эту тему это выражение — «окончательное решение» постоянно употреблялось.

Брокхарт: *Сказали ли Вы что-нибудь Эйхману в отношении полномочий, которые были предоставлены ему этим приказом?*

Вислицени: *Эйхман сказал мне, что ему лично поручили проведение этого приказа. Для проведения этого приказа он получил все полномочия от начальника полиции безопасности, он был лично ответствен за исполнение этого приказа.*

Брокхарт: *Сделали ли Вы какие-нибудь замечания Эйхману относительно его полномочий?*

Вислицени: *Да, для меня было очевидно, что этот приказ означал смертный приговор миллионам людей. Я сказал Эйхману: «Пусть не допустит господь Бог, чтобы наши враги когда-нибудь получили возможность причинить то же самое немецкому народу». На это Эйхман сказал мне, что я не должен быть сентиментальным, что это приказ фюрера и что его нужно выполнить.*

Брокхарт: *Не известно ли Вам, продолжал ли оставаться в силе этот приказ и выполнялся ли он отделом Эйхмана?*

Вислицени: *Да.*

Брокхарт: *В течение какого периода времени?*

Вислицени: *Этот приказ оставался в силе до октября 1944 года. В это время Гиммлер издал контрприказ, который запрещал уничтожение евреев.*

Брокхарт: *Кто был начальником главного управления имперской безопасности, когда впервые был издан этот приказ?*

Вислицени: *Гейдрих.*

Брокхарт: *Продолжала ли выполняться программа согласно этому приказу с такой же эффективностью при Кальтенбруннере?*

Вислицени: *Да, никаких послаблений или изменений не было.*

Брокхарт: *Скажите, если Вы знаете, сколько времени Кальтенбруннер знал Эйхмана?*

Вислицени: *Из различных высказываний Эйхмана я заключил, что Кальтенбруннер и Эйхман знали друг друга очень давно. Они оба были из Линца, и, когда Кальтенбруннер был назначен начальником полиции безопасности, Эйхман выразил свое удовлетворение по этому поводу. Тогда он сказал мне, что лично знает Кальтенбруннера и что Кальтенбруннер знал его семью еще в Линце.*

Брокхарт: *Ссылался ли когда-либо Эйхман на свои дружеские отношения или близкое знакомство с Кальтенбруннером и на то, что это может оказаться ему полезным?*

Вислицени: *Да, он много раз повторял, что, если у него будет какое-нибудь затруднение, он всегда сможет обратиться лично к Кальтенбруннеру. Но ему не приходилось часто обращаться к его помощи, так как у него были очень хорошие отношения со своим непосредственным начальником — группенфюрером Мюллером.*

Брокхарт: *Присутствовали ли Вы, когда Эйхман встречался с Кальтенбруннером?*

Вислицени: *Да, однажды я видел, как Кальтенбруннер лично дружески приветствовал Эйхмана. Это было в феврале 1945 года в учреждении Эйхмана в Берлине. Кальтенбруннер каждый день приходил обедать на Курфюрстенштрассе, 116. Там собирались начальники управлений обедать вместе с Кальтенбруннером, и при этих обстоятельствах я лично видел, как Кальтенбруннер приветствовал Эйхмана, и спросил, как поживает его семья в Линце.*

Брокхарт: *Не знаете ли Вы, в какой мере Эйхман представлял Гейдриху и позднее Кальтенбруннеру доклады на утверждение по вопросам, касающимся руководства его отделом?*

Вислицени: *Нормальный путь инстанций вел от Кальтенбруннера к Эйхману через Мюллера. Насколько мне известно, через определенные промежутки времени Эйхман подготавливал отчеты и представлял их Кальтенбруннеру. Я знаю, что летом 1944 года Эйхман был лично у Кальтенбруннера с докладом.*

Брокхарт: *Имели ли Вы когда-либо случай ознакомиться с делопроизводством в отделе Эйхмана?*

Вислицени: *Да, я имел возможность часто просматривать бумаги бюро Эйхмана. Я знаю, что Эйхман очень тщательно сохранял все документы, касавшиеся его особых поручений. Он был во всех отношениях настоящим бюрократом. О каждом совещании со своим начальником он составлял записи, он часто повторял мне, что самое главное состоит в том, чтобы все санкционировалось сверху. Он сам всегда уклонялся от всякой личной ответственности и всегда старался, чтобы все мероприятия были санкционированы его начальниками, в данном случае Мюллером и Кальтенбруннером.*

Брокхарт: *В случае обычного доклада отдела Эйхмана, направляемого через Мюллера и Кальтенбруннера Гиммлеру, видели Вы когда-нибудь копии таких докладов в делах Эйхмана?*

Вислицени: *Да, такие копии, конечно, имелись в делах. Обычный путь был таковым: Эйхман поручал кому-либо из компетентных лиц разработать проект или сам делал это. Проект направлялся начальнику управления, группенфюреру Мюллеру, который либо сам подписывал его, либо предоставлял это Эйхману. В большинстве случаев, когда речь шла о докладах Кальтенбруннеру или Гиммлеру, Мюллер подписывал их сам. Если доклад был подписан Мюллером без всяких изменений, то он поступал обратно в бюро Эйхмана и изготавливался с копией. Этот подлинник обратно направлялся к Мюллеру на подпись, и оттуда его пересылыли дальше Кальтенбруннеру или Гиммлеру. В отдельных случаях, когда речь шла о докладах Гиммлеру, Кальтенбруннер подписывал их сам. Я лично видел такие копии.*

Брокхарт: *Возвращаясь к вопросу относительно тех стран, в которых проводились мероприятия против евреев, не скажете ли Вы, относительно каких именно стран Вам лично известно о проводившихся такого рода операциях?*

Вислицени: *Прежде всего, я лично знаю о всех мероприятиях, которые проводились в Словакии. Далее, мне известны также подробности эвакуации евреев из Греции и особенно эвакуации из Венгрии. Я также знаю о некоторых мероприятиях, проведенных в Болгарии и Хорватии. О мероприятиях в других странах я, конечно, слышал, но я не мог, однако, нарисовать себе ясной картины о ситуации в этих странах, не имея возможности лично наблюдать.*

Брокхарт: *Когда Вы говорили о Словакии, Вы уже упоминали относительно 17 тысяч евреев, которые были специально отобраны и высланы из Словакии. Не расскажите ли Вы Трибуналу о других мероприятиях в отношении евреев в Словакии, которые последовали вслед за этим?*

Вислицени: *Я упоминал уже, что за первыми 17 тысячами высланных еврейских рабочих последовали еще 35 тысяч евреев и причем целыми семьями. В августе или в начале сентября 1942 года высылку из Словакии прекратили. Причиной было то, что большая часть евреев, еще проживавших в Словакии, получила от премьер-министра и различных министерств разрешение остаться в стране. Когда словацкое правительство потребовало разрешения осмотреть лагеря в Польше, где находились евреи, я ответил отказом. Положение вещей осталось таким до сентября 1944 года. С августа 1942 года до сентября 1944 года евреев больше не высылали из Словакии. От 25 до 30 тысяч евреев еще оставалось в Словакии.*

Брокхарт: *Что произошло с первой группой в 17 тысяч специально отобранных рабочих?*

Вислицени: *Эта группа не была уничтожена. Она была полностью использована на работах в концентрационных лагерях в Освенциме и Люблине.*

Брокхарт: *Откуда Вам это известно?*

Вислицени: *Эти подробности я знаю от коменданта Освенцима Гесса, приехавшего в 1944 году в Венгрию и упомянувшего об этом. Он тогда сказал мне, что эти 17 тысяч евреев являются его лучшей рабочей силой в Освенциме.*

Брокхарт: *Как была фамилия этого коменданта?*

Вислицени: *Фамилия коменданта Освенцима была Гесс.*

Брокхарт: *Что случилось с 35 тысячами членов семей этих еврейских рабочих, которые были посланы в Польшу?*

Вислицени: *С ними обращались в соответствии с приказом, который Эйхман показал мне в августе 1942 года. Часть их осталась в живых, именно та часть, которую можно было использовать на работах. Остальные были уничтожены.*

Брокхарт: *Откуда это Вам известно?*

Вислицени: *Я знаю это от Эйхмана и, конечно, от Гесса из разговоров в Венгрии.*

Брокхарт: *Какой процент из этой группы составляют оставшиеся в живых?*

Вислицени: *Гесс во время разговора с Эйхманом, при котором я присутствовал, ознакомил нас с цифрами и сказал, что часть евреев, оставшихся в живых и находившихся на работах, составляет приблизительно 25—30 процентов.*

Брокхарт: *Возвращаясь теперь к 25 тысячам евреев,*

которые оставались в Словакии до сентября 1944 года, скажите, что Вам известно об их судьбе?

Вислицени: *После того как вспыхнуло восстание в Словакии осенью 1944 года, туда был послан гауптштурмфюрер Бруннер, один из помощников Эйхмана. Эйхман отклонил мое предложение отправиться в Словакию. Бруннер с помощью германской и словацкой полиции собрал всех евреев в одном лагере и отправил их в Освенцим. По высказываниям Бруннера там было 14 тысяч человек. Небольшая группа людей, остававшаяся в лагере Сегед, как мне известно, весной 1945 года была переведена в Терезиенштадт.*

Брокхарт: *Что произошло с этими 25 тысячами евреев после того, когда они были вывезены из Словакии?*

Вислицени: *Я предполагаю, что с ними поступили согласно приказу Гиммлера об «окончательном решении», так как приказ об отмене этого мероприятия был отдан Гиммлером лишь через несколько недель.*

Брокхарт: *Переходя теперь к мероприятиям в Греции, о которых Вы лично знаете, не расскажите ли Трибуналу в хронологической последовательности относительно мероприятий, проводившихся в этой стране?*

Вислицени: *В январе 1943 года Эйхман вызвал меня в Берлин и сказал, что я должен отправиться в Салоники, установить там связь с военной администрацией в Македонии и разрешить еврейский вопрос в Салониках. До этого в Салониках находился постоянный представитель Эйхмана, штурмбаннфюрер Рольф Гюнтер. Мой отъезд в Салоники был назначен на февраль 1942 года. В конце января 1942 года мне стало известно от Эйхмана, что для технического проведения всех мероприятий в Греции он назначил гауптштурмфюрера Бруннера и что Бруннер должен поехать вместе со мной в Салоники. Бруннер не подчинялся мне, он действовал самостоятельно. В феврале 1942 года мы отправились в Салоники и прежде всего установили там контакт с военной администрацией. В качестве...*

Брокхарт: *С кем из военной администрации Вы имели дело?*

Вислицени: *Начальником военной администрации в Салониках был доктор Меркель.*

Брокхарт: *Вы один раз или более упоминали 1942 год. Не имеете ли Вы в виду 1943 год, говоря о событиях в Греции?*

Вислицени: *Это ошибка. События в Греции произошли в 1943 году.*

Брокхарт: *К каким соглашениям Вы пришли с доктором Меркелем и какие меры были приняты?*

Вислицени: *В Салониках евреев согнали сначала в определенные кварталы. В Салониках жило около 50 тысяч евреев испанского происхождения. В начале марта, после того как всех евреев собрали вместе, пришла телеграмма от Эйхмана, предписывавшая тотчас же отправить всех евреев, находившихся в Салониках и в Македонии, в Освенцим. С этим приказом я и Бруннер отправились в военную администрацию. Не было сделано никаких возражений со стороны военной администрации, и мероприятия были подготовлены и проведены. Бруннер сам руководил*

всей операцией в Салониках. Эшелоны, необходимые для отправки евреев, были затребованы у начальника военных перевозок. Бруннеру нужно было только указать, сколько вагонов ему понадобится и что с ними надо делать.

Брокхарт: *Оставлялись ли еврейские рабочие по требованию Меркеля или военной администрации?*

Вислицени: *Да, для строительства железных дорог военная администрация потребовала 3 тысячи евреев мужчин, которые и были ей предоставлены. После того как эти работы были закончены, евреи были обратно отданы в ведение Бруннера, и их, так же как и других, отправили в Освенцим. Эти работы проводились в рамках организации Тодта.*

Брокхарт: *Какое количество еврейских рабочих было выделено для организации Тодта?*

Вислицени: *3—4 тысячи.*

Брокхарт: *Имели ли место какие-нибудь заболевания среди евреев, предназначенных для отправки.*

Вислицени: *В самом концлагере не было особых случаев заболеваний. Однако в некоторых кварталах города, заселенных евреями, свирепствовал сыпной тиф и другие заразные болезни, особенно туберкулез легких.*

Брокхарт: *Если Вы действительно связывались с Эйхманом по вопросу заболеваний тифом, то как?*

Вислицени: *Я связался с Эйхманом по телефону после того, как поступила телеграмма с сообщением о заболевании тифом. Я обратил на это его внимание. Однако он отдал приказ о немедленной отправке евреев.*

Брокхарт: *Сколько всего евреев было собрано и отправлено из Греции?*

Вислицени: *Более 50 тысяч евреев, я думаю, до 54 тысяч евреев было вывезено из Македонии и Салоник.*

Брокхарт: *На чем основана эта цифра?*

Вислицени: *Я сам читал сводный отчет, составленный Бруннером для Эйхмана после завершения операции. Бруннер покинул Салоники в конце мая 1943 года. Я сам с начала апреля до конца мая не был в Салониках, так что Бруннер сам провел эту операцию.*

Брокхарт: *Сколько эшелонов было использовано при отправке евреев из Салоник?*

Вислицени: *Больше 20, приблизительно от 20 до 25 эшелонов.*

Брокхарт: *Сколько человек отправлялось в каждом эшелоне?*

Вислицени: *Не менее 2 тысяч, в некоторых случаях до 2,5 тысяч в каждом.*

Брокхарт: *Какие вагоны использовались для этих эшелонов?*

Вислицени: *Это были закрытые товарные вагоны. Высылавшимся давались продукты примерно на 10 дней, главным образом хлеб, маслины и другие сухие продукты, а также вода и медикаменты...*

Брокхарт: *Вы сказали, что в отношении евреев, вывезенных в Освенцим, было применено «окончательное решение». Что Вы под этим подразумеваете?*

Вислицени: *Я имею в виду то, что сказал мне Эйхман об*

«окончательном решении», а именно физическое истребление. Насколько я мог понять из разговоров с Эйхманом, уничтожение евреев происходило в газовых камерах, а тела их затем сжигались в крематориях.

Брокхарт: *Не сообщите ли Вы кратко относительно мероприятий в Венгрии, которые там проводились, и относительно Вашего в них участия?*

Вислицени: *После вступления немецких войск в Венгрию Эйхман отправился туда с большой командой. Приказом, подписанным начальником СД, я был откомандирован в штаб Эйхмана. Эйхман начал свою деятельность в Венгрии с марта 1944 года. Он установил также связь с членами венгерского правительства. Первое мероприятие, которое было предпринято Эйхманом в контакте с венгерскими правительственными чиновниками, была концентрация евреев в Венгрии в определенных местах, производилось это насильственно. Проведение этих мер происходило по зонам и началось с так называемой Карпатской Руси и Трансильвании.*

Начало этой операции приходится на середину апреля 1944 года.

Эта операция распространялась в Закарпатской Украине на более чем 200 тысяч евреев. Вследствие этого в маленьких городах и сельских общинах, в которых концентрировались евреи, возникли невыносимые условия в отношении размещения и питания. Поэтому Эйхман предложил венграм отправить этих евреев в Освенцим и другие концентрационные лагеря. Он, однако, настоял на том, чтобы венгерское правительство обратилось к нему с этим предложением. Это ходатайство последовало от министра фон Бакера. Эвакуация была проведена венгерской полицией.

Эйхман сам назначил меня офицером связи при подполковнике Ференце, который был уполномоченным от министерства внутренних дел Венгрии для проведения этой операции. Вывоз евреев из Венгрии начался в мае 1944 года, причем эвакуация происходила по зонам: сначала из Карпатской Руси, потом Трансильвании, потом северной Венгрии, южной Венгрии и, наконец, западной Венгрии. Будапешт должен был быть очищен от евреев в конце июня. Но эвакуация не состоялась, так как этого не допустил регент Хорти. Эта операция охватила около 450 тысяч евреев. Вторая операция...

Брокхарт: *Сначала сообщите Трибуналу, что было предпринято в отношении организации эйнзатцгрупп для совершения действий против евреев в Венгрии, если это действительно имело место.*

Вислицени: *В начале марта 1944 года была организована эйнзатцгруппа полиции безопасности и СД в Маутхаузене недалеко от Линца. Эйхман сам был во главе так называемой эйнзатцкоманды, в которой он собрал всех людей, выполнявших специальные функции. Эта эйнзатцкоманда была создана в Маутхаузене. Она была подчинена начальнику эйнзатцгруппы, тогда штандартенфюреру доктору Гешке. Эйхман лично находился в подчинении у начальника эйнзатцгруппы, но в определенных вопросах Эйхман подчинялся только начальнику СД.*

Брокхарт: *Каковы были задачи эйнзатцкоманды в Венгрии?*

Вислицени: *Деятельность Эйхмана в Венгрии охватывала все связанные с еврейской проблемой вопросы.*

Брокхарт: *Под чьим непосредственным руководством была организована эйнзатцкоманда?*

Вислицени: *Я уже сказал, что во всех вопросах экономического порядка и в кадровых вопросах Эйхман подчинялся командиру эйнзатцгруппы штандартенфюреру доктору Гешке, но Гешке не мог давать Эйхману никаких деловых указаний. Эйхман докладывал о всех своих действиях прямо в Берлин.*

Брокхарт: *Кому?*

Вислицени: *Или группенфюреру Мюллеру, или в более важных случаях начальнику полиции безопасности и СД, то есть Кальтенбруннеру.*

Брокхарт: *В течение периода, когда производился отбор венгерских евреев, какой контакт поддерживался, если таковой действительно имел место, между объединенным распределительным комитетом по еврейским вопросам и представителем Эйхмана?*

Вислицени: *Распределительный комитет пытался установить связь с Эйхманом для того, чтобы попытаться изменить участь венгерских евреев. Я сам наладил эту связь с Эйхманом. Мне хотелось найти способ, с помощью которого это мероприятие не распространилось бы на полмиллиона находившихся в Венгрии евреев. Распределительный комитет делал Эйхману предложения, требуя взамен, чтобы евреи остались в Венгрии. Эйхман должен был сообщить об этих предложениях Гиммлеру, но он медлил. Гиммлер вел дальнейшие переговоры с штандартенфюрером Бехером, а Бехер вел переговоры с доктором Кастнером. Эйхман с самого начала пытался сорвать эти переговоры. Еще до достижения конкретных результатов он хотел отправить как можно больше евреев в Освенцим.*

Брокхарт: *Вставал ли вопрос о каких-нибудь денежных суммах во время этих совещаний между доктором Кастнером и Эйхманом?*

Вислицени: *Да.*

Брокхарт: *О каких суммах?*

Вислицени: *Во время первого совещания Кастнер передал Эйхману около трех миллионов пенго от имени Объединенного комитета по еврейским делам. Как велики были суммы, о которых шла речь на дальнейших совещаниях, мне неизвестно.*

Брокхарт: *Кому доктор Кастнер передал эти деньги и что стало в дальнейшем с ними?*

Вислицени: *Эти деньги были переданы Эйхману. Он передал их моему казначею, а затем они были переданы начальнику полиции безопасности и СД в Венгрии.*

Брокхарт: *Теперь о действиях, о которых Вы говорили и которые распространились примерно на 450 тысяч евреев, вывезенных из Венгрии. Скажите, говорилось ли об этих фактах угона в официальных сообщениях, посылаемых в Берлин?*

Вислицени: *Да, о каждом отходящем эшелоне посылался отчет в Берлин. Эйхман время от времени посылал сводные отчеты главному управлению имперской безопасности и начальнику управления государственной полиции.*

Брокхарт: *Теперь в отношении евреев, которые оставались в Будапеште. Какие меры принимались в отношении этих евреев, если они действительно принимались?*

Вислицени: *После того как Салаши стал во главе правительства в Венгрии...*

Брокхарт: *Что произошло с евреями, на которых Вы уже ссылались, примерно с 450 тысячами евреев?*

Вислицени: *Они были все без исключения доставлены в Освенцим, и там с ними поступили согласно понятию «окончательное решение».*

Брокхарт: *Вы хотите сказать, что они были убиты?*

Вислицени: *Да, за исключением тех 25—30 процентов, которые были использованы на работах. Я ссылаюсь при этом на мое упоминание о совещании, которое состоялось в этой связи между Гессом и Эйхманом в Будапеште.*

Брокхарт: *Теперь возвращаюсь к тем евреям, которые оставались в Будапеште. Что с ними произошло?*

Вислицени: *В октябре-ноябре 1944 года было отобрано и отправлено в Германию около 30 тысяч евреев или, может быть, несколькими тысячами больше. Там их должны были использовать в качестве рабочей силы на строительстве так называемого Юго-восточного вала—укрепленных позиций вблизи Вены. Речь при этом шла главным образом о женщинах.*

Они должны были пройти около 200 км пути из Будапешта до германской границы пешком. Они были разделены на маршевые группы и шли по специальным, заранее предписанным маршрутам. Их размещение и снабжение во время марша было чрезвычайно плохим. Большинство из них заболело и обессилело. Я получил от Эйхмана приказ принять их на германской границе и передать их гаулейтеру Нижнего Дуная для использования на работах. Во многих случаях я отказывался от этой рабочей силы, так как люди были обессилены и больны. Эйхман заставлял меня брать и этих людей и в этом случае даже грозил мне, что он предложит Гиммлеру заключить меня в концентрационный лагерь, если я буду и дальше создавать ему политические трудности. Из-за этого случая я был потом удален из отдела Эйхмана.

Большая часть этих рабочих погибла в так называемых трудовых лагерях на Нижнем Дунае вследствие истощения и заболевания эпидемическими болезнями. Большая часть этих людей, около 12 тысяч человек, была отправлена в Вену или в ее окрестности, и около 3 тысяч было отправлено в Берген-Бельзен, а затем они попали в Швейцарию. Это были евреи, которые в ходе переговоров с комитетом были выпущены из Германии.

Брокхарт: *Суммируя все, что касается действий в Греции, Венгрии и Словакии, какое количество евреев при-*

мерно было охвачено мероприятиями со стороны гестапо и СД в этих странах, о которых Вам лично известно?

Вислицени: *В Словакии — около 66 тысяч, в Греции — около 64 тысяч, в Венгрии — свыше 500 тысяч.*

Брокхарт: *Что касается Хорватии и Болгарии, относительно которых Вы несколько осведомлены, скажите, какое количество евреев было охвачено там этими мероприятиями?*

Вислицени: *В Болгарии, насколько мне известно, — около 8 тысяч евреев, относительно Хорватии я знаю только о 3 тысячах евреев, доставленных летом 1942 года в Освенцим из Аграма.*

Брокхарт: *Имели ли место совещания специалистов по еврейскому вопросу из отдела IV-A-4 в тот период, о котором идет речь в документе, на который Вы ссылались ранее?*

Вислицени: *Да, Эйхман имел обыкновение каждый год проводить большие совещания в Берлине со своими сотрудниками. Эти совещания в основном происходили в ноябре. Сотрудники, работавшие за границей, должны были на этих совещаниях делать отчеты о своей деятельности. Одно такое совещание не состоялось в 1944 году потому, что Эйхман в ноябре 1944 года был еще в Венгрии.*

Брокхарт: *Что Вам лично известно о том, в отношении скольких евреев было принято «окончательное решение», то есть сколько евреев было умерщвлено?*

Вислицени: *Точное число мне очень трудно установить. У меня лишь одна отправная точка — это разговор между Эйхманом и Гессом в Вене, во время которого он сказал, что среди евреев, доставленных из Греции в Освенцим, очень немногие оказались трудоспособными. Из евреев, прибывших из Чехословакии и Венгрии, 25—30 процентов были трудоспособными. Поэтому мне очень трудно точно указать правильную цифру.*

Брокхарт: *Во время совещаний с другими специалистами по еврейскому вопросу и Эйхманом не стало ли Вам известно или не получали ли Вы каких-нибудь сведений относительно общего количества евреев, умерщвленных согласно этой программе?*

Вислицени: *Эйхман лично говорил всегда самое малое о 4 миллионах евреев, иногда он называл цифру в 5 миллионов. По моей личной оценке, по крайней мере 4 миллиона евреев попали под действие приказа об «окончательном решении». Сколько из них действительно осталось в живых, я не могу, конечно, сказать.*

Брокхарт: *Когда Вы последний раз видели Эйхмана?*

Вислицени: *В последний раз я видел Эйхмана в конце февраля 1945 года в Берлине. Он сказал тогда, что, если война будет проиграна, он покончит жизнь самоубийством.*

Брокхарт: *Назвал ли он тогда общее число евреев, которые были убиты?*

Вислицени: *Да, он высказался тогда особенно цинично. Он сказал, что ему можно улыбаться, так как иметь на совести пять миллионов людей доставляет ему исключительное удовольствие.*

Брокхарт: *У меня все вопросы...*

Из допроса свидетеля А. Г. СУЦКЕВЕРА[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г.

Смирнов: *Я прошу Суд о вызове для подтверждения данных, приведенных в одном из разделов моего доклада, свидетеля Абрама Герцевича Суцкевера, еврейского писателя, семья которого и сам он стали жертвами немецко-фашистских преступников, временно оккупировавших территорию Литовской ССР. Я прошу разрешить допрос этого свидетеля.*

Председатель: *Да, пожалуйста.*

(В зал вводят свидетеля)

Председатель: *Назовите Вашу фамилию.*

Свидетель: *Суцкевер Абрам Герцевич.*

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

(Свидетель повторяет слова присяги)

Смирнов: *Скажите, пожалуйста, свидетель, где Вас застала немецкая оккупация?*

Суцкевер: *В городе Вильно.*

Смирнов: *Вы находились в этом городе в период немецкой оккупации длительное время?*

Суцкевер: *Я во время немецкой оккупации находился там с первого и почти до последнего дня.*

Смирнов: *Вы являлись очевидцем преследования евреев в этом городе?*

Суцкевер: *Да.*

Смирнов: *Я просил бы Вас рассказать об этом Суду.*

Суцкевер: *Когда немцы захватили город Вильно, в нем находилось приблизительно 80 тысяч евреев. Тотчас же на Виленской улице, 12, была создана так называемая «зондеркоманда» с начальниками Швейхенбергом и Мартином Вейсом. Ловцы этой зондеркоманды, или, как их называли евреи, «хапуны», врывались днем и ночью в еврейские помещения, забирали оттуда мужчин, приказывали им взять с собой кусок мыла и полотенце и загоняли их в помещения, которые находились в направлении местечка Понары, что в 8 километрах от города Вильно. Оттуда почти никто не вернулся. Когда евреи стали узнавать, что их родные не возвращаются, большая часть населения спряталась, но немцы стали искать их с собаками. Многих находили, а тех, кто не хотел идти за ними, расстреливали на месте. Я должен сказать, что немцы заявляли, что они истребляли еврейский народ как бы законно. 8 июля был издан приказ о том, чтобы евреи носили на спине заплатки, потом было приказано, чтобы они эти заплатки стали носить на груди. Этот приказ был подписан комендантом города Вильно Ценфеннигом. Но на второй день какой-то комендант Нейман издал новое распоряжение, что эти*

---

[1] IMT, vol. 8, p. 300—308.

заплатки нельзя носить, а что нужно носить желтый сионский знак.

Смирнов: *Что значит желтый сионский знак?*

Суцкевер: *Это шестиугольная нашивка на груди и на спине, чтобы отличить евреев среди населения города. На третий день было велено носить синюю повязку с белым знаком. Евреи не знали, какой знак нужно носить, так как мало жили в городе. Если евреи не носили этого знака, их сейчас же арестовывали, и больше уже никогда никто их не видел.*

17 июля 1941 г. я был свидетелем большого погрома в Вильно на улице Новгородской. Руководителями этого погрома был Швейхенберг, Мартин Вейс, Херринг и немецкий начальник гестапо Шенхабер. Они окружили этот район зондеркомандой, выгнали всех мужчин на улицу, приказали им расстегнуть брюки, а руки поднять на голову... Когда это было сделано, всех евреев направили в тюрьму. Когда евреи стали идти, брюки сползали, и люди не могли идти дальше. Кто хотел рукой поддержать брюки, того тут же на улице расстреливали. Когда мы шли колонной по улице, я сам видел приблизительно 100—150 расстрелянных. Ручьи крови лились вниз по улице, как будто бы сверху шел красный дождь.

В первые дни августа в 1941 году один немец схватил меня на улице Документская. Я шел к матери. Немец сказал мне: «Идем со мной, ты будешь играть в цирке».

Когда я пошел, я увидел, что второй какой-то немец ведет еврея, старого раввина с улицы Касселя. Третий немец уже держал молодого парня. Когда мы дошли до старой синагоги на этой улице, я увидел, что там лежат дрова в форме пирамиды. Немец вытащил револьвер и сказал, что мы должны снять одежду. Когда мы разделись и остались голыми, немец взял спичку и поджег дрова. Второй немец вынес из синагоги три свитка торы, дал их нам и сказал, чтобы мы танцевали вокруг костра и пели русские песни. За нами стояли три немца, они штыками подгоняли нас к огню и смеялись. Когда мы были почти без сознания, немцы ушли.

Должен сказать, что массовое истребление еврейского народа в Вильно началось в то время, когда приехал в Вильно гебитскомиссар Ганс Финкс и референт по еврейским делам Мурер. 31 августа под руководством гебитскомиссара и Мурера...

Председатель: *В каком году?*

Суцкевер: *В 1941 году.*

Председатель: *Продолжайте.*

Суцкевер: *Под руководством Финкса и Мурера немцы окружили старые еврейские кварталы в Вильно на улицах Рудницкой, Еврейской, в переулке Галонском, на Шабельской улице, на улице Страшуне, где приблизительно жили от 8 до 10 тысяч евреев.*

Я тогда был болен и спал. Вдруг я почувствовал на себе удар нагайки. Когда я встал с кровати, я увидел перед собой Швейхенберга. Около него стояла большая собака. Он всех бил и кричал, чтобы выходили быстро во двор. Во

дворе я увидел много женщин, стариков, детей — всех евреев, которые там жили. Швейхенберг с зондеркомандой окружили всех и сказали, что нас везут в гетто. Конечно это, как и все, что говорили немцы, тоже была ложь. Мы колоннами шли по городу, а нас вели в направлении Лутищевой тюрьмы. Все знали, что нас везут на смерть.

Когда мы были около Лутищевой тюрьмы, возле так называемого Лутищева рынка я увидел целую шеренгу немцев с белыми палками, которые стояли для того, чтобы принимать нас. Когда мы проходили через строй немцев, нас били палками. Когда один падал, то приказывали следующему взять упавшего и нести в открытые ворота Лутищевой тюрьмы. Около тюрьмы я убежал. Я переплыл реку Вилию и спрятался у моей матери. Моя жена, которая попала в тюрьму и потом убежала оттуда, рассказала, что там она видела полумертвым известного еврейского ученого Прилуцкого и председателя еврейской общины в Вильно доктора Якова Вигоцкого, а также молодого историка Пинхуса Кона. Мертвыми лежали там известные артисты Хаш и Кадиш. Немцы били заключенных, грабили и всех увозили в Понары.

Шестого сентября в 6 часов утра тысячи немцев под руководством гебитскомиссара Финкса, Мурера, Швейхенберга, Мартина Вейса и других оцепили город, ворвались в еврейские дома, приказали взять только то, что можно унести в руках, и выйти на улицу. Тогда нас увели в гетто. Когда шли по той улице, где я был (это была улица Вилкомировская), я увидел, что немцы привезли больных евреев из госпиталей. Они были еще в синих халатах. Их всех поставили, а впереди ехал немецкий кинооператор и снимал эту картину.

Но я должен сказать, что не все евреи были загнаны в гетто. Финкс это сделал умышленно. Одну улицу он загнал в гетто, а другую в Понары. В Вильно раньше немцы сделали два гетто. В первом гетто было 29 тысяч евреев, а во втором гетто 15 тысяч.

Приблизительно половина еврейского населения в Вильно не дошла до гетто, была расстреляна раньше. Я помню, когда мы зашли в гетто...

Смирнов: *Правильно ли я Вас понял, что до организации гетто половина евреев в Вильно была уничтожена?*

Суцкевер: *Да, правильно.*

Когда я пришел в гетто, я увидел такую картину. Мартин Вейс зашел с маленькой еврейской девочкой. Когда мы пошли дальше, он вытащил револьвер и застрелил ее. Имя этой девочки Гителе Тарло.

Смирнов: *Скажите, сколько лет было девочке?*

Суцкевер: *Одиннадцать.*

Я должен сказать, что гетто немцы сделали только потому, чтобы легче было уничтожать население. Начальником гетто был референт по еврейским делам Мурер. Он

давал всякие дикие распоряжения. Например, евреям нельзя было носить часы. Евреям нельзя молиться в гетто. Когда заходит немец в гетто, нужно снять шапку, но нельзя смотреть на него.

Смирнов: *Это было официальное распоряжение?*

Суцкевер: *Да, от Мурера.*

Смирнов: *Эти распоряжения были расклеены?*

Суцкевер: *Да, в гетто.*

Тот же Мурер, когда заходил в гетто, туда, где работали для него, давал распоряжение, чтобы все работники падали на землю и лаяли, как собаки.

В судный день в 1941 году Швейхенберг и та же зондеркоманда ворвались во второе гетто и выхватили всех стариков, которые были в синагогах, и увезли в Понары.

Я помню один день, когда Швейхенберг пришел в это второе гетто и ловцы хватали евреев.

Смирнов: *Что значит «ловцы», свидетель?*

Суцкевер: *Это те из зондеркоманды, которые хватали евреев. Их называли ловцами.*

Смирнов: *Значит, это солдаты зондеркоманды, которых население называло ловцами?*

Суцкевер: *Да, правильно. Эти ловцы вытаскивали евреев из подвалов и хотели их увести. Но евреи уже знали, что никто не придет обратно, и не хотели идти. Тогда Швейхенберг начал стрелять в население гетто. Около него, помню точно, стояла большая собака. И когда эта собака услышала эту стрельбу, она наскочила на Швейхенберга и начала грызть ему горло, как будто бы она взбесилась. Тогда Швейхенберг убил эту собаку и сказал, чтобы евреи похоронили эту собаку и плакали над гробом. Да, действительно, мы тогда плакали, что в земле лежит не Швейхенберг, а эта собака.*

В конце декабря 1941 года в гетто стало известно распоряжение, что женщинам-еврейкам нельзя рожать.

Смирнов: *Я прошу Вас сообщить, свидетель, в какой форме было сделано немецко-фашистскими властями это распоряжение.*

Суцкевер: *В госпиталь пришел Мурер и сказал, что пришло распоряжение из Берлина, что еврейским женщинам нельзя рожать, и если они узнают, что еврейская женщина родила ребенка, то этот ребенок будет уничтожен.*

В конце декабря моя жена родила мальчика. Я тогда в гетто не был, а убежал во время одной резни, или, как их называют, акции. Когда я пришел, я узнал, что в госпитале в гетто моя жена родила ребенка. Но я увидел, что этот госпиталь окружен немцами и стоит черная машина. Около машины стоит Швейхенберг, и эти самые ловцы несут из госпиталя стариков и больных и бросают их, как дрова, в автомобиль. Между ними я увидел еврейского писателя и редактора Гроднинского, которого бросили в автомобиль.

Когда вечером немцы ушли, я зашел в госпиталь и увидел мою жену заплаканной. Оказалось, что когда она родила ребенка, то еврейские врачи из этого госпиталя

уже имели распоряжение, что еврейским женщинам нельзя рожать. Врачи этого ребенка вместе с другими спрятали в одну комнату. Но когда зашла эта комиссия с Мурером, они услышали, что там плачут дети. Они вырвали дверь, и зашли в эту комнату. Когда моя жена услышала, что вырвали дверь, то она сразу вскочила, чтобы увидеть, что с ребенком. И она увидела, что один немец держит ребенка и кладет ему что-то под нос, а потом бросил его на кровать и смеется. Когда моя жена взяла ребенка, под носом у него было черное. И когда я зашел в госпиталь, то увидел моего ребенка мертвым. Он был немного еще теплым.

На второй день я пришел к матери в гетто и увидел, что комната пуста. На столе — открытый молитвенник и недопитый стакан чая. Я узнал, что ночью немцы окружили этот двор и всех взяли и направили в Понары.

В последние дни декабря в 1941 году Мурер сделал «подарок» для гетто. В гетто приехала подвода с обувью с мертвых евреев, расстрелянных в Понарах. Эту старую обувь он отослал из Понар в подарок в гетто, и тогда среди этой обуви я узнал туфли моей матери.

Скоро было совсем уничтожено второе гетто, и в немецких газетах в Вильно было написано, что евреи из этого района вымерли от эпидемии.

23 декабря ночью приехал Мурер и раздал населению 3 тысячи желтых билетов, так называемых «генауаусвайс». Владельцы этих 3 тысяч желтых билетов имели право прописать у себя родных, приблизительно 9 тысяч человек, а в гетто было тогда приблизительно от 18 до 20 тысяч. Те, которые имели эти желтые бумажки, утром вышли на работу, а в отношении остальных, которые были в гетто и не имели этих бумажек, началась резня в самом гетто. Убивали тех, кто не хотел идти на смерть. Остальных увезли в Понары. У меня даже есть документ о еврейских одеждах в Понарах, который я нашел у Вингста после освобождения города Вильно. Если этот документ интересен, я могу его показать.

Председатель: *У Вас имеется этот документ?*

Суцкевер: *Да, я прочту несколько строчек (читает по-немецки):*

«Телефон 19-36. Вильно, 3 ноября 1941 г. Господину гебитскомиссару Вильно. По Вашему приказу наше заведение в настоящее время дезинфицирует все старые еврейские платья из Понар и передает их управлению Вильно».

Смирнов: *Свидетель, поскольку Вы огласили какой-то документ, Вы обязаны передать его Суду, ибо мы в противном случае будем лишены возможности судить об этом документе.*

Суцкевер: *Пожалуйста.*

Председатель: *Скажите нам прежде всего, где был найден этот документ?*

Суцкевер: *Я нашел этот документ в гебитскомиссариате*

города Вильно в июле 1944 года, когда наш город уже был очищен от немецких захватчиков...

Председатель: *Вы хотите сказать, что это здание было занято немцами?*

Суцкевер: *Там был гебитскомиссариат, там жили Ганс Финкс и Мурер.*

Смирнов: *Свидетель, Вы сказали о том, что в период начала немецкой оккупации в Вильно было 80 тысяч евреев. Сколько евреев осталось после оккупации Вильно?*

Суцкевер: *После оккупации Вильно осталось приблизительно 600 человек.*

Смирнов: *Значит, 79 400 человек были уничтожены?*

Суцкевер: *Да.*

Смирнов: *У меня нет больше вопросов к свидетелю, господин председатель.*

Председатель: *Хотят ли задать вопросы свидетелю другие обвинители?*

Максуэлл-Файф: *Вопросов нет.*

Додд: *Вопросов нет.*

Председатель: *Желают ли защитники задать вопросы? Нет? В таком случае свидетель свободен.*

672

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми т.
Н97 Т. 5. — М.: Юрид. лит., 1991 — 672 с.

ISBN 5-7260-0625-9

В пятый том сборника помещены материалы о военных преступлениях, не вошедшие в предыдущий том, а также тексты речей обвинителей и документы, свидетельствующие о совершении нацистами преступлений против человечности, т. е. преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам, изуверские опыты над людьми, умерщвление детей, престарелых людей и психически больных.

Для юристов, историков, широкого круга читателей. В издании использованы архивные фотодокументы.

Н $\frac{1207000000-138}{012(01)-91}$ подписное **67.91**

ISBN 5-7260-0625-9(т. 5)
ISBN 5-7260-0015-3
(все издание)

Редактор *В. В. Титов*
Художник *В. И. Пантелеев*
Художественный редактор *А. Б. Бобров*
Технический редактор *О. П. Соловова*
Корректоры *Л. В. Аносова, Л. А. Перовская*

ИБ № 2439. Массово-политическое издание

Сдано в набор 16.01.90. Подписано в печать 07.08.91.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная.
Объем: усл. печ. л. 42; усл. кр-отт. 54,37; уч.-изд. п. 49,52.
Тираж 70 000 экз. Заказ № 219. Цена 7 руб.
Издание подготовлено к печати на ЭВМ и
фотонаборном оборудовании
в ордена «Знак Почета» издательстве
«Юридическая литература».
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Отклонения по качеству обусловлены состоянием оригиналов, представленных для съемки.

Ярославский полиграфкомбинат
Госкомпечати СССР.
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

5 ТОМ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС ТОМ 5

Убийство и жестокое обращение с мирным населением

Концентрационные лагеря

Уничтожение славянских и других народов

Преследование евреев

Допросы свидетелей

Документы

Юридическая литература

7 руб.

ТОМ 5

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов

ТОМ 5